

О.К. АНТРОПОВ

**ИСТОРИЯ
ОТЕЧЕСТВЕННОЙ
ЭМИГРАЦИИ**

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ РФ
АСТРАХАНСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

О.К. Антропов

ИСТОРИЯ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ЭМИГРАЦИИ

Учебное пособие

Издательский дом «Астраханский университет»
2011

УДК 940.5

ББК 66

A72

Рекомендовано к печати редакционно-издательским советом
Астраханского государственного университета

Рецензенты:

кандидат исторических наук, доцент С.В. Карпенко
(Российский государственный гуманитарный университет);
кандидат исторических наук, доц. Н.А. Дроздова
(Саратовская государственная академия права);
кандидат философских наук, доц. Н.Н. Мизулина
(Астраханская государственная медицинская академия)

Антропов О. К. История отечественной эмиграции : учебное пособие / О. К. Антропов. – Астрахань : Астраханский государственный университет, Издательский дом «Астраханский университет», 2011. – 409 с.

Рассматриваются история четырех волн отечественной эмиграции и культурное наследие российских и советских эмигрантов.

В работе использованы малоизвестные источники, мемуарная литература и обобщения концепций советских и российских историков, политологов, публицистов.

ISBN 978-5-9926-0531-0

© Астраханский государственный университет,
Издательский дом «Астраханский университет», 2011
© О. К. Антропов, 2011
© А. И. Мартынов, дизайн обложки, 2011

СОДЕРЖАНИЕ

КНИГА ПЕРВАЯ.

СОЦИАЛЬНАЯ И ПОЛИТИЧЕСКАЯ СФЕРЫ ЖИЗНЕДЕЯТЕЛЬНОСТИ	5
Введение	5
Часть 1. Глава I. Эмиграция как результат Октябрьской революции и гражданской войны	10
Глава II. Формирование российской диаспоры в Европе, Азии, Америке, Австралии	14
Глава III. Концепция жизни и менталитет российской эмиграции	35
Глава IV. Политический климат Российского зарубежья	45
Библиографический список	58
Часть 2. Глава I. Идеологическая и политическая эволюция русской эмиграции	61
Глава II. Русский фашизм: надежды и крах	80
Глава III. Эмигрантские военно-политические доктрины борьбы с большевизмом 1920–1930-х гг.	89
Глава IV. Белая эмиграция и Великая Отечественная война	101
Заключение	110
Библиографический список	111

КНИГА ВТОРАЯ.

КУЛЬТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ РОССИЙСКОЙ ЭМИГРАЦИИ	113
Введение	113
Часть 1. Глава I. Культурные центры Российского зарубежья	116
Глава II. Научные и научно-технические достижения российских эмигрантов	134
Глава III. Философские и социологические мысли российских эмигрантов	144
Глава IV. Экономические концепции русских ученых-эмигрантов	166
Библиографический список	172
Часть 2. Глава I. Русские историки-эмигранты	175
Глава II. Правоведы и публицисты российской эмиграции	187
Глава III. Литература российского зарубежья	200
Глава IV. Искусство российской эмиграции	213
Заключение	237
Библиографический список	239

КНИГА ТРЕТЬЯ.

ВТОРАЯ ВОЛНА ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ЭМИГРАЦИИ И ЕЕ КУЛЬТУРА	241
Введение	241
Глава I. Советский коллаборационизм в годы Великой Отечественной войны	244
Глава II. Русское освободительное движение. 1943–1945 гг.	254
Глава III. Ялтинский сговор союзников о репатриации советских граждан	270
Глава IV. Расселение второй волны эмиграции	277
Глава V. Культура второй волны эмиграции	285
Заключение	298
Библиографический список	299

КНИГА ЧЕТВЕРТАЯ.

ТРЕТЬЯ ВОЛНА ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ЭМИГРАЦИИ	301
Введение	301
Глава I. Диссидентское движение в СССР	303
Глава II. Национально-этническая и политическая эмиграция	326
Глава III. Культура третьей волны эмиграции	341
Глава IV. Четвертая волна отечественной эмиграции	389
Заключение	401
Библиографический список	405

КНИГА ПЕРВАЯ

СОЦИАЛЬНАЯ И ПОЛИТИЧЕСКАЯ СФЕРЫ ЖИЗНЕДЕЯТЕЛЬНОСТИ

ВВЕДЕНИЕ

История России замешана на крови своего народа. В ней было немало жестоких социальных катаклизмов, но XX в. принес России новые страдания и жертвы, которые она не испытывала со времен татаро-монгольского нашествия и ига. К числу таких испытаний относятся Первая мировая война, Октябрьская революция и гражданская война, сталинский геноцид, массовые репрессии, Великая Отечественная война и, наконец, распад великой державы – СССР. В XX в. Россия столкнулась с таким явлением, как массовая эмиграция россиян в 1917–1922 гг., в период Отечественной войны, в годы расцвета диссидентства и продолжающаяся до наших дней.

Над отечественной эмиграцией десятилетиями висела пелена исторического забвения. Об эмиграции, о судьбах наших соотечественников, о культуре Российского зарубежья советские люди почти ничего не знали. Эмиграция оставалась для многих тайной. Известно, что важным условием жизнедеятельности нации, сохранения ее традиций и менталитета является историческая память народа. Большевики пытались лишить русский народ национальных корней, вытравить из его сознания память о выдающихся гражданах России, которые под страхом красного террора покинули Родину или были высланы за пределы страны. Восстановление исторических имен и деяний соотечественников-эмигрантов в сознании молодежи невозможно без программного изучения истории отечественной эмиграции и культуры Российского зарубежья. Российская эмиграция занимала достойное место в мировой истории в области науки и техники, общественной мысли, литературы, искусства, оказывала благотворное воздействие на мировую цивилизацию. Это достояние зарубежных соотечественников должно пополнить интеллектуальное богатство России и быть известно молодежи. Вот почему кафедра отечественной истории и политологии АГУ разработала программу спецкурса: «История отечественной эмиграции и культура Российского зарубежья». Введение спецкурса обусловлено изменением общей концепции отечественной истории, новыми требованиями к преподаванию истории в высшей и средней школах.

Классовый, идеологический подход был препятствием для плодотворного диалога с Российским зарубежьем, и лишь в последние года мы стали фрагментарно знакомиться с русской зарубежной культурой. Сейчас, когда мы пересматриваем многие стереотипы, в том числе образ русского эмигранта, настало время внести переоценки культурного наследия наших зарубежных соотечественников. Оказалось, что можно не принимать социализм и любить Россию и ее народ. Можно говорить о тупиковом и непредсказуемом пути развития России в XX в. и в то же время глубоко переживать ее проблемы, состояние общества и верить в ум и силу народа, в мощь и будущее покинутой Родины.

Таким образом, актуальность изучения истории отечественной эмиграции и культуры Российского зарубежья обусловлена, во-первых, необходимостью освоить опыт и знания эмигрантов, чтобы использовать их наследие для возрождения национальной культуры России; во-вторых, извлечь уроки из прошлого, чтобы избежать политических ошибок в настоящем и будущем. Наконец, изучение Российского зарубежья, его культуры имеет как познавательное, так и практическое значение. Оно позволяет студентам овладеть новыми и привести в систему уже имеющиеся знания о жизни и деятельности соотечественников-эмигрантов, что, безусловно, пригодится им в работе с учащимися в школьном процессе преподавания предмета. Спецкурс расширяет позна-

вательные границы истории Отечества и дает возможность прикоснуться к иному миру, иной духовности, иному мышлению. Студенты должны знать, какой гигантский пласт культуры создан россиянами-эмигрантами и какой ценой наши соотечественники адаптировались в западных условиях, сохранив при этом национальный менталитет.

В то же время культурное наследие российской эмиграции оказывает воспитательное воздействие. Овладение этим наследием, созданным особенно эмигрантами первой волны, способствует осознанию величины интеллектуальной и духовной утраты для России в результате большевистской политики, позволяет почувствовать наше глубинное родство с этим миром, неразрывную культурную и психологическую связь нашего Отечества, наших людей с Российским зарубежьем, воспитывает у молодых россиян чувство солидарности и патриотизма.

В течение всех лет господства коммунистической идеологии и запретов на инакомыслие никаких объективных источников по истории отечественной эмиграции не публиковалось в нашей стране, либо они, появившись в 1920-х гг., надолго осели в мрачных «спецхранах». Даже в специальной литературе, предназначенной для узкого круга исследователей, ссылка на подобные источники давалась скороговоркой, а на некоторые вообще не допускалась.

Выпускники сталинской школы фальсификации, которым было разрешено печататься, рассматривали в недалеком прошлом российскую эмиграцию (как правило, первую волну), как скопище бывших эксплуататоров, белогвардейских убийц, реакционной интеллигенции, мечтавших и готовившихся к новой гражданской войне. Всю эмиграцию изображали нищенствующей, опустившейся на дно западного общества. Эта тенденция коснулась многих историков. Исследования второй и третьей волн эмиграции до недавнего времени считались закрытыми и не были известны широкому читателю.

В 1920-х гг. идейную борьбу с эмиграцией вели такие государственные деятели и ученые, как А.С. Бубнов, В.Н. Мещеряков, Н.Н. Попов, А.Н. Покровский, И.И. Минц. В эти годы были опубликованы брошюры вернувшихся в 20-х гг., после объявления советским правительством амнистии, эмигрантов. Среди них были И. Лунченков, Л. Владимиров, Г. Федоров, А. Бобрищев-Пушкин. После Второй мировой войны опубликовали свои воспоминания о жизни российской эмиграции вернувшиеся на родину А. Вертинский, П. Шостаковский, Л. Любимов, Д. Мейснер, Б. Александровский, Г. Бенуа, П. Оболенский.

В советской историографии 1970–1980-х гг. заметно выделяются работы о российской эмиграции Г.З. Иоффе, Ю.В. Мухачева, Л.К. Шкаренкова, Г.Ф. Барихновского, И.Н. Трифонова, В.В. Комина, Д.Л. Голикова. Период гласности и переоценки ценностей не дал сколько-нибудь серьезных исторических исследований по отечественной эмиграции. Работы по этой теме во второй половине 1980-х – начале 1990-х гг. носят журналистско-публицистический характер. В свете этого обращает на себя внимание выпущенная в 1991 г. издательством Московского университета книга профессора А.Г. Соколова «Судьба русской литературной эмиграции 1920-х гг.».

В конце 1980-х гг. стали издаваться книги, авторами которых являются русские эмигранты, не вернувшиеся на родину. Печатаются мемуарная литература в основном бывших генералов и офицеров императорской армии (Деникина, Врангеля, Краснова, Гуля, Леховича и др.), труды русских философов, экономистов, произведения писателей, написанные в эмигрантский период. Издаются работы зарубежных исследователей российской эмиграции.

Институт российской истории РАН в апреле 1993 г. провел в Москве научную конференцию «Роль Русского зарубежья в сохранении и развитии отечественной культуры». В сентябре 1993 г. РАН организовала в Москве Международную научную конференцию по проблеме: «Культурное наследие российской эмиграции: 1917–1940-е гг.». Материалы тези-

сов докладов были размножены с помощью копировальной техники, но, к сожалению, небольшим тиражом. РАН и институт намеревались регулярно проводить такие конференции.

Объектом авторского исследования являются отечественная эмиграция и российская диаспора в странах и на континентах. Предмет исследования составляют социальные и идейно-политические проблемы жизнедеятельности эмигрантов, культурное наследие российского зарубежья как составная часть общенациональной культуры.

История отечественной эмиграции и культура российского зарубежья не собраны советской и российской историографией воедино в одной книге. Они рассматриваются в ряде монографий, посвященных исследованию отдельных тем, локальных вопросов, чаще эмиграции первой волны как исторического явления. К тому же на вторую и третью волны эмиграции КПСС наложила «табу», затруднявшее объективные исследования. Научная новизна спецкурса выражается в том, что впервые в учебной литературе вопросы отечественной эмиграции рассматриваются в комплексе и в хронологических рамках трех волн эмиграции. Впервые делается попытка проследить в хронологической последовательности этапы формирования русской диаспоры в разных странах и показать на историческом фоне процессы развития культуры указанных волн отечественной эмиграции.

В основу периодизации спецкурса положена хронология четырех волн отечественной эмиграции. Первая волна охватывает период с 1917 г., после Февральской революции. С приходом к власти большевиков и особенно после поражения Белого движения на юге России она активизировалась в 1920 г. и продолжалась в основном на Дальнем Востоке до 1922 г. Затем эмиграция выражалась уже в форме высылки или «невозвращенцев».

Вторая волна эмиграции есть следствие Великой Отечественной войны. Люди этой эмиграции – перемещенные лица: военнопленные, молодежь, угнанная немецкими оккупантами на работу в Западную Европу, которые остались там после репатриации; граждане СССР, сотрудничавшие с фашистами в годы войны на оккупированной советской территории, и другие. Перемещенные лица и беженцы этой волны несли ментальность советского общества, но были научно и творчески малопродуктивны.

Третья волна малочисленна. Ее период охватывает конец 1960-х – начало 1980-х гг. Она имела два потока, различных по своим причинам и мотивам. Первый поток был связан с идеологическими причинами (диссидентство). Вторым обуславливался этническими факторами – возвращение евреев и немцев на исконную родину предков, и социальными мотивами – поиск лучшей жизни за рубежом (в большей степени евреями, переезжавшими преимущественно в США, а не в Израиль).

Четвертая волна эмиграции по своему характеру социально-экономическая. Ее начало можно отнести к середине 1980-х гг., когда обозначился отток из СССР высококвалифицированных специалистов, усилилась «утечка умов». Эта волна ускоренными темпами продолжает уносить за рубеж граждан России и в наши дни. Здесь мы не учитываем миграционных потоков после распада СССР в странах «ближнего зарубежья».

Главная цель учебного пособия – углубление и систематизация знаний студентов о политической и социальной сущности отечественной эмиграции, об уникальном вкладе российских эмигрантов в историю отечественной и зарубежной культуры; осмысление трагической судьбы беженцев, навсегда лишившихся Родины. В этой связи выдвигаются следующие задачи:

- восполнить те разделы отечественной истории, в которых Российское зарубежье и отечественная эмиграция в целом не рассматривались либо излагались в идеологически предвзятых, искажающих истину, аспектах, вернуть России отторгнутый пласт ее истории;
- внести переоценку навязанных свыше критериев в отношении отечественной эмиграции, преодолеть стереотипное восприятие образа эмигранта;
- выяснить, почему, как и в какой мере, русские эмигранты смогли сохранить в духовной жизни то, что советские люди потеряли в годы тоталитаризма;

• выявить то ценное в Российском зарубежье, что полезно и уместно использовать будущему учителю в школьном преподавании.

Историю отечественной эмиграции целесообразно рассматривать в контексте мировых миграционных процессов, что предполагает применение соответствующих дефиниций. Следует установить единый понятийный аппарат. В настоящее время понятия «русская эмиграция», «российская эмиграция», «отечественная эмиграция», «русское зарубежье», «российское зарубежье» используются в научной литературе произвольно и зачастую либо как синонимы, либо как неоднозначные понятия. Чаще встречается термин «российская эмиграция», которая объединяет всех покинувших свою Родину граждан России, независимо от их национальности и вероисповедания.

В потоке первой, послеоктябрьской волны эмиграции подавляющее большинство составляли русские. Масштабность этого бегства из Отечества позволяет называть его именно «русской эмиграцией». Это понятие подразумевает, в первую очередь, национальный состав эмигрантов, в данном случае русских, так сказать, «по крови» или лиц других национальностей, ставших носителями русского менталитета и причислявших себя за рубежом к русским. Понятие «российская эмиграция» шире, так как указывает страну, из которой шло переселение. Оно охватывает все слои и группы выходцев из России, среди которых были, кроме русских, украинцы, белорусы, поляки, евреи, литовцы и другие. Таким образом, понятие «российская эмиграция» включает в себя термин «русская эмиграция».

Автор, интерпретируя понятия «русская эмиграция» и «российская эмиграция», объединяет их в общую дефиницию «отечественная эмиграция», включая в это понятие вторую и третью волны эмиграции, но уже из СССР. Однако он сохраняет их использование в соответствующем контексте для обозначения первой волны эмиграции и оперирует понятием «отечественная эмиграция» при анализе второй и третьей волн.

Первую волну эмиграции, адаптировавшуюся в условиях зарубежья, создавшую колонии-поселения, ученые часто именуют «русским зарубежьем». В этом есть свой смысл. Во-первых, это само название первой волны, а во-вторых, оно отвечает размаху и трагизму событий, обрушившихся на нацию. Разбросанные по всему миру, русские эмигранты не только сохранили традиции русской культуры, но и успешно продолжали и развивали их. Это понятие имеет не демографический характер, а подразумевает некую духовную и культурную общность, и именно она стала фундаментом, на котором возник и утвердился феномен русского зарубежья. Его расцвет приходится на 1920–1930-е гг.

После возникновения российских колоний-поселений в разных странах появилась дефиниция «российское зарубежье». Это понятие более ёмкое, но аморфное по отношению к дефиниции «русское зарубежье», оно не подразумевает под собой единого этнокультурного явления, а служит для обозначения совокупности всех выходцев из российского государства и их потомков, не ассимилировавшихся до конца на новой родине.

В учебном пособии понятие «российское зарубежье» используется при характеристике первой волны эмиграции и в то же время связывается с культурным наследием отечественной эмиграции трех волн. Вторая позиция определена следующими обстоятельствами. Приоритет понятия «культура российского зарубежья» обуславливается, прежде всего, объемом вклада именно российских эмигрантов в национальную культуру, высоким интеллектуальным уровнем первой волны эмиграции, числом выдающихся личностей в области науки, литературы и искусства.

Этот вклад несоизмерим с тем культурным наследием, которое создали в совокупности две последующие советские волны эмиграции. Вторая волна эмиграции дала мало готовых талантов, ее культурный слой «дозревал» в условиях зарубежья. Диссидентский поток третьей волны принес Западу лишь единицы заметных личностей в области культуры. Однако советские эмигранты внесли свою лепту в отечественную зарубежную культуру. Поэтому понятие «культура российского зарубежья» объединяет в

себе понятия «культура русского зарубежья» (первая волна) и «культура советского зарубежья» (вторая и третья волны эмиграции). Таким образом, дефиниция «культура российского зарубежья», используется только в терминологическом значении как общее понятие, без учета конкретно-исторического содержания составляющих его понятий.

Спецкурс, для которого предназначено данное учебное пособие, существует не изолированно в рамках «Истории России», а в тесной связи с другими историческими дисциплинами. Он находится в соотношении с такой дисциплиной, как «Политическая история России в XX в.». Эта связь обусловлена тем, что политическая часть эмиграции занимала в истории России начала XX в. ведущее место в ряду политических явлений. Через историю эмигрантской политической мысли спецкурс связан с историей политических движений, течений и политологией. В учебном пособии рассматривается деятельность различных эмигрантских организаций, их борьба с советской властью, большевизмом и коммунистической идеологией, результаты и последствия этой борьбы. Среди эмигрантов было немало бывших политических деятелей России, лидеров партий, чьи концепции изучаются в рамках программы.

Спецкурс связан с «Новейшей историей». Эмигранты были рассеяны по многим странам и, естественно, разделили судьбу с народами тех стран, на территории которых они создали русские колонии-поселения. События в мире в первой половине XX в. оказали влияние на становление российской диаспоры и жизнедеятельность россиян. Дополняют курс «Новейшей истории» сведения о позиции эмигрантов первой волны в годы Второй мировой и Великой Отечественной войн, о попытках участия одной части эмиграции в войне на стороне Германии против СССР; о включении другой активной части в антифашистскую борьбу в составе югославской армии, в партизанских отрядах Тито, во французском движении Сопротивления; о материальной помощи россиянам сражающейся Родине.

Необходимым пунктом отечественной истории должны стать материалы о зарождении и разворачивании Русского освободительного движения в годы Великой Отечественной войны, об идеологии и трагической судьбе Русской освободительной армии генерала Власова, рассмотренные в учебном пособии с новой точки зрения. Найдёт свое место в истории правда о ялтинском сговоре, обязательствах союзников, их предательской роли в репатриации советских военнопленных, «дипийцев», российских эмигрантов. Не должны забыть историки и борьбу КПСС с инакомыслием в годы «застоя».

Спецкурс имеет выход на такие науки, как история русской философии и социологии, история экономической мысли, отечественная историография, правоведение, литературоведение, история русского искусства. Изучая наследие мыслителей Российского зарубежья, мы неизбежно знакомимся с оригинальными научными проблемами, которые они исследовали. Поражает широта их взглядов, предвидение будущего России при большевистской власти, современность и актуальность проблематики, глубина анализа ситуаций. Это была плеяда выдающихся общественников.

Для системного изучения истории Российского зарубежья необходимо издание в России трудов эмигрантов, мемуаров и другой эмигрантской литературы. Нужны ученые с новым мышлением, способные на непредвзятом научном уровне осмыслить эмиграцию как политическое и социальное явление, эмигрантскую политику советского периода, культурно-исторический опыт Российского зарубежья. И тогда современная, возрождающаяся Россия переживет, прочувствует все то, что перенесли изгнанники – часть нашего Отечества.

Объем учебного пособия, состоящего из трех книг, соответствует программе спецкурса. Первая книга «Социальная и политическая сферы жизнедеятельности» написана в рамках первой главы (темы) программы. Вторая книга «Культурное наследие российской эмиграции» посвящена раскрытию второй главы (темы) программы. Третья книга «Вторая волна отечественной эмиграции и ее культура» включает в себя описание второй волны отечественной эмиграции и ее культуры. Четвертая книга «Третья волна отечественной эмиграции», в ней представлены две волны отечественной эмиграции: третья и четвертая.

ЧАСТЬ 1

ГЛАВА I. ЭМИГРАЦИЯ КАК РЕЗУЛЬТАТ ОКТЯБРЬСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ И ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ

Российская эмиграция – это сложное, трагическое и уникальное явление мировой истории, требующее комплексного и объективного анализа, лишённого идеологической тенденциозности и пристрастности. Под угрозой «красного» террора наши соотечественники в период гражданской войны и после поражения белого движения вынуждены были покинуть Родину. Эмигрант барон Б.Э. Нольде в апреле 1920 г. писал: «С библейских времен не было такого грандиозного "исхода" граждан страны в чужие пределы. Из России ушла не маленькая кучка людей, группировавшихся вокруг опрокинутого жизнью мертвого принципа, ушел весь цвет страны, все те, в руках кого было сосредоточено руководство ее жизнью, какие бы стороны этой жизни мы ни брали. Это уже не эмиграция русских, а эмиграция России»¹.

Первая волна эмиграции состояла из двух этапов. После Февральской революции аристократия и крупные капиталисты, потрясенные падением монархии, стали покидать Россию в основном через финляндскую границу. Одни из них надеялись на реставрацию монархии и восстановление престола Романовых, чтобы затем вернуться в родные места; другие, трезво оценив политическую атмосферу в стране, навсегда расстались с Родиной.

Второй этап эмиграции был связан с Октябрьской революцией и гражданской войной. Сотни тысяч россиян, потеряв надежды на разгром большевизма, разными путями уходили из России, становясь беженцами. Самой массовой эмиграция была после краха белого движения. В этой связи рассмотрим оба потока эмиграции: эвакуация по морю и уход за рубеж через сухопутные границы остатков разгромленных белых армий, эвакуация гражданского населения России.

Эвакуация, как организованный вывоз и уход за рубеж воинских формирований, происходила по четырем основным направлениям: из Сибири и Дальнего Востока, с северо-запада, севера и юга России. Остатки армии Колчака ушли большей частью в Китай. Сюда перебрались в феврале 1920 г. уссурийские казаки атамана И.М. Калмыкова (Маньчжурия). В Мукдене казаки были разоружены китайскими властями, а сам атаман арестован и расстрелян. В мае 1920 г. в Китай ушли семиреченцы во главе с атаманом Анненковым. В Китай в 1918 г. перебрались амурские казаки атамана Гамова. Остатки войск атамана Семенова и каппелевцы в ноябре 1920 г. бежали в Маньчжурию и Монголию. В октябре 1922 г. в Китай, Японию и Корею ушли разбитые части «Земской рати» генерала М.К. Дитерихса.

Западная армия генерала П.Р. Бермонд-Авалова в декабре 1919 г. ушла в Германию, где ее до 1922 г. поддерживало германское правительство. Ее бывший командующий занимался в Гамбурге разработкой планов нового похода на Советскую Россию. Северо-западная армия генерала Н.Н. Юденича, отброшенная в ноябре 1919 г. в Эстонию, в январе 1920 г. была разоружена, а личный состав интернирован эстонским правительством. Северная армия генерала Е.К. Миллера в феврале-марте 1920 г. ушла из Архангельска и Мурманска в Финляндию. Петлюровцы в ноябре 1920 г. перебрались в Румынию и Польшу. Крестьянская армия батьки Махно в августе 1921 г. нашла временный приют в Румынии.

Генерал П.Н. Врангель, убедившись в бесперспективности дальнейшей борьбы, после разгрома своей армии на перешейках и падения Перекопа, что открывало больше-

¹ Мухачев Ю. В. Идеино-политическое банкротство планов буржуазного реформаторства в СССР. М. : Мысль. 1982. С. 42–43.

викам прямую дорогу в Крым, 10 ноября 1920 г. отдал приказ об эвакуации остатков войск из Крыма. В поспешном бегстве врангелевцами было брошено много военного имущества. Для эвакуации остатков армии было использовано около 126 судов, как военных, так и торговых, вплоть до рыболовных, которые были перегружены сверх предела, из-за чего часть из них во время шторма затонула². Эвакуация проходила в невероятно тяжелых условиях, некоторые офицеры, не выдержав тяжести пути, кончали жизнь самоубийством.

В ноябре 1920 г. после пятидневных морских мучений из Крыма в Константинополь прибыло 145693 человека, не считая судовых команд, среди них примерно 70 тыс. офицеров, солдат, казаков врангелевской армии³. В Турции армия была переформирована и, по согласованию с турецкими властями, дислоцирована в нескольких установленных районах. Армейский корпус численностью в 30 тыс. человек, из которых более 9 тыс. офицеров, под командованием «железного генерала» Кутепова был размещен лагерем на полуострове Галлиполи; Донской казачий корпус (около 20 тыс. казаков) был размещен на Чаталдже, в 50 км от Константинополя; Кубанский казачий корпус (15 тыс. кубанцев) – на острове Лемнос; часть небольших подразделений была направлена на острова Мраморного и Эгейского морей.

Возникал вопрос, как поступить с армией, укрепить воинскую дисциплину. Врангель ставил своей целью сохранить боеспособную армию для будущего похода на «большевистскую Россию». Поэтому в войсках существовали дивизии, полки, батареи, эскадроны; проводились штабные учения, маневры; были открыты военные училища, присваивались и повышались воинские звания, проводились смотры. В частях пресекались любые попытки солдат, казаков, офицеров возвратиться на родину. Однако многие солдаты и казаки требовали возвращения их в Россию.

Для борьбы с большевиками на «правительственном уровне» Врангель сформировал правительство – «Русский Совет», в состав которого вошли генералы и бывшие видные государственные деятели России, в том числе В.В. Щульгин. Однако это правительство просуществовало недолго. Внутренние разногласия и борьба различных группировок воспрепятствовали реализации его цели – объединить вокруг армии и «Русского Совета» «национально мыслящих людей». Осенью 1922 г., после переселения правительства в Сербию, оно было распущено.

Второй поток эмиграции, вызванный Октябрьской революцией и гражданской войной, составляли гражданские лица. В первые годы советской власти выезд из страны был свободным, документы оформлялись быстро, нелегальный переход границы также не представлял особых трудностей, так как границ в сущности не было, достаточно было оказаться на территории, занятой антисоветскими силами, а там – дорога открыта.

Эмигрантские потоки в основном шли тремя путями: в Турцию, Сербию и Болгарию; в Китай, преимущественно в Маньчжурию; в Прибалтику, Польшу и Чехословакию. А дальше многие дороги разводили массу эмигрантов по странам Европы, Азии, Америки, Австралии. Основную массу беженцев составляли люди, которых революция лишила всего, кроме жизни, и, чтобы ее сохранить, они уходили, вернее, убегали. Сухопутный маршрут чаще всего проходил через Украину. В 1918–1919 гг. Киев был перевалочным пунктом для покидающих свою страну граждан. Город был забит всякого рода публикой. Их окружал разный сброд – спекулянты, жулье, проститутки и прочие. Это был «пир во время чумы». Кабаки, рестораны переполнены, магазинные полки ломились от товара.

Другим перевалочным пунктом был Крым. Новороссийск, Севастополь, Одесса, Феодосия были свидетелями эвакуации не только разгромленных армий Деникина и Врангеля, но и сотен тысяч скопившихся в них гражданских беженцев. Ими было заби-

² Воспоминания генерала барона П.Н. Врангеля. М., 1992. Ч. 2. С. 433.

³ Там же. С. 433.

то все. Гостиницы переполнены, спали в вестибюлях, на вокзалах, в ночлежных домах. Спекуляция, мародерство, грабежи опутывали крымские города. Беженцы бесцельно бродили по улицам, еще не осознавая полностью надвигающейся на них трагедии. Великосветские дамы: княгини, княжны, баронессы – стояли по утрам на черном рынке. Гордые, со слезами на глазах, они продавали за бесценок скупщикам фамильные драгоценности, чтобы накормить детей и купить визы, за которые чиновники брали огромные взятки. Но не все могли приобрести их. При посадке на отплывающие суда гибли раздавленные в беснующейся толпе люди, в том числе дети. Обезумевшие беженцы кидались в неизвестность. Но что ждало их за рубежом, в чужих странах?

В Турции гражданских лиц, прибывших с врангелевцами, разместили в десяти лагерях вокруг Константинополя, а затем сосредоточили на острове Холке, в Тузле, Селене и Бернадоре, где установили военный режим. Из Турции через Константинополь, как свидетельствуют имеющиеся данные, за несколько лет прошло более 300 тыс. русских беженцев. Отсюда эмигранты перемещались в Балканские страны, Чехословакию, Францию, Германию.

Установить размещение российских эмигрантов в этих странах в начале 20-х гг. в бесспорных числовых показателях очень трудно, потому что, во-первых, въезд в эти страны происходил нередко нелегально, особенно в приграничных с Россией государствах, и такие беженцы не учитывались демографической статистикой стран. Во-вторых, некоторые государства были временным пристанищем, своеобразным перевалочным пунктом, например, Польша, страны Балтии, Германия. Наконец, в России, охваченной гражданской войной, было невозможно, да и некогда заниматься учетом эмигрантских потоков. Число российских эмигрантов в период гражданской войны большинство исследователей определяет в 2–2,5 млн человек⁴. Сюда следует включить и военнопленных Первой мировой войны, интернированных в некоторых странах Европы. Данные о размещении российских эмигрантов, приведенные в главе 2 книги, взяты из различных источников, опубликованных в советской и зарубежной печати.

Особое место в Российском зарубежье начала 20-х гг. занимало расселение выводимых из Турции остатков армии Врангеля и судьба солдат, казаков и офицеров. Франция закрыла кредит на содержание врангелевской армии, находящейся в лагерях под Константинополем, из-за большой задолженности, погасить которую Врангель был не в силах. Отказ Франции в финансировании армии, требование турецких властей о выводе войск из страны и происходящие в Европе политические изменения заставили командующего рассредоточить армию по другим странам.

Части врангелевской армии разместились в Болгарии, Югославии, Чехословакии и Венгрии. По договоренности в конце октября 1921 г. с болгарским правительством и согласованию с начальником штаба болгарской армии, большая часть врангелевцев была размещена в трех пунктах страны. Первый армейский корпус (13 тыс. человек), насыщенный сверх всяких норм офицерским составом, был расквартирован на севере и северо-востоке со штабом в г. Тырново. Донской корпус (около 5 тыс. человек) был сосредоточен в южной части страны со штабом в г. Стара Загора. В состав размещенных частей армии вошли эвакуированные в апреле 1920 г. и бежавшие несколько раньше из России остатки деникинской армии в количестве около 10 тыс. человек, которые нашли пристанище в Болгарии⁵. Общее число белоэмигрантов в Болгарии в начале 1922 г. составляло 36 тыс. человек⁶.

Главной задачей белогвардейских генералов в новых местах размещения было сохранение кадрового состава Южной армии, прежде всего офицерского корпуса путем созда-

⁴ Гражданская война и военная интервенция в СССР : энциклопедия. М., 1983.

⁵ Комин В. В. Крах российской контрреволюции за рубежом. Калинин, 1977. С. 11.

⁶ Шкаренков Л. К. Агония белой эмиграции. М. : Мысль, 1987. С. 32.

ния офицерских союзов. В декабре 1920 г. Врангель в специальном секретном послании обязывал командиров корпусов развернуть активную работу по созданию таких союзов. В начале 1921 г. они объединяли около 10 тыс. человек⁷. В мае 1921 г. командующий писал своим представителям и агентам, что для сохранения в новых условиях армии, размещенной на территории ряда государств Европы, ее следует называть не «русской армией», а «контингентами армии» в качестве «условной уступки» для некоторой конспирации. Офицеры и солдаты имели право носить военную форму, корпуса располагали складами военного имущества. После небольшого перерыва болгарское правительство в 1923 г. разрешило Врангелю пользоваться деньгами из «Русского денежного фонда».

В Югославии расположились в основном казаки армии Врангеля в количестве 11 тыс. человек⁸. Раньше казаков здесь нашли новое местожительство офицеры и унтер-офицеры деникинской армии. Многие прибыли с семьями, другие создали семьи уже здесь. Деникинские офицеры были приняты на службу в регулярные войска Югославии. Постепенно их примеру последовали врангелевцы. Среди офицеров было много талантливых командиров с глубокими теоретическими званиями, прошедших мировую и гражданскую войны. Русские офицеры сыграли заметную роль также в создании кадровой югославской армии. Они вели преподавательскую работу, обучали личный состав воинских подразделений.

В югославской армии были отдельные русские воинские формирования. Так, созданная из казаков кавалерийская дивизия в количестве более 3 тыс. человек несла службу по охране государственных границ⁹. В этой стране русские организовали три кадетских корпуса. В Белой Церкви располагался Крымский кадетский корпус, в Билече – Донской кадетский корпус, в Сараево – Русский кадетский корпус. Их основу составляли офицеры, преподаватели, воспитатели из киевского, одесского, молдавского, владикавказского кадетских корпусов. Обучение и воспитание в корпусах проходили дети русских офицеров, которые после обучения в звании офицеров вливались в регулярные части югославской армии.

В городе Сремски Карловцы обосновался и сам Врангель со своим штабом. Естественно, сюда потянулись посланцы и представители для выработки «общей линии поведения». Однако отрицательная реакция некоторых партий Югославии на такое скопление иностранных войск на их территории и воздействие партий на правительство заставили Врангеля искать другие государства для перевода части воинских формирований из Югославии. Некоторую часть армии Врангель, по согласованию с президентом Масариком, разместил в Чехословакии. Правительство направило казаков на сельскохозяйственные работы, офицеров и солдат определило в различные профессиональные учебные заведения, назначив им стипендии. Офицеры создали Общество галлиполийцев, членами которого были также многие русские студенты-эмигранты. Небольшое число врангелевцев, по договоренности с Хорти, разместилось в Венгрии.

Однако реальная жизнь выдвигала свои идеи, далекие от новых «крестовых походов». Офицеры, а тем более солдаты и казаки, трезво оценив бесперспективность антисоветских вылазок, постепенно стали переходить на мирный быт, приспосабливаясь, кто как мог, в новых поселениях к гражданской жизни и работе в местных условиях. Попытки генералов вернуть офицеров, солдат, казаков в места расположения частей все чаще и чаще проваливались.

⁷ Комин В. В. Крах российской контрреволюции за рубежом. Калинин, 1977. С. 12.

⁸ Шкаренков Л. К. Агония белой эмиграции. М.: Мысль, 1987. С. 19.

⁹ Там же. С. 19.

ГЛАВА II. ФОРМИРОВАНИЕ РОССИЙСКОЙ ДИАСПОРЫ В ЕВРОПЕ, АЗИИ, АМЕРИКЕ, АВСТРАЛИИ

По многим уголкам земного шара разбросала судьба российских эмигрантов. Они строили города и мосты, добывали золото и нефть, вырубали леса и прокладывали дороги, работали на фабриках, заводах и батрачили на фермах, водили такси и разносили блюда в ресторанах, учили и лечили друг друга и местное население. Это были русские офицеры, инженеры, врачи, учителя, студенты, ремесленники, мастеровые, крестьяне. В «Толковом словаре русского языка» под редакцией Ушакова понятие «диаспора» определяется как «расселение народа в результате изгнания его из родной страны чужеземными завоевателями». Заметим, чужеземными завоевателями, а не соотечественниками. Но это к слову. Расселение эмигрантов предполагает образование колоний, общин и т.д., обособленных от мест проживания коренного населения. Обособленность поселений выступает одним из первичных моментов социальной организации проживающих в них людей, так как локальные связи объединяют поселенцев по признаку условий жизни. Именно постоянный характер места жительства делал для эмигранта важным состояние непосредственных условий его жизни и деятельности.

Основными центрами российской эмиграции в 1920-х – начале 1930-х гг. были Берлин, Париж, Прага, Белград, София, Варна, Харбин, Шанхай. Во второй половине 30-х гг. эмигранты стали покидать Европу и расселяться по всему миру. Так, из 400 тыс. человек во Франции в середине 20-х гг. к 1939 г. осталось 70 тыс., в то же время из 560 тыс. россиян в Германии осталось всего 40 тыс.¹⁰. Кого-то заставил покинуть эту страну страх перед непредсказуемыми последствиями прихода к власти в Германии национал-социалистов, дальновидные люди покинули взрывоопасную в 30-е гг. Европу и уехали в Америку или другие отдаленные места, некоторых принуждала переселяться бытовая неустроенность.

Социальный состав эмигрантов был представлен всеми существовавшими в России сословиями, классами, слоями. Среди них были дворяне, в том числе элита высшего аристократического слоя; высокопоставленные чиновники; бизнесмены России, ее деловые круги олицетворяли промышленники, крупные торговцы, биржевики; многочисленную часть эмигрантов составлял интеллектуальный цвет нации: политологи, философы, социологи, историки, экономисты, публицисты, журналисты, писатели, поэты, крупнейшие представители естественнонаучной и инженерной мысли, средний интеллигентский слой в лице врачей, учителей, адвокатов, художников, музыкантов, артистов, студентов, духовенства. Десятки тысяч солдат, казаков, покинувшие Россию из-за голода, мужики с семьями составляли крестьянскую часть эмиграции; были, наконец, группы переселенцев из людей преступного мира, уголовники. Костяк первой волны эмиграции представляли интеллигенция и офицерство.

В начале 20-х гг. одним из центральных вопросов жизни эмигрантов была неопределенность их гражданского статуса. В 1921 г. Советское правительство лишило российских эмигрантов гражданства. Это еще более усилило их тяжелое социальное положение теперь уже как беспаспортных беженцев. Неопределенность статуса создавала юридический вакуум, ставила эмигрантов в положение людей, находящихся, в сущности, вне закона, лишала личной безопасности. Российского беженца мог притеснить, избить любой гражданин страны, как бродягу, не понеся за это ответственности. В Китае, например, русским эмигрантам не предоставлялось право экстерриториальности как другим европейцам. Поэтому положение русских беженцев в этой стране было особенно тяжелым. Они часто становились беззащитной жертвой любого военного чиновника, полицейского. Правительства государств, где находили убежище русские эмигранты, в редких исключениях шли на предоставление им прав гражданства.

¹⁰ Солдатов С. О восстановлении целостности российской культуры // Литературная Россия. 1990. № 11. С. 18.

После решения Советского правительства о лишении российских эмигрантов гражданства Лига Наций назначила в 1921 г. комиссаром по делам русских беженцев Фритьофа Нансена – известного норвежского полярного исследователя. Он добился введения единого для всех эмигрантов удостоверения личности, которое среди них получило название «нансеновский паспорт», одобренного многими государствами, имевшими на своей территории русских беженцев. Однако местные власти в некоторых государствах, в частности, Китае, не принимали всерьез этот документ, удостоверяющий личность эмигранта. Это создавало для эмигрантов трудности, как при трудоустройстве, так и при передвижении по стране и особенно при переезде в другое государство, хотя организация Нансена занималась именно трудоустройством беженцев и их размещением.

Социальное положение российских эмигрантов. Русские колонии-поселения. В эмигрантской массе наблюдалось явное социальное расслоение, «имущественная дифференциация». Относительно благоустроенными оказались крупные капиталисты, представители высшего дворянства, крупные царские чиновники, которые еще до Октябрьской революции успели перевести в иностранные банки крупные денежные средства. Большинство из них занималось коммерческой деятельностью. В этот круг входили и некоторые генералы, вывезшие из России награбленные в гражданскую войну ценности.

Подавляющее число эмигрантов в начале 20-х гг. жило в тяжелых материально-бытовых условиях. К ним относились солдаты, казаки, офицеры, слой средней интеллигенции и ряд других социальных групп. Тысячи эмигрантов терпели нужду и лишения в странах Прибалтики, в Югославии, Греции, Турции, Китае. Л.К. Шкаренков отмечает, что по данным, собранным эмигрантскими земско-городскими организациями, в 27 странах Европы и Азии в 1925 г. в помощи нуждались около 500 тыс. эмигрантов¹¹.

Безработица среди российских эмигрантов наблюдалась во всех государствах, в которых они размещались, особенно в Константинополе. Лишь немногим из них удалось найти работу в Турции. Некоторые эмигранты из гражданских лиц в первой половине 1921 г. перебрались в Балканские страны. Тяжелое материальное положение толкало людей на крайние пути добывания средств к существованию – от бандитизма до проституции. Ю.В. Мухачев пишет, что, по сообщению белогвардейской печати, уже в 1926 г. в Константинополе было зарегистрировано более 2,5 тыс. русских женщин, занимающихся проституцией¹².

Оказавшись без средств к существованию, многие эмигранты первого поколения становились легкой добычей для экономической эксплуатации, для вербовщиков на тяжелый труд в африканских и азиатских странах, где при отсутствии врачебной помощи их ждали болезни и смерть.

Великий экономический кризис 1929–1933 гг. больно ударил по российским эмигрантам. Десятки тысяч наших соотечественников пополнили армию безработных. Это был один из тяжелейших периодов в истории Российского зарубежья, приводивший к тяжелым психологическим последствиям. Следует отметить, что российским беженцам помогали Лига Наций и различные благотворительные организации.

Безусловно, неумолимый закон борьбы за существование заставлял обездоленных эмигрантов искать пути выживания, изменения социальной позиции, места, занимаемого ими в социальной структуре. Активизация социальной мобильности в эмигрантской среде была связана с социальной адаптацией русских беженцев в новых условиях жизнедеятельности. К сожалению, профессиональный профиль безработных эмигрантов в большинстве случаев не совпадал с реальной возможностью трудоустройства по прежней специальности. Поэтому многим эмигрантам пришлось менять профессию и осваи-

¹¹ Шкаренков Л. К. Агония белой эмиграции. М. : Мысль, 1987. С. 88.

¹² Мухачев Ю. В. Указ. соч. С. 40. Мухачев Ю. В. Идеино-политическое банкротство планов буржуазного реформаторства в СССР. М. : Мысль, 1982. С. 40.

вать новую специальность или идти в разнорабочие. Особенно это касалось офицеров, чиновников, педагогов. Такие крупные личности из числа эмигрантов, как Бунин, Набоков, Милюков, Рахманинов, Шаляпин, Павлова, Рерих, Сикорский и другие нашли свое место в жизни и сделали успешную карьеру. Некоторых ученых приняли в свои стены известные европейские и американские университеты.

Опытные русские инженеры находили широкий прием на промышленных предприятиях Запада, где высоко ценили их профессиональные качества. Предприимчивые эмигранты, сохранившие сбережения, открывали кафе, рестораны, магазины готового платья, ателье, мастерские по пошиву одежды, обуви, издавали газеты, журналы, использовали и другие виды небольшого бизнеса.

Адвокаты, врачи приступали к прежней работе, артисты выступали в ресторанах, священники находили паству в русских колониях. Разорившиеся мелкие буржуа вливались в ряды рабочего класса, офицеры приобретали мирные профессии. Тяжело было женщинам, не имевшим никаких профессиональных знаний, навыков. Их уделом была работа самой низкой квалификации.

Добровольные переселенцы или беженцы в любые времена, в любом месте не могли не интегрировать с новой средой обитания, где живут и работают. Естественно, что потомки русских эмигрантов, для которых страна, куда переселились родители, является родиной, изначально предрасположены к вхождению в жизнь этой страны, к интеграции в новой среде, хотя чаще и сохраняют в себе генетический код прародин.

Российские эмигранты, разбросанные по странам и континентам, оказавшиеся в большинстве своем в тяжелых социальных условиях, вынуждены были создавать свою сферу коллективного расселения. Они с большим трудом, порой борясь доступными средствами с противодействиями местных властей, образовывали русские колонии-поселения со своим этническим, морально-психологическим микроклиматом.

Что объединяло русских эмигрантов, заставляло создавать русские колонии-поселения? Безусловно, стремление сохранить менталитет нации, особенности ее быта, нравов, традиций, культуры, родной язык, морально-психологический портрет народа, уберечь нацию от ассимиляции. Наконец, социальные стимулы и мотивы, трудности адаптации первого поколения эмигрантов. В основе объединения лежала «русская идея», более широкая, чем православная вера. Эта идея консолидировала российских беженцев всех сословий, являлась связующим элементом в создании и развитии различных этнических образований на территории новых для них государств, в новой среде обитания.

Коренные жители видели в эмигрантах нежелательных пришельцев без родины и без гроша в кармане. Прежние связи в высших кругах были прерваны, изменилось отношение к русским аристократам их бывших иностранных друзей в среде аристократии Западной Европы. Это порождало отчуждение, взаимную неприязнь, что осложняло и без того тяжелое положение высших слоев россиян.

Наконец, следует отметить и такую группу эмигрантов, весьма многочисленную, которая считала себя лишь «временными скитальцами». Тысячи беженцев из «бывших» жили с не покидавшей их надеждой, что они обязательно вернутся в Россию, избавленную от большевизма. И в этом проявлялась не столько ностальгия – тоска по родине, сколько стремление вернуть потерянное богатство и социальное положение. Бывшие привилегированные слои в своем большинстве были уверены, что советский режим рухнет. Все слухи об экономических срывах или народных волнениях в Советской России (Кронштадтский мятеж, восстание крестьян в Тамбовской губернии и др.) воспринимались как предвестники краха большевизма, тешили воспаленное воображение. Особенные надежды вселяло в них введение НЭПа. Поэтому они чувствовали себя временными жильцами на чужбине и сидели на «чемоданах».

Русские в Германии. В 1919 г. в Германию устремился основной поток русских эмигрантов. В начале 20-х гг. Берлин можно было назвать центром российского зарубежья. Разными путями российские беженцы начали оседать в германской столице. Они располагались преимущественно в юго-западной части города, образуя своеобразный пригород. Здесь нашли место обитания многие общественные и политические деятели, философы, писатели, музыканты, художники и другие представители интеллигентских профессий. В Германии, прежде всего в Берлине, обосновалась относительно состоятельная эмиграция, быстро расселялись остатки разгромленной в декабре 1919 г. Западной армии генерала П.Р. Бермондт-Авалова, офицеры добровольческого корпуса генерала Гольца, воевавшего в Прибалтике. В столице остались в основном высшие военные чины. Общее число эмигрантов в Берлине в 1922–1923 гг. – 360 тыс. человек¹³.

Настоящим бичом для русской эмиграции в Германии была массовая безработица. Не имея ни денег, ни работы, ни социальных прав, русские беженцы жили в крайней бедности, в труднейших жилищных условиях, некоторые умирали с голоду. Исключение составляло небольшое число банкиров, владельцев ресторанов, магазинов, книгоиздателей, врачей, адвокатов, инженеров. Для оказания помощи голодающим в Германии были созданы эмигрантские профессиональные союзы, поддерживаемые благотворительными организациями, в том числе Русским Красным Крестом, который располагал дореволюционными средствами для помощи русским военнопленным, Международным Красным Крестом, католической церковью.

В эмигрантской среде Берлин называли основным политическим центром русской эмиграции. В германской столице и в Мюнхене скопились многие русские правых взглядов, подверженные германофильству, немалая часть которых происходила из среды аристократов, политических деятелей. За ними последовали и монархически настроенные офицеры после поражения белых армий.

В Берлине политически были представлены все ведущие партии дооктябрьской России от монархистов до лидеров революционной демократии – эсеров, меньшевиков, расколовшихся на левых и правых, и анархо-синдикалистов. Левые меньшевики с 1921 г. начали издавать «Социалистический вестник». Правая группа с апреля 1922 г. по февраль 1925 г. – двухнедельник «Заря». Здесь же находилась заграничная делегация меньшевиков (Л. Мартов, Р.А. Абрамович, Ф.И. Дан, Д. Далин и др.). Отношения между правой группой и заграничной делегацией были крайне обостренными, борьба между фракциями велась постоянно. Камнем преткновения было введение в Советской России НЭПа.

В середине 1920-х гг. в Германии активизировалось движение национал-социалистов. Партия нацистов все откровеннее заявляла в своих лозунгах о притязании на ведущую роль в Германии и нетерпимость к другим партиям. Чуткие к политической ситуации лидеры российских эмигрантских партий признали небезопасным свое дальнейшее пребывание в Германии и поспешили с единомышленниками в более лояльные страны. С ухудшением политической и экономической обстановки русская колония к середине 30-х гг. уменьшилась до 45 тыс. чел.¹⁴. Большая часть эмигрантов переехала в Париж, Прагу или на Балканы. Остальные попытались пойти на компромисс с Третьим рейхом.

Русский Париж. Для русских Париж был своеобразной Меккой. В середине 20-х – в 30-х гг. он становится центром Российского зарубежья. Россияне во Франции чувствовали себя раскованно, свободно, французы в массе своей сочувствовали им. С. Солдатов в указанной выше статье отмечает, что во Франции в начале 20-х гг. проживало 400 тыс. эмигрантов.

В этой стране российские эмигранты без особого труда находили себе работу, так как французы с неохотой работали в некоторых отраслях производства. Кроме того,

¹³ Назаров М. Миссия русской эмиграции. Ставрополь, 1992. С. 32.

¹⁴ Рар Г. Зарубежная Россия // Диалог. 1991. № 18. С. 22.

Франция после войны, в которой потеряла много мужчин, нуждалась в рабочих. Поэтому эмигранты могли свободно устроиться на работу, где требовался физический труд. Однако на шахтах в первое время русские рабочие получали меньшую плату, чем эмигранты из других стран, работавшие как и они по контракту. Казаков и солдат можно было нередко встретить на фермах юга Франции.

На заводах русские работали вместе с французами. Они постепенно овладевали французским языком, однако держались своим кругом, сохраняли национальные черты, водили дружбу только с соотечественниками, посещали православные церкви, русские рестораны, кабаки, которых в Париже было множество, читали русские газеты и мечтали о возвращении на Родину.

Многие офицеры, казаки стали таксистами и бойко разъезжали по парижским улицам. Во Франции в конце 20-х гг. насчитывалось около 3 тыс. русских таксистов – ¼ части парижских водителей такси. Среди эмигрантов велась усиленная вербовка в колониальные легионы в Африке и на Ближнем Востоке. Некоторые бросались на эти приманки, а потом либо сбегали от тяжелых условий жизни, либо умирали там от болезней. Русские эмигранты, независимо от бывшей сословной принадлежности, работали, помимо перечисленного выше, метрдотелями, гарсонами, музыкантами, танцорами, цирковыми артистами, швейцарами; женщины – рабочими на фабриках, швеями, официантками, продавщицами газет, цветов, посудомойками, нянями и т.д.

В 20-х гг. Монмартр был заполнен русскими художниками и музыкантами. Они работали на улице, пытались заработать хоть сколько-нибудь. По вечерам собирались в ночных кафе, ресторанах, где звучали русские песни и романсы. Молодые аристократки работали манекенщицами, танцовщицами, часто воспринимая эту работу как временную. Некоторые из них, не найдя мужа или состоятельного покровителя, состарившись, жили в бедности.

В новой социальной среде легче адаптировались бывшие офицеры, выходцы из мещан, мелкой буржуазии, интеллигенция. Они без особых переживаний вливались в ряды рабочих, свыкались со своим социальным положением. Дворянам было труднее отречься от своего прежнего привилегированного статуса. Некоторые из них не выдерживали перемещения на более низкую ступень социальной лестницы, спивались, опускались и гибли.

Примечательны взаимоотношения дворянства и «низов». Лев Любимов пишет: «В эмиграции сохранились нетронутыми, до жути реальными при всей своей очевидной беспочвенности бывшие перегородки, и такой эмигрант (из "низов") оказывался психологически чужд старому миру как "имперскому", дворянско-бюрократическому, так и буржуазно-интеллигентскому»¹⁵. И это при том обстоятельстве, когда те и другие нередко находились в одинаковом социальном положении, иногда работая рядом и выполняя одинаковую работу.

Образ жизни русского дворянства был своеобразным. По роду занятий – рабочий, мелкий служащий, по образу жизни – помещик. Эти люди до конца жизни не могли избавиться от осознания своей принадлежности к дворянству, к высшему свету. Поэтому в эмиграции при скромных заработках они вели образ жизни обедневшего помещика, накоплений не имели, а имея на руках деньги, тратили их с блеском, посещали рестораны, театры и т.д.

В период великого экономического кризиса резко возросла безработица. Лишенные средств к существованию, некоторые эмигранты шли на крайнюю меру – самоубийство, другие кое-как существовали. Безработица и голод стали одной из причин массового переезда россиян в Америку.

¹⁵ Любимов Л. На чужбине. Ташкент, 1989. С. 185.

В 20-х гг. во Франции были открыты сотни русских кабаков, магазинов, «лавок», библиотек. Князь Феликс Юсупов открыл магазин и салон мод «Ирфе» по начальным буквам «Ир» – Ирина (жена) и «Фе» Феликс. Салон имел успех. Богатые американки-туристки, падкие на титулы и сенсации, платили огромные суммы за его фасоны и модели не столько потому, что они были так уж хороши, сколько за возможность познакомиться с самим Юсуповым, красивым человеком, о котором они столько читали в книгах, журналах, газетах, с человеком, прямо участвовавшим в убийстве Распутина.

Бывшие владельцы шикарных ресторанов Петербурга и Москвы открыли в Париже русские рестораны типа ресторан-столовая, где можно было дешево и хорошо пообедать, и рестораны-варьете. Во всех русских ресторанах кухня была исключительно национальная, подавали русские блюда. Оформление помещения тоже было в национальном стиле. В ресторанах пели русские цыгане, русские эстрадные и оперные певцы. Например, в парижском ресторане «Большой Московский Эрмитаж» в программе был «квартет бояр», пела Плевицкая.

В Париже, на Монмартре, был знаменитый ресторан «Казбек». Его владелец, скупив за бесценок у русских эмигрантов антиквариат, оформил им свое заведение. Ковры, кубки, чаши с двуглавыми орлами – все выдавалось за вещи из царской коллекции, что особенно впечатляло как парижан, так и заезжих иностранцев. В этом ресторане некоторое время пел Александр Вертинский.

Во французских ресторанах звучала не только русская музыка, и блистали русские танцоры. Огромной популярностью пользовалась «лезгинка», ее танцевали кавказские горцы из «Дикой дивизии» генерала Шкуро. Особенно известен был в ресторане «Каво Каказвен» смуглый и стройный Руфат Халилов, который танцевал «лезгинку» с кинжалом в зубах и, эффектно бросая, втыкал его в пол. Дамы были в восторге.

Особенно популярной среди русских женщин-эмигранток была профессия «консоматорши» – женщины для ночных дансингов. Они знакомились и ублажали одиноких мужчин во время танцев и за столом. Устроиться на такую работу могли только молодые и красивые женщины.

Жили в Париже и представители дома Романовых. Великий князь Андрей Владимирович Романов, двоюродный брат Николая II, внук Александра II, состоявший в гражданском браке с балериной Матильдой Кшесинской, все свое время посвятил изучению отечественной истории и имел в этом успех. Он умер после войны. Матильда Кшесинская имела в парижском квартале «Отей» свою балетную школу-студию. Эта студия получила известность в Европе, в ней обучались немцы, французы, англичане. Великий князь Борис Владимирович Романов был кутилой, эмиграция его не любила, он умер во время Второй мировой войны. Жил в Париже князь Шаховской, который проработал в одном из парижских ресторанов 25 лет шеф-поваром.

Русский Париж жил своей, особой жизнью, с французами русские редко общались, они стремились жить общиной: так было легче выжить. Во французской столице встречались русские кварталы, заселенные эмигрантами чаще по социальному признаку: рабочие, интеллигентские, дворянско-аристократические. Здесь выходили ежедневные эмигрантские газеты различной партийной направленности. Авторы статей полемизировали друг с другом преимущественно по вопросам, касающимся недавнего прошлого и настоящего России. Существовали различные клубы, где помимо дружеских встреч и бесед велись политические дискуссии.

В среде русской эмиграции в Париже было распространено масонство. А. Любимов считает, что причина этого – в таинственности обрядов, позволявших русским беженцам отвлечься от прозы жизни и приобщиться к французскому светскому обществу. Среди французских аристократов, политических и общественных деятелей было немало масонов¹⁶.

¹⁶ Любимов Л. На чужбине. Ташкент, 1989. С. 216.

Русские эмигранты входили во французскую масонскую ложу «Северная звезда». В этой ложе активно действовали Авксентьев (эсер, бывший министр МВД Временного правительства) и Переверзев (бывший министр юстиции Временного правительства). Они выступали за установление в России системы западной либеральной демократии, были против развития отношений Франции с Советской Россией, так как, по их мнению, это укрепит большевистскую диктатуру. Часть эмигрантов определенных кругов относилась к масонству резко отрицательно и даже враждебно, потому что считала революцию в России именно «жидо-масонским заговором».

Париж – один из крупнейших центров русской зарубежной культуры. Здесь российскими эмигрантами были открыты клубы, театры, библиотеки, музеи, учебные заведения.

Так, из четырех аристократических клубов был создан общий «Соединенный клуб» сановников, высшей бюрократии, близкой ко двору. В 1920–1930-е гг. в Париже действовал музей лейб-гвардии казачьего полка – центр истории и боевых действий Великого войска донского. Полк участвовал в гражданской войне на Дону и с разгромом белой армии был эвакуирован за рубеж. В столице существовал клуб русских военно-морских офицеров – музей «Морское собрание», где встречались офицеры для дружеских бесед, поддержания морских традиций.

В парижских театрах пел В.И. Шаляпин, играл Сергей Рахманинов. В «Гранд Опера» танцевал знаменитый танцовщик Сергей Лифарь. Блистал русский балет «Монте Карло» с Леонидом Мясным. Двадцатые годы – расцвет русской эмигрантской культуры во Франции.

В этой стране было много русских эмигрантских учебных заведений, в том числе Корпус-лицей им. императора Николая II в Версале, русские гимназии, колледжи и др. Эмигранты не только выжили, но и сумели в этой потерянности и бедности вырастить детей, дать им образование и сохранить в их душе, памяти Россию.

Перед русскими эмигрантами не только во Франции, но и в других государствах области просвещения стояли две неотложные задачи: спасти десятки тысяч русских детей от неизбежной денационализации, обеспечив им школу на родном языке, и воспитать их в духе русской национальной традиции; дать возможность тысячам выброшенных из колеи жизни русских студентов закончить высшее образование. В Париже был открыт знаменитый среди эмигрантов Русский богословский институт.

В эмиграции во Франции было достаточно профессоров, учителей-подвижников и энтузиастов, но не было средств. Французское правительство в 1923 г. расходовало на цели русского образования около 800 тыс. франков. Оно оплачивало русских лекторов, которые преподавали русские предметы детям, обучающимся во французских лицеях; оплачивало русских профессоров, читавших при Сорбонне университетские курсы на русском языке. Правительство учредило две сотни стипендий для русских студентов в высших учебных заведениях. Наконец, оно давало субсидии на среднюю школу, знаменитую среди эмигрантских семей русскую гимназию. Инициатором всего этого была сестра бывшего русского посла в Париже Мария Васильевна Маклакова, а первой благотворительницей – принцесса монахская Антуанетта.

Русские эмигранты в Чехословакии. В Прагу после Октябрьской революции съехалась знаменитая часть русской интеллигенции. Здесь нашли приют и плодотворно работали известные ученые и писатели России, которые по инициативе Ленина были высланы из страны в 1922 г. Эти люди сохранили не только высокую культуру, но и доброту к миру и были лишены чувства мести.

Прага в 1920-х гг. стала академическим центром русской эмиграции. Там работал цвет русской профессуры – Лосский, Ильин, Кизе-веттер, Новгородцев, крупный радиоинженер Дьяков и др. Н. Новгородцев, ученый-юрист, философ, университетский профессор, основал в Праге Русский юридический факультет и стал его деканом.

С.П. Чистосердов, еще до революции окончивший восточный факультет Петроградского университета, стал одним из организаторов русского образования в Чехословакии. За счет русских педагогов во многих чехословацких вузах заметно обогатилась профессура. В Праге собралось много русских журналистов, что позволяло издавать в стране около 150 газет и журналов.

Чехословакия с пониманием и сочувствием приняла российских беженцев. Первый президент Томаш Масарик и премьер-министр Карел Крамерж курировали программу помощи беженцам из России – «Русскую акцию». Правительство помогало эмигрантам не только деньгами в виде государственных пособий, для них существовал режим наибольшего благоприятствования в науке и культуре. Благотворительная инициатива Масарика имела далеко идущую цель – использовать интеллектуальный потенциал российской интеллигенции и одновременно усилить в сфере науки и культуры «славянский элемент», уравновесить преобладавшее тогда германское влияние в этой стране.

Гуманитарная помощь чехословацкого правительства выражалась также в создании сети гимназий, начальных школ, детсадов и предоставлении большого числа стипендий. При поддержке правительства в Праге в 1922 г. была открыта «реформированная реальная гимназия» с мужским и женским пансионатами, в которой учились дети русских эмигрантов. Такие гимназии открывались и в других городах, где наблюдалось большое скопление русских беженцев. Учащиеся, окончившие гимназии для русских, получали аттестаты и принимались в высшие учебные заведения Чехословакии.

В Праге были созданы институты – педагогический, сельскохозяйственной кооперации и коммерческих знаний, русский юридический факультет, высшее училище техников путей сообщения, автомобильно-тракторная школа, был основан институт изучения России и другие учреждения. Немалый вклад в развитие Чехословакии внесло второе поколение первой волны эмиграции – те, кто прошел через русскую гимназию и вузы. Своим образованием они во многом обязаны масариковской «Русской акции».

Есть в Праге Ольшанское кладбище – последнее убежище русских эмигрантов, достойных представителей «второй России», – со своей маленькой православной церковью «Вознесение», где перед преданием праха земле отпевали изгнанных сынов и дочерей матери-России.

В 1923 г. в Праге был создан Архив русской эмиграции, переименованный позже в Русский заграничный архив (РЗИА). Это поистине уникальное учреждение за долгие годы вобрало в себя множество документов русской эмиграции. Здесь хранилась часть ценных документов российской истории, Февральской и Октябрьской революций, гражданской войны, которые были вывезены эмигрантами из России и рассеялись по многим странам мира; материалы эмигрантских политических и общественных организаций, статьи и выступления их лидеров; мемуары, дневники, письма, семейные архивы, старые фотографии россиян и много других важных для истории отечественной эмиграции документов. В конце 30-х гг. Пражский архив имел своих представителей во всех русских колониях 44 стран всех континентов.

Примечательна судьба Русского заграничного архива. В 1945 г., после освобождения Чехословакии от немецкой оккупации, НКВД вывез из Праги в Москву 9 вагонов документов РЗИА. Архивная служба наркомата занялась доскональным изучением пражских документов с целью «разоблачения» врагов СССР из числа оставшихся в живых русских эмигрантов. Таковых было «разоблачено» около 18 тыс. человек¹⁷. Начались поиски и аресты по обычному для НКВД сценарию: поздней ночью на квартирах, днем на работе, на улицах – с вывозом в СССР и фиктивным судом «тройки». А дальше – ссылка в Сибирь или расстрел. Так были арестованы некоторые сотрудники Чешского архива, мо-

¹⁷ Сидельников В., Давыдова Н. Архив, о котором долго молчали // Московские новости. 1990. 15 апреля.

нархисты, эсеры, меньшевики, бывшие офицеры и другие «враги, народа» – старые, доживавшие кое-как свой век «бывшие». Правда, среди арестованных были и те русские эмигранты, которые сотрудничали с фашистами в годы Великой Отечественной войны.

Пражский архив в СССР на десятилетия был закрыт, лишь особо доверенные лица имели к нему доступ в научных целях. При этом ссылка на архив строго запрещалась, постепенно архив был расчленен и передан в другие хранилища. В настоящее время появилась идея воссоздания Русского зарубежного архива из Праги. В числе сторонников идеи «пражского варианта» – академик Дмитрий Лихачев.

Русские в Польше. Русская эмиграция первой волны в Польше по численности уступала Германии, Франции, Югославии, хотя в 1922 г. было зарегистрировано 175 тыс. эмигрантов. Это было связано с польским законодательством: право на проживание в Польше в 1920–1930-х гг. очень трудно было получить, поэтому эмигранты долго не задерживались в стране. Русские поселения возникли в Польше еще за много десятилетий до первой волны эмиграции и даже за два столетия. После революции здесь обосновались эмигранты из организации Бориса Савинкова. Они издавали газету «За свободу», главным редактором которой был Дмитрий Философов.

Русское население Польши, истосковавшееся по родному языку, искусству, восторженно приветствовало русских артистов-эмигрантов. Например, гастролы А. Вертинского в Польше всегда сопровождались шумным успехом. Здесь у певца была масса поклонников. Видимо, через искусство русские беженцы хотели еще раз соприкоснуться с покинутой Россией, вспомнить Отечество, потому что у каждого было что вспомнить хорошего и светлого.

В Польше до Второй мировой войны было сильное влияние русской культуры. Причем, она не навязывалась полякам, как позже, в период социалистического развития государства, когда внедрялись в польскую культуру коммунистические модели и идеологические постулаты. Влияние русской культуры было естественным и ненавязчивым. В Польше издавалось много русской литературы, русские пьесы включались в репертуары театров, русские пианисты ежегодно участвовали в конкурсах Шопена, брали призы.

В 1930-х гг. поляки резко изменили свое отношение к русскому искусству и артистам, которым все труднее становилось добыть визу на въезд в Польшу. Страна стала как бы закрытой для русской культуры. Это был противоестественный шаг правительства, за ним стояла сомнительная политика, в том числе и польский национализм.

Выдвигался официальный довод, что иностранные артисты вывозят из Польши деньги за границу. Фактически же за чинимыми препятствиями на въезд в страну чужеземных гастролеров стояла неспособность польских артистов в период экономического кризиса конкурировать с известными русскими заезжими артистами. Особенно активно выступал против русских гастролеров «Союз артистов Польши». Таким образом, его деятели через правительство пытались спасти от безработицы польских мало популярных артистов, а публику лишали ее кумиров.

Однако на самом деле главной причиной пресечения въезда в страну русских артистов, сокращения публикации русских книг, журналов была правительственная политика насильственного ополячивания всего непольского населения страны, прежде всего, русского населения, в том числе русских эмигрантов. Эта политика называлась «полонизацией русского населения Польши». Польское руководство опасалось, что русские артисты, книги, журналы, газеты, пьесы в театрах будут способствовать русификации православной части населения Польши и препятствовать его ополячиванию.

В Польше в начале 1920-х гг. были открыты русские школы, но в 30-е гг. педагогам бело предложено вести преподавание только на польском языке. По международным гуманистическим нормам это была жестокая, если не преступная, акция польского пра-

вительства по отношению к иностранным гражданам в стране. Были закрыты и разрушены православные храмы, проводилась насильственная полонизация русских.

Русская эмиграция в Югославии. Как указывалось выше, часть оставшейся Южной армии Врангеля после эвакуации из Турции была размещена в Югославии. Здесь донские кубанские, терские казаки строили хутора, курени, станицы, которым давались имена прославленных генералов, офицеров белой армии, а также имена родных хуторов, станиц, навсегда покинутых казаками. Здесь нашли пристанище 43 тыс. русских беженцев¹⁸. Верные казачьим традициям, бывшие воины ежемесячно устраивали сходки, один раз в год собирался общеказачий съезд. Крестьяне по роду и духу, они занялись земледелием, немудрым сельским ремеслом и быстро адаптировались в новых местах проживания и новых условиях жизни.

В Югославии нашли пристанище многие русские ученые в области гуманитарных наук, педагоги, врачи, что определило при покровительстве короля Александра I Карагеоргиевича приложение их знаний и опыта в становлении и развитии культурно-просветительных учреждений в стране. В Белграде работали академик Г.А. Острогорский, профессора А.В. Соловьев, С.М. Кульбакин, А.Л. Погодин, В.А. Мошин, Ф.В. Тарановский. Десять русских ученых были избраны в Сербскую академию наук и искусств, а В.А. Мошин впоследствии стал академиком Академии наук Македонии.

В университетах Белграда, Загреба и Скопле преподавали 69 русских профессоров, 200 русских учителей давали уроки в сербских и хорватских гимназиях и школах¹⁹. В столице и других городах страны были открыты русские гимназии, выпускники которых имели право на равных основаниях поступать в Белградский и другие университеты Югославии.

Одним из ведущих центров культуры российской эмиграции в Югославии была Русская публичная библиотека, созданная в столице в 20-е гг. на базе «Военной библиотеки в Белграде». Среди военной литературы, собранной ранее в книгохранилище, наибольший интерес представляли (в наши дни представляют особенно) книги бывших генералов белых армий, посвященные анализу этапов и хода гражданской войны, причин поражения Белого движения, в том числе пятитомник «Очерки русской смуты» (1921–1926 гг., Париж, Берлин) генерала А.И. Деникина, шеститомник «Белое дело. Летопись белой борьбы» (Берлин. 1923–1925 гг.) под редакцией А.А. фон Лампе, документальные источники по истории русских революций («Архив русской революции» в 21 томе) и другие произведения по военно-исторической тематике, документальные источники.

К концу 1920-х – началу 1930-х гг. фонд Русской публичной библиотеки значительно пополнился эмигрантскими художественными произведениями, и книги на гражданскую тематику теперь уже преобладали над военной литературой. В библиотеку поступали произведения выдающихся русских писателей и поэтов – А.Т. Аверченко, М.А. Алданова, Й.А. Бунина, К.Д. Бальмонта, Б.К. Зайцева. А.И. Куприна, В.Г. Короленко, Д.С. Мережковского, В.В. Набокова, А.М. Ремизова, И. Северянина, А.Н. Толстого, М.И. Цветаевой и других русских художников слова.

В Русской публичной библиотеке, кроме фондов военной и художественной литературы, были созданы фонды периодики, рукописей и редкой книги. Первый фонд состоял как из русских газет, издававшихся в Югославии, так и (позже) из эмигрантских русских газет, которые выходили в других странах. Значительное место в периодике занимал журнал «Русский архив», основанный в 1928 г. «Обществом историков». В журнале публиковались материалы русских ученых-эмигрантов по истории России и международным отношениям в Европе и, в частности, на Балканах, а также сербов (историков, дипломатов, общественных и политических деятелей).

¹⁸ Пар Г. Зарубежная Россия // Диалог. 1991. № 18. С. 22.

¹⁹ Писарев Ю. А. Российская эмиграция в Югославии // Новая и новейшая история. 1991. № 1. С. 151.

Фонды рукописей и редкой книги были характерны тем, что книги из-за нехватки денег на издание в дорогих типографиях и издательствах печатались с использованием множительной техники (ротапринта и др.) и даже пишущей машинки. Поэтому они выходили в небольшом количестве экземпляров, иногда менее десяти, были малоизвестны широкому кругу читателей и являлись редкостью.

В 1932 г. в центре Белграда на эмигрантские пожертвования, при финансовой помощи югославского правительства был построен Русский дом имени Николая II, куда переехала Русская публичная библиотека. В этом здании разместились русская гимназия, читальный зал, литография, были оборудованы помещения для заседаний, домово-вой церкви, выделены помещения для культурно-просветительных организаций и обществ. В доме были организованы выставки, вернисажи, музей казачьей конницы. Здесь собирались многие русские эмигранты, проживавшие не только в Белграде, но и в других местах Югославии.

Русский дом процветал как культурно-просветительный центр до прихода советских войск в 1944 г. в Югославию, когда учреждение было закрыто, а ценнейшие фонды Русской публичной библиотеки были растащены при попустительстве некоторых руководителей советских учреждений в Белграде и безответственности советского посольства в Югославии, нередко с участием в разграблении книг сотрудников посольства.

Не менее тяжелой оказалась и участь русской эмиграции в Югославии в 1944 г. и в последующие годы. Вездесущий НКВД и здесь приложил свою «карательную руку». Начались поиски, аресты и отправка в СССР «затаившихся» давних врагов советской власти и социализма. Сорокатрехтысячная русская эмиграция со своими колониями-общинами, разбросанными по стране, уменьшилась до нескольких тысяч человек. Одни были арестованы немецкими оккупантами или погибли в борьбе с немцами в составе партизанских отрядов Тито, другие были арестованы НКВД, офицеры и солдаты Русского охранного корпуса ушли в другие государства (подробнее о РОК будет изложено при рассмотрении второй волны эмиграции).

На русском кладбище в Белграде похоронены многие известные наши соотечественники. Здесь покоится прах генерала П.Н. Врангеля, председателя Государственной Думы России М.В. Родзянко. Сюда же, на белградское кладбище, были перевезены останки генерала М.В. Алексева – первого организатора Добровольческой армии, скончавшегося 25 сентября 1918 г. в Екатеринодаре.

Россияне в Болгарии. Русские колонии были созданы в разных районах Болгарии, преимущественно в сельскохозяйственных. Всего в эту страну в начале 20-х гг. переехало 27 тыс. россиян²⁰. Наряду с гражданскими беженцами, здесь нашли приют бывшие солдаты, казаки, офицеры из остатков армии Врангеля. Болгары, помнившие и высоко ценившие роль России в освобождении их родины от пятисотлетнего турецкого ига в русско-турецкой войне 1877–1878 гг., дружелюбно относились к русским эмигрантам. Многие русские обрели здесь семьи.

Русских генералов Скобелева, Драгомирова, Гурко, Обручева, Радецкого почитают в Болгарии как национальных героев. На Шипке, где проходили самые кровопролитные бои на перевале, воздвигнут памятник русским воинам, погибшим в войне за освобождение Болгарии.

София была крупным политическим и культурным центром российской эмиграции. Здесь издавались русские газеты, сохранившие голос дореволюционной Родины. В 1919 г. в Болгарии обосновалась дипломатическая миссия. При ней в 20-х гг. готовили будущих российских дипломатов, которые, как предполагала белая эмиграция, бу-

²⁰ Мухачев Ю. В. Указ. соч. С. 40. Мухачев Ю. В. Идейно-политическое банкротство планов буржуазно-го реформаторства в СССР. М. : Мысль, 1982. С. 42.

дуют работать во внешнеполитических ведомствах после падения большевизма и возвращения эмигрантов на родину.

Русская дипломатическая миссия в Болгарии подчинялась назначенному еще до революции Совету послов в Париже. Совет выступал за рубежом в роли законной (императорской) власти и был представителем российской государственности за границей до образования общероссийского национального правительства. Совет послов и Русская дипломатическая миссия опирались на значительные финансовые средства дипломатического корпуса, которые Россия имела за рубежом. В Болгарии был создан общеказачий земледельческий союз.

Русские эмигранты в США. В период великого экономического кризиса экономика США оказалась более жизнестойкой, стабильной по сравнению с европейскими странами, хотя Соединенные Штаты и пережили очень трудные годы. Поэтому одной из причин оживленного переезда русских эмигрантов в США явились именно последствия экономического кризиса в Европе. Это был первый поток русских переселенцев из Европы, который состоял преимущественно из неполитической, трудовой эмиграции. Деловой Америке нужны были инженерные кадры, специалисты в области экономики, бизнеса. В 1920-х гг. в США сгруппировалось 20 тыс. российских эмигрантов²¹.

Трудоустроились переселившиеся русские эмигранты в своей массе лишь в середине 30-х гг. Часть из них поглотили промышленные предприятия, часть вошла в мелкий и средний бизнес, часть – в различные учреждения. Некоторые из эмигрантов составили гордость технической и экономической мысли США. В их числе Игорь Сикорский – самый крупный конструктор вертолетов в мире; Георгий Кистяковский – химик, работавший над проектом «Манхэттен» по созданию первой атомной бомбы, позднее он стал профессором Массачусетского Технологического института; Владимир Зворыкин – «отец телевидения», получивший первый патент на кинескоп; Давид Сарноф – радиоинженер, принявший первые радиосигналы с тонущего «Титаника», первый из передавших музыку по радио; Владимир Столишников – один из архитекторов Карнеги-Холла; Василий Леонтьев (второе поколение) – лауреат Нобелевской премии по экономике.

Народ из России потянулся в США в конце прошлого века. Ехали с надеждой разбогатеть, но первому поколению эмигрантов приходилось нелегко. В Соединенных Штатах так и не были созданы чисто русские общины, не установилась система экономической взаимопомощи. Были общины, значительная часть которых состояла из бывших граждан России, СССР: украинцев, армян, евреев. В штате Массачусетс есть небольшой город Сейлем, где проживает много выходцев из России, Украины, Польши. Не случайно президент Никсон, читая доклад о деятельности общин национальных меньшинств в США в 1971 г., удивленно воскликнул: «А где же русские?»

Разразилась Вторая мировая (1939–1945 гг.), в Америку устремился второй поток российской эмиграции. Немалую часть его составляли представители различных политических эмигрантских партий и группировок – эсеры, меньшевики и др. В Америке начали издаваться «Социалистический вестник», «Новый журнал» – продолжение «Современных записок», «Новое русское слово» и другие эмигрантские журналы.

Русские не имели своих представителей в высших органах законодательной власти, поэтому их интересы на политической арене США защищать было некому. За всем этим стояла единственная причина: разбросанность россиян по всем Соединенным Штатам и, как следствие, утрата чувства национальной общности. Православная церковь не могла выступить связующим звеном, объединить всех русских, т.к. сама была расколота на три юрисдикции. Некоторой отдушиной являлся Толстовский фонд помощи русским эмигрантам, организованный в начале 1940 г. дочерью Льва Толстого

²¹ Стефан Д. Русские фашисты. М., 1992. С. 19.

Александрой, Ксенией Родзянко и Татьяной Шалфус. Три подруги во время Первой мировой войны были сестрами милосердия, затем работали в Международном Красном Кресте. После Октябрьской революции были вынуждены покинуть Россию, потом оказались в США. Деньги для основания Фонда вначале дали Игорь Сикорский, Сергей Рахманинов, сын адмирала Макарова Вадим. Затем Фонд поддерживали пожертвованиями состоятельные русские эмигранты. Одним из директоров-распорядителей Фонда был лауреат Нобелевской премии, экономист Василий Леонтьев.

Русские канадцы. Первые русские поселения в Канаде (в Монреале, Торонто, Ванкувере) были основаны политическими эмигрантами после революции 1905 г. и бежавшими из Сибири ссыльными. В 1919 г. организуется «Союз русских рабочих», который открыл в стране русские детские школы, кооперативные рестораны.

Большой наплыв русских эмигрантов из Европы в Канаду приходится на 1923–1925 гг., к этому времени здесь проживало 40 тыс. россиян²². В эти годы в стране существовало два основных русских центра: «Русский прогрессивный клуб», который объединял русских рабочих Торонто и других городов, и Русская православная церковь, которая спланировала вокруг себя вновь прибывающих эмигрантов, и они могли получить некоторую материальную помощь на первое время.

Следует отметить, что в этой североамериканской стране по сравнению с европейскими странами россияне легче находили работу. Здесь в начале XX в. сложились устойчивые русские поселения, уходящие корнями в прошлый век. В эту страну в поисках работы и лучшей доли еще задолго до революции добровольно переселились российские граждане, среди которых было много украинцев, белорусов. Это отложило отпечаток на профессиональную занятость переселенцев, нашедших применение себе преимущественно в качестве рабочих на промышленных предприятиях и в сельском хозяйстве. Местное население и власти проявляли доброжелательное отношение к российским эмигрантам, что способствовало ускорению их социальной адаптации, созданию русских общин. Большие российские колонии существовали в Канаде многие десятилетия, размещаясь в разных регионах страны, особенно в сельскохозяйственных. Здесь было немало русских, украинских, белорусских фермеров, выращивающих известную канадскую пшеницу.

В Канаде в первой половине нашего века было много русских общественных и культурных организаций. Самая крупная из них «Федерация русских канадцев», руководящим органом которой являлся национальный комитет. Федерация сложилась в рабочей среде в 1930 г., она имела свой печатный орган – газету «Вестник». Вокруг «Федерации русских канадцев» спланивались русские эмигранты первой волны – переселенцы из Европы. Они внесли в деятельность организации новые веяния, новые идеи. Федерация создала также газету «Канадский гудок». Однако в 1940 г. в разгар Второй мировой войны эта организация наряду с другими прогрессивными общественными организациями была закрыта правительством.

Русские эмигранты в Южной Америке. В 1930-х гг. усилился поток русских эмигрантов в Южную Америку, где их ждал изнурительный физический труд на кофейных и тростниковых плантациях, на вырубке леса и выкорчевывании пней, на фабриках и заводах, где эмигрантов распределяли чаще на участки с вредными условиями труда. Все это нередко приводило к истощению организма, профессиональным заболеваниям и преждевременной смерти.

Русским специалистам – врачам, инженерам, адвокатам и др. – трудно было найти работу по специальности в странах Южной Америки, потому что требовалось знание испанского языка, к тому же в Аргентине, например, не признавались русские дипломы.

²² Стефан Д. Русские фашисты. М., 1992. С. 19.

За вторую половину XIX в. в Аргентину переехали почти 23 тыс. россиян – русских, украинцев, белорусов, поляков, немцев, евреев. Славянское национальное меньшинство к началу 20-х гг. XX в. составляло 120 тыс. человек – третье по численности после испанского и итальянского населения. По наплыву эмигрантов в тот период Аргентина опережала все страны континента, кроме США²³.

Бразилия. К началу 1920-х гг. в Бразилии обосновались 55 тыс. россиян²⁴. Довольно большие русские колонии образовались позже в Сан-Паулу, Рио-де-Жанейро и ряде других мест. В этой стране русские жили в наихудших условиях, земли им доставались малоплодородные, районы наименее освоенные, но русские снискали себе уважение как великие труженики и тем доказывали, что имеют право на сносную жизнь, на достаток. Русская колония в Сан-Паулу до сих пор поддерживает связь со своей родиной – Россией.

В штате Мату-Гроссу в небольшом городке Примаверату-Лести обосновалось в конце 60-х гг. XX в. крупное поселение русских старообрядцев. Их предки в конце 20-х гг., когда до них докатилась сталинская коллективизация, покинули Россию, ушли из родной Сибири и поселились в Маньчжурии, где жили до 1949 г. – до победы Китайской революции и прихода к власти в Пекине коммунистического режима. Сначала старообрядцы перебрались в Аргентину, затем разъехались по другим странам Южной Америки.

Большая группа старообрядцев оказалась в Бразилии. Они осваивали малонаселенный штат Мату-Гроссу, район жесткотравных саванн, занимались сельским хозяйством, в основном производством сои. Старообрядцы вели и ведут до сих пор строгий образ жизни, браки заключаются только между русскими единой веры, свято хранят обычаи, язык, свою культуру, веру, выступая против «ереси» – радио, телевидения, газет и т.д. С внешним миром общаются только в случае крайней необходимости.

Парагвай. Одним из первых русских эмигрантов в Парагвае, куда с великим трудом просачивалась российская эмиграция, был генерал белой армии Иван Тимофеевич Беляев (1875–1957 гг.), снискавший добрую славу в этой стране своими замечательными деяниями²⁵. Участник Первой мировой войны, он не принял ни Февральской, ни Октябрьской революций. В мае 1918 г. Беляев пробрался на Дон, где был назначен начальником артиллерии всей Добровольческой армии. После разгрома армии 44-летний генерал Беляев из Новороссийска отправился на чужбину, навсегда простившись с Родиной.

Сначала генерал перебрался в Константинополь, затем зимой 1921–1922 гг. – в Париж. В 1923 г. судьба забросила Ивана Тимофеевича с женой в Южную Америку, в Аргентину, потом в Парагвай. Беляев обладал талантом не только полководца, стратега, ученого, но и был выдающимся путешественником, географом, этнологом, одним из русских первооткрывателей в 1920–1930 гг. Южной Америки. Он подробно описал жизнь парагвайских индейцев, личное знакомство с которыми позже переросло в дружбу. Беляев подготовил к печати индейско-испанские словари, основал для индейцев первую в Парагвае школу-колонию и национальный театр, возглавил национальный патронат по делам индейцев.

Парагвай остро нуждался в кадрах высокой квалификации, которые, помимо своих прямых обязанностей, помогали бы воспитывать молодое поколение. В июне 1924 г. президент Парагвая уведомил И.Т. Беляева, преподавателя фортификации и французского языка в Военной школе Асунсьона, о своем согласии на создание русского «культурного ядра» в республике. Стране, в первую очередь, требовались инженеры, конструкторы, путейцы, геодезисты и другие специалисты, способные содействовать ее эко-

²³ Яковлев А. Монархия – мать порядка? (Русские монархисты в Аргентине) // Аргументы и факты. 1991. № 27 (560). С. 5.

²⁴ Голеньков В. На fazende Месфодия. О русских старообрядцах в Бразилии // Советская Россия. 1990. № 175 (10362). 22 июля.

²⁵ См. подробнее: Мартынов Б. Русский генерал в Парагвае // Голос Родины. 1993. № 11–13.

номическому и техническому прогрессу. На призыв Беляева откликнулись его соотечественники требуемых специальностей, проживающие за границей. И выходцы из России внесли лепту в удовлетворение этой насущной потребности. Русские специалисты способствовали зарождению и становлению теоретической и прикладной науки в Парагвае, основали первый инженерный факультет в университете Асунсьона. Передавали парагвайцам свои знания, умения, опыт, участвуя в реализации народнохозяйственных программ, в проектировании и строительстве дорог, мостов и др. сооружений.

Русские эмигранты помогали также укреплять обороноспособность Парагвая и защищать его от внешних врагов. Так, в боливийско-парагвайской войне 1932–1935 гг. участвовали, по различным данным, от 62 до 86 русских офицеров. Беляев был дивизионным генералом парагвайской армии, занимал должность инспектора артиллерии при штабе командующего²⁶. Русские офицеры, как отмечали парагвайские газеты, показали себя умелыми и храбрыми войнами. Они сражались за правое дело вместе с народом приютившей их страны. Выходцы из России оставили заметный след своими делами, трудом не только в истории Парагвая, но и в истории всей Южной Америки.

Русские беженцы в Китае. В 1918–1922 гг. мощная волна российских эмигрантов прошла через Сибирь к Дальнему Востоку. Часть из них направились в Монголию, Корею, Японию, более состоятельные перебрались через океан в другие страны. Основная же масса, примерно 145 тыс. беженцев, обосновались в Китае²⁷, Шанхае, Тяньцзине, Циндао и в большинстве своем в Маньчжурии (Харбин). Немалую часть беженцев составляли изгнанные с российской земли остатки белогвардейских частей. Большинство из них были разоружены местными властями, после чего многотысячная обездоленная масса расселилась по просторам чужой огромной страны.

Особенностью Северо-Восточного и Северного районов Китая, куда устремилась российская эмиграция, было то, что они на протяжении нескольких десятилетий являлись зоной активной экономической деятельности русских предпринимателей (единственная в истории китайская ветвь эмиграции). Здесь действовала такая русская экономическая структура как КОД, существовал хотя бы минимальный опыт адаптации русских поселенцев. Специфика местных условий во многом определяла дальнейшую судьбу русских эмигрантов.

Вместе с тем единственным средством выживания в новых условиях для подавляющей массы русских пришельцев было активное включение в хозяйственную жизнь края. Особенность деловой активности заключалась в том, что в большинстве случаев она была направлена на удовлетворение спроса и потребностей того же контингента эмигрантов или зарубежного рынка. Не было создано коммерческих структур, сориентированных на общеазиатский рынок, интегрированных в экономику Китая. Это предопределило зависимый характер эмигрантских групп населения от политической конъюнктуры и произвола местных властей.

Тяготы эмигрантской жизни в Китае усугублялись дополнительными сложностями, обусловленными особенностями данного региона, в том числе этнокультурными, включая труднопреодолимый языковой барьер. Российские эмигранты, носители православной русской культуры, оказались в стране древнейшей восточной цивилизации с ее устойчивыми конфуцианскими традициями и весьма слабым знакомством с западной цивилизацией. Социальная пестрота и мобильность, смешение сословных статусов, присущих подобного рода конгломератам, наблюдались и в Китае. Однако общий облик русской диаспоры здесь определяла научная и творческая интеллигенция. Центром духовной и общественной жизни русской колонии стала Российская духовная миссия в Китае.

²⁶ Мартынов Б. Русский генерал в Парагвае // Голос Родины. 1993. № 11–13.

²⁷ См. подробнее о жизни русских эмигрантов в Маньчжурии: Мелихов Г. Маньчжурия далекая и близкая // Голос Родины. 1990. № 1–3.

В Шанхае осело около 19 тыс. эмигрантов²⁸. В этом крупнейшем морском порту на Дальнем Востоке русские оказались в наихудших условиях по сравнению с европейцами, обосновавшими здесь различные компании, концессии и т.д. Некоторые беженцы взяли китайское гражданство, чтобы обрести хоть какой-то статус. В первые годы массовая безработица душила российских эмигрантов. Но постепенно те, кто прихватил с собой и сумел уберечь от банд, свирепствовавших на железных дорогах и вдоль границ у себя на родине, некоторые накопления, открывали магазины, мастерские по пошиву одежды, кафе, рестораны, аптеки; врачи и адвокаты открывали частную практику. Молодые казаки и офицеры шли в муниципальную полицию. Женщины также постепенно трудоустраивались гувернантками, секретаршами, прислугой. Но немалое число из них, потеряв надежду найти какую-то работу, заполняли бары, кабаре, рестораны или обитали на панели, приобретая сомнительную профессию.

Нищета и безработица толкали обездоленных беженцев на различные авантюры, нередко уголовные. Такое поведение части беженцев настолько компрометировало российскую эмиграцию в глазах иностранцев, что в Шанхае слово «русский» вызывало отрицательную реакцию у европейцев, хотя местное население относилось к русским беженцам сочувственно. Поэтому эмигрант, одетый прилично, порой вынужден был выдавать себя за серба, поляка и т.д., но не за русского.

Вторым центром российской эмиграции был город Тяньцзинь, портовый город Северного Китая. Здесь обосновалась русская колония в бывшем русском поселке с трехтысячным населением. Оставшиеся после революции местные русские с пониманием приняли соотечественников. Условия жизни эмигрантов в этой колонии, находящейся в 70 км от Бэйпина (Пекина), были сноснее и терпимее, нежели в Шанхае, хотя и здесь существовали свои немалые трудности и заботы. После оккупации Маньчжурии Японией сюда хлынул новый поток россиян, спасавшихся от японского «благополучия».

В начале 30-х гг. в Китай от поголовной коллективизации, от нагрянувшего голода и нищеты бежали крестьяне приграничных областей СССР.

Большая часть дальневосточных русских эмигрантов поселилась в Маньчжурии. В 1922 г. их численность составляла 155 тыс.²⁹. Цивилизованный приток русских в эту часть Китая относится к 1896 г., когда Россия, по согласованию с китайским правительством, начала строительство Китайско-Восточной железной дороги, которая была ответвлением от Транссибирской железной дороги, пролегла по Северной Маньчжурии напрямую к Владивостоку. В связи со строительством КВЖД сюда направились тысячи рабочих, инженеров, служащих, военных и купцов. Они оседали вдоль строящейся железнодорожной магистрали, образуя русские поселения. Приход солдат, казаков и офицеров из разбитых частей белой армии и гражданских беженцев значительно увеличил численность русскоязычного населения.

Крупным центром российской эмиграции в Маньчжурии стал город Харбин – большой железнодорожный узел, где находилось правление КВЖД. В 1922 г. в Харбине было 120 тыс. русских³⁰. Он являлся крупнейшим центром русской диаспоры. После японской оккупации в нем осталось 55 тыс. россиян. Русские поселения располагались в основном в трех районах города, который по существу представлял собой сочетание семи городков. Один из них – это Пристань, расположенный у реки Сунгари, с речным вокзалом и коммерческим центром. Здесь многое напоминало Россию: светились купола православных церквей, по реке сновали колесные пароходы, набережные по вечерам заполнялись людьми в русской одежде, по улицам спешили трамваи и дрожки, зимой – запряженные в сани лошади с извозчиком в полушубке. Те же бородатые священники,

²⁸ Стефан Д. Русские фашисты. М., 1992. С. 55.

²⁹ Там же. С. 58.

³⁰ Пар Г. Зарубежная Россия // Диалог. 1991. № 8. С. 22.

казаки в полувоенной одежде, одетые в форму школьники, те же детские игры на пустырях, на улицах женщины с детьми в колясках, вывески на русском языке.

В районе Модягоу, почти сплошь застроенном деревянными домами с резными наличниками на окнах и торцах крыш, жили эмигранты среднего достатка. Жалкое впечатление производила нищая Нахаловка, заселенная беднейшими людьми из беженцев, которые ютились в кое-как сколоченных лачугах, голодные и больные. Это были беженцы из Сибири без имущества и связей, большая часть из них не имела работы. Их дети бегали по улицам, прося милостыню, девочки-подростки торговали собой.

Внушительная русская диаспора сложилась в северо-западной части Маньчжурии, в бассейне реки Аргунь. Издавна привлекали забайкальских казаков плодородные земли, сенокосы, охота. В эти места и устремилась часть казаков из бывших белых формирований. Здесь было создано более 20 поселений – от хуторов по 10–15 домов до деревень по 100 и более дворов в каждой. Встречались деревни, полностью заселенные русскими жителями, застроенные по сибирскому образцу домами-пятистенками. Всего в этом районе проживало более 6 тыс. россиян.

Российская эмигрантская интеллигенция не осталась за рубежом политически пассивной. Наибольшее число политических организаций сосредоточивалось в Харбине. Здесь действовали две монархические фракции. Генерал В.А. Кислицын был лидером Союза легитимистов, который поддерживал великого князя Кирилла Владимировича. Генерал-лейтенант Г.А. Вержбицкий возглавлял маньчжурское отделение Русского Общевоинского Союза (РОВС), выступавшего за великого князя Николая Николаевича. Действовали в Харбине организации «сменовеховцев», «евразийцев», НТСМП и др. Несомненна положительная роль русской эмиграции в создании культурных и научных центров в Китае, таких, как Харбинский политехнический институт.

В 1931 г. Япония оккупировала Маньчжурию, переименовав ее в Маньчжоу-го. В феврале 1932 г. в Харбин вступили части Квантунской армии, российские эмигранты встретили их приветствиями. Однако эта радость была преждевременной. Оккупанты повели себя агрессивно, вскоре русские эмигрантские организации были взяты под контроль. За их деятельностью следили специально приставленные офицеры Квантунской армии. Кроме того, японцы стали призывать эмигрантскую молодежь в возрасте до 21 года в отдельные части армии. Спасаясь от японских оккупантов, значительная часть эмигрантов вынуждена была перебраться в центральные районы, преимущественно в Шанхай, который в течение нескольких лет оставался центром русской культуры в Китае.

Русская эмиграция не вписалась в китайское общество, русские не сделались одним из народов Китая. Они не поддались реакции этнокультурного отторжения, их не удалось ассимилировать как нацию. Жизнь русской эмиграции совпала с периодом революционных потрясений и мощного национально-освободительного движения в Китае. В 1948 г. на заключительном этапе революции и в первые годы образования КНР русские эмигранты покинули Китай: часть уехала в иные страны, другие вернулись на свою историческую родину.

Русская колония в Тунисе. Эта колония отражала судьбу Черноморской эскадры, будучи тесно связана с ней. Сосредоточенные в разных черноморских портах военные и торговые корабли доставили в ноябре 1920 г. к турецким берегам россиян – остатки Русской армии Врангеля и беженцев. Из Константинополя эскадра в составе 33 кораблей направилась в тунисский город-порт Бизерта, бывший тогда французской военно-морской базой, которая стала последней стоянкой Черноморского Императорского флота. С этих кораблей в порту высадились 5200 человек из почти 150 тыс. соотечественников³¹.

³¹ См. подробнее о судьбе Черноморской эскадры и русской колонии в Тунисе: Лагутин В. Когда был спущен флаг // Эхо планеты. 1990. № 26. С. 26–31.

Корабли стали местом проживания моряков и их семей. Когда на прикол поставили корабль «Георгий Победоносец», они перебрались на него. Жили изолированно от местного населения, сообща делили радости и беды, поддерживая друг друга. Среди моряков строго соблюдалась дисциплина, проводились учения, пищу раздавали в установленное время. Французы обеспечивали эскадру провизией.

На «Георгии Победоносце» была открыта детская школа. Преподаватели подобрались отменные. Так, математику преподавал адмирал русского флота Воблинский. На берегу, близ Безерты, в лагере «Сфаят» действовал Морской кадетский корпус для детей эмигрантов, по окончании которого гардемарины получали право поступления во французские высшие учебные заведения.

28 октября 1924 г. Франция признала СССР. Французский адмирал Эксельманс сообщил об этом русским матросам, офицерам и гардемаринам на эскадренном миноносце «Дерзкий», а также о решении французского правительства прекратить существование Черноморской эскадры как Императорского флота. 29 октября навсегда был спущен Андреевский флаг на всех кораблях эскадры. Это был трагический, незабываемый момент для русских черноморских моряков, у многих в глазах стояли слезы.

В ноябре 1924 г. советское правительство направило во Францию комиссии для осмотра находившихся в Бизерте русских военных кораблей и подготовки их к буксировке в Черное море. В составе комиссии был Евгений Андреевич Беренс, командующий всеми морскими силами Советской республики в годы гражданской войны. Примечательны биографии, этого морского офицера бывшего Императорского флота и его родного брата Михаила Андреевича, в которых отразилась драматическая судьба русского офицерства после Октябрьской революции.

Братья – выходцы из дворянской семьи обрусевших немцев. Оба окончили Морской кадетский корпус. В русско-японскую войну старший – Евгений Андреевич Беренс – был старшим штурманом легендарного крейсера «Варяг». Контуженный во время последнего боя крейсера с превосходящими силами японцев при Чемульпо 27 января 1904 г., он не покинул своего поста. За мужество, проявленное в сражении, был награжден орденом Святого Георгия четвертой степени. В русско-японской войне участвовал и его брат Михаил. За оборону Порт-Артура он был награжден орденами Святой Анны третьей степени с мечами и бантом и Святой Анны четвертой степени с надписью «За храбрость».

В Первую мировую войну Михаил Беренс был командиром эсминца «Новик», лучшего эсминца на Балтийском флоте. В бою с тремя германскими кораблями 4 августа 1915 г. в Ирбенском проливе эсминец не уронил чести Андреевского флага. Михаил Андреевич за этот бой был награжден орденом Святого Георгия четвертой степени. Вскоре его назначили командиром новейшего линкора «Петропавловск». Боевой офицер М. Беренс пользовался у матросов авторитетом. Но после Февральской революции, когда на флоте и в армии распространились самосуды матросов и солдат над неугодными офицерами, между командиром и матросами произошел конфликт, в результате которого Михаил Андреевич был арестован. Только командование флота помогло ему избежать трагического исхода. Воспитанный в монархических традициях, далеких от политики, поборник строгой воинской дисциплины и единоначалия, Михаил Беренс отверг революцию, не признавал ее лозунгов, матросских самосудов над офицерами и вмешательства рядового состава в дела командиров. Новые порядки на флоте и личные монархические убеждения оттолкнули его и от Февральской, и от Октябрьской революций.

Контр-адмирал М.А. Беренс стал последним командующим Черноморской эскадры, в должность которого вступил в январе 1921 г. Это он отдал в порту Бизерта тяжелейшую для русских моряков команду: «Флаг и гюйс опустить!» Михаил Андреевич много труда приложил для сохранения русского флота и русской колонии в Бизерте.

Умер он во время Второй мировой войны, так и не приняв французского гражданства, похоронен близ Туниса – в Радесе.

Иная судьба сложилась у Евгения Андреевича Беренса. После Февральской революции он возглавил иностранный отдел Морского генерального штаба. Октябрьскую революцию Е. Беренс, далекий от политики, встретил без идеологического энтузиазма, но считал своим долгом служить новой России. Таким образом, старший брат оказался по другую сторону баррикад. Что послужило поводом для принятия им такой позиции, ответить трудно. На собрании личного состава Морского генерального штаба Евгений Михайлович был избран начальником штаба, а в апреле 1919 г. приказом Реввоенсовета его назначили командующим всеми морскими силами Советской республики. После гражданской войны Е.А. Беренс был направлен морским атташе в Великобританию. В начале 1928 г. он тяжело заболел и в апреле этого же года умер от рака, похоронен на Новодевичьем кладбище.

Перед приездом советской комиссии для осмотра русских кораблей в Базерте М.А. Беренс, узнав, что его брат включен в комиссию, уехал в тунисскую столицу, чтобы не встретиться с Евгением. Что руководило им? Непрошенная обида на брата за его переход на службу Советам или тревога за его будущее, если Евгений встретится со своим братом – врагом советской власти? Можно только предполагать. Но при любых мотивах встреча двух братьев, двух командующих – Красным флотом и Черноморской эскадрой – не состоялась.

После осмотра было решено все корабли – 2 линкора, 2 крейсера, 10 миноносцев, 4 подводные лодки и 12 других судов – передать Франции в качестве оплаты царских долгов, а также платы за расходы по содержанию врангелевцев французскими властями в Константинополе и за материальную помощь русской эскадре в Бизерте до 1924 г., на чем настаивало французское правительство. В Россию возвратился только пассажирский пароход «Константин», принадлежавший торговой компании. В 1932 г. многие из черноморских кораблей были проданы на слом.

После 1924 г., когда русская эскадра была распущена, многие русские уехали из страны. Те, кто остался в Тунисе, подыскивали себе работу. Русских морских офицеров французы беспрепятственно брали на службу в Морское ведомство, на строительство, служащими контор, через которые управляли протекторатом. Матросы чаще устраивались земледельцами, рабочими, рыболовами.

В 30-х гг. французское правительство предложило всем желающим русским эмигрантам принять их гражданство. Многие россияне, особенно офицеры, восприняли это как насилие, отчуждение от Родины. Однако французы были тверды в своих намерениях и не пожелавших принять их гражданство русских лишали работы. В этой связи начался второй этап выезда русских из Туниса. В конце 50-х гг., по случаю получения Тунисом независимости (1956 г.), начался массовый выезд русских из Бизерты. Русская колония постепенно таяла, в ней оставались только старики и те, кто имел паспорт беженца или вступил в брак с местными жителями.

Русские в Австралии. Приток русских эмигрантов в Австралию относится к началу 1920-х гг., хотя первые русские поселения начали складываться здесь в начале IX в. После революции 1905–1907 гг. в Австралию перебрались многие бежавшие из ссылок и с каторги активные революционеры: Артем (Ф.А. Сергеев), Петр Симонов, Петр Уткин, Александр Зузенко и др. На новом месте они не расстались со своими революционными идеями и пытались создать свой политический микроклимат, участвовали в работе Союза русских эмигрантов, организованного в 1910 г. и в конце концов переименованного в Союз русских рабочих-коммунистов, издавали газеты. В начале века на этот континент прибывали и люди с капиталом, в основном мелкие предприниматели,

которые создавали здесь совместные предприятия, что способствовало оживлению торговли между Россией и Австралией.

Русские эмигранты первой волны, как и большинство их предшественников, через Сибирь, Дальний Восток, Китай и Японию добирались до крупного австралийского порта Брисбена, от него в штат Квинсленд, где без особого труда можно было найти работу на строительстве железных дорог, на сахарных плантациях, на шахтах, устроиться плотником или рабочим на фермах.

Новые эмигранты создавали собственные организации, которые были лишены какой-либо революционной направленности. Так, в 1923 г. в Сиднее был организован Кружок русских эмигрантов, а в 1924 – Русский клуб как антипод сиднейскому Русскому коммунистическому клубу, к которому местные власти относились с крайней подозрительностью. Естественно, такое противостояние кружков и клубов обостряло взаимное недоверие, вызывало обоюдные обвинения. Особую опасность новые эмигранты видели в возможности «коммунистического проникновения» в их среду. Каждая общественная организация считала, что именно ей принадлежит приоритет в определении «подлинного пути политического спасения России». Ненависть к советской власти, большевикам была всепоглощающей. В 1931 г. эмигранты организовали издательство «Интеллектуальная библиотека». Следует отметить, что российская диаспора в Австралии оказалась самой стабильной, несмотря ни на какие мировые военно-политические потрясения в 30–40-х гг. XX в.

Приспособляемость россиян к крайне тяжелым условиям жизни на чужбине при нередко враждебных отношениях к беженцам коренного населения была низкой в первые годы проживания. Безработица и нищета среди эмигрантов приводили к постепенной деградации части из них, потере профессиональных навыков. Вместе с тем в российской эмиграции сохранялся классовый и сословный состав эмигрантов с его формальными атрибутами.

Болезненной проблемой для русских эмигрантов была психологическая адаптация и этническая совместимость с местным населением. С одной стороны, большинство из них не покидало ощущение временности пребывания в чужой стране. С другой – официальная политика в ряде стран, попытки ассимиляции эмигрантов, растворения их в этнической среде коренных жителей. Эта политика вызывала противодействие россиян, особенно старшего поколения. Ради сохранения менталитета они культивировали национально-религиозное сознание, воскрешали традиции монархической России, через общественные эмигрантские организации собирали средства на строительство православных храмов, открывали русские школы. Однако тоска по Родине щемила душу россиян, несмотря ни на какие личные политические тенденции и амбиции, на противостояние большевизму. В сознании солдат, казаков, части интеллигенции начинает господствовать мысль о репатриации, желание и стремление вернуться на родину. Эмигрантские организации русских общин помогали соотечественникам вынести лишения и тяготы жизни на чужбине, наладить личную жизнь, трудоустроиться, выступали как средство сохранения этнических элементов, этнического состава, морально-психологического портрета нации.

Принятие СССР в 1934 г. в Лигу Наций, признание Советского Союза многими европейскими государствами и установление с ним дипломатических отношений резко осложнило положение российской эмиграции. Дело в том, что советское правительство при установлении дипломатических отношений с государствами обязательно отмечало свою позицию относительно российской эмиграции, нашедшей приют в данной стране. Так было с Францией, Германией, Англией, Чехословакией и другими. Правительства

этих государств изменили свои отношения к русским беженцам как национальным меньшинствам. Это заметно проявилось в политической и социальной сферах: запрещение выпуска газет и журналов с антисоветским содержанием, высылка из страны, увольнение с работы, закрытие детских учебных заведений и т.п. В таких ситуациях эмигранты были вынуждены выбирать конформистские позиции, вопреки своим убеждениям, объединяться независимо от политических взглядов. С началом Второй мировой войны много россиян покинуло Европу, и центром российского зарубежья становятся США.

ГЛАВА III. КОНЦЕПЦИЯ ЖИЗНИ И МЕНТАЛИТЕТ РОССИЙСКОЙ ЭМИГРАЦИИ

Концепция жизни российских беженцев является основой в понимании менталитета русской эмиграции. Между условиями жизни, сознанием и деятельностью эмигрантов существовала сложная взаимосвязь. Их образ жизни создавался как далеко не свойственный данным классам, сословиям, социальным группам способ удовлетворения и развития своих материальных и духовных потребностей в изменившихся жизненных ситуациях. Он охватывал практически все основные сферы жизнедеятельности в условиях эмигрантского бытия: труд, быт, культуру, общественно-политическую деятельность. Эти новые условия определяли уровень, качество и уклад жизни россиян.

Концепция жизни, в которой были интегрированы социальные ожидания и позиция эмигранта, представления о себе, своих целях и потребностях, о своем месте в социальной группе, формировалась, прежде всего, под влиянием микросреды. Через личностную концепцию проходили все внешние воздействия и оценивались жизненные обстоятельства. Она выполняла функцию ориентира в проблемных ситуациях, при выборе вариантов поведения для реализации целей и удовлетворения актуальных потребностей, нередко выступала в качестве мотива поведения и психологического защитного механизма от внешних воздействий.

Образ жизни российской эмиграции представлял собой своеобразную противоречивую взаимосвязь условий жизни с ее концепцией у различных социальных типов эмигрантов. Проблемы жизнедеятельности воплощались в потребностях, интересах, установках, ценностных ориентациях. Существовала многоплановая взаимосвязь между потребностями, интересами, с одной стороны, и убеждениями, привычками, нормами морали, с другой. Поэтому эмигрантам нередко приходилось длительное время преодолевать устаревшие стереотипы мышления и поведения. Поведенческий уровень ценностной системы эмигрантов свидетельствовал о наличии установки на определенную деятельность в соответствующей ситуации.

Концепцию жизни и ее реальный образ необходимо рассматривать как взаимосвязь экономической, социальной, социально-психологической и идеологической сфер жизнедеятельности эмигрантов. В экономико-социальном аспекте образ жизни освещался при характеристике русской эмигрантской диаспоры. Концепция и образ жизни определяли менталитет русской эмиграции, который, в свою очередь, регулировал поведение российских беженцев в микро- и макросреде.

Энциклопедический словарь «Политология» так толкует понятие «менталитет»: «Менталитет – обобщенное понятие, отчасти образно-метафорическое, политико-публицистическое, обозначающее в широком смысле совокупность и специфическую форму организации, своеобразный склад различных психологических свойств и качеств, особенностей и проявлений. Используется, главным образом, для обозначения оригинального способа мышления, склада ума или даже умонастроений»³². Вместе с тем менталитет как способ мышления выявляет уровень политической культуры личности, группы, общества, их политические и социальные ценностные ориентации, их национальные традиции и обычаи, степень и особенности духовного развития. В нашем конкретном случае менталитет русской эмиграции рассматривается как интеллектуально-психологические и моральные свойства и качества, которые способствуют воссозданию некоторых черт идейно-политического, социально-психологического, нравственного и национально-этнического портрета русского зарубежья.

Среди политически активных эмигрантов сохранилось относительно устойчивое политическое сознание и самосознание, равнозначные их ценностным ориентациям в

³² Энциклопедический словарь. Политология. М., 1993. С. 174.

области политики (правовое государство, политическое равенство, свобода, справедливость, демократия и т.п.). Эмигранты – как отдельные личности, так и социальные группы, организации, партии – пытались определить и оценить в новых условиях свою роль в политике относительно России, теперь уже советской, установить и укрепить единые цели, идеалы и мотивы поведения, выработать в зависимости от идеологических позиций политико-психологическую общность в восприятии эмигрантской и российской реальности, ее политической оценке и определить характер деятельности.

В познавательном аспекте политическое сознание россиян выражалось в накоплении и анализе информации о жизни Советской России как внутри страны, так и на международной арене, в попытке предопределить свои ситуативные позиции и наметить возможные способы воздействия личного, группового, партийного на российские политические ситуации.

Вместе с тем политическое сознание и самосознание эмигрантов способствовали эмоциональному восприятию своего социального статуса за рубежом. Лишенные гражданства в своей стране, они в отчаянии искали точку опоры. В политико-психологическом аспекте это выражалось в переплетении и борьбе политического самоуважения, связанного с реальностью и результатами прошлой общественной деятельности, и политического самоуничтожения, порожденного социальным положением эмигранта, которое лишало его возможности активного влияния на политическую жизнь России. Такое эмоциональное отношение эмигрантов к своему гражданскому статусу порождало стремление повысить политическую самооценку, хотя бы мысленно расширить свою значимость, воскресить уверенность в своих силах, чтобы предрешать судьбу будущей России с монархических, демократических, либеральных и т.п. позиций.

В политическом аспекте важное значение приобретал образ Европы, которая воспринималась эмигрантами, прежде всего, как модель цивилизации, сумевшей выработать механизм саморегулирования и самосохранения социально-политической культуры и культурных традиций. Это направление эмигрантской мысли представляется весьма перспективным в отношении развития культурологического анализа и, вместе с тем, эволюции «самопознания» эмигрантов.

В целом политический менталитет создавал характерный образ русского эмигранта, социальной группы с ее специфическим мышлением в области политики, обусловленным национальным сознанием, совокупностью социальных и психологических факторов, и определял их предполагаемую общественную роль (в случае возвращения на родину) в преобразовании и развитии несоветской России. Однако жизнь на чужбине создавала свои объективные ситуации. Значительная часть эмигрантов под влиянием бытовых условий проявляла политическую пассивность, а порой и апатию, не соприкасалась с помыслами и деятельностью политически активной части эмиграции, направленными на изменение существующего строя Советской России. Внешне ярко политическая мысль российских беженцев проявлялась в их эмигрантской прессе, которая в 1920–1930-х гг. имела преимущественно политическую направленность и отражала политические ценности и культуру российского зарубежья.

Политическим лидерам в эти годы было очень трудно, даже невозможно, создать общую платформу для борьбы против большевизма и советской власти, найти общий язык и способы совместных действий. Они постоянно спорили о многом. Об идейно-политических баталиях партий, группировок и основных идеологических течениях, движениях русской эмиграции подробнее будет сказано в следующей главе данной работы.

Социально-психологический климат эмигрантской среды. Менталитет русской эмиграции способствовал сохранению социально-психологической общности. Критические, экстремальные обстоятельства не смогли разрушить ее целостности, хотя и не-

малая часть эмигрантов находилась в подавленном психическом состоянии под воздействием социальных факторов, особенно в первой половине 1920-х гг.

Осознание потери Родины, гражданская и бытовая изоляция россиян также в немалой степени оказывала отягчающее влияние на их психику, нарушая душевное равновесие. Предательство друзей, утрата близких, гибель имущества, конец карьеры, унижительная зависимость от других – все это глубоко ранило душу. Найдя приют за рубежом, русские эмигранты обеспечили безопасность жизни, но утратили первичные духовные связи с Родиной. Поэтому они стремились создать свою микросреду со своим социально-психологическим климатом, который выражал состояние психики группы, общины. Это психическое состояние представляло собой своеобразный сплав эмоциональной и интеллектуальной целевых установок, ориентированных на приспособление к новым социальным условиям отношений как внутри группы, так и с внешней средой (макросредой), настроений, переживаний, мнений и суждений классово-сословной группы.

Внешняя среда проявляла различное отношение к русским эмигрантам, воздействуя на морально-психологический климат группы, общины. Это отношение выражало нередко безразличие к их судьбе, порой отчужденность, когда на неимущих русских обеспеченные слои населения смотрели как на изгоев, людей, утративших социальные признаки. В бедных кварталах такие же бедняки видели в русских нежелательных конкурентов на бирже труда. Естественно, что равнодушие, тем более враждебность, отрицательно сказывались на психическом состоянии и умонастроениях россиян, изолировали их от макросреды.

Определенная общая тенденция в создании своей микросреды, в восстановлении в какой-то степени бывшего социально-психологического климата особенно четко наблюдалась у представителей бывших высших дворянских сословий. Они старались в бытовой атмосфере сохранить свои аристократические традиции, свой сословный статус, используя при обращении или упоминании титулы «князь», «княгиня», «граф», «барон». В чиновничьих кругах в обращении непременно упоминался чин ранее установленного класса: «действительный статский», «тайный советник» и т.п.

Понижение социального статуса было болезненным и для русского офицерства. Но, находясь в эмиграции на разных ступенях социальной лестницы, овладевая разными профессиями, они продолжали считать себя офицерами прежней России, хотя и старались скрывать от иностранцев свои звания и социальное происхождение. Русские эмигранты, в том числе офицеры, пребывая днем в рабочей среде, жили как бы первую часть своей двойной жизни. В то же время, будучи в положении рабочих, они не становились пролетариями, не сливались с тем классом, в ряды которого попали, не осознавали себя в новом качестве – рабочими, конторскими служащими и т.п., потому что были людьми другого воспитания, другой психологии. Они воспринимали мир, мыслили, чувствовали себя не как трудящиеся, а как представители привилегированного класса, волею судьбы временно брошенные в иную социальную среду.

Вторая часть жизни эмигрантов проходила во вне рабочее время. Здесь менталитет россиян раскрывался полностью. Ни катаклизмы братоубийственной войны, ни оторванность от родной земли не могли его изменить. Даже те из россиян, кто уже не мечтал о реставрации в России, о падении советской власти и возвращении на родину, продолжали жить в старом мире, старыми образами. Офицеры на вопрос, кто они, отвечали: офицер-кавалергард, офицер-артиллерист, гардемарин, капитан, генерал и т.д. Эта вторая жизнь, мысли и надежды на освобождение Отчизны от большевизма давали им моральные силы сохранять присутствие духа в тяжелых социальных условиях и оставаться россиянами.

Казаки и солдаты, выходцы преимущественно из крестьянских семей, легче адаптировались в новой внешней среде. Вместе с тем проживание в основном в общинах,

где преобладала русская речь, русские обычаи и образ жизни, позволяло им сохранять русский крестьянский образ мыслей.

Первое поколение русских эмигрантов, усваивая правила внешней среды, так и не адаптировалось психологически. Оно не подверглось полной социализации, адаптация сводилась к простому усвоению социальных требований и запретов. Это способствовало сохранению социально-психологического портрета зарубежных россиян.

Национальное сознание русской эмиграции. Оно не было подавлено условиями жизни беженцев, выдержало испытание местом и временем. Сохранению национально-го сознания и самосознания способствовали, прежде всего, такие факторы, как неразрывная духовная связь со своей Родиной, гордость за ее многовековую историю, приверженность к национальной истории, сопричастность страданиям и судьбе России, ее обманутому народу, оставшемуся во власти большевиков, сегодняшние личные проблемы и перспективы эмигрантского социокультурного развития.

Русская эмиграция стремилась сохранить за рубежом «малую» Россию, память о ней, национальное самосознание. Эмигранты были патриотами своего Отечества, их воспоминания и тоска по Родине мучительны. От этой тоски некоторые пускали себе пулю в лоб, лезли в петлю, не видя выхода, стонали от душевной боли в прекрасной Европе, веселом Париже, в чистеньком и богатеньком Амстердаме. В обыденном смысле трагедия этих людей понятна, ибо до конца своих дней подавляющее большинство эмигрантов оставались верными старым убеждениям, что не может не вызывать уважения.

В чем причина такой привязанности русских к России, их патриотизма, почему многие духовные черты эмигрантов так приковывают к себе? Здесь мы сталкиваемся с феноменом русской души. Эта непонятная западной цивилизации ностальгия – тоска по Родине, которая основана на феномене русского национального характера. Любить Родину, отнявшую у тебя все, чем дорожил, разрушившую твою семью, искалечившую судьбу твоих сограждан, изгнавшую тебя на чужбину. Иными словами, это национальный феномен русского восприятия своей страны – любить не только за..., но и вопреки...

Сохранению национального сознания и самосознания русской эмиграции способствовали национальные интересы. Если повседневные потребности стихийно изменялись под влиянием условий жизнедеятельности, порождая новые потребности и способы их реализации, то национальные интересы, ориентированные на систему ценностей, были гораздо более устойчивыми. Интересы Русского зарубежья особенно твердо проявлялись в стремлении эмигрантов к сохранению национальной особенности на основе общности культуры, выступающей ее интегрирующим элементом, религиозных и моральных традиций, поведения даже при разных условиях жизни, разногласиях в политических позициях.

Поведение эмигрантов в социальных группах, общинах по возможности основывалось на понимании совместных задач жизнедеятельности. При этом наблюдались попытки россиян интегрировать вместе взятые элементы связи в рамках социально-психологического взаимодействия, что в определенной степени регулировало поведение личности и группы и укрепляло осознание эмигрантами необходимости своего сплочения ради их осуществления.

Одним из компонентов национального сознания и самосознания является система ценностей, ценностные ориентации. В социологической литературе ценностями считаются предметы и явления как материального, так и идеального порядка, а также их качества и свойства, которые обладают положительной значимостью для общества и личности, т.е. способны удовлетворять их потребности, служить их интересам. Ценностные ориентации рассматриваются в качестве концентрированного выражения потребностей и интересов личности.

Поскольку ценностные ориентации русской эмиграции (как и любого класса, общества, наконец, личности) выражали ее потребности и интересы, установки на те или

иные ценности материальной и духовной культуры российского общества, они являлись ядром сознания, в котором воплощались помыслы и чувства эмигрантов, и с точки зрения которого решались многие жизненные вопросы. Здесь имеются в виду мировоззренческая и идейно-нравственная позиции россиянина и в целом русской эмиграции в отношении к важнейшим ценностям своего времени, идеалы, стремления и жизненные цели, т.е. компоненты внутреннего мира.

Материальные потребности и интересы эмигрантов представляли собой тот базис, на котором, в конечном счете, возникало их ценностное отношение к действительности, а она, в большинстве случаев, была незавидной. Экономические ценности определяли материальные общественные отношения в масштабе макросреды.

Социально-политические ценности включали в себя прежнее сознание духовной и идеологической свободы, непримиримость к политическому угнетению, т.е. выражали то реальное состояние, которое определяло идеологические общественные отношения в эмигрантской среде. При многопартийности Русского зарубежья, разнообразии идеологических течений такие отношения имели многогранный характер и отражали как политический, так и национальный менталитет эмиграции.

Духовность россиян включала этические (добро, справедливость), эстетические ценности, научные знания, а также идеалы и нормы поведения. Осознанное отношение к национальным духовным и материальным богатствам России, стремление к творчеству ради их умножения, бережное отношение к ним явились замечательной традицией русской эмиграции.

Система ценностей и установок Русского зарубежья отражала определенный этап его развития, она подвергалась постоянному воздействию макросреды, что запечатлевалось в сознании личности и социальных групп. Естественно, в условиях эмиграции у некоторой части россиян на основании эволюции самосознания происходила переоценка идеалов с эмоциональной и рациональной позиций в процессе самоопределения. Однако вся система ценностей, ориентации большей части эмигрантов, сформировавшиеся в дооктябрьский период, сохранили относительную стабильность, выступая как национально-этнические стереотипы, что подтверждало устойчивость национального сознания Русского зарубежья. Сознание, самосознание и психология эмигрантов представляли собой в совокупности органическое единство знаний, духовных ориентаций, социальных установок и реального поведения.

Обеспечению устойчивости национального сознания способствовали обычаи и традиции русской эмиграции как нормы поведения. Они закрепляли жизненный опыт, отражающий особые условия существования россиян в новой социально-экономической среде. Эмигранты всеми силами стремились воспроизвести и сохранить национальные особенности, обычаи и традиции, цементирующие их содружество, единение вдали от Родины. Построенные на основе определенной системы ценностей стереотипные представления, нормы и образцы поведения, имеющие как исторические, так и социальные корни, продолжали упорядочивать поведение каждого эмигранта, социальной группы. Однако традиции русской эмиграции, направленные на приспособление к стабильным свойствам своей среды, не обеспечивали устойчивое адаптивное социальное воспроизводство подрастающего поколения.

Для россиян, проживавших в условиях национального меньшинства, традиции и обычаи предыдущих поколений служили средством самосохранения как этноса. Поэтому эмигранты старшего поколения старались передать детям и внукам национальные обычаи и традиции, культивировали их не только как национальные ценности, нормативные требования к поведению в чужой стране, но и как средство защиты от ассимиляции. С этой целью использовались дополнительные источники, в том числе

«психологические ресурсы» – осознание россиянами необходимости сопротивления ассимиляции, стремление к самоутверждению.

Национальная политика большинства государств по отношению к национальным меньшинствам, проживающим на их территориях, однозначна – непринудительно или принудительно ассимилировать их, приобщить к социокультурному образу жизни коренной нации. Русская эмиграция взаимодействовала с местным населением стран, избирательно воспринимала и перерабатывала влияние внешней среды, усваивая ее правила в соответствии со своей «внутренней природой». Однако старшее поколение россиян видело свою задачу в том, чтобы не ассимилироваться, не уподобиться другой нации и не раствориться в ней как этнос под воздействием государственной политики, макросреды и социальных потрясений за рубежом. Основными рычагами в этом процессе сопротивления было укрепление национального самосознания, сохранение культурных взаимосвязей и создание своего морального микроклимата.

Культурные традиции оставались универсальным средством обеспечения определенной стабильности российской эмиграции. Преемственность традиций в развитии науки и культуры играла значительную роль. При этом сохранялись многообразие и богатство творческого потенциала Русского зарубежья, его национально-культурная тождественность и способность к выживанию в качестве национальной и психологической общности.

Обычаи и традиции создавали моральный климат в эмигрантской среде. Он характеризовался сплоченностью социальных групп, общин, являющейся главным показателем их жизнедеятельности, на основе единства нравственных ценностей, идеалов и требований оценочных стереотипов социальных групп, культурой взаимоотношений, общностью интересов и взаимной поддержкой в критических обстоятельствах.

Разумеется, в эмигрантской среде, как и в любом обществе, были отклонения от нравственных норм – проституция, воровство, аферы и т.д. Но это коснулось той незначительной части эмигрантов, которая не влияла на моральный климат россиян. Социальный же состав костяка эмиграции, происхождение, воспитание и образование русских беженцев гарантировали сохранность высоких нравственных устоев. Моральные ценности, основы поведения, выработанные россиянами в течение веков, определяли коллективный и личностный уровни функционирования моральных отношений, укрепляя самосознание и национальную стабильность русской эмиграции.

Стремление эмигрантов к самоутверждению служило не только защитной реакцией на ассимиляцию, но и вместе с тем явилось следствием осознания личностью своей роли в поддержании престижа нации и эмоционально положительного отношения к социальной среде.

Интерпретируя высказывания отечественных социологов о природе, сущности, содержании и формах самоутверждения личности, это понятие можно толковать так: самоутверждение – это процесс такого взаимодействия человека и социальной среды, в котором реализуются его стремления определенным образом проявлять себя в деятельности по выполнению разнообразных общественных ролей и тем самым добиться как определенных результатов деятельности, так и соответствующей общественной и личной значимости. Самоутверждение личности, микрогрупп представляло в совокупности самоутверждение русской эмиграции в различных странах.

Самоутверждение было связано со многими социально-психологическими факторами и, прежде всего, с теми, которые характеризуют особенности проявления эмигрантов в социальной микро- и макросреде научным, профессиональным авторитетом, лидерством в общественной и творческой деятельности и др. Прослеживается стремление россиян к проявлению своей индивидуальности, к утверждению себя, главным образом, в ведущих сферах жизнедеятельности, к постоянному расширению области при-

ложения своих сил и возможностей, что свидетельствует о многообразии сфер самоутверждения и служит показателем духовного богатства и возможностей русской интеллигенции. Ее духовные и материальные потребности во взаимодействии с ценностными установками выступали как мотивы выбора целей, средств и способов самоутверждения.

Европа и Америка знали имена крупнейших русских изобретателей, внесших вклад в научно-технический прогресс за рубежом, ученых, обогативших знания иностранцев в области химии, физики, микробиологии, медицины и других научных областях; философов, экономистов, социологов, историков, политологов, публицистов. Не угасало творчество русских писателей и поэтов; на сценах театров европейских, американских, азиатских стран звучали голоса русских певцов, блистали музыканты-виртуозы, отечественная балетная школа завораживала зрителей, художники своими холстами славили и оплакивали родную Россию. Эти люди не только утверждали себя в эмигрантской жизни, но и создавали авторитет Русского зарубежья и Отечества. О деятельности выдающихся российских изгнанников подробнее будет рассказано в следующей книге.

Среди социальных факторов, способствовавших сопротивлению русских беженцев ассимиляции, наиболее действенным было создание русских колоний для совместной жизни, а также небольших общин при фабриках и заводах, объединявших русских людей по месту и роду трудовой деятельности. Русские эмигранты первого поколения выполнили свою главную функцию – сохранили память о покинутой дореволюционной России и остались истинными россиянами до конца своей жизни.

Православная русская церковь за рубежом. В сословном соотношении духовенство России имело наибольшее число жертв в результате красного террора и наименьшее число эмигрантов. Священники и епископы попали за границу в основном с юга России, с остатками разбитых белых армий, где и остались в русских заграничных епархиях.

Священнослужители, проявившие лояльность к советской власти, по команде сверху были призваны к пастве. После смерти Патриарха Тихона в 1925 г., который пытался удержать паству от падения, митрополит Сергей 27 июля 1927 г. издал «Декларацию о лояльности», положившую начало размежеванию церкви на «официальную» и «катакомбную». В Декларации он призывал верующих встать на сторону большевиков (гонимых Христа) и провозгласил «единство интересов», радости и неудачи страны Советов радостями и неудачами церкви. В этом была глубинная причина трагедии русского православия, поскольку церковь, предав заветы Собора, открыто пошла на службу государству, культивируя дух раболепия перед новой, откровенно богоборческой властью, перед ярыми атеистами. Таким образом, русская православная церковь (до советского раскола отечественная церковь называлась Православной Российской Церковью) превращалась в агитпункт ВКП(б), ОГПУ, НКВД и обязывалась служить верой и правдой Сталину – самому чудовищному тирану, какого когда-либо знала история. Митрополит Сергей, вступив в союз с атеистической властью, самовольно расширил свои полномочия. В основном по политическим критериям и мотивам он запрещал служение неблагонадежным, по его меркам, священникам и лицам выше по сану, изменял церковное руководство.

Катакомбная православная церковь образовалась в России в 1927 г. Движение возглавили митрополиты Петр, Иосиф, Кирилл и др. Приверженцы катакомбной церкви не признавали за советской властью права вмешиваться в церковную жизнь, отказывались от методов произвола и насилия во внутрицерковной жизни, ставили задачу возвращения к христианским методам руководства ею, основанным на любви и сострадании. Верующие, ушедшие в подполье, приняли на себя первый удар атеистическо-репрессивной кампании, инспирированной большевиками.

Зарубежная православная русская церковь (некоторые исследователи называют ее «карловацкой») объединяла все зарубежье. Она была единственной представительницей истинного русского православия, не канонизированного большевиками, амвоном

гонимого в Советской России духовенства, выразительницей его сокровенных духовных чаяний и идей исторического Отечества, свидетельницей мук заброшенных в ссылку священнослужителей, не принявших «лояльность» митрополита Сергия. В 1921 г. состоялся Карловацкий Собор зарубежной русской православной церкви, который принял решение осудить лжеучение социализма и наиболее последовательную его форму – большевизм, или коммунизм, как учение антихристианское в своей основе и призвал к неприятию советской власти.

Раскол православной русской церкви, произошедший после установления советской власти, коснулся и православной российской церкви за рубежом. Существовало несколько причин внутреннего раскола зарубежного православия на три ветви. М. Назаров отмечает возможность их рассмотрения на трех уровнях: церковно-политическом, идеологическом, богословском. Ссылаясь на книгу Н. Зернова «Русское религиозное возрождение XX в.» (Париж, 1974), он пишет: «Начнем с первого, на котором, по мнению Н. Зернова, лежала "подлинная причина раскола внутри русской церкви за рубежом". Она "коренилась во взглядах на права и полномочия оставшегося в России епископата. Одни считали его орудием в руках атеистической власти и рассматривали церковь в изгнании как единственную представительницу русского православия. Для других епископы, оставшиеся в России, были законными вождями церкви, и они подчинялись во всех чисто державных вопросах; третьи... отказывались судить о действиях епископата, пытавшегося искать компромисс с атеистическим правительством в России. Эта группа стремилась подчинить свои приходы юрисдикции нерусских православных иерархов»³³. Границы между тремя ветвями, по Базарову, были подвижны и установились не сразу.

Разветвление зарубежного православия было обусловлено отношением эмигрантского духовенства к советской власти и высшему управлению «официальной» церкви в СССР, вставшего на путь компромисса. Постоянное воздействие ГПУ на «официальную» церковь было очевидным. В этой связи следует отметить, что ветвь смирения и подчинения Московской патриархии возникла под воздействием митрополита Сергия «Страгородского», который требовал от русской православной церкви за рубежом дать подписку о лояльности советской власти, ибо «нет власти, которая не от Бога». Но духовенство этой ветви не всегда вело себя раболепно перед Москвой, а в основном ограничивалось молитвенной помощью России.

Эмигрантское православие – это русское, связанное с Россией, а не иммигрантское, ассимилирующееся. Поэтому русская зарубежная церковь стремилась канонизировать свое существование как «часть православной русской церкви, находящейся в эмиграции». Однако Московская патриархия в конце 20-х, в 30-х гг. пыталась, хотя и безуспешно, через православных патриархов запретить на их территориях деятельность зарубежной церкви.

А жизнь русской православной церкви за рубежом между тем продолжалась. Патриарх Тихон в январе 1922 г. возвел епархиального архиерея Евлогия в сан митрополита – главы всех православных церквей в Западной Европе. Главой русской православной церкви в Северной Америке был митрополит Платон. Пост Константинопольского (Вселенского) патриарха занимал митрополит Антоний, бывший ректор московской и казанской духовных академий. Ему были подчинены также православные церкви в Эстонии, Латвии, Польше, Финляндии.

Еще задолго до революции россияне, покинувшие Родину по разным причинам, строили православные храмы в крупных городах и русских колониях Европы и Северной Америки, в них на чужбине видели один из главных источников духовного успокоения и национального единения.

³³ Назаров М. Миссия русской эмиграции. Ставрополь, 1992. С. 143.

Послереволюционные российские изгнанники с особой остротой чувствовали потребность в духовных ценностях, которые могла дать церковь. Разбросанные судьбой по всем континентам, они открывали новые храмы. Церковь для них была маленьким островком России. Она укрепляла национальное самосознание россиян, духовную общность, выражавшуюся в исповедовании единых духовных идеалов, служила центром, «объединяющей территорией», где оторванные от родной земли эмигранты могли соприкоснуться с материальными символами подлинного Отечества, дававшими стойкость в борьбе за самосохранение. Наконец, церковь для них была и местом общения, где можно было излить душу знакомому, обрести хотя бы временный покой. Поэтому священники-эмигранты без труда находили в русских колониях паству.

В 1920-х гг. в результате нахлынувшего потока русской эмиграции во Францию, в том числе массового переезда их из Германии, русские православные церкви не могли вместить всю паству, не хватало и священников: их нигде не готовили. Известными храмами во французской столице являлись и являются по сей день церковь Сергиевского подворья и Богословский институт, расположенные на севере Парижа. Церковь была построена в 1920-х гг. на пожертвования русских эмигрантов. Расписал ее Стеллецкий – художник известного творческого объединения «Мир искусств»; прихожане всех сословий несли в церковь свои чудом уцелевшие иконы.

Через год после постройки храма на Сергиевском подворье был открыт Богословский институт преподобного Сергия, единственное в своем роде учебное заведение эмиграции. Преподавали в нем светила русской философской и богословской мысли, высланные из России в 1922 г. Их имена с гордостью перечисляет митрополит Евлогий в своих воспоминаниях. Первым он называет А.В. Карташова, бывшего доцента Петербургской духовной академии по кафедре русской церковной истории. Дальше митрополит упоминает отца Сергия Булгакова, возглавлявшего кафедру догматического богословия, отца Георгия Флоровского, который вел курс патрологии, Георгия Федотова, читавшего в институте историю западных исповеданий и агиологию, Б.П. Вышеславцева, преподававшего нравственное богословие, В.И. Ильина, читавшего литургию и философию, философов Н.А. Бердяева, В.Н. Лосского, Л.С. Франка, П.Н. Евдокимова и др. Все перечисленные профессора-богословы были людьми глубокой эрудиции, каждый являлся автором богословских, философских и исторических трудов, внес свой вклад в русскую науку. Институт издавал свой журнал «Путь», а издательство «ИМКА-пресс» широко развернуло печатание богословской и философской литературы.

Известностью в Париже пользовались церковь галлиполийцев и Александро-Невский собор. В 1920-е гг. здесь было создано Русское студенческое христианское движение (РСХД); в 1925 г. во французскую столицу переехала из Берлина религиозно-философская академия, которой руководил Н.А. Бердяев.

В Маньчжурии строителями Китайско-Восточной железной дороги в 1899 г. был воздвигнут Харбинский Николаевский собор. Он просуществовал всего 68 лет, но был свидетелем многих исторических событий. В период китайской «культурной революции», в 1966 г., собор был полностью разрушен и сожжен вместе со всеми иконами. Этот храм пользовался особой любовью русских жителей Харбина. Все здесь дышало Россией. Под сводами собора, обладавшего замечательной акустикой, звучали хоровые произведения Д. Бортнянского, П. Чеснокова, А. Гречанинова и др. композиторов. Каждый год в октябре здесь исполнялась полная литургия П.И. Чайковского – так отмечали харбинцы годовщину смерти великого русского композитора.

В Австралии храмы имеются в каждом штате, но лидирует Новый Южный Уэльс, здесь находится большое число церквей. По-прежнему выступая в качестве объединяющего духовного начала в жизни иммигрантов, православная церковь подчиняется Русской православной церкви со штаб-квартирой в США.

Русская колония в Тунисе жила сплоченно. И важную роль в этом сыграла церковь, построить которую решили моряки Черноморской эскадры для увековечивания ее памяти. Церковь была сооружена на пожертвования и руками русских людей – в первую очередь тех, кто остался в Бизерте. Сохранившиеся с кораблей иконы составили достояние церкви, освященной именем Александра Невского. На царских воротах ее – Андреевский флаг, который развевался над кораблями Черноморской эскадры до 1924 г.

В русской колонии в США с 1921 г. действовал наиболее крупный из существовавших в этой стране православных русских храмов – Карловацкий собор. Американская ветвь зарубежного православия отказывалась судить о действиях епископата в СССР, пошедшего на компромисс с «безбожным правительством». Митрополит Вениамин позже, изменив свои взгляды на положение русской зарубежной церкви, объявил о своем подчинении Московской патриархии. Когда началась Великая Отечественная война, митрополит обратился к верующим с патриотическим посланием, участвовал в работе комитета по сбору пожертвований, разъезжал по стране, выступая с речами и проповедями.

Русские православные храмы разместились во многих странах Европы, Азии, Америки, везде, где селились российские беженцы. В Канаде, например, в провинции Британская Колумбия, существует даже культурный центр русских духовборцев (борцов за дух), которые переехали в эту страну (около 5 тыс. русских крестьян), преследуемые за свою веру «беспоповщины», в начале XX в. Они отвергали не только духовенство, но и иконы, обряды, храмы, считая, что жизнь дается человеку для того, чтобы постоянно совершенствовать вложенный в него дух.

Православие помогало русским эмигрантам в их борьбе за существование, выступая как «организатор коллективного опыта», как моральный кодекс. Оно воздействовало на личные, семейные, групповые отношения, олицетворяя идеальные цели. Православная церковь за рубежом была одной из главных духовных опор в сохранении менталитета русской эмиграции и распространении православия в тех странах, где его раньше не было.

Благодаря верности отечественной истории, устойчивости национального сознания, системы ценностей, обычаев и традиций, неугасаемости российской культуры, продолжавшими оставаться результативными факторами интеграции, русская эмиграция создавала в зарубежье свой особый общественный климат, который оказал влияние на европейское мышление, на формирование различных течений общественной мысли, особенно во Франции.

Сохранение национальной общности русской эмиграции не сопровождалось установлением ее экономической общности, поскольку она была лишена единой территории проживания, на которой могло бы формироваться единое рыночное экономическое пространство. В сущности, в новых местах проживания воспроизводилась социокультурная, психологическая и религиозная общность национальных групп, колоний.

Задача сохранения русского менталитета могла выполняться в полном объеме лишь при жизни старшего поколения первой волны эмиграции. К началу 1950-х гг. это поколение почти все ушло в мир иной. Второе и особенно третье поколение этой волны постепенно вживалось во внешнюю среду и в своей массе адаптировалось к новым условиям жизнедеятельности. В процессе социализации адаптивная активность молодого поколения была направлена на усвоение правил и норм макросреды, ее социально-психологических критериев. Теряя национальные ценностные ориентации и принимая новую систему ценностей, молодежь приобщалась к социокультурному образу жизни страны обитания, что ускоряло процесс «уподобления» новой среде, воздействовало на формирование ее менталитета. Сейчас нередко можно встретить за рубежом «русских» французов, англичан, американцев и т.д., которые едва владеют или совсем не владеют языком своих предков.

ГЛАВА IV. ПОЛИТИЧЕСКИЙ КЛИМАТ РОССИЙСКОГО ЗАРУБЕЖЬЯ

В первые годы эмигрантов не покидали бурные политические страсти. Они охотно объединялись в различные политические группы, в основном приверженные своим прежним партийным позициям. В эмиграции восстанавливались партии, созданные в дореволюционные годы, которые представляли за рубежом те же интересы отдельных классов, социальных слоев, и в своей деятельности руководствовались определенными идеологическими принципами. Главные функции ведущих партий выражались в сохранении и отстаивании своего политического курса и идеологических доктрин или в их модификации в зависимости от политической, экономической и социальной обстановки в СССР, его места и роли на международной арене, а также в борьбе, больше теоретической, за установление своей модели государственного устройства будущей России.

В эмигрантском лагере были представлены остатки партий от крайних монархистов до энесов, сохранились группы партий, входивших в Государственную Думу: кадетов, эсеров, меньшевиков. Разбросанность организаций и групп по разным странам порой обрекала их на локализованную, сектантскую деятельность, не всегда совпадавшую по политической направленности и тактическим приемам с концепцией центральных органов. Партийные лидеры разрозненных организаций нередко по-разному воспринимали и оценивали в 1920–1930-х гг. советскую систему, ее достижения и роковые ошибки. Такая участь постигла и ведущие партии России, отличавшиеся своей былой идейно-политической цельностью и тактическим единством. Некоторые лидеры партий претендовали на роль политического вождя русской эмиграции, для объединения разрозненных сил, но столь яркой и авторитетной личности не нашлось.

Особенность политического климата в русской эмиграции в начале 1920-х гг. – постоянные распри и выявление отношений, нетерпимость к чужому мнению в своей среде. Условия жизни беженцев и разочарование в «бездушном и чужом» Западе обостряли политические страсти активной части эмиграции, еще окончательно не подавленной бытовой неустроенностью. Партийные разногласия достигали крайностей, взаимные обвинения и заявления о банкротстве и разложении противостоящей партии или партий заполняли эмигрантские газеты и журналы. Монархисты и правые центристы обвиняли левых кадетов, эсеров и меньшевиков в совершении Февральской революции, проложившей дорогу Октябрьской социалистической революции. Партии либерально-демократического направления обвиняли монархистов в крайнем консерватизме, реакционности политики, в противостоянии демократическим преобразованиям в России и косвенной помощи большевикам в совершении в октябре 1917 г. государственного переворота своей борьбой с «февралистами».

Раскладка политических сил Российского зарубежья в начале 1920-х гг. была разнополюсная. На правом фланге стояли монархисты и примкнувшие к ним правое крыло кадетов и правые центристы, а также монархически настроенная часть эмиграции, в том числе большинство офицеров, которые выступали за восстановление России во главе с императором. Левый фланг занимали республиканцы, стоявшие за буржуазную республику (П.Н. Милюков, А.Ф. Керенский). Этот фланг поддерживала демократически настроенная интеллигенция. Правый фланг был более многочисленным.

Разместившиеся по разным флангам партии и политические группы вместе с непартийными сторонниками занимали в основном одну из двух взаимоисключающих позиций по отношению к большевизму и Советской России. Первая позиция, на которой стояли правые, предусматривала внешнюю изоляцию страны Советов путем воздействия на правительства западных государств, военного вторжения в Россию и внутреннего разрушения большевизма с помощью идеологической, диверсионной и террористической деятельности. Вторая позиция строилась на неизбежности эволюции большевизма, которую вызывают и будут ускорять политические кризисы РКП(б) и

Советов, экономические и социальные катаклизмы, связанные со строительством социализма в изолированной от цивилизованного мира стране. Сторонники этой позиции – леволиберальные круги – призывали не вмешиваться в этот «объективный процесс»; исключение составляла «новая тактика» П. Милюкова.

Позиция левого фланга в те годы поддерживалась правительствами многих западных государств и находила отклик в финансово-промышленных кругах, ориентированных на использование российских рынков и возможностей концессий в этой богатой природными ресурсами стране. И напротив, действия правого фланга, направленные на политическую и экономическую изоляцию Советской России, вызывали раздражение правительственных и деловых кругов демократических государств. В итоге в середине 1930-х гг. это привело к запрету многих политических акций правой эмиграции в ряде этих стран.

Кроме партий, имевших организационную структуру и политические программы, в эмиграции существовало множество политических движений, не имевших характерных для партий критериев, располагавших лишь идейно-политическими платформами, не всегда устойчивыми. Во Франции, например, существовало в 1920-е гг. более 70 эмигрантских организаций, группировок, в том числе военизированных.

В каких условиях и как действовали основные русские зарубежные партии и течения?

Монархисты. Политическую основу правой русской эмиграции составляли монархисты – представители контрреволюционного идеологического и политического течения. Их главный принцип – «самодержавие, православие, народность». Идеалом монархистов был избранный или взойшедший на престол в соответствии с законом о престолонаследии монарх. В основном в их состав вошли аристократическая элита, дворяне, высшее офицерство, крупные чиновники, «владыки» церкви, часть старой интеллигенции. Они расселились по многим странам Европы, в Турции, Китае. Главными центрами их сосредоточения вначале были Константинополь и Берлин, а несколько позже – Париж, Белград.

Находясь в эмиграции, в демократических государствах, монархисты в некоторой степени изменили свои идеологическую и политическую платформы «влево», отказались от реакционной политики признания положительных ценностей в прошлом. В начале 1921 г. в кругах монархистов появилась идея срочного созыва съезда всех монархических организаций с целью их объединения. Основную организационную работу ради сохранения монархического течения за рубежом вела до начала 1921 г. только группа Н.Е. Маркова, которая и заложила основу объединительного движения. Местом проведения съезда был выбран баварский курортный город Рейхенгалль.

Съезд монархистов проходил с 29 мая по 7 июня 1921 г. под названием «Съезд хозяйственного восстановления России». Он не имел сугубо реставрационного характера. На съезде присутствовало 106 делегатов из европейских стран и Америки. В ходе заседаний были обсуждены политические, экономические и социальные проблемы. В области аграрной политики признавалось единоличное владение землей на правах частной собственности. Государство возмещает стоимость земли, экспроприированной у помещиков и поделенной крестьянами после революции, владельцам-помещикам и оставляет ее крестьянам как личную собственность. Земля, по решению съезда, должна принадлежать тем, кто ее обрабатывает. В области труда гарантировалась его охрана от эксплуатации; в документах съезда предусматривалась гражданская свобода и свобода вероисповедания; предполагалось пересмотреть существовавшее ранее законодательство. Все эти демократические принципы сочетались с требованием монархии как единственного пути возрождения России.

По проблеме «децентрализации власти и отношения к окраинам» в резолюции съезда отмечалось признание прав других народностей России «на национальное самоопределение и самоуправление», ограниченных общегосударственными целями, интересами, компетенцией и функциями, обуславливающими полную государственную

связь «образовавшихся на территории России государственных». Союз самостоятельных областей и стран образует Единую Российскую Империю³⁴. На съезде был создан Высший Монархический Совет во главе с председателем Н.В. Марковым. Съезд выступил за полную политическую и экономическую изоляцию Советской России. В принятой съездом резолюции остатки частей белых армий в Европе и на Дальнем Востоке определялись как основа «будущей императорской армии».

Высший Монархический Совет под руководством Н.Е. Маркова сразу же после съезда занялся разработкой форм «временного управления Россией после падения большевиков», не забывая и про черносотенные практики и тактику. В Берлине Совет стал издавать журнал «Двуглавый орел» (редактор А.Ф. Трепов). Другим печатным органом Совета являлся «Еженедельник ВМС». «В начале 1922 г. руководство ВМС признавали уже 85 монархических организаций³⁵». Помимо Высшего Монархического Совета, были созданы Центральный совет монархических групп, Центральный комитет народно-монархических партий, Центральный комитет объединенных монархистов, Союз монархической молодежи и др.

Кроме деления монархистов на правое и левое крыло, их размежевание произошло и по другой линии. Одна часть, связывавшая свои надежды с Германией, стала именоваться «германофилами»; другая часть, не потерявшая своих надежд на Антанту, в частности, на Францию, получила название «франкофилов». Рапалльский советско-германский договор 1922 г. еще больше разъединил «германофилов» и «франкофилов». Это обстоятельство послужило одной из причин выезда «франкофилов» из Германии в первой половине 1920-х гг.

Разногласия между монархистами начались в 1922 г., когда великий князь Кирилл Владимирович в августе этого года объявил себя «блюстителем русского престола» вплоть до выяснения судьбы Николая II, его семьи и младшего брата – великого князя Михаила Александровича. Монархисты распались на две соперничающие фракции, каждая из которых поддерживала своего кандидата из двух законных претендентов на титул российского императора – великих князей Кирилла Владимировича и Николая Николаевича.

Приверженцы второго кандидата сделали попытку объединить вокруг него российскую эмиграцию. С этой целью было решено подготовить и провести съезд на непартийной основе. После некоторых попыток летом 1925 г. был создан организационный комитет под председательством П.Б. Струве, в который вошли 72 представителя разных монархических организаций, Российского торгово-промышленного и финансового союза. Для консолидации политических сил эмиграции вокруг съезда были созданы печатные органы монархического толка, среди которых особой популярностью пользовалась газета «Возрождение» (гл. редактор П. Струве).

Одним из центральных вопросов в период подготовки съезда был вопрос о «великом вожде» – наследнике русского царского престола. Великие князья Николай Николаевич и Кирилл Владимирович развернули конкурентную борьбу за объявление себя единственным законным претендентом на титул «Императора Всероссийского». В эту борьбу включились обе фракции.

Великий князь Николай Николаевич (1865–1929) – двоюродный дядя Николая II, внук Николая I. Он был заметной военно-политической фигурой в Российском зарубежье, как бывший Верховный главнокомандующий русскими вооруженными силами в Первой мировой войне. Николай Николаевич был способен организовать борьбу против большевиков. Он заявлял, что не выбирает будущего образа правления России, и возлагал на народ определение будущего устройства «Государства Российского». Ве-

³⁴ Назаров М. Миссия русской эмиграции. Ставрополь, 1992. С. 58.

³⁵ Мухачев Ю. В. Идеино-политическое банкротство планов буржуазного реформаторства в СССР. М.: Мысль, 1982. С. 44.

ликого князя поддерживал Верховный Монархический Совет. Николай Николаевич ориентировался на Францию, был «франкофилом».

Великий князь Кирилл Владимирович (1876–1938) был двоюродным братом Николая II. 31 августа 1924 г. он, не выезжая из родового поместья жены в Северной Баварии, объявил себя Кириллом I – государем всея Руси в изгнании. В этом самозванстве его поддержало меньшинство монархистов, проживавших в Германии и Венгрии. Кирилл Владимирович был непопулярен среди широких слоев эмиграции. Он не был ортодоксом «жесткой «монархии», поскольку проявил либерально-демократические тенденции в феврале. Это подтверждают и другие факты его политической биографии: он выражал согласие совместить в России монархию с демократией, поддерживая девиз младороссов «Царь и Советы».

Военные, прежде всего врангелевцы, поддерживали великого князя Николая Николаевича, ветераны флота и некоторые армейские офицеры склонялись к поддержке Кирилла Владимировича. Таким образом, монархисты разделились на «николаевцев» и «кирилловцев»-легитимистов.

В такой идейно-политической атмосфере 4 апреля 1926 г. в Париже был открыт зарубежный съезд, на который прибыло около 450 делегатов из 26 стран. На съезде были обсуждены политические, социальные и национальные проблемы будущей России. В политическом аспекте съезд отверг реставрацию абсолютной монархии в России, признал необходимость ее возрождения, «проникнутого идеями нации и Отечества, свободы и собственности» (П. Струве), отторгающего месть рядовым труженикам России за содеянное в гражданскую войну. Именно к восстановлению в государстве общими усилиями всего народа «законности и порядка» призывал в своем обращении съезд, а не к возвращению всего отжившего, старого, к установлению строя «возродившегося Великодержавного Российского государства». Признать Россию в тех границах, которые определились в СССР. Не предъявлять территориальных претензий к отделившимся в результате Октябрьской революции от бывшей Российской Империи государствам – таков был тезис политики будущей России, выдвинутый съездом.

В области идеологии съезд выдвинул лозунг «Коммунизм умрет, а Россия не умрет». Сущность коммунистической власти съезд рассматривал как чужеродную форму властвования. Идеология коммунизма привела к раздроблению России на «разноязычные штаты», она была направлена на «уничтожение русской национальной государственности», угрожала всем государствам, призывая к мировой революции.

В социальной политике особый упор делался на аграрный вопрос, по которому было принято компромиссное решение: не отбирать у крестьян землю бывших владельцев и утвердить существующие земельные наделы как собственность крестьян. Но окончательно устанавливать это следовало непосредственно «на местах». В обращении «К русскому народу» гарантировалась справедливость закона и равенство перед ним всех граждан, «неподкупный суд», охраняющий «покой и достояние мирного труженика», соблюдение прав граждан. Национальная политика съезда предусматривала обеспечение внутри России всем народностям «свободного правового развития их культурных и религиозных особенностей».

Съезд призвал всех русских эмигрантов организовать и мобилизовать зарубежную Россию «ради воскрешения и воссоздания Национальной России». Большинство голосов съезд провозгласил великого князя Николая Николаевича в качестве «символа Национальной России», вождем национального движения русской эмиграции. Избрание Николая Николаевича на столь почетный пост наносило удар по германофилам и повышало престиж франкофилов, т.к. монархическим центром теперь становилась французская столица. Самозванный император Кирилл I и его группа не присутствовали на

съезде, где так и не был избран новый император России: противостояние сил по двум кандидатам было столь мощным, что не могло привести к какому-либо согласию.

В итоге работы съезда были созданы «Российское Центральное Объединение» (председатель А.О. Гукасов) и «Русское Зарубежное Патриотическое Объединение» (председатель И.П. Алексинский).

Съезд 1926 г. и предыдущие съезды монархистов имели определенное политическое и, главное, моральное значение для некоторых слоев эмиграции. На них обсуждалась и решалась идентичная проблема – отношение к коммунизму, большевизму и советской власти, обусловленное партийно-политическими критериями, которые превращались в цель борьбы с навязанным России извне политическим монстром.

Моральное значение съезда 1926 г. выражалось в том, что на нем настойчиво проводилась идея о реальном существовании зарубежной России, сплотившая патриотическую интеллигенцию независимо от ее бывшей или настоящей партийной принадлежности, идеологической ориентации и бывшего сословного положения; подчеркивалась духовная связь эмиграции с «порабощенной Россией», жизненность и неугасимость «идеи общей судьбы».

Практическая антисоветская деятельность монархического правого и левого крыла ограничивалась в 1920-х и начале 1930-х гг. небольшим числом неудачных попыток создания в СССР диверсионно-террористических групп и налаживания конспиративной антибольшевистской пропаганды. Большая часть энергии монархистов уходила на полемику с левым флангом эмиграции через свои немногочисленные печатные органы. Кроме указанных выше газет и журналов, в Белграде выпускалось с 1921 г. «Новое время», в Софии с 1922 г. – «Русь». Всего два года (1927–1928) П.Б.Струве издавал еженедельный журнал «Россия», почти такая же судьба постигла и журнал «Русский колокол» (под редакцией И.А. Ильина), дольше выпускались «Царский вестник» (1928–1940), «Русский голос» (1931–1941).

Партия Народной Свободы – кадеты. Кадеты были главной партией русской либеральной буржуазии и либеральной интеллигенции. Они называли себя партией «социальных реформаторов», выступали как оппозиционная партия, которая, по их утверждению, была бесклассовая. Кадеты были противниками революционного преобразования общества, их концепция общественного прогресса предусматривала эволюционное развитие общества. «Политическим идеалом кадетов была парламентская конституционная монархия английского типа, где господствует принцип: «Король царствует, но не управляет»³⁶.

Кадетская партия была самая влиятельная из всех партий русской эмиграции, претендовала на роль «истинных выразителей» ее устремлений, на роль политического штаба Российского зарубежья и пользовалась поддержкой антибольшевистских стран. За границей партия кадетов составляла основу буржуазной эмиграции, которая пополняла ее ряды, консолидируясь под знаменем партии Народной Свободы.

Весной 1920 г. в разных городах, где создалась русская диаспора, образовалось несколько кадетских групп: в Константинополе, Софии, Белграде, Париже, Берлине, Гельсингфорсе. Более устойчивой была берлинская группа во главе с лидером В.Д. Набоковым. Парижскую группу возглавил переехавший весной 1920 г. из Англии в Париж П.Н. Милюков. Он занял пост редактора газеты «Последние новости» и сделал ее самым популярным эмигрантским изданием. На этом посту он оставался до июля 1940 г., до взятия Парижа гитлеровскими войсками. Газета сыграла значительную роль в объединении кадетов.

³⁶ Политическая история России в партиях и лицах. М. : Терра. 1993. С. 89.

В апреле 1920 г. в Париже под председательством П.Н. Милюкова прошло совещание кадетов, на котором он выступил с докладом «О задачах кадетской партии в связи с переживаемым политическим моментом». В докладе лидер кадетов призывал к обновлению тактики партии.

В мае 1920 г. в Париже состоялось трехдневное совещание кадетов. Центральным вопросом совещания был доклад Милюкова «Об очередной тактике партии». Единства в среде кадетов относительно необходимости обновления прежней тактики, особенно по проблеме целесообразности продолжения вооруженной борьбы с большевизмом, достигнуто не было. Отвергли «набоковцы» и предложение Милюкова о коалиции с социалистами. Фактически на майском совещании произошло окончательное размежевание партии на «левых» и «правых» – демократическое крыло (Милюков) и конституционно-монархическое (Набоков), т.к. при явном разногласии по ключевым программным и тактическим вопросам компромисс оказался невозможным.

П.Н. Милюкову потребовались время и средства для популяризации новой тактики. Одним из главных публицистических средств и инструментов в проведении своей линии стала для него газета «Последние новости». Он, дальновидный и реально мыслящий политик, пришел к убеждению, что с победой революции в России утвердятся тот строй и та власть, которые в данное время устраивают большинство ее народа. Милюков видел, что Белое движение на юге и востоке России обречено, и пришел к отказу от дальнейшей вооруженной борьбы с большевизмом. Он надеялся на эволюцию советской системы (но не большевизма) в сторону демократии под воздействием объективных экономических и социальных факторов, отвергающих большевистский социализм. Милюков и его единомышленники из парижской группы были уверены, что для эволюции советского строя необходим катализатор в виде «новой тактики» разложения его изнутри.

Первый блок вопросов «новой тактики» касался отношения к вооруженной борьбе извне. Милюков отвергал военное вторжение в Россию, как бесперспективное. Он указывал на политические ошибки Деникина, Врангеля и их правительств, явившиеся наряду с военными причинами поражения Белого движения. Милюков и парижская группа кадетов решительно выступали против сохранения за рубежом русской армии «как боевой единицы». Вместе с тем этот принцип признавал метод вооруженных выступлений внутри страны, спровоцированных и организованных мелкой буржуазией и контрреволюционной интеллигенцией, в зависимости от социально-политических ситуаций. «Экономисты, даже самые решительные, – писал П.Н. Милюков, – отнюдь не игнорируют возможность революционной борьбы»³⁷.

Второй блок вопросов был посвящен признанию республиканского строя и федеративного принципа, в котором Милюков не видел угрозы экономическому господству буржуазии, а также радикальному решению аграрного вопроса. Главные задачи и методы борьбы он видел в развитии антибольшевистского движения внутри России. С этой целью было необходимо, учитывая некоторые завоевания революции в аграрном секторе, привлечь на свою сторону наиболее многочисленный класс страны – крестьянство.

В области политических задач и методов борьбы с советской властью П. Милюков основывает свою «новую тактику» на двух основных направлениях: на внешней и внутренней политике большевиков. В противостоянии внешней политике Советского государства «новая тактика» отражала общую линию эмигрантских партий, течений: используя доступные каналы связи, эмигрантскую печать, убеждать правительства европейских государств не устанавливать дипломатических отношений с Советской Россией.

Милюков не признавал никакой диктатуры в России: ни пролетарской, ни военной. Диктатуру пролетариата он воспринимал как диктатуру большевиков. Однопартий-

³⁷ Мухачев Ю. В. Идеино-политическое банкротство планов буржуазного реформаторства в СССР. М. : Мысль, 1982. С. 83.

ность в Стране Советов Милюков рассматривал как кастовость, приемлемую для тоталитаризма, но пагубную для демократии. Одним из методов борьбы с диктатурой пролетариата, с большевистским засильем советской власти, по Милюкову, – это подрыв авторитета власти, ее дееспособности. Поэтому в своей «новой тактике» лидер левых кадетов поддержал лозунг «Советы без большевиков».

В экономическом противостоянии советской власти Милюков рекомендовал русским эмигрантским торгово-промышленным кругам всеми силами уговаривать правительства, крупных бизнесменов и банкиров европейских государств не устанавливать с большевиками никаких торговых и финансовых связей, создавать экономическую блокаду Советской России, вплоть до эмбарго.

В «новой тактике» Милюков отмечал, что навалившиеся на страну экономические и социальные трудности: экономический хаос, разруха в народном хозяйстве, скудность государственной казны, растущая безработица, борьба населения за выживание – побудят большевиков вернуться к государственной системе, основанной на свободной хозяйственной инициативе и частной собственности.

В аграрной политике Милюков выступал за безвозмездное признание права крестьян на землю. В условиях национализации земли, жестокого продналога такая аграрная политика «милюковцев», доведенная по «новой тактике» до сознания крестьян, должна вызвать их недовольство советской властью и восстания.

Руководители правых кадетов вместе с инициативными группами интеллигенции вынашивали идею сплочения русской эмиграции для продолжения борьбы с большевизмом и советской властью. Они провели 5 июня 1921 г. в Париже съезд под девизом «Национального объединения». Готовность участвовать в объединительном съезде выразили близкие им по духу октябристы. В утвержденной съездом программе «Возрождения России» указывалось, что политическим строем в освобожденной от большевиков России должна стать конституционная монархия, способствующая широкому развитию капитализма в стране. В вопросе крестьянского землепользования съезд встал на защиту интересов помещиков: крестьяне должны выкупать землю у их прежних владельцев.

Еще в конце 1920 г. Милюков и его соратники обсуждали вопрос о создании Республиканско-демократического союза. Такая попытка была предпринята на совещании в 1922 г. с участием демократической группы партии Народной Свободы, группы Е.Д. Кусковой и С.Н. Прокоповича, правого крыла партии социалистов-революционеров и народных социалистов, но настоящего союза они не смогли добиться. В декабре 1923 г. делается вторая попытка создания Республиканско-демократического союза на совещании Демократической группы Милюкова, Народно-социалистической партии и организации «Крестьянская Россия». Следует кратко сказать об этой организации.

В 1921 г. правые эсеры и кадеты возродили за рубежом организацию «Крестьянская Россия». В декабре 1927 г. на совещании в Праге она получила название «Крестьянская Россия – Трудовая крестьянская партия» (ТКП), которая имела свои отделы в Югославии, Польше, Прибалтике, на Дальнем Востоке. Партия, возглавляли которую бывшие эсеры А.А. Аргунов и С.С. Маслов, издавала в Праге газету «Вестник Крестьянской России», впоследствии замененную газетой «Знамя России». Это по существу единственная заметная крестьянская организация среди сотен различных организаций и партий Российского зарубежья. Ее цель вести активную «революционную борьбу с большевизмом», оказывать содействие крестьянскому политическому движению. ТКП выступала за парламентско-демократическую республику, основой которой должны быть крестьяне-собственники, психологию которых она хорошо знала, организованные в экономические кооперации и политические – в Трудовую крестьянскую партию. Метод их работы – пропаганда среди «дружественных партий в иностранных кругах». В конце 1920-х гг. в партии возникают разногласия по тактическим вопросам, из нее

уходит ряд членов, присоединившихся к правым кадетам. В 1930-х гг. ТКП стала постепенно распадаться, особенно после смерти лидера А.А. Аргунова. В 1939 г. эта партия прекратила свою деятельность.

В 1924 г. было создано Республиканско-демократическое объединение (РДО), возглавляемое П.Е. Милюковым. Активное участие в организации объединения и его дальнейшей работе приняли Е.Д. Кускова и С.Н. Прокопович. Члены РДО заявили, что большевизм неизбежно эволюционирует к демократии (вопреки прежнему тезису Милюкова о невозможности эволюции большевиков). Кстати, Милюков, как он сам признавался, за период с 1922 по 1926 г. «пять раз уточнял свой тезис об эволюции большевиков». Объединение выпускало журнал «Свободная Россия».

Республиканско-демократическое объединение, настаивая на продолжении усиления борьбы с советской властью и большевизмом, призывая к координации усилий с «внутренними силами», отвергало в то же время «белую идею», направленную на восстановление монархии в России. РДО призывало к внимательному изучению происходящих в России процессов: экономических, политических, социальных, бытовых, психологических – и изменению этих процессов. В конце 1920-х гг. возглавляемое Милюковым РДО несколько изменило свою тактику противоборства (постепенно осознавая, что большевизм крепнет, поэтому дальнейшие жертвы бессмысленны), и заявило, что эмиграция не должна мешать эволюции большевизма излишним антикоммунизмом. Очевидно, что надежды на эволюцию советской власти и реставрацию буржуазной демократии не оправдались.

Социалисты-революционеры. Программа партии социалистов-революционеров была принята на ее первом съезде в декабре 1905 г. – январе 1906 г. «Программа провозглашала конечной целью партии экспроприацию капиталистической собственности и реорганизацию производства и всего общественного строя на социалистических началах. Социализм виделся эсерам в сочетании хозяйственной и политической демократии. Последняя была для эсеров предпосылкой и органической формой социализма. Эсеровский социализм был одним из вариантов демократического социализма»³⁸. Свою программу социалисты-революционеры собирались реализовать через Учредительное собрание. После свержения самодержавия власть, по программе эсеров, «должна перейти к буржуазии». Эсеры были сторонниками федеративного российского государства.

Лидерами партии эсеров были В.М. Чернов, один из основателей партии социалистов-революционеров, ее ведущий теоретик, С.Л. Маслов, Н.Д. Авксентьев. Программным политическим лозунгом был лозунг «Земля и воля», они отвергали лозунг «Вся власть Советам». Главной идеологической и политической целью эсеров и сферой ее приложения были: деревня, жизнь русского крестьянства и землепользование, социализация земледелия, основой которой являлась идея о некапиталистической эволюции крестьянских трудовых хозяйств к социализму³⁹. Аграрно-социалистическая идея программы эсеров выражалась в том, что земля, экспроприированная у крупных землевладельцев, должна стать общенародным достоянием и передаваться тем, кто на ней трудится, с последующим переходом к обобществленному производству через различные формы кооперации. Февральская революция способствовала бурному росту численности членов партии эсеров и ее организаций в городах России, превратив партию в одну из крупнейших в стране.

В эмиграции эсеры были весьма активны. Так, в Праге жил лидер эсеров, бывший председатель Всероссийского Учредительного собрания В.М. Чернов. Он с 1921 по 1929 гг. возглавлял журнал «Революционная Россия» – центральный орган партии, ко-

³⁸ Политическая история России в партиях и лицах. М. : Терра. 1993. С. 30.

³⁹ Там же. С. 31.

торый был закрыт в 1931 г. Здесь же эсеры издавали с 1922 г. журнал «Воля России», просуществовавший до 1932 г.

Пражская группа эсеров приняла деятельное участие в создании в марте 1921 г. в Праге Объединения земских и городских деятелей (Земгор). Финансовую поддержку оказывали чехословацкое правительство, чехословацкий Красный Крест и другие организации. Отделения восстановленного Земгора были созданы в Белграде, Париже, Берлине, Лондоне, Константинополе и Нью-Йорке. Пражское Объединение земских и городских деятелей оказывало гуманитарную помощь русским эмигрантам в Чехословакии: открывало общественные столовые с бесплатным или по низкой цене питанием, общежития для нуждающихся, организовывало профессиональные курсы для русских офицеров и эмигрантов, не имеющих «ходовых» специальностей, чтобы они как-то трудоустроились. Под опекой и поддержкой Земгора, по данным на январь 1924 г., в чехословацких вузах обучались русские студенты-эмигранты, открывались русские школы-гимназии и реальные училища. В этой гуманной акции принимало участие чехословацкое правительство. Во главе Земгора стояли эсеры.

Большая часть эсеров в 1920-х гг. проживала в Германии. Берлинская группа издавала ежедневную газету А.Ф. Керенского «Дни». В 1932 г., накануне прихода фашистов к власти, берлинская группа в основном составе покинула пределы Германии, и газета «Дни» стала издаваться в Париже, превратившись затем в еженедельник «Свобода» (1933–1936).

Союз П.Н. Милюкова и А.Ф. Керенского, восстановленный при обоюдном стремлении, способствовал проведению по их инициативе совещания бывших членов Всероссийского Учредительного собрания, считавших себя законными народными представителями России, с целью создания эмигрантского представительства. Совещание состоялось 8–12 января 1921 г. в Париже, на нем присутствовало 133 экс-депутата Учредительного собрания из 56. Это были депутаты, в основном, от республиканского лагеря. Главенствовали на совещании правые эсеры: председатель совещания Авксентьев, Дуднев, Вишняк. Такое представительство было избрано в виде «Временного комитета для защиты русских интересов за границей», в который вошли Н.Д. Авксентьев, А.Ф. Керенский, А.И. Коновалов, П.Н. Милюков.

Центральным вопросом была выработка единой позиции и установление общности тактических приемов в борьбе против советской власти и большевизма. Участники совещания отвергли возможную военную интервенцию в Советской России, признали, что большевизм будет изжит и вытеснен демократическими тенденциями путем внутренней эволюции, и ей надо содействовать извне и изнутри (общая концепция республиканского лагеря). Вторым значительным вопросом являлось отношение к международным связям Советской России. Было принято решение о воспрепятствовании установлению каких-либо связей иностранных государств со Страной Советов (тактический прием, используемый и правым флангом). На совещании был подтвержден принцип будущего государственного устройства России как федеративной буржуазно-демократической республики с национально-культурной автономией. Совещание выступало против разделения России, наметившегося в ходе гражданской войны и в политике большевиков (пример с Финляндией). Хотя вопрос о государственных границах будущей России не обсуждался на совещании, кулуарные мнения присутствующих были едины: любые договоры с большевиками противоправны и недействительны, и вопрос о единой и неделимой России и ее границах вправе решать только ее будущий высший законодательный орган.

На совещании была избрана Исполнительная комиссия – руководящий орган. В нее вошли от левых кадетов П.Н. Милюков, М.М. Винавер, А.И. Коновалов, В.А. Харламов, от эсеров – А.Ф. Керенский, Н.Д. Авксентьев, В.М. Зензинов, С.С. Минор. Про-

грамма комиссии включала в себя подборку экономических и политических методов борьбы с советской властью и большевизмом. На первое место в начале ее деятельности был выдвинут вопрос о международном положении России, изучение постфактум ее договоров и соглашений с рядом государств. Работа эта оказалась безрезультатной, как и дальнейшая деятельность комиссии в этой области.

На совещании была достигнута договоренность по основным вопросам, но не сошлись депутаты во мнениях по выбору новых союзников по едва образовавшемуся блоку. В результате в партии эсеров произошло размежевание, ранее постигшее другие ведущие эмигрантские партии, течения. От нее отделилось левое крыло (Лебедев, Слонин, Махин, Зензинов, Минор – двое последних остались в комиссии как ее часть) и примкнуло к меньшевикам. Однако в течение двух десятилетий длилось взаимопонимание целей противостояния большевизму и взаимоприемлемость тактических методов борьбы с советской властью группы левых кадетов Милюкова и правых эсеров Авксентьева.

В.М. Чернов не присутствовал на совещании, т.к. счел официальное участие председателя (хотя и бывшего) Всероссийского Учредительного собрания на партийном коалиционном совещании противоречащим его статусу. Он со стороны руководил деятельностью фракции эсеров на совещании. Однако Чернов отказался признать совещание как коалицию эсеров с кадетами, в чем разошелся с мнением ЦК партии. Черновцы создали в Праге эсеровскую Заграничную делегацию. Она просуществовала до 1926 г. и затем раскололась по организационным причинам, т.к. многие из ее членов не желали иметь единого руководства, и были более склонны к автономным действиям.

Меньшевики. Сначала как фракция РСДРП, а после Февраля 1917 г. как самостоятельная партия, они стояли на позициях марксизма, очищенного от большевистско-ленинской интерпретации. Меньшевики признавали классовую борьбу как движущую силу истории, объективную смену социально-экономических формаций и в то же время необходимость революций при определенных исторических обстоятельствах, направленных как на свержение правительства и улучшение социальных условий, так и на разрушение государственного строя с политическим и социально-экономическим преобразованием.

В своей политической деятельности меньшевики руководствовались программой РСДРП. Основным принципом аграрной политики являлась экспроприация земли у крупных землевладельцев и передача ее местным органам самоуправления (муниципалитетам), которые в определенных условиях вправе делить часть конфискованной земли между малоземельными крестьянами. Меньшевики не были сторонниками частного определения приоритета общинной или единоличной форм организации сельского хозяйства в России. В области национальной политики они признавали право наций на самоопределение и культурно-политическую автономию в составе единого национального государства.

После Февральской революции ряды партии меньшевиков значительно пополнились. Революцию они приняли как закономерный исторический процесс смены самодержавия властью либеральной буржуазии, правда, с ориентацией при этом на западные буржуазно-демократические модели государственного устройства. «Оставаясь партией социалистической ориентации, меньшевики считали, что в ближайший обозримый период перед Россией стоит одна главная задача – упрочение и развитие буржуазно-демократического строя. Что касается социализма, то переход к нему, по мнению меньшевиков, требовал громадного роста производительных сил, превращения рабочих в большинство населения страны в т.д.»⁴⁰. Меньшевики не приняли Октябрьскую социалистическую революцию, их лидер А.Н. Потресов определил ее как контрреволюцию. В мае 1917 г. они вошли в состав Временного правительства.

⁴⁰ Политическая история России в партиях и лицах. М.: Терра, 1993. С. 23.

Меньшевики занимали самую крайнюю позицию в левом политическом фланге эмиграции. Несмотря на малочисленность (по некоторым источникам, в Берлине – чуть более 100 чел.), меньшевики были более активны среди эмигрантских политических партий и течений. Они издавали с 1921 по 1963 гг. «Социалистический вестник» сначала в Берлине, затем в Париже и Нью-Йорке, основанный Ю.О. Мартовым и Р.А. Абрамовичем; издание отличалось своей осведомленностью о лидерах большевиков и о жизни в Советской России, достоверностью информации, получаемой от бывших соратников по единой РСДРП. Меньшевиков в Берлине, центре их эмиграции в 1920-е гг., поддерживала родственная по интернационализму германская социал-демократическая партия, которая в те годы стояла у власти.

Небольшие группы меньшевиков сосредоточивались в Париже, Льеже, Женеве, Берне, Нью-Йорке. В меньшевистской партии также образовались два крыла – левое и правое. После смерти Мартова Заграничную группу и «Социалистический вестник» возглавил Ф.И. Дан, который пытался сплотить оба крыла, но конфликты из-за некоторых программных и тактических разногласий воспрепятствовали этому.

Антибольшевистские выступления меньшевиков в «Социалистическом вестнике» – это, по существу, повторение их дореволюционных постулатов. Здесь и невозможность построения социализма «в отдельно взятой стране», т.к. оно не может быть завершено «внутренними силами», и пагубность «перепрыгивания» несозревшей крестьянской России через капитализм к социализму, и несвоевременность социалистической революции по таким-то причинам, и т.д. (об этом можно прочитать в популярных изданиях).

Меньшевики доказывали неминуемость краха социалистической экономики в СССР, связывая этот объективный, по их мнению, процесс с различными факторами, в том числе с монополизацией промышленности при тощем государственном бюджете, надежды на увеличение которого за счет собственных ресурсов, без финансовой помощи извне – утопичны; с жестким централизованным планированием развития народного хозяйства по всем отраслям в огромной стране; с отсутствием опытных управленческих кадров при интенсивной индустриализации и концентрации производства. Россия, уверяли они, непременно вернется на путь капиталистического развития, ибо капитализм, а не социализм и военный коммунизм, в сочетании с демократией для нее объективно неотвратим на данном историческом этапе. И чем быстрее это свершится, говорили они, тем лучше для страны и ее народа. Меньшевики предсказывали порочность «сплошной коллективизации сельского хозяйства и уничтожения кулачества как класса», помогавшего стране избавиться от голода. Они утверждали, что для России начала XX в. приемлема только буржуазно-демократическая революция, а не социалистическая, которая приведет к развалу экономики и обнищанию страны.

В то же время, как это ни парадоксально относительно общей позиции меньшевиков, активисты левого крыла опубликовали в первом же номере «Социалистического вестника» призыв «ко всем честным демократам мира», очень схожий с большевистским: продолжить борьбу пролетариата во всех странах, не допустить антибольшевистскую военную интервенцию или экономическую блокаду, бороться «за немедленное признание советской власти». Общность позиций левых меньшевиков и левых эсеров и их совместные усилия в этом направлении привели к тому, что под их влиянием западная социал-демократия признала власть большевиков⁴¹. Меньшевики возлагали надежды на демократическую эволюцию большевизма. В начале 1930-х гг., перед приходом к власти фашистов, они навсегда покинули Германию.

В заключение о политической деятельности ведущих дореволюционных российских партий отметим, что 30-е гг. XX-го столетия, когда СССР вышел на международ-

⁴¹ Назаров М. Миссия русской эмиграции. Ставрополь, 1992. С. 48.

ную арену как крепкое государство, политическое противоборство эмиграции потеряло и без того свое малое значение. Мыслящая часть «старой гвардии» к этому времени поняла его бесперспективность. К тому же в эти годы в эмигрантской среде иссякла почва для пополнения политических группировок, которые по разным причинам теряли своих единомышленников и соратников.

Республиканско-демократическое объединение за все годы своего существования так и не смогло по-настоящему реализовать свои объединительные функции. Безрезультативность деятельности РДО раньше других уяснил его руководитель П.Н. Милюков, который и нанес собственноручно первый удар по объединению. В начале 1927 г. он предложил, чтобы разбросанные по разным местам организации левых кадетов перешли к большей самостоятельности, чем ослабил сотрудничество в объединении. Бурные события в СССР, связанные с коллективизацией сельского хозяйства, раскулачиванием, отказом большевиков от новой экономической политики сделали беспочвенными программные установки Республиканско-демократического объединения на крестьянство и мелкую сельскую и городскую буржуазию. В мае 1932 г. на совещании 55-ти членов РДО под председательством П.Н. Милюкова центральным стал вопрос об изменении платформы и тактики объединения, вызванном экономическими и социальными сдвигами в СССР. После долгих дебатов делегаты приняли и внесли такие изменения, но это было уже бессмысленно. Судьба РДО была предрешена исторической действительностью, и к середине 30-х гг. оно распалось.

Эсеровские организации, собравшись в Париже в 1931 г., тоже пытались создать объединение, но дальше подписанной декларации дело не пошло, не помог и общественно-политический и литературный журнал «Современные записки», издававшийся до 1940 г. Во второй половине 30-х гг. партия эсеров существовала только теоретически, о ее действиях говорили лишь энтузиасты-одиночки.

Как ни старались меньшевики, молодые эмигранты не примыкали к ним. Меншеvistские организации таяли, и в середине 30-х гг. меньшевизм как политическое течение исчез, лишь нью-йоркская группа сохранила до Второй мировой войны свою целостность. Лидер меньшевиков Ф.И. Дан остался одиноким и скончался, окруженный последними своими малочисленными соратниками.

После смерти в 1938 г. великого князя Кирилла Владимировича – последнего законного наследника на императорский трон в России из династии Романовых, у монархистов исчезла реальная почва престолонаследия, и к концу 1930-х гг. это мощное в свое время движение сошло с политической сцены.

Политические и националистические организации. Русскими эмигрантами были созданы сотни различных непартийных объединений, организаций, комитетов, в том числе политических и националистических. Так, во Франции было зарегистрировано более 300 организаций различной направленности. Среди них заметным был «Союз ревнителей памяти императора Николая II». Он, воздавая хвалу последнему российскому венценосцу, пытался доказать, что Николай II был мудрым правителем, и что судьба оказалась к нему очень сурова, лишь стечение обстоятельств привело страну к революции. Россия, заявлял Союз, при последнем императоре твердо встала на путь капитализма, который вел страну к процветанию. В Париже издавалась монархическая газета «Двуглавый орел».

В Париже был создан эмигрантский комитет, который возглавил В.А. Маклаков, бывший посол России во Франции. Известная личность в столичных кругах, он пытался защищать интересы русских эмигрантов перед французскими властями. Маклаков наладил связь между бывшими дипломатическими представителями России в различных странах с целью борьбы с советской властью. В орбиту его деятельности были вовлечены бывшие послы В. Набоков (Лондон), М.Н. Grimm (Рим), Б.А. Бахметьев (Ва-

шингтон) и др. Экс-послы приняли общее решение – бойкотировать советское правительство. Находившиеся за рубежом деньги русских посольств они использовали для антисоветской деятельности и поддержки кадетских организаций (почти все послы, назначенные Временным правительством, были кадетами).

В середине 1920-х гг. возникла антисоветская организация «Лига Обера». Ее основной задачей была борьба с большевизмом, в том числе с III Интернационалом. Штабы Лиги были размещены во многих странах Европы, делались попытки проникнуть и в страны Азии. В начале 1928 г. в Лиге был создан постоянный секретариат русской секции. Главным объектом приложения сил Лиги были международные отношения СССР, цель – препятствовать установлению Советским Союзом дипломатических и других отношений с иностранными государствами, разрушать такие отношения, установленные ранее.

Чехословацкое объединение, в которое входили 40 эмигрантских организаций, возглавляли профессор А.С. Ломшаков и князь П.Д. Долгоруков. Руководители объединения имели связи с чехословацким Министерством иностранных дел. В числе антисоветских организаций были «Карельское просветительское общество», «Дальневосточный комитет активной защиты Родины и Учредительного собрания» (Харбин), «Лига возрождения свободной России» (США) и др. Эти организации имели свои отделения во Франции, Великобритании, Китае, Японии и в др. странах.

Эмигранты нерусских национальностей, подхваченные волной политической активности в 1920-х гг., создавали свои националистические организации. В Польше в 20-х гг. возникла организация с сепаратистскими устремлениями «Прометей», целью которой было отделение от России территорий, занятых коренным населением: украинцами, белорусами, татарами, народами Кавказа. Одновременно ставилась вторая цель – ликвидация в них советской власти.

Идея суверенизации с некоторым уклоном к сепаратизму охватила и черновцев (лидер Чернов), по инициативе которых в 1927 г. была создана «Лига Народов Востока». Ее девизом была право наций на самоопределение, вплоть до отделения.

Эмигрантские деловые круги России. Группа торгово-промышленной эмиграции была наиболее упорной в борьбе с советской властью. Эта группа создавалась, и существовала в иных условиях, отличных от условий жизни основной части эмиграции. Успев кое-что прихватить с собой при бегстве из России, она вела за рубежом деловую жизнь.

Осенью 1920 г. в Париже состоялось совещание российских деловых людей, оказавшихся в эмиграции и разбросанных по разным странам Европы. Главным вопросом совещания было сохранение за рубежом русского торгово-промышленного объединения. Инициаторы создания объединения его главной целью считали экономическое возрождение России после неминуемого, по их убеждению, падения большевизма и советской власти. Это совещание явилось как бы предтечей другого события в жизни эмигрантской буржуазии.

В мае 1921 г. на парижском совещании русских бизнесменов был организован Российский торгово-промышленный и финансовый союз (Торгпром), о необходимости которого они заявляли еще в 1905 г. Штаб-квартира союза разместилась в Париже. Председателем Торгпрома был избран бывший директор правления Сибирского Торгового банка Н.Х. Денисов, его заместителем – П.Я. Рябушинский, один из богатейших бизнесменов России. Торгпром объединял более 600 крупных капиталистов. На съезде был создан Исполнительный совет, который сразу же развернул шумную кампанию против намерения некоторых государств нормализовать свои отношения с Советской Россией. В постановлениях съезда были отражены устремления русских предпринимателей к восстановлению «России на капиталистической основе».

Майский съезд в Париже признавал такую власть, которая могла воплотиться и в конституционной монархии, и в буржуазно-демократической республике. В сфере социальной политики российские бизнесмены ставили задачу привлечения на свою сторону крестьян и рабочих. Крестьянам они обещали сохранить землю, рабочим – дать возможность приобрести акции и таким образом участвовать в прибылях и в управлении производством.

Помимо Российского торгово-промышленного и финансового союза относительную организационную стабильность за рубежом имели и такие организации русских предпринимателей, как «Совет съезда горнопромышленников юга России», «Совет частных железных дорог». Существовали и другие союзы, объединения русских деловых людей, меньшие по численности и капиталу их членов.

В 1921 г. борьба российских бизнесменов с советской властью началась в основном на хозяйственном фронте. Однако эмигрантская буржуазия не стояла в стороне и от политики, она вела не обособленную от партий борьбу с большевизмом. Многие из кадетов, а также октябристы, прогрессисты (лидеры А.М. Коновалов, В.П. и П.П. Рябушинские) вошли в состав Торгпрома и других союзов и объединений. Бизнесмены пытались выработать такой план борьбы с Советами, который обеспечил бы им безраздельную власть «после реставрации», веру в которую они не теряли, как и в восстановление «прав собственности».

Краткий обзор политического климата российской эмиграции позволяет сделать следующие выводы. Партийные лидеры видели Россию по-разному со своих идейно-политических позиций. Это не позволяло объединить антибольшевистские силы, избрать единые тактические приемы борьбы с советской властью, найти точки соприкосновения в понимании главных политических, экономических и социальных проблем будущей России, хотя попытки к объединению проявлялись. Политически активные эмигранты, находясь вдали от Родины, жили идеалами, которые не могли воплотить в жизнь: ни реставрированной монархии в одной из ее форм, ни буржуазной демократии. Их трагедия состояла в том, что они пытались быть идеологами течений, которые в большевистской России не имели под собой реальной и твердой почвы. Несмотря на то, что в 1920-х и первой половине 1930-х гг. эмигрантские партийные группировки вели себя особенно активно, развитие событий в стране укрепляло советскую власть. Считая крах сталинской системы неотвратимым, лидеры партий, движений не замечали или не стремились видеть набиравшего силу тоталитаризма в СССР и запуганного террором народа, которого надеялись поднять на борьбу с большевизмом, за возрождение России.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Александров В. На чужих берегах. Воспоминания эмигранта / В. Александров. – М. : Прогресс, 1987.
2. Архив русской революции. – М. : Терра, 1993. – Т. 5–6, 9–10, 11–12.
3. Барихновский Г. Ф. Идеино-политический крах белой эмиграции и разгром внутренней контрреволюции 1921–1924 гг. / Г. Ф. Барихновский. – Л., 1978.
4. Белое дело. Дон и Добровольческая армия. Воспоминания П.Н. Краснова и А.И. Деникина. – М., 1992.
5. Брушлинский А. В. Культурно-историческая теория мышления / А. В. Брушлинский. – М., 1983.
6. Вертинский А. Дорогой длиною / А. Вертинский. – М. : Правда, 1991.
7. Волкогонов Д. Генерал Деникин / Д. Волкогонов // Литературная газета. – 1990. – 5 декабря.

8. Воспоминания генерала барона П.Н. Врангеля. – М., 1992. – Ч. 1–2.
9. Голенков В. На фазенде Мефодия. О русских старообрядцах в Бразилии / В. Голенков // Советская Россия. – 1990. – 22 июля.
10. Губарев Г. В. Книга о казаках / Г. В. Губарев // Военно-исторический журнал. – 1992. – № 12.
11. Гуль Р. Ледяной поход / Р. Гуль. – М. : Военное издательство, 1992.
12. Гуревич А. Я. Изучение ментальности: социальная история и поиски исторического синтеза / А. Я. Гуревич // Советская этнография. – 1988. – № 6.
13. Деникин А. Очерки русской смуты. Крушение власти и армии / А. Деникин. – М. : Наука, 1991.
14. Деникин А. Эвакуация Новороссийска / А. Деникин // Неделя. – 1990. – № 24.
15. Иоффе Г. З. Крах русской монархической революции / Г. З. Иоффе. – М. : Наука, 1977.
16. История и социология : сб. ст. – М., 1964.
17. Камский В. Русские белогвардейцы в Китае / В. Камский. – М. : Красная новь, 1923.
18. Керенский А. Ф. Россия на историческом повороте / А. Ф. Керенский // Вопросы истории. – 1990. – № 6–12.
19. Кожин В. Россия и революция / В. Кожин, Б. Сарнов // Литературная газета. – 1989. – 15 марта.
20. Комин В. В. Крах российской контрреволюции за рубежом / В. В. Комин. – Калинин, 1977.
21. Кузьмина Г. Ф. Идеиная борьба в белой эмиграции вокруг уроков Октябрьской революции / Г. Ф. Кузьмина // По страницам «Современных записок». – М., 1982.
22. Лагутин В. Когда был спущен флаг / В. Лагутин // Эхо планеты. – 1990. – № 16.
23. Лехович Д. Белые против красных. Судьба генерала Антона Деникина / Д. Лехович. – М. : Воскресенье, 1992.
24. Любимов Л. На чужбине / Л. Любимов. – Ташкент, 1989.
25. Мартынов Б. Русский генерал в Парагвае / Б. Мартынов // Голос Родины. – 1993. – № 11–13.
26. Мейснер Д. И. Миражи и действительность / Д. И. Мейснер. – М. : АПН, 1966.
27. Мельгунов С. П. Красный террор в России 1918–1923 / С. П. Мельгунов. – М., 1990.
28. Мелихов Г. Маньчжурия далекая и близкая / Г. Мелихов // Голос Родины. – 1990. – № 1–3.
29. Меньшой А. Россия № 2, эмигрантская / А. Меньшой. – М., 1922.
30. Назаров М. Мир, в котором оказалась эмиграция, или чего боялись правые / М. Назаров // Наш современник. – 1991. – № 12.
31. Назаров М. Миссия русской эмиграции / М. Назаров. – Ставрополь, 1992.
32. Носик Б. Привет эмигранта, свободный Париж! / Б. Носик // Родина. – 1992. – № 3.
33. Носик Б. Холм на парижской окраине / Б. Носик // Культура. – 1992. – 15 августа.
34. Октябрьский переворот. Воспоминания русских политиков. – М. : Современник, 1991.
35. Писарев Ю. А. Русская эмиграция в Югославии / Ю. А. Писарев // Новая и новейшая история. – 1991. – № 1.
36. Политическая история России в партиях и лицах. – М. : Терра, 1993.
37. Рар Г. Зарубежная Россия / Г. Рар // Диалог. – 1991. – № 18.
38. Рудницкий А. Русские в Австралии / А. Рудницкий // Голос Родины. – 1990. – № 3.

39. Рычков Ю. Лики генофонда / Ю. Рычков // Свободная мысль. – 1992. – № 2.
40. Стефан Джон. Русский фашизм. Фарс и трагедия в эмиграции. 1925–1945 гг. / Стефан Джон. – М., 1992.
41. Тесемников В. А. Русская эмиграция в Югославии. 1919–1945 гг. / В. А. Тесемников // Вопросы истории. – 1988. – № 10.
42. Толстый П. Нарушение жанра. О положении русской эмиграции во Франции / П. Толстый // Искусство кино. – 1991. – № 2.
43. Чернявский Т. Судьбы русской белой эмиграции в Болгарии / Т. Чернявский, Д. Даскалов // История СССР. – 1961. – № 1.
44. Шкаренков Л. К. Агония белой эмиграции / Л. К. Шкаренков. – М. : Мысль, 1987.
45. Щетинов Ю. А. Крушение мелкобуржуазной контрреволюции в Советской России / Ю. А. Щетинов. – М., 1984.
46. Янов А. Русская идея / А. Янов // Нева. – 1990. – № 9–11.

ЧАСТЬ 2

ГЛАВА I. ИДЕОЛОГИЧЕСКАЯ И ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЭВОЛЮЦИЯ
РОССИЙСКОЙ ЭМИГРАЦИИ

В начале 20-х гг. в эмигрантской среде активизировались непартийные идеологические движения, которые вызвали идейное размежевание политически активных слоев эмиграции. Его главными причинами были: укрепление позиций советской власти внутри государства, гибкость экономической политики большевиков, постепенное восстановление разрушенного войной народного хозяйства, стремление СССР укрепить свои позиции на международной арене, патриотические импульсы, тоска части эмигрантской интеллигенции по созидательной работе на родине и активная работа ГПУ-НКВД в области идеологических диверсий в Российском зарубежье. Дифференциация усложнялась и теми процессами, которые были характерны для многочисленных групп, течений в странах Европы, Азии, Америки с их различными идеологическими направлениями.

Если сгруппировать все движения и течения, то их можно условно разделить на два непартийных идейно-политических лагеря, хотя во многие группировки входили и члены эмигрантских партий. Первый объединял те движения и течения, которые сохраняли неприятие большевизма и советской власти, были готовы вести активную борьбу против советского строя, вплоть до перенесения революционной борьбы на российскую землю. Среди представителей первого лагеря было немало молодежи, которая в 20-х – начале 30-х гг. активно вышла на идеологическое поприще и стремилась к практической борьбе с большевиками за новую Россию. В 1920-х гг., особенно в первой половине, осуществлялись отдельные вооруженные вылазки на территорию России через западную, северную и дальневосточную границы, но почти все эти группы уничтожались советскими пограничниками.

Второй лагерь составляли лояльно настроенные к советско-большевистскому строю группы, движения, которые признавали власть большевиков как консолидирующую силу, а антисоветские действия эмиграции да и саму эмиграцию как Зарубежную Россию считали изжившими себя. Они смирились, «признали реальность», оправдывали «творческую миссию большевиков», были готовы служить Отчизне, активно участвовать в развитии современной России и разделить общую судьбу своего народа. В разных странах возникли организации патриотической направленности, союзы возвращения на родину.

Основными идеологическими течениями в 20–30-х гг. были движение «Смены вех» и возвращения на Родину, «Евразийство», «Младороссы», «Национально-трудовой союз нового поколения», «Национал-максималисты».

Движение «Смены вех» и возвращения на Родину. Среди наиболее значимых идеологических течений, возникших в результате идейно-политической переориентации части эмигрантской интеллигенции и поиска «третьего пути» развития России, первое место, безусловно, занимает движение «Смены вех» и возвращения на Родину. Оно привлекает потому, что возбудило повышенный интерес российской эмиграции к идеологической платформе движения на фоне эмигрантской непримиримости с большевизмом.

Началом движения стал сборник «Смена вех», изданный группой видных русских эмигрантов в июле 1921 г. в Праге. В сборнике были опубликованы статьи профессора Н.В. Устрялова, профессора Ю.В. Ключникова, профессора С.С. Чахотина, профессора С.С. Лукьянова, А.В. Бобрищева-Пушкина, Ю.Н. Потехина. Это издание одновременно явилось противовесом сборнику «Вехи» (1909 г.), авторы которого осудили русскую революционную интеллигенцию, подвергли критике ее духовные основы. Издание (2500 экз.) было быстро раскуплено, возникла потребность в периодических изданиях-

еженедельниках. Вслед за сборником «Смена вех» появились: «Новая Россия» в Софии, «Путь» в Гельсингфорсе, «Новый путь» в Риге, «Новости жизни» в Харбине.

В пражском номере сборника авторы отмечали, что на эту акцию их побудило стремление сохранить целостность и жизнеспособность России, которая со всех сторон окружена «хищниками, алчно пощелкивающими зубами и жадно ждущими ее последнего вздоха». Сменовеховцы признали историческую необходимость Октябрьской революции для России, в результате которой власть в стране перешла к самому народу, повысилось государственное, экономическое, социальное и национальное сознание народных масс в стране. По мнению сменовеховцев, заслугой советской власти являлось сохранение России, а ее «диктатура и суровость» исторически уместны, оправданы и окупаемы «творческой миссией большевиков».

С 26 марта 1922 г. по 15 июня 1924 г. в Берлине выходила газета «Накануне» – центральный орган сменовеховцев. В эмигрантских кругах ходили слухи, что эта газета тайно субсидировалась советским правительством. Организаторами газеты были Ю. Ключников, С. Лукьянов, С. Чахоткин, Ю. Потехин. Идеиная платформа сменовеховства объединяла самых разных людей, принадлежавших преимущественно к интеллигенции. В газете принимало участие около 400 корреспондентов, среди которых были такие видные русские писатели и журналисты, как А.Н. Толстой, И. Соколов-Микитов, А. Дроздов, А. Ветлугин, Н. Петровская, И. Василевский. А.Н. Толстой редактировал воскресное «Литературное приложение» к газете.

Вскоре просто газетное дело выросло в масштабное предприятие – «Акционерное общество издательского дела "Накануне"», которое, кроме издательства, стало заниматься репатриацией и делами Красного Креста. «Накануне» была единственной из всех некоммунистических газет, разрешенной к ввозу и продаже в СССР. «Накануневцы» надеялись ускорить дезинтеграцию эмигрантского сообщества и отвоевать «здоровые» элементы для работы в Советской России.

Наибольшее внимание газета уделяла освещению внешнеполитических проблем. Крупной заслугой «Накануне» стало последовательное отстаивание прав Советской России на международной арене, борьба за ее международный авторитет, а также широкая пропаганда произведений советской литературы на страницах самой газеты и ее литературного приложения. Здесь печатались О. Мандельштам, Б. Пильняк, К. Федин, В. Катаев, М. Волошин, А. Мариенгоф, Всев. Иванов, М. Булгаков, В. Лидин, Вс. Рождественский, П. Орешин, А. Неверов, К. Чуковский, Л. Никулин и др.

Следует обратить особое внимание на стимулы и мотивы, которые побудили часть эмигрантской интеллигенции принять решение о возвращении в Россию под влиянием идей «сменовеховцев». Стимулы были единые – это кризис большевистского плана построения нового общества через теорию и практику военного коммунизма, и провозглашение большевиками новой экономической политики.

Мотивы же были разные, среди них наиболее четко выявились два. Одна часть интеллигенции, откликнувшись на призывы сменовеховских лидеров к возвращению в Россию и сотрудничеству с советской властью, стремилась действовать без идейно-политической предвзятости и оппозиционных настроений. Их цель – развить и обогатить здоровые силы в стране для созидательной работы. Другая часть интеллигенции возвращалась с тайным реформаторским планом, чтобы, используя легальные служебные возможности, радикально повлиять на ход событий в стране в сторону буржуазно-демократических реформ. При этом вместо рабочего класса ведущей силой общества должна была стать интеллигенция, способная переродить советскую власть и взять ее в свои руки.

Какова же была концепция сменовеховских лидеров? Они считали необходимым преодолевать большевизм изнутри. Здесь явно просматриваются идеи «новой тактики» Милюкова. Главный идеолог сменовеховцев, председатель восточного отдела ЦК Пар-

тии народной свободы (партии кадетов) Н.В. Устрялов писал: «Коммунизм не удался, дальнейшее продолжение этого опыта в русском масштабе не принесло бы ничего, кроме подтверждения его безнадежности при настоящих условиях, а также неминуемой гибели самих экспериментаторов. Дело в самой системе, доктринерской и утопической при данных условиях. Только в изживании, преодолении коммунизма – залог хозяйственного возрождения государства»⁴². Но число сменовеховцев, возвращавшихся в Россию с целью ее возрождения по своей модели, было значительно меньше в сравнении с теми, кто намеревался честно служить Отечеству, и они не могли оказать заметного влияния на работу аппарата советской власти.

Одним из основных этапов в «преодолении коммунизма» «правые» сменовеховцы избрали НЭП. Идеологи движения рассчитывали на трансформацию советской власти (диктатуры пролетариата) в условиях НЭПа (экономического плюрализма) в буржуазно-демократическую республику. Эмигрантский писатель Роман Гуль отмечает: «Оставаясь антикоммунистами, "сменовеховцы" верили в то, что провозглашенная в Советской России новая экономическая политика (НЭП) является ликвидацией коммунистической революции, примирением власти с народом и постепенным переходом России к формам трудовой демократии»⁴³. «Правые» надеялись привлечь к своей буржуазно-реставрационной акции служащих госаппарата, имевших непосредственное отношение к НЭПу и втайне недовольных советской властью. Последних было немало в стране, только что пережившей социалистическую революцию и гражданскую войну.

Милюков и его сподвижники отрицательно отнеслись к идее возвращения в Советскую Россию, т.к. считали, что включение «кающихся» интеллигентов в работу госаппарата принесет больше пользы в реставрации НЭПа в нужном для Советов направлении и укреплении советской власти, чем попытки осуществить подрыв большевизма «изнутри». Для милюковцев, эсеров, меньшевиков и других оппозиционных партий возвращенцы-сменовеховцы, имеющие благие намерения в отношении большевиков, были «перебежчиками» в чужой лагерь, едва ли не «ставленниками» Москвы. Но события развивались неподконтрольно партийным лидерам, история эмигрантского процесса развивалась по своим объективным законам.

Как показала история, сменовеховцы просчитались в отношении НЭПа, «идущей эволюции большевиков». Их призыв идти на службу советской власти не способствовал демократизации и развитию рыночных отношений, советский строй не стал эволюционировать в сторону либеральной демократии. НЭП в СССР не имел будущего, потому что большевики рассматривали эту экономическую политику как временную меру, уступку крестьянству. Оценка перспектив развития НЭПа, которую делали сменовеховцы, была иллюзией. Их ошибкой было и утверждение, что большевики воплощают в действительность историческую роль русской революционной интеллигенции.

Идеи сменовеховцев объективно способствовали укреплению власти большевиков, приходу на советскую службу определенных слоев интеллигенции. Лидеры большевиков использовали идеи «смены вех» прагматически для привлечения интеллигенции к сотрудничеству на короткий срок до создания новой, «рабоче-крестьянской интеллигенции». Конкретная помощь сменовеховцев плодотворно использовалась диктатурой пролетариата в разложении антибольшевистских сил внутри страны. Весь широкий спектр общественно-политических течений, групп и партий российской диаспоры враждебно встретил сменовеховство, опасаясь распространения идеи «смены вех» о примирении с большевистской властью среди эмигрантов.

Развитие событий, связанных с приездом сменовеховцев в Советскую Россию, которое направляло ГПУ, показало, что лишь небольшому числу интеллигентов-возвращенцев

⁴² Гуль Р. Ледяной поход. М.: Военное издательство, 1992. С. 15.

⁴³ Там же. С. 15.

удалось живыми вернуться к родным местам и включиться в работу, остальных либо расстреляли, либо вскоре направили в лагеря для осужденных. Роман Гуль в автобиографии поведал о трагической судьбе лидеров движения «смена вех», которые вернулись в СССР в 20-х гг.: «Профессор Н. Устрялов был приглашен Советским правительством приехать в Россию. Он приехал и был убит чекистами в поезде. Профессор С. Лукьянов вернулся в Россию, был заключен в Печерский лагерь, где умер, как сообщают, под пытками на допросах. Профессор Ю. Ключников бесследно исчез в каком-то концлагере. Погибли также многие вернувшиеся в Россию писатели, например, Георгий Венус, умерший в тюрьме в Сызрани. Так смертью расплатились люди за свою ошибку – за то, что поверили в возможность эволюции советского режима в сторону нормального демократического государства»⁴⁴. И все же эта часть патриотически-настроенной интеллигенции устремлялась в Советскую Россию к созидательной работе, не подозревая, что большевистская пропаганда преследовала коварную цель: нанести удар по эмиграции и расправиться с заранее обреченными на муки и даже на смерть неугодными интеллигентами, толкая их на бесполезную жертву.

Помимо сменовеховского движения за возвращение на родину, в начале 20-х гг. возникла вторая, самая массовая волна возвращенцев, которая не имела четко выраженной идеологической окраски и в большей степени была связана с ностальгией, бытовым неустройством и переориентацией в некоторых политических ценностях. Западная Европа, никогда не видевшая такого наплыва беженцев, стремилась совместно с Лигой Наций (Ф. Нансен) побудить русских эмигрантов под влиянием их нынешних тяжелых и бесперспективных бытовых обстоятельств добровольно вернуться на родину.

Декретом ВЦИК от 3 ноября 1921 г. в честь четырехлетия Октябрьской социалистической революции была объявлена амнистия значительной части солдат и казаков, участвовавших в белом движении, и предоставлена возможность вернуться в Россию. 15 декабря 1921 г. был издан указ, который лишал гражданства всех эмигрантов в том случае, если они не возьмут советские паспорта к 1 июня 1922 г. Декретом ВЦИК и СНК от 3 ноября была объявлена амнистия солдатам, находящимся на Дальнем Востоке, в Монголии и Западном Китае. И бывшие «беляки» поверили декретам, поверили в разрекламированный большевистский гуманизм, не предполагая жизнестойкости «революционного экстремизма» большевиков, их приверженности доктрине уничтожения классового врага и тех, кто был «не с ними». В 1921 г. из эмиграции возвратились на родину 121843 человека⁴⁵. Но скольким из них удалось остаться живыми и на свободе?

В разных странах действовали «Союзы возвращения на родину», наиболее многочисленным и активным из которых был Болгарский союз, издававший в Софии газету «На Родину» и распространявший листовки. Вместе с солдатами желание вернуться на родину выразили и некоторые генералы и офицеры. В обращении к воинам Белой армии генералы И. Клочкив, А. Секретов, Ю. Гравицкий, Е. Зеленин и группа старших офицеров заявили о признании Советской России своей родиной, ее нынешнего правительства как всенародного и выразили готовность честно служить в рядах Красной Армии. Союз направил на рассмотрение ВЦИК 2 тыс. анкет и заявлений бывших генералов и офицеров. Болгарский общеказачий союз в обращении к зарубежному казачеству призвал не участвовать ни в каких новых военных походах на Россию и вернуться на родину.

Болгария, где с октября 1922 г. разместились советские представители по репатриации солдат, офицеров, казаков и русских военнопленных Первой мировой войны через «Союз возвращения на родину», стала как бы перевалочным пунктом. В обладавшую крупным морским портом на Черном море страну устремились группы эмиг-

⁴⁴ Гуль Р. Ледяной поход. М. : Военное издательство, 1992. С. 18.

⁴⁵ Гражданская война и военная интервенция в СССР : энциклопедия. М. : Советская энциклопедия, 1983. С. 670.

рантов из Италии, Югославии, Греции, Румынии и других европейских государств. Репатриация продолжалась до июня 1923 г., когда в результате государственного переворота к управлению страной пришло новое правительство во главе с Цанковым и прекратило эту акцию. Второй пункт с советским представителем был открыт в 1922 г. в Праге.

На искренний порыв эмигрантов вернуться на Родину советская власть ответила коварством и жестокостью. Русский историк – эмигрант, высланный из России в 1922 г., С.П. Мельгунов опубликовал за рубежом книгу «Красный террор в России». Его труд впервые был издан в 1923 г. в Берлине, затем он переиздавался. Мельгунов, говоря о судьбе вернувшихся в Советскую Россию в начале 20-х гг. белоэмигрантов, пишет: «Возвращаются казаки, бежавшие с Родины. Их ждет не амнистия, а кары. Казак Чувилло, вновь бежавший из Ейска, передает в русских заграничных газетах, что из партии в 3500 человек расстреляно 894»⁴⁶.

Далее автор пишет: «Корреспондент Русского национального комитета в очерке, озаглавленном "Возвращение на Родину", собрал множество подобных фактов. Он утверждает, что по сведениям из разных источников, в том числе одесских советских газет, было расстреляно до 30 % прибывших из Константинополя в Новороссийск в апреле 1921 г. на пароходе "Решид-Паша". Первым своим рейсом пароход привез 1500 человек. "Как общее правило – утверждает автор – все офицеры и чиновники расстреливались немедленно в Новороссийске". Всего из этой партии было расстреляно около 500 человек. Остальные отправлены были в концентрационные лагеря, и многие на Север, т.е. почти на верную смерть. Избавление от немедленной расправы отнюдь не является гарантией последующей безопасности»⁴⁷.

Мельгунов отмечает и такую тактику, «которая вошла в большевистский обиход: месть приходит со значительным опозданием во времени. Люди пропадают без вести, идут в ссылку, попадают в долгое тюремное заключение много времени спустя после получения официальных гарантий»⁴⁸.

В последующие годы политика большевиков по отношению к инакомыслящим и к белой эмиграции в целом, и особенно беспредельный сталинский террор 30-х гг. пресекали всякие помыслы эмигрантов о возвращении на Родину.

После смерти Сталина отношение коммунистов к эмигрантам первой волны и их потомкам осталось почти неизменным.

Евразийство. Евразийство – идеологическое течение, влиявшее на интеллектуальную жизнь русской эмиграции в 20–30-х гг. и не потерявшее своей актуальности по ряду аспектов и для сегодняшней России, зародилось в Софии в 1920 г. В евразийскую активную группу вошли: лингвист, этнограф и культуролог князь НС. Трубецкой, экономист, историк и географ П.Н. Савицкий, философ и богослов Г.В. Флоровский, философ В.Н. Ильин, историк и философ Л.П. Карсавин, историк Г.В. Вернадский, искусствовед П.П. Сувчинский, литературный критик Д. Святополк-Мирский, литературовед, историк культуры П.М. Бицилли (вскоре отошел), позже присоединился правовед, специалист в области философии истории Н.Н. Алексеев. Сторонниками фундаментальных положений евразийства называли себя многие деятели русской науки и культуры за рубежом.

Свои некоторые программные позиции евразийцы выразили в первом сборнике «Исход к Востоку. Предчувствия и свершения. Утверждения евразийцев», который вышел в Софии в 1921 г. (авторы – П.Н. Савицкий, Н.С. Трубецкой, Г.В. Флоровский, П.П. Сувчинский). Книга привлекла внимание эмиграции оригинальностью анализа национальных проблем, проектами преобразования общественного строя Советской Рос-

⁴⁶ Мельгунов С. П. Красный террор в России. 1918–1923. М., 1990. С. 77.

⁴⁷ Там же. С. 78.

⁴⁸ Там же. С. 79.

сии. Но в то же время просматривалась лояльность авторов по отношению к некоторым политическим и экономическим проблемам советской власти и методам их решения. Авторы называли свое идеологическое течение пореволюционным. В предисловии они писали, что всякое современное размышление о грядущих судьбах России должно определенным образом ориентироваться «относительно уже сложившихся в прошлом способов решения» русской проблемы. Группа активно действовала в Праге, Париже, Берлине. Она выпустила сборник «На путях» (Берлин, 1922), организовала периодические издания: «Евразийская хроника», «Евразийский временник» (Берлин, Париж). Со второй половины 20-х гг. во французской столице стала выходить газета «Евразиец», в следующее десятилетие появился сборник «Тридцатые годы».

В середине 20-х гг. евразийские взгляды получили распространение и углубление. К этому течению стали примыкать русские офицеры, возникла необходимость в создании евразийских организаций на местах и в среде молодых эмигрантов. Такие группы появились во Франции, Англии, Германии, Чехословакии, Югославии и в ряде других стран. В 1923–1924 гг. были созданы руководящие органы евразийского движения. В 1930 г. центр активности евразийских организаций перемещается в Польшу, Литву, Латвию, Эстонию.

Подробно свою концепцию активная группа изложила в книге «Евразийство (Опыт систематического изложения)», вышедшей в 1926 г. Она явилась программным документом этого идеологического течения. Софийские мыслители, как и сменовеховцы, выдвигали свои рецепты спасения России. Концептуальным базисом, исходным пунктом во всех теоретических выкладках евразийства стал тезис: Россия-Евразия – неповторимый географический, этнический и культурно-исторический мир.

По мнению евразийцев, геополитическое положение России предопределило ее становление как евразийской державы и приобретение в этой связи новых признаков и форм как полиэтнического государства. Русская нация сплотила разноязычные этносы в многонародную нацию евразийцев и объединила Евразию в монолитное государство – Россию.

Главный идеолог движения П.Н. Савицкий одну из своих статей озаглавил: «Мы не стыдимся назвать себя – евразийцами». Концепции евразийства принадлежат к числу религиозно-политических, историософских доктрин.

Софийская группа считала, что русская национальность не может быть сведена только к славянскому этносу, потому что в ее образовании немалую роль сыграли тюркские и угро-финские племена, которые населяли единое с восточными славянами «месторазвитие». В повседневной жизни евразийцы признавали национализм, но не ограничивали его узкими рамками национального шовинизма. Они обращали свой национализм не только к славянам, но и к кругу народов евразийского мира, между которыми «народ российский занимает среднее положение». Евразийцы приветствовали геополитические устремления Сталина и поддерживавших его большевиков, их великорусскую, имперскую ориентацию, направленную на сохранение единой и неделимой России-Евразии.

Примечательна позиция евразийцев относительно типа русской культуры, определяемая ими в книге «Евразийство» следующим образом: «Культура России не есть ни культура европейская, ни одна из азиатских, ни сумма или механическое сочетание из элементов той и других... Ее надо противопоставить культурам Европы и Азии, как среднюю, евразийскую культуру»⁴⁹. Утверждая форму русской культуры как «серединную» между западничеством и славянофильством, евразийцы в то же время провозглашали своим лозунгом национальную русскую культуру, идейно отталкиваясь «от всего послепетровского, Санкт-Петербургского, императорско-обер-прокурорского периода русской истории» (Н.С. Трубецкой). Поиски истоков кризиса русской традиционной

⁴⁹ Евразийство (Опыт систематического изложения). Париж. 1926. С. 32.

культуры в результате безудержного проникновения в Россию романо-германской культуры побуждали русских интеллектуалов к изучению специфики культурно-исторического типа России в целом и общей направленности его развития.

По утверждению евразийцев, принцип географического устройства Евразии определял границы политического, экономического и социального мышления населявших ее народов. Евразийцы считали зону степной полосы России центральной и определяющей жизнь общества, становым хребтом ее истории. В степном регионе, по их мнению, вырабатывались основные формы мышления и властвования, проявлялись азиатские мотивы политического поведения, ибо тот, кто владел степью, становился «политическим объединителем Евразии». Такой концепцией авторы теории пытались обосновать свой тезис о том, что «монголы формировали историческую задачу Евразии, положив начало ее политическому единству и основам ее политического строя»⁵⁰, а Московское государство стало преемницей монгольской державы. Именно этот вывод евразийцев дал повод оппонентам назвать их «чингисханчиками». Евразийцы считали, что азиатский образ мыслей в целом положительно влиял на развитие национального менталитета и государственности. Запад приносил России лишь неприятности: нигилизм, марксизм, революцию.

Евразийцы стремились создать такую идеологию, которая отражала бы потребности сегодняшнего дня, будущего, и не прерывала бы связи с прошлым, сформировать, таким образом, новое мировоззрение. Его идейным источником были избраны славянофильские и постславянофильские представления о «месте России во всемирно-историческом потоке».

В области идеологии, основой которой является русское православие, евразийцы выдвинули некую центральную идею, порождающую частные идеи, связанные с повседневной жизнью, и обрастая ими, создающую новую целостную идеологию. Такую стержневую идею они называли «идеей-правительницей», которая становится реальной силой, вторгается в жизнь, воздействует на нее через живых носителей идеологии (личность, социальная группа и т.д.). Идея-правительница не может быть осознана до конца, но ее существование реально, а не утопично, т.к. внедрение идеологии в жизнь ее носителями дает реальные результаты. Идеология, проникая в политику, сама становится властью, превращая ее в идеократию. Однако гиперидеологизация политики порождает тоталитарные режимы, репрессии и прочие разрушительные акции.

Идеологи евразийства много внимания уделяли богоискательству. В религиозной философии, в историософии они обнаруживали ключ к загадкам России, помогающий уяснить смысл революции. Кризис духовно-религиозной жизни россиян достиг высшей напряженности в 20-х гг. По мнению Г.В. Вернадского, всякий кризис может закончиться или смертью или возрождением. Евразийцы считали, что православие способно без особого труда приспособиться к любой политической системе, ибо верует в собственные силы и влияние на народ. Широкое распространение православия в современной России и его взаимопонимание с правительством и высшим законодательным органом государства убедительное тому доказательство. Религиозные взгляды евразийцев, нашедшие отражение в сборнике «Исход к Востоку», получили дальнейшее развитие в литературе 20-х гг.: в «Европейском временнике» и «Евразийской хронике». Русское православие было квинтэссенцией новой идеологической системы евразийцев.

Основатели нового идеологического течения утверждали, что народами и странами правят идеи. Носителем и выразителем нового сознания, новой идеологии в современную эпоху может быть только «новая партия особого рода», которая стоит у власти и исключает существование других таких же партий. Она олицетворяет государственно-

⁵⁰ Исаев И. Евразийство: миф или традиция? // Коммунист. 1991. № 12. С. 109.

идеологический механизм на всех ступенях управления, но не совпадает с государственным аппаратом: направленность ее деятельности имеет не функциональный, а прежде всего идеологический характер. Между правящей партией и народом должно быть единство и идеологическое взаимопонимание. Будучи выходцем из рядов правящего слоя и находясь в контакте с ним, она выполняет роль связующего звена между правящим слоем и народом. Возвышая роль партии большевиков в управлении государством посредством идеи-правительницы, евразийцы преследовали свою далеко идущую цель – утопический проект создания Евразийской партии (ЕАП) и вытеснения ВКП(б) с политической арены.

Для успешного выполнения возложенных задач государство должно обладать сильной властью, которую евразийцы определяют как «народный (демократический) правящий слой», вышедший из народа и выражающий его интересы и идеалы. Евразийцы стремились к установлению евразийского государственного строя в форме идеократии, осуществляемой элитарным «ведущим отбором» через систему свободно избранных Советов. В идеократическом государстве, как отмечает Л.П. Карсавин, «единая культурно-государственная идеология правящего слоя так связана с единством и силою государства, что ее нет без них, а их без нее»⁵¹. Только тот социальный слой должен быть базой нового типа правящего отбора, который предан идее-правительнице и постоянно доказывает приверженность ей. Поэтому необходимо сохранить целостность правящего отбора, не допускать в правящий слой социальные группы, проповедующие иные, чуждые идеалы.

Учение о государстве является стержнем евразийства. Некоторые его твердые последователи увидели в СССР подлинно Евразийскую империю, выступили с политическими заявлениями просоветского толка (Д. Святополк-Мирский, П. Арапов, С. Эфрон и др.). Евразийцы не признавали парламентский демократизм, разделение властей, принятие решений по жизненно важным вопросам методом голосования, т.е. «чуждый России дух буржуазной демократии». Их устраивал символически существующий Верховный Совет СССР, где голосование было скорее ритуалом, чем формой принятия решений. Г.В. Вернадский заявлял. «Устойчивая евразийская форма государства и власти – форма военной империи... Организация евразийского государства – в соответствии с пространственными его размерами – тесно связана с военной организацией»⁵².

Концепцию государственного устройства, понимание статуса и роли партии в управлении обществом евразийцы основывали на опыте государственного и партийного строительства в СССР. Однопартийность, идеологизация политики, жесткая централизация управления народным хозяйством страны, раскинувшейся на двух континентах, «народовластие» соответствовали их замыслам, теоретическим построениям. В ВКП(б) они увидели прообраз «идеократической партии нового типа», модель советской власти отражала, в их понимании, идеальный идеократический управленческий аппарат, способный организовать властвование и защитить физическое существование народа. Евразийцы стремились к овладению искусством государственного управления, они утверждали, что перед страной открылись возможности стать великой державой, способной объединить и повести за собой народы Азии и Европы по особому, не социалистическому и не капиталистическому пути, создать новый тип общества, хозяйство и культуру, духовный мир, формируемый православной церковью. В соответствии с историософским принципом евразийцы считали невозможным определить «раз и навсегда содержание русской будущей жизни». Эта точка зрения распространялась, прежде всего, на будущее экономическое развитие СССР. Одной из задач евразийства было проведение крупномасштабных экономических преобразований, в том числе выде-

⁵¹ Новикова Л., Сиземская И. Два лика евразийства // Свободная мысль. 1992. № 4. С. 105.

⁵² Вернадский Г. В. Начертание русской истории // Родина. 1991. № 4. С. 55.

ление «государственно-частной собственности». В этой системе хозяйствования главная роль отводилась государству, которое на уровне народной власти и хозяина вмешивается во все сферы хозяйственной жизни в центре и на местах: управление, планирование в промышленности, сельском хозяйстве, финансах, государственный контроль. Экономическая программа предусматривала возвращение предприятий собственникам, но половину доходов предприятия должны оставлять в руках рабочих на социальные нужды. Таким путем евразийцы пытались примирить рабочих и капиталистов. Утопизм этой программы очевиден, т.к. при такой раскладке использования доходов предприятия не смогут не только развиваться, но и как-то существовать.

В стремлении большевиков наладить экономические связи с Западом евразийцы увидели опасность экономического, а отсюда и политического засилья России иностранным капиталом и потери ею статуса крупной и сильной державы. Но в этом случае они уготовили Советской России мессианско-гегемонистскую роль в борьбе угнетенных народов против международного империализма, что фактически и было предусмотрено в программе большевиков.

Евразийцы, как и сменовеховцы, признавали Октябрьскую революцию как свершившийся исторический факт, как подтверждение подлинности исторического процесса. Идеологи движения, пытаясь найти в русской истории новый смысл революции, объясняли все происшедшее как «божественное начало», «оружие божье». Они смирились перед революцией как перед стихией и катастрофой, но проклинали ее сознательно злую волю, кощунственно восставшую на Бога и Церковь (П. Савицкий). Евразийцы пытались отыскать компромисс между Октябрьской революцией и прежними устоями России, предпринимали попытки примирить действительное и желаемое, факт революции и надежду на реставрацию, историческое прошлое России с ее настоящим. Евразийцы левого уклона призывали «переключить революционную энергию на созидательные цели», на национальное углубление революции.

Вместе с тем они не признавали создаваемый большевиками социализм как новый общественно-экономический строй. По мнению евразийцев, правда, которую раскрывает своей революцией Россия, есть отвержение социализма и утверждение церкви. П. Савицкий заявлял, что «только благодаря бесстрашно поставленному большевиками вопросу о самой сущности существующего, благодаря их дерзанию по размаху, неслыханному в истории, выяснилось и установилось то, что в любом случае данное время оставалось бы неясным и вводило бы в соблазн: выяснилось материальное и духовное убожество, отвратность социализма, спасающая сила религии. В исторических сбываниях социализм приходит к отрицанию самого себя и в нем самом становится на очередь жизненное преодоление социализма»⁵³.

Евразийцы неоднократно отмечали, что революция обнажила нравственное убожество большевизма, его бесчеловечность. В этой связи примечательно высказывание М. Назарова: «Евразийцы гораздо глубже, чем сменовеховцы, ощутили метафизический смысл большевизма – как крах попыток рационалистической европеизации России, начатой еще Петром... Как и у сменовеховцев, здесь можно видеть верное историческое зерно: большевизм, ценою огромных жертв и страданий, уберег Россию от того, чтобы стать мещанско-буржуазной страной "как все"»⁵⁴. Действительно, цена за эти достижения несоразмерна тем жертвам, которые были принесены во имя «победы социализма». В то же время евразийцы ставили в заслугу большевикам то, что последние изолировали Россию от «прогнившей Европы» и вывели страну на «самостоятельные пути духовного развития». Следовательно, необходимо было сотрудничать, а не конфликтовать с большевиками на политической арене.

⁵³ Савицкий П. Мы не стыдимся называть себя – евразийцами // Родина. 1991. № 4. С. 53.

⁵⁴ Назаров М. Миссия русской эмиграции. Ставрополь, 1992. С. 221.

Евразийцы рассматривали коммунизм как лжерелигию. «Он – вера, ибо одушевляет своих сторонников религиозным пафосом и создает свои священные книги, которые, по его мнению, подлежат только истолкованию, но не критике»⁵⁵. Коммунисты жестоко расправляются с иноверцами, объявляя их «врагами народа», отправляют в концлагеря или расстреливают, чтобы не сжигать на костре, как еретиков. Евразийцы призывали различать коммунистов, во-первых, «как вредных доктринеров» с их идеологией пролетарского интернационализма и непримиримой классовой борьбой и, во-вторых, как большевиков, занятых повседневной созидательной работой. Большевики, не подверженные коммунистической идеологии, не опасны для общества. Поэтому евразийцы считали своей задачей вытеснить коммунистическую и внедрить свою православно-евразийскую идеологию.

В 30-е гг. началось разрушение евразийства. Одной из основных причин его краха является переориентация идеологов течения с религиозно- и социально-философских позиций на партийно-политическую сферу, политизация идей. Последняя дала повод оппонентам обрушиться на евразийство с критикой его основных постулатов в этой области. Многие вопросы, выдвинутые ортодоксами движения, по их признанию, так и остались без ответов. Поэтому их противники интерпретировали возможные ответы на них со своих, противоположных позиций. Правый фланг эмиграции критиковал евразийцев за их отход от политической борьбы, за капитуляцию перед большевиками на политическом уровне, левый – за антизападничество и религиозность⁵⁶.

Активную критику, особенно со стороны партийных лидеров, вызвал выдвинутый евразийцами принцип однопартийности в настоящей и будущей России. Оппоненты отмечали, что идеологическая и политическая диктатура партии, объединенная с диктатурой пролетариата, создает благоприятные условия для установления тоталитаризма, что и произошло в СССР.

Оппоненты евразийцев обвиняли их в национализме (Н.А. Бердяев), ибо в наступившей новой универсалистской эпохе, когда происходит активное взаимопроникновение культур разных народов, изолировать россиян от других государств, других культур ради сохранения самобытности евразийской культуры бессмысленно. Евразийцы надеялись спасти Отечество и возродить национальную гордость россиян на основе разрыва с европейской культурой. Но их иллюзии были развеяны, критики евразийства (П.Б. Струве, П.Н. Милуков, В.А. Мякотин, С.Л. Франк) увидели социальную опасность учения в том, что оно уводит от реальной действительности, заставляя искать выход в старине.

Несостоятельной оказалась и идея «правлящего отбора», который евразийцы определяли как образец формирования народовластия в СССР. Он фактически переродился в партийно-номенклатурный отбор. Они намеревались заменить диктатуру коммунистической партии диктатурой православно-евразийской партии. Это, безусловно, обрекало представителей других вероисповеданий при «правлящем отборе» (партийно-номенклатурном) на неучастие в органах власти, что вносило разделение народонаселения на высших и низших и противоречило теории Евразии как «месторазвития» России. Здесь явно обнаруживались «два лика евразийства», как определил эту позицию П.М. Бицилли в одноименной статье. Двуличие евразийцев проявлялось и в других теоретических выкладках.

Евразийцы противопоставляли идею-правительницу коммунистической идее и надеялись с помощью православно-евразийской идеологии победить коммунизм и возродить Россию, при этом заменить его ложную и опасную идеологию своей, спасительной. Несостоятельность и двуличие этой операции обнаружили даже некоторые из ев-

⁵⁵ Евразийство (Опыт систематического изложения). Париж. 1926. С. 14.

⁵⁶ Назаров М. Миссия русской эмиграции. Ставрополь, 1992. С. 222.

разийцев. В частности, А.В. Флоровский, П.Н. Милюков, Н.А. Бердяев, Ф.А. Степун указывали на опасность перерождения идеологии евразийства в неомошевиизм.

Лейтмотивом евразийской идеологии и политики был этатизм, что наиболее точно установил Н.А. Бердяев. Именно партийно-государственная модель СССР соответствовала всем эталонам и критериям этатизма. Евразийцы весьма положительно оценивали организационно-управленческую структуру СССР и мечтали использовать ее в случае своего прихода к власти. Очевидно, засилье государства в экономической, социальной и культурной жизни общества, в научной и других видах деятельности, распространение экспансии государства, его учреждений на все сферы жизни общества соответствовали установкам идейно-политической платформы евразийцев.

В этой области особенно выделялись: двусмысленное отношение евразийцев к советской власти (православный большевизм); признание однопартийности в управлении обществом; одобрение вторжения государства в экономическую жизнь путем жесткого централизованного планирования, контроля распределения, администрирования в экономике; насаждение единой для всего общества православно-евразийской идеологии вместо коммунистической, признание гонения за инакомыслие, согласие с ограничением прав человека; партийный отбор в органы власти; лжедемократия. Такая приверженность евразийцев к этатизму сближала их с большевизмом и фашизмом, что вызвало особо жесткую критику со стороны русской эмиграции.

В конце 20-х гг. в движении евразийцев наметился раскол, причиной которого стало начало издания лояльной к большевикам еженедельной газеты «Евразиец» в Париже. Постепенно от движения стали отходить мыслители-основатели, противники «парижского направления» евразийства. В 30-х гг. активно действовала только просоветски настроенная группа, лидеры которой – Д. Святополк-Мирский, П. Арапов, С. Эфрон – пошли на идейно-политическое сближение и сотрудничество с большевиками.

Теоретическая деятельность евразийцев привлекала внимание ГПУ. Когда же в этом движении возникли политические структуры, имевшие целью вести нелегальную работу в СССР, активность чекистов повысилась. Агенты ГПУ-НКВД проникали в евразийское движение с помощью фиктивной антисоветской организации «Трест», созданной самим же ГПУ. Организация установила нелегальную связь с лидерами евразийства, устраивала взаимные тайные поездки. Наконец, советские спецслужбы установили частичный контроль над финансовыми средствами евразийцев. После разоблачения «Треста» как фиктивной организации евразийцы поняли беспочвенность и бесперспективность своего идеологического движения.

Историческое значение евразийства состоит в том, что его лидерам была небезразлична судьба покинутого Отечества, что они вникали в «живые и острые вопросы творимого дня». Идея Евразии была для них «священным догматом и источником вдохновения», способствовала превращению утопических элементов в реальность. На формирование идеологии евразийства оказывало влияние отсутствие полноценной статистической и аналитической информации из первых рук о жизни в СССР для обоснованных выводов о советской действительности.

Принцип федерации всех российских земель и народов, выдвинутый евразийцами, оказался исторически реальным. Идеи евразийства, связанные с сохранением целостности многонациональной России, весьма актуальны в нынешних условиях патологической суверенизации и сепаратизма, охватившей руководителей некоторых республик Российской Федерации, и, наконец, они вписываются в проблемы поиска нового союза независимых государств Европы и Азии вместо развалившегося СССР.

Евразийцы верили в возрождение неомошевиистской России. «Поэтому к евразийству нельзя относиться только как к несбывшемуся мифу и надежде. Обладая большой, хотя и скрытой реальностью, оно само питает ожидания людей на рождение нового ми-

ра, особенно в трудные для них переходные времена. Несомненно, евразийство как способ мышления и мироощущения имеет глубокие корни в национальной и этнической традиции. Политически сложная ситуация только заостряет это ощущение и актуализирует его»⁵⁷. Эти слова И. Исаева являются кратким, но емким ответом на им же поставленный вопрос: «Евразийство: миф или традиция?»

Младороссы. В зарождении движения младороссов решающее значение имела диалектика духовной жизни молодого поколения в условиях эмиграции. Комплекс вопросов, связанных с этой проблемой, имеет особое значение, поскольку в активную жизнь вступала молодежь со своими идейно-политическими и социальными ценностными установками, для которой окружающий мир, изгнание из Отечества воспринимались с иных позиций, по иным критериям, чем старшим поколением. Важным фактором являлось осмысление молодежью социальной действительности, возникающие при этом надежды, ожидания, противоречия.

Социально-психологическая атмосфера, в которой находилось молодое поколение эмиграции, – это бедность, жестокая борьба за выживание, неумение молодых приспособиться к западному образу жизни, неприятие идеалов, воззрений, принципов, социально-политических установок отцов. Налицо был явный традиционный конфликт поколений. Л.К. Шкаренков характеризует эту ситуацию следующим образом: «В движении младороссов в какой-то мере получило отражение недовольство эмигрантской молодежи своими отцами. В эмигрантской печати писали о споре отцов и детей: те, кто покинул родину почти детьми, и которым теперь было уже тридцать-сорок лет, чувствовали себя потерянными поколением. Разочаровавшись в отцах, некоторые из них обратились к религии, искали объяснение революции и связанных с ней событий в теории евразийства, в своеобразии русской культуры, другие рвались к немедленному действию и пополняли ряды разного рода фашистских, экстремистских организаций и группировок»⁵⁸.

Однако это не было бескомпромиссным отрицанием молодежью отцовских позиций, логически оправданным скептицизмом, нигилизмом ради отвержения устоявшихся традиций и идеологии дворянско-буржуазного общества в целом. Отрицание, являясь плодом критического мышления молодого поколения, выражало, с одной стороны, неприятие им идеала будущей России, основанного на традициях старшего поколения, с другой, – протест против ограничений в жизни и действиях, обусловленных эмигрантским положением. Молодые эмигранты не испытывали острой ностальгической привязанности к дореволюционным формам жизни. По традиции родителей они уважали монархию, многие желали ее реставрации в разных формах, но не стремились влиться в ряды старых монархистов; признавая некоторые социалистические аспекты, отвергали социалистов-революционеров за их пустословие и бесконечные дискуссии. Молодежи необходимо было создать новые идеалы, преодолеть неблагоприятные внешние обстоятельства, заявить миру о себе, своем поколении, его интересах, потребностях, помыслах, надеждах. Это было идейно-политическое переосмысление платформы отцов, переориентация молодого поколения, решившего идти по иному, своему пути борьбы с большевизмом. Немаловажным мотивом было и стремление адаптироваться на Западе, найти свое место в западной цивилизации.

«Союз молодой России» – ядро будущего движения – был создан в Мюнхене в 1923 г. В 1925 г. он был переименован в «Союз младороссов». Движение младороссов – это русское национально-патриотическое движение в эмигрантской среде, возникшее на волне переоценки частью русской эмиграции своих позиций по отношению к Советской России. Это знаменовало начало идейно-политической эволюции в среде эмигрантской молодежи. Одним из факторов ее патриотического подъема была обозначив-

⁵⁷ Исаев И. Евразийство: миф или традиция? // Коммунист. 1991. № 12. С. 112.

⁵⁸ Шкаренков Л. К. Агония белой эмиграции. М. : Мысль, 1987. С. 186.

шаяся в конце 20-х – начале 30-х гг. опасность возникновения войны между Германией и СССР в связи с активизацией милитаристских устремлений укреплявшегося на германской земле фашизма. Первоначально организация возникла как монархическая, затем эволюционировала в направлении республиканского монархизма. Центром движения младороссов стала Франция.

Существуют разные трактовки этого движения. Так, М. Назаров определяет его сущность и цели как капитуляцию, признание русской эмигрантской молодежью поражения отцов в борьбе с большевизмом и прекращение всяких антисоветских действий: «Капитулянтским духом оказались поражены и «младороссы» – многочисленная молодежная организация, родословную которой ведут от «Союза молодой России»⁵⁹. Правда, в дальнейших своих рассуждениях он опровергает этот вывод фактами другой окраски.

В советской историографии это движение определяется однозначно: реакционное, монархическое, фашистское. Эпитет «фашистское» не соответствует действительности. Если часть младороссов в особых случаях надевала форменные рубашки, принимала присягу, использовала прочую мишуру, превращающую церемонию в фарс, то это еще не определяет фашистской заправки всего движения.

Эмигранты А. Вертинский, Л. Любимов, З. Шаховская отзывались о младороссах с явной симпатией. Почему такое расхождение в оценке движения? Ответ прост: советские историки выполняли идеологические постулаты КПСС, нередко были вынуждены идти на сделку со своей профессиональной совестью, поэтому использовали нормативные эпитеты и непререкаемые резюме при оценке всего «не нашего»; эмигранты выполняли гражданский долг – говорить правду о деятельности своих соотечественников. Так, в трактовке А.Н. Вертинского, младороссы – это патриотическая организация русской эмигрантской молодежи, которая была противником германского фашизма, резко осуждала книгу Гитлера «Моя борьба» и антирусские идеи фашистов⁶⁰.

Социальный состав движения младороссов – это бывшие гимназисты, юнкера, лицеисты, молодые дворяне. Его создателями стали молодые князья Оболенские, граф Красинский (сын балерины Матильды Кшесинской и великого князя Андрея Владимировича), граф Карузо, Воронцовы-Вильяминовы. Молодые дворяне группировались вокруг великого князя Дмитрия Павловича. Руководителем младороссов стал Александр Львович Казем-Бек – заметная фигура в эмигрантской среде, хороший организатор, человек талантливый и яркий, явно харизматический лидер. Имел свой «почетный караул» – юношей в синих рубашках. Еще в 1921 г. он создал в Будапеште эмигрантскую организацию «Русское монархическое объединение».

В младоросском движении выразились некоторые идеи евразийства, влияние которых усилилось особенно среди неомонархически настроенной молодежи. Идеология евразийства, признававшая особый, отличный от Запада, путь развития России, который привел бы ее к исконно консервативным началам, соответствовал монархической ориентации младороссов. Молодой Россией они называли ту Россию, которая теперь перерождается в мучительных схватках. Вместе с тем они ставили в заслугу большевикам сохранение территориальной целостности государства, защиту его интересов на международной арене, укрепление мощи страны.

В 1923 г. в Мюнхене состоялся первый съезд младороссов, в ходе которого была определена цель движения – установка на русскую национальную революцию, отвергнуты социализм и коммунизм как ложные и губительные учения. «Младороссы, – пишет Г.З. Иоффе, – выдвигали новый "монархический принцип", исходящий не только из "исторически традиционного" российского самодержавия, но и из тех изменений, которые произошли в стране со времени революции. В результате идея "легитимного

⁵⁹ Назаров М. Миссия русской эмиграции. Ставрополь, 1992. С. 223.

⁶⁰ Вертинский А. Дорогой длиною. М. : Правда, 1991. С. 193–194.

царя" сочеталась у них даже с признанием Советов, но, конечно, освобожденных от большевиков»⁶¹. Младороссы выдвинули лозунг «Царь и Советы», объединив в нем национальные традиции с результатами революции, монархический и советский строй, т.е. реально несовместимые понятия. Они громко заявили, что осознали свою приверженность Отечеству (девиз «Лицом к России»). Политические режимы приходят и уходят (большевики рано или поздно падут), а Россия вечна, она останется и будет всегда.

Младороссы располагали более чем двадцатью печатными органами, в числе которых: «Младоросс» (1928–1932), «Возрождение» (Берлин, с 1928), «Младоросская искра» (1931–1940), «Бодрость» (1934–1939). Последняя пользовалась особой популярностью среди молодежи, внушала ей идеи патриотизма, призывала заниматься трудом, спортом, повышать образовательный уровень, становиться инженерами, техниками, врачами и т.д., чтобы готовить себя к практической созидательной работе, строительству, а не к политике, чтобы в тот момент, когда они понадобятся родине, быть готовым послужить молодой России. Газета призывала неустанно изучать историю своего Отечества, чтобы из прошлого и настоящего родины извлечь и усвоить уроки для строительства будущей России.

Младороссы считали революцию свершившимся фактом, который нельзя порицать и отбрасывать, и исходили из того, что если она свершилась, то ее результаты следует приспособить к своей концепции и своей цели – «вернуть революцию на национальный путь». В этой связи они отвергали методы терроризма и диверсий как приносящие, прежде всего, ущерб России, а не ее правительству, интервенцию, как «несовместимую с национальным достоинством России».

Советские историки, в частности Л.К. Шкаренков и Г.З. Иоффе, приписывают движению младороссов явно националистическую направленность, уподобляя ее при этом национал-социалистским устремлениям германских фашистов. Было ли это в действительности? В 1931 г. А.Л. Казем-Бек говорил о русских зарубежных националистах и их методе борьбы с большевизмом: «Для нас, зарубежных националистов, вопрос ставится не о борьбе с национальными внутренними силами, а о борьбе со сталинской верхушкой, ради национального возглавления той России, которую Ленин и Сталин против своей воли вывели из многолетнего сна. Мы заодно с теми, кто в России, хотя бы под коммунистическим флагом, делает национальное дело... Националисты зарубежные должны найти контакт с русскими националистами. Зарубежные националисты не могут быть орудием иностранцев... Система, противопоставляемая коммунизму, должна принести всенародное примирение. Это будет надклассовая монархия»⁶². Таким образом, националистическая направленность движения имела чисто политическую окраску, а не национально-«великороссийскую». Руководители младоросского движения в 1930 г. выступали в своей печати с заявлением о необходимости создания «общего фронта в борьбе с большевизмом», в ходе которой призывали руководствоваться высшим национальным принципом, затмевающим личные и групповые интересы, в основе которого было стремление освободить нацию, Россию от большевистско-еврейского засилья.

Младороссы использовали некоторые идеи русских националистических, полуфашистских групп, однако в большинстве своем они никогда не сближались ни с русскими, ни с немецкими нацистами. Хотя Казем-Бек и подписал в сентябре 1933 г. в Берлине «договор» о дружбе с П.М. Бермондт-Аваловым, явным нацистом, возглавлявшим РОНД (Российское освободительное народное движение), но дружба между ними так и не была установлена, лишь выражена уверенность в необходимости Российской национальной революции.

⁶¹ Иоффе Г. З. Крах российской монархической революции. М. : Наука, 1977. С. 300–301.

⁶² Назаров М. Миссия русской эмиграции. Ставрополь, 1992. С. 224.

В середине 30-х гг. у младороссов появилась еще одна центральная цель – создать из своего движения вторую советскую партию, которая будет «революционной оппозицией» в отношении ВКП(б), или, по мнению Казем-Бека, «создать монархическую партию для советской среды». Формально такая партия была создана, но ее идейно-политическая деятельность не дала каких-либо реальных результатов, превратилась в благие порывы. Идейным вдохновителем младороссов был великий князь Кирилл Владимирович, поддержавший лозунг «Царь и Советы». Он слабо разбирался в политике и был далек от политических баталий, лояльно относился к попыткам верноподданных протянуть руку гражданам СССР. В новогоднем 1932 г. «Императорском манифесте» великий князь (самозванный император Кирилл) в сущности принял Октябрьскую революцию. Его поддерживали молодые монархисты – члены организации младороссов.

В движении младороссов возникли отдельные экстремистско-настроенные группы, подверженные в большей мере влиянию итальянского корпоративного фашизма, который был для них образцом будущего общественного устройства России. Лидеры младороссов с одобрением говорили о возрождении Италии под властью дуче (Муссолини) и верили, что корпоративное государство является жизнеспособной альтернативой классовой борьбе и диктатуре пролетариата. Большевицкая диктатура во главе с вождем и советская власть были благодатной государственно-правовой основой для внедрения русского фашистского режима в этой тоталитарной стране, хотя в Советском Союзе уже фактически была создана социал-империя со многими компонентами фашизма в области идеологии, политики и в социальной сфере. Эти группы пытались найти в итальянском фашизме источник жизненной силы и бредили итальянским дуче, воплощение которого видели в образе великого князя Кирилла Владимировича. Большая же часть младороссов видела в Кирилле не дуче, а будущего царя России, сотрудничающего с Советами. Экстремистские группы младороссов, заимствовавшие ряд своих положений из идейного арсенала итальянского фашизма, позже приняли правый уклон и, наряду с другими правозэкстремистскими группировками, явились почвой, строительным материалом для создания русского зарубежного фашизма.

В конце 30-х гг. в среде младороссов наблюдалась эволюция идейно-политических взглядов. Некоторые группы, недовольные деяниями Высшего монархического совета, отмежевались от него; другие выступили против лидеров союза младороссов, которых они критиковали за разложение патриотических русских организаций в эмиграции и пытались создать в Болгарии «Союз истинных младороссов – неомладороссов».

Большая часть союза с самого начала рассматривала немцев как врагов России, а с приходом к власти Гитлера с его грандиозными планами мирового господства Германии заняла антинацистскую позицию. На страницах газеты «Бодрость» публиковались статьи против гитлеровской книги «Моя борьба». С большой убедительностью лидеры движения опровергали статьи и заявления бывшего воспитанника Рижского университета Альфреда Розенберга, в которых философ рейха совершал нападки на славян и русский народ, считая его невежественным и ленивым, низшей расой, испорченной азиатами. Антигерманские настроения особенно усилились в канун Второй мировой войны, когда стали ясны планы Гитлера о продвижении Германии на Восток. В газете помещались статьи, направленные против тех, кто стремился к восстановлению прежней России с помощью германского фашизма. Русских эмигрантов, в том числе экстремистско-настроенных младороссов, склонных к фашизму, которые были готовы сотрудничать с Гитлером для разгрома большевизма, газета заклеивала как изменников Родины. Сторонник русского национализма великий князь Дмитрий Павлович поместил в газете «Бодрость» приветствие советско-французскому союзу.

В годы Великой Отечественной войны младороссы стояли на патриотических позициях, выступали против фашистской Германии. Они выдвинули тезис, который под-

держивал и А.И. Деникин, относительно советского народа и СССР в Великую Отечественную войну: «Защищают не власть, а Родину, Россию, а не коммунизм»⁶³. Такие рассуждения были очень распространены в эмигрантской среде.

Глава младороссов А.Л. Казем-Бек стал постепенно отходить от монархизма, поддерживал «Союз оборонцев» – патриотическую организацию русских эмигрантов, призывал к оказанию помощи СССР в войне с фашистской Германией. По инициативе Казем-Бека регулярно проводились собрания эмигрантов, находящихся на патриотических позициях и выступавших в поддержку СССР. Эти собрания проходили под лозунгом: «Советская власть защищает исторические интересы России. Все за Родину, каких бы взглядов мы ни придерживались».

Среди участников таких встреч были: адмирал Н.И. Вердеревский, бывший морской министр Временного правительства, профессор Д.М. Одинец, историк, преподававший в Парижском русском народном университете (вернулся в СССР), И.А. Кривошеин, сын царского министра, видный французский инженер-электрик (вернулся в СССР), И.И. Бунаков-Фундаминский (погиб в фашистском концлагере), К.К. Грюнвальд, историк (вернулся в СССР). Лидер младороссов А.Л. Казем-Бек после окончания Второй мировой войны вернулся в СССР. Эмигранты надеялись, что волна патриотизма, охватившая русский и другие советские народы в годы Великой Отечественной войны, после победы сметет большевиков. Блажен, кто верует... Пройдет еще не один десяток лет, пока их надежды сбудутся.

Национально-трудовой союз нового поколения. В 1930 г. профессор М.А. Георгиевский, герцог С.Н. Лейхтенбергский и офицер В.М. Байдалаков объединили разрозненно существовавшие во Франции, Югославии, Болгарии, Чехословакии, Голландии и на Дальнем Востоке молодежные группы в Национальный союз русской молодежи (с 1931 г. – Национальный союз нового поколения). Вскоре его численность приблизилась к двум тысячам человек. В союз принимались молодые люди, родившиеся не позже 1895 г. В 1936 г. он был переименован в Национально-трудовой союз нового поколения (НТСНП). В конце 30-х гг. энтеэсовцы стали называть свой союз Национально-трудовым союзом русских солидаристов. Видной фигурой в НТСНП был сын Петра Столыпина – Аркадий.

Среди солидаристских организаций российской эмиграции большей популярностью и поддержкой пользовались НТСНП и младороссы. Союз выступал за национальную и социальную (классовую) солидарность, отрицал марксистский тезис о классовой борьбе как движущей силе истории. В области борьбы с большевизмом НТСНП стоял на позиции компромисса всех антикоммунистических движений русской эмиграции, а также объединения всех антисоветских сил в СССР ради общей цели – антисоветской национальной революции. Группы союза, разбросанные в разных странах, были преданы единой стратегической идее, их объединяла общность интересов и убеждений, круговая порука и совместная ответственность, они отличались своей целеустремленностью и организованностью.

Через год после создания НТСНП его лидеры пришли к заключению, что национальную революцию совершит сам народ СССР без вмешательства извне. Для ее осуществления новопоколенцы считали необходимым создать в Советском Союзе широкую сеть подпольных групп в качестве организаторов всей пропагандистской работы по подготовке народных масс к революции и проповедников идеологии и политики НТСНП. Члены союза намеревались проникнуть в СССР, чтобы руководить подготовительной работой на местах и в момент революции возглавить ее. Цель революции – осуществление государственного переворота, в результате которого должен быть разгромлен большевизм и свергнута советская власть.

⁶³ Любимов Л. На чужбине. Ташкент, 1989. С. 301.

Политическая установка НТСНП – видеть Россию в новом облике – порождала у новопоколенцев «пафос борьбы, энтузиазм будущего строительства» (М.А. Георгиевский). В политическом аспекте НТСНП выражал непредрешенчество между конституционной монархией и республикой. Всё, по убеждению новопоколенцев, будет зависеть от воли народа. Некоторые члены союза видели будущий общественный строй России в облике «национально-трудового солидаризма», нечто близкого к итальянской модели корпоративного государства. В целом же политическая концепция новопоколенцев сводилась к тому, что «Россия выше форм правления и личности», хотя их большая часть была склонна к идее возглавления будущей Российской Трудовой Империи монархом при конституционно-монархическом строе.

Идеологическая платформа союза – непризнание коммунизма и непримиримая борьба с ним. В основу идеологии НТСНП были положены четыре принципа: идеализм (как стремление к достижению возвышенных целей), национализм, солидаризм и самоотверженное служение Родине. В служении Отчизне новопоколенцы видели и готовность к подвигам, и готовность к смерти. Девиз НТСНП: «Да возвысится Россия, да погибнут наши имена». В этом афоризме заключен огромный смысл. Члены союза были убеждены, что ответы на вопросы о смысле жизни, творчества, созидания и о смысле смерти непосредственно зависят от того, какова идеологическая позиция человека по проблеме борьбы с большевизмом. Для новопоколенца смерть – это, в первую очередь, его собственная смерть, которую он чтит как самопожертвование во имя высоких целей, и лишь во вторую очередь – смерть врага, только равного себе, а не массовое уничтожение беззащитных людей ради абстрактных принципов. В этом постулате ощущалось глубинное напряжение между молодостью и смертью, готовность жертвовать жизнью во имя идеи, единство фразы и действия, преобладание индивидуального над коллективным, обязательность высшего долга.

Идейно-политическая платформа НТСНП была изложена в курсе «Национально-политической подготовки НТСНП», в котором также давалась аналитическая оценка основных политических и военизированных организаций, союзов, групп российской эмиграции, вступивших на путь непосредственной, практической борьбы с коммунизмом и большевизмом. Среди идейно-политических задач видное место занимало создание центра нарастающей волны национальной революции.

В социальной области НТСНП выдвигал идею справедливого и праведного устройства жизни. Это понятие весьма неопределенное: вопрос о собственности на землю и другие объекты общественного производства не нашел однозначного определения в программе новопоколенцев. Социальная модель будущей России не была до конца отработана в концепции НТСНП.

С 1932 г. союз начал выпуск газеты «За Родину» (София), претерпевшую в Болгарии неоднократные запреты по политическим мотивам и окончательно обосновавшуюся в 1940 г. в Белграде. В Шанхае выходили издания «Смена», в Варшаве – «Меч», в Лионе – ежемесячный «Обзор печати», в Париже – «Костер».

Идеологи старшего поколения эмиграции, лояльно относившиеся к НТСНП, старались создать теоретический фундамент борьбы с большевизмом путем публикации и распространения среди членов союза своих работ по проблемам идеологической борьбы за будущую «национальную Россию», по раскрытию догматизма и талмудизма учения Маркса, либерализации российского общественного строя и др. По инициативе отцов создавались комитеты содействия союзу. Однако НТСНП, отмежевываясь от старшего поколения по причине его консерватизма и примиренчества, примкнул на некоторое время к Русскому общевоинскому Союзу (РОВС), который видел в новопоколенцах свою подрастающую смену. Но наметившийся между ними альянс был недолгим. Главной причиной отхода союза от РОВС было несовпадение методов борьбы с

большевизмом. РОВС, не включавшийся в идейно-политическую сферу борьбы, признавал фактором победы только военное вторжение в Россию; НТСНП, напротив, выдвигал на первый план идеологическое противоборство с большевиками, разложение их идеологии и мобилизацию внутренних сил народных масс на национальную революцию.

Союз стремился к сотрудничеству с «понятными и родственными организациями», близкими им по «идейно-политическим и социальным программам». Так, в 1937 г. НТСНП вместе с Русским национальным союзом участников войны и Имперским союзом образовали Национальный центр в Париже. Однако между новопоколенцами и младороссами велась постоянная идейная борьба. НТСНП через свое отделение в Харбине контактировал с Русской фашистской партией. Лидер союза В.М. Байдалаков в январе 1939 г. присутствовал на ее съезде, был членом почетного президиума.

Союз считал, что одной из главных причин поражения белого движения было его неумение завоевать доверие обывателей. Поэтому он избрал два основных метода борьбы с большевизмом: конспиративный – подпольная пропаганда своих идей среди населения, и террористический.

С помощью поляков в 1938–1939 гг. НТСНП установил некоторые контакты с Японией, которая через своего военного атташе обеспечивала работу конспиративной группы «Льдина», собиравшей сведения об СССР по газетным материалам и московским радиопередачам и на основе этой информации печатавшей антисоветские листовки. В них содержались призывы к расширению скрытой борьбы с большевиками, созданию тайных ячеек, объявление забастовок, разъяснялись цели борьбы НТСНП и цели новой революции, помещались компрометирующие большевиков факты. Таков был лейтмотив пропагандистской кампании. Центр союза разрабатывал практические рекомендации в этой области.

Вести подпольную пропагандистскую работу в те годы на территории СССР было невозможно и бессмысленно, поскольку в стране была установлена тайная слежка с четко налаженным стукачеством, поэтому оставалась только нелегальная доставка антисоветских листовок. Однако этот способ оказался малоэффективным, т.к. советские люди, напуганные гостеррором 30-х гг., шарахались от всяких «тайных бумаг». Таким образом, и конспиративный метод борьбы НТСНП с большевиками оказался безрезультатным. Кроме того, большая часть агентов, пытавшихся перейти польско-советскую границу, попадала в руки советских пограничников или гибла при переходе. Проникновение агентов НТСНП в Россию сначала проводилось при содействии РОВСа и «Братства Русской Правды». Однако частые срывы и гибель большинства агентов вызывали подозрение у лидеров союза в проникновении в эти организации сотрудников советской разведки (что позже подтвердилось). Постепенно союз отошел от РОВСа и БРП и самостоятельно организовал переход своих агентов через польско-советскую границу. Эту возможность предоставил начальник русского отдела польского генштаба Ричард Врага.

При содействии поляков НТСНП удалось открыть школу для своих членов, предназначенных для проникновения на территорию СССР, в которой их обучали технике перехода советской границы, владению оружием, подрывному делу, конспирации, поведению на допросах, подпольной пропагандистской работе, шпионажу, шантажированию работников советских органов. В школе обучались преимущественно члены союза из Югославии и Чехословакии.

Нагнетание милитаристской напряженности в фашистской Германии обострило положение отделения НТСНП в этой стране. После неоднократных проверок гестапо работы и связей этого отделения союз распустил его в августе 1938 г. Во время Второй мировой войны некоторые прогермански настроенные члены союза перешли на службу в ведомство Розенберга или примкнули к нацистской партии Б.В. Каминского. Организации НТСНП в других странах продолжали существовать. Но, как пишет Д. Стефан:

«В конечном итоге русский патриотизм оказался несовместимым с немецкими требованиями, и лидеры НТС в оккупированной немцами Европе были арестованы гестапо летом 1944 г.»⁶⁴.

Отказ от возрождения дореволюционной России и стремление к внутреннему преобразованию Советской России без большевиков и их идей, в соответствии со своей идейно-политической платформой, были взяты на идеологическое вооружение и другими течениями, движениями, из которых более заметными были национал-максималисты.

Известно, что идеология тесно связана с политикой. Поэтому эмигрантские политические партии и идеологические движения имели сходные цели и формы борьбы с большевизмом и советской властью, находились в одной упряжке. Их отличала лишь динамика борьбы, ее накал и действенность. Старшее поколение было медлительно в своих действиях, оно больше говорило, совещалось, заседало. Молодежь, напротив, рвалась к активной борьбе. Молодежные движения вносили новые веяния в идейно-политическую атмосферу российской эмиграции. Будучи носителями и генераторами антибольшевистской идеологии, они будоражили общественное сознание политически активной части эмигрантов. Роль молодежи в идеологическом противоборстве с большевизмом была значительной в эмигрантской среде.

Однако иллюзорным и наивным в условиях большевистского, однопартийного режима надеждам и намерениям на официальную оппозиционную деятельность в СССР не суждено было сбыться. Большевики сразу же после гражданской войны жестко пресекли любое инакомыслие и попытки идти не в ногу с ними.

⁶⁴ Стефан Джон. Русский фашизм. Трагедия и фарс в эмиграции. 1925–1945. М., 1992. С. 52.

ГЛАВА II. РУССКИЙ ФАШИЗМ: НАДЕЖДЫ И КРАХ

Политическая напряженность в Европе и Азии в конце 20-х – начале 30-х гг. явилась предтечей расширения и углубления идеологического противоборства определенных слоев российской эмиграции с большевизмом и сталинизмом (в данный период эти два понятия были несовместимы); подготовила условия и почву для зарождения новых идеологических концепций в эмигрантской среде. Политически настроенная часть эмиграции усиленно искала в этой ситуации третий путь преобразования России.

Идеология третьего пути получила свое бурное развитие в начале XX в. Зарождение этой идеологии – концепции консервативной революции – политологи относят к периоду после Французской революции (1790–1810-е гг.). Именно с тех пор цели этой революции стали критериями идеологических позиций политических деятелей, их деления на левых и правых вплоть до наших дней.

Левые стремились радикализировать тезис: «Свобода, Равенство и Братство». Консервативные революционеры, не утверждая безусловной ценности дореволюционного порядка, настаивали на прямо противоположном подходе и, напротив, стремились вернуться к такому порядку, который предшествовал не только революции, но и возникновению причин, приведших к ней. Они стояли за революцию тоталитарную, всеобъемлющую, радикальную, но прямо противоположную революции левых. Вместе с тем третий путь не есть слияние элементов правой и левой идеологий. Он является самостоятельным мировоззрением, которое глубоко коренится в социальных, экономических, психологических глубинах человеческого общества. Третий путь может быть и разрушительным и консервативным, и парламентским и тоталитарным, и элитарным и массовым, как и все варианты правой и левой идей.

Наиболее всеобъемлющим воплощением третьего пути был германский национал-социализм, в котором совмещались правая концепция национализма с левой концепцией социализма. Однако третий путь нельзя отождествлять ни с фашизмом, ни с национал-коммунизмом, ни с национал-социализмом, ни с исламским социализмом в арабских странах, ни с послевоенной израильской моделью государственности 1948 г., когда произошла победа еврейской консервативной революции. Русская эмиграция искала третий путь в российском варианте.

Активными искателями третьего пути были евразийцы. Главной темой для них стала Октябрьская революция. Евразийцы не относили себя ни к левому, ни к правому лагерю. Выступая против левых, совершивших революцию и продолжавших укреплять ее завоевания, они противопоставляли себя и правым, которые не признали большевизм как реальный исторический факт, и в то же время не считали дореволюционный режим в России как нечто совершенное.

В середине 30-х гг. в движении евразийцев обозначились два крыла. Первое ориентировалось на национал-большевизм, увидев в сталинской политике поворот СССР – Евразии к народно-имперскому образованию. Второе склонялось в сторону русских национал-социалистов, надеясь при поражении СССР в будущей войне, установить в России вариант русского национал-социализма.

Русские солидаристы, националисты, фашисты в Европе, Азии, Америке были ориентированы на две модели европейского фашизма: германскую и итальянскую. Чем привлекала первая или вторая модель фашизма российскую эмиграцию?

Нацистские идеологи постоянно говорили о необходимости борьбы с коммунизмом. После прихода фашистов к власти в Германии их террор был направлен, прежде всего, против социал-демократов внутри страны и коммунистов в целом. На основе антимарксизма нацисты сумели сплотить различные националистические элементы Германии, вооружив их новой идеологией. Фашистские лозунги и призывы находили под-

держку у мелкой и крупной буржуазии, а также у дворянства, военной касты и высшего чиновничества, занимавших в кайзеровской империи господствующее положение.

Наряду с германским фашизмом, крепко стоял на ногах итальянский фашизм. Итальянские фашисты рассматривали свое движение как революционное, обновляющее, преобразующее действие, направленное против старых общественно-политических и социальных форм. В ранней стадии, в первой половине 20-х гг., они противопоставляли либеральному, демократическому, чисто капиталистическому режиму, находившемуся в полусговоре с бессильной и недееспособной монархической властью, а также марксистским и анархическим тенденциям сильное централизованное государство, национализм, вождизм, героический романтизм, воспевающий любовь к подвигу, вкус смерти в бою, строгость иерархии и др.

Вместо режима демократии, фашисты установили режим партии, постепенно упразднили парламент. Однако итальянскому фашизму не был присущ тоталитаризм, диктатура бюрократических институтов, подчиняющих себе волю конкретной личности. Кроме того, Италия оставалась монархическим и католическим государством.

В экономике итальянские фашисты внедряли радикально антикоммунистический подход в форме корпоративного государства, которое устанавливало коллективную, артельную собственность на средства производства.

Национальной политике итальянского фашизма не был характерен расизм в любых его формах. Террор не являлся ведущим компонентом идеологии фашизма. Он использовался лишь как внешняя, второстепенная форма его режима, преимущественно гласно. Террор не был массовым и анонимным, как в Германии с ее гестапо и в СССР с НКВД, с печально знаменитой 58-ой статьей УК, с разветвленной сетью концлагерей для «врагов народа».

В конце 20-х и в 30-х гг. в итальянском фашизме наблюдалось поправление режима, бюрократизация, появление элементов тоталитаризма, альянс с монархизмом и дворянством, в военные годы усиливается террор. В эти годы корпоративное государство приобретает черты классического фашистского, превратившего профсоюзы в орудие государственных интересов.

Из двух моделей фашизма молодое поколение эмиграции – младороссы и новопоколенцы – в большей степени симпатизировало итальянской модели, в которой они нашли отражение некоторых сходных идей, ответы на свои надежды в недавнем опыте Италии. А что именно?

В Италии был сохранен монархический принцип, при новом, фашистском режиме во главе государства стоял, хотя и формально, король Виктор-Эммануил. В концепции младороссов монархизм и советизм были совместимы (лозунг «Царь и Советы») и образовывали целостную государственную структуру во главе с дуче – фактическим монархом.

Фашизм в Италии соединил в себе старое (консервативное) и новое (либеральное) в государственном устройстве, отбросив из того и другого все, что не соответствовало его идеологическим, политическим, экономическим и социальным платформам. Таковыми же были и устремления младороссов. Они выдвигали лозунг «Советы без коммунистов», признавали Советы как орган нового народовластия, намеревались направить их деятельность на реализацию своих идей в рамках однопартийной системы.

Национализм стал точкой соприкосновения младороссов, новопоколенцев и итальянских фашистов, молодые россияне восприняли его с одобрением. Национализм явился для них орудием освобождения русской нации от гнета большевиков с их тоталитарным интернационализмом.

При всей привлекательности отдельных сторон итальянского фашизма для младороссов и новопоколенцев и соответствии некоторых его идеологических установок идеологическим устремлениям названных движений, их концепция не преду-

смаатривала возможного установления фашизма в России со всеми компонентами его классической модели.

Либеральные слои русской эмиграции видели в итальянском фашизме 20-х гг. его явные антикоммунистические тенденции, считали его орудием в борьбе с социализмом. Молодому поколению зарубежных россиян были близки фашистская идея классовой солидарности и национализм итальянцев, оно положительно воспринимало авторитарные тенденции фашизма. Радикальная молодежь стремилась перенести модель итальянского фашизма в Россию, приспособив ее к российским условиям, чтобы смести обозначившийся в СССР сталинский коммуно-фашизм.

Фашизм в военной среде российской эмиграции. Благодатной почвой для зарождения русского фашизма за рубежом стали монархические слои русской эмиграции. Среди офицеров и генералов бывших белых армий подавляющее большинство были монархистами (по некоторым данным, около 80 %). Именно офицеры-врангелевцы первыми в начале 20-х гг. увидели в итальянском фашизме перспективную модель монархо-фашизма. Г.Ф. Барихновский, ссылаясь на газету «Последние новости» (от 17 декабря 1922 г.), пишет: «В ноябре 1922 г. в Константинополе из офицеров-врангелевцев был образован российский отдел ополчения фашистов. Он выпустил несколько воззваний с призывом "проникнуться духом фашистской психологии и организовать небольшие конспиративные группы за границей и в России"»⁶⁵. В 1924 г. группа ветеранов Добровольческой армии организовала юношеский клуб «Русский отряд», члены которого имели некоторые связи со штурмовиками СА.

В феврале 1933 г. в Германии группа русских эмигрантов создала российское освободительное народное движение (РОНД) под руководством русского немца Пельхау-Святозарова. Вскоре его сменил бывший российский генерал-монархист П.М. Бермондт-Авалов. Движение РОНД имело 200 штурмовиков, близких по образцу гитлеровским СА, издавало «Голос РОНДа», «Пробуждение России», «Девятый вал».

В 1935 г. на базе РОНД возникло Российское национально-социалистическое движение (РНСД). Лидеры движения (барон А.В. Миллер-Закомельский и др.) публично заявляли о своем преклонении перед Адольфом Гитлером и признавали в нем «духовного вождя мировых сил света, спасающих человечество от кромешной тьмы большевизма»⁶⁶.

Фашизмом с германским или итальянским оттенком были заражены и другие военные и полувоеенные организации. Так, руководитель Русского общевоинского союза (РОВС) ген. Миллер призывал членов союза изучать теорию и практику фашизма. Грешил увлечением фашизмом и Русский национальный союз участников войны (РНСУВ), его руководитель ген. А.В. Туркул объявил идеалом союза фашистскую монархию. С немецким фашизмом была связана и группа ген. В. Бискупского. Однако русский фашизм в военной сфере в отличие от немецкого опирался на православие, монархию и отметал всякую демагогию.

Фашизм, преимущественно немецкого образца, проникал и в невоенные круги российской эмиграции. Активную пропаганду фашизма вел журнал «Русский колокол», выходивший в Берлине в 1927 г. (А.В. Ильин). «Русскому колоколу» помогал монархический журнал «Двуглавый орел», который восхвалял фашизм как политику, заслуживающую подражания.

Левый фланг российской эмиграции при всей этой фашистской лихорадке занял нейтральную позицию по отношению к фашизму, хотя иногда скорее по прагматическим, чем идеологическим соображениям помещал в газетах материалы с анализом сущности национал-социализма, фашизма («Социалистический вестник», «Революци-

⁶⁵ Барихновский Г. Ф. Идеино-политический крах белоэмиграции и разгром внутренней контрреволюции. 1921–1924 гг. Л., 1978. С. 147.

⁶⁶ Назаров М. Миссия русской эмиграции. Ставрополь, 1992. С. 261.

онная Россия», «Дни»). Однако в Германии русское фашистское движение так и не получило своего развития, потому что немецкие фашисты, особенно их лидеры, пренебрежительно относились к славянскому национализму, а Гитлер презирал русские национальные устремления.

Русский фашизм в Маньчжурии, Китае. Из идеологических компонентов образцовой модели германского фашизма русским фашистам, в частности, харбинского варианта, были ближе немецкие национально-социалистические устремления и позиции. Центром русского фашистского движения на Востоке был г. Харбин. В этом маньчжурском городе в 20-х гг. были представлены – легитимисты (монархисты), отделение Русского общевойскового союза, Союза казаков во главе с атаманом Семеновым, отделение террористического Братства Русской Правды (ген. В.Д. Косьмин) и другие антисоветские организации.

Российская фашистская организация (РФО), насчитывавшая всего лишь с десяток студентов, возникла в стенах Харбинского юридического института и явилась фракцией Союза национальных синдикатов русских рабочих, лидером которого был профессор Н.И. Никифоров. Будущий лидер РФО Константин Родзаевский, беглец из Благовещенска, вступил в нее осенью 1925 г. Второй лидирующей фигурой организации был Михаил Матковский, сын царского генерала, попавшего в 1919 г. в плен к красным. В январе 1927 г. РФО опубликовала «Тезисы российского фашизма». По окончании юридического института К.В. Родзаевский и М. Матковский развернули активную деятельность по расширению организации и созданию ее ячеек в городах Китая. Главной целью РФО была национальная революция.

С целью создания самостоятельной фашистской партии лидеры РФО решили провести в мае 1931 г. первый съезд русских фашистов. Председателем партии был избран бывший царский генерал В.Д. Косьмин, генеральным секретарем – К.В. Родзаевский. Программа РФО утверждала неминуемую гибель СССР, окруженного со всех сторон враждебными силами. Возмущенные коллективизацией, террором и голодом, народы России готовы к антикоммунистической и антикапиталистической национальной революции, заявлялось в программе. Но, чтобы поднять народ на революцию, необходимо донести до него фашистские идеи, и нужна партия, которая способна возглавить революцию, – Российская фашистская партия. Своими союзниками в предстоящей борьбе харбинские фашисты признавали русских монархистов, которые помогут восстановить в России династию Романовых (формально).

Программа РФП исключала классовую борьбу, классовые конфликты и выступала за примирение труда и капитала, сотрудничество рабочего и предпринимателя в рамках фашистского государства. Для предотвращения роста крупной буржуазии в ней было предусмотрено ограничение собственности в частном владении. Одно из важных мест в программе занимали проблемы национализма при признании прав национальных меньшинств. Вместе с тем русские фашисты, как и германские национал-социалисты, были приверженцами антисемитизма, что нашло отражение в лозунге программы: «Против еврейского фашизма СССР – наш российский фашизм РФП!»⁶⁷. Одной из главных программных задач партии было уничтожение «сионистского гнезда» – ГПУ. Колхозы предполагалось распустить, заменив государственную форму собственности на землю личной и артельной. Фашисты предусматривали восстановление православия в России, но при существовании церкви отдельно от государства. В 1934 г. они приняли активное участие в основании Харбинского института Святого Владимира; К.В. Родзаевский был вице-председателем Православной комиссии по борьбе с атеизмом. Русские фашисты придавали большое значение православию, что доказывает девиз РФП: «Бог – Нация – Труд».

⁶⁷ Стефан Джон. Русский фашизм. Трагедия и фарс в эмиграции. 1925–1945. М., 1992. С. 79.

Программа РФП была ориентирована на итальянскую модель корпоративного государства с ее фашистско-российской модификацией, в котором «созидательные силы нации» будут организованы в национальные союзы, создаваемые по профессиональной и должностной принадлежности, и национальные корпорации, интегрирующие национальные союзы по определенным секторам экономики. Так, шахтеры-рабочие, инженерно-технические работники, администрация объединяются в разные национальные союзы, состоящие в национальной корпорации угледобывающей промышленности.

Высшим законодательным органом должен был стать Всероссийский земский съезд высших выборных представителей от союзов и корпораций для рассмотрения и разрешения вопросов организации иерархической структуры органов власти и управления фашистским государством. Вопрос о роли РФП в управлении в центре и на местах не был решен в программе категорично, лишь устно лидеры партии заявляли, что до создания федеративного государства в переходный период устанавливается «временная диктатура». Однако русский фашизм не являлся абсолютной копией итальянского фашизма и германского национал-социализма. Его задача заключалась в духовном раскрепощении личности от репрессивного сталинского режима, децентрализации экономики. Конечной целью Русской фашистской партии было создание Евразийской империи.

РФП претендовала на роль ударного отряда антикоммунистических сил. В начале 30-х гг. в ней состояло более 4 тыс. членов. Русские фашисты – «соратники», вместо «товарищи», как они себя называли, – приветствовали друг друга девизом: «Слава России!». В 1932 г. РФП начала издавать в Шанхае журнал «Нация», в 1933–1938 гг. – в Харбине газету «Наш путь» (редактор К.В. Родзаевский). Партия сотрудничала с Союзом казаков атамана Семенова, НТСНП, Братством русской правды. Движение русских фашистов на Дальнем Востоке будоражило эмигрантскую молодежь, приобретая все большую популярность. Для экстремистской молодежи Харбина идеалом фашиста стал Бенито Муссолини. РФП организовала в Харбине секретную школу для подготовки кадров, в которой курсантов обучали шпионажу и диверсиям в СССР. Начальником этой школы был К.В. Родзаевский.

Лидеры фашистской партии с восторгом приняли оккупацию Маньчжурии Японией. В перспективе они намеревались вступить в сотрудничество с японцами, чтобы вместе готовить освобождение России. Пользуясь поддержкой оккупантов, Родзаевский начал активное пополнение рядов партии. Ее агенты перемещались по русской диаспоре в Китае, Японии, Корее, в результате чего были созданы отделения партии в ряде городов.

В 1932 г. фашисты пробивались в г. Шанхай. Агитацией и пропагандой идей фашизма через журнал «Нация» они пытались пополнить свои ряды, однако все усилия журнала оказались тщетными. На пути харбинцев встал К. Светлов – представитель американского вождя русских фашистов А.А. Вонсяцкого. К тому же в Шанхае было много беженцев из Маньчжоу-Го, в том числе евреев, которые враждебно относились к Родзаевскому. Тем не менее, в 1933 г. число членов РФП достигло 5 тыс., при партии были созданы фашистские подростковые и юношеские школы, она стала наиболее могущественной среди эмигрантских организаций на Дальнем Востоке. В 1934 г. РФП издала «Азбуку фашизма», которая, в сущности, повторяла программу партии и выступала в роли гитлеровской «Майн Кампф».

РФП ввела свою фашистскую форму, которая состояла из черной фуражки с черным козырьком, черной наглухо застегнутой рубашки, черных галифе и таких же сапог. «Штурмовики» носили портупею и нарукавную повязку с имитирующей цвета русского имперского знамени черной свастикой в ярко-оранжевом кружке, обведенном узкой белой каймой. Фашисты в черных рубашках избивали студентов-евреев, громили еврейские магазины, рассылали угрожающие письма еврейским семьям.

Став марионеткой японцев в Маньчжоу-Го, РФП пользовалась субсидиями своих покровителей. С годами партия росла, с 1934 по 1938 гг. число ее членов достигло 10 тыс. (по другим данным, приблизилось к 23 тыс.). Она имела 48 отделений в восемнадцати странах, расположенных в Азии, Европе, Северной и Южной Америке, Африке. Американский профессор Джон Стефан, создавший фундаментальный труд о зарубежном русском фашизме, так характеризует основные направления деятельности РФП в период ее расцвета: «К середине 30-х гг. Всероссийская фашистская партия развернула работу на четырех уровнях. На первом уровне она была пропагандистской машиной, издававшей газету, теоретический журнал и всевозможные брошюры, открывавшей школы и клубы, устраивавшей лекции, вещавшей по радио и поддерживавшей связь с иностранными отделениями... На втором уровне она была административным органом, ...помогавшим японским властям контролировать русское население Маньчжоу-Го. На третьем уровне она была «маньчжурской мафией», участвовавшей по поручению определенных лиц из «Кемпеи» (японская военная жандармерия – прим. автора) в делах с наркотиками, проституцией и вымогательством. Наконец, на четвертом уровне это была организация, с японской помощью занимавшаяся набором, подготовкой и засылкой в СССР шпионов и диверсантов»⁶⁸.

Еще в мае 1935 г. К.В. Родзаевский предрекал национальную революцию в СССР до 1 мая 1938 г., прекращение существования коммунистической партии под влиянием внешних или внутренних сил и установление власти РФП. Период с 1935 по 1938 гг. он назвал «фашистской трехлеткой», в течение которой следует развернуть активную работу по усилению фашистской пропаганды и объединению всех маньчжурских эмигрантов под знаменем РФП, укреплению связей с Японией, Германией и Италией, проникновению в СССР для установления связи с антисталинскими элементами. РФП должна возглавить стихийно возникшую национальную революцию в Советском Союзе, в результате которой должна быть создана Российская фашистская держава – империя.

На первых порах японцы запрещали фашистам всякие самостоятельные попытки проникнуть в СССР, но осенью 1936 г. предложили РФП создать боевой отряд из членов партии, которых японцы намеревались обучить методам шпионажа и диверсий. Было сделано несколько вылазок на территорию Советского Союза, но они сопровождались большими потерями диверсантов. В самой партии обнаружились разногласия. В начале 1938 г. (по некоторым данным, в конце 1937 г.) РФП была переименована в Русский фашистский союз (РФС). В этот период Родзаевскому удалось установить некоторые контакты с итальянскими и немецкими фашистами.

Шли годы «трехлетки», а национальная революция так и не произошла. Оставались надежды на внешние силы – нападение Японии и Германии на СССР. В январе 1939 г. в Харбине был проведен четвертый съезд РФС, который еще больше обнажил противоречия между фракциями партии. Съезд не одобрил прогерманскую платформу Родзаевского. Вождю Русского фашистского союза был нанесен ошутимый удар, однако впереди его ожидал уже политический нокаут. Заключенный между СССР и Германией 23 августа 1939 г. пакт о ненападении поверг К.В. Родзаевского в шок, выбил идеологическую почву из-под его ног. РФС затрещал по не прочным к этому времени швам. Начался массовый отток русских фашистов из союза. Вождь РФС выступил 3 сентября со статьей в журнале «Нация», в которой назвал советско-германский пакт роковой ошибкой, отходом от борьбы с коммунизмом и евреями. Он, не упоминая Германии, назвал истинным спасителем России Японию. Новые испытания и метаморфозы ожидали лидеров РФС и ее оставшихся отделений в разных странах в годы Второй мировой войны и Великой Отечественной войны.

⁶⁸ Стефан Джон. Русский фашизм. Трагедия и фарс в эмиграции. 1925–1945. М., 1992. С. 223.

Русские фашисты в США. Второй центр фашистского движения был создан в демократическом государстве – США. Его создателем семенным «фюрером» был Анастасий Андреевич Вонсяцкий, сын полковника, возглавлявшего в прошлом варшавскую жандармерию, выходца из мелкопоместного немецко-польского дворянства. Кадет А.А. Вонсяцкий в составе Добровольческой армии, в которой дослужился до капитана, испытал все перипетии гражданской войны. Оказавшись в эмиграции, без средств к существованию, он выгодно женился в 1921 г. на вдовствующей американской миллионерше Мерион Стефенс, которая была вдвое старше его, и навсегда поселился в Томпсоне (шт. Коннектикут).

В мае 1933 г. Вонсяцкий объявил о создании Всероссийской фашистской организации (ВФО), полное название которой – Всероссийская национал-революционная трудовая и рабоче-крестьянская партия фашистов. Организация состояла только из четырех человек, себе он присвоил звание вождя. Главной целью ВФО было избавление России от сталинского ига. Воплощением истинного фашизма для Вонсяцкого был Бенито Муссолини. В то же время торжественное шествие национал-социализма в Германии и расправа Гитлера над коммунистическими элементами в стране вызывали у него повышенный интерес и вселяли надежду, что избавиться от большевизма в СССР можно за счет мобилизации внутренних, народных сил в стране. Эту стратегическую линию Вонсяцкий будет проводить на протяжении всех последующих лет существования партии, ядро которой в 30-е гг. составили ветераны Добровольческой армии. Он импонировал Русскому общевойсковому союзу, был связан с генералом А.П. Кутеповым, руководителем союза, субсидировал его.

В августе 1933 г. Вонсяцкий начал издавать газету «Фашист», выходившую ежемесячно десятитысячным тиражом. Через газету он упорно проводил свою центральную идею о необходимости поиска действенных путей к завоеванию доверия народных масс в России и, прежде всего, крестьянства как самого многочисленного класса страны, используя его недовольство насильственной поголовной коллективизацией и раскулачиванием. Неприятие крестьянством колхозов должно стать основой национального народного движения, которое перерастет в национальную революцию и сделает ее реальностью.

Для привлечения российских крестьян на свою сторону Вонсяцкий предложил от имени партии новую земельную реформу, сущность которой выражалась в распределении всей общественной земли между крестьянами по справедливости на льготных условиях, признании и защите частной собственности, предоставлении права на неограниченную торговлю сельскохозяйственной продукцией. Бурная издательская деятельность Вонсяцкого привлекла внимание к его партии.

Лидер ВФО рассматривал фашизм как действенный антикоммунизм. Д. Стефан цитирует высказывание Вонсяцкого по этому поводу в газете «Фашист»: «По моим понятиям, "фашист" значит "стопроцентный антикоммунист", а вовсе не обязательно то, что имеют в виду в Германии и других странах... Немецкий, итальянский и русский варианты фашизма различаются во многих отношениях. Российская фашистская партия есть просто объединенное антикоммунистическое движение русских, а фашизм в настоящее время является единственной политической системой на планете, способной покончить с коммунизмом»⁶⁹. Вонсяцкий рассматривал свою партию как продолжательницу «лучших традиций Белого движения» с его вождем.

В начале 1933 г. А.А. Вонсяцкий и К.В. Родзаевский узнали о существовании друг друга как о вождях русских фашистских партий на противоположных сторонах планеты. В мае 1933 г. А.А. Вонсяцкого посетила мысль о создании из правых эмигрантских групп, организаций объединенного фашистского фронта для совершения национальной

⁶⁹ Стефан Джон. Русский фашизм. Трагедия и фарс в эмиграции. 1925–1945. М., 1992. С. 150.

революции в России. Таким образом, 1933 г. явился для него годом активной работы по созданию фашистских ячеек в Северной и Южной Америке, Европе и на Ближнем Востоке. Резервом для своей партии он определил подписчиков газеты «Фашист» и анти-советски настроенных эмигрантов, преимущественно молодежь. Но этот фашистский контингент был скорее теоретическим и существовал в воображении фюрера Вонсяцкого в значительно преувеличенном виде.

Первой ступенью в построении объединенного фашистского фронта Вонсяцкий избрал Европу. В конце сентября 1933 г. он прибыл в Берлин, где открывалась конференция с участием парижских младороссов во главе с А.Л. Казем-Бекем и берлинских национал-социалистов с «фюрером» РОНД П.М. Бермондт-Аваловым. На конференции было достигнуто единое мнение о неизбежности национальной революции в России и согласие на сотрудничество в борьбе с большевизмом. Однако разногласия вызвал вопрос о послереволюционном государственном устройстве России – о национальных меньшинствах, в том числе о предоставлении автономии Украине.

Второй ступенью объединительной миссии А.А. Вонсяцкого был г. Харбин. Его встреча с К.В. Родзаевским состоялась в марте 1934 г. в Токио, где американского гостя торжественно ожидал вождь РФП. Вонсяцкий вел переговоры от имени двух тысяч соратников по ВФО. Основными вопросами встречи были: объединение дальневосточной и американской ветвей русского фашизма, выборы руководящего центра Всероссийской фашистской партии (на этом названии настаивал Вонсяцкий), а также поиск источников финансирования деятельности ВФП. Лидеры договорились, что новую партию возглавит Центральный исполнительный комитет из восьми человек. Председателем партии будет А.А. Вонсяцкий (после обещанного им в качестве первого взноса в парткасса 0,5 млн долл.). К.В. Родзаевский – генеральный секретарь. Штаб-квартира ВФП будет размещена в Харбине. Открытыми остались два вопроса: о сотрудничестве с атаманом Семеновым, уважаемым японцами, против которого категорично выступил Вонсяцкий, и антисемитизм, отвергаемый американским лидером русских фашистов.

Родзаевский на встрече с Вонсяцким в Харбине настаивал на установлении председателем ВФП контакта с атаманом Семеновым, т.к. надеялся вовлечь в фашистскую партию атамана со всеми его казачьими организациями и поручить ему руководство будущей фашистской армией. Но председатель, пообещав такую встречу, относился к ней без особого интереса. Его стратегическая цель, которую он обнародовал в своей речи в Харбине перед собравшимися в Русском клубе фашистами, – возглавить вместе с партией будущую национальную революцию, которую провозгласит сам народ, а не под влиянием нового белого похода, потерпевшего крах чуть более десяти лет назад. Устаревшая идеология белого движения, не имеющая таких новых веяний, которые бы оздоровили идеологию фашизма, по словам Вонсяцкого, не будет принята российским народом. Оратор заявил, что в результате победы национальной революции колхозы будут распущены, а земля роздана крестьянам, в области социальной политики он обещал помощь государства беднякам-крестьянам. В конце своей речи Вонсяцкий заявил, что в результате слияния двух фашистских партий, младороссов и русских нацистов (РОНД), Единый фашистский фронт объединил 25 тыс. преданных национальной революции бойцов.

Однако, несмотря на кажущуюся солидарность, между лидерами двух партий была личная неприязнь, усугублявшаяся непримиримыми разногласиями. Так, Вонсяцкий выступал за то, чтобы не препятствовать евреям-антикоммунистам приобщаться к фашизму и даже вступать в фашистскую партию, потому что подходил к этой проблеме с точки зрения выгоды. Он заявлял, что его отношение к евреям зависит от их позиции в противоборстве с большевизмом. Если они пожелают выступить против общего врага, то будут союзниками. Антисемит Родзаевский полностью отвергал эту установку.

Помимо несогласия по еврейскому вопросу, единство ВФП нарушалось зависимостью Родзаевского от японцев. Все кардинальные вопросы деятельности фашистской партии он был обязан согласовывать с ними. В деятельность же Вонсяцкого государство пока не вмешивалось. Еще одним фактором, подрывавшим единство ВФП, было несходство взглядов двух лидеров партии на национальную революцию. Если Родзаевский уповал на революцию в России, принесенную на иностранных штыках, то Вонсяцкий ратовал за иностранное военное вмешательство лишь для оказания восставшему народу помощи в свержении большевиков и советской власти.

Наконец, важным дискуссионным вопросом стала судьба династии Романовых в освобождении России. Родзаевский, учитывая монархические настроения русской дальневосточной диаспоры и желая заручиться ее поддержкой, обещал восстановить династию. Вонсяцкий ясно выражал свою антимонархическую позицию и не планировал возрождение империи в фашистском государстве. Главу государства он видел в вожде, подобном Муссолини.

Столь существенные идейно-политические разногласия двух лидеров привели к тому, что в декабре 1934 г. ВФП как блок двух партий развалился. Формальным поводом послужила статья А.А. Вонсяцкого «Его нужно расстрелять» об атамане Семенове, опубликованная в ноябрьском номере «Фашиста». ЦИК ВФП исключил из партии Вонсяцкого. На третьем съезде партии (28 июня – 7 июля 1935 г.), на который прибыли делегаты из стран Азии, Европы, США, исключение из партии Вонсяцкого было подтверждено. На съезде было оформлено отмежевание американского крыла русских фашистов. Однако взаимные обвинения обоих лидеров продолжались в последующие годы.

После исключения Вонсяцкого из ВФП Родзаевский начал работу по перетягиванию его ячеек, разбросанных по разным странам, в ряды ВПФ. Вонсяцкий, размежевавшись с дальневосточными русскими фашистами, назвал свою партию Всероссийской национал-революционной партией (ВНРП). Период с 1934 по 1941 г. он провел почти безвыездно в Томпсоне. Очень трудно установить хотя бы приблизительно численность фашистской партии Вонсяцкого. Д. Стефан в своей объемной монографии «Русские фашисты» не называет это число. Сам Вонсяцкий из конспиративных соображений не назвал количество членов своей партии, ее ячеек, отделений.

ГЛАВА III. ЭМИГРАНТСКИЕ ВОЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ ДОКТРИНЫ БОРЬБЫ С БОЛЬШЕВИЗМОМ 1920–1930-х гг.

В начале 20-х гг. военные доктрины российской эмиграции предполагали два возможных варианта свержения большевизма и установления иного государственного устройства. Первый вариант предполагал свержение советской власти вторжением русских эмигрантских войсковых формирований с помощью иностранных правительств. Но, по существу, это был уже пройденный этап гражданской войны в России. Как известно, вмешательство Антанты не повлияло на ход событий, и белое движение было разгромлено.

Второй вариант – падение большевистского режима путем вооруженного выступления оппозиционных сил внутри страны и военной помощи восставшему народу со стороны эмигрантских боевых частей, без иностранного военного вмешательства.

В конце 20-х гг. в военной среде возникла третья доктрина: воздержаться от любых вооруженных попыток повлиять на ход событий извне. В числе активных сторонников этой доктрины был генерал А.И. Деникин – главная фигура белого движения. В 1930 г. он выступил в Париже с публичной лекцией о настоящих и грядущих путях развития России. Большой зал, где выступал генерал, был забит до отказа. Здесь присутствовали эмигранты всех идейно-политических ориентаций. А.И. Деникин, хотя и оставался непримиримо настроенным к большевикам, категорически отрицал какое бы то ни было вмешательство, а тем более военную интервенцию, которую он приравнивал к самоубийству. Третья доктрина, выдвинутая Деникиным, воплощала непредсказуемые варианты эволюции советского тоталитаризма в сторону демократического государства. В понимании этой части эмигрантских военных кругов, доктрина предполагала постепенное проникновение принципов капитализма в большевистский социализм, что будет способствовать созданию нового общества в Советской России, укрепление управленческих функций народовластия за счет повышения роли Советов на всех уровнях, ослабление диктата партии. Публика восприняла основные тезисы лекции неоднозначно. После выступления генерала началась дискуссия, главным образом, о политической системе России и репрессиях большевиков, превративших страну в сплошной концлагерь, в могилу русской чести и силы.

Сторонники второй доктрины возлагали надежды на антибольшевистское восстание, прежде всего, на часть офицерского корпуса РККА – военную интеллигенцию, недовольную вмешательством политических органов ВКП(б) во внутреннюю жизнь армии. В военных кругах, особенно среди галлиполийцев, продолжала культивироваться идея, согласно которой политика – дело, недостойное человека в военном мундире. Однако отмежевание от политики не мешало военным эмигрантам внимательно следить за политической атмосферой в СССР, учитывать и прогнозировать, что губительным для коммунистического режима должен оказаться начавшийся в конце 20-х гг. раскол внутри ВКП(б) вследствие политических противоречий между ее лидерами и борьбы на ступенях иерархической лестницы. Судебные процессы над троцкистами, бухаринцами, зиновьевцами – лидерами ленинской гвардии, в 30-х гг. как над «врагами народа» доказали верность прогнозов, кроме главного: большевистско-советский строй остался незыблемым.

Главной задачей лидеров белого движения было сохранить при любых условиях кадровый состав армии. Галлиполийская эпопея – это попытка уберечь офицерский корпус остатков врангелевской армии. В ноябре 1920 г. на крейсере «Генерал Корнилов» было проведено совещание военачальников, на котором Врангель заявил о скором возобновлении вооруженной борьбы с большевиками. В декабре 1920 г. он направил командующим корпусами предписание о тайном сохранении оружия. Специальные уполномоченные генерала в разных странах приступили к созданию эмигрантских офицерских союзов. Весной 1921 г. Врангель намеревался начать новый поход на Со-

ветскую Россию с помощью союзников. Однако Англия и Франция не пожелали участвовать в военной авантюре генерала и решили распустить его армию.

Врангель, узнав о решении бывших союзников, 10 мая 1921 г. с борта яхты «Лукулл» направил своим уполномоченным распоряжение о сохранении остатков армии в полулегальном виде и, по возможности, пополнении ее рядов за счет молодых добровольцев. Так, большая часть студентов-эмигрантов, проживавших в Чехословакии, состояла в обществе галлиполийцев и числила себя одновременно в рядах врангелевской армии. Галлиполийцы пользовались особой поддержкой со стороны народно-демократической партии, лидером которой был премьер-министр Чехословакии К.П. Крамарж, сторонник вооруженной борьбы с большевизмом.

Генерал П.Н. Краснов на берлинской конференции русских офицеров 25 января 1921 г. предложил сформировать четыре корпуса для похода на Москву и Петроград: два ударных из офицеров и казаков, третий на территории Финляндии и четвертый из иностранных добровольцев. Конференция приняла предложение генерала и установила ориентировочный срок похода – весна 1921 г. Разрабатывали планы нового похода на Советскую Россию генералы Бискупский и Шкуро.

До 1921 г. германское правительство оказывало материальную помощь остаткам «западной армии» генерала П.М. Бермондт-Авалова. Сам бывший главнокомандующий в гамбургской квартире втайне занимался составлением грандиозного плана похода на Москву и списка будущей комендатуры большевистской столицы.

Врангель при поддержке торгово-промышленных кругов пытался объединить и возглавить всю русскую эмиграцию. С этой целью в ноябре 1920 г. он образовал в Константинополе «Русский союз», своего рода русское правительство за рубежом, куда вошли: от Торгпрома – Н.А. Ростовцев, А.И. Гучков, от думских деятелей – В.В. Шульгин, П.Д. Долгоруков, И.П. Алексинский, Н.Н. Львов, от генералов – А.П. Кутепов, П.Н. Шатилов, П.А. Кусонский и др. Совет был задуман как совещательный орган при диктаторе Врангеле. Но сторонники генерала не были едины в своих убеждениях о роли союза в объединении эмиграции и антибольшевистской борьбе. В результате Врангелю ничего не удалось объединить, и он не смог удержать от разложения остатки своей армии.

В конце 1920 г. в эмигрантской печати широко обсуждался план организации объединенного военного похода европейских государств и врангелевских войск на Советскую Россию, предложенный немецкими генералами Э. Людендорфом и М. Гофманом, которые подчеркивали, что германские войска должны будут остаться в России на длительный срок и не будут угрожать Антанте. План оккупации России немецкими армиями поддерживали не только крайние монархисты (В. Бискупский, Н.Е. Марков и др.), но и правые кадеты, редакция газеты «Руль», а также «Общее дело» (В. Бурцев) и другие правые органы печати.

Сказанное позволяет сделать вывод, что неоднократные публичные заявления белых генералов, особенно Врангеля, о том, что армия вне политики, – это абсурд. Конечной целью генералов было создание новой армии для похода на Россию и свержения большевистского режима, установления монархии, или буржуазно-демократического строя, или, наконец, непредрежденческой формы государственного устройства. А это – чистой воды политика.

В начале 20-х гг. в разных странах были созданы эмигрантские военные и полувойсковые организации, некоторые из которых были конспиративными. Они стремились возобновить и перенести революционную борьбу на российскую территорию. Даем краткие сведения о важнейших из них.

Русский общевойсковой союз. К 1922 г. остатки русских войск были размещены в основном в Югославии и Болгарии. В сентябре 1924 г. генерал Врангель создал Русский общевойсковой союз (РОВС) с отделами в странах, где находились бывшие офице-

ры и участники белого движения, и объявил себя председателем союза. Это была наиболее крупная активная и авторитетная среди военных кругов организация. РОВС призван был решить проблему сохранения военных кадров за рубежом, единства и преемственности среди остатков войска и объединить под своим началом большинство эмигрантских военных организаций в виде военизированных рабочих формирований – полковых объединений, офицерских и казачьих союзов, обществ взаимопомощи и т.д., рассеянных по разным государствам. Русский общевойсковой союз был монархическим, поддерживал великого князя Николая Николаевича и подчинялся ему как бывшему Главнокомандующему Российскими императорскими армиями. Отсюда и преобладание монархических настроений в союзе.

Сначала руководство РОВС находилось в Сремских Карловцах в Сербии, затем в 1926 г. Врангель переехал в Брюссель. В 1928 г. ген. Врангель скончался, его преемник ген. Кутепов в 1929 г. перевел штаб в Париж, на улицу Колизе, 29. Штаб занимал первый этаж дома, который принадлежал русскому эмигранту С.Н. Третьякову, одному из руководителей Торгпрома. Сам хозяин жил на втором этаже (этим обстоятельством позже воспользуется советская разведка). РОВС объединял в начале 30-х гг. около 40 тыс. воинов (по некоторым данным, в 20-х гг. – до 100 тыс.). М. Назаров, ссылаясь на газету РОВС «Часовой» (1930 г.), отмечает: «В 1930 г. имелись следующие отделы РОВСа: 1-й отдел (Франция с колониями, Италия, Польша, Дания, Финляндия, Египет); 2-й отдел (Германия, Венгрия, Австралия, Литва, Данциг, Латвия, Эстония, Англия, Испания, Швеция, Швейцария, Персия); 3-й отдел (Болгария и Турция); 4-й отдел (Югославия, Греция и Румыния); 5-й отдел (Бельгия, Люксембург); отделы на Дальнем Востоке (ген. М.К. Дитерихс), в Северной и Южной Америке, отделение в Австралии»⁷⁰.

Финансирование работы РОВС осуществлялось за счет специального «Фонда спасения России», находящегося в его распоряжении, из средств которого обеспечивались разведывательные, террористические и другие операции в СССР. Япония передала часть денег правительства А.В. Колчака. Деньги поступали из разных источников, в том числе от Торгпрома.

Остатки Добровольческой армии в разных городах и странах, преимущественно офицеры и казаки, которые пытался сохранить и объединить ген. Врангель, старались сосредотачиваться в своих минидиаспорах, создавая полувоенные группы, подразделения, готовые в любой момент явиться по зову и под знамена «весеннего похода». Тем более, что структура Добровольческой армии во главе со стареющими генералами сохранялась в эмиграции. Бывшие офицеры считали себя находящимися на военной службе, хотя и работали таксистами, официантами, мелкими служащими и др. Часть из них проходила переподготовку, изучая боевые возможности Красной Армии, ситуацию в СССР.

Во избежание политических разногласий в РОВС, Врангель приказом № 82 запретил военным вступать в политические организации, подтверждая тем самым надпартийность и государственность армии. В первые годы существования РОВС этот приказ срабатывал, играл положительную роль, но в последующие годы он стал неприемлемым для ряда военизированных организаций союза, стремившихся занять свою четкую политическую позицию и контактировать с эмигрантскими политическими организациями. Это обстоятельство послужило одной из причин разложения РОВС в конце 30-х гг. Союз издавал газету «Часовой», которая пользовалась популярностью в военной среде.

Вскоре после смерти в Брюсселе 25 апреля 1928 г. ген. Врангеля 5 января 1929 г. ушел из жизни великий князь Николай Николаевич. Эти события, связанные со смертью двух главных лидеров военной эмиграции, повлекли за собой некоторые политические переориентации в РОВС в сторону непредрешенчества. Председатель РОВС Алек-

⁷⁰ Назаров М. Миссия русской эмиграции. Ставрополь, 1992. С. 234.

сандр Павлович Кутепов, самый талантливый из военачальников деникинской армии, бывший командир Преображенского полка, в котором формально состоял в звании полковника император Николай II, развернул активную деятельность. Став главой союза, Кутепов заявил, что большевизм надо уничтожить как можно скорее, а не ждать его смерти или перерождения. Он объявил о своем непреклонном стремлении к сохранению кадров армии и военных организаций. Генерал получил от Торгпрома 250 тыс. франков на расширение антисоветской борьбы.

До вступления в должность председателя РОВС А.П. Кутепов руководил террористическими и разведывательными операциями против СССР. Он создал Союз национальных террористов, в котором главную роль играла М. В. Захарченко-Шульц, самоотверженная террористка тридцати лет. Деятельность СНТ была направлена выборочно против крупных партийных и советских руководителей, а также на так называемый «средний террор», когда объектами террора становились партийные и советские учреждения в крупных городах. Например, в 1927 г. группа В.А. Ларионова провела взрыв ленинградского партийного клуба на Мойке, в результате которого было ранено более двадцати партийных работников. Это была самая крупная террористическая операция.

Антисоветской деятельности эмигрантских организаций ГПУ противопоставило активную разведывательную и контрразведывательную работу. В середине 20-х гг. щупальца ВЧК-ОГПУ проникли во многие эмигрантские организации, а также в подпольные организации внутри СССР. Ген. А.П. Кутепов еще в начале 20-х гг. призывал к активной подпольной работе в России, к тому же из страны шли настойчивые призывы к совместной антисоветской работе. Эти призывы, как установится позже, фактически были провокационными и контролировались ГПУ.

В начале 20-х гг. «советская тайная полиция» затеяла грандиозную операцию по борьбе с терроризмом, диверсиями и шпионажем. По инициативе и под руководством Дзержинского, Менжинского, Артузова и Пилляра была создана мифическая организация псевдомонархистов, получившая название «Трест». В нее тщательно подбирались агенты из бывших представителей старого правящего класса дореволюционной России. Их сначала обрабатывали в подвалах ГПУ и, запугав расправой над семьями, превращали в послушных исполнителей, которые должны были выполнять задания советской разведки в Российском зарубежье. Основные роли в «Тресте» были отведены бывшему действительному статскому советнику А.А. Якушеву и бывшему генералу императорской армии Н.М. Потапову, перешедшему на сторону Советов с первых дней революции.

Задачами «Треста» были – обнаружение и использование каналов, по которым русская эмиграция и иностранная разведка поддерживали связь с Россией, превращение этих каналов в своего рода окно, чтобы без труда разгадывать замыслы и планы своих противников, проникать в эмигрантские организации с разведывательной целью, любыми методами разлагать эмиграцию изнутри, сеять недоверие и вражду среди ее политически активной части. Особая задача «Треста» – нейтрализация боевого духа РОВС, отказ союза от террористической деятельности, т.к. террор и диверсии вредно отзовутся на подпольной деятельности организации внутри России.

Возникновение Русского общевоинского союза, явно враждебного большевизму, сразу же привлекло пристальное внимание ГПУ как наиболее мощная и многочисленная эмигрантская организация. Когда Управлению стало известно, что ген. А.П. Кутепов образовал в РОВС Союз национальных террористов – боевой отряд для подрывной деятельности в Советской России, Москва серьезно забеспокоилась, увидев в РОВС источник постоянной опасности. ГПУ ввело в эту организацию своих агентов и с помощью подкупов постепенно продвинуло их на ключевые посты. Руководители Треста распространяли среди эмигрантов сведения о том, что эта подпольная организация готовит в России государственный переворот, и в проведении этой акции ей необходима

помощь иностранных государств, русской политической эмиграции и особенно Русско-го общевойскового союза.

Деятельность «Треста» создавала у руководителей РОВС впечатление реальной силы и побуждала их засылать в СССР террористов и диверсантов, которые непременно попадали в сети советской контрразведки. В апреле 1927 г. агент ГПУ Э. Опперпут, один из сотрудников «Треста», бежал из России в Финляндию и разоблачил руководство «Треста» как послушных агентов ГПУ. Это разоблачение вызвало потрясение не только в эмигрантской среде, но и в иностранных разведывательных органах, которые тоже теряли своих агентов в России из-за предательской роли «Треста».

Несмотря на провалы, связанные с «Трестом», Союз национальных террористов в конце 20-х гг. активизировал свою работу: к террору добавились диверсии. Так, в задачу диверсантов входило потопление советских торговых судов, заражение продуктов, вывозимых из Советского Союза в целях отторжения зарубежных фирм от торговых сделок с СССР, повреждение железнодорожных путей, взрывы мостов, поджоги на промышленных предприятиях. Террористы намеревались использовать массовые заражения инфекционными болезнями «коммунистических домов», общежитий войск ГПУ. Но все эти «боевые диспозиции» остались в основном в замыслах.

Став председателем РОВС, А.П. Кутепов усилил работу по подготовке кадров для активных действий в России. Ведущим центром по подготовке террористов была Югославия. В Париже в 20-х гг. существовали русские полицейские курсы, которые готовили кадры для полиции и жандармерии⁷¹. Выпускники курсов использовались РОВС в качестве разведчиков.

Террористы и диверсанты работали самоотверженно, на совесть, сознательно шли на смертельный риск, многие из них гибли, не выполнив задания. Нередко цели не оправдывали средства и потери. В середине 30-х гг. руководители РОВС, осознав утопичность и бесперспективность террора, решили создать внутри СССР подпольные группы, цель которых – сыграть решающую роль в восстании народа Советского Союза.

Второе направление деятельности РОВС под руководством ген. Кутепова заключалось в установлении контактов с высшим руководством Красной Армии, многие из которых в прошлом – офицеры императорской армии, присягали в верности России и Николаю II. Именно на старой присяге русских офицеров, их чести и верности воинским традициям, на национально-освободительной идее ген. Кутепов пытался сыграть и привлечь высшие военные чины совместно с русской военной эмиграцией совершить государственный переворот, свергнуть большевиков и Советскую власть. Сведения о попытке проведения этой акции просочились в НКВД, и судебные процессы в 1937–1939 гг. над высшими военными руководителями Красной Армии, наряду с другими вымышленными фактами, трагически завершили это направление деятельности РОВС.

Генерал А.П. Кутепов знал, что за ним как за председателем РОВС будет охотиться ГПУ, но отказался от личной охраны, что было роковой ошибкой. Утром 26 января 1930 г. Кутепов вышел из своей парижской квартиры, сказав жене, что идет в церковь, но домой уже не вернулся. На улице его схватили трое мужчин, один из которых был одет в форму французского полицейского, втолкнули в машину и скрылись. Генерал, которого увезли через Марсель на советском пароходе «Спартак», умер от сердечного приступа прямо на судне на подходе к Новороссийску. Французская полиция знала имена преступников, похитивших Кутепова, но дала им возможность уехать.

После похищения ген. Кутепова его пост в РОВС занял ген. Е.К. Миллер, в прошлом возглавлявший белое движение на Севере России. До выборов главой Русского общевойскового союза генерал занимал должность первого товарища председателя

⁷¹ Любимов Л. На чужбине. Ташкент, 1989. С. 148.

(первого заместителя) и казначея РОВС. Став председателем, он оказался непосредственным распорядителем «Фонда спасения России». Главную цель своей работы на новом посту Миллер видел в сохранении объединенной военной организации. При Миллере РОВС не отказался от своей стратегической цели – подготовки вооруженного нападения на СССР. Для продолжения борьбы с Советским Союзом председатель призвал энергично собирать деньги в «Фонд спасения России».

В 30-е гг. постоянно сокращалось по объективным и субъективным причинам число активных членов союза. Поэтому Миллер обратил внимание на молодое поколение эмиграции, стремясь за счет молодежи пополнить ряды РОВС. Значительных результатов это мероприятие не дало, но в Париже были открыты военные курсы, в Белграде действовали унтер-офицерские курсы.

В РОВС существовала тайная организация, носившая название «Внутренней линии». Она впервые была создана в Болгарии по инициативе капитана К.А. Фосса и постепенно распространилась на все отделения Общевоинского союза в разных странах. Внутренняя линия занималась контрразведкой среди собственных членов и эмигрантов, а также подбором надежных сотрудников для «внешней линии». Эта линия выражалась в проникновении в другие эмигрантские организации с целью выявления лиц, враждебных национальному движению, а также для разведывательной работы в СССР. Главную роль в контрразведке РОВС играл ген. П.Н. Шатилов. Организация стремилась противопоставить действиям советской агентуры равнозначные конспиративные методы.

По признанию лидеров контрразведки, их организация представляла собой некоторую копию ГПУ внутри РОВС и стремилась сделать себя реальной силой, которая, отбросив из союза ненужное, дряблкое, все колеблющееся и не наше, должна была играть решающую роль в жизни, как Русского общевоинского союза, так и в эмиграции в целом, и в СССР. Ген. Шатилов развернул контрразведывательную деятельность, проникающую во все отделы союза, но это не мешало советской разведке завербовать близкого к Е.К. Миллеру ген. Н. Скоблина, а С.Н. Третьякову подслушивать интимные диалоги генералов штаба РОВС в кабинете его председателя.

Всюду проникающая и всеобъемлющая деятельность внутренней линии вызывала недовольство высоких чинов РОВС. Кроме того, политические разногласия в союзе, трения между стариками и молодыми, германофильская и франкофильская ориентация лидеров, их личные недостатки и даже личная жизнь становились объектами интересов контрразведки. Эти внутренние факторы, наряду с воздействием на РОВС извне, побудили генерала Миллера отстранить Шатилова от работы. После Миллера «внутренняя линия», которую возглавлял ген. И.Г. Эрдели, вместо смещенного Шатилова, была распущена, чему способствовало разоблачение Скоблина и частые провалы агентов РОВС при переходе советской границы.

С похищением ген. А.П. Кутепова интерес спецслужб СССР к РОВС не ослабел. Советская разведка в начале 30-х гг. создала во Франции мощную агентурную сеть, вербуя агентов среди влиятельных эмигрантов. Сергей Николаевич Третьяков – бывший министр Временного правительства, бывший крупный промышленник России, один из руководителей Торгпрома, родственник основателя Третьяковской галереи, оказавшийся после революции в Париже, в 1930 г. стал работать на советскую разведку, а в середине 30-х гг. был одним из её ключевых агентов во Франции. Первоначально он передавал советскому агенту различные сведения, касающиеся подрывной деятельности Торгпрома против СССР.

Неоценимую услугу оказал С.Н. Третьяков судебному процессу в СССР над Промышленной партией (Союз инженерных организаций) в ноябре 1930 г., которую обвиняли во вредительской деятельности в разных отраслях промышленности страны. Это создавало И.В. Сталину и советскому правительству безукоризненное алиби на многие

годы: собственные ошибки в организации промышленного производства можно было свалить на вредителей.

В январе 1934 г. советская разведка обеспечила Третьякова подслушивающей аппаратурой, которая была установлена в его квартире на втором этаже. С этого времени началось постоянное прослушивание разговоров, ведущихся в кабинете председателя РОВС Е.К. Миллера. По оценкам ОГПУ, затем НКВД, информация, получаемая от Третьякова о деятельности РОВС, имела большую ценность для советской разведки. После бегства ген. Н. Скоблина Третьяков стал ее главным агентом в РОВС. В конце 30-х гг. его роль по объективным причинам снизилась. Погиб С.Н. Третьяков трагически. После захвата немцами Парижа гестапо обнаружило в его квартире провода, идущие в кабинет Миллера. В конце 1943 г. в немецкой прессе было опубликовано официальное сообщение о казни С.Н. Третьякова как советского шпиона.

Перемена отношения французского правительства к русским эмигрантам после подписания в 1935 г. Францией договора о взаимопомощи с СССР и запрещения многих политических акций отразились на ориентации РОВС. Генерал Е.К. Миллер начал интересоваться Германией и приходил к мысли о сотрудничестве с фашистами. Он считал ознакомление с теорией и практикой фашизма обязательным для РОВС.

Еще в 1932 г., незадолго до прихода к власти в Германии национал-социалистов, фон Лампе от имени РОВС вступил в переговоры с представителем руководства нацистской партии по вопросу о совместных действиях против большевиков. В октябре 1933 г. он сообщил, что начальник восточного отдела выразил желание получить от РОВС план его действия совместно с германскими национал-социалистами в направлении усиления при помощи немцев внутренней работы в России. Генерал Миллер заявил о готовности РОВС предоставить Германии людские ресурсы в случае ее войны с СССР. Касаясь международных вопросов, он призывал членов Русского общевоинского союза обратить все свое внимание на Германию, потому что это единственная страна, объявившая борьбу с коммунизмом. Однако призывы Миллера оказались малозначительными: подавляющее большинство офицеров не согласилось на сотрудничество с фашистами.

В начале 30-х гг. РОВС находился в глубоком кризисе. Хотя Запад поддерживал союз, надежды на интервенцию не было никакой. Часть членов воинских объединений стала отходить от идеи борьбы с большевиками и приспосабливалась к жизни за рубежом. Сравнительно молодые генералы пытались поднять боевой дух РОВС, активизировать его деятельность. Им казалось, что активная борьба против СССР взбодрит эмиграцию, поднимет престиж общевоинского союза и повысит интерес к нему европейских правительств. Молодые офицеры были недовольны председателем Миллером. Он был уже в преклонном возрасте, малоинициативен, не пользовался таким авторитетом, как его предшественник ген. Кутепов, не мог укрепить дисциплину в союзе, побудить членов организаций к решительным действиям.

В феврале 1934 г. к ген. Е.К. Миллеру явилась группа руководителей отдельных воинских объединений РОВС во Франции с меморандумом, в котором было изложено следующее: к моменту похищения ген. Кутепова главное командование РОВС обладало огромным авторитетом и имело крупные средства. Кутепов прилагал все силы и организовал активную борьбу с большевизмом. Теперь главным командованием авторитет потерян и борьба не ведется. РОВС не имеет никакой политической линии, и поэтому давно потерял среди эмигрантов всякий престиж. В меморандуме предлагалось провести реорганизацию РОВС. В противном случае лица, подписавшие этот документ, выйдут из Русского общевоинского союза.

Этот визит командиров воинских объединений с претензиями и угрозами возымел некоторые позитивные последствия. В Болгарии, например, активизировалась работа военных курсов и молодежных организаций: Национальной организации витязей, На-

циональной организации русских разведчиков, созданной полковником П.Н. Богдановичем. Контролировал военную подготовку молодежи в этих организациях генерал Ф.Ф. Абрамов. Он руководил террористической работой РОВС, которая производилась на территории СССР.

Советская разведка знала об этой активизации подрывной работы РОВС против СССР и успешно провела вторую акцию – похищение генерала Миллера. Утром 22 сентября 1937 г. Миллер сказал генералу Кусонскому, что у него деловое свидание, и покинул свой кабинет, заметив, что вечером он вернется. В штаб РОВС председатель не вернулся, он был увезен в Москву и расстрелян. Однако похищение генерала Миллера повлекло за собой разоблачение главного советского агента в РОВС – генерала Скоблина. Советская разведка перебросила его из Франции в Испанию, где генерал погиб при невыясненных обстоятельствах.

После похищения Миллера обязанности председателя РОВС некоторое время исполнял генерал Ф.Ф. Абрамов, бывший командир Донского корпуса во врангелевской армии, бывший лидер контрразведки союза. В марте 1938 г. его сменил на этом посту генерал А.П. Архангельский, который переместился в местопребывание РОВС при Врангеле – в Брюссель, где развернул активную деятельность, чтобы как-то сохранить дух угасающего Русского общевоинского союза. В сентябре 1938 г. активные члены РОВС собрались в Белграде, чтобы заявить о себе как о продолжателях белого движения и подчеркнуть, что РОВС еще существует и полон сил. Но это уже была песнь под занавес.

В конце 30-х гг. Русский общевоинский союз начинает терять престиж центра русской военной эмиграции. Стареющие генералы, преданные отжившим традициям и с прежними критериями восприятия политической обстановки в СССР, не могли перестроить деятельность союза. Они не учитывали соотношения Советского Союза и Запада в военно-политической области. Группа более молодых генералов пыталась воздействовать на смену руководства в РОВС, но из этой затеи ничего не вышло. Безденежье поставило Русский общевоинский союз на грань краха.

Эмигрантские военизированные организации в Европе. Братство русской правды. Эту организацию основали в 1921 г. в Берлине генералы П.Н. Краснов и Г.Н. Лейхтенбургский. Ее отделения находились в ряде стран Европы и в Харбине. Представителями центра были в Париже В. Бурцев, в Прибалтике – князь Ливен, в Югославии – С. Палеолог и С. Трегубов, на Дальнем Востоке – Д. Гондатти. Члены братства считали себя монархистами. БРП выдвинуло лозунги: «Земля крестьянам», «Православная христианская Русь», «Всероссийский Земский Собор». Политическая платформа – антисоветская борьба через Всероссийскую национальную революцию.

Борьба за Россию. Организация возникла в начале 20-х гг. в Париже по инициативе и под руководством С.П. Мельгунова, затем М.М. Федорова. Вхождение в бюро организации, помимо Мельгунова и промышленника А.П. Гукасова, генералов А.И. Деникина и А.П. Кутепова придавало ей полувойенный характер и сближало с РОВС. Организация издавала журнал «Борьба за Россию» (Париж, 1926–1931), либерально-интеллигентский по своей направленности. Комитет собирал и распределял деньги среди организаций, которые вели борьбу с большевизмом. Агенты Борьбы за Россию проникали в СССР для подпольной подрывной работы.

Русский национальный союз участников войны (РНСУВ). В 1936 г. союз создал генерал А.В. Туркул. Он утверждал, что армия не может быть вне политики, а Белая армия является орудием политики во внутригосударственной гражданской войне. Печатным органом РНСУВ в 1937–1940 гг. была газета «Сигнал». Руководители Национального союза выдвинули идею: надо не только отвергать коммунизм, но и утверждать свою модель будущей России, строить новую Россию. Девиз организации:

«Бог – Нация – Социальная справедливость». А.В. Туркул считал, что война с Советской Россией продолжается, и с группой офицеров готовил второй дроздовский поход.

Движение штабс-капитанов. Это движение создали в Болгарии в 1936 г. братья Солоневичи. Убежав в 1934 г. из советского концлагеря, в своих книгах они описали все ужасы жизни политических заключенных в этих большевистских «чистилищах». Движение издавало в Софии еженедельник «Голос России», когда его закрыли – «Нашу газету». Штабс-капитаны ратовали за монархию.

Народный союз защиты Родины и Свободы. В феврале-марте 1918 г. Б.В. Савинков организовал в Москве «Союз защиты Родины и Свободы». После разгрома союза в революционной России Савинков восстановил его в Польше как террористическую организацию «Народный союз защиты Родины и Свободы». Его конечная цель – свержение режима большевиков и установление истинного русского демократического общества. Союз направлял террористов в ряды Красной Армии для уничтожения военачальников, а также лиц с целью создания антисоветских организаций в армии. Агенты Савинкова принимали участие в руководстве ярославским восстанием, готовились ими такие же восстания в Рыбинске, Арзамасе, Муроме, Владимире. Стремлением Савинкова было поднять массовое восстание крестьян в Советской России.

В 1921–1923 гг. многие группы союза были ликвидированы органами советской государственной безопасности. Самого Б.В. Савинкова ГПУ с помощью операции «Синдикат-2» заманило в СССР, где он был арестован и 29 августа приговорен к расстрелу, который, после раскаяния осужденного, заменили десятью годами тюремного заключения. 7 мая 1925 г. Б.В. Савинков, ортодокс терроризма, покончил жизнь самоубийством.

Эмигрантские военизированные организации на Дальнем Востоке. В 20-х гг. в Маньчжурии имелось немало ярых сторонников борьбы с большевизмом, стремящихся объединить разрозненные отряды и организации в партизанское движение и возглавить в целом эмиграцию. Главой русской эмиграции на Дальнем Востоке сначала объявил себя генерал Д.Л. Хорват, бывший управляющий КВЖД.

В Шанхае существовал довольно крупный отряд ген. Глебова, который пользовался финансовой поддержкой англичан. Генерал Остроухов, действуя в Шанхае, подчеркивал заинтересованность французов в создании сильной антисоветской организации.

Наиболее многочисленное скопление эмигрантских военизированных организаций было в Харбине. Здесь действовали такие организации, как «Мушкетеры», «Черное кольцо», «Голубое кольцо», сохранившие свои воинские отряды под командованием Анненкова еще со времен гражданской войны. Все организации преследовали единственную главную цель – борьба с советской властью при иностранном вмешательстве или без него, уповая на национальную революцию. Генерал В.Д. Косьмин, возглавлявший маньчжурское отделение террористической организации Братство русской правды, командовал группой молодых русских камикадзе, которые пытались осуществить акты террора в Восточной Сибири и в советском Приморье. Атаман Семенов мечтал создать в Забайкалье самостоятельную казацкую республику, не зависимую от Советской России. 1945 г. он был захвачен в плен Советской Армией во время советско-японской войны и за все свои злодеяния в гражданскую войну казнен.

Военно-научная мысль и военно-учебные заведения эмиграции (1920–1930 гг.). Среди множества военных, вынужденных эмигрировать из России после Октябрьской революции и гражданской войны, было немало крупных специалистов теоретиков военного дела, преподавателей военных академий и военных училищ. Контрразведка РОВС и других военизированных организаций пристально следила за развитием Красной Армии. Различными способами, в том числе агентурными, добывалась информация о подготовке ее офицерских кадров, о состоянии вооружения, его техническом уровне,

о дислокации частей РККА. Составлявшиеся на ее основе аналитические обзоры и сводки использовались в процессе обучения в военно-учебных заведениях.

Современному состоянию РККА был посвящен ряд исследований, среди которых лучшими являются работы С.И. Ивановича «Красная Армия» (Париж, 1931) и Н.В. Пятницкого «Устройство войск Красной Армии и ее доктрина» (Париж, 1933). Активно выступая со статьями и исследованиями по проблемам военной истории и теории, русские эмигранты внесли свой вклад в развитие мировой военной мысли, который был высоко оценен специалистами и использован при разработке военных доктрин ряда государств.

Русской военной эмиграцией в 20–30-е гг. была создана система военных училищ за границей: восемь – во Франции, три – в Болгарии, четыре – в Югославии, одно – в Люксембурге. Существовали также военно-учебные заведения на Дальнем Востоке, в США. Однако основная их часть была сконцентрирована в европейском регионе, в крупных центрах российской диаспоры – в Париже, Белграде, Софии.

Слушателям военно-учебных заведений давались и специальные военно-технические знания. В 1930 г. в Париже были открыты Военно-технические курсы, которые вели обучение в соответствии с программой Николаевской инженерной академии. При Офицерской школе усовершенствования военных знаний существовал отдел по изучению Советской России.

В Париже имелись вечерние военные курсы, на которых бывшие офицеры – теперь рабочие или шоферы такси, генералы и полковники Генерального штаба – в большинстве мелкие служащие, обучались военным наукам по полной программе бывшей Императорской военной академии. Характер военно-научных интересов белой эмиграции отражает содержание учебной программы парижских Высших военных учебных курсов: война и международное право, война и экономическая жизнь, устройство современных европейских армий, эволюция новейшего искусства, стратегия, опыт гражданской войны в России, организация и боевая подготовка Красной Армии и т.д. Руководителем курсов являлся генерал-лейтенант Н.Н. Головин, много сделавший для организации военно-учебного дела за рубежом и создавший концепцию возрождения российской армии после падения советской власти (Головин Н.Н. Мысли об устройстве будущей Российской вооруженной силы. Общие основания. Париж, 1930 г.).

Большое внимание уделялось постановке военного воспитания юношества. Были созданы организации военизированного типа, в которых эмигрантская молодежь проходила военную подготовку. Среди них – гимнастическое общество «Русский сокол», Национальная организация русских разведчиков, кадетские формирования. Часть таких организаций имела фашистский принцип построения и имела задачу подготовки нового поколения русской эмиграции к продолжению вооруженной борьбы с советской властью.

Военными специалистами были созданы исследования, посвященные будущей мировой войне и той позиции, которую должна была занять в ней белая эмиграция. Ее стратегическая задача в этой ситуации – воспользоваться вооруженным столкновением СССР с враждебными ему странами с тем, чтобы перейти границы Советского Союза и начать освободительный поход на Москву, который привел бы к всенародному восстанию. Будущая гражданская война рассматривалась в контексте мировых событий и выделялась как новая фаза белой борьбы с большевизмом. Для того, чтобы вновь созданные белые вооруженные формирования были подготовлены к решению такой задачи, в военно-учебных заведениях читались специальные курсы лекций, включающие ознакомление с теми районами на территории Советских республик, где наиболее вероятно возникновение вооруженных восстаний против советской власти.

Военная периодика российского зарубежья. Русская военная печать за границей насчитывала десятки изданий, по направленности содержания которых условно можно выделить четыре вида: военно-научные, основными среди которых являлись – «Воен-

ный сборник» (Белград), «Война и мир» (Берлин), «Вестник военных знаний» (Сараево), «Осведомитель» (Белград); военно-общественные – «Часовой» (Париж-Брюссель), «Армия и флот» (Шанхай), «Русский военный вестник» (Белград); военно-исторические – «Военная быль» (Париж), «Военно-исторический вестник» (Париж); военно-специальные – «Артиллерийский вестник», «Авиационный бюллетень», «Вахтенный журнал» и др.

Типографическим способом печаталась только часть журналов. Многие тиражировались на ротаторах, в количестве нескольких десятков экземпляров, а то и вовсе печатались на машинках. Судьбы и биографии изданий были тоже разными. Одни прожили крайне короткую жизнь, другим была суждена трудная, но долгая жизнь. Таким, например, был путь «Часового» – иллюстрированного военного и морского журнала РОВС, имевшего и специализированную функцию журнала-памятки, органа связи русского воинства за рубежом, под редакцией В.В. Орехова и Е. Тарусского. С января 1929 г. по 1988 г. было издано 668 номеров. Журнал имел военный, военно-морской и исторический отделы, рубрику о Красной Армии, их редактировали П.Г. Архангельский, С.К. Терещенко, В.В. Полянский. В 30-е гг. в журнале печатались Н.Н. Головин, А.К. Баинов, Ю.Н. Данилов, А.А. Зайцев и другие крупные представители военной мысли Российского зарубежья, помещал свои статьи знаменитый идеолог белого дела И.А. Ильин.

Большой военно-научный интерес представляет шанхайский журнал «Армия и флот» полковника Н.В. Колесникова. Журнал выходил с середины 20-х до середины 30-х гг. (всего вышло 48 томов) и отличался универсальностью. Наряду с глубокими политическими обзорами и военно-научными работами авторитетных авторов, Н.В. Колесников помещал на его страницах материалы по обучению и воспитанию войск, по философии и психологии.

Вышеизложенное позволяет сделать вывод, что деятельность военно-учебных заведений, система преподавания в них, переподготовка старых офицерских кадров и обучение молодежи военному делу, направленные на создание новой армии и её подготовку к будущей гражданской войне, являлись составной частью общей работы белой эмиграции по свержению большевистского режима в СССР и, таким образом, имели не только профессиональный, но и политический характер. Военная периодика, развернувшая горячие дискуссии по вопросам военного строительства (главным образом, будущей России), военных доктрин, стратегии и тактики армии, ее комплектования и другим проблемам, являлась составной частью военной и общей культуры Российского зарубежья, занимала важную роль в духовной жизни офицерского состава эмиграции, выполняя одновременно и организующе-связующую функцию.

После гражданской войны во французскую столицу эмигрировало немало высших чинов белой эмиграции. Многие из генералов похоронены на воинском кладбище «Мормелон», которое почитается не только потомками эмигрантов, но и французами.

Завершая обзор деятельности эмигрантских военных и полувоенных организаций, следует дать оценку их стратегическим доктринам, формам и методам борьбы с большевизмом и советской властью. В 20-х гг. немалое число бывших офицеров и солдат белых армий жило надеждой на скорое возобновление вооруженной борьбы с Советами. Эти россияне, пребывавшие в нищете, ждали «весеннего похода» как продолжения гражданской войны под руководством одного из двух великих князей династии Романовых и генералов А.И. Деникина и Врангеля. Однако годы шли, весны приходили и уходили, а великого похода так и не было. Это порождало пессимизм и безнадежность.

Стратегия военных и полувоенных организаций 20–30-х гг. эволюционировала от активных внешних действий, рассчитанных на быструю победу над большевиками, –

весенний поход, массовый террор, диверсии, установление контактов с самостоятельно возникшими подпольными антисоветскими организациями – к длительному идеологическому разрушению большевистского режима изнутри, к созданию крупных и крепких подпольных организаций, деятельность которых направлялась и координировалась зарубежным центром.

Трезво мыслящие военные теоретики, идеологи и политики по мере укрепления Советского Союза как на внутренних политических, экономических и военных позициях, так и на международной арене, пришли к выводу, что большевизм может быть побежден не энтузиазмом борцов-одиночек, а только нравственной силой ведущих слоев народа. Белая эмиграция имела несколько схем-сценариев свержения советского режима. Первая – это всенародное восстание в СССР против советской власти под воздействием голода, произошедшего вследствие коллективизации; карательных действий ОГПУ-НКВД, общего обнищания масс в условиях тоталитарного режима, пропаганды белых агитаторов, тайно проникших на территорию СССР. Вторая – раскол внутри ВКП(б) как следствие политических и личных противоречий среди ее лидеров. Третий – заговор в РККА против партии и уничтожение ее вследствие военного переворота. Но свержение коммунистического господства произошло значительно позже и по другому сценарию.

ГЛАВА IV. БЕЛАЯ ЭМИГРАЦИЯ И ВЕЛИКАЯ ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ВОЙНА

Российская эмиграция накануне Второй мировой и Великой Отечественной войн. Во Второй мировой войне активная часть эмиграции участвовала по разные стороны фронта. Мировоззренческие разногласия среди эмигрантов обозначились еще в начале 20-х гг. и усилились накануне Второй мировой войны. Эти разногласия определили политический выбор позиций в назревавшей европейской войне, которая непременно должна была вылиться в мировую и завершиться войной Германии с СССР.

Либеральный фланг считал, что главное в назревавшей войне – сберечь целостность «русской территории», а большевизм изживет сам себя. Поэтому либералы создали Русское эмигрантское оборонческое движение. Генерал Деникин призывал, чтобы «все честные эмигранты, в случае нападения Гитлера на Советский Союз, были на стороне Красной Армии, которая непременно одержит верх. Правда, бывший главнокомандующий ставил перед Красной Армией и так называемую двойную задачу. Она должна была, победив «германского супостата», повернуть штыки против «безбожников большевиков». Он считал такую возможность реальной⁷².

РОВС не признавал этой двойной задачи Деникина, считая ее практически не осуществимой. Союз полагал, что для свержения большевизма необходима поддержка Анτικοмиинтерновского пакта и совместное с ним вторжение эмигрантских сил в СССР. Иными словами, вести войну против Советского Союза («СССР – не Россия») можно лишь в союзе с иностранными силами. На такой же позиции стоял «Национальный фронт», который считал, что возрождение великой и сильной России возможно только с помощью иностранного военного вмешательства. Расчленение России, превращение ее в колонию будет не по силам Германии, утверждали ведущие авторы «Сигнала» – органа Национального фронта. Эта попытка, по их мнению, превратила бы Россию в самого опасного врага Германии.

Однако по мере нарастания агрессивности Гитлера у части германофильского фланга эмиграции стали возникать сомнения и опасения за судьбу России в случае вторжения в нее фашистских войск. В 1938–1939 гг. Гитлер решил распустить все русские эмигрантские организации на территории Германии, в том числе и входившие в Национальный фронт. Был выведен из подчинения центру и переименован германский отдел РОВС. Подобные акции по отношению к русской эмиграции на Дальнем Востоке были проведены и Японией на территории Мань-чжоу-Го.

В шоковое состояние привело германофилов заключение советско-германского пакта в августе 1939 г. Этот договор оттолкнул значительную часть правого крыла эмиграции от гитлеровской коалиции. С этого времени игра в фашизм в русской эмиграции стала хиреть. В глазах многих эмигрантов, сторонников вторжения Германии в СССР, Гитлер перестал быть верховным носителем антибольшевистской идеологии. Однако часть из них не теряла надежды, что Гитлер, заключив пакт, не расстался со своими антикоммунистическими целями и что пакт «Риббентроп-Молотов» является лишь тактическим ходом в его непримиримой борьбе с коммунизмом. 22 июня их надежды оправдались. Правда, многие из бывших поклонников позже раскаялись в своих упованиях.

Следует отметить, что еще в середине 30-х гг. все больше эмигрантов становилось на чисто патриотические позиции, переходя с классово-патриотических на национально-патриотические и государственно-патриотические основы в системе общедуховных ценностей. Некоторые в своей политической эволюции переходили даже к коммунистическим убеждениям. Примечательны в этом аспекте судьбы эмигрантов, участвовавших в интербригадах в Испании, в движении Сопротивления во Франции, Италии, в

⁷² Сагателян М. У дочери Деникина // Дружба народов. 1990. № 10. С. 218.

Национально-освободительной армии Югославии. Все это привело к качественным изменениям в идейно-политической структуре российской эмиграции.

Накануне Второй мировой войны РОВС определил свой нейтралитет, невмешательство в европейский конфликт, до объявления Германией одной из целей войны борьбу с большевизмом, и тогда русская кровь будет пролита только за русское дело. РОВС заранее определил форму своего участия в предстоящей борьбе. Если она будет вестись за освобождение и сохранение России, оставшиеся русские солдаты и офицеры вольются в состав вооруженных сил начавшей войну державы. В случае войны только против большевизма, но не за русское единство, белая армия примет участие в этой борьбе на советской территории, чтобы помочь русскому народу пробудиться и воссоздать единую Россию.

Л.К. Шкаренков приводит данные о численности российских эмигрантов в некоторых странах накануне Второй мировой войны. Так, во Франции к 1939 г. число эмигрантов составляло до 70 тыс. человек; в Германии после прихода к власти фашистов осталось около 50 тыс. человек; в Болгарии в годы войны проживало около 50 тыс. человек; в Югославии к апрелю 1941 г., когда Германия напала на страну, находилось примерно 30 тыс. русских эмигрантов⁷³.

Франция. Движение Сопротивления. 1940 год. Немецкие войска в Париже. Но Франция не смирилась с оккупацией, она продолжала бороться. В оккупационные годы по стране прошла волна движения Сопротивления, в которой приняли участие и русские эмигранты, поднявшиеся на защиту страны, приютившей их и ставшей для второго поколения эмигрантов новой родиной. Русская эмигрантская молодежь была мобилизована во французскую армию. Это был уникальный случай в мировой практике, когда в армию призывались люди, не имевшие гражданства данной страны. Они должны были принести в жертву самое дорогое – свою жизнь. В рядах французской армии сражались 3 тыс. эмигрантов, из которых 450 человек погибли⁷⁴.

Уже летом 1940 г. русские эмигранты приняли участие во французском движении Сопротивления, вступали в подпольные организации, партизанские отряды. Одними из героев Сопротивления были Борис Вильде и Анатолий Левицкий – сыновья русских эмигрантов, ученые-этнографы. Яркой фигурой французского движения стал Кирилл Радищев – потомок русского революционера-демократа А.Н. Радищева. Германские власти предлагали большой выкуп за его голову. Фашисты схватили Радищева раненым, он умер во время пыток.

Среди активных участников Сопротивления были и русские женщины-эмигрантки: княгиня В.А. Оболенская, Е.Ю. Кузьмина-Караваева («мать Мария»), Ариадна Скрябина, М.А. Шафрова-Марутаева, А.П. Максимович и др. Княгиня В.А. Оболенская, участвуя в движении Сопротивления с августа 1940 г., выполняла сложные задания. Она стала секретарем подпольного комитета «Гражданская и военная организация», считавшейся одной из крупных в движении. В.А. Оболенская занималась комплектованием добровольцами армии генерала де Голля. В ее руках были явки, адреса, листовки, маршруты, по которым отправляли добровольцев. За несколько месяцев до освобождения Парижа она была арестована. Русская княгиня отказалась подать врагам своей Родины прошение о помиловании, которое, в случае согласия на сотрудничество, ей обещал немецкий следователь. Военный суд вынес В.А. Оболенской смертный приговор, ее казнили на гильотине. Княгиня была награждена посмертно орденом Почетного Легиона, Военным крестом с пальмами. Дочь царского генерала А.П. Максимович вошла в эмигрантскую организацию оборонцев, затем включилась в движение Сопротивления. Была арестована гитлеровцами и погибла в фашистском лагере смерти.

⁷³ Шкаренков Л. К. Агония белой эмиграции. М. : Мысль, 1987. С. 181.

⁷⁴ Назаров М. Миссия русской эмиграции. Ставрополь, 1992. С. 287.

Трагичной оказалась судьба и её брата – Василия Павловича Максимовича, одаренного математика, которому предсказывали блестящее будущее. За нелояльность к режиму Виши он был заключен французами в лагерь. Выбравшись оттуда, участвовал в движении Сопротивления, был арестован немцами и расстрелян за несколько дней до освобождения Парижа.

Активными участниками французского Сопротивления были ученый-микробиолог С.С. Чахотин, инженер-кораблестроитель А.М. Петров, известная русская писательница графиня З.А. Шаховская. После войны французское правительство за активное участие в движении Сопротивления наградило З.А. Шаховскую высшим орденом Франции – орденом Почетного Легиона. Храбро сражались с немцами Гагарины, Нарышкин.

В движении Сопротивления участвовали младороссы, члены французской группы НТСНП. Новопоколенцы перед Великой Отечественной войной заявили о своем нейтралитете, ибо борьба идет еще не за Россию. Они видели свое активное участие в будущей войне только на русской территории, чтобы поднять народ на антибольшевистскую революцию.

Великая Отечественная война – нравственное испытание российской эмиграции. Вероломное нападение Германии на СССР потрясло все слои эмиграции, хотя и при разном оценочном восприятии этого события в истории России. Великая Отечественная война привела к окончательному размежеванию эмиграции, расстановке ее активных сил по определившимся еще до войны политическим и идейным позициям.

Большая часть миграции испытывала чувство тревоги за судьбу России, желание и стремление помочь Родине в грозную для нее минуту. Эта часть россиян сохранила в себе способность на жертвенность во имя Отечества, их отношение к трагедии своей родины было созвучно отношению к ней советского народа. В опаснейших обстоятельствах сказалась общность национального менталитета и патриотизма, общность русской эмиграции и русских, проживающих в СССР, несмотря на то, что большевики в течение 20 лет стремились уничтожить «русскость» в русских, унижить и обескровить нацию с помощью сталинской тайной полиции. Именно здесь и проявилась загадка русской души: любить не за, а вопреки. Оказалось, что в психологии русской эмиграции возобладала не ненависть, а чувство сострадания, не мщение стране, откуда русские вышвырнули русских, а желание спасти ее, поддержать в опасное время.

Другая часть эмиграции, хотя и меньшая, но агрессивно настроенная, восприняла вторжение Германии в СССР с ликованием. Их целью в начавшейся войне была возможность использовать предоставленный историей шанс, поддержать с оружием в руках фашистов и вернуться в Россию вслед за немецкими танками, чтобы рассчитаться с большевиками за все: за потерю Родины, для многих семьи и состояния, за кровь в гражданскую войну, за унижения и нищету в эмиграции, за то, что было невозможно простить.

Принятие решения вступить в Россию с оружием в руках вместе с ее злейшим врагом Германией в качестве её союзника для многих россиян было тяжелейшим нравственным испытанием. Это означало Вторую гражданскую войну. Но не желание мести безвинному советскому народу, который и без того был зажат в сталинские тиски, а стремление к уничтожению большевизма и советской власти руководило этой частью эмиграции. Этот постулат перешедшая на сторону немцев эмиграция считала справедливым, оправданным в войне за возрождение православной России. Позже в их рядах наступит отрезвление под влиянием гитлеровской теории и практики мирового господства, в первую очередь, в России, культивируемого немцами расового превосходства арийцев, зверства фашистов на российской земле.

Оказались среди эмигрантов и стоявшие за поддержку СССР, Красной Армии в надежде, что народ, победивший фашизм, выдвинет своих «красных декабристов», спо-

собных поднять его на антикоммунистическую революцию, которая сбросит советскую власть, уничтожит большевизм и преобразует общественно-политический строй России.

Наконец, часть эмиграции, охваченная не только тревогой, но и сомнениями, возлагала надежды на союзников – США и Англию – в разгроме Германии, давнего врага России. Эти эмигранты не верили в победу Германии и выжидали, когда и в какую сторону повернется ход военных событий.

Все позиции эмигрантов сходились в одном вопросе: «Кого из двух лидеров борющихся государств считать меньшим злом для России – Гитлера или Сталина?» Сталин призывает «братьев и сестер» защищать русскую землю, на которой он пролил реки крови. Гитлер обещает уничтожить коммунизм, но цели гитлеровской «Майн кампф» и завоевательная политика немцев опасны для России. Для многих эмигрантов было трудно сориентироваться в этой сложной политической ситуации. Поэтому между «оборонцами» и «пораженцами» в массе не было четкой границы. При этом следует отметить, что пораженчество основывалось на своих патриотических чувствах россиян: не предать Россию, с легкостью отдать ее врагу, а использовать поражение большевизма для освобождения Родины от антинационального, коммунистического режима и при поддержке народа возродить Россию. Иными словами, это был патриотизм, замешанный на крови соотечественников. Исходя из таких намерений и целей, пораженцы предпочли Гитлера, оборонцы увидели меньшую опасность из двух зол для России в Сталине.

Разные позиции в обрушившейся на СССР войне заняли видные русские эмигранты. Так, А.И. Деникин, И.А. Бунин, А.Л. Ремизов желали Родине победы, радовались каждому успеху Советской Армии, СВ. Рахманинов передал с одного из своих концертов деньги в помощь раненым советским солдатам. Д.С. Мережковский поддерживал Германию и желал победы Гитлеру. После нападения Германии на СССР В.М. Чернов вместе с другими членами нью-йоркской группы эсеров «признал необходимость стать на защиту России, но при условии, что советское правительство должно прекратить войну со своим собственным народом, особенно с крестьянами, объявить политическую амнистию»⁷⁵.

П.Н. Милюков в борьбе Советского Союза с Германией занял патриотическую позицию. В годы войны он написал статью в поддержку СССР, которая нелегально распространялась в оккупированных немцами странах Европы. В своей статье Милюков признавал, что победы Красной Армии обязывают «пересмотреть все прежние оценки», что эти победы свидетельствуют о плодотворности советских усилий, о целесообразности пятилеток. Он пытался объяснить причины внутренней крепости советского строя. Милюков писал: «Бывают моменты... когда выбор становится обязательным. Правда, я знаю политиков, которые по своей "осложненной психологии" предпочитают отступать в этих случаях на нейтральную позицию. "Мы ни за того, ни за другого". К ним я не принадлежу... Советский гражданин гордится своей принадлежностью к режиму. Недаром же от всех советских граждан мы постоянно слышим, что Россия – лучшая страна в мире»⁷⁶. Так писал Павел Николаевич, глубокий старик, незадолго до своей смерти. Эта статья Милюкова произвела большое впечатление на эмиграцию.

Германское командование и фашистские власти в оккупированных странах относились к основной массе русских эмигрантов весьма подозрительно. Их для профилактики арестовывали, держали некоторое время в тюрьмах, запугивали, били, затем выпускали из тюрем.

22 июня 1941 г. немцы провели массовые аресты среди русских эмигрантов, проживавших во Франции. Было арестовано несколько сот видных эмигрантов, известных общественных и политических деятелей. Как свидетельствует Л. Любимов, среди аре-

⁷⁵ Политическая история России в партиях и лицах. М., 1993. С. 226.

⁷⁶ Любимов Л. На чужбине. Ташкент, 1989. С. 305.

стованных, лояльно относившихся к СССР, профессор Д.М. Одинец, И.И. Бунаков-Фундаминский, И.А. Кривошеин, а также белогвардейские вожаки – граф С. Игнатъев, В. Красинский, сын великого князя Андрея Владимировича и М.Ф. Кшесинской, генеральный секретарь РОВС полковник Мацылев бывший начальник штаба Врангеля генерал Шатилов⁷⁷.

В то же время русских эмигрантов, нейтрально и особенно лояльно относившихся к немецким властям и знавшим язык коренного населения, фашисты привлекали к работе переводчиками, управляющими реквизируемых поместий, служащими по хозяйственной части, шоферами и др. Работа эта сносно оплачивалась, и пребывавшие в нищете эмигранты соглашались на нее.

Репрессивные меры фашистов не поколебали национального самосознания и патриотизма российской эмиграции, которые вспыхнули в ней с новой силой, когда Германия обрушилась на СССР. С началом Великой Отечественной войны резко увеличился приток русских эмигрантов в движение Сопротивления, особенно во Франции, Италии, в партизанские отряды оккупированных нацистами стран Западной Европы. Сотни бывших белогвардейских офицеров направили в советские официальные органы заявления с просьбой разрешить им с оружием в руках защищать Родину и зачислить их в ряды Красной Армии.

Князь Оболенский, узнав о нападении Германии на СССР, явился 22 июня 1941 г. к советскому послу во Франции с просьбой принять его в Красную Армию и направить на фронт воевать за Отечество. К сожалению, эти патриотические порывы не были оценены советскими властями. В советских посольствах к обратившимся зарубежным соотечественникам отнеслись очень предвзято, заподозрив, что белоэмигранты хотят коварно проникнуть в ряды РККА и в самый трудный момент предать и способствовать победе немцев. Но даже эти подозрения, оскорблявшие патриотические чувства, достоинство и честь русского офицера, не могли приглушить нравственного подъема россиян.

Русские патриоты шли в антифашистское движение Сопротивления, зная, что могут погибнуть, с единственным стремлением хоть как-то помочь своей Родине, сражавшейся с фашизмом. Молодой князь Сергей Оболенский говорил: «Россия там! Сто восемьдесят миллионов трудолюбивых людей порой в тяжелых условиях камень за камень строят новую жизнь, познавая постепенно всю прелесть творческого труда, и через этот труд они больше любят свое – ими самими содеянное. Они любят свою страну, которая дала им жизнь. Поэтому там должна расти и крепнуть осознанная и жертвенная любовь к своей стране. Мы все русские! И здесь тоже. Зарубежную Русь выдумали политические скопцы и провинциалы! Но настоящая Россия – там»⁷⁸.

Эту оценку России давали люди, у которых революция отняла все и отрезала им дороги к возвращению на родину. А в тесных парижских квартирах, где со стен смотрели фотографии казненных в России отцов, порушенных дворянских гнезд, они печатали листовки, в которых призывали помогать истекающей кровью России. У икон, чудом уцелевших и привезенных из дома, они молились за ее победу. Эти люди искренне любили Родину. В октябре 1943 г в Париже на квартире Г.В. Шабанова – русского эмигранта, воевавшего в Испании в составе интернациональной бригады, группой эмигрантов была создана патриотическая организация, поддерживавшая СССР в борьбе с Германией, – «Союз русских патриотов». Шабанов еще в 1941 г. вступил в движение Сопротивления в оккупированном Париже и вместе с французскими патриотами распространял листовки, участвовал в схватках с полицейскими. Он стал одним из руководителей Союза русских патриотов, и ему была поручена организация лагерных комитетов среди советских военнопленных, оказание содействия в создании советских партизанских отрядов.

⁷⁷ Любимов Л. На чужбине. Ташкент, 1989. С. 294.

⁷⁸ Вертинский А. Дорогой длиною. М. : Правда, 1991. С. 192.

Союз русских патриотов вошел в состав французского Сопротивления как русская организация. Он был боевой антифашистской организацией, которая впоследствии объединила немало возросшую за время войны патриотическую часть российской эмиграции. Союз имел свой печатный орган «Русский патриот», издававшийся с ноября 1943 г., в котором помещались сводки советского Информбюро, приказы Сталина, воззвания к русским эмигрантам и советским военнопленным.

Члены союза оказывали помощь в организации побегов советских военнопленных, укрывали бежавших, снабжали их одеждой, питанием, выполняли обязанности связных с партизанскими отрядами. Член союза, старший лейтенант В.К. Таскин, бежавший из плена, стал руководителем штаба советских партизанских отрядов на юге Франции. После войны Г.В. Шабанов вернулся на родину и Указом Президиума Верховного Совета СССР был награжден орденом Отечественной войны 1-й степени.

В движении Сопротивления участвовали тысячи русских эмигрантов. Историки, занимающиеся этой проблемой, выбирают самые известные в дореволюционной России имена, чьи родовые корни уходят в далекое прошлое. Княгиня Т.А. Волконская, врач по профессии, жила в департаменте Дордонь. Узнав о том, что в лесу появился партизанский отряд, состоявший из советских военнопленных, она стала передавать им продукты, одежду.

В городе Вьен почти все русские эмигранты ушли в партизаны. Были семьи батраков, рабочих, мелких фермеров, в которых все мужчины вступили в партизанские отряды. В их числе были и молодые, родившиеся во Франции и никогда не видевшие Россию, но они сражались за далекую Родину своих отцов и матерей, за ее свободу. Советским партизанским отрядом, в рядах которого были и эмигранты, был освобожден город Ним.

В разное время советское правительство наградило за мужество и отвагу, проявленные в борьбе с фашистской Германией, группу эмигрантов орденами и медалями СССР, преимущественно посмертно, однако награжденным, оставшимся в живых, не разрешило вернуться на родину.

Югославия. Русские эмигранты еще в 20-х гг. организовали в Югославии три кадетских корпуса – учебных заведения. Их основу составляли офицеры, преподаватели, воспитатели из киевского, одесского, молдавского, владикавказского, хабаровского кадетских корпусов. Общее количество учащихся приближалось к 1,5 тыс. человек⁷⁹. В них учились дети эмигрантов, по окончании они становились офицерами и вливались в состав регулярной армии Югославии.

К апрелю 1941 г., к моменту вторжения гитлеровских войск в Югославию, русские были в составе частей, которые приняли на себя главный удар противника в приграничных районах. Многие русские сложили свои головы в боях у границы при попытке сдержать немцев. Русские военнослужащие отличились при обороне Белграда. Югославы чтят их доблесть и хранят память о них как о героях неравных боев за столицу в 1941 г. Кто в СССР знал об этом факте, почему у нас об этом молчали? А ведь Югославия была с СССР в одних рядах борцов с фашистской Германией. Немцы так и не смогли понять, что движет этими людьми, почему русские сражаются и гибнут, защищая югославов. После разгрома югославской армии русские были в составе частей, которые не сложили оружия и ушли в горы для продолжения борьбы с немецкими оккупантами. Они сражались в рядах Югославской народно-освободительной армии, возглавляемой Тито.

В Белграде действовала во время войны подпольная организация Союз русских патриотов, подобная одноименной организации во Франции. В нее входила в основном молодежь – представители второго поколения русской эмиграции. Союз взаимодей-

⁷⁹ Гаген Т. «Я живу в Петербурге, штат Флорида» // Российская газета. 1992. 21 августа.

вовал с югославскими партизанами, переправлял к ним добровольцев, в том числе и бежавших из фашистских лагерей советских военнопленных.

Италия. Одним из центров российской эмиграции в Италии был Рим. Патриотически-настроенные русские эмигранты участвовали во время Великой Отечественной войны в итальянском движении Сопротивления. Отец Симеон из русского православного храма в Милане в годы войны прятал у себя советских военнопленных, бежавших из лагерей. Другой православный священник, родом из Прибалтики, Дорофей Бесчастный не только добывал оружие для подполья, переправлял советских военнопленных к партизанам, но и сам участвовал во многих рискованных операциях.

В итальянском движении Сопротивления участвовали и бывшие офицеры Белой армии. В Италии действовала подпольная группа, состоявшая из русских офицеров-эмигрантов. Эта группа организовывала побеги советских военнопленных из нацистских лагерей, находившихся в Италии. В группу входили, помимо офицеров, и русские интеллигенты. Явочная квартира располагалась в доме, принадлежащем семье старого русского эмигранта Василия Дюкина (он был певцом, а жена его балериной). Они оба были в составе этой группы.

В Риме на «Вилле Тай», бывшей резиденции тайландского посольства, был организован подпольный госпиталь для бежавших из немецкого плена русских военнопленных. В его организации видную роль играл князь С. Оболенский, принявший католичество и ставший священником. Он входил в состав Комитета покровительства русским военнопленным, созданного Восточной конгрегацией Ватикана. «Вилла Тай» была также связана с итальянскими партизанами, действовавшими в окрестностях Рима. Важную организационную роль в развитии партизанских действий играл русский эмигрант А.Н. Флейтер, впоследствии вернувшийся в СССР. Американские солдаты, входившие в Рим в 1944 г., были обескуражены, когда «Вилла Тай» встретила их развевающимся на ветру красным флагом.

Помощь эмигрантов сражавшейся Родине. В США в годы Великой Отечественной войны широко развернулась гуманитарная деятельность российской эмиграции, которая объединилась вокруг Американо-русского общества взаимопомощи. АРОВ направляло свою активную работу на оказание помощи советскому народу. Проводились митинги и собрания, был организован сбор средств и теплых вещей для Красной Армии. Эмигранты создали 40 отделений Комитета помощи Советской России. Только в Нью-Йорке разборкой и комплектованием одежды, предназначенной для посылок, занимались сотни человек. В 1944 г. на средства, полученные от продажи облигаций военного займа, члены АРОВ построили военный самолет. Талантливые русские лекторы выступали перед американцами и призывали к открытию второго фронта.

На собраниях активистов «Толстовского фонда» было решено регулярно переводить в СССР валюту и отправлять посылки. Этот фонд вел пропаганду советской культуры и искусства. Особой популярностью пользовались концерты советской песни времен войны. Много сил и времени отдавали их организации такие энтузиасты как Андрей Кочубей с женой Надеждой и Владимир Галицын, который был церковным старостой и казначеем православного собора в Нью-Йорке. Они оба были потомками древнейших аристократических родов.

В Канаде, в Торонто, в начале нападения Германии на СССР эмигрантами был создан «Комитет помощи Родине». Вскоре это движение распространилось по всей стране, в городах открывались отделения Комитета. К маю 1942 г. было создано и действовало 50 комитетов помощи. В 1942 г. они объединились в Федерацию русских канадцев (ФРК). Эмигранты собирали деньги и на эти средства закупали товары, медикаменты, медицинское оборудование, санитарные машины, больничные койки, комплекты по-

стельного белья для госпиталей и другие вещи. Все это в Ванкувере грузилось на советские суда и отправлялось в СССР.

Подъем российского патриотизма распространился также на эмигрантскую диаспору в Южной Америке. Так, в Бразилии был создан «Комитет помощи жертвам войны». Его отделения действовали в разных городах страны, в которых жили выходцы из России. Собирались пожертвования, женщины шили и вязали теплые вещи для красноармейцев. Посылки отправлялись через Нью-Йорк в адрес советского Красного Креста.

В начале войны российские эмигранты в Австралии возглавили «Комитет медицинской помощи России». Благодаря эмигрантской активности деятельность Комитета была распространена на все штаты. В Квинсленде его отделение возникло при непосредственном участии членов общества содействия СССР. Многие эмигранты горячо откликнулись на призыв «Овчины для России». Те, кто хорошо знал технологию обработки овчин, открыли дубильные мастерские, оказав большую помощь движению. Посылки отправлялись в СССР.

В заключение рассмотренных материалов главы отметим, что Великая Отечественная война действительно явилась нравственным испытанием российской эмиграции. В те трагические дни перед каждым изгнанником стоял выбор своего места в сопричастности к судьбе России. Политическую позицию боевого крыла эмиграции в войне Германии с СССР пытался выразить Н.Н. Чухнов: «Когда теперь, почти двадцать лет спустя (статья писалась в 60-х гг. — прим. автора), возникает вопрос: что было бы исторически выгоднее для России — победа Гитлера или Сталина? — я склонен считать, что все же Гитлера. От Гитлера Россия спаслась бы гораздо легче, чем от сталинских последствий. По сравнению с изуверским коммунизмом, тираническая партия национал-социалистов — детская игрушка, да и та была бы своевременно ликвидирована самими немцами»⁸⁰.

В период Великой Отечественной войны верх одержали патриотические чувства российской эмиграции. В своей массе россияне поддерживали борющийся народ Советского Союза и помогли ему в силу своих возможностей. Молодое поколение эмигрантов уже не испытывало того враждебного чувства к советской власти, какое унесли с собой за рубеж их отцы. Поэтому отношение эмигрантской молодежи к Советской России (СССР) в предвоенные и особенно в военные годы было менее болезненным, чем у ее родителей. Ей не надо было мучительно выбирать между местью и состраданием, ее решения и поступки были прямолинейны. Только незначительная часть молодых россиян пошла на службу к немцам или вступила в эмигрантские антисоветские организации. Большинство молодых эмигрантов добровольно шло в ряды Сопротивления, включалось в подпольную борьбу, пополняло партизанские отряды и гибло за свободу своей далекой Родины.

В дни тяжелых испытаний для Родины, когда шла война на порабощение России, Русская православная зарубежная церковь старалась по-своему помочь сражавшимся соотечественникам. Православные храмы служили молебны во имя спасения России, сплывали прихожан в общей беде, обрушившейся на Отечество. Русские церкви в Европе, Америке, Австралии собирали пожертвования в помощь советским раненым и направляли средства в Красный Крест.

Победа СССР в Великой Отечественной войне окончательно убедила российских эмигрантов в крепости своего Отечества. Русские эмигранты, принимавшие участие в борьбе с фашистской Германией, да и все лояльно настроенные россияне проявили го-

⁸⁰ Чухнов Н.Н. В смятенные годы // Наши вести. Нью-Йорк. 1966. № 422. С. 17.

товность к сотрудничеству с СССР и желание возвратиться на Родину. Изгнанники от-
метали все обиды за прошлое, прощали большевикам загубленные жизни своих родных
и близких, разорение родовых имений, исковерканные судьбы и протягивали им руку,
потому что коммунисты смогли поднять народ на священную войну во имя спасения
единой, неделимой России. Однако надежды российской эмиграции на демократизацию
советского режима после разгрома фашизма и окончания Второй мировой войны не сбы-
лись, а их мечты о жизни и смерти на родной земле не осуществились. Сталин и его без-
ропотные сподвижники отвергли этот порыв дружелюбия: им был чужд гуманизм.

После окончания войны Указами Президиума Верховного Совета СССР опреде-
ленной части эмигрантов было предоставлено право получения советского гражданст-
ва. В первую очередь, это право распространялось на эмигрантов, которые в то время
жили во Франции, Югославии, Болгарии, Чехословакии и некоторых других странах.
Выборочное предоставление права на гражданство российским эмигрантам было тем
дозволительным актом в единственном числе, на который решился сталинский режим.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Мы закончили рассмотрение комплекса проблем из истории первой волны отечественной эмиграции. Первый и главный вывод: эмиграция – это национальная трагедия. Очень жаль, что мы долго были отторгнуты от истории отечественной эмиграции, не проходили мысленно по жизненному пути российских изгнанников, не осознали потерь для страны от этого трагического события. Тени погибших патриотов могли бы укрепить наше достоинство и национальное самосознание, которое методически в течение семидесяти лет разрушалось коммунистическим интернационализмом. В наши дни подобный интернационализм дорого обходится русским, живущим в бывших братских советских республиках.

Всякая нищета начинается с нищеты духа. А ныне речь идет уже о том, чтобы не был растерян инстинкт самосохранения русского народа. Эмигранты сумели сберечь те стороны национальной жизни, которые пришли из далекой старины и называются менталитет, традиции, ностальгия и патриотизм, сохранили духовное родство вопреки трагическим обстоятельствам своей жизни. Сберегли ещё и потому, что помнили: страна наша не раз спасалась и возрождалась из этих чувств, их силой, и история – тому свидетель.

ГПУ-НКВД разжигали страсти в эмигрантской среде, сражая различные политические группы, организации между собой. Выявление «изменников белого дела» при активной помощи чекистов приобретало угрожающий характер. К изменникам, разумеется, причислялись левые организации и партии: меньшевики, социалисты-революционеры, а также либеральные сторонники новой тактики.

Российские эмигранты видели в Октябрьской революции иудео-большевистский заговор и государственный переворот. Захват евреями ключевых постов в партийных и советских органах, в ГПУ-НКВД в центре и на местах, террор и массовое уничтожение русских они определяли как зарождение в России еврейского национализма, основанного на «Протоколах сионских мудрецов» и «Ветхом завете» и способного перейти в общегосударственный национал-большевизм еврейского содержания, в силу отсутствия в стране демократических институтов и разрушения русских национальных традиций. Эти тенденции, по убеждению русских эмигрантов, неминуемо ведут к установлению национально-имперских традиций в еврейской окраске. Поэтому русские эмигранты признавали единую национальную идею – Россией должны править только русские.

После завершения Второй мировой войны Восточная Европа и Дальний Восток стали благодатным полем деятельности сталинско-бериевского НКВД. Тысячи агентов советской тайной полиции хлынули туда вслед за боевыми частями в поисках врагов и изменников. Аресты в эмигрантской среде, территорию которой заняла Советская Армия, производились не только по заранее составленным реестрам, но нередко и поголовно, особенно в казачьих поселениях.

В соответствии с Ялтинским соглашением о принудительной репатриации советских граждан английские и американские власти в своих зонах в число репатриантов порой включали и эмигрантов, покинувших Россию еще в гражданскую войну и фактически не являвшихся гражданами СССР. В послевоенной неразберихе на такие вещи не обращали внимания. Многие эмигранты после допроса в органах НКВД отправлялись вносить свой вклад в строительство социализма под покровительством ГУЛАГа, откуда далеко не все вернулись живыми. Были захвачены сотрудниками НКВД и приговорены Военной Коллегией Верховного суда СССР к высшей мере наказания генералы Шкуро, Власьевский, Бакшеев, атаманы Краснов, Семенов и другие высшие чины бывшей императорской армии; арестованы и осуждены лидеры эмиграции, сотрудничавшие с немцами или с японцами, ярые антисоветчики. Некоторые из них были расстреляны, другие получили длительные сроки каторжных работ.

На кладбище в Сен Женеви́ев – де Буа под Парижем на символическом надгробии помещена надпись: «Жертвам выдачи 1 июня 1945 г. на Драве и Линце – 37 генералам, 2605 офицерам и 29 тысячам казаков». Это только часть попавших в лапы НКВД российских военных эмигрантов, мечтавших освободить Россию от большевизма, остальные прошли через советские органы без эпитафии или смогли вовремя скрыться.

Из трех основных эмигрантских концепций изменения государственного строя Советской России (СССР) и ее возрождения, о которых говорилось выше, реальной и воплощенной оказалась одна. Перспективно мыслящие политические лидеры эмиграции не ошиблись в главном: спасение России зависит не от военно-политического вмешательства эмиграции и интервенции, а от самой России, ее народа. Это они понимали и об этом говорили в своей прессе. Эмигрантские политики правы были в том, что русский коммунизм неизбежно потерпит крах, советская власть рухнет и Россия возродится на принципах демократии и православия.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Баженов Б. Бегство. Воспоминания бывшего секретаря Сталина / Б. Баженов // Огонек. – 1989. – № 45.
2. Барихновский Г. Ф. Идеино-политический крах белоэмиграции и разгром внутренней контрреволюции. 1921–1924 гг. / Г. Ф. Барихновский. – Л., 1978.
3. Белов М. Белая печать, ее идеология, роль, значение и деятельность / М. Белов. – Петроград, 1922.
4. Белоцерковский В. Русская эмиграция – самая странная в мире / В. Белоцерковский // Россия. – 1993. – № 38.
5. Бердяев Н. А. Евразийцы / Н. А. Бердяев // Путь. – 1925. – № 11.
6. Биографический словарь отечественной эмиграции // Голос Родины. – 1992. – № 1.
7. Вернадский Г. В. Начертание русской истории / Г. В. Вернадский // Родина. – 1991. – № 4.
8. Вертинский А. Дорогой длиною / А. Вертинский. – М.: Правда, 1991.
9. Гаген Т. «Я живу в Петербурге, штат Флорида» / Т. Гаген // Российская газета. – 1992. – 21 августа.
10. Головин Н. Н. Мысли об обустройстве будущей Российской вооруженной силы. Общие обоснования / Н. Н. Головин. – Париж, 1930.
11. Гольцев Е. За кордоном: «черная сотня» в эмиграции / Е. Гольцев // Неделя. – 1990. – № 16.
12. Гражданская война и военная интервенция в СССР : энциклопедия. – М., 1983.
13. Гуль Р. Ледяной поход / Р. Гуль. – М.: Военное издательство, 1992.
14. Даватц В. Годы: очерки пятилетней борьбы / В. Даватц. – Белград : Русская типография, 1926.
15. Дело Бориса Савинкова : сб. мат-лов и док-тов. – М.: Госиздат, 1924.
16. Евразийство. (Опыт систематического изложения). – Париж, 1926.
17. Заика П. М. Атаман Анненков / П. М. Заика, В. А. Бобреев // Военно-исторический журнал. – 1991. – № 3.
18. Иоффе Г. З. Крах русской монархической революции / Г. З. Иоффе. – М.: Наука, 1977.
19. Исаев И. Евразийство: миф или традиция? / И. Исаев // Коммунист. – 1991. – № 12.
20. Кайгородов А. М. Маньчжурия: август 1945 / А. М. Кайгородов // Проблемы Дальнего Востока. – 1991. – № 6.
21. Кичкасов Н. Белогвардейский террор против СССР / Н. Кичкасов. – М., 1928.

22. Кузьмин Г. Ф. Идеиная борьба в белой эмиграции вокруг уроков Октябрьской революции / Г. Ф. Кузьмин. – М., 1982.
23. Любимов Л. На чужбине / Л. Любимов. – Ташкент, 1989.
24. Мельгунов С. П. Красный террор в России. 1918–1923 / С. П. Мельгунов. – М., 1990.
25. Мещеряков Н. Л. На переломе / Н. Л. Мещеряков. – М. : Госиздат, 1922.
26. Млечин Л. Министр в эмиграции / Л. Млечин // Новое время. – 1990. – № 20.
27. Мухачев Ю. В. Идеино-политическое банкротство планов буржуазного реставраторства / Ю. В. Мухачев. – М. : Мысль, 1982.
28. Назаров М. Миссия русской эмиграции / М. Назаров. – Ставрополь, 1992.
29. Назаров М. Накануне 41-го: надежды и иллюзии / М. Назаров // Родина. – 1993. – № 7.
30. Назаров М. Эмиграция и война / М. Назаров // Грани. – 1991. – № 161.
31. Народно-трудовой союз выжил, потому что он был нужен КГБ: Интервью с Борисом Миллером, бывшим членом руководства НТС // Новое время. – 1992. – № 14.
32. Нечаева Г. А. Пароль «Франция», девиз «Советский Союз» / Г. А. Нечаева // Отчизна. – 1990. – № 3.
33. Новикова Л. Политическая программа евразийцев: реальность или утопия? / Л. Новикова, И. Сиземская // Общественные науки и современность. – 1992. – № 1.
34. Новикова Л. Два лика евразийства / Л. Новикова, И. Сиземская // Свободная мысль. – 1992. – № 7.
35. Октябрьский переворот. Воспоминания русских политиков. – М. : Современник, 1991.
36. Павленко Н. Г. Свидетели обвиняют / Н. Г. Павленко // Огонек. – 1989. – № 38.
37. Павлова Т. Ф. Русский исторический архив в Праге / Т. Ф. Павлова // Вопросы истории. – 1990. – № 11.
38. Политическая история России в партиях и лицах. – М. : Терра, 1993.
39. Поляков Н. Савинков перед советским судом / Н. Поляков. – М., 1987.
40. Привалов К. Судьба генерала: подробности смерти А.П. Кутепова / К. Привалов // Литературная газета. – 1990. – 12 сентября.
41. Работа эсеров за границей. (По материалам Парижского архива эсеров). – М. : Госиздат, 1922.
42. Русов Н. За верность Родине – российский паспорт / Н. Русов // Россия. – 1992. – 16 декабря.
43. Савицкий Н. Мы не стыдимся называть себя – евразийцами / Н. Савицкий. – Родина. – 1991. – № 4.
44. Сагателян М. У дочери Деникина / М. Сагателян // Дружба народов. – 1990. – № 10.
45. Сободев А. В. Полоса евразийства / А. В. Сободев // Новый мир. – 1991. – № 1.
46. Стефан Джон. Русский фашизм. Фарс и трагедия в эмиграции. 1925–1945 / Стефан Джон. – М., 1992.
47. Трубецкой Н. Общевеэвразийский национализм / Н. Трубецкой // Свободная мысль. – 1992. – № 7.
48. Хорос В. Русская идея на историческом перекрестке / В. Хорос // Свободная мысль. – 1992. – № 6.
49. Чесноков Н. Разгром семеновщины / Н. Чесноков. – М., 1987.
50. Чухнов Н. Н. В смятенные годы / Н. Н. Чухнов // Наши вести. – Нью-Йорк. – 1966. – № 422.
51. Шкаренков Л. К. Агония белой эмиграции / Л. К. Шкаренков. – М. : Мысль, 1987.
52. Штейн Э. Певца и генерал. (По страницам зарубежной печати о генерале Скоблине и его жене Н. Плевицкой) / Э. Штейн // Труд. – 1990. – 26 августа.

КНИГА ВТОРАЯ

КУЛЬТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ РОССИЙСКОЙ ЭМИГРАЦИИ

ВВЕДЕНИЕ

Как известно, понятие «духовная культура» включает в себя все стороны духовной жизни общества, охватывает сферу духовного сознания и духовного производства: познание, нравственность, воспитание и просвещение, включая право, философию, этику, эстетику, науку, литературу, искусство, мифологию, религию. К этому следует добавить, что особенности духовного облика нации, психический склад, находят свое выражение в своеобразии ее национальной культуры.

К революции 1917 г. русская культура представляла собой итог сложного и длительного пути. Ее отличительными чертами являются народность, гуманизм, любовь к Отчизне. Богатейшее культурное наследие дореволюционного времени, веками создававшиеся культурные ценности составляют золотой фонд отечественной культуры, корни которой были разрублены на две части кровавым клинком гражданской войны.

«Русская культура XIX и начала XX вв. имеет всемирное значение. Следует отметить, что национальная культура приобретает известность во всем мире только тогда, когда ценности, развитые в ней, становятся достоянием всего человечества... Русская культура в том виде, в каком она существовала до большевистской революции, несомненно, также имеет всемирное значение»⁸¹. Так писал Н.О. Лосский, известный русский философ, констатируя факт утраты для советской культуры мирового признания в результате преднамеренного отторжения большей части русской дореволюционной культуры от общенациональной.

Осенью 1922 г. из Советской России по инициативе Ленина была выслана большая группа ученых (160 человек) – «интеллектуальная элита», в том числе философы, историки, социологи, теоретики кооперативного движения, математики. Творцы отечественной науки были высланы за то, что не приняли марксистские догмы и большевистскую практику. Ленин понимал, что пока в России есть неординарно мыслящие люди, не может быть и разговора о марксизме как о всеобщей, «единственно верной», тоталитарной, господствующей идеологии. Большевикам была нужна своя пролетарско-крестьянская интеллигенция, в том числе творческая, лояльная, послушная, «уважающая» ГПУ: такие мыслители и творцы культуры, которые не могут и не должны иметь свое, независимое от коммунистического идейного толмудизма суждение. Запад был поражен расточительством Советской России по отношению к лучшим умам страны и обрадован неслыханным подарком большевиков. Высланные ученые пополнили ряды российской интеллигенции за рубежом и значительно обогатили культуру российского зарубежья.

Российская эмиграция представляла собой этнокультурную общность, базировавшуюся на традициях и канонах русской национальной культуры, и именно она стала фундаментом, на котором возник и утвердился феномен российского зарубежья. Когда на родине запрограммировано, методически вытравливались русские традиции, национальное самосознание, русская эмиграция приняла на себя патриотическую миссию – сохранить память о дореволюционной России, развивать национальную культуру, полнокровно продолжать духовную жизнь своей нации, уберечь себя как этнос.

Эмигрантская интеллигенция осознавала ответственность перед историей за свою миссию на фоне событий и процессов, происходивших в СССР. Незыблемым девизом русской творческой интеллигенции являлось сохранение самобытности национальной

⁸¹ Лосский Н. О. История русской философии. М. : Высшая школа, 1991. С. 19.

культуры. Эти люди надеялись, что после падения большевизма в новой России смогут продолжить творческую традицию «серебряного века».

Свободное творчество российского зарубежья во все времена своей непродолжительной истории не прерывало связи с родиной. Труды философов и богословов, окрашенные в национальные тона, статьи политологов и публицистов, произведения писателей и поэтов, художников и композиторов, пропитанные национальным духом, обнародованные за пределами России, – все наполнено переживаниями о скорбях и болях Отчизны, думами о путях ее выздоровления.

Вневременным связующим фактором для российской эмиграции являлась «русская идея» – особый тип русского самосознания. Она открывала путь к единению для эмигрантов всех национальностей и вероисповеданий. Именно «русская идея» послужила основой для объединения российского зарубежья, стала духовным домом для многих в «рассеянии», лишившихся Родины, не твердых в вере, потерявших цель в жизни. «Русская идея» была той концепцией, которая могла противостоять безликому, искусственному интернационализму, упорно насаждавшемуся в СССР. Благодаря верности национальным традициям и идее, отечественной истории и культуре, российская эмиграция нередко создавала в зарубежье особый общественный климат, который влиял на формирование различных течений общественной мысли в эмигрантской среде, особенно во Франции, на европейское мышление.

Существует богатейшее литературное, историческое, философско-религиозное, публицистическое и эпистолярное наследие русской эмиграции, книги, написанные эмигрантами и зарубежными учеными о первой волне российской эмиграции и ее выдающихся деятелях. Ведь такие знаменитые личности, как И.И. Сикорский, Н.А. Бердяев, П.А. Сорокин, П.Н. Милюков, С.В. Рахманинов, Ф.И. Шаляпин, Н.К. Рерих, – каждый выразитель целого направления в науке, общественной мысли и искусстве. Однако смысл этой истории становится понятным после того, как российское культурное пространство стало обретать целостность.

Восстановление исторической памяти русского народа невозможно без возвращения истории культуры российского зарубежья. Изучение культурного наследия эмиграции чрезвычайно актуально. Перед нами уникальный опыт «живучести» национальной культуры, требующий осмысления с точки зрения его сегодняшнего восприятия в России и в странах ближнего зарубежья, где проживают миллионы русских людей.

Культурное наследие первой волны эмиграции представляет для науки и общества большой интерес и ценность, т.к. явилось значительным вкладом в российскую и мировую культуру. Это богатство, которое соотечественники сберегли для потомства, давно стало предметом исследований зарубежных ученых. В 1990 г. на Западе на английском языке в издательстве Оксфордского университета вышла книга Марка Раева «История культуры русской эмиграции. 1919–1939». В России она была издана в 1994 г. (М. : Прогресс-Академия). Это первая в нашей стране монументальная работа о российской эмиграции, в которой она рассматривается в историческом и историко-культурном аспектах.

В Советском Союзе тема отечественной эмиграции находилась под строжайшим запретом. Упоминание имен эмигрантов, достигших успехов в науке и технике, жестко пресекалось. Изучение культуры российского зарубежья приравнивалось к антисоветизму, а эмигрантов и зарубежных ученых, занимавшихся исследованием русской эмигрантской культуры, обзывали «буржуазными советологами», подлежащими разоблачению.

Интерес в СССР к судьбам наших соотечественников за рубежом и их культуре заметно возрос со второй половины 80-х гг., в период горбачевской оттепели. С этого времени многое стало меняться во взглядах россиян на свое историческое прошлое, в

том числе на российскую эмиграцию, особенно в научной среде. После разрушения искусственных преград на книжный рынок стали поступать переизданные в стране произведения русских эмигрантов. Это движение регулировалось не партийными идеологиями, а повышенным интересом читателей к культурному наследию соотечественников за рубежом. В конце 80-х гг. в советском литературоведении стали появляться исследования, посвященные эмигрантской художественной литературе, книги и статьи о русских писателях-эмигрантах, их творчестве.

В начале 90-х гг. Российская Академия наук активизировала свою деятельность в области изучения культурного наследия российской эмиграции. Усилия ученых были направлены, главным образом, на подготовку к изданию произведений русских зарубежных писателей, философов, мемуарной литературы. Опубликовано несколько интересных монографий. Однако крайне мало научных работ с обобщающим анализом по фундаментальным проблемам философии, истории, экономики, права, публицистики. И все же число ученых, занимающихся изучением и популяризацией культурного наследия российской эмиграции, растет, вызывая поднятыми исследовательскими проблемами общественный резонанс.

Как крупное событие следует оценить проведенные РАН в Москве в 1993 г. две научные конференции. Первая состоялась 13–15 апреля 1993 г. по общей теме «Роль Русского зарубежья в сохранении и развитии отечественной культуры». Вторая была проведена 8–12 сентября 1993 г. как Международная научная конференция и посвящалась теме «Культурное наследие российской эмиграции. 1917–1940 гг.». По итогам конференций были изданы сборники материалов. Это отрадное явление. При сегодняшнем безденежье РАН и безответственном отношении правительства к науке во всех ее отраслях подобные события уже невозможны.

Цель данного учебного пособия – осветить культурный фон жизни российского зарубежья, проследить, как в условиях чужеродной среды, постоянной нужды российские эмигранты сохранили духовный мир нации, вели активную творческую жизнь, развивали и обогащали культурные традиции России; помочь студентам оценить вклад эмигрантской культуры в отечественную и зарубежную культуру. В соответствии с целью пособия автор избрал выборочный характер освещения центральной темы, используя как обзорную форму анализа, так и краткую оценочную характеристику выдающихся деятелей культурного мира Российского зарубежья.

Культурное наследие российской эмиграции в области литературы, философии, правоведения, политологии, экономики и искусства имеет непреходящее значение. Две части некогда единой культуры обязательно сольются, т.к. у них общая историко-культурная и национальная основа. Конец 1990-х гг. свидетельствует, что культура наших зарубежных соотечественников возвращается как неотъемлемая часть общенациональной культуры, обогащая ее и одновременно выступая катализатором духовного возрождения и обновления России. Политический рубеж, препятствовавший их слиянию, после августа 1991 г. преодолен, впереди практическая работа наших ученых и издателей.

ЧАСТЬ I

ГЛАВА I. КУЛЬТУРНЫЕ ЦЕНТРЫ РОССИЙСКОГО ЗАРУБЕЖЬЯ

В истории культуры российского зарубежья ведущее место занимают культурные центры эмиграции в Берлине, Париже, Праге, Белграде, Харбине, Шанхае и других крупных городах, что свидетельствует о необычайной концентрации русских культурных сил. Здесь создавались научные и учебные заведения, многочисленные эмигрантские издательства. Русские ученые устанавливали контакты с зарубежными коллегами, трудились над осуществлением совместных научных замыслов, преподавали в русских и зарубежных учебных заведениях. В этих центрах сосредотачивалась эмигрантская творческая интеллигенция: писатели, артисты, музыканты, художники. В этих городах аккумулировалось культурное наследие российской эмиграции, создавались архивы, музеи, библиотеки.

Культурные центры стали, с одной стороны, хранителями культурных традиций, особенно тех, которые на родине большевики окрестили атрибутами антипролетарской культуры, буржуазными предрассудками, идеологическими вылазками либерализма и т.п. и отвергали, а с другой, – вырабатывали альтернативные существующим в СССР пути развития общества. Центры имели определенную структуру и целенаправленность деятельности. На первом месте, безусловно, была организация образования детей и молодежи.

Постановка обучения и воспитания подрастающего поколения является одним из основных критериев культурного уровня общества. Об учебных заведениях в русской диаспоре упоминалось в первой книге, в данной главе этот вопрос рассматривается более подробно. Стабильность образования детей создавала некоторый социальный и психологический комфорт, помогая адаптироваться в новых условиях. Поэтому, заботясь об обучении и духовном воспитании молодого поколения, эмигранты уделяли много сил созданию школ и высших учебных заведений, которые по названиям, структуре, содержанию образования и педагогическим процессам воспроизводили дореволюционные школы и вузы.

Марк Раев, принадлежащий к младшему эмигрантскому поколению историков российского зарубежья, пишет: «Эмигранты стремились сохранить у детей знание традиционной русской культуры и привить навыки, которые позволили бы им играть созидательную роль в будущей освобожденной России. Все усилия, предпринимавшиеся Русским зарубежьем в области образования, были нацелены на выполнение этой двойной задачи»⁸². Основная цель системы образования, по его мнению, состояла в сохранении русского самосознания. Раев, используя сведения из книги Зеньковского «Дети эмиграции», приводит статистические данные о количестве эмигрантских начальных и средних школ: «В 1924 г. насчитывалось 90 таких школ, в которых было 8835 приходящих учеников и 4954 учащихся на полном пансионе. Эти цифры охватывают примерно 20 % всех детей школьного возраста в эмиграции»⁸³.

В российском зарубежье в крупных культурных центрах существовали учебные заведения трех ступеней: начальные, средние, высшие. В небольших колониях были лишь начальные школы. Образцом средних школ была старая русская гимназия, предпочтение отдавалось гуманитарным наукам, религиозному воспитанию, основанному на духовных и исторических аспектах православия. Аттестаты, выдаваемые русскими школами (как и вузовские дипломы), признавались местными властями. Поэтому в учебные планы русских школ включались основные предметы школ стран обитания. В 30-х гг. большая часть детей эмигрантов обучалась в местных средних и высших школах.

⁸² Раев М. Россия за рубежом. История культуры русской эмиграции. 1919–1939. М. : Прогресс-академия. 1994. С. 66.

⁸³ Там же. С. 67.

Цель высших учебных заведений, созданных российской эмиграцией, была идентична цели средних школ: подготовка студентов к будущей активной деятельности в освобожденной России. Вместе с тем вузы давали возможность русским ученым продолжить свою педагогическую деятельность. Со временем эта творческая работа угасала по ряду объективных причин, в том числе из-за финансовых трудностей в подготовке молодых научных кадров в русских вузах, а также включения того небольшого числа молодых ученых в работу западных научных учреждений и их ассимиляции.

В постановке образования за рубежом решающую роль играли такие эмигрантские общественные организации, как Объединение российских земских и городских деятелей, Всероссийский союз городов, Комитет русских эмигрантов, Объединение русских учительских организаций, педагогические бюро по делам средней и низшей школы, Союз русских педагогов средней и высшей школы в Чехословацкой республике, Союз русских академических организаций, Центральный комитет по обеспечению высшего образования русского юношества за границей (так называемый «Федоровский комитет» в Париже) и др. организации.

Федоровский комитет заслуживает особого внимания. Он был создан из авторитетных русских организаций в 1922 г. и назван по фамилии его президента М.М. Федорова (1858–1949 гг.), руководившего им в течение двадцати лет. Центральный комитет ведал распределением стипендий студентам, число которых в лучшие годы доходило до 300–400 человек.

В деле образования российским эмигрантам оказывали помощь и правительства некоторых государств, где создавалась русская диаспора. Правда, здесь, кроме доброжелательности, сочувствия беженцам, проявлялись и чисто прагматические мотивы. Одним из них был следующий. Для научно-технического прогресса, охватившего Запад после Первой мировой войны, были необходимы высококвалифицированные кадры. Подготовить своими силами новые кадры из молодежи коренного населения, среди которой многие, в том числе квалифицированные специалисты, погибли в войну, в ближайшем будущем таким государствам было весьма сложно. Поэтому российская эмиграция была призвана помочь приютившим ее государствам возместить потери молодежи, создать кадровый научно-технический потенциал. Среди эмигрантов было немало научной и технической интеллигенции, которая и составила преподавательский контингент русских школ и вузов, в том числе технических. Таким образом, цель оправдывала средства.

В культурных центрах российского зарубежья создавались различные союзы, организации, клубы научных и творческих деятелей, союзы по профессиям (инженеров, врачей, юристов и т.д.). Русские ученые продолжали за рубежом плодотворную работу. Об этом свидетельствуют «Материалы для библиографии русских научных трудов за рубежом», опубликованные Русским научным институтом в Белграде в 1931 г. В них отмечается, что только в области гуманитарных наук в 1920-х гг. российская эмиграция насчитывала 7038 научных трудов. Большая часть из них вышла в основных центрах – в Париже, Берлине, Праге, Белграде.

Об огромной интеллектуальной работе деятелей русской науки и культуры свидетельствуют и такие данные. «Только в 1925 г. в разных странах мира было зарегистрировано 364 периодических изданий на русском языке. По другим подсчетам за период с 1918 по 1932 г. увидели свет 1005 наименований русских эмигрантских журналов»⁸⁴. Печатное слово объединяло разбросанных по многим странам российских эмигрантов, укрепляло их национальное самосознание. Газеты, журналы и книги были самым результативным средством в достижении этой цели. Кроме того, издательское дело спо-

⁸⁴ Матюхин П. Легко ли быть русским на чужбине? // Голос Родины. 1990. № 28. С. 15.

собствовало продолжению творческой деятельности русских изгнанников, развитию их интеллектуальной, культурной жизни за пределами Отчизны.

Плодотворно трудилась за рубежом и творческая интеллигенция. М. Назаров, ссылаясь на Фолькмана, пишет, цитируя его: «Просто поразительно, какой духовной творческой силой обладали эмигранты, несмотря на политические и социальные трудности. В этом можно видеть еще одно доказательство того, что в эмиграцию ушла значительная часть русского образованного слоя. Уже тот факт, что с 1917 по 1924 гг. было издано около 1450 произведений художественной литературы, показывает, как велик был круг заинтересованных»⁸⁵.

Большой вклад в отечественную культуру внесли русские зарубежные композиторы, певцы, драматические артисты, музыканты, балетная школа, художники. Неповторимая архитектура русских православных храмов во Франции, Чехословакии, Болгарии, Югославии, которые были духовной обителью русской эмиграции, до сих пор привлекают к себе внимание. В храмах встречались и друзья, и бывшие недоброжелатели, чтобы приобщиться к вере и национальной идее – спасению России. В русском православном соборе Александра Невского в Париже можно было увидеть великих князей, бывших членов Государственной думы, генералов, кадетов, меньшевиков, эсеров.

Некоторые элементы культуры Российского зарубежья кратко упоминались во второй главе первой книги при описании формирования русской диаспоры в разных странах. В данной главе они используются и рассматриваются более подробно в ее контексте. А теперь обратимся к культурным центрам Российского зарубежья.

Берлин. В начале 20-х гг. Берлин становится крупнейшим культурным центром Российского зарубежья. Здесь сосредоточились наиболее известные в России научные кадры в области общественной мысли, издатели, писатели, журналисты, музыканты, артисты, художники.

В Берлине активно развивалось русское книгоиздание. По разным данным, к 1924 г. в столице действовало от 40 до 87 эмигрантских издательств. Среди них выделялось несколько откровенно правых, в частности, «Медный всадник», в котором генерал П.Н. Врангель опубликовал свои «Записки». При его участии здесь издавались сборники воспоминаний «Белое дело».

Из независимых издательств самыми большими были издательства И.П. Ладыжникова, О. Дьяковой, З.И. Гржебина «Слово», «Петрополис». Каждое из них выпустило более тысячи названий книг. Переиздавались произведения классиков и писателей-эмигрантов старшего поколения (Д.С. Мережковского, И.А. Бунина, З.Н. Гиппиус, В.Ф. Ходасевича, Н.А. Бердяева и др.). Кроме большого числа художественных произведений, «Слово» опубликовало ряд ценнейших мемуаров и документальных книг: «Воспоминания» С.Ю. Витте, «Переписка Николая II с Александрой Федоровной», Н.А. Соколова «Убийство царской семьи» и др. Помимо того, редактор издательства «Слово» И.В. Гессен в сотрудничестве с немецким издательством Ульштейна выпустил 22 тома «Архива русской революции». Среди книг издательства «Петрополис» можно выделить первое полное собрание сочинений И.А. Бунина, сборник стихов О.Э. Мандельштама, запрещенное в Советской России, «Красное дерево» Б.А. Пильняка, «Моя жизнь» Л.Д. Троцкого. Издательство З.И. Гржебина выпустило книги М. Горького, В.Ф. Ходасевича, С.А. Есенина, Б.Л. Пастернака.

В Берлине выходило несколько ежедневных газет: «Голос России», «Руль», «Накануне», коммунистическая газета «Новый мир», издаваемая советским полпредством. Издавались журналы: «Жизнь» под редакцией В.Б. Станкевича, «Новая русская книга», «Социалистический вестник», «Заря» – орган правых меньшевиков-плехановцев, «Ра-

⁸⁵ Назаров М. Миссия русской эмиграции. Ставрополь. 1992. С. 30.

бочий путь» – орган русских анархо-синдикалистов, «Русская правда» – национал-монархический орган под редакцией С. Соколова и П.Н. Краснова. Таким образом, политическая периодика в эмиграции была представлена от монархистов «справа» до анархистов «слева», а литературно-художественные журналы – от «Жар птицы» – органа группы «Мир искусства», редактируемого С. Черным, до журнала конструктивистов «Вещь» под редакцией Эля Лисицкого.

В германской столице эмигрантами были созданы различные научно-исследовательские учреждения и общественные организации: русская академическая группа, Свободная духовная и философская академия, Русское научно-философское общество, Русский научный институт, Союз журналистов и литераторов, Общество русских инженеров в Германии, Общество русских врачей, Экономический кабинет.

В Берлине существовали два писательских объединения – «Клуб писателей» и «Дом искусств». Клуб был создан в 1922 г. представителями старшего поколения писателей-эмигрантов. Кроме них, в клубе часто выступали писатели и деятели искусств из Советской России. В те годы еще не было «железного занавеса», и приезжавшие из России писатели, актеры, художники свободно общались с эмигрантами по родственным профессиям. «Дом искусства» был основан в 1921 г. по аналогии с петербургским. Наряду с писателями-эмигрантами, в нем выступали приезжавшие из Москвы Б.Л. Пастернак, Б.А. Пильняк, С.А. Есенин, В.В. Маяковский. Здесь проводились дискуссии, чтения, выставки и т.п.

В Германии были открыты две русские гимназии. Первая была основана Русской академической группой в 1921 г., занятия в ней проводились во второй половине дня в помещении немецкой частной школы. Второй гимназией в Берлине была школа св. Георгия, созданная по образцу немецких училищ в Петербурге пастором И.А. Мазингом, которая, кроме классического отделения, имела коммерческое и интернат. Ученики, окончившие эти гимназии, могли поступить в высшие учебные заведения Германии. В Берлине работала начальная школа для детей бедных эмигрантов. В лагере Шейен была открыта прогимназия Красного Креста, в Тегело – школа садоводства, в Эрмансвердере и Фалькенберге – интернаты.

В 20-х гг. в Берлине было три постоянных русских театра: «Русский романтический балет» (руководитель Б.Г. Романов), «Синяя птица» (руководитель Яков Южный), «Ванька-Встанька». Театр «Синяя птица» по своему стилю и репертуару был похож на «Летучую мышь» Никиты Беляева. В этом театре выступал знаменитый эстрадный куплетист Виктор Хенкин. Душой русского театра «Ванька-Встанька» был известный поэт Н.Я. Агнивцев, автор вышедших в Берлине стихотворных сборников «Мои песенки» и «Блистательный Санкт-Петербург». Из драматических театральных постановок в Берлине более заметными стали выступления так называемой «пражской труппы» артистов МХТ, не возвратившихся в СССР. Среди них – Михаил Чехов, Варвара и Лев Булгаковы, Николай Колин, Вера Греч.

На высоком уровне была также музыкальная жизнь «русского» Берлина. Здесь появлялись известные композиторы Н.К. Метнер, А.К. Глазунов, А.Т. Гречанинов, дирижеры Э.А. Купер, Ю.Н. Померанцев. Концертировали пианисты А.К. Боровский, А.И. Зилоти. В Берлине выступали известная камерная певица Полина Доберт, баритон Большого театра Г.В. Бакланов, знаменитый тенор Д.А. Смирнов, приезжал Ф.И. Шаляпин. Благодаря таким певцам, как Зинаида Юрьевская, ставшая певицей немецкой оперы, и Дмитрий Смирнов на немецкой сцене появились русские оперы «Евгений Онегин», «Борис Годунов», «Царская невеста».

В Берлине часто устраивались персональные выставки живших там русских художников, например, Ивана Пуни, Георгия Лукомского, Эля Лисицкого, Павла Челищева, Василия Кандинского. Выставлялись в германской столице картины Марка Шага-

ла, Марианны Веревкиной, Алексея Явленского. Большинство из этих русских художников было сторонниками беспредметного искусства и полупредметного символизма.

Берлин оставался центром российского зарубежья до начала второй половины 20-х гг. В результате тяжелейшего экономического кризиса, который поразил Германию, русская интеллигенция начала покидать Берлин. Русские театры закрылись, научные и общественные организации прекратили свое существование. Столица Российского зарубежья переместилась во Францию, в Париж, часть эмигрантов переехала в Чехословакию.

Париж. Со второй половины 20-х гг. Париж становится ведущим культурным центром российской эмиграции. Следует заметить, что во французской столице с 1920 г. сосредоточились почти все центральные организации и объединения, которые оказывали влияние на развитие русской культуры за рубежом, а также на создание идеологического климата в эмигрантской среде.

Франция привлекала внимание эмигрантов экономическим подъемом, потребностью в рабочей силе, особенно в инженерно-технических кадрах. Кроме того, французы доброжелательно относились к русским как своим союзникам в Первой мировой войне, немцы же видели в россиянах своих недавних врагов. Правительство Франции было заинтересовано в русских научных достижениях для развития своей национальной науки и оказывало поддержку русским ученым.

В Париже действовали эмигрантские Академический союз и Академическая группа, Земско-городской союз, Федерация инженеров, Общество химиков, Союз адвокатов, Объединение врачей, Союз писателей и журналистов, Общество охранения русских культурных ценностей, Русское студенческое христианское движение и др. организации. Работали различные издательства, выпускались литературно-художественные журналы, ежедневные эмигрантские газеты.

Со второй половины 20-х гг. Париж становится русским издательским центром и остается им до захвата немцами столицы в 1940 г. Бурную издательскую деятельность в Париже развернула американская ИМКА через издательство «ИМКА-Пресс», которое стало основным издателем книг по философии и религии, журналов «Православная мысль» и «Путь» – органа бердяевской Религиозно-философской академии, некоторых произведений художественной литературы. Особенный интерес русских читателей вызывали мемуары о гражданской войне. Издательство выпускало учебники для русских школ.

Самыми распространенными газетами в Париже были «Последние новости», выходившие под редакцией П. Милюкова до 1940 г., и «Возрождение», редактором которой первоначально был П. Струве. Обе газеты имели свою ярко выраженную идейно-политическую окраску. Здесь же издавался «Социалистический вестник» – орган «заграничной организации» партии меньшевиков (1921–1940), который даже в 30-е гг. имел связи с Советским Союзом, получал и помещал информацию о положении в стране.

В музыкально-артистическом мире Парижа неувядаемый успех имели Ф.И. Шаляпин, композиторы С.В. Рахманинов, И.Ф. Стравинский, А.К. Глазунов, С.С. Прокофьев. Покоряли зрителей хор донских казаков С. Жарова, церковный хор Н. Афонского. На парижской сцене восторгал французов русский балет с Леонидом Мясиним, Рябушинской, Барановой, Тумановой. В Париже было несколько русских театров. В столице периодически проводились Дни русской культуры.

Во Франции жили такие известные писатели, как И.А. Бунин, И.С. Шмелев, Б.К. Зайцев, А.М. Ремизов, Д.С. Мережковский, З.Н. Гиппиус, Марк Алданов, Г.В. Адамович, В.Ф. Ходасевич, чемпион мира по шахматам А.А. Алехин, многие певцы, дирижеры, музыканты, художники, чьи картины заняли достойные места в крупных музеях Европы и Америки.

В Париже бурно развивалась учебно-педагогическая деятельность русских ученых. В 20-е гг. в столице было основано восемь русских высших учебных заведений, в том числе отделений и курсов. В список вузов входили русские отделения при Парижском университете, Франко-русский институт, Русский народный университет, Православный богословский институт, Русский коммерческий институт, Высший технический институт, Русский политехнический институт, Русская консерватория. Наиболее престижными считались курсы при Сорбонском университете, которые были образованы в 1921 г. Здесь работало более 40 известных русских ученых. На курсах обучались не только русские, но и французские студенты слушали здесь лекции.

В 1925 г. был открыт франко-русский институт, готовивший кадры для общественной деятельности в России, так называемых «возвращенцев». В институте студенты получали юридические, политические и социологические знания. Председателем совета профессоров был П.Н. Милюков. Однако большинство русских вузов в Париже не поддерживало тенденцию возвращения. Так, коммерческий институт был ориентирован на подготовку выпускников для работы во французской промышленности и торговле. Преподавание велось на французском языке.

В 1925 г. в Париже начал действовать Православный богословский институт – важнейший гуманитарный центр российского зарубежья, в котором обучались русские студенты из разных европейских стран. Институт был открыт по инициативе группы русских профессоров-богословов при активном содействии митрополита Евлогия – главы Русской православной церкви в Западной Европе. Под воздействием института в Париже в 1925 г. возникло общество «Икона», которое существовало до конца 60-х гг. Среди его основателей были В.П. и С.П. Рябушинские, П.П. Муратов, С.К. Маковский, И.Я. Билибин. К обществу присоединились ведущие иконописцы российского зарубежья Г. Круг, Л. Успенский, Ю. Рейтлингер и др. Общество занималось искусствоведческим и богословским изучением иконы, просветительской работой, но главной его задачей стало возрождение православной русской живописи на основе традиций древней иконописи. Члены общества участвовали в создании более десяти православных храмов, провели 35 выставок старой и новой иконы.

В 1921 г. приехавший во Францию известный русский композитор и дирижер Н.Н. Черепнин стал создателем русской консерватории, по структуре и учебным занятиям повторявшей Петербургскую и Московскую консерватории. Это высшее учебное заведение было не только учебным, но и культурным центром российской эмиграции.

Народный университет с музыкальной школой и рядом курсов при нем был основан в 1921 г. Он имел общеобразовательный отдел, а в 1931 г. при нем работали, кроме основных курсов, следующие отделения: электротехническое, иностранных языков, автомобильное, радио, прикладного искусства, художественной вышивки, кройки и шитья, чертежные курсы.

Политехнический институт был открыт при поддержке французского и югославского правительств в 1920 г. Он имел русское, польское и югославское отделения. В институте имелось заочное отделение.

Русский высший технический институт (РВТИ) возник в 1931 г. на базе русской политехнической школы заочного преподавания, которую основала американская ИМКА в 1921 г. и которая стала факультетом заочного преподавания. При институте работал подготовительный курс, после окончания которого и сдачи экзаменов абитуриенты принимались в институт. РВТИ действовал до 1962 г. Американская организация в целях помощи русским студентам создала русскую заочную школу Североамериканского христианского союза молодежи в Париже под руководством Пола Б. Андерсона, в которой обучалась эмигрантская молодежь из разных стран.

В сравнении с охватом русской молодежи высшим образованием среднее образование детей российских эмигрантов во Франции было поставлено намного слабее. Так, в Париже была лишь одна русская гимназия, основанная в 1921 г. Она просуществовала до 1961 г. и за 40 лет выдала свыше 900 аттестатов зрелости⁸⁶. Гимназия «Александрин» в Ницце была открыта в 1925 г. Программы обучения русских детей в этой школе были приближены к программам французских школ. На уровне средних учебных заведений считалась школа в Кэнси-су-Сенар, основанная княгиней Ириной Павловой.

Наряду с русскими гимназиями, во Франции существовала другая категория русских школ в виде отделений при французских средних учебных заведениях Парижа, Версаля, Ниццы. В Версале находился корпус-лицей имени императора Николая II, который готовил русских юношей. Такие отделения начали работать в 1920 г. и сохранились до Второй мировой войны.

Наконец, во Франции развивалась сеть школ при приходах или при русских колониях, занятия в которых проводились два раза в неделю. Существовали во Франции и русские школы-приюты, где жили и обучались дети эмигрантов. Все они существовали на скромные местные сборы и другие пожертвования.

Стремление к этническому выживанию, к самоутверждению и самосовершенствованию побуждало эмигрантов к созданию кружков, в которых они находили духовное и интеллектуальное общение, обменивались информацией, новыми идеями. Такие кружки были распространены особенно в Париже, нередко они перерождались в «религиозные братства».

Прага. В истории культуры российского зарубежья Чехословакия занимает ведущее место в развитии высшего и среднего образования российской эмиграции. 1 августа 1923 г. в столице был открыт Педагогический институт им. Яна Амоса Коменского. Институт имел своей задачей подготовку учителей для неболшевицкой России. По положению он находился в ведении Министерства иностранных дел Чехословакии. В институт принимались русские эмигранты обоего пола, имевшие законченное среднее образование и не старше 30 лет. Состав студентов делился на действительных слушателей и вольнослушателей. Органами управления института были попечительный совет, директор, педагогический совет. По своей структуре этот вуз напоминал институты дореволюционной России, содержался на средства чехословацкого правительства.

Другим крупным учебным заведением был Русский юридический факультет в Праге. Учредителем его выступил Союз русских академических организаций, стремившийся к восстановлению русского юридического образования. Юридический факультет был основан как частное высшее учебное заведение с уставом и программой, аналогичной юридическим факультетам дореволюционных российских университетов. На него принимали всех желающих, которые имели законченное среднее образование.

В этом учебном заведении преподавали высокоавторитетные ученые юридических факультетов Московского, Петроградского, Харьковского, Киевского, Ростовского университетов, известные представители высшей школы – А.А. Вилков, Д.Д. Гримм, С.В. Завадский, М.М. Катков, П.Б. Струве, А.А. Кизеветтер, Н.О. Лосский, А.В. Федоровский, С.Н. Булгаков, Г.В. Вернадский, П.И. Новгородцев и др. На факультете велась значительная учебная работа, охватывавшая различные области знаний по праву, философии, социально-экономической и политической истории России. Факультет издавал научные труды, и его профессора напечатали немало крупных работ. Часть научного наследия посвящена Чехословакии. Многие молодые ученые защитили здесь свои диссертации и получили потом кафедры в других странах.

⁸⁶ Ковалевский П. Е. Зарубежная Россия. Париж. 1971. С. 59–60.

В январе 1922 г. правление Союза русских академических организаций открыло Коммерческо-бухгалтерские курсы в Праге, готовившие опытных бухгалтеров, организаторов торговых и коммерческих предприятий, корреспондентов. При этом принималась во внимание заинтересованность Министерства иностранных дел в создании учебного заведения, готовившего высококвалифицированных специалистов в области коммерческих знаний не только из числа русских эмигрантов, но и чешских граждан. Слушателями курсов принимались лица с законченным средним образованием или бывшие студенты.

Осенью 1923 г. правление Союза выступило с инициативой преобразования курсов в институт коммерческих знаний с двухгодичным сроком обучения. Предложение было поддержано правительством Чехословакии, и в конце 1924 г. состоялось открытие института. Курсы, а затем институт существовали на средства чехословацкого правительства и ассигнования русских эмигрантских кооперативных организаций.

В 1921 г. группа русских кооператоров-эмигрантов выступила с предложением об открытии курсов, а затем института сельскохозяйственной кооперации. Инициаторы, надеясь на возвращение в Россию, ставили перед собой цель: распространение кооперативных знаний среди эмигрантов и углубление идеологии кооперативной работы. Предложение было поддержано и правительством Чехословакии, и представителями российской эмиграции. В 1921 г. были образованы кооперативные сельскохозяйственные курсы. На базе этих курсов в 1923 г. возник Русский институт сельскохозяйственной кооперации. Обучение в нем было рассчитано на два года. Курсы и институт финансово поддерживало чехословацкое правительство, а также русские кооперативные организации.

В институте были открыты три отделения: кооперативное, коммерческое и сельскохозяйственное. Это отражало замысел его организаторов – подготовка специалистов трех направлений: кооператоров-инструкторов, кооператоров-экономистов, кооператоров-агрономов. При институте было 19 кафедр, на которых педагогическую работу вели А.Н. Анциферов, В.Э. Брунст, А.А. Вилков, С.В. Завадский, Д.Н. Иванцов, А.Н. Фатеев и другие. Кафедры проводили широкую учебно-методическую и научную работу.

В декабре 1922 г. Земгор и Общество русских инженеров и техников в Чехословакии учредили Русское железнодорожное техническое училище в Праге. Его цель – подготовка железнодорожных техников. Однако уже в конце первого учебного года, в ноябре 1923 г., возникла необходимость подготовки специалистов более высокой квалификации – техников путей сообщения. В соответствии с изменением учебного профиля, училище было преобразовано и стало называться Русским высшим училищем техников путей сообщения. Первый выпуск состоялся в марте 1925 г. За десять лет существования училища были подготовлены технические специалисты, которые применили свои знания не только в Чехословакии, но и в других странах.

Осенью 1923 г. в Праге был торжественно открыт Русский народный университет как русско-чешское просветительное учреждение. Он оказался наиболее долговременным учебным заведением, широко развившим свою деятельность и переименованный впоследствии в Русский свободный университет в Праге. Университет был основан Союзом русских академических организаций и поддерживался ассоциацией земств и торговых организаций. Его прототипом был Московский городской народный университет имени А. Шанявского.

В 1925 г. университет стал независимым русско-чешским научно-просветительным центром. Его ректором все годы был М.М. Новиков – бывший ректор Московского университета. В университете было организовано пять отделений: отделение общественных наук (председатель – профессор А.С. Тимашев), историко-философское отделение (председатель – профессор А.А. Кизеветтер), отделение естественных и прикладных наук (председатель – профессор Н.М. Могилянский), отделение по изучению Чехословакии (председатель – профессор Ю.И. Поливна), отделение курсов русского и

иностранных языков (председатель – профессор Е.А. Лацкий). На первых четырех отделениях велась научно-популяризаторская работа.

Научная работа университета состояла в организации ряда научных обществ и семинариев, а также в издании трудов и сборников. В состав университета входило философское общество (председатель – М.И. Лапшин), которое имело свое правление и действующие семинарии и кружки. Кроме философского общества, университет создал педагогическое общество (председатель – М.И. Жекулина), семинарии по экономической жизни, геополитике и философии права, русскому языку и литературе, вопросам естествознания, изучению современной России, мировой войны, Подкарпатской Руси, по международной жизни и международному праву, изучению сельской России, этнографии. Были организованы курсы для счетоводов, торговой корреспонденции, стенографии, женские медицинские курсы для подготовки квалифицированных сестер милосердия.

За годы своего существования Русский народный университет вырос в крупное научно-педагогическое учреждение и за шестнадцать лет работы дал много ценного как для русского, так и для чешского просвещенного общества. Результаты научной работы университета публиковались в сборниках «Научные труды» под общей редакцией профессора М.М. Новикова, выходивших с 1928 г. на русском и иностранных языках. После оккупации Чехословакии немцами университет утратил славянский характер и, как писал его бывший ректор М.М. Новиков, «перестал быть тем, чем он был прежде»⁸⁷.

В Чехословакии активную научную работу вели многие русские ученые-обществоведы. Крупнейшими достижениями в области изучения древнерусской культуры были исследования, проведенные академиком Н.П. Кондаковым, и созданный его учениками и последователями институт им. Н.П. Кондакова в Праге, а также Русским историческим обществом, действовавшим в столице.

Профессор Карлова университета в Праге А.В. Флоровский (бывший профессор Новороссийского университета) внес значительный вклад в изучение связей России (с древнейших времен) с ее ближайшими европейскими соседями и сородичами восточных славян – западнославянскими и южнославянскими народами. Его двухтомный труд «Чехи и восточные славяне. Очерк по истории чешско-русских отношений» (Прага, 1935–1947) до сих пор не утратил научного значения, как и книга по истории чешско-русских торговых связей в X–XV вв.

В Чехословакии в 20-х и начале 30-х гг. действовало немало общественных организаций в области культуры. Среди них наиболее активным был упоминавшийся Союз русских академических организаций. Ведущее место в развитии общественной мысли в эмигрантской среде занимало Религиозно-философское общество, в которое входили известные русские философы и богословы: Н.А. Бердяев, С.Н. Булгаков, А.А. Кизеветтер, П.Б. Струве, Н.О. Лосский и др. Оживленную работу вело Общество русских инженеров и техников, целью которого было содействие инженерам в реализации их жизненных планов. Членами общества могли быть все инженеры и техники, работавшие в России.

Несколько обособленно среди эмигрантских общественных организаций стояло Студенческое общество славянского единения, деятельность которого имела политическую направленность. Это общество пыталось объединить славянскую молодежь, проживавшую в разных странах. Центром деятельности общества была Прага. Его целью являлось скорейшее восстановление новой, демократической России, которая должна стать оплотом в объединении всех славянских народов в виде великой федерации всего славянства для установления мира и порядка в Европе. Россия должна спасти мир – такова идея и лейтмотив деятельности общества.

⁸⁷ Новиков М. М. От Москвы до Нью-Йорка. Моя жизнь в науке и политике. Нью-Йорк, 1952. С. 363.

В Чехословакии немало было сделано для организации начального и среднего образования детей эмигрантов. В 1923 г. насчитывалось свыше 1600 учащихся⁸⁸. Уже в начале 1921 г., по инициативе помощника Министра иностранных дел доктора Гирсы, был создан государственный культурно-просветительный план помощи русским. Он был одобрен президентом Мосариком. В 1922 г. Земгор основал реформированную реальную гимназию в Праге с мужским и женским пансионатами, где обучалось 230 детей⁸⁹.

Наиболее значительным средним учебным заведением была русская гимназия в Моравской Тржебове, основанная еще в Константинополе А.В. Жекулиной и перевезенная в 1922 г. в Чехословакию. Она занимала целый школьный городок, в котором учились и жили мальчики и девочки. Директором гимназии был известный педагог В.Н. Светозаров, а законоучителем – с. Иаков Ктитарев, автор ряда трудов по русской литературе.

В Чехословакии в межвоенные годы хранились ценнейшие эмигрантские музейные коллекции, каждая из которых имела собственную историю и собственную судьбу. Литературный секретарь Л.Н. Толстого В.Ф. Булгаков основал в 1933 г. в Праге Русский заграничный музей, присоединившийся в следующем году к Русскому свободному университету в Праге и затем получивший название «Русский культурно-исторический музей» (РКИМ). В становлении музея университету помог канцлер Шамаль, выделивший значительную сумму денег, художественно-промышленный музей подарил оборудование, сами эмигранты – музейные реликвии. Музейные собрания формировались как на основе вывезенных из России после 1917 г. историко-культурных ценностей из частных коллекций и государственных музеев, так и на базе произведений искусства, мемориальных вещей, созданных уже в эмиграции и собранных настоящими подвижниками, которые в нелегких условиях занимались этой благородной деятельностью.

Из Франции, Италии, Индии и других стран в Прагу стали поступать картины и рисунки известных русских художников (А.Н. Бенуа, К.А. Коровина, И.Е. Репина, Н. и С. Рерихов и др.), скульптурные произведения, рукописи, фотографии, редкие книги, личные вещи деятелей литературы и искусства. Собрание музея располагалось в замке Збраслав (XII в.), в пригороде Праги. В 1948 г. все музейные ценности были вывезены из Чехословакии в СССР и распределены среди ряда музеев.

Еще одно музейное собрание, состоявшее из икон и монет, принадлежало Археологическому институту им. Н.П. Кондакова. Большая и самая ценная его часть осталась после Второй мировой войны в Чехословакии и находится ныне в Национальной галерее.

В отличие от двух названных музеев коллекция исторических реликвий из Донского музея попала за границу в уже сформировавшемся виде. Ее вывезли из Новочеркасска по решению белоказачьего правительства атамана А.Н. Богаевского. В Прагу она попала в 1925 г. через Константинополь и Белград и вошла позднее вместе с архивом в состав Донского отдела Русского заграничного исторического архива (РЗИА). В 1946 г. из Чехословакии в Новочеркасский музей истории донского казачества были возвращены ценнейшие экспонаты – казачьи знамена и штандарты, регалии атаманской власти, именное и жалованное оружие, медали, произведения прикладного искусства.

О создании РЗИА и его судьбе после войны было сказано во второй главе первой книги. Здесь добавим некоторые новые сведения. Русское историческое общество в Праге создало на базе РЗИА ряд научных учреждений, библиотеку с архивными фондами, где, помимо многих других документов, были собраны материалы и документы департамента полиции и охранного отделения царского правительства о революционерах и их организациях, вывезенные из России во время гражданской войны или хранившиеся в русских посольствах. РЗИА занимался издательством, в том числе выпускал ежегодные брошюры «Русский Заграничный Исторический Архив».

⁸⁸ Ковалевский П. Е. Зарубежная Россия. Париж. 1971. С. 47.

⁸⁹ Там же. С. 48.

Белград. Целый ряд причин обусловил то обстоятельство, что Югославия, наряду с Германией, Францией, Чехословакией, Китаем стала одним из главных центров Российского зарубежья. Среди этих причин следует назвать несколько:

- 1) традиционно добрые русско-южнославянские отношения;
- 2) родственно-династические связи домов Романовых и Карагеоргиевичей. Созданное 1 декабря 1918 г. югославское государство (Королевство сербов, хорватов, словенцев до января 1929 г.) остро нуждалось в увеличении и укреплении государственно-административного аппарата опытными русскими чиновниками, в научно-технических кадрах и работниках просвещения;
- 3) из-за огромных людских потерь и весьма неспокойной обстановки на границах Югославии нужны были квалифицированные военные.

Для оказания помощи российским эмигрантам было создано официальное учреждение – Державная комиссия по устройству русских беженцев. Был учрежден Комитет по делам русской культуры, в состав которого вошли видные политические деятели Югославии во главе с известным ученым-славистом, действительным членом Сербской академии наук Александром Беличем. Комитет взял на себя задачу сохранения русских культурных ценностей в Югославии.

Король Александр I Карагеоргиевич (1888–1939), получивший образование в России и хорошо говоривший по-русски, предоставил русским эмигрантам равные права в жизни своей страны. Он покровительствовал русским культурно-просветительным учреждениям и образованию детей и юношей в русских и югославских учебных заведениях.

Следует несколько подробнее осветить постановку образования русских детей в этой стране. В 1924 г., когда количество беженцев из России достигло своей высшей точки, в Югославии проживало более 5 тыс. детей школьного и дошкольного возраста, в том числе лишившихся родителей в годы гражданской войны.

В середине 20-х гг. в Югославии действовали десятки русских учебных заведений. Среди них более крупными были такие, как русско-сербская смешанная гимназия (Белград), созданная под покровительством королевы Марии, русско-сербская женская гимназия с интернатом (Велика Кикинде), женская прогимназия (Белград), реальные училища (Загреб, Нови Сад), прогимназия (Марибор), детские дома (Сараево, Панчево), русская школа (Субботица). В Югославии были открыты Крымский кадетский корпус (Белая Церковь), Донской кадетский корпус (Билеча), Русский кадетский корпус (Сараево). Были созданы два женских института: Харьковский женский институт (Белая Церковь), Донской Мариинский женский институт (Белая Церковь). В вышеперечисленных учебных заведениях обучалось более 3 тыс. русских детей. Все закончившие русские средние учебные заведения могли поступить в высшие учебные заведения Югославии, включая военные и духовные.

Русские учителя имели свои общественные организации. Первым учительским союзом в Югославии в 1921 г. был Союз русских педагогов в Королевстве СХС. Он входил в Совет объединенных русских педагогических организаций за границей. В 1925 г. часть Совета вошла в Русское педагогическое общество. Другими объединениями были Союз деятелей русской демократической школы на Балканах и Общество преподавателей русских учебных заведений в Королевстве СХС. Многие члены названных объединений преподавали в высших учебных заведениях Югославии.

Благоприятные условия были созданы югославским правительством для российских эмигрантов в области высшего образования. Русские студенты делились на три группы: первая – обучающиеся в югославских вузах, вторая – не обучающиеся в них. Особую, третью группу, составляли студенты, находящиеся в армии. Они состояли на пограничной службе Королевства, получали военное довольствие и были разбросаны по разным местам службы. Их обучение было заочным.

В Белградском университете обучалось 625 русских студентов, в университете Любляны – 137, в университете Загреба – 285, в высшей технической школе Загреба – 166, в высшей коммерческой школе этого города – 140, на юридическом факультете в Субботице – 40, на филологическом факультете в Сковле – 10, в высшей школе искусства в Загребе – 4 студента⁹⁰. Правительство Королевства СХС брало на себя частичное содержание русских студентов, давало им общежития.

Русские составляли большинство из числа иностранных студентов Белградского университета. Они отличались примерной успеваемостью, к чему побуждало их нелегкое материальное положение и стремление получить профессию. Многим студентам приходилось одновременно и работать, не брезгуя никаким трудом.

Общее число русских ученых в эмиграции установить очень трудно, можно лишь выборочно констатировать их количество. Согласно данным югославского исследователя Мирослава Яничевича («Творческая интеллигенция межвоенной Югославии»), в 20–30-х гг. из 120-ти преподавателей югославских университетов, родившихся вне Югославии, 70 были русскими. Большая часть из них (43 из 70) работала в Белградском университете⁹¹. И еще одна примечательная информация того же автора: 10,5 % творческой интеллигенции в Сербии были русскими.

Профессорами Белградского университета были А.Д. Билимович, К.П. Воронец, С.М. Кульбакин, В.Д. Ласкарев, Г.А. Острогорский, Н.Н. Салтыков, Е.В. Спекторский, Ф.В. Тарановский, В.В. Фармаковский, А.М. Хлытчиев, ставшие позже действительными членами Сербской академии наук. Европейскую и мировую известность получили профессора Белградского университета Е.В. Аничков, А.А. Бранд, Н.И. Голенишев-Кутузов, В.С. Жердецкий, Ю.Н. Вагнер, А.И. Игнатовский, Д.Ф. Конев, А.А. Лебедев, В.А. Мошин, А.А. Погодин, Г.Н. Пио-Ульский, А.В. Соловьев.

Русские ученые, встретив гостеприимное отношение и получив возможность применить свои силы и знания в научной деятельности и общественной жизни страны, не остались в долгу перед Югославией, оказали приютившей их стране немалые услуги. Русские профессора написали и внедрили учебники и пособия для школ и вузов, создали учебные кабинеты, клиники, внесли в развитие образования свои знания и опыт. Многие правительственные здания, украшающие города Югославии, – дело рук и таланта русских инженеров-строителей.

Русский научный институт в Белграде был не только центром научной мысли российской эмиграции, но и генератором идей в развитии югославской науки и культуры. Публикации русских ученых становились национальным научным достоянием страны.

В Югославии действовало немало обществ, союзов деятелей науки и культуры. Известностью в научных кругах Белграда пользовалось Русское общество историков, член которого профессор Белградского и Женевского университетов А.В. Соловьев (1890–1971) привел свидетельства об отношении св. Саввы Сербского к Руси, о полезной деятельности русских на Балканах и сербов в России в XVII–XVIII вв. Русское археологическое общество успешно работало в области исследования древнерусского наследия.

Концентрировал все направления русской культуры в Югославии Русский дом имени Николая II в Белграде (см. книги первой, глава II). В 30-е гг. этот Дом науки и культуры был подлинной парадигмой, образцом всего того, что российская эмиграция создала в Югославии. В то же время это был национальный центр, влияние которого распространялось далеко за пределы русской колонии. Русский научный институт, способствуя развитию отечественной науки, являлся общероссийским институтом в эмиграции. Книги издательской комиссии (три издательских серии – более 60 названий,

⁹⁰ ГАРФ. Ф. 5680. Оп. 1. Д. 67. Л. 5–8.

⁹¹ Роль Русского зарубежья в сохранении и развитии отечественной культуры : тез. докл. науч. конф. М., 1993. С. 31.

тщательно подготовленных и отобранных произведений) проникали во многие русские колонии. Музей, посвященный царю-мученику и славным конным полкам русской армии, свидетельствовал о связи традиций с современностью. Русские гимназии в центре Белграда являлись столичными лицеями.

Ученые-эмигранты создали в Белграде Русскую публичную библиотеку – гуманитарный центр российской эмиграции. Библиотека выпускала журнал «Русский архив», ставший документальной основой для создания «Архива русской революции» (подробнее о библиотеке – книга первая, часть II).

Следует особо отметить «Архив русской революции», который упоминался в первой книге. Это фундаментальное собрание воспоминаний участников грандиозных событий, противостоявших большевизму и советской власти; документов, которые отражают порядки и процессы внутренней жизни революционной России, гражданскую войну и ее трагические последствия; восприятий и оценок политическими силами эмиграции социально-политических процессов и т.д. в Советской России; размышлений о жизненных условиях эмиграции.

Архив ценен и тем, что способен дать ответы (пусть порой и субъективные) на многие вопросы, которые в годы господства КПСС было опасно задавать вслух. Источники, собранные в нем, представляют интерес для историков, политологов, литературоведов и специалистов других отраслей науки. Наконец, «Архив русской революции» полезен и для рядового читателя, интересующегося историей своего отечества.

Издателем «Архива русской революции» был Г.В. Гессен (1865–1943), член ЦК кадетской партии, бывший депутат Государственной думы. Архив издан в 22 томах в течение 20–30-х гг. в Берлине. В предисловии к изданию («Задачи Архива») автор так определяет его главную задачу: «Задача заключается в том, чтобы сохранить письменный след разворачивающихся перед нами трагических событий. Многое из того, что каждому из нас привелось видеть или в чем участвовать, осталось единственным в своем роде и больше уже нигде не повторилось. Поэтому, если сейчас не записать всего, чему каждый свидетелем был, внутри ли России, или на границах ее в рядах боровшихся с большевиками, или во вновь образовавшихся из тела России государствах, или, наконец, среди русской эмиграции во всех странах мира, то многое из фактических данных пропадет бесследно и такой недостаток может безнадежно затруднить раскрытие истинного смысла переживаемого нами величайшего исторического перелома»⁹². И далее автор уточняет: «Эта задача, очевидно, совершенно исключает всякую предвзятость. Исчерпывающая цель издания – дать правдивую картину, содействовать выяснению исторической истины»⁹³.

Русская творческая интеллигенция внесла немалый вклад в развитие театральной и музыкальной жизни Югославии. Российские актеры знакомили публику с русской и зарубежной драматической классикой. Наши соотечественники основали в Белграде школу бальных танцев, пользовавшуюся успехом у столичной молодежи.

Харбин. Советская историческая наука уделяла мало внимания изучению истории и культуры российской эмиграции в странах Дальнего Востока – Манчжурии, Китае, Японии, Корее, в таких ее центрах, как Харбин, Шанхай, Токио. Между тем культура дальневосточной российской эмиграции оказала очевидное влияние на культуру названных стран. Это как раз то недостающее звено культуры Российского зарубежья, которое необходимо для написания когда-то в будущем ее полной истории.

Харбин был ведущим политическим и культурным центром российской эмиграции на Дальнем Востоке, городом, возникшим как административный и экономический центр полосы отчуждения Китайско-Восточной железной дороги. С другой стороны, в

⁹² Архив русской революции. М.: Терра-Политиздат, 1991. Т. 1–2. С. 6.

⁹³ Там же. Т. 1–2. С. 8.

Харбине сложилась стабильная база культурной жизни, заложенная в Манчжурии при строительстве КВЖД еще до Октябрьской революции; определилась ведущая роль родного русского языка как средства общения при разнообразном этническом составе этого русско-китайского города: создавалась компактность проживания русских в городе, а также по линии железной дороги; обучение в средних и высших учебных заведениях проводилось на русском языке. Совокупность этих факторов способствовала развитию русской культуры и накоплению культурного наследия в Манчжурии в 20–40-е гг. Условия для существования русской диаспоры, как на бытовом, так и на культурном уровнях, для развития предпринимательства и интеллектуального труда были уникальны по своим возможностям в сравнении с условиями жизни российской эмиграции в Западной Европе, хотя мировой экономический кризис и война в Азии в значительной степени негативно повлияли на экономическую жизнь Харбина.

Период русской деловой и культурной активности можно определить с начала XX в. до Октябрьской революции. Расцвет эмигрантской культуры охватывает 20-е гг., когда в страну хлынул поток беженцев из дальневосточной России, и до японской оккупации, в результате которой некоторые культурные учреждения, организации, издательства стали перемещаться в Шанхай. После окончания Второй мировой войны национальная русская культура в этих регионах подверглась сильному воздействию СССР и китайских властей во главе с Мао Дзе Дуном.

В Харбине была широко представлена русская периодическая печать. Печатное слово являлось не только источником информации о происходящем в мире и в стране проживания, но и основой духовной жизни эмигрантов, главным средством для сохранения национальных корней. В этом городе выходило около 20-ти крупных журналов, свыше 50-ти разных по названию газет, в том числе параллельно на русском и китайском языках («Юаньдун бао», «Гунь-бао» и др.)⁹⁴. По количеству выходивших газет самых разных направлений пик периодической печати был достигнут в первой половине 20-х гг. Их идеологическая картина разнообразна – от монархической газеты «Свет» до коммунистического издания «День». Наибольший тираж и долголетие существования имела «нейтральная» газета «Заря».

В газетах, помимо местной хроники и социальной информации (в 40-е гг. находившейся под строгой цензурой японских оккупационных властей), помещались материалы просветительского характера: статьи, очерки, посвященные юбилейным датам истории России, жизни и деятельности писателей, композиторов, художников, а также публикации, рецензировавшие театральные и музыкальные события города, рефераты прочитанных докладов, краеведческая и экономическая информация.

В Харбине были и русские издательства. Основной продукцией местных книжных изданий были произведения русских классиков, беллетристика (произведения русских авторов и переводы с иностранных языков), научные труды (главным образом, по востоковедению, экономике и праву), учебники и учебные пособия, словари, религиозно-нравственная литература, сборники стихов и рассказов местных авторов, альманахи, юбилейные сборники.

В городе была представлена широкая сеть общественных и частных (коммерческих) библиотек, практиковавших доставку книг читателям на дом. Все городские библиотеки, которых насчитывалось более двух десятков, можно разделить по их направленности на следующие группы: общественные (публичные), специальные научные (учебных заведений и обществ), профсоюзных объединений, клубов и национальных колоний (еврейской, грузинской и др.). Некоторые библиотеки были как бы смешанного типа – библио-

⁹⁴ Роль русского зарубежья в сохранении и развитии отечественной культуры : тез. докл. науч. конф. М., 1993. С. 34.

тека КВЖД, библиотека Христианского союза молодых людей и т.п. Часть библиотек обладала значительными фондами научной и художественной литературы.

Другая развитая сфера русской культуры в Харбине – система образования. В городе было немало русских учебных заведений от начальных школ в небольших поселениях до первоклассных институтов, преимущественно финансируемых КВЖД. Большое количество средних и высших учебных заведений говорило об уровне культурных запросов русских харбинцев, их тяге к получению образования. В русских школах и вузах обучались дети и юношество коренного местного населения. Подобная система образования не имела аналога ни в какой другой стране российского расселения.

В Харбине была открыта казенная городская школа для детей неимущих эмигрантов, несколько частных гимназий, например, гимназия Оксаковской, гимназия имени Достоевского. Самой дорогой считалась школа, принадлежащая международной организации Христианский союз молодых людей (ХСМЛ), где директором был американец и часть предметов преподавалась на английском языке⁹⁵. Эта гимназия была основана в 1925 г. и просуществовала до 1945 г. В гимназии ХСМЛ в подавляющем большинстве учились русские, но было много лиц и других национальностей, в том числе китайцев, корейцев, поляков, чехов, югославов, грузин, армян и др.

В период гражданской войны на востоке России, в Харбине, сосредоточилось значительное количество российских профессоров и студентов. Возникла необходимость и возможность основания высших школ. 1 марта 1920 г. в Харбине были открыты экономико-юридические курсы, переросшие в факультет. Своеобразие учебного плана состояло в том, что он учитывал интересы края, его экономику, влияние КВЖД. Это привело к созданию экономического отделения с рядом подотделов. Факультет стал высшим учебным заведением, состоящим фактически из двух факультетов. На нем читались специальные курсы по китайскому гражданскому праву и процессу, по китайскому уголовному, государственному, административному праву. В работе факультета принимали участие профессора В.В. Энгельфельд, Г.К. Гинс, Н.И. Никифоров, В.А. Рязановский. Расцвет факультета пришелся на период его руководства профессором В.А. Рязановским.

В 1920 г. русские ученые, судьбы которых оказались связанными с КВЖД, основали в Харбине техникум. Вскоре он был преобразован в Харбинский политехнический институт. Это было русско-китайское учебное заведение, ректором которого стал Л.А. Устругов. С первых лет существования институт стал кузницей русских и национальных кадров высокой квалификации, обогативших практику и двинувших вперед науку в различных областях. Диплом ХПИ являлся и поныне является лучшей рекомендацией и гарантией для работы на самых ответственных участках во всех странах мира. В настоящее время этот вуз – ведущий институт в области электроники, робототехники, разработки новых технологий, прикладных научных исследований.

В 1925 г. в Харбине был открыт педагогический институт, инициатором создания которого стал профессор С.В. Кузнецов. В 1934 г. по предложению нового ректора профессора К.О. Зайцева пединститут был объединен с юридическим факультетом. Институт взял на себя обязательства по проведению на Дальнем Востоке Дня русской культуры.

В 1925 г. был основан институт восточных и коммерческих наук, во главе которого стоял доцент Маракушев. Институт имел два факультета, соответствующих его названию: восточный и коммерческий с трехлетним курсом, причем особое внимание уделялось изучению китайского и английского языков.

Богословская школа (факультет) представляла собой первую попытку создания православного общеобразовательного университета с преподаванием богословских и научных дисциплин. По инициативе архиепископа харбинского Мелетия в 1934 г. был

⁹⁵ Ильин Н. Н. Дороги и судьбы. М., 1991. С. 126.

создан институт св. Владимира, имевший три факультета: богословский, восточно-экономический и политехнический. Восточно-экономический факультет в составе четырех курсов образовался из института восточных и коммерческих наук, который в полном составе, во главе с директором, синологом, профессором А.П. Хлоныным, вошел во Владимирский институт.

Русские ученые-эмигранты внесли крупный вклад в историческую науку, особенно в такие ее области, как китаеведение (П.В. Шкуркин, И.Г. Баранов, А.П. Хионин), краеведение Маньчжурии, археология (В.В. Поносов), монгольское право (В.А. Рязановский). В течение многих лет работали крупные научные общества – Общество русских ориенталистов, Общество изучения Маньчжурского края и шесть других. Издавался журнал «Вестник Манчжурии», где печатались статьи известных русских востоковедов, этнографов и экономистов, способствовавших своими изысканиями экономическому и культурному процветанию края.

Особой областью являлась эмигрантская художественная литература, давшая немало славных имен. В Харбине существовали шесть литературно-художественных кружков. Из литературных журналов, выходивших в 20–40-х гг. («Вал», «Синий журнал», «Гонг», «Луч Азии», «Рубеж» и др.), наиболее стабильным и популярным был еженедельник «Рубеж» (1927–1945). На его страницах регулярно появлялись рассказы и поэтические произведения дальневосточных авторов, переводы зарубежной прозы, мемуары, воспоминания, зарисовки различных сторон культурной жизни эмиграции в разных странах, очерки этнографического, научно-популярного содержания, хроника местной жизни. Журнал был хорошо иллюстрирован и пользовался популярностью не только среди жителей Харбина, но и вдоль всей линии КВЖД и в других городах Китая, где образовалась русская диаспора. В литературных журналах печатались и публицистические работы Н.В. Устрялова, Г.К. Гирса, Вс. Иванова, К.И. Зайцева, П. Ковгана.

Не угаало в Харбине и русское искусство. Три харбинские музыкальные школы, возглавлявшиеся В.Д. Трахтенбергом, У.М. Гольдштейном, В.Л. Гершгориной и работавшие по программе аналогичных российских учебных заведений, дали мощный толчок музыкальному образованию русской и китайской молодежи. Русские профессора возглавляли национальные консерватории в Японии (Токио) и Китае (Шанхай).

С 1924 г. в Харбине на постоянной основе работала опера. Активную работу проводили школы русского балета А.Н. Андреевой и балетмейстера московской оперы Е.В. Квятковской, из студии которых вышли такие выдающиеся балерины, как С. Чистохина, Н. Кожевникова, В. Кондратович, Н. Недзвецкая – в последующем руководители школ русского балета в Индии и Австралии, солист балета Масухида Комаки – основоположник современного балета Японии.

Харбинское симфоническое общество (дирижер С.И. Швайковский) совершало ежегодные гастрольные поездки по городам Китая и Японии. На тумбах клеились афиши, оповещавшие об исполнении произведений П.И. Чайковского. А.П. Бородин, Н.А. Римского-Корсакова, М.И. Глинки харбинским симфоническим оркестром и оперной группой (оба коллектива содержались при КВЖД). В области драматического искусства успешно выступали А.С. Орлов (МХАТ), В.И. Москвитин-Томский.

Как отмечалось выше, после оккупации Маньчжурии Японией в 1932 г. некоторые очаги русской культуры стали перемещаться из Харбина в Шанхай. Переезд россиян в этот город пополнял интеллигентскую прослойку его русской колонии. Богатая русская издательская база, образовавшаяся в Шанхае, способствовала в 30-х гг. выпуску хорошо оформленных толстых журналов – «Лик Востока», «Понедельник», «Парус», «Феникс», альманаха «Врата» и др. В них печатались произведения многих авторов дальневосточного зарубежья, были представлены репродукции картин и рисунков талант-

ливых художников – М. Кичигина, М. Лобанова, В. Засыпкина. В шанхайской книжной продукции и периодике было больше беллетристики, чем в харбинских изданиях.

С 1926 г. в Шанхае работало первое Русское военно-научное общество в Китае, выпустившее в свет 48 томов своего вестника «Армия и флот». За 20–30-е гг. была создана обширная научная литература, используемая в мировой науке и сегодня, в том числе русская литература о Китае, которая находится пока вне поля зрения русских и китайских историков.

Большой заслугой российской эмиграции в Китае является сохранение и развитие своих национальных традиций в очень трудных политических условиях существования. И Харбин, и Шанхай активно участвовали во всех культурных и общественных начинаниях Российского зарубежья, поддерживали связь с его центрами в Европе. Ежегодно с 1925 г. проводилось празднование Дня русской культуры, пушкинские торжества 1924, 1937 гг.

Уровень культуры стран Дальнего Востока по сравнению с цивилизованной Западной Европой был на несколько ступеней ниже. Поэтому влияние культуры «восточной ветви» Российского зарубежья оказалось здесь наиболее значительным и результативным. Российская эмиграция помогла Китаю внедрить и расширить среднее и особенно высшее образование, открыть центры научных исследований.

Проводником влияния российской эмиграции на культуру Китая и Японии явилось искусство, те его высокие достижения, которые были характерны для Харбина и Шанхая. По сути, имела место широкая повседневная пропаганда великого русского искусства, русской культуры. Действовала замечательная плеяда деятелей искусства, получившая профессиональную подготовку в дореволюционной России и за рубежом.

Канада. Среди ведущих центров культуры российского зарубежья Канада занимает не столь «солидное» место и несколько сдвинута во времени. В начале 20-х гг. здесь выходило более четырех десятков наименований газет и журналов. Одним из первых был «Балтийский альманах» – ежемесячный журнал литературы, искусства и экономики. Наиболее известным далеко за пределами Канады был «Современник: журнал русской культуры и национальной мысли», основанный поэтом, историком и литературоведом Л.И. Страховским (1896–1963), которого в 1963 г. сменил на посту редактора В. Савин.

В Канаде жили русские писатели В. Прозоровский, В. Савин, М. Могилянский и другие, публиковавшие стихи, рассказы, очерки как в канадской печати, так и за пределами страны. Многие их рукописи хранятся в библиотеках и архивах Торонто, Монреаля, Оттавы, Ванкувера. Наиболее известно творчество Э.И. Бобровой – поэтессы, литературного критика и переводчицы. В течение многих лет она сотрудничала в зарубежных изданиях («Возрождение», «Новый журнал» и др.), работала в русском отделе международного радио Канады. Э.И. Боброва является автором статей и книг об И.В. Одоевцевой, Д.И. Кленовском, автором сборников стихов «Я чудо жду», «Янтарный сок», поэмы «Ирина Истомина».

В 1950 г. в Торонто создается Русское культурно-просветительское общество, выпускавшее в течение более тридцати лет журнал «Русское слово в Канаде» (редакторы Н. Скотинников, К. Матяш). Открывается русский литературный кружок, русский драматический кружок, создается русскоязычное издательство «Заря». В 1951 г. при участии русского танцора Б. Волкова возникает Канадский национальный балет (Торонто), в 1953 г. – Королевский виннипегский балет. Русская балерина Л. Ширяева открыла первую школу балета во французской Канаде (Квебек, 1951 г.).

Большой вклад в развитие академической науки Канады внесли русские ученые: физиолог Б. Бабкин (соратник И. Павлова), физик Г. Волков, геофизик Ф. Куломзин, микробиолог В. Смирнов, биолог В. Владыков, агроном Г. Кротков, палеонтолог В.И. Окулич, геолог Ю. Елицкий; литературоведы Р. Плетнев, Н. Первушин, Г. Жеку-

лин, М. Дубинин. В театральном и изобразительном искусстве широко известны имена А. Климова-Щепанского, П. Кларка, В. Ширяева, М. Соловьева, С. Карташова, В. Бахонцева, Н. Соллогуба.

Исследования жизни и творчества русских ученых, деятелей литературы и искусства, сделавших немало для развития науки и культуры Канады – страны, в которой они прожили большую часть своей творческой жизни, только начинаются.

Перемещение значительной части российской эмиграции в конце 30-х гг. из Европы в Америку, преимущественно в США, разбросало по разным городам и весям русскую научную, техническую и творческую интеллигенцию. Вторая мировая война и оккупация Германией Чехословакии, Польши, Франции, Югославии окончательно погасили роль и значимость русских эмигрантских культурных центров в Европе в сохранении национальных культурных традиций и развитии русской культуры. Гитлеру, готовившемуся к войне с СССР, такие патриотические очаги в тылу были нежелательны.

Отсутствие стабильной российской диаспоры в американских странах, ее малочисленность в городах и новые условия социальной адаптации в архиделовом мире лишали эмигрантов возможности создать крупные культурные центры в Америке. После окончания Второй мировой войны, сталинской «чистки» остатков эмиграции в странах Восточной Европы возродить культурные центры было невозможно да и некому. Начало строительства социализма в этих странах испарило «русский дух». Но культурная жизнь российской эмиграции не угасла, она продолжалась в Америке, Австралии. Вместо бывших европейских центров возникли культурные очаги – клубы, небольшие организации, союзы, музеи, архивы, издательства.

За два десятилетия, 40–50-е гг., произошло резкое сокращение числа русских школ и вузов по разным причинам, в основном из-за финансовых трудностей, а также ассимиляции детей второго поколения эмигрантов, т.е. внуков «первопроходцев», в странах проживания. Претерпела эволюцию и целевая установка образования детей. Жизнь развеяла надежды на возвращение на родину, и первоочередной проблемой для молодежи стала проблема «вживания» в сферу обитания без иллюзий на будущее служение России. В этой связи оставшиеся русские школы сменили свою направленность, все более «европеизируясь», приобретая рациональный тип. Высшие учебные заведения в те годы стали перестраиваться в научно-исследовательские центры, другие прекратили свое существование.

ГЛАВА II. НАУЧНЫЕ И НАУЧНО-ТЕХНИЧЕСКИЕ ДОСТИЖЕНИЯ РОССИЙСКИХ ЭМИГРАНТОВ

К началу XX в. Академия наук Российской империи пришла с развитой системой научных учреждений. Русская наука выдвинулась на передовые рубежи мировой науки. Университеты с богатыми лабораториями, высококвалифицированной профессурой являлись основными центрами развития отечественной науки, всероссийские съезды ученых (по определенным специальностям) служили главным средством консолидации научных сил страны. АН России расширила свою издательскую деятельность, выпускались многочисленные академические журналы.

В стране успешно развивались фундаментальные науки, которые имели ряд талантливых, гениальных представителей, сделавших открытия в разных научных областях: в физике (П.Н. Лебедев), химии (Д.И. Менделеев), сейсмологии (Б.Б. Голицын), биологии и патологии (И.И. Мечников), физиологии растений (К.А. Тимирязев), геологии (А.П. Карпинский), гидро- и аэродинамике (Н.Е. Жуковский), аэро- и ракетодинамике (К.Э. Циолковский) и в др. В биологии и аэродинамике русские ученые занимали лидирующее место в мировой науке.

Положительным фактором в развитии отечественной науки являлся ее обмен открытиями и достижениями с мировой наукой, свободное общение с ее творцами. Русские ученые и инженеры имели возможность длительно стажироваться и преподавать в институтах и университетах Германии, Франции, Англии, других стран Европы, публиковать свои работы в иностранных научных журналах. Все это делало русскую науку неотъемлемой частью мировой науки, способствовало включению ее результатов в общее русло мирового научного прогресса. В предвоенные годы и в годы Первой мировой войны правительство, а также частный капитал, выделяли значительные средства для научных исследований. Но эта стимулирующая ситуация была разрушена в результате Октябрьской революции, гражданской войны и эмиграции ученых.

Во все времена эмиграцию порождал конфликт личности с обществом (религиозный, идеологический, социально-экономический, нравственный и т.д.). Являясь носителями истинных духовных и культурных ценностей, большая часть научной интеллигенции вступила в конфликт с большевистским правительством сразу же после Октябрьской революции. В силу разных взглядов, идеалов, пристрастий научный мир России раскололся на соглашателей, идеалистов, конформистов, реформаторов, оппозиционеров, реакционеров и прочих. Трагедия раскола отразилась на судьбах ученых, общественных деятелей, сделавших свой выбор на переломе российской истории.

За рубежом добровольно или принудительно оказалась ценнейшая плеяда русских ученых, блестящих специалистов в разных областях науки. Кратко рассмотрим их жизнь и научную деятельность, в том числе в эмиграционный период. К сожалению, в Большой Советской энциклопедии не нашлось места, чтобы запечатлеть в памяти россиян имена выдающихся ученых-эмигрантов. Да и советские ученые старались (чаще не по своей воле) не упоминать имен зарубежных соотечественников, на которых коммунистическая идеология наложила табу как на «реакционные элементы», за исключением небольшого числа имен «маловредных» ученых, которые введены в БСЭ.

Кондаков Иван Лаврентьевич. Выдающийся русский ученый, химик-органик, ученый А.М. Бутлерова. Родился 26 сентября (8 октября) 1857 г. в г. Вилюйске, умер 14 октября 1931 г. в Эльве, близ Тарту. В 1884 г. окончил Петербургский университет. В 1888–1895 гг. преподавал физиологическую и общую химию в Варшавском университете, с 1895 г. – профессор Юрьевского университета.

В 1918 г. Кондаков переехал в Прагу, где работал в университете, позднее возвратился в Тарту. В 1894 г. он описал новую каталитическую реакцию хлористого цинка с непредельными углеводородами алифатического ряда. Результаты этих исследований

Кондакова получили применение в нефтяной и химической промышленности. В 1899 г. Иван Лаврентьевич разработал метод получения гомолога изопрена – диметилбутадиена, и доказал, что этот углеводород так же, как и изопрен, способен под воздействием света и некоторых веществ полимеризоваться, т.е. превращаться в высокомолекулярное каучукоподобное вещество. Это открытие принесло ему всемирную известность.

Кондаков впервые наблюдал, что металлический натрий вызывает полимеризацию диметилбутадиена. Работы Кондакова легли в основу получения синтетического каучука, по которому Германия выработала в конце Первой мировой войны (1918 г.) партию твердого («Н») и мягкого («W») каучука. Применение металлического натрия в качестве катализатора реакции полимеризации было осуществлено советским ученым С.В. Лебедевым в разработанном им способе крупнозаводского синтеза натрий-дивинилового каучука. Также Кондаков автор работ по биохимии и фармации.

Ипатьев Владимир Николаевич (1867–1952). Известный русский химик-органик В.Н. Ипатьев родился 9 (21) ноября 1867 г. в Москве. С 1916 по 1936 гг. он академик сначала Российской, затем Академии наук СССР.

В 1892 г. Ипатьев окончил Михайловскую артиллерийскую академию в Петербурге, с 1900 г. становится профессором этой же академии. В 1918–1927 гг. работал в АН СССР, в ВСНХ и в основанном им научно-исследовательском химическом институте высоких давлений. В 1927 г. он был послан в заграничную командировку, из которой не вернулся. Работы Ипатьева в области химии, известные за рубежом, открыли ему широкую дорогу в научный мир Запада.

С 1930 г. Владимир Ипатьев работал в США (фирма «Юниверсал ойл продикте компани»), был профессором Нортвэстернского университета в Чикаго. Он изучал действие брома на третичные спирты и открыл новые пути синтеза углеводородов ряда C_nH_{2n-2} , в частности, изопрена (1897 г.). В 1900 г. Ипатьев начал исследования в области гетерогенного катализа при высоких давлениях и температурах, причем пользовался изобретенным им оригинальным прибором («бомба Ипатьева»). Эти исследования имели большое значение для развития промышленного катализа, в частности, гидрогенизации жиров. Ипатьев занимался алкированием парафиновых углеводородов непредельными углеводородами с целью получения разветвленных алканов как высокооктановых компонентов моторных топлив. Умер В.Н. Ипатьев 29 декабря 1952 г. в Чикаго.

Зворыкин Владимир Кузьмич. Русский ученый-физик В.К. Зворыкин родился 30 июля 1888 г. в Муромской губернии (ныне Владимирская область). В 1912 г. окончил Петербургский технологический институт, в 1914 г. – «Коллеж де Франс» в Париже. Эмигрировал из России в 1917 г.

Настоящее место приложения своего таланта в эмиграции Зворыкин обрел в США, куда приехал в 1919 г., и здесь он поступил на работу в фирму «Вестингауз электрик» в Питсбурге. Степень доктора философии получил в 1929 г. в Питсбургском университете, степень доктора физико-математических наук в Бруклинском политехническом институте.

С 1929 г. Зворыкин работает в американской радиокорпорации, возглавляя лаборатории электроники в Камдене и Пристоне. В 1931 г. он создал первый в мире иконоскоп – передающую трубку, которая сделала возможным развитие электронных телевизионных систем. Зворыкин известен своими работами по созданию фотоэлементов электронных умножителей, микроскопов, а также электронных систем управления транспортными средствами.

С 1954 по 1962 гг. Зворыкин – директор центра медицинской электроники. С 1954 г. – почетный вице-президент Американской радиокорпорации, член Американской Академии искусств и наук, Национальной Академии техники, множества других академий и научных обществ мира, многих, кроме СССР.

В мировой науке В.К. Зворыкин известен как американский инженер и изобретатель в области электроники, основоположник телевидения. Но великий ученый всегда считал себя русским и свою судьбу связывал с судьбой многострадального и дорогого ему Отечества.

Гамов Георгий Антонович (1904–1968). Выдающийся ученый-физик Георгий Гамов родился в г. Одессе 4 марта 1904 г. В 1926 г. он окончил Ленинградский университет. В 1928–1931 гг. работал в Геттингене, Копенгагене, Кембридже. По возвращении в СССР Гамов в 1931–1933 гг. работает в физико-технологическом институте в Ленинграде.

В 1933 г. он эмигрировал во Францию, затем уехал в Англию. В 1934 г. продолжил научную деятельность в США. В 1934–1956 гг. Гамов – профессор университета Джорджа Вашингтона в американской столице, с 1956 г. – профессор университета в Колорадо.

Гамов был первым в мире физиком, давшим квантовомеханическое объяснение альфа-распада. Совместно с отцом американской водородной бомбы Эдвардом Теллером он внес существенный вклад в теорию «бета-распада». В 1946 г. Георгий Гамов выдвинул гипотезу «Горячей Вселенной». Им же сделан первый в мире расчет генетического кода. Умер Георгий Антонович 19 августа 1968 г. в г. Болдер, штат Колорадо, где и похоронен на православном кладбище.

Тимошенко Степан Прокофьевич (1878–1972). Известный русский ученый в области механики Тимошенко родился 11 (23) декабря 1878 г. в селе Шпотовка Сумской губернии. В 1901 г. он окончил Петербургский институт инженеров путей сообщения, где затем преподавал. В 1906–1913 гг. Тимошенко – профессор Киевского политехнического института, в 1913–1917 гг. – профессор политехнического, электротехнического институтов и института инженеров путей сообщения в Петербурге.

В декабре 1917 г. Тимошенко вернулся в Киев, где принял участие в организации Академии наук Украины и стал ее академиком в 1918 г. В 1920 г. он эмигрировал в Югославию и занял кафедру Загребского политехнического института. В 1922 г. Тимошенко переехал в США. В 1923–1927 гг. состоит научным консультантом компании Вестингауз, а затем становится профессором Мичиганского (1927–1936) и Стэнфордского (с 1936 г.) университетов.

Особенностью многочисленных работ Тимошенко по теории упругости, сопротивлению материалов и строительной механике является постановка и решение (доведение до численных результатов) многих трудных и важных в инженерной практике задач о прочности, устойчивости и вибрации упругих тел. Весьма эффективным оказалось разработанное Тимошенко приложение вибрационного метода теории упругости к инженерным задачам.

В 1960 г. Тимошенко переехал в ФРГ. Его основные труды посвящены механике твердых деформированных тел и расчету сооружений. Он выполнил цикл работ по изгибу, кручению, колебаниям и удару стержней, по теории тонких пластин и оболочек. Тимошенко решил задачу о концентрации напряжений вблизи отверстий, произвел расчет отдельных конструкций, висячих мостов, рельсов, валов, осей, зубчатых колес и др.

Среди многих научных работ С.П. Тимошенко выделим следующие: «Проблемы вибрации в инженерной науке», двухтомное издание «Сопротивление материалов», «Теория упругости», «Теория устойчивости», «Теория пластинок и оболочек», «Статика сооружений», «История науки о сопротивлении материалов». Труды ученого неоднократно издавались в СССР. Ими пользуются ученые, инженеры, строители во всем мире. По классическому учебному пособию о сопротивлении занимались многие поколения студентов.

С.П. Тимошенко – заслуженный профессор Стэнфордского университета, академик многих академий мира, почетный доктор многих университетов. В 1956 г. ученый посетил Советский Союз. Умер С.П. Тимошенко в мае 1972 г. в г. Вупперталь, в ФРГ.

Виноградский Сергей Николаевич. В истории микробиологии имя С.Н. Виноградского (1856–1953) в одном ряду с именами Л. Пастернака, И.И. Мечникова, Д.И. Иванковского. В истории экологии, почвоведения, учения о биосфере он – продолжатель дела В.В. Докучаева, П.А. Костычева и предшественник В.И. Вернадского.

Уроженец Киева, Виноградский учился на естественном отделении Петербургского университета в то время, когда там преподавали химию Д.И. Менделеев, А.М. Бутлеров и Н.А. Меншуткин, физиологи – И.М. Сеченов, ботанику – А.Н. Бекетов, минералогию и почвоведение – В.В. Докучаев и П.А. Костычев. Оставленный в университете «для подготовки к профессорскому званию» Виноградский вскоре отправился в шестилетнюю поездку по лабораториям Франции и Швейцарии. Вернувшись оттуда в 1891 г., он более 20 лет руководил в Петербурге отделом общей микробиологии. В 1903 г. Виноградский основывает Русское микробиологическое общество и становится его первым президентом. Крупнейшие открытия в микробиологии были сделаны Виноградским еще в конце прошлого века.

К моменту эмиграции (1922 г.) Виноградский уже достиг пенсионного возраста. В 1923 г. его избирают почетным членом Российской академии наук. В знаменитом Пастеровском институте для него был создан отдел агробактериологии, которым он руководил до конца своих дней. После отъезда во Францию, где Виноградский прожил треть своей долгой жизни, он никогда не был на родине.

В 1992 г. в Рио-де-Жанейро на встрече глав государств и правительств по вопросам глобальной экологии обсуждались проблемы «парникового эффекта», потепления климата. Большую роль в этих процессах играют микроорганизмы – поставщики метана. Проблемы экологической микробиологии – направления, заложенного Виноградским, – занимают важное место в современном учении о биосфере, основы которого были созданы трудами младшего современника ученого – В.И. Вернадского.

Тимофеев-Ресовский Николай Владимирович. В 1990 г. исполнилось 90 лет со дня рождения Николая Владимировича. В последнее время на Западе фигура одного из основоположников современной генетики вызывает все возрастающий интерес. Ученые обращаются к его трудам, историки – к судьбе, изобилующей поступками мужества и чести. И только на горячо любимой им Родине, которую он был вынужден покинуть, не прекращается нелепый «изобличительный» процесс. Следователи бериевского НКВД обвинили Тимофеева-Ресовского в коллаборационизме – сотрудничестве с нацистами. По этому обвинению он был арестован после войны органами НКВД и отправлен в один из лагерей ГУЛАГа.

Н.В. Тимофеев-Ресовский руководил отделением генетики Института изучения мозга в Берлин-Бухе, которое было связано с Ауэровским обществом, выполнявшим военные программы нацистов, только по общим научным интересам к биофизическим проблемам, к молекулярной биологии. Это обстоятельство побудило советские спецорганы обвинить русского ученого в связях с Ауэровским обществом, с немецким «урановым проектом», когда немцы поспешно готовили атомную бомбу, и участия ученого якобы в опытах на людях. К этому обвинению был добавлен сделанный Тимофеевым-Ресовским в 1939 г. негативный обзор о биологических институтах в Советском Союзе в период сложившейся там ситуации с генетикой в 30-х гг., когда ВКП(б) подавляла проведение основополагающих исследований в области генетики и репрессировала ведущих ученых-генетиков.

Фактически работы, проводимые отделом Тимофеева-Ресовского, относились к генетике по частной, узкой проблеме: к изучению мутаций под действием ионизирующих излучений у мух-дрозофил, что не имело ничего общего с военными усилиями и напроць отвергало надуманные обвинения бериевских следователей.

Все коллеги ученого, работавшие с ним во время войны в Институте изучения мозга, единогласно заявляют об абсолютной непричастности Тимофеева-Ресовского к военным программам нацистов, которые велись в Ауэровском обществе и в Институте химии в Берлин-Далеме. Об этом свидетельствует и заключение комиссии Академии наук ГДР на запрос Прокуратуры СССР в 1988 г. по делу Н.В. Тимофеева-Ресовского. По отзывам коллег, Николай Владимирович был убежденным антифашистом, хотя ему и предлагали германское подданство. Он заявлял, что родился русским и не видит никаких средств «изменить этот факт». Однако русский ученый-генетик Николай Владимирович Тимофеев-Ресовский до сих пор не реабилитирован и с него не снято клеймо «изменника Родины».

Феодосий Григорьевич Добржанский (1900–1975). В 20-е гг. Ф.Г. Добржанский, несмотря на свою молодость, был уже заметной фигурой в советской генетике. Он не только стал «правой рукой» создателя первой в России кафедры генетики в Петроградском университете и ее заведующего Ю.А. Филипченко, но и после своего возвращения из США, куда был послан в 1927 г. на годичную стажировку в лабораторию создателя хромосомной теории наследственности Т.Х. Моргана, должен был возглавить исследования дрозофильной группы на этой кафедре. При благоприятных условиях она могла бы превратиться в крупнейший в Европе центр генетических исследований на дрозофиле. Но Добржанский вынужден был принять решение остаться в США, попав на родине в категорию «невозвращенцев». Его имя не упоминалось до конца 40-х гг., когда в советской центральной периодической печати он был назван «открытым врагом народа», а затем вплоть до конца советского периода упоминался лишь как американский генетик и эволюционист. Однако, став американским, он не перестал быть отечественным ученым и, по выражению одного из его корреспондентов на родине, был заочным учителем русских биологов.

В 40-х гг. Добржанский сначала содействовал первым попыткам восстановления взаимодействия советских и американских генетиков и биологов, зародившегося в 20-е гг., а потом участвовал в критике «лысенковщины», затем способствовал возрождению генетики в СССР. В частности, он посылал в Советский Союз большое количество литературы как по генетике, так и по биологии в целом, вел обширную переписку и со своими прежними коллегами, и с учеными молодого поколения, прежде всего с Ю.Я. Керкисом, В.В. Алпатовым, Н.Н. Медведевым, И.И. Канаевым, Ю.И. Новоженовым, А.В. Яблоковым. Советские коллеги дважды пытались организовать его визит в СССР, но оба раза официальные власти воспрепятствовали этому.

Во многом именно на работах Ф.Г. Добржанского и его школы основывалась советская популяционная и эволюционная генетика, их использовали при чтении курсов для студентов в вузах. Добржанский неизменно назывался одним из основателей современной эволюционной теории, известной в нашей стране как синтетическая теория эволюции. Кроме того, его работы по философии биологии оказали несомненное влияние на развитие философской науки, на дискуссию о природе и предназначении человека.

Б.П. Бабкин. Профессор Б.П. Бабкин (1877–1950) был вынужден эмигрировать из России в 1922 г. В Одессе сложилась физиологическая школа, ученики которой продолжали работать в созданном им направлении до конца 60-х гг. Хотя официально имя Б.П. Бабкина не упоминалось, его идеи в области физиологии пищеварения использовались учениками физиологической школы И.П. Разенкова.

Бабкин был неизменным последователем И.П. Павлова в Канаде и Америке. В Канаде он продолжил и успешно завершил работу в области секреции пищеварительных желез, начатую им в Петербурге у И.П. Павлова в его лаборатории в ИЭМ в 1904 г.

Библиотека истории медицины Вильяма Ослера университета Мак Гилла (Монреаль) предоставила Национальному комитету физиологов России материалы о жизни и

деятельности Б.П. Бабкина в Канаде. Комитет получил копии писем семьи И.П. Павлова к семье Бабкина, которые свидетельствуют о духовной близости и общности их взглядов на развитие науки. С помощью лекций, которые Бабкин читал в разных университетах Канады и Америки, он пропагандировал учение И.П. Павлова на Северо-Американском континенте.

В течение 30 лет Бабкин скрупулезно собирал материалы о своем учителе и в 1949 г. издал в Чикаго книгу «Павлов. Биография». Он мечтал и надеялся, что придет время, когда его книга сможет выйти на русском языке. Поэтому он оставил на хранение в Монреале машинописный текст книги на русском языке. Национальный комитет физиологов России в 1992 г. разработал и осуществил мемориальную программу, рассчитанную на четыре года, посвященную увековечению памяти Б.П. Бабкина в России.

Русские ученые-медики. После окончания гражданской войны за рубежом оказалось много ученых-медиков и врачей, среди них наиболее крупные: гистолог А.А. Максимов, патолог В.Г. Корончевский и др. Некоторые из них успешно продолжали свою научную деятельность в университетах и научно-исследовательских центрах Европы и Америки.

Особенно результативной была деятельность российских ученых-медиков в Болгарии, где они составили основное ядро профессоров и преподавателей созданного в 1918 г. медицинского факультета Софийского университета. Руководителями кафедр здесь работали акушер-гинеколог Г.Е. Рейн, патолог Д.Д. Крылов, психиатр Н.М. Попов, анатом И.Ф. Шапшал, биохимик А.К. Медведев, невропатолог А.Э. Янишевский.

Немало российских профессоров возглавляло кафедры медицинских факультетов университетов Югославии – Белградского и Загребского. Это терапевты А.И. Игнатовский и А.И. Щербаков, хирурги В.Н. Новиков и С.К. Софотеров, невропатологи М.Н. Лалинский и А.С. Кульженко, акушер-гинеколог А.А. Редлих, психиатр Н.В. Краинский. В Югославии российские профессора зарекомендовали себя не только как опытные педагоги, но и как эрудированные научные сотрудники.

Н.Н. Головин и Высшая военная школа за рубежом. 22 марта 1927 г. в Париже начали функционировать «Зарубежные высшие военно-научные курсы» (ЗВВНК). Они были созданы с целью предоставления возможности русским офицерам, разбросанным по многим странам, получить высшее военное образование в объеме программы военных академий. К преподавательской и научной работе, помимо профессоров бывших Императорских академий А.А. Гулевича, Б.В. Геруа, А.К. Байова, П.Ф. Рябикова, П.П. Ставицкого, были привлечены известные русские ученые П.Б. Струве, М.В. Бернацкий, Б.Э. Нольде, Ф.В. Тарановский.

Преподаватели и выпускники ЗВВНК за период их деятельности создали большое количество работ как по прикладным военным дисциплинам, так и в области исторических и других общественных наук. Показательна в этом отношении научная деятельность организатора и бессменного руководителя военно-научных курсов и институтов профессора Н.Н. Головина – автора более 30 фундаментальных работ и около 100 публикаций на восьми языках мира.

Созданная им под рубрикой «Из истории кампании 1914 г. на русском фронте» серия работ представляет несомненный интерес для самой широкой аудитории, как и пятитомный труд «Российская контрреволюция в 1917–1918 гг.» (Париж, 1937), созданный по заданию Гуверовского института (США). Русскому ученому принадлежит огромная заслуга в создании такой отрасли научного знания, как «социология войны», что подтверждают его научные исследования «Наука о войне. О социологическом изучении войны» (Париж, 1938) и «Военные усилия России в мировой войне» (Париж, 1939). Эти работы получили высокую оценку П.А. Сорокина – известного русского социолога, К. Райта, Р. Стангера, Д. Митрани. В 1969 г. в США был переиздан англоязы-

зычный вариант последней из указанных книг, признанной за рубежом одним из лучших исследований по истории Первой мировой войны.

Российские ученые и конструкторы в области воздухоплавания. Русская дореволюционная система высшего технического образования обеспечила эффективную подготовку кадров для зарождавшейся авиационной промышленности. Благодаря этому Российская Империя обладала в годы Первой мировой войны динамично развивавшимся авиационным производством, конструкторскими и научными школами – Московской и Петроградской школами, конструкторскими школами тяжелой и морской авиации. Россия насчитывала десятки авиационных заводов. Наиболее крупными были «Русско-Балтийский завод» (Петроград), завод «Дукс» (Москва), «Анатра» (Одесса).

В России в 1909–1914 гг. появился ряд оригинальных самолетов конструкции Я.М. Гаккеля, Д.П. Григоровича, В.А. Слесарева, И.И. Стеглау. Особое место в самолетостроении занимали аэропланы конструктора И.И. Сикорского, строились первые летающие лодки (гидросамолеты), входили в жизнь дирижабли. В 1910 г. Б.Н. Юрьев спроектировал первый в стране вертолет. В 1914 г. Россия занимала первое место в мире по военному авиационному парку. Мощным толчком в развитии авиации явилось производство первого в мире ранцевого парашюта, изобретенного Г.Е. Котельниковым, что повысило безопасность полетов. Авиация была гордостью России, к ней относились с благоговением.

Заслуженную славу и уважение отечественной авиации принесли и известные русские летчики М.Н. Ефимов, Н.Е. Попов, Г.В. Алехнович, А.В. Шиуков, Б.И. Российский, С.И. Уточкин. 9 сентября 1913 г. русский военный летчик П.Н. Нестеров впервые в мире осуществил на самолете «мертвую петлю», названную впоследствии «петлей Нестерова».

Революция и гражданская война разрушили отечественную авиационную промышленность. Наиболее выдающиеся ее деятели либо погибли, либо эмигрировали. Знакомление с историей развития зарубежной авиации позволяет обнаружить в перечне творцов воздухоплавания русские имена. Это Д.П. Рябушинский, Г.А. Борезат, В.А. Слесарев, С.Л. Захарченко, Б.В. Сергиевский, К. Розанов, И.И. Сикорский и другие ученые и конструкторы в области воздухоплавания. Рассмотрим кратко деятельность некоторых из них.

Дмитрий Павлович Рябушинский. Имя Рябушинского неотделимо от созданного им Кучинского аэродинамического института и от его работ, имеющих основополагающее значение для авиации. Деятельность Рябушинского, прерванная революцией, продолжалась в эмиграции. В 1919 г. он переезжает в Париж, где живет и работает до последних дней жизни. Шестой бюллетень Кучинского института выходит уже в Париже в 1920 г. При сотрудничестве с французским Министерством авиации, механическим институтом в Париже и Французским Национальным центром Рябушинский продолжает осуществлять изыскания по тем проектам, которые были задуманы им в России, и вносит ценный вклад в область механики жидкостей и баллистики, где он был настоящим новатором.

Весьма значительна и преподавательская деятельность Рябушинского. Она развивается в Париже, в Сорбонне, и в Русском техническом институте, где он возглавлял кафедру теоретической механики и совет профессоров. Д.П. Рябушинского, преданного почти полному забвению в собственной стране, в 1935 г. избирают членом-корреспондентом Французской Академии наук и в 1929 г. чествуют в Париже в присутствии ученых всего мира по случаю 25-летия основания Аэродинамического института в Кучине и в 1954 г. по случаю 50-летнего юбилея его научной деятельности.

Д.П. Рябушинский участвовал и в общекультурной жизни российской эмиграции как председатель Русского научно-философского общества и Общества охраны русских ценностей за рубежом.

Георгий Александрович Ботезат. Ботезат (1882–1940), получив образование в области математики и механики в лучших университетах Европы, вернулся в Россию и посвятил себя разработке теоретических основ авиации. Своими исследованиями по теории устойчивости полета самолета и теории воздушного винта он получил мировую известность, Ботезат являлся профессором Петербургского политехнического института и считался одним из ведущих авиационных специалистов в России. В годы Первой мировой войны он был научным консультантом при Военном министерстве, инициатором создания и руководителем авиационного научного центра на Черном море. Вскоре после революции он эмигрировал в США, чтобы иметь возможность продолжить заниматься научной деятельностью.

В США Г.А. Ботезат получил место научного консультанта крупнейшего в этой стране научно-экспериментального авиационного центра NASA. В 1922 г. по контракту с американским правительством он построил один из первых в мире вертолетов. Это был первый американский вертолет, способный совершать полеты. Позднее, в конце 30-х гг., Ботезат на собственные средства сконструировал еще один летательный аппарат, на этот раз не многовинтовой, а соосной схемы.

Помимо авиаконструкторской работы Г.А. Ботезат продолжал заниматься научной деятельностью. Сфера его научных интересов была очень широка – теория авиации, математика, физика и даже экономика и социология. Профессор Г.А. Ботезат был выдающимся ученым-теоретиком. Но в конструкторской деятельности ему не доставало инженерной интуиции и практического опыта. Безупречные с теоретической точки зрения летательные аппараты его конструкции оказывались малопригодными для практического использования.

Игорь Иванович Сикорский. Наиболее значительное место среди русских и зарубежных авиаконструкторов занимал Игорь Сикорский, внесший огромный вклад в развитие авиации. Это был человек сложной судьбы, с его именем связаны первые полеты российских аэропланов, которые во многом оказались лучше иностранных самолетов.

Сикорский родился 25 мая (6 июня) 1889 г. в Киеве, в семье врача-психиатра, профессора Киевского университета. В 1906 г. он окончил морской кадетский корпус в Петербурге и вернулся в Киев. Однако его желание поступить в Киевский политехнический институт не осуществилось, т.к. в это политически напряженное время институт приостановил свою деятельность из-за студенческих волнений. Сикорский уехал в Париж, где поступил в техническую школу. Через год он вернулся в Киев и был принят в политехнический институт.

Однако закончить институт ему воспрепятствовала непреодолимая увлеченность авиацией. Сикорский активно включился в конструкторскую деятельность. Первая модель самолета оказалась безуспешной из-за недостаточной подъемной силы мотора. Удачными были последующие модели: С-3 и С-4. Более совершенной стала конструкция модернизированной модели самолета типа С-6, на котором был установлен рекорд скорости полета, и Сикорский в 1912 г. за С-6 был награжден на московской воздухоплавательной выставке Большой золотой медалью.

На конструктора обратило внимание руководство Русско-Балтийского завода, куда он вскоре был приглашен на должность главного конструктора авиационного отдела завода. Здесь И.И. Сикорский широко развернул свою конструкторскую деятельность. Вслед за С-6 последовал военный самолет С-6Б, занявший первое место в конкурсе военных аэропланов отечественных и зарубежных конструкторов. Если все предыдущие самолеты Сикорского были бипланами (двухкрылыми), то самолет С-7 он конструирует как монопланную (однокрылую) модель. В 1913 г. конструктор создал тренировочный самолет С-12, который был предназначен для обучения курсантов выполнению

фигур высшего пилотажа. Не оставила без внимания пытливая мысль Сикорского и гидроавиацию. В эти годы он построил первые русские гидросамолеты С-10 и С-15.

Еще в первые годы конструкторской работы Сикорский вынашивал идею – построить многомоторный самолет для пассажирских и грузовых перевозок. И вот в марте 1913 г. он создает невиданный до сих пор четырехмоторный аэроплан «Гранд», переименованный в июне после испытательных полетов и конструкторской доработки в «Русский витязь». Это породило новое направление в авиации – тяжелое самолетостроение, в том числе военное.

В конце 1913 г. Сикорский сконструировал, а завод построил воздушный лайнер С-22 – «Илья Муромец», который имел комфортабельный пассажирский салон с электрическим освещением и отоплением. На этом самолете с шестнадцатью пассажирами на борту был установлен рекорд грузоподъемности. В июне 1914 г. на втором «Илье Муромце» был осуществлен перелет Петербург – Киев – Петербург, который доказал, что самолеты такого типа могут быть использованы как воздушные корабли, годные для гражданского и военного применения. За создание многомоторных самолетов И.И. Сикорский в 1914 г. получил диплом инженера. Русский конструктор получил мировую известность. Первое место в развитии бомбардировочной, в частности тяжелой, авиации в годы мировой войны занимала Россия. Созданные Сикорским тяжелые четырехмоторные бомбардировщики типа «Илья Муромец» не имели равных в мире. Самолет поднимал до 800 кг бомб, был вооружен 3–7 пулеметами, оснащен передовым по тому времени навигационным оборудованием и имел экипаж из восьми человек. Самолеты И.И. Сикорского представляли собой талантливые самобытные конструкции.

Произошедшие подряд две революции в России развалили отечественное авиастроительство. Советской власти было не до самолетов. Большевики перепрофилировали производство Русско-балтийского завода и Сикорский остался без работы. В эти материально и морально тяжелые дни ученый получил приглашение от зарубежных дипломатических представителей продолжить работу авиаконструктора во Франции. В январе 1918 г. он покинул Россию, однако в новой стране обитания пробыл недолго.

После окончания Первой мировой войны снова безработный Сикорский переезжает в США. Но и в этой стране, потерявшей, как и Франция, интерес к авиации после войны, он был вынужден в первые годы существовать за счет случайных заработков. В 1923 г. Сикорский вместе с группой русских эмигрантов организовал небольшую фирму «Сикорский аэроинжиниринг корпорейшн». При поддержке состоятельных соотечественников, особенно С.П. Рахманинова, фирма постепенно приобретала силу. Игорь Иванович создал несколько типов самолетов различного назначения, преимущественно тяжелых аэропланов. В 1928 г. его десятиместный самолет-амфибия С-38 вырвался, наконец, в конкурентной борьбе на рынок.

В 1928 г. фирма переводится в г. Стратфорд под названием «Сикорский Эркафт Корпорейшн». Вокруг фирмы сформировалась в 30-е гг. колония русских эмигрантов, большинство из которых работали здесь рабочими и инженерами. Работы многих инженеров получили известность. Следует отметить, что русские инженеры и летчики в 20–30-х гг. сумели зарекомендовать себя так хорошо в Америке, что при образовании новых предприятий лица, их финансирующие, ставили условия, чтобы половина инженеров была русской.

За свою авиаконструкторскую деятельность И.И. Сикорский создал 42 основных типа самолетов и ряд их модификаций. Но по-прежнему он не отверг своего увлечения молодости – вертолеты. В 1939 г. фирма Сикорского была слита с фирмой «Воут». Правление корпорации выделило конструктору небольшие средства на создание экспериментальной модели вертолета. Такой аппарат был изготовлен 14 сентября 1939 г. по одновинтовой схеме, ставшей наиболее перспективной для последующих моделей всех

весовых категорий вертолетов. Эта схема была принята многими другими конструкторами вертолетов в различных странах.

Второй моделью после экспериментальной, поднявшейся в воздух, стал двухместный вертолет С-47, который был запущен в крупносерийное производство. Эти вертолеты приняли участие во Второй мировой войне. Вся последующая жизнь И.И. Сикорского была связана с вертолетостроением. За С-47 последовали другие типы: легкие связные, легкие многоцелевые, транспортные всех весовых категорий.

Сикорский скончался 26 октября 1972 г. от сердечного приступа. Создателю первых трансокеанских лайнеров и мирового серийного вертолетостроения в главном здании фирмы, в фойе был поставлен бронзовый бюст. На пьедестале выбито: «Игорь Сикорский. 1889–1972». В фирме есть мемориальный музей, где собраны вещи, принадлежавшие И.И. Сикорскому. В фирме «Сикорский» работает сын великого русского авиаконструктора – Сергей Игоревич Сикорский. Он занимает пост вице-президента фирмы по специальным проектам. В прошлом Сергей Сикорский – летчик, 45 лет летал. Участник Второй мировой войны. Был летчиком-испытателем в фирме отца.

Второй «русской» авиационной фирмой в США была «Северский (потом «Репаблик») Корп». Ее создателями стали бывшие офицеры русской армии Прокофьев-Северский и Картвелов. Фирма специализировалась на строительстве истребителей, в том числе лучшего американского самолета Второй мировой войны – истребителя «Тандерболт».

В годы войны М. Струковым в США была создана фирма, разработавшая ряд удачных военно-транспортных самолетов. Русские авиационные специалисты трудились как на «русских» фирмах, так и на чисто американских авиастроительных предприятиях (Захарченко, Петров, Ваттер), а также в системе высшего авиационного образования (Никольский, Гарцев, Акерман и др.). Русские авиационные инженеры внесли большой вклад в развитие техники США, Франции, Германии, Бельгии, Югославии.

Русские ученые, конструкторы, инженеры, оказавшиеся за рубежом, прославили своим талантом и трудом русскую науку и технику, свою Родину. Процесс возвращения имен, замалчивавшихся несколько десятилетий, еще только начался. Дальнейшие исследования историков, специалистов других отраслей науки ставят своей целью сбор и систематизацию сведений о выдающихся соотечественниках-эмигрантах, что позволит в будущем создать единую русскую науку.

Заслуживает внимания исследователей научная деятельность и других русских ученых-эмигрантов, не названных выше. Так, в Пастеровском институте в Париже вместе с С.Н. Виноградским работал ученый С.И. Метальников, разрабатывавший проблемы иммунитета и изучавший защитные свойства фагоцитов. Профессор В.К. Агафонов создал во Франции научную школу в области почвоведения. Он руководил составлением первой почвенной карты Франции. В области зоологии и ботаники заметных результатов достиг К.Н. Давыдов – специалист в области сравнительной эмбриологии, исследователь фауны Индокитая.

В Париже, а затем в Праге жил известный русский геолог, один из основоположников палеоэкологии, член Петербургской Академии наук Н.И. Андрусов. В Карловском университете в Праге работали М.М. Новиков – руководитель кафедры зоологии, профессор В.С. Ильин. В Харбине жил и вел научную работу по изучению почв и растительности Маньчжурии и Северо-Восточного Китая Т.П. Гордеев. В США инженер-кораблестроитель В. Юркевич принимал активное участие в проектировании и строительстве океанского лайнера «Нормандия».

ГЛАВА III. ФИЛОСОФСКИЕ И СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ МЫСЛИ РОССИЙСКИХ ЭМИГРАНТОВ

Начиная с 70-х гг. прошлого века, когда стал расцветать талант будущих корифеев русской общественной мысли, центр мировой философской науки постепенно перемещается в Россию. Процесс развития русской философской и социологической мысли при многообразии их идеологических порой враждебных, направлений и оттенков отражал своеобразные, особенные черты и факторы истории страны.

Наиболее яркими представителями русских философских и социологических школ конца XIX – начала XX вв., «серебряного века» русской культуры, были Вл. Соловьев, Н.Ф. Федоров, Н.А. Бердяев, С.Н. Булгаков, П.Б. Струве, Н.О. Лосский, С.Л. Франк, Лев Шестов, П.А. Флоренский, И.А. Ильин, С.Н. и Е.Н. Трубецкие, Л.П. Карсавин, Б. Вышеславцев, П.И. Новгородцев, В.Ф. Эрн, Ф.А. Степун, Г. Федотов, П.А. Сорокин, С.Н. Прокопович, М.И. Туган-Барановский, А.Ф. Лосев, Б. Кистяковский. Ныне их труды, наконец, стали опубликовываться в России и читаются с интересом, т.к. в них трактуются некоторые проблемы, не потерявшие научной значимости в наши дни.

В «Истории философии в СССР» определяются такие философские направления в России на рубеже конца XIX – начала XX вв., как дворянско-помещичья идеология, базировавшаяся на принципе «православия, самодержавия и народности» – «триединой формуле», и религиозно-философское течение (богоискательство), философия и социология либерально-буржуазного направления, буржуазно-демократические философские и социологические концепции (мелкобуржуазных партий – трудовики, эсеры и др.), распространение и развитие марксистской философии⁹⁶.

В упомянутом труде история русской и марксистско-большевистской философии рассматривается в данный период как процесс непримиримой борьбы диалектического материализма с идеализмом, с теоцентрическим философствованием русских ученых, в которой победу во всех концептуальных столкновениях одерживает «единственно научный» первый над «ложным и реакционным» вторым. По своей напряженности и враждебности эта бескомпромиссная борьба, особенно после прихода к власти большевиков, не имела аналогов не только в российской, но и в мировой истории философии. Одним из итогов этого противоборства и явилась высылка «немарксистских» философов в 1922 г.

Действительно, многие русские философы в начале бурного XX в. не отстранились от острых политических проблем и включились в борьбу идеологических течений. Об этом свидетельствует их авторское участие в сборниках «Проблемы идеализма» (1902) и «Вехи» (1909), в которых нашло свое выражение изменение умонастроений русской интеллигенции, и в социально-философском сборнике «Из глубины» (1918), ставшим политическим манифестом антиреволюционной интеллигенции. Возникновение множества тенденций в русской философии относится именно к периоду после революции 1905 г.

Основной характерной чертой русской философии Н.О. Лосский, известный философ, автор книги «История русской философии», считает ее религиозность. Конец XIX – начало XX в. – эпоха религиозно-философского возрождения, наивысшего взлета духовности в России. Особенно сильное воздействие на развитие этого течения в общественной мысли оказали религиозно-философские идеи В. Соловьева, влияние которых воплотилось в создании русской школы религиозных мыслителей. Русские философы творчески выражали религиозные и философские традиции Владимира Соловьева (1853–1900).

Основу религиозной философии, всеобъемлющего христианского мировоззрения, составляет сочетание теории о мире как едином органическом целом, познания сокро-

⁹⁶ История философии в СССР. М. : Наука, 1971. Т. 4. С. 20–48.

венной сущности бытия с религиозным опытом, завершающее смысл вселенского существования. Русская философия имеет свои национально-исторические традиции и корни, она окрашена в национальные тона, в ней отражена тысячелетняя культура народа. Это философия созидания, творящего духа, нравственных ценностей, любви и гуманизма, а не классовой борьбы и разрушения.

По канонам религиозных философов, Бог воплощает в себе идею любви, которая преобразует жизнь человека, а затем и Вселенной. Русские мыслители проповедовали идею единства общего и единичного, при сохранении полного духовного богатства личности, которая составляет сущность «соборности». Таким образом, «любовь, соборность, космическая вовлеченность – три проблемы, три признака русской религиозной философии, выдвинувших ее на мировой и вполне современный уровень. Это то общее, что объединяет в одно целое различные, порой резко отличающиеся друг от друга фигуры нашего культурного ренессанса конца прошлого – начала нынешнего столетия»⁹⁷.

Заслуживает внимания оценка Н.О. Лосским развития русских философских течений после Октябрьской революции. Он пишет: «Большевистская революция уничтожила весь этот свободный расцвет духовной жизни. С тех пор русская философия развивается в двух прямо противоположных направлениях. В Советской России любой философ, а также, конечно, любой ученый и педагог обязан твердо придерживаться позиций диалектического материализма. С другой стороны, философы, эмигрировавшие или высланные из России, занимаются в основном проблемами религиозной философии»⁹⁸.

Русские философы обогатили не только религиозную философию (можно сказать, создали русскую религиозную философию), но и внесли немало ценных идей в область гносеологии, метафизики и этики, пополнивших общечеловеческую культуру. Идеи религиозных философов-эмигрантов смыкались с французским персонализмом, который был популярен в России и обогащенный русскими идеями вернулся во Францию.

Русская зарубежная философская школа продолжала развиваться по двум взаимосвязанным главным идейным направлениям – идеалистической метафизике и философской антропологии, которые «уходили корнями в онтологию, основанную на признании экзистенциальной и исторической автономии человеческого духа как творения Бога, обладающей лишь той степенью свободы, которую Бог предоставляет своим созданиям»⁹⁹. Русские философы «внесли заметный вклад в развитие и популяризацию экзистенциализма и христианского подхода к социальным и эстетическим проблемам»¹⁰⁰.

В нашу задачу не входит рассмотрение истории русской философии первой половины XX в. с раскладкой по идейным течениям. В данной главе делается попытка воспроизведения некоторых концептуальных позиций ряда выдающихся философов-эмигрантов, их мировоззрения по принципу «личностного» подхода к истории русской философии.

Бердяев Николай Александрович. Родился 6 (18) марта 1874 г. в Киеве, в дворянской семье. В юности Бердяев по традиции был помещен в Киевский кадетский корпус, затем учился в Киевском университете на естественном факультете, но вскоре перешел на юридический. В университете он включился в «легальный марксизм», который был популярен в России в 90-х гг. XIX в. среди либерально-буржуазной интеллигенции. Студента Бердяева арестовывают как участника большой студенческой демонстрации, а в 1898 г. исключают из университета и ссылают на три года в Вологду. В 1904 г. он переезжает в Петербург, где редактирует журнал «Вопросы жизни».

⁹⁷ Гулыга А. Русский религиозно-философский ренессанс // Наш современник. 1990. № 7. С. 187.

⁹⁸ Лосский Н. О. История русской философии. М.: Высшая школа, 1991. С. 22.

⁹⁹ Раев М. Россия за рубежом. История культуры русской эмиграции. 1919–1939. М.: Прогресс-академия, 1994. С. 135.

¹⁰⁰ Там же. С. 136.

Как «легальный марксист» Н. Бердяев выступил в двух следующих работах. Статья «Ф.А. Ланге и критическая философия в ее отношении к социализму» была напечатана в 1899 г. в журнале «Новое время» – теоретическом органе мировой социал-демократии. В 1901 г. была опубликована его книга «Субъективизм и индивидуализм в общественной философии. Критический этюд о Н.К. Михайловском». Бердяев с позиций «легального марксизма» противопоставляет субъективному методу Михайловского в социологии исторический материализм и призывает к «этическому социализму». Исторический материализм воспринимается им весьма своеобразно и со значительными отступлениями от материалистического понимания истории. Бердяев критически оценивал в последующих работах принцип исторического материализма о первенствующем значении общественного бытия над общественным сознанием. Не признавал он определяющую роль экономических законов в общественной жизни, в исторической деятельности людей, хотя и не отрицал некоторую взаимосвязь между ними.

Процесс познания объективной действительности Бердяев конструирует не по принципу диалектического материализма с его единством абсолютной и относительной истин, а разделяет и обособляет их. Сам он позже скажет: «Первая моя книга "Субъективизм и индивидуализм в общественной философии" представляла попытку синтезировать марксизм с идеологической философией Канта и Фихте»¹⁰¹. С идеологических позиций Канта решает Бердяев и этические проблемы. Эту концепцию он развивает в работе «Этическая проблема в свете философского идеализма». Проблемы этики займут одно из центральных мест в последующих философских трудах ученого.

Увлечение Бердяева «легальным марксизмом», как и приверженность кантианству, было преходящим, хотя полемику с марксизмом, затем с марксизмом-ленинизмом он не прекращал до конца своей философской деятельности. Под воздействием русских мыслителей В.С. Соловьева, Л.Н. Толстого, Ф.М. Достоевского, Д.С. Мережковского, «отцов церкви» в воззрениях Н.А. Бердяева происходит смещение в сторону религиозно-нравственных проблем, к богоискательству ради поиска смысла жизни в организации человеческого общежития, покоящегося на религиозных основах. Переход Бердяева от «легального марксизма» и неокантианства к богоискательству был эволюционным и начался еще до 1905 г. В 1902 г. он вместе с П. Струве и С. Булгаковым издает сборник, в котором подвергает критике материализм, атеизм и вульгарно-материалистический позитивизм. Этот переход, помимо поиска решений религиозно-нравственных проблем, имел политические предпосылки и причины. После 1905–1907 гг. богоискательство Бердяева приобретает явно политический характер. Он становится на путь неревolutionного развития России.

Н. Бердяев не принимал самодержавия, предрекал гибель старой России, судьбу отечества связывал с обновлением православия, пересмотром официальных церковных канонов, с рождением «нового религиозного сознания», которое обогатит культуру и снимет напряженность социального развития. Он призывал убить «зверя политики», устранить всякую партийную борьбу. Труднопроходимой преградой на этом пути Бердяев считает укрепление революционного сознания интеллигенции, которое она стремится породить и в народных массах, препятствуя приобщению их к новому религиозному сознанию. После революции 1905 г. Бердяев открыто признал опасность тенденций социалистического движения в России по марксовской модели.

В последующие годы, вплоть до Октябрьской революции, в творчестве Бердяева превалировали такие проблемы и концепции, как трактовка марксистского социализма в виде особой религии (лжерелигии), философия человека, понятие личности (начальная стадия экзистенциализма в философии Бердяева), восстановление религиозного

¹⁰¹ Бердяев Н. А. Истоки и смысл русского коммунизма. М., 1990. С. 90.

смысла жизни, «новое религиозное сознание», концепция философии свободного духа, духовная революция. Надвигающиеся революционные события 1917 г. вызывают у Бердяева предчувствие трагизма бытия, разрушительного «конца истории», под которым он понимал крушение специфической роли России в мировой истории. Большевистскую революцию Бердяев не принял. Философ признает и высказывается за утверждение в России принципов правового государства, с незыблемой конституцией, приемлемой для народа по своей социальной основе.

В 1918 г. он написал теоретико-публицистический трактат «Духи русской революции», который был помещен в сборнике статей о русской революции «Из глубины». В своей работе Бердяев констатирует, что с Россией в результате революции «произошла страшная катастрофа», одной из предпосылок которой является морально-психологический фактор. Философ отмечает, что бесы бунтарства давно вселились в души русских людей, породив черту национального характера. Духи русской революции начали витать над российской землей еще в прошлом веке. «Злые духи, которых видел Гоголь в их статике, вырвались на свободу и учиняют оргию. Их гримасы приводят в содрогание тело несчастной России»¹⁰². Осенью 1922 г. Н.А. Бердяев вместе с другими учеными был выслан из России.

В эмиграции философ оказался одним из самых плодотворных и читаемых русских мыслителей, живущих напряженной творческой жизнью, не подавленной ностальгией. Среди наиболее известных его трудов, написанных в эмиграционный период и принесших ему мировое признание, можно назвать следующие: «Мировоззрение Достоевского», «Смысл истории», «Новое средневековье», «Судьба человека в современном мире», «Размышление о судьбе России и Европы», «Христианство и классовая борьба», «О назначении человека», «О рабстве и свободе», «Русская идея», «Типы религиозной мысли в России», «История и смысл русского коммунизма», «Опыт эсхатологической метафизики», «Экзистенциальная диалектика Божественного и человеческого», «Самопознание».

Философское учение Н. Бердяева как в доэмиграционный, так и в зарубежный периоды можно разделить на две взаимосвязанные системы: систему социальных проблем и осмысление «кризиса современности», рассматриваемых с религиозных позиций, и систему философских взглядов, посвященных проблемам религиозной философии, в том числе экзистенциализму (философии существования) или христианскому персонализму, т.е. философии свободы, который начал складываться у Бердяева в канун Первой мировой войны и окончательно сформировался в эмиграции.

Философский интерес Бердяева к феномену свободы не случаен. Он был выдающимся русским экзистенциалистом. В центре его внимания находится человек как конкретная неповторимая личность, ответственный за все, что происходит в истории, и способный изменить что-либо в ходе событий. Философия экзистенциализма Бердяева выступает в рамках «философии свободы». При этом свобода понимается как врожденная «свобода воли», дающая человеку право действовать по своей воле.

Свобода, считает Бердяев, первичнее бытия, предшествует ему. Богу подвластно бытие, но он не властен над не сотворенной им свободой человека. Философ категорически отвергал всякую организацию, построенную на принуждении. Он не хотел подчиняться никаким уставам – ни светским, ни церковно-ортодоксальным. Абсолютная внутренняя свобода – вот его фундамент. Свобода предшествует добру и злу, но при соответствующих условиях порождает их. В работе «Экзистенциальная диалектика Божественного и человеческого» Бердяев утверждает, что зло можно победить только изнутри, а не насильственным истреблением.

¹⁰² Бердяев Н. А. Духи русской революции. «Из глубины» : сб. ст. о русской революции. М., 1990. С. 62.

Одной из самых известных книг Н. Бердяева, написанных в эмиграции, признана книга «Истоки и смысл русского коммунизма» (1937). Идейные истоки и социальную обусловленность русской революции и русского коммунизма автор видит во внутренней закономерности истории русского народа: в его душевной структуре, специфических традициях и тенденциях российской мысли и жизни как религиозной, так и светской, в общественных, философских течениях и в литературе XIX–XX вв. Именно здесь, по убеждению автора, и следует искать истоки перерождения социалистического движения в режим тоталитарного типа, соединившего воинствующее мессианство, отрицание самоценности личности, права которой растворились в самодовлеющей, абсолютной всеобщности и уравнительности, и «фантастическая нетерпимость».

Н.А. Бердяев обозревает смысл русского коммунизма, прежде всего, в целях и сущности русской революции и послереволюционных последствиях; в коммунистической диктатуре, основанной на ортодоксальной вере; в ленинской государственной стратегии и тактике коммунистов; в положении народа и его жизни в условиях сталинской деспотии и террора карательных органов; в коммунистической индустриализации народного хозяйства и беспощадной аграрной политике; в отношении коммунистов к христианской религии. Коммунистическое государство – тоталитарное государство, подавившее революционный дух и свободные искания. Коммунисты поставили народ «в крепостную зависимость по отношению к государству». Бердяев называет коммунистический строй России 30-х гг. крепостным строем, который «подлежит нравственному суду», заключает автор. По убеждению Бердяева, то, что стало русским вариантом коммунизма, не только утопично, но и опасно для человечества.

Незадолго до смерти Н.А. Бердяев закончил книгу «Самопознание: опыт философской автобиографии» (Париж, 1943). Это уникальное для философской литературы XX в. произведение с глобальной религиозно-философской проблематикой, краткий очерк всех аспектов мировоззрения русского мыслителя, позволяющий проследить его творческую эволюцию. Создается ощущение, что Бердяев постоянно, без возврата к уже выработанным логическим ступеням, строит лестницу своего мирозерцания.

Примечательна мысль Бердяева в «Самопознании», которая вскрывает еще одну сторону его мировоззрения. «Я пережил русскую революцию как момент моей собственной судьбы, а не как что-то извне мне навязанное. Эта революция произошла со мной, хотя бы я относился к ней очень критически и негодовал против ее злых проявлений... Ответственны за революцию все, и более всего ответственны реакционные силы старого режима. Я давно считал революцию в России неизбежной и справедливой»¹⁰³.

Н.А. Бердяев, автор около 500 переведенных на многие языки работ, умер в Франции в 1948 г.

Сергей Николаевич Булгаков. Философ, богослов, экономист, С.Н. Булгаков родился 16 июня 1871 г. в г. Ливны Орловской губернии в семье священника. Отец готовил сына к духовной карьере. После окончания духовного училища Булгаков поступил в Орловскую духовную семинарию, но в 1888 г., усомнившись в религиозных догматах и под влиянием материалистических идей, оставил семинарию и перешел в Елецкую гимназию. В 1890 г. был принят в Московский университет на юридический факультет. В 1894 г. окончил университет и был оставлен при кафедре политической экономии для подготовки к преподаванию.

Еще в семинарские годы юный Булгаков увлекся марксизмом. В 1897 г. он выступил как легальный теоретик-марксист, написал книгу «О рынках при капиталистическом производстве», рассматривая эту проблему в основном с позиций «экономическо-

¹⁰³ Бердяев Н. А. Самопознание. Л., 1991. С. 220.

го материализма», печатался в марксистских журналах. Но уже в 1890-х гг. он выступал с критикой и ревизией классического марксизма.

В 1901 г. Булгаков защитил магистерскую диссертацию «Капитализм и земледелие», которая не потеряла своего научного значения и в наши дни. Книга в двух томах с таким же названием была написана им в 1900 г. С. Булгаков как политический экономист доказывает на фактическом материале несостоятельность марксовой теории концентрации производства в земледелии, обосновывает преимущество мелкого земледелия – прообраза российского фермерства, его «устойчивость» и «жизнеспособность» в сельском хозяйстве. Есть основание предполагать, что П.А. Столыпин принял за основу земельной реформы в России аграрную экономическую концепцию Булгакова. После защиты диссертации С.Н. Булгаков становится профессором политической экономии Киевского политехнического института (1901–1906).

В последующих своих работах он неоднократно выступал против марксизма с позиций неокантианства и философии В. Соловьева. Отказ от диалектического материализма во имя позитивизма явился логическим обоснованием перехода от легального марксизма к идеализму. Он становится на позиции нравственных оценок в решении проблем теории и практики общественной жизни. Основные принципы общественной и личной жизни должны быть выработаны на основе этических и эстетических ценностей, безусловного подчинения нравственному долгу, и базой идеалов общественности является религия – Бог, без которого невозможна мораль.

В начале 1900-х гг. происходит окончательный духовный переворот Булгакова и его возврат к религии. В 1904 г. он вошел в редакцию религиозно-философского журнала «Новый путь», на страницах которого проповедовал идеализм как наиболее «прочный и широкий фундамент для всяких программ». В 1905 г. он встает во главе журнала.

В 1909 г. в журнале «Русская мысль» была опубликована статья Булгакова «Интеллигенция и революция». В ней автор сосредоточивает внимание на таких проблемах, как отношения науки и религии, нигилистический индивидуализм и духовная жизнь современности, мораль и красота. Булгаков указывает на два обозначившихся течения в истории русской мысли. Представители первого – это те, «которые остались духовно с народом в его мужицкой церкви» и вместе с ним верят в «живого Бога». Второе течение охватывает ту часть интеллигенции, которая «усвоила себе рационалистически-атеистическое мировоззрение». Неверие интеллигенции в Бога заменяется другой верой – верой в «научность, рационализм», атеизм как суррогат истинной веры. Догматика атеизма, говорит ученый, охватывает большую часть русской интеллигенции.

Предвидение народной трагедии пронизывает все творчество С. Булгакова с 1903 по 1917 гг. Его работы на поприще философа-богослова посвящены исследованию религиозных основ общества: «Два града. Исследования о природе общественных идеалов» (1911. Т. 1–2), «Философия христианства», «Героизм и подвижничество» и др. В центре этих трудов два пути религиозного самоопределения человека: религия «человекобожия» – человеческий род, класс, общество есть Бог для отдельного человека (человек, в образе Бога – освободителя человечества), и религия «Богочеловечества» – христианство, которое «пробуждает личность, заставляет человека ощущать в себе бессмертный дух, индивидуализирует человека, указывает для него путь и цель внутреннего роста»¹⁰⁴. Богочеловек – Бог с человеческим лицом пришел на землю как спаситель в образе человека.

Статья Булгакова «Героизм и подвижничество» является своеобразным обращением к наиболее радикально настроенной части русского образованного общества, она была опубликована в 1909 г. в сборнике «Вехи». Размышляя о русской революции

¹⁰⁴ Булгаков С. Н. Два града. М., 1911. Т. 2. С. 30.

1905–1907 гг., автор приходит к выводу, что русская интеллигенция, духовно оформившая «инстинктивные стремления масс», зажегшая их «своим энтузиазмом, словом», держит в руках судьбу России, хотя революция не дала того, чего от нее ожидали: разрушительные силы революции оказались сильнее созидательных.

Спасительная миссия интеллигенции воплотилась в героизме, который, по определению Булгакова, выражает основную сущность интеллигентского мировоззрения. Героизм интеллигента – это навязывание миру своего «Я» как сверхчеловека с ликом спасителя – «человекобог» с программой, заимствованной из программ политических партий или фракций. Коллективизм, любовь к народу, готовность к самопожертвованию на деле оказываются только позой.

Интеллигентскому героизму Булгаков противопоставляет «христианский героизм» – подвижничество. Подвижник верен Богу-Промыслителю, воля которого умиротворяет человечество. Подвижник лишен «героической позы» и притязаний на спасителя мира. Ему дорого сознание личного долга и его исполнения, которое наполняет душу «чувством здорового христианского смирения» как первой и основной христианской добродетели.

Сопоставляя героизм и подвижничество, Булгаков заключает, что при своем внешнем сходстве их проявления в христианской идее равенства и братства людей, в достоинство человеческой личности между ними не существует никакого другого сходства, они противоположны по задачам и сущности своих деяний.

2 июня 1917 г. В Москве на I-ом Всероссийском съезде духовенства и мирян с докладом выступил С.Н. Булгаков. Основной замысел его речи «Церковь и демократия» актуален и сегодня. Первая проблема, которая более всего заботила Сергея Николаевича, – это необходимость проведения грани между демократией и церковью, чтобы не отдаться новому господину, не склониться перед новым хозяином – «самодержавным народом», демократией. Очень внушительно звучит заключение речи о будущем православной России: «Если грядущая Россия, ее же ищем, станет строиться без имени Христова, если демократия российская окажется в духовном разрыве со святой Русью, то какую же цену она имеет, кому она нужна, кому из нас дорога будет отрешаясь от Христа Россия? Но да не будет!»¹⁰⁵.

1 января 1923 г. С.Н. Булгаков был выслан в Константинополь. Перебравшись в Прагу, он вместе с единомышленниками пражской эмигрантской группы основал «Братство св. Софии».

В 1925–1944 гг. С.Н. Булгаков жил в Париже. Преподавательскую деятельность продолжил профессором догматики и деканом русского Богословского православного института в Париже, в основании которого он принимал участие, где преподавал богословие. Научная деятельность Булгакова в эмиграционный период была посвящена в основном проблемам православной теологии. За рубежом философ-богослов создал такие работы, как «Купина неопалимая» (Париж, 1927); «Друг жениха» (Париж, 1927); «Лестница Чаковля» (Париж, 1928); «О Богочеловечестве»; трилогия – «Агнец Божий» (Париж, 1933), «Утешитель» (Париж, 1936), «Невеста Агнца» (Париж, 1945); «Автобиографические заметки» (Париж, 1946); «Философия имени» (Париж, 1953).

С.Н. Булгаков написал ряд историко-философских и эстетических очерков о русских и зарубежных писателях и мыслителях. Он много времени посвятил, особенно в последние годы жизни сближению православия с другими христианскими вероучениями (книга «Православие»). Умер Сергей Николаевич Булгаков 12 июля 1944 г. от кровоизлияния в мозг.

Петр Бернгардович Струве. В данной главе П. Струве рассматривается как философ и публицист, его экономические концепции анализируются в следующей. П. Стру-

¹⁰⁵ Булгаков Н. С. Церковь и демократия // Неделя. 1991. № 20.

ве, сын пермского губернатора, родился в 1870 г. В 1895 г. он окончил юридический факультет Петербургского университета. В студенческие годы увлекался марксизмом и встал на позиции социал-демократов. В середине 1890-х гг. развивающиеся либеральные тенденции во взглядах молодого Струве приводят его в лагерь «легального марксизма», где он вскоре становится крупнейшим его представителем, редактирует журналы «Новое слово» и «Начало». В этот период Струве становится противником самодержавия и в значительной мере социалистом; в 1898 г. создает «Манифест РСДРП». Однако в статье «Мои встречи и столкновения с Лениным» П. Струве писал, что его отношение к социализму было тогда «довольно холодным». Он вспоминает: «В марксизме я считал нерушимым то начало, что если социализм возможен как "прогрессивное" явление, то только через капитализм как зрелый и законченный след последнего»¹⁰⁶.

В 1900 г. Струве опубликовал в газете «Искра» две статьи, в которых выразил свои оппозиционные взгляды на отдельные вопросы программы и тактики социал-демократов. В этом же году он написал предисловие к книге Н.А. Бердяева «Субъективизм и индивидуализм в общественной философии», поддерживая идеалистические позиции автора. Эти работы стали своего рода «официальной заявкой» на идейно-философское размежевание с «легальным марксизмом». В начале 1900-х гг. Струве провозгласил свой переход к идеализму и, таким образом, эволюционизировал от «легального марксизма», «критического позитивизма» к «метафизическому идеализму с религиозно-идеалистическим уклоном».

В числе основных, ключевых проблем философской платформы Струве были государство, нация, культура. Сущностью государства является, с его точки зрения, обеспечение властью правовых общественных отношений, защита правовым порядком свободы, интересов человеческой личности, ее гражданского статуса, которые философ определяет как критерии самооценности человека и справедливости общественного порядка.

Основным началом национального бытия Струве считает национальный дух, сущность которого он видит в уважении к «истинному национальному», в любви к человеку, являющемуся создателем национального духа, творящей силой национальной культуры. Струве занимал позицию необходимости религиозно-философского решения этической проблемы. Он утверждал, что для религиозного мирозерцания самое «дорогое и важное» — это личное самоусовершенствование человека. Эти фундаментальные проблемы, создающие целостность и осмысленность социальному бытию, явились теоретическим и методологическим базисом многих научных исследований П. Струве в различных областях.

В 1917 г. П. Струве защитил в Киевском университете докторскую диссертацию «Хозяйство и цена» и был избран академиком Российской Академии наук. В 1917 г. он организовал «Лигу русской культуры». Политическую борьбу Струве вел в течение всей своей жизни через печать, но мало участвовал непосредственно в политических действиях.

Как крупнейший деятель российского либерализма, Струве старался подвести под практику либерализма прочную теоретическую основу. Эта линия была отражена в его статье «Интеллигенция и революция», помещенная в сборнике «Вехи». Он видел в русской интеллигенции не столько социальный слой, сколько определенную функцию, которая воплощалась в вечном несогласии, бунте, революционности.

Струве посвятил свою статью раскрытию «отщепенства» интеллигенции от государства, ее политического «отчуждения» после и под впечатлением поражения революции 1905–1907 гг. Это отщепенство, считает автор, выступает в абсолютном (анархическое отрицание всякого государства и общественного порядка) и относительном (конкретные варианты и формы русского социализма) видах, между которыми он не видит принципов

¹⁰⁶ Струве П. Мои встречи и столкновения с Лениным // Новый мир. 1991. № 4. С. 215.

альной разницы. Автор устанавливает причинно-следственную связь политического отчуждения интеллигенции с ее религиозным отщепенством. В свою очередь, атеизм повлек за собой отчуждение православного народа от интеллигенции, как от «безбожников», выступивших против царя, а значит, и против государственной власти.

Струве определяет и третью сторону отщепенства интеллигенции. Становясь на позиции «духовного казачества», она тем самым отщепляется и от «образованного класса», который выполняет специфическую социальную роль, общекультурную и общеобразовательную функции без всяких бунтарских и революционных помыслов. Итак, заключает Струве, безрелигиозное отщепенство интеллигенции от государства породило «и ее моральное легкомыслие, и ее неделовитость в политике»¹⁰⁷.

В феврале 1918 г. Струве задумал создать сборник статей, в котором авторы могли бы беспощадно констатировать сущность и масштабы катастрофы, постигшей Россию, дать обоснование Октябрьской революции и большевизму. Авторы назвали сборник «Из глубины». П. Струве написал для него статью «Исторический смысл русской революции и национальные задачи», которую можно назвать центральной в сборнике. Как приговор истории воспринимаются слова, которыми она начинается: «Русская революция оказалась национальным банкротством и мировым позором – таков непрерываемый морально-политический итог пережитых нами с февраля 1917 г. событий»¹⁰⁸.

По убеждению П. Струве, одной из главных причин-факторов, побудивших народ к массовому участию в революции, стали его разрушительные нравы, созревшие на почве старого режима. Вторая причина – нежелание и неспособность самодержавия пойти на реформирование системы власти, ее демократизацию. Вторая роковая ошибка самодержавия – это запоздание личного освобождения крестьян от крепостной зависимости, что отсрочило установление мелкой земельной собственности и землеустройство.

Народные массы не воспринимают цели социализма, констатирует Струве, но с радостью используют разрушительные средства по принципу «грабь награбленное». Социализм, в понимании народа, – это раздел имущества.

После поражения Белого движения П.Б. Струве эмигрировал в Чехословакию. В Праге он возобновил издание журнала «Русская мысль» (1921–1925) и напечатал в нем свои статьи: «Размышления о русской революции» (№ 1–2), в которой, в частности, критиковал эгалитарный принцип социальной политики большевиков, основанный на имущественном равенстве граждан, отрицал жесткое централизованное управление производством, в № 10–12 – статью «Пророк русского духовного возрождения». В 1923 г. в этом журнале (№ 6–8) была опубликована его статья «Познание революции и возрождение духа».

В 1925 г. Струве переезжает из Праги в Берлин. Здесь он редактирует ежедневную газету «Возрождение» (1925–1927), из которой «правые» вынудили его уйти, «Россию» (1927–1928), участвует в руководстве газетой «Россия и Славянство» (1928–1932). Отдавая все силы этой работе, он отвлекался от научной деятельности, поэтому не смог оставить крупного научного исследования. Наследие Струве эмиграционного периода состоит в основном из сборников статей.

П. Струве причислял сам себя к течению либерального консерватизма. Коренная эволюция его философских взглядов и политических позиций – от написания Манифеста РСДРП до сближения с правомонархическими группами и неудавшихся попыток объединить эмиграцию под предводительством великого князя Николая Николаевича – вызывала в эмигрантских кругах недоумение и непонимание, а нередко и упреки в шараханье и даже измене. После ареста в оккупированном нацистами Белграде и освобо-

¹⁰⁷ Струве П. Б. Интеллигенция и революция // Вехи : сб. М., 1990. С. 146.

¹⁰⁸ Струве П. Б. Доисторический смысл русской революции и национальные задачи // Из глубины : сб. М. : МГУ, 1990. С. 235.

ждения через три месяца П. Струве переезжает к сыновьям в Париж, где и проводит последние годы. Он ненавидел большевизм и нацизм, отождествляя их, но при этом вел в победу союзников и возрождение России. Умер П.Б. Струве в Париже в 1944 г.

Семен Людвигович Франк. С. Франк родился в Москве 16 (28) января 1877 г. в обрусевшей еврейской семье. Отец его был врачом. В 1892 г. семья переехала в Нижний Новгород. Здесь в 1894 г. Франк окончил гимназию. В 1894–1899 гг. он учился на юридическом факультете Московского университета.

Франк еще в гимназистские годы прошел «искушение» марксизмом, с 1893 г. состоял в марксистском кружке. В студенческие годы примкнул к социал-демократическому движению. В 1899 г. за пропаганду марксизма, составление антиправительственного памфлета и связь с социал-демократической организацией был арестован, исключен из университета и выслан на два года в Нижний Новгород. Университетский диплом получил в 1901 г., сдав экстерном экзамены в Казанском университете.

Начало XX в. стало для Франка сменой идеологической платформы. Он переходит от легального марксизма к идеализму, а затем, после принятия православия в 1912 г., к религиозному идеализму, которому остается верен до конца своей жизни. В канун первой русской революции Франк сближается с либеральным центром, но вскоре отходит от непосредственной политической деятельности. Он сосредоточивается на научной и педагогической работе, хотя не прерывает совместной работы со Струве на журнальном поприще.

Для сборника «Вехи» Франк написал статью «Этика нигилизма». Автор вводит в свое философско-этическое исследование идею всего сборника – обнажение духовной нищеты радикального нигилизма, разрушительной энергии «революционизма». Он создает нравственно-психологический портрет русской интеллигенции, которая ради моральных ценностей приносит в жертву теоретические, эстетические, религиозные ценности.

Основной задачей интеллигентов-нигилистов было скорейшее освобождение народа. А от чего надо было освобождать народ, как это сделать и что предложить взамен – этого нигилисты не знали. Важен был сам процесс борьбы, конца которому в середине XIX в. не было видно. Франк заключает: «Мы можем определить классического русского интеллигента как воинствующего монаха нигилистической религии земного благополучия»¹⁰⁹.

Революционные события 1917 г. побудили Франка выступить со статьей «Демократия на распутье», опубликованной в журнале «Русская Свобода» (1917 г., № 1), в которой он выделяет в социализме идею «внесения начал справедливости и человечности в социальные отношения, не предполагая, во что выльются справедливость и человечность в годы гражданской войны и строительства социализма в СССР.

В 1918 г. Франк написал для сборника «Из глубины» статью «De profundis», на первых страницах которой вскрыл сущность катастрофы, порожденной в стране Октябрьской революцией и гражданской войной. Автора более всего поражает то, что народ, всколыхнутый и обманутый лозунгами и призывами большевистских демагогов, добровольно бросился в разрушение, погромы, братоубийство. Он называет революционный взрыв в России самоубийством великого народа. Франк пытается ответить на извечный для русской интеллигенции вопрос: «кто виноват?» Философ усматривает источник зла, погубившего Россию, в «гибельности социалистической идеи» (прозрение наступило через год), которая охватила интеллигенцию и проникла в массы.

Задачу возрождения России Франк находит в возрождении и развитии духовной и общественной культуры «из глубоких исторических корней всенародного религиозно-общественного непонимания»¹¹⁰, в насыщении жизни духом высшего реализма,

¹⁰⁹ Франк С. Этика нигилизма // Вехи : сб. М., 1990. С. 177.

¹¹⁰ Франк С. Л. De profundis // Из глубины. М. : МГУ, 1990. С. 267.

включающего в себя «творческий идеализм внутреннего совершенствования»; в сбережении и передаче потомкам наследия предков, проявлении нравственного и духовного прошлого народа, развивающихся путем перевоспитания и совершенствования народной мысли и воли. В духовном единстве и духовном творчестве народа, в «религиозной осмысленности и национально-исторической обоснованности общественной и политической культуры» видит Франк избавление от хаоса, разрушения и становление России «на путь творчества положительного развития и самоутверждения жизни»¹¹¹. В этих исторически слагавшихся формах жизни Франк воспринимал идеал демократии «как внутренней обусловленности общественных отношений и политического строя на живом духе, конкретных нуждах и идеальных устремлениях народа»¹¹².

Осенью 1922 г. С.Л. Франк в числе других изгнанников был выслан в Германию. В эмиграции он не снизил своей научной активности. Сразу же по прибытию в Берлин, в 1923 г., написал для журнала «Русская мысль» статью «Из размышлений о русской революции», в которой развивает свою концепцию, изложенную в статье для сборника «Из глубины»: преодоление революции, ее разрушительных последствий возможно только через внутреннее духовное совершенствование народа, способствующее развитию нового религиозно-общественного творчества и национально-государственного сознания. Ученый считал, что стремление к созданию в Советской России новой культуры – пролетарской культуры, можно определить «как нашествие внутреннего варвара», направленное на разрушение классово чуждой ему культуры и вносящее хаос в социальную жизнь.

В конце 1937 г. Франк по причине фашистского антисемитизма покидает Германию и переезжает во Францию, в 1945 г. перебирается к дочери в Англию. В период эмиграции он плодотворно работал в области философии. Кроме указанных ниже работ, им были написаны «Живое знание. Сборник статей» (Берлин, 1923), «Основы марксизма» (Берлин, 1926), «Свет во тьме. Опыт христианской этики и социологии» (Париж, 1949), «Биография П.Б. Струве» (Нью-Йорк, 1956).

С. Франк был одним из ведущих представителей русского интуитивизма. Он, как и Н. Лосский, называл свою философию «идеал-реализмом». Его основные работы: «Философия и жизнь. Этюды и наброски по философии культуры» (СПб., 1910), «Предмет знания. Об основах и пределах отвлеченного знания» (Петроград, 1915), «Душа человека. Опыт введения в философскую психологию» (Москва, 1917), «Религия и наука» (Берлин, 1924), «Введение в социальную философию» (Париж, 1930), «Непостижимое» (Париж, 1939), «С нами Бог» (на английском языке, Лондон, 1946).

Книга «Предмет знания» посвящена гносеологии в идеалистическом направлении. Гносеологию Франк не мыслит обособленно от онтологии (учения о бытии как таковом). По его убеждению, это составные части единой теории познания. В письме к Лосскому в 1915 г. Франк, размышляя об интуитивистской гносеологии, писал, что «целью его книги является открытие онтологических условий возможности интуиции как непосредственного восприятия реальности, независимой от наших познавательных актов»¹¹³. Франк считал интуицию универсальным источником непосредственного восприятия, предшествующим логическому знанию и завершающим его. Он доказывает, что концепция сознания не является основной концепцией гносеологии, т.к. бытие не зависит от сознания, наоборот, – сознание зависит от бытия, мышление всегда основывается на интуитивном созерцании интегрального бытия.

Книга «Предмет знания» явилась крупным вкладом в онтологическую гносеологию, строящуюся в духе интуитивизма, оказывала существенное влияние на построение

¹¹¹ Франк С. Л. De profundis // Из глубины. М. : МГУ, 1990. С. 269.

¹¹² Там же. С. 268.

¹¹³ Лосский Н. О. История русской философии. М. : Высшая школа, 1991. С. 340.

христианского мировоззрения. Философ умело использовал ее при изложении основных положений христианства в книге «С нами Бог».

В книге «Душа человека» автор разрабатывает философские основы психологии, показывает, что «человеческая душа есть микрокосмос». Философские концепции, изложенные в «Предмете знания» и «Душе человека», нашли свое дальнейшее развитие в работе «Непостижимое» – учении, которое является центральным в философии Франка.

Умер С.Л. Франк в 1950 г. в Лондоне. Он оставил обширное творческое наследие по самым различным вопросам философии, религии, психологии, экономики, политики и литературы.

Николай Онуфриевич Лосский. Н.О. Лосский – выдающийся представитель русской философии XX в., один из основоположников интуитивизма в России, создатель оригинальной философской системы, глубокий знаток духовных достижений мировой цивилизации – родился 6 декабря 1870 г. в деревне Креславка Витебской губернии, в семье лесничего. В 1881 г. он поступил в гимназию в Витебске. В юности Н. Лосский увлекался революционно-демократическими идеями, атеизмом, за пропаганду которых был исключен из гимназии без права поступления в другие учебные заведения.

В 1892 г., добившись с помощью друзей семьи разрешения продолжить учебу в России, он поступает на естественнонаучное отделение физико-математического факультета Петербургского университета. В 1894 г. Лосский, окончательно убедившись, что его призвание – философия, поступает на первый курс историко-филологического факультета. Степень магистра Лосский получил в 1903 г., защитив диссертацию «Основные учения психологии с точки зрения волюнтаризма», доктора философии – в 1907 г.

Лосский мало интересовался идейно-политическими проблемами, будоражившими его философских единомышленников. Всплеск его политической активности приходится на 1917 г. Он пишет брошюру-манифест «Чего хочет партия народной свободы (конституционно-демократическая)?» (Москва, 1917) и статью «О социализме», где изложены его политические принципы – демократия и правовое государство, неприятие любого радикализма и культурного нигилизма.

В 1916 г. Н. Лосский становится профессором Петербургского университета. В послереволюционные годы он оставался профессором и читал курсы по логике и гносеологии. Осенью 1921 г. ученый вместе с большинством сотрудников кафедры философии был уволен из университета «за идеализм». В середине августа 1922 г. Лосский был арестован, а в ноябре выслан в Германию.

Из Берлина он переехал в Чехословакию, жил в Праге до 1942 г., был профессором Русского университета. Но оккупация Чехословакии немцами и лишение преподавательской работы делали жизнь ученого невыносимой. В 1942 г. Лосский переехал в Братиславу, где был избран профессором Братиславского университета и преподавал там до конца войны, оставив после себя сторонников интуитивизма.

В 1945 г. Лосский уезжает во Францию, а в 1946 г. – к своему сыну в США. Здесь он преподавал в Стэнфордском университете, а с 1947 по 1950 гг. – профессор Русской Духовной академии св. Владимира в Нью-Йорке. Завершив свою полувековую преподавательскую деятельность, ученый вместе с сыном переехал в Лос-Анджелес, где продолжил творческую работу. Умер Н.О. Лосский 24 января 1965 г., похоронен во Франции, на русском кладбище Сен-Женевьев-де-Буа под Парижем. Полная библиография всех трудов Н. Лосского насчитывает 276 названий работ, изданных на русском, французском, английском, немецком, чешском и словацком языках.

Из многочисленных трудов Н.О. Лосского в области философии следует выделить такие сочинения, как «Обоснование интуитивизма» (СПб., 1906), «Введение в философию» (СПб., 1911), «Мир как органическое целое» (Москва, 1917), «Основные вопросы гносеологии» (Петроград, 1919), «Логика» (1922), «Свобода воли» (Париж, 1927), «Типы

мировоззрений» (Париж, 1931), «Чувственная, интеллектуальная и мистическая интуиция» (Париж, 1938), «Бог и мировое зло» (Париж, 1941), «История русской философии» (Нью-Йорк, 1951), «Достоевский и его христианское миропонимание» (Нью-Йорк, 1953).

Эти сочинения свидетельствуют о глубоком интересе философа к проблемам гносеологии, психологии и логики, которые он решал с позиций интуитивизма. Философские воззрения Н. Лосского представляют собой «сплав интуитивистской гносеологии и персоналистической онтологии»¹¹⁴. Онтологию он называл «персоналистическим идеал-реализмом», гносеологию – интуитивизмом. В 1906 г. в Петербурге на средства университета была издана его книга «Обоснование интуитивизма». Она вызвала большой интерес в обществе, получила высокую оценку в философской среде.

В гносеологии Лосский – сторонник имманентной школы, по которой объект неразрывно связан с субъектом, бытие свойственно, присуще сознанию, растворяется в нем. Философ определяет, что познающий субъект непосредственно воспринимает транссубъективную, принадлежащую к объектам внешнего мира, реальность, именно не копию, не явление познаваемой вещи, а саму эту вещь в подлиннике. Эта теория непосредственного восприятия вместе с принципами имманентной школы в образе русской модели стала исходным положением теоретико-познавательной концепции Лосского, основой его гносеологизированного интуитивизма. В зависимости от характера объекта философ различает три восходящие ступени, или три вида его познания: чувственную, интеллектуальную, мистическую.

В теорию знания философ вводит идею гносеологической координации. Познание начинается тогда, когда на объект направляется серия «интенциональных (целевых) умственных актов» – осознания, дифференциации и т.д. При сохранении своей самостоятельности субъект и объект образуют равноправно координированное друг с другом единство, внешние объекты координируются с познающей личностью в их целостности.

В «Обосновании интуитивизма» обозначились основные принципы онтологии. Лосский устраняет разрыв между знанием и бытием. В его трактовке, интуитивизм утверждает, что знание есть сама действительность, сама жизнь, которая подвергнута дифференцированию путем сравнения. Это устраняет противоположность между знанием и бытием. Знание включает в себя реальную жизнь, но оно не является единственной формой бытия, т.к. «оно только включает в себя реальную жизнь, а не создает ее»¹¹⁵. Лосский видел в бытии определенную систему. Он различал в нем две основные стороны или формы – идеальное и реальное. Идеальное бытие – это «все то, что не имеет ни пространственного, ни временного характера». Реальное бытие – это все явления, «все, что дано в форме времени или пространства». Всякий предмет в окружающем нас мире идеально реален. В этой связи Лосский называет свою теорию «идеальным реализмом». Кроме указанных двух форм, философ отмечает металогическое бытие, которое выходит за пределы законов «тождества, противоречия и исключения третьего, например, Бога», т.е. законов формальной логики. Это бытие, по Лосскому, является «объектом мистической интуиции»¹¹⁶.

Тесное общение Лосского с деятелями нового религиозного сознания (Н. Бердяевым, С. Булгаковым и др.) оказало влияние на характер его мировоззрения. Н. Лосский 30-х гг. – это религиозный мыслитель, его научные интересы сосредоточиваются на духовно-нравственных ценностях. На завершающих стадиях своего философствования Лосский вступает в область теологии (богословия), сфера его интересов смешается к практической философии – этике. Как философа и моралиста, его, прежде всего, интересовали религиозно-нравственные основы общества. Все замыслы и стремления по-

¹¹⁴ История философии в СССР. М., 1971. С. 74.

¹¹⁵ Лосский Н. О. Обоснование интуитивизма. М.: Правда, 1991. С. 327.

¹¹⁶ Лосский Н. О. История русской философии. М., 1991. С. 323.

строения общества без нравственного обоснования, опираясь только на политические и экономические декреты, идеологические директивы или науку, неизбежно ведут к подавлению свободы личности, произволу и деспотизму, считает ученый.

Свое этическое учение Лосский определял как «христианскую теонормную этику любви». Этика нашла свое воплощение в онтологической теории ценностей. В основе учения – иерархический персонализм, из которого следует понимание свободы и любви как онтологических условий непосредственного и опознания абсолютных ценностей – моральной добродетели, любви к ближнему, красоты и истины. Заложенные в личности этические ценности представляют собой частичные абсолютные ценности как аспекты целого.

Творческое наследие Н.О. Лосского оказало заметное влияние не только на русские философские и богословские мысли, но и на философские течения на Западе, приобретая мировую известность.

Иван Александрович Ильин. Юрист, религиозный философ, идеолог христианской культуры, историк, публицист, И.А. Ильин родился 16 (28) марта 1882 г. в Москве. В 1906 г. окончил юридический факультет Московского университета. С 1916 г. он – профессор философии права университета. К 1918 г. Ильин – автор ряда фундаментальных исследований, широко известных не только в России, но и в Европе. Октябрьскую революцию он не принял и не скрывал своих политических взглядов. В 1922 г. ученый был арестован, приговорен к смертной казни, которая была заменена изгнанием из Советской России, и выслан на «философском пароходе».

Богатое творческое наследие И. Ильина насчитывает более 30-ти книг и брошюр и около 300 статей, большая часть из которых написана в зарубежный период. Уже сами названия книг и брошюр говорят об обширности и постоянстве тем и проблем в его творчестве: философия и религия («Вопросы философии и психологии», 1912; «Философия Гегеля как учение о конкретности Бога и человека». Пг., 1918, Т. 1–2; «Религиозный смысл философии», Париж, 1925; «О сопротивлении злу силою», Берлин, 1925; «Путь духовного обновления». Париж, 1937; «Аксиомы религиозного опыта», Париж, 1953, Т. 1–2); правосознание («Проблемы современного правосознания», «О сущности правосознания», Мюнхен, 1956); культура («Основы христианской культуры», «Основы художества», «О тьме и просветлении»). Творческие интересы Ильина сосредоточены на многообразном духовном проявлении человека, на вечных основах его бытия.

Наиболее значительным произведением ученого в области философии является двухтомник «Философия Гегеля как учение о конкретности Бога и человека», которое послужило поводом для советской школы причислить автора к представителям неогегельянства. В освоении философии Гегеля Ильин видел путь к самостоятельной работе «содержательного метафизического» мирозерцания.

В указанных выше работах в области религиозной философии ученый обращается к «феноменологии религиозного опыта», в центре которой стоит понятие «религиозного акта» как «личного духовного состояния» человека. Назначение философии он видит в «познании Бога и божественных основ мира».

Сторонник решительных, волевых актов, Ильин вызвал острую полемику своей наиболее известной после труда о Гегеле книгой «О сопротивлении злу силою». Философ – непримиримый противник учения Л.Н. Толстого о «непротивлении злу насилием». Он противопоставляет Л. Толстому свою мораль: «Сопротивление злу силою и мечом позволительно не тогда, когда оно возможно, но когда оно необходимо, потому что нет других средств. В этом случае не только правом, но и обязанностью человека является его вступление на этот путь, даже если это может повести к смерти преступника»¹¹⁷.

¹¹⁷ Лосский Н. О. История русской философии. М., 1991. С. 494.

Споря с последователями Толстого, автор писал, что и принцип государственного принуждения, и меч, и сопротивление злу силою приемлемы для православного христианина.

В Цюрихе, куда Ильин переехал из Берлина в 1938 г., он много писал, читал публичные лекции. Внезапная смерть 21 декабря 1954 г. прервала его напряженную творческую деятельность.

Лев Платонович Карсавин. Религиозный философ и историк, Л.П. Карсавин родился 1 (13) декабря 1882 г. в Петербурге. Окончил исторический факультет Петербургского университета, где позже занял кафедру истории. С 1916 г. он профессор этого университета. В 1922 г. был выслан из Советской России и поселился в Литве. С 1928 г. Карсавин – профессор университета в Каунасе, в 1940–1946 гг. – в Вильнюсе. В 1949 г. он был арестован советскими органами. Умер Лев Платонович 12 июля 1952 г. в Коми АССР, в лагере для заключенных, близ г. Инта.

Основные работы Карсавина: «Культура средних веков» (СПб., 1914), «Введение в историю» (Пг., 1920); «Восток, Запад и русская идея» (Пг., 1922); «Церковь, личность и государство» (1923); «Джордано Бруно» (Берлин, 1923), «Философия истории» (Берлин, 1923); «О началах» (Берлин, 1925), «Святые отцы и наставники церкви (изложение православия в их работах)» (1926), «О личности» (Каунас, 1929).

Книгу Л. Карсавина «Философия истории» Лосский назвал «исключительно ценной работой». На ее основе и в связи с ней строятся такие разделы философской системы Карсавина, как гносеология, этика, учение о личности, нации, церкви, государстве и др. Место и значение исторического бытия в мире автор рассматривает как в целом, так и по отношению к «абсолютному бытию».

Карсавин определяет, что история изучает «развитие человечества как единого всепространственного и всевременного субъекта»¹¹⁸. Развитие субъекта, по Карсавину, – это постоянное изменение, переход от одного из его состояний к другому, обусловленный «диалектической природой самого субъекта». Весь исторический процесс, считает философ, является «божественно человеческим». В истории развития любая личность достигает самого полного раскрытия всеединства, критерием которого является «специфическое отношение личности к абсолюту»: к истине, добродетели, красоте. Критерий приближения божественного человеческого процесса к идеалу должен быть найден в личности, наиболее полно выражающей абсолют, воплощенный в Боге.

В брошюре «Церковь, личность и государство» Карсавин выдвигает свою теорию об отношении церкви к государству. Он провозглашает церковь телом Христа, совершенством мира, спасенного сыном Бога. Государство только тогда будет христианским, когда оно станет «стремиться к истинам и идеалам церкви».

В работе «Восток, Запад и русская идея» Карсавин, сравнивая Восток, Запад и Россию, раскрывает центральную идею русской религиозности, в основу которой заложен абсолют как всеобъемлющее единство, поскольку положительное содержание человека есть содержание божественного бытия.

Федор Августович Степун (1884–1965). Ф. Степун – философ, историк, теоретик искусства. Выпускник Гейдельбергского университета, где получил философское образование. Его первоначальное увлечение неокантианством и феноменологией сменилось переходом к философии жизни и религиозному миропониманию («богоискательство»). В 1910 г. защитил докторскую диссертацию по философии истории Вл. Соловьева. В свое время Степун участвовал в демократическом движении России, интересовался социализмом. Октябрьский переворот воспринял как роковую неизбежность. В 1922 г. Степун был выслан из Советской России за инакомыслие.

¹¹⁸ Лосский Н. О. История русской философии. М., 1991. С. 390.

В эмиграции философ, размышляя о трагической судьбе послереволюционной России («Мысли о России»), отмечал, что русскому духу необходимо для исцеления от большевизма осознать, что произошло с Россией: понять, увидеть, откуда и о чем был ее бред и бунт. Одну из глубочайших стихий русской души он видел в большевизме. Большевики «оседлали и шпорили» стихию русского безудержа, но не управляли ею, не держали в своих руках поводьев событий. Поэтому вооруженная борьба с большевизмом бессмысленна и бесцельна, так как это будет кровавая борьба со всенародной стихией.

Однако Ф. Степун не отвергал иного противоборства большевизму. Он выступает за создание «единого фронта» не как политического объединения монархистов с эсерами и эсдеками, а как психологическое и культурно-философское сращивание «подлинно консервативных и творчески-революционных энергий русской души», чтобы осмыслить Февральскую революцию, которая положила этому начало, и к которому следует вернуться для утверждения буржуазно-демократического прогресса России. Степун писал: «Дело защиты патриотического смысла Февральской революции является прямой задачей консервативного фланга единой антибольшевистской послереволюционной демократической общественности»¹¹⁹.

Питирим Александрович Сорокин и его роль в развитии русской социологии. На рубеже XIX–XX вв. русские социологи стали играть весьма заметную роль в мировой социологической науке. Виднейшими представителями русской социологической школы были М.М. Ковалевский, Е.В. де Роберти, Н.И. Кареев, П.Ф. Лилиенфельд, Я.А. Новиков, А.С. Грачевский, С.А. Муромцев, Н.М. Коркунов, В.М. Хвостов, П.Н. Милюков, П.Г. Виноградов, В.Н. Ивановский, С.Н. Прокопович.

Социология, обретя позитивистскую направленность, основанную на принципе, что все подлинное, «положительное» (позитивное) знание может быть получено лишь как результат отдельных специальных наук и их синтетического объединения, была представлена в этот период в России несколькими разновидностями: органическое, социально-дарвинистское, психологическое, биосоциальное, этикосоциологическое, плюралистическое направления. В 1908 г. была создана первая в России кафедра социологии при психоневрологическом институте, которую возглавили М.М. Ковалевский и Е.В. де Роберти. В 1913–1914 гг. под их редакцией вышли четыре сборника «Новые идеи в социологии».

Видным представителем русской социологической школы был П.А. Сорокин. Родился он 21 января 1889 г. в с. Турья Яренского уезда Вологодской губернии. В 1909 г. он поступает в Петербургский психоневрологический институт. Через год переводится на юридический факультет столичного университета. В студенческие годы Сорокин примкнул к партии эсеров и включился в активную публицистическую деятельность.

В 1914 г. П. Сорокин окончил университет и был оставлен при кафедре уголовного права и судопроизводства для подготовки к профессорскому званию. В январе 1917 г. он получил звание приват-доцента Петербургского университета. В январе 1920 г. Сорокин избирается руководителем кафедры социологии, которую он основал в 1919 г. при факультете общественнознания Петроградского университета. В этом же году он становится профессором кафедры социологии. В 1922 г. Сорокин защитил докторскую диссертацию. В этот период он пишет популярные учебники по праву и социологии и публикует двухтомную «Систему социологии» (1920), ставшую вершиной его творчества русского периода и принесшую ему широкую известность в научных кругах Европы. Осенью 1922 г. П.А. Сорокин вместе с женой навсегда покинули Родину.

После непродолжительного пребывания в Берлине он переезжает в Прагу, где читает лекции в сельскохозяйственном институте, подготавливает к печати пять книг и

¹¹⁹ Степун Ф. Узлы судьбы (фрагмент из очерка «Мысли о России») // Новое время. 1991. № 17. С. 42.

приступает к написанию нового фундаментального труда – «Социология революции». Осенью 1923 г. Сорокин по приглашению видных американских социологов Э. Хайэса и Э. Росса навсегда перебирается в США. Он ведет занятия в Миннесотском университете. Годы, проведенные в Миннесоте, были весьма плодотворными. В 1925 г. выходит в свет его «Социология революции», за ней следуют «Социальная мобильность» (1927), «Современные социологические теории» (1928), «Основания городской и сельской социологии» (1929) и ряд других работ.

В 1930 г. всемирно известный Гарвардский университет учреждает социологический факультет и предлагает Сорокину возглавить его. На этом факультете он проработал профессором до 1959 г., до ухода на пенсию в возрасте 70 лет. Гарвардский период стал самым плодотворным в его жизни. Именно в этот период его труды приобретают мировую известность, а их автор и поныне считается крупнейшим социологом нашего столетия. Последние два года Питирим Александрович тяжело болел и 11 февраля 1968 г. он скончался в своем доме в Винчестере. В этом же году Американская социологическая ассоциация учредила ежегодную премию имени П.А. Сорокина за лучшую книгу по социологии. Наследие П. Сорокина поистине колоссально. Он автор полусотни книг, многочисленных статей, очерков. Его книги переведены на многие языки мира.

В представлении Сорокина, социология – это наука, изучающая наиболее общие свойства психического взаимодействия тех или иных единиц в их структурной организации и в их временной эволюции. Психическим взаимодействием Сорокин называет тот процесс, «материей которого служат сознательные ощущения, восприятия, представления и понятия, страдания, наслаждение, волевые акты. По Сорокину, в целом социология – это наука о духе, о социальных ценностях, о культуре и цивилизации, т.е. о том, что составляет духовную и материальную сферы жизни человека, групп в их связи с общественным целым.

В 1923 г. Сорокин выпустил в Праге книгу «Современное состояние России», в основу которой была положена «трилогия» – три статьи, напечатанные в 1922 г. в журнале «Экономика». В ней автор вскрывает проблемы политической, экономической и социальной сущности строительства социализма в Советской России, демографических качественных изменений в обществе в результате революции и гражданской войны, пагубные для России.

В 40-е гг. в социологических взглядах П. Сорокина созревает новая по тому времени концепция – интеграция двух противоположных общественных систем – капитализма и социализма. В 50–60-е гг. такое предполагаемое объединение двух систем в общественном развитии в «смешанное общество» получило распространение в западной социологии, политэкономии и политологии под термином «конвергенция» (сближение).

Наиболее полно теория конвергенции была раскрыта Сорокиным в очерке «Взаимное сближение Соединенных Штатов и СССР к смешанному социокультурному типу» (1960), написанном в период возрастания напряжения в холодной войне Советского Союза и США. Он считает, что ведущим типом будущего общества, возникающего на основе конвергенции, будет не капиталистический и не коммунистический, а тип, который можно обозначить как интегральный, промежуточный между капиталистическим и коммунистическим строем и образом жизни.

Конвергенция, направленная на объединение большинства социально-экономических ценностей обеих формаций и освобождение от неоправданных жизнью общественных элементов каждого типа, по убеждению Сорокина, приведет к образованию смешанного социокультурного типа, который создаст образцовый интегральный порядок в обоих государствах и станет идеальной общественной моделью для других государств.

Вместе с тем коммунистическая идеология и экономическая система, которые Сорокин рассматривает как одну из разновидностей тоталитарных режимов, по его

мнению, под влиянием кризисного состояния общества нередко приводят к полному преобразованию социально-политического строя. Примером этого служит падение коммунистической диктатуры в СССР и странах Восточной Европы. И напротив, ослабление кризисной ситуации в обществе ведет к ослаблению строго установленных норм поведения граждан и утверждению свободного образа жизни. Сорокин выражал уверенность, что коммунистические и схожие с ними тоталитарные режимы неизбежно придут в упадок.

Большинство исследователей научной деятельности П. Сорокина разграничивают его творчество на два периода – русский и американский. С таким заключением нельзя не согласиться. При этом следует учитывать направленность концепций и проблематическую сущность его сочинений этих периодов. При сохранении целостности и актуальности проблем научных работ обоих периодов Сорокин до эмиграции ограничивался российской традиционной социологической мыслью первой четверти XX в. Американский период характерен масштабностью его социологических проблем, степенью зрелости и объемности его концепций.

Согласно учению Сорокина, теоретическая социология, основные принципы которой сформулированы в книге «Система социологии», распадается на три раздела: социальную аналитику (социальные анатомия и физиология), социальную механику (ее объект – социальные процессы), социальную генетику (теория эволюции общественной жизни). Такое видение структуры социологического знания ученый сохранил почти без всяких изменений на долгие годы.

На основе этих позиций Сорокин формирует свой исходный тезис о том, что социальное поведение основано на психофизических механизмах, а субъективные аспекты поведения – «переменные» величины. В «Социологии революции» он заключает, что в основе любых революционных движений в обществе лежит подавление базовых инстинктов – инстинктов собственности, самовыражения, самосохранения и многих других, вплоть до физиологических инстинктов.

Основные принципы «Системы социологии» были сведены в единое целое и воплощены в книге «Социальная мобильность», изданной в Нью-Йорке в 1927 г. и признанной западными специалистами классическим социологическим произведением по проблемам стратификации и социальной мобильности. По определению Сорокина, социальная стратификация – это дифференциация некой данной совокупности людей (населения) на классы в иерархическом ранге. Она находит выражение в существовании высших и низших слоев. Ее основа и сущность – в неравномерном распределении прав и привилегий, ответственности и обязанности, наличии или отсутствии социальных ценностей, власти и влияния среди членов того или иного сообщества. Конкретные формы социальной стратификации разнообразны и многочисленны¹²⁰.

Социальную мобильность Сорокин трактует как естественное и нормальное состояние общества. Она предполагает не только социальные перемещения индивидов, групп, изменение ими социальной позиции, места, занимаемого в социальной структуре, но и объектов (ценностей), т.е. всего того, что создано или видоизменено. Сорокин различает вертикальную и горизонтальную социальную мобильность.

Вертикальная мобильность выражает движение индивидов вверх или вниз в системе социальных позиций, сквозь «сита», которые как бы просеивают их, оценивая и отбирая. Ее, по мнению ученого, следует рассматривать в трех аспектах, соответствующих трем формам стратификации: внутрипрофессиональные или межпрофессиональные сдвиги, политические перемещения, передвижения по «экономической лестнице».

¹²⁰ Сорокин П. Человек, цивилизация, общество. М., 1992. С. 302.

Горизонтальная социальная мобильность предполагает передвижение индивидов по горизонтали, минуя «социальную лестницу», переход из одной социальной группы в другую, расположенных на одном и том же уровне общественной стратификации. Здесь уже не действует механизм социального тестирования, отбора и распределения индивидов по социальным стратам, слоям. Примечателен вывод Сорокина о том, что нестратифицированное общество с последовательно проводимым принципом социального равенства его членов – это миф, никогда не реализованный уравнилителями на практике. Так, уровень жизни «партийной элиты» и низов в СССР был неравным.

Заметным событием в мировой социологии была публикация четырехтомного труда И. Сорокина «Социальная и культурная динамика» (Нью-Йорк, 1962), в котором ученый объединяет в единое целое свои социологические теории, оцениваемые современниками выше «Капитала» К. Маркса.

Сорокин выделяет три основных типа культуры: чувственный – в нем преобладает непосредственное чувственное восприятие действительности, идеациональный, в котором преобладает рациональное мышление; идеалистический – здесь господствует интуитивный вид познания. Каждая система «истин» воплощается в праве, искусстве, философии, науке, религии и структуре общественных отношений, радикальное преобразование и смена которых происходят в результате кризисов, войн, революций.

Каждая из указанных трех культурных сверхсистем обладает свойственной ей ментальностью, собственной системой истины и знания, собственной философией и мировоззрением, своей религией и образцом «святости», собственными формами искусства, своими нравами, законами, доминирующими формами социальных отношений, собственной политической и экономической организацией, наконец, собственным типом личности со свойственным только ему менталитетом и поведением, заключает П. Сорокин.

Ученый определял современное состояние западной культуры как кризисное, отмечал, что она обречена на закат, т.к. своей «чувственной» фактурой привела к деградации человека. Он предвещал расцвет будущности человечества через очищение и воскрешение культуры, нравственное возрождение общества.

Вклад П.А. Сорокина в социологию поистине неоценим, он стал классиком при жизни. П. Сорокин был почетным доктором многих иностранных академий и университетов. В 1936 и 1937 гг. он избирался президентом Международного института социологии.

Сергей Николаевич Прокопович (1872–1955). С.Н. Прокопович – русский социолог, экономист, философ, юрист, публицист. Окончил Брюссельский университет. В студенческие годы примкнул к плехановскому «Союзу русских социал-демократов за границей». Уйдя от эсдеков, включился в 1904 г. в активную работу по организации либерального «Союза освобождения». В 1913 г. получил в Бернском университете степень доктора философии. В 1917 г. после Февральской революции С. Прокопович вошел в состав Временного правительства. Октябрьскую революцию встретил враждебно, в 1922 г. был выслан из СССР.

В эмиграции, сначала в Берлине, затем в Праге и Женеве, а с 1939 г. в США, Прокопович активно выступал против советской власти, диктатуры, террора большевиков. Он верил в демократическое возрождение России. Основные работы С.Н. Прокоповича: «Рабочее движение на Западе» (СПб., 1899. Т. 1), «К критике Маркса» (СПб., 1901), «К рабочему вопросу в России» (СПб., 1905), «Бюджеты петербургских рабочих» (СПб., 1909), «Проблемы социализма. Развитие социалистической мысли во Франции» (СПб., 1911), «Аграрный кризис и мероприятия правительства» (М., 1912), «Война и народное хозяйство» (2-е изд., М., 1918), «Кооперативное движение в России» (2-е изд., Петроград, 1918), «Сборник статей» (Париж, 1956).

В конце 20-х гг. С. Прокопович написал статью «Народ и народовластие», которая вошла в сборник его статей, вышедший посмертно в Париже в 1956 г. В этой статье проявился его талант и как социолога, и как политолога. Первые же попытки применения в России демократических начал народного самоуправления, пишет Прокопович, показали, что «политическая демократия представляет собой форму, которая может быть заполнена различным содержанием»¹²¹. Простым заимствованием отсталой в политико-экономическом и культурном отношении страной опыта столетиями складывающейся демократии других государств невозможно разрешить свои исторические задачи. Каждая страна имеет свой путь политического, национально-исторического развития.

Автор считает, что массы, делающие политику, руководствуются «иллюзиями и утопиями», которые далеки от реальности и потому неосуществимы. Чтобы внедрить очередные иллюзии, упрощенные политические и социальные проблемы, заранее обреченные на крах по своей утопичности, вожаки – «психически неуравновешенные люди» идут на колоссальные растраты национальных сил, что приводит к упадку и иногда к гибели государства. Народные массы не подготовлены к решению многочисленных сложных задач, которые встают в условиях меняющейся общественно-экономической формации. Это, по Прокоповичу, и является основной причиной «иррационального характера политической жизни и деятельности».

«Политическая психика» народных масс эмоциональна и пропитана социальными предрассудками, что и является причиной «политического бесплодия». Самым приемлемым для масс материалом выступают доходчивые лозунги, призывающие к насилию, к разделу общества на «героев» и «врагов народа» – носителей зла, виновников экономических и социальных срывов. Толпа или масса, наделавшая бед, никогда не считает себя виновной в содеянном, напротив, она всегда ищет и всегда находит себе «козлов отпущения».

Прокопович отмечает, что «насильственные меры оказывают деморализующее влияние и на народ, приучая его к насилию над слабыми и подхалимству перед сильными и политической властью, и на народную диктатуру, приучая ее пользоваться насилием как самым простым способом властвования»¹²². Трагедия революционного насилия неизбежно порождает конфликт между партией-диктатором и народными массами, «приобретшими политическое совершеннолетие».

В 1933 г. С. Прокопович написал очерк «Революционная программа Ленина», который был опубликован в 1956 г. в «Сборнике статей». Ленин как идейный вождь партии большевиков, стремившейся после Октябрьской революции 1917 г. установить в экономически, политически, культурно отсталой и истощенной войной России коммунистический строй, дал как философско-историческое, так и политическое обоснование действий большевистской партии в 1917–1921 гг., пишет Прокопович. Необходимость философско-исторического обоснования обуславливалась, по мнению автора, тем, что Ленин, по примеру Маркса, строил цели и задачи партии на объективном, научном изучении хода развития капиталистического общества и исторической подготовленности наступления социализма. Он видел задачу социалистов «не в выдумывании утопических планов лучшего будущего, а в сознательном участии в совершающемся в обществе историческом процессе»¹²³.

Ленин в 1917–1918 гг. и позже в своих речах и статьях указывал на экономическую отсталость России. Следовательно, Октябрьская социалистическая революция победила не потому, что развитие капитализма в России достигло своего предела, а, вопреки мар-

¹²¹ Прокопович С. Н. Народ и народовластие // Новое время. 1992. № 27. С. 40.

¹²² Там же. С. 42.

¹²³ Прокопович С. Н. Революционная программа Ленина // Новое время. 1991. № 4. С. 40.

ксистскому постулату о социалистических революциях потому, что капитализм в стране только еще начал развиваться и буржуазия была слаба, констатирует Прокопович.

Сергей Николаевич указывает и на второе различие во взглядах Ленина и Маркса на процесс образования социалистического общества. Ленин поставил революции социалистические цели и задачи осуществить переход «от земельной переделной общины к социалистическому строю общества, минуя капиталистическую ступень развития европейскоамериканской цивилизации»¹²⁴.

Весьма примечателен факт противоречия во взглядах Ленина на диктатуру как форму государственной власти, который вскрывает Прокопович. Ленин определяет диктатуру как неограниченную власть, опирающуюся на силу, не связанную никакими законами. При этом вождь большевиков не замечает, что, давая это правильное определение понятия диктатуры, «он опровергает все свои рассуждения о буржуазной демократии, которую он считал одной из форм диктатуры буржуазии. Таким образом, демократический режим является отрицанием чьей бы то ни было диктатуры, в том числе и диктатуры пролетариата»¹²⁵. Ленин и его сподвижники, провозглашая насилие и гражданскую войну, вели народ не по тому пути, по которому его ведет международная социал-демократия, делает вывод Прокопович. Большевики установили кровавую диктатуру и террор.

В 1920 г., замечает далее автор, Ленин писал, что для построения коммунизма нужно несколько десятков лет. Коммунистам-практикам необходимо знать, считает Прокопович, не только общую схему перехода от капитализма к социализму, но и конкретные пути этого перехода. Однако в социалистической литературе не указываются эти практические пути, преподносятся только теоретические, малопонятные для практика выкладки. За большевистские эксперименты народ нередко расплачивается кровью.

Вместе с тем автор отмечает, что Ленин не дает ответа на вопрос: «Не является ли идея коммунизма также иллюзией, которая должна быть изжита рабочими?»¹²⁶. Прокопович резюмирует, что для избавления народа от иллюзий не надо было устанавливать кровавую диктатуру, уничтожать независимую печать. Ленин характеризовал в марте 1922 г. Советское государство как величайшее историческое изобретение. Но нужна ли она, коммунистическая диктатура, русскому народу? – спрашивал Прокопович. И отвечал риторическим вопросом на этот вопрос: «И не правильно ли назвать эту диктатуру тяжкою болезнью, от которой русскому народу нужно, во что бы то ни стало, и возможно скорее излечиться?»¹²⁷. Большевики считали С.Н. Прокоповича «законченным антисоветчиком».

Философские и социологические мысли российских эмигрантов характеризуются в данной главе в большей степени в историческом аспекте. Поэтому основное внимание уделено тем философским и социологическим проблемам и произведениям ученых, которые связаны в той или иной степени с историческими ситуациями и событиями дооктябрьской и послеоктябрьской России, с ее общественным климатом.

Русская философия первой половины XX в. – в духовной сфере явление всемирное в не меньшей степени, чем русская литература XIX – начала XX столетий. В эмиграции русские философы и социологи сохранили и умножили богатства отечественной общественной мысли, оказали заметное влияние на развитие западной философии и социо-

¹²⁴ Прокопович С. Н. Революционная программа Ленина // Новое время. 1991. № 4. С. 41.

¹²⁵ Там же. С. 41.

¹²⁶ Там же. С. 41.

¹²⁷ Там же. С. 42.

логии, принимали участие в международных конгрессах. Немалое число работ русских философов-эмигрантов было переведено на английский, французский и немецкий языки.

Творчество русских мыслителей за рубежом это завершение классического периода русской религиозной философии – этапа метафизики всеединства, «всеобъемлющего христианского мировоззрения» (И.О. Лосский) и принципа соборности, что стало наиболее характерной чертой русской философии. Прежние направления русской философии сегодня в основном исчерпаны, и будущее русской мысли зависит от ее способности выдвинуть новые кардинальные идеи. В творчестве эмигрантов такие идеи были явно намечены. Н. Лосский считал: «Как только Россия освободится от коммунистической диктатуры и получит свободу мысли, то в ней... возникнут многочисленные различные философские школы. Русская философия содержит много ценных идей... в области гносеологии, метафизики, этики»¹²⁸.

¹²⁸ Лосский И. О. История русской философии. М., 1991. С. 520.

ГЛАВА IV. ЭКОНОМИЧЕСКИЕ КОНЦЕПЦИИ РУССКИХ УЧЕНЫХ-ЭМИГРАНТОВ

На рубеже XIX–XX вв. экономическая мысль в России переживала бурное развитие в условиях непримиримой борьбы различных экономических концепций, теорий. Задачей буржуазных экономистов в этот период была борьба с представителями дворянской и бюрократической идеологии в области экономической теории. Так, в работах М.М. Ковалевского, Д.И. Менделеева, А.И. Чупрова доказывалась необходимость форсированного развития производительных сил России путем экономических реформ, которые стимулировали бы дальнейший рост промышленности.

После революции 1905–1907 гг. на основе существовавшей историко-экономической школы возникает «Социальная школа в политэкономии», отражающая «социальное направление» в буржуазной экономической науке. Сторонниками «социального направления» стали П. Струве, М. Туган-Барановский, С. Солнцев, А. Мануйлов, которые в разной степени признавали позиции субъективизма и психологизма в области политической экономии.

Экономическая платформа дворянства была разработана в программах «Съезда объединенного дворянства», «Русской монархической партии», «Союза русского народа». Съезд объединенного дворянства в мае 1906 г. одобрил экономическую реформу Столыпина, которая явилась вершиной экономической мысли дворянства и «черной сотни». В целом экономическая платформа дворянства была рациональна. Оно стремилось сохранить землю, но у него было и стремление выйти из аграрного кризиса.

В начале XX в. на основе подъема крестьянского движения оживились мелкобуржуазные течения в экономической мысли России. По своему содержанию это направление не было цельным. Центральной проблемой мелкобуржуазной политэкономии объявлялся человек с присущими ему потребностями, которым приписывалась определяющая роль в экономическом развитии.

Мелкобуржуазные экономисты отрицали общность законов промышленной и аграрной эволюции, утверждали, что сельское хозяйство развивается по специфическим законам. Поскольку сельская община разлагалась, они развивали учение об особом, некапиталистическом пути развития сельского хозяйства. Мелкобуржуазные политэкономисты (Н. Огановский, С. Зак, В. Чернов, С. Маслов и др.) опирались на ревизионистские теории реформистов. Увлечение некоторых из них политэкономическими аспектами Маркса до первой русской революции 1905 г. сменилось критикой его теории, особенно учений о социалистической революции и диктатуре пролетариата (Н. Бунге, Д. Пихно, П. Георгиевский и др.). Д. Пихно отвергал марксистскую теорию трудовой стоимости и теорию распределения, защищал теорию спроса и предложения. Свои экономические программы имели различные российские партии.

Буржуазные экономисты активно изучали новые явления в экономике страны – возникновение монополий и их роль в хозяйственной жизни. Русская литература по вопросам о монополиях носила в основном описательный, а не аналитический характер различных признаков империализма (новая роль банков, вывоз капитала, борьба за экономический и территориальный передел мира и т.п.). Влияние экономического прогресса на политический климат России не подвергалось глубокому анализу в трудах буржуазных экономистов.

В начале XX в. выходят в свет книги: И. Гольдштейна «Задачи государства по отношению к синдикатам и трестам в России», «Синдикаты и тресты и современная экономическая политика», П. Каменского «Значение торгово-промышленных трестов на Западе и у нас», И. Левина «Акционерные коммерческие банки в России», И. Озерова «Очерки экономической и финансовой жизни России и Запада», М. Назаревского «Очерки по истории и теории коллективно-капиталистического хозяйства».

Буржуазные экономисты объясняли возникновение монополий применением рациональной экономической политики, целесообразного ведения капиталистического хозяйства. Центр тяжести переносился с «момента концентрации» производства и капитала на «момент соглашения». Они выступали как апологеты монополий. Экономист Туган-Барановский писал: «Свободная конкуренция не способна регулировать чрезвычайно сложное современное хозяйство. Жизнь требует новых хозяйственных форм, появление которых уже и начинает замечаться»¹²⁹. Русские экономисты в монополиях видели чудодейственное средство избавить Россию не только от экономического, но и политического кризисов. Они считали, что к обществу социальной справедливости нельзя прийти через классовую борьбу бедных и богатых. На государство возлагалась обязанность быть активным регулятором столкновений различных интересов и препятствовать порабощению слабого сильным.

В период гражданской войны большинство ведущих экономистов России эмигрировало, другие были высланы в 1922 г.

Петр Бернгардович Струве. Как экономист Струве выступил в начале 90-х гг. XIX в. В августе 1894 г. была опубликована его книга «Критические заметки к вопросу об экономическом развитии России» (СПб., 1894. Вып. 1). Автор противопоставил утопической программе народников, которая выдвигала одной из главных своих целей предотвращение капиталистического прогресса в России, чуждого «народным идеалам», экономический материализм (экономический детерминизм). Его сущность Струве видел в объективизме, неотвратимости и независимости от воли человека экономического прогресса в стране и ее развития по пути капитализма как объективного хода истории.

П. Струве ратует за развитие капитализма в России, обосновывает его прогрессивную роль в укреплении экономики, в повышении культурного уровня населения, доказывает, что при развитии капитализма будут с наибольшей полнотой удовлетворяться человеческие потребности, решится острая для страны проблема «перенаселения» деревни и Россия войдет в число ведущих и богатых цивилизованных государств Европы. В этом выразились политическая, экономическая и социальная позиции ученого. Он выдвинул важный, можно сказать, судьбоносный для страны призыв (актуальный и для России 90-х гг. XX в.): «Признаем нашу некультурность и пойдем на выучку к капитализму»¹³⁰.

Струве доказывал необходимость предоставления простора частной инициативе, освобождения экономической деятельности из-под опеки государства, обеспечения условий для свободного предпринимательства как важнейших факторов экономического прогресса и надеялся на политическое здравомыслие самодержавия в поддержке нарождающейся буржуазии.

Книга П. Струве направлена не только на борьбу с народничеством, но и важна еще тем, что в ней автор подвергает ревизии некоторые экономические и политические догматы Маркса.

В последующих работах Струве выступал против марксистского понимания теории стоимости, прибавочной стоимости, воспроизводства, эксплуатации и обнищания рабочих в капиталистическом обществе. Критику и отрицание теории стоимости и других выкладок «учения о ценностях» он изложил в книге «Хозяйство и цена» (М., 1913. Т. 1), которая составила его магистерскую диссертацию, защищенную им в Московском университете, и во втором томе «Хозяйство и цена» (М., 1916). В политической экономии Струве отвергал догматизм, нашедший признание у ортодоксальных марксистов. Он был сторонником многовариантности развития экономических теорий, конкурирующих друг с другом концепций.

¹²⁹ История экономической мысли. М. : Изд-во МГУ, 1970. Ч. III. С. 51.

¹³⁰ Струве П. Критические заметки к вопросу об экономическом развитии России. СПб., 1894. С. 288.

В 20-е гг. Струве затратил много усилий на анализ экономической и социальной политики большевиков. Три главных вопроса особенно интересовали его в этой сфере.

Первый. Что означает в действительности коммунистическая революция как экономический процесс, к какому состоянию экономическая политика советской власти реально привела все народное хозяйство России?

Второй. Каково отношение экономической политики большевиков к тем социально-политическим идеям и формулам, которые известны под наименованием социализма, коммунизма и которые заведомо определяли движущий идейный мотив вдохновителей и руководителей большевистского переворота?

Третий. Что делала и делает в области экономики коммунистическая власть, каково действительное соотношение между стороной хозяйственной и стороной политической, или, выражаясь иначе, между хозяйствованием и властвованием, между экономическим управлением и государственной политикой? Развернутые ответы на эти вопросы создают общую, вставленную в историческую рамку, характеристику экономического и социального состояния, в котором оказалась Россия после Октябрьской революции.

По первому вопросу П. Струве в своих исследованиях, относящихся к первой половине 1920-х гг., приходит к выводу, что содержанием коммунистической революции была неслыханная в мировой истории грандиозная экономическая реакция, характер которой определяется им как натурально-хозяйственный. Отмена частной собственности и свободы хозяйственной деятельности разрушила производство, и города из производственных центров превратились в скопление чистых потребителей.

Происходило катастрофическое измельчание предприятий. Наиболее мелкие предприятия спасаются от национализации. Одновременно происходит укрупнение производства. Струве отмечает, что «коммунистическое укрупнение производства» есть вынужденное приспособление к всестороннему оскудению народного хозяйства. Он делает в этой связи вывод, что советский коммунизм в некоторых отношениях – прямой наследник того, что принято называть военным хозяйством, «военным социализмом» или военным регулированием¹³¹.

Производственный регресс не ограничился промышленностью. Он захватил и сельское хозяйство. В этой области разрушительно действовало не только уничтожение культурных частновладельческих хозяйств, не только стихийное крестьянское «поравнение», но и разрыв нормальной экономической связи деревни с городом, который побуждал крестьянина замкнуться в удовлетворении собственных потребностей и реально сокращать свое производство, избегать вынесения его продуктов на рынок¹³².

В ужасном состоянии было финансовое хозяйство. По определению Струве, «в экономической пустоте не может быть никаких финансов. И именно это мы видим в Советской России»¹³³. Ученый считает, что в России коммунистам суждено довести до неслыханного уровня производство бумажных денег и на этом обосновать все государственное хозяйство страны. Впрочем, не только на нем одном. Государственное хозяйство страны развивается не только на непрерывном печатании денег, но и на отчуждении и потреблении накопленного предыдущим строем золотого запаса.

Итак, Струве считает, что масштабность и острота натурально-хозяйственного процесса определяется тем, что он не стихийно вытекает из тех или иных действий и перемен, а навязан народу сверху властной рукой советского государства.

Отвечая на второй вопрос, Струве объясняет, что принципы социализма несовместимы с нормальной хозяйственной жизнью, что их применение подрывает производст-

¹³¹ Струве П. Б. Итоги и существо развития коммунистического хозяйствования. Париж, 1921. С. 6–8.

¹³² Там же. С. 10.

¹³³ Там же. С. 10.

венную энергию труда, являющуюся основой всякой сколько-нибудь сложной хозяйственной жизни. Он выделяет два этапа промышленной политики советской власти.

Первый период, стихийно-демагогический, отмечен введением «рабочего контроля» на предприятиях. Однако большевики быстро спохватились и поняли, что осуществление рабочего контроля – либо совершенно бессмысленная анархия производства в пользу случайных рабочих групп, либо приведет к восстановлению обходным путем буржуазного экономического уклада.

Второй период – это период государственного управления, которое пришло на смену «рабочему контролю». Струве отдает должное методу государственного управления, т.к. это означало некоторое относительное упорядочение в промышленности. Однако, несмотря на это, производительность труда падала. Это падение заставило советскую власть перейти к новой экономической политике, характеризовавшейся двумя основными чертами: введением буржуазных поправок в социалистическую организацию труда; введением военных методов воздействия на труд, его частичной или полной милитаризации («трудовые армии»). Это выразилось в удлинении сверх нормы рабочего времени, в подчинении труда суровой военной дисциплине и во введении всеобщей трудовой повинности.

Эти рассуждения П. Струве тесно связаны с его мыслями в области социальной политики. Много внимания ученый уделяет системе вознаграждения за труд. Он отмечает, что советская власть сначала стремилась воплотить в области вознаграждения за труд все социалистические идеалы: ввела уравнильные расценки на труд, устранив сдельную оплату работы и премии. Потеряв из-за этого большую часть квалифицированных рабочих и понизив до крайних пределов производительность труда, большевики начали возвращаться к капиталистическим методам вознаграждения за труд, сначала восстановив сдельные работы и введя особые расценки для квалифицированных рабочих, затем декретировав премии. Однако, пишет Струве, рабочие и служащие живут в крайней нужде, обречены на полуголодное, а иногда и голодное существование. Масса безработных является источником пополнения рядов преступного мира.

Русский опыт, по выводу Струве, показал, что обобществление хозяйства, призываемое ради насаждения равенства, может быть осуществлено лишь при принципиальном признании и практическом проведении начала хозяйственного неравенства: либо социализм означает хозяйственный упадок, либо он должен быть «буржуазен». Так русский опыт ценой страданий раскрыл в этом отношении «живую трагедию социализма».

В ответе на третий вопрос П. Струве подытоживает свои рассуждения о существовании социалистического хозяйства. Отношение между экономикой и политикой при коммунистическом строе двойственное. Из этого утверждения Струве выводит целую теорию, согласно которой социалистический строй устанавливается определенной политической организацией. На языке доктрины и партии это называется диктатурой пролетариата. В сущности, это военная и полицейская диктатура коммунистической партии, установленная ради построения коммунистического общества.

Хозяйственное и социальное задания есть цель, политический режим – это средство. Таково исходное соотношение между экономикой и политикой в большевистском перевороте и большевистском режиме. Разрушив хозяйственную жизнь и создав вместо нее экономическую пустоту, советская власть перевернула соотношение между своей экономикой и своей политикой – политикой партии, опирающейся на ЧК и армию.

В то же время – и в этом заключается парадоксальность того явления, которое представляет собой советская власть, отмечает Струве, – от призрачной коммунистической экономики, эта, казалось бы, могущественная политическая власть и организация не может отказаться, ибо только на ней и ею она и держится. Полное удушение как экономической, так и личной свободы и имущественной безопасности городского на-

селения есть одно из основных условий экономического упадка и регресса Советской России. Вместе с тем именно это удушение – необходимое условие политического господства компартии: вне этого условия оно не может продержаться и нескольких месяцев чисто полицейски. Вся сложная система экономических ограничений, свободы передвижения, хозяйственного оборота теперь уже существуют не столько ради экономических и социальных целей данной системы, сколько в силу политической и полицейской необходимости этих ограничений для самой власти.

Следовательно, «Русский коммунистический опыт в новой обстановке вновь подтверждает социологическую и политическую истину, гласящую, что собственность и экономическая свобода есть основа личной свободы во всех ее проявлениях»¹³⁴. Основной же вывод, вытекающий из анализа социалистического хозяйства, всех тонкостей и побочных проблем, связанных с этим вопросом, заключается в том, что «в погромном вихре» советская власть разрушила экономическую культуру, но коммунисты были неспособны и бессильны заложить хотя бы основы хозяйственной организации общества на принципе социализма. Так писал П.Б. Струве в начале 20-х гг. о развитии коммунистического хозяйства. Что же касается дальнейшего развития советской экономики, то уверенно заявим, что жизнь и прошлые ошибки многому научили коммунистов в управлении экономикой. В развитии народного хозяйства было немало положительных, конструктивных сдвигов и моментов, что вывело страну в число могущественных государств мира. Но за счет чего, кого, какой ценой и чьими силами? Немаловажна в этом прогрессе «заслуга» и роль ГУЛАГа.

Кроме рассмотренных работ, П. Струве написал следующие произведения: Сборник статей (СПб., 1902), «Экономия промышленности» (СПб., 1902), «Проблемы роста производительных сил в теории социального развития» в книге: «Сборник статей, посвященных В.О. Ключевскому» (М., 1909), «Современный кризис в политической экономии. Его философские мотивы и проблемы» (Москва, 1911), «Историческое введение в политическую экономию» (2-е изд., Петроград, 1916), «Проблемы капитала в системе политической экономии, построенной на понятии цены» (Петроград, 1917).

В эмиграции П. Струве обобщил свои экономические концепции в итоговом неоконченном труде «Социальная и экономическая история России с древнейших времен в связи с развитием культуры и ростом государственности», который был опубликован в 1952 г. посмертно. С переходом на позиции либеральной буржуазии П.Б. Струве полностью отошел от экономической и социологической теории Маркса.

Василий Васильевич Леонтьев. Знаменитый экономист XX в. В. Леонтьев родился 5 августа 1906 г. в Петербурге. В Петроградский университет он поступил, когда ему было 15 лет. Студент Леонтьев любил свободу мыслей и часто на лекциях говорил то, что думал, поэтому несколько раз попадал в ЧК, но его отпускали. В 1925 г. он окончил Ленинградский университет. Вскоре Леонтьев заболел, советские врачи поставили диагноз – рак. После операции получил разрешение продолжить лечение в Германии. В 1925–1928 гг. он учился в Берлине. В 1931 г. В. Леонтьев эмигрировал в США, где нашел свою вторую родину, преподавал в Гарвардском университете. С 1948 г. он директор службы экономических исследований.

Всемирную известность В. Леонтьеву принес разработанный им метод экономического анализа «затраты – выпуск». «Метод затрат направлен на исследование конкретных процессов замещения одних частей общественного продукта другими (по стоимости и по натуральной форме) между отраслями капиталистической экономики (межотраслевые балансы), взаимосвязанными предприятиями, районами и странами»¹³⁵. Этот метод

¹³⁴ Струве П. Б. Итоги и существо развития коммунистического хозяйствования. Париж, 1921. С. 29.

¹³⁵ Экономическая энциклопедия. Политическая экономия. М. : Советская энциклопедия, 1975. Т. 2. С. 350.

позволял установить четкие количественные взаимосвязи между валовым общественным производством (валовым общественным продуктом) и национальным доходом.

Следует отметить, что Леонтьев при разработке своей теории использовал некоторые методы государственного планирования развития экономики, внедренного в СССР в 20-х гг. Для задыхающегося в 30-х гг. от экономического кризиса Запада разработанные им принципы прогнозирования и программирования пришлись как никогда ко времени. Кроме того, в конце 20-х – начале 30-х гг. среди стран-участниц Первой мировой войны остро стоял вопрос о переводе экономики с военных рельсов на мирные.

В. Леонтьев многократно подчеркивал, что важнейшее условие эффективной работы системы – наличие достоверной экономической информации и умение ее анализировать с прагматических и эмпирических позиций. Он стал вычерчивать свои знаменитые таблицы, составлявшие основу «математически формализованной теории кривых и плоскостей безразличия». В докомпьютерную эпоху Леонтьев стал делать то, что как бы предвосхитило появление ЭВМ.

Метод «затраты – выпуск» Леонтьев использовал в исследовании ряда конкретных экономических проблем: структура экономики США и ее динамика; соотношение возможных изменений налогов, заработной платы, цены и прибыли; долгосрочные тенденции развития капиталистической машинной индустрии и др. В 1973 г. за разработку метода «затраты – выпуск» В.В. Леонтьев был удостоен звания лауреата Нобелевской премии. В СССР вышли его книги «Исследование структуры американской экономики» (Москва, 1958), «Будущее мировой экономики» (Москва, 1979), «Экономическое эссе» (Москва, 1990).

В. Леонтьев впервые посетил Родину после эмиграции в 1959 г. по приглашению академика Немчинова. В 80-е гг. его интерес к экономическим и социальным проблемам СССР значительно повысился. Он не оставил без внимания начавшуюся в стране горбачевскую перестройку. Леонтьев считал, что происходящие в СССР во второй половине 80-х гг. общественно-политические сдвиги носят поистине революционный характер, но положение в экономике остается неизменным. Как и прежде, не работают экономические стимулы, не изживается жесткая централизация управления экономикой, колхозы и совхозы остаются на «гособеспечении» в форме дотаций и списывания долгов.

Поучительны высказывания Леонтьева в 1991 г. о кризисном положении Советского Союза и проблемах перехода к рынку в нашей стране в интервью газете «Аргументы и факты» (1991, № 12) и в беседе с Ф. Бурлацким, текст которой опубликован в «Литературной газете» (1991, № 12). Касаясь управления экономикой, В. Леонтьев отмечает, что экономика в СССР продолжает быть неэффективной, потому что слишком медленно отмирает административная система. «Черный рынок» развивается именно оттого, что государство полностью контролирует транспорт, торговлю и распределение. Неудовлетворительное экономическое положение обостряется, делает взрывоопасной политическую обстановку. Леонтьев считает первоочередной задачей перехода к рыночной экономике активную приватизацию во всех областях производства, включая тяжелую и добывающую промышленность, которая превратит нынешних управленцев в предпринимателей. Прежде всего, замечает он, необходимо приватизировать такие предприятия, где рабочая сила – главный фактор производительности, а не капитал. Но надо организовать акционерные общества, чтобы им было разрешено продавать свою продукцию не только по госзаказам, но и где они хотят.

Леонтьев констатирует, что в СССР нет нормальной системы цен, цены продуктов потребления гораздо ниже, чем стоимость производства. Вся промышленность, которая производила продукты потребления, получала громадные субсидии, особенно сельское хозяйство. Следовательно, надо, прежде всего, ввести дисциплину в систему цен, чтобы продукты продавались только по тем ценам, которые оправдывают издержки на производстве.

Ученый считает, что, пока не возродится предпринимательство, отдача экономики в СССР будет низкой. Поднять производительность можно только развитием предпринимательства, направленного на потребление. Индивидуальная, а не государственная заинтересованность станет стимулировать все большую наполняемость рынка. Местным властям необходимо способствовать созданию производственных кооперативов, кооперативов-посредников по закупке продукции в селах и ее продаже на рынках.

Коснулся Леонтьев и проблем развития сельского хозяйства в условиях перехода к рыночной экономике. Многие члены колхозов, замечает он, боятся риска взять собственность и ответственность на себя: слишком много неясности с индивидуальным хозяйствованием, да и сильно сопротивление бюрократии. Однако следует поощрять тех колхозников, которые хотят отделиться и стать фермерами с частной собственностью на землю, не препятствовать колхозам, решившим изменить организационную структуру, не запрещать им самим реализовывать на рынках свою продукцию, открывать свои мелкие перерабатывающие предприятия или кооперативы с участием фермеров. Дать крестьянам больше экономической свободы.

Не оставил без внимания Леонтьев уровень жизни в СССР. Он сказал, что советским людям десятилетиями прививался принцип уравниловки и этот взгляд на мир прочно утвердился в сознании советских людей. Но между уравниловкой и социальными гарантиями существует громадная разница. Вместо уравниловки надо гарантировать минимум уровня жизни для бедных, помогать им, платить за безработицу. Потребуются годы, чтобы повысить жизненный уровень бедных слоев населения.

Все эти аналитические высказывания и советы о реорганизации экономики в СССР в начальном периоде перехода к рынку сделаны крупнейшим экономистом В.В. Леонтьевым еще весной 1991 г. В России эти проблемы пока остаются проблемами по сей день.

Мы рассмотрели экономические концепции только двух русских ученых-эмигрантов. Но русская экономическая школа создавалась плеядой ученых. Одним из них являлся С.Н. Прокопович, который был не только социологом, но и талантливым, плодовитым экономистом. Марксисты-ленинцы обвиняли его в том, что он отрицал марксистскую теорию стоимости, теорию о воспроизводстве, проповедовал идею о мирном вращении капитализма в социализм. Крупными экономистами были Франк, Бруцкус, Зворыкин, Лодыженский, Угримов, Велихов, высланные из России осенью 1922 г.

Работы русских экономистов, опубликованные до революции, после нее и в эмигрантский период, об экономической ситуации в России и СССР созвучны. Главное в размышлениях ученых то, что они вполне однозначно оценивали и предвещали экономическую и социальную обстановку в Советском Союзе, предвещали неминуемый крах социализма, возврат России к демократическим началам, к рыночной экономике и к «обуржуазиванию» общества. Это сбылось. А что будет дальше с многострадальной Россией, «один бог ведает», как говорили в старину.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Андреева А. Разомкнуть порочный круг / А. Андреева // Народный депутат. – 1992. – № 3.
2. Архив русской революции. – М. : Терра-Политиздат, 1991. – Т. 1–2.
3. Бердяев Н. А. О сверхдемократии / Н. А. Бердяев // Новое время. – 1992. – С. 51.
4. Бердяев Н. А. Русская идея / Н. А. Бердяев // Вопросы философии. – М., 1990. – № 1–2.
5. Бердяев Н. А. Духи русской революции («Из глубины») / Н. А. Бердяев. – М. : МГУ, 1990.

6. Бердяев Н. А. Истоки и смысл русского коммунизма / Н. А. Бердяев. – М., 1990.
7. Бердяев Н. А. Самопознание / Н. А. Бердяев. – Л., 1991.
8. Булгаков С. Н. Карл Маркс как религиозный тип / С. Н. Булгаков // Наш современник. – 1990. – № 11.
9. Булгаков С. Н. Два града / С. Н. Булгаков. – М., 1911. – Т. 2.
10. Булгаков С. Н. Церковь и демократия / С. Н. Булгаков // Неделя. – 1991. – № 20.
11. ГАРФ. – Ф. 5680. – Оп. 1. – Д. 67. – Л. 5–8.
12. Гаспаров М. Л. Дороги культуры / М. Л. Гаспаров // Вопросы философии. – 1992. – № 3.
13. Гольдин Л. И. Российская культура и мир / Л. И. Гольдин // Международная жизнь. – 1993. – № 1.
14. Гульга А. Русский религиозно-философский ренессанс / А. Гульга // Наш современник. – 1990. – № 7.
15. Джимбинов С. Коэффициент искажения: революция и культура / С. Джимбинов // Новый мир. – 1992. – № 9.
16. Еременко Л. И. Русская эмиграция как социально-культурный феномен / Л. И. Еременко. – М., 1993.
17. Ефремов М. Взлетная полоса Сикорского / М. Ефремов // Советская Россия. – 1990.
18. Ильин И. Н. Против России / И. Н. Ильин // Литературная Россия. – 1990. – № 16.
19. Ильин И. Н. Дороги и судьбы / И. Н. Ильин. – М., 1991.
20. История философии в СССР. – М. : Наука, 1971. – Т. 4.
21. История экономической мысли. – М. : МГУ, 1970. – Ч. III.
22. К вопросу о культурологии, ее предмете и методе // Социально-политические науки. – 1993. – № 3.
23. Кириллов В. Об изучении истории культуры России в XX в. / В. Кириллов // Общественные науки и современность. – 1992. – № 5.
24. Ковалевский П. Е. Зарубежная Россия / П. Е. Ковалевский. – Париж, 1971.
25. Лакшин В. Я. Самоубийство совершает общество, загоняя в тупик культуру / В. Я. Лакшин // Народный депутат. – 1993. – № 7.
26. Лосский Н. О. Воспоминания. Жизнь и философский путь / Н. О. Лосский. – Мюнхен, 1968.
27. Лосский Н. О. История русской философии / Н. О. Лосский. – М. : Высшая школа, 1991.
28. Лосский Н. О. Обоснование интуитивизма / Н. О. Лосский. – М. : Правда, 1991.
29. Матюхин П. Легко ли быть русским на чужбине? / П. Матюхин // Голос Родины. – 1990. – № 28.
30. Михеев В. Русский витязь / В. Михеев // Отчизна. – 1989. – № 11.
31. Мулярчик А. Чем богаты? / А. Мулярчик // Литературная Россия. – 1992. – № 20.
32. Назаров М. Миссия русской эмиграции / М. Назаров. – Ставрополь, 1992.
33. Научные труды Русского народного университета в Праге. – Прага, 1928–1931. – Т. 1–4.
34. Новиков М. М. От Москвы до Нью-Йорка. Моя жизнь в науке и политике / М. М. Новиков. – Нью-Йорк, 1952.
35. Поляков Л. Логика «русской идеи» / Л. Поляков // Общественные науки и современность. – 1992. – № 3.
36. Прокопович С. Н. Народ и народовластие / С. Н. Прокопович // Новое время. – 1992. – № 27.

37. Раев М. Россия за рубежом. История культуры русской эмиграции. 1919–1939 / М. Раев. – М. : Прогресс-Академия, 1994.
38. Розанов В. Мимолетное / В. Розанов // Диалог. – 1991. – № 3.
39. Роль русского зарубежья в сохранении и развитии отечественной культуры : тез. докл. науч. конф. – М., 1993.
40. Российские ученые и инженеры в эмиграции. – М., 1993.
41. Соколов В. Е. Природное и культурное достояние России / В. Е. Соколов, Е. П. Челышев // Вестник Российской АН. – 1991. – № 10.
42. Сорокин П. Государство пустого желудка / П. Сорокин // Новое время. – 1991. – № 14.
43. Сорокин П. Плоды возмущения / П. Сорокин // Новое время. – 1992. – № 44.
44. Сорокин П. Человек, цивилизация, общество / П. Сорокин. – М., 1992.
45. Степун Ф. Узлы судьбы / Ф. Степун // Новое время. – 1991. – № 17.
46. Струве П. Б. Интеллигенция и революция («Вехи») / П. Б. Струве. – М., 1990.
47. Струве П. Б. Исторический смысл русской революции и национальные задачи («Из глубины») / П. Б. Струве. – М. : Изд-во Москов. ун-та, 1990.
48. Струве П. Б. Критические заметки по вопросу об экономическом развитии России / П. Б. Струве. – СПб., 1894.
49. Струве П. Б. Мои встречи и столкновения с Лениным / П. Б. Струве // Новый мир. – 1991. – № 4.
50. Струве П. Б. Национализм / П. Б. Струве // Литературная Россия. – 1992. – № 3.
51. Струве П. Б. Итоги и существо развития коммунистического хозяйствования / П. Б. Струве. – Париж, 1921.
52. Федотов Г. Судьба империи / Г. Федотов // Свободная мысль. – 1992. – № 5.
53. Фомин А. Разговор с Питиримом Сорокиным / А. Фомин // Отчизна. – 1990. – № 3.
54. Франк С. Этика нигилизма («Вехи») / С. Франк. – М., 1990.
55. Экономическая энциклопедия. Политическая экономия. – М. : Советская энциклопедия, 1975. – Т. 2.
56. Ямпольский М. Россия: культура и субкультура / М. Ямпольский // Общественные науки и современность. – 1993. – № 1.

ЧАСТЬ II

ГЛАВА I. РУССКИЕ ИСТОРИКИ-ЭМИГРАНТЫ

Никакие грандиозные события в истории России не будоражили так российский научный мир, как Февральская и особенно Октябрьская революции. Историки, философы, политологи, правоведы стремились понять и оценить все, что произошло с Россией в начале XX столетия, осмыслить причины революций, их сущность и характер, цели и ход, факторы, повлиявшие на создание революционных предпосылок, трагические последствия Октября 1917 г.

Пережитая трагедия гражданской войны, крах идеалов государственного устройства настоящей и будущей России, социального положения возбудили интерес эмиграции к истории Отечества, определяли мотивы восприятия ее судьбоносных исторических событий и периодов. Одна часть эмиграции (ученые, образованный слой, высшие офицеры) пытались найти в прошлом страны ответы на извечные вопросы: кто виноват? и что делать? Эту часть интересовали такие исторические события и такие выдающиеся личности государства, которые могли помочь смягчить восприятие недавней катастрофы и вселить надежду на коренные изменения в стране. Эмигранты пытались найти в истории России те тенденции, которые способствовали бы созданию новой России, без большевизма и советской власти.

Другая часть эмиграции (а она была большей) не проявляла заметного интереса к событиям далекого прошлого России. Изгнанников интересовало то, что пришлось пережить им самим и их товарищам по несчастью в 1917 г. и в последующие годы. Поэтому мемуары бывших государственных деятелей, генералов, прошедших Первую мировую и гражданскую войны, будоражившие душу, вызывали наибольший спрос. Эти материалы, как и статьи рядовых участников событий, печатались в журналах и газетах, их охотно читали.

Русские историки учитывали морально-психологический климат в эмигрантской среде и старались откликнуться «по свежим следам» на недавние события, поразившие страну. Поэтому некоторые из них выступали в двойной роли как историки и публицисты (С.П. Мельгунов и др.).

Разумеется, в развитии отечественной исторической науки за рубежом определяющим был не принцип «спроса-предложения», а профессиональная преданность ученых науке и историческим направлениям в ней. Позже, когда жизнь несколько стабилизировалась, историки вернулись к своей научной специализации, в свои профессиональные области исследований.

Периоды отечественной и всемирной истории, а также история России в целом освещались русскими учеными с позиций тех методологических направлений, которые определились в русской исторической науке во второй половине XIX – начале XX в., сохранившиеся также в эмигрантской историографии, и которым были привержены ученые. Таких ведущих направлений было три: научно-реалистическое течение (П.Н. Милюков, А.А. Кизеветтер, Е.Ф. Шмурло и др.); историко-философские теории истории России (Н.А. Бердяев, П.Н. Новгородцев); евразийство (Г.В. Вернадский). Они неоднозначно трактовали и оценивали ход отечественной истории. Соответственно неодинаковым было отношение представителей этих направлений к проблемам образования и укрепления российского государства, к влиянию реформаторской деятельности Петра I и Екатерины II, русских бунтов, реформ 1860-х гг. на судьбу России, наконец, к революциям 1917 г. Но при несхожести некоторых исторических позиций и суждений русских ученых в освещении истории Отечества объединяло чувство патриотизма, боль за судьбу России, настоящей и будущей.

Первое направление русской историографии относится к периоду господства в России позитивизма, который опирается исключительно на «позитивные», «положительные» факты в познании действительности. Свою научную задачу позитивисты видели в накоплении множества фактов, почерпнутых из архивных источников и рукописных памятников, и интерпретации фактов в зависимости от идеологической платформы исследователя. Сторонники позитивизма отодвинули на второй план роль личности в истории, посвящая свои работы исследованию политических, экономических и социальных фактов и факторов исторического развития России.

По концепции позитивистов, Россия должна пройти те стадии развития, которые прошли или проходят западные страны, т.к. человечество должно пройти через адекватный ряд этапов в обусловленном, заранее определенном порядке. Теоретические установки позитивистов приводят к детерминизму – «учению о всеобщей закономерной связи, причинной обусловленности всех явлений»¹³⁶, и телеологизму, по которому все в мире целесообразно и все сотворено Богом. Таким образом, вопрос о закономерной неизбежности революций в России как исторических явлений, обеспечивающих продвижение государства вперед, был безответным ударом по историкам-позитивистам. Они не могли, согласно своей теории, выдвинуть альтернативный аспект. В условиях эмиграции проповедовать такой тезис было весьма рискованно.

Свою методологию и методику изучения истории России имело евразийство. Географическими границами исторического изучения России была принята Российская империя, позже Советская Россия, раскинувшаяся на двух континентах – Европе и Азии, как особая общность со своими политическими, экономическими и социальными чертами, обусловленными географическими, климатическими и этническими факторами. Марк Раев, историк из младшего поколения российской эмиграции, автор книг по политической и социальной истории России, так поясняет позицию евразийцев в понимании ими особенностей ее развития: «Социальное и политическое развитие этой евразийской общности определялось борьбой между степью и лесом, в которой последний постепенно брал верх. Эта борьба, однако, выявляет значение кочевых народов в создании той цивилизации – политической, материальной, духовной, – которая органически охватывала всю территорию Евразии»¹³⁷.

М. Гаев считает, что евразийство не было альтернативой позитивизму. В методологической схеме евразийства он находит элементы детерминизма и телеологизма: «Их трактовка русской истории также приводила к детерминизму, основанному на географических и климатических факторах. Любой детерминизм, однако, предполагал признание неизбежности большевистской революции, легитимного и длительного характера советского режима»¹³⁸.

Русская историческая наука богата трудами выдающихся русских историков-эмигрантов. Крупными учеными были С.П. Мельгунов, П.Н. Милюков, Г.В. Вернадский, М.И. Ростовцев, М.Г. Попруженко, Н.П. Кондаков, А.А. Кизеветтер, Е. Шмурло, В.А. Мякотин, В.С. Голенищев, В.В. Головин, С.А. Корф, А.А. Васильев, А.В. Флоровский, С.М. Кульбакин, Э.Р. Штерн.

В Европе были созданы центры исторической науки Российского зарубежья. Их создание обуславливалось, главным образом, местом расселения ученых. Такие центры возникли в Праге, Берлине, Париже, Белграде. В Праге историки образовали свою профессиональную организацию – Русское историческое общество под председательством Е. Шмурло, его сменил В. Францев. Общество проводило встречи, научные дискуссии,

¹³⁶ Философский словарь. М., 1980.

¹³⁷ Раев М. Россия за рубежом. История культуры русской эмиграции. 1919–1939. М. : Прогресс-академия, 1994. С. 210.

¹³⁸ Там же. С. 211.

публиковало собственное периодическое издание – «Записки Русского исторического общества» (1927–1930). В Праге работал Исторический семинар под руководством Н.П. Кондакова – академика Петербургской академии наук, крупного ученого, специалиста в области истории искусства и византиноведения, умершего в 1925 г. Исторический факультет Русского университета в Праге принимал участие в издании «Ученых записок университета».

Профессионализм русских ученых проявлялся не только в научной, но и в преподавательской деятельности. Историки преподавали в русских учебных заведениях, а также в вузах Берлина, Парижа, Праги, Софии, Варшавы, Нью-Йорка. К сожалению, историки, читавшие лекции в университетах, не смогли оставить после себя достойную смену из русских студентов, за небольшим исключением. Препятствовал этому ряд факторов и, прежде всего, вынужденная профессиональная адаптация второго поколения. Дети эмигрантов, проявлявшие интерес к истории, в большинстве более глубоко изучали в университетах историю страны проживания и по окончании вуза специализировались в этой области.

Сергей Петрович Мельгунов (1879–1956). Он стоит в ряду крупнейших русских историков XX столетия. Есть надежда, что его труды, актуальные для современной России, будут переизданы на его родине, из которой он был выслан в 1922 г., и вызовут общественный интерес. С. Мельгунов был историком «быстрого реагирования», «историком-публицистом» по преимуществу, как называли его коллеги. Научная и общественная деятельность Мельгунова вызывает особый интерес и представляет качественный этап в развитии русской исторической науки. Через его биографию прошли все крупные события русской истории от революции 1905–1907 гг. до плодотворного участия в культурной жизни Российского зарубежья 20–50-х гг.

За первые полтора десятилетия нашего века Мельгунов написал множество статей по истории общественного движения в России, подготовил два сборника о взаимоотношении церкви и государства (1905–1906). Он принимал активное участие в коллективных изданиях: в семитомнике «Безликая Реформа» (1911), шеститомнике «Отечественная война и русское общество» (1912), «Масонство в его прошлом и настоящем» (1914–1918).

С. Мельгунов – один из крупнейших издателей в России и, прежде всего, журнала «Голос минувшего» (1913–1923). Публикации журнала по истории освободительного движения в России, передовой общественной мысли и литературы, царской цензуры и охраны, мемуаров декабристов привлекали большое внимание современников и как факт истории общественного движения и общественной мысли в России интересны и сегодня.

С 1917 г. вплоть до высылки из страны С. Мельгунов вел активную общественно-политическую деятельность. Октябрьскую революцию он не принял и остался в лагере непримиримых оппозиционеров. Мельгунов был противником любого компромисса с партией большевиков, «участия в административной власти».

Обосновавшись после высылки в Берлине, С.П. Мельгунов на средства, полученные от товарищества «Задруга» кооперативного издательства в Москве, которое он до эмиграции возглавлял, основывает издательство «Ватага» и начинает издание исторических сборников «На чужой стороне». Финансовые затруднения заставили вскоре берлинскую «Ватагу» скооперироваться с пражским издательством «Пламя», основанным профессором Московского университета Е.А. Ляцким, где и было продолжено (с 1924 г.) издание сборников «На чужой стороне». С девятой книги по тринадцатую сборники печатаются только в Праге, куда на непродолжительное время переезжает Мельгунов. На тринадцатой книге издание было приостановлено.

В Париже, куда в 1926 г. окончательно переезжает Мельгунов, издательство товарищества «Н.П. Карбасников» начинает выпускать сборники под названием «Голос минувшего на чужой стороне» (Париж, 1926–1928, № 1–6). В составе редакции С. Мельгунов, В. Мякотин, Т. Полнер. Одновременно Мельгунов организует издание еженедельника «Борьба за Россию» (Париж, 1926–1931, № 1–239).

Одна из наиболее известных книг С.П. Мельгунова об Октябрьской революции и гражданской войне – книга «Красный террор в России: 1918–1923», изданная в 1923 г. в Берлине. После ее выхода автора на родине лишили гражданства. В СССР книга была напечатана впервые по тексту второго издания (1924) в Москве в 1990 г. Это была первая книга-правда о зверствах ЧК, местных большевистских правителей и армейских комиссаров, проводимых над мирным населением, неугодными элементами и пленными «беляками», особенно офицерами. Наибольшее негодование вызывает введенный большевиками «институт заложников». Так, за убийство Урицкого, руководителя петроградского ЧК, и покушение на Ленина в августе 1918 г. по городам России были расстреляны тысячи заложников.

Мельгунов пишет, что самой распространенной мерой наказания у большевиков был расстрел. В этом усердствовали и местные власти. Расстреливали «в Вятке за выход из дома после 8 часов», в Брянске за пьянство, в Рыбинске за скопление на улицах и притом «без предупреждения»¹³⁹. Угрозы расстрелом были весьма разнообразны. «Смертельная казнь еще в 1918 г. была восстановлена в пределах, до которых она никогда не доходила и при царском режиме. Таков был первый результат систематизации карательного аппарата "революционной власти"»¹⁴⁰. Расстрелу часто предшествовали пытки. Часто жертв принуждали рыть себе могилу.

Особое внимание обращает Мельгунов на издевательства над арестованными женщинами, на глумление и изнасилование их чекистами, тюремщиками, комендантами и прочим большевистским начальством. Молодые женщины, девушки преимущественно из интеллигентной среды перед расстрелом насиловались.

С. Мельгунов отмечает, что большевистские деятели изображали террор как «следствие возмущения народных масс» и что большевики вынуждены были прибегнуть к террору под давлением рабочего класса. Автор цитирует слова руководителя «красного террора» Дзержинского из записки, поданной в Совет Народных Комиссаров в феврале 1922 г.: «Я стремился привести систематизацию карательного аппарата революционной власти. За все время Чрезвычайная комиссия была не что иное, как разумное направление карающей руки революционного пролетариата»¹⁴¹.

В 1922 г. чекисты подготовили и выпустили второй том сборника «Красная книга ВЧК», в которой они пытались доказать историческую необходимость красного террора как ответной реакции на белый террор. Читателю, познакомившемуся с книгой С. Мельгунова, будет ясно, кто и до какого масштаба «революционный террор» раскрутил, вопреки всяким фарисейским заверениям.

История Октябрьской революции и гражданской войны привлекала особое внимание Мельгунова еще до его высылки. Много загадочного, таинственного для россиян было связано с этими грандиозными событиями в истории Отечества. «Белые» уверяли, что большевики являются платными наемниками немцев и посланы ими для захвата власти и вывода России из мировой войны как противника Германии. Мельгунов исследовал эту версию и установил, что факт финансирования большевистской партии правящими кругами Германии в период подготовки пролетарской революции соответ-

¹³⁹ Мельгунов С. П. Красный террор в России. М., 1990. С. 34–35.

¹⁴⁰ Там же. С. 35.

¹⁴¹ Там же. С. 33.

ствуует действительности. Итогом этого исследования стала его книга «Золотой немецкий ключ большевиков» (Париж, 1940).

В феврале 1925 г. в парижских «Последних новостях» была опубликована статья Мельгунова «Приоткрывающаяся завеса», которая разоблачала второй этап сговора немцев с большевиками. Центральным местом в статье была «нота Гинце» – секретное приложение Министерства иностранных дел Германии от 27 августа 1918 г. к Брестскому мирному договору (самому «похабному» миру, по признанию большевиков, после их повторных переговоров с немцами). В секретной ноте, отмечает автор, более откровенно проявлялись позиции обеих сторон в разграничении сфер влияния, в установлении новых границ России, в результате чего бывшая Российская империя окончательно теряла огромную территорию, людские, сырьевые и производственные ресурсы. Нотой и ответом на нее Совнаркома выражалось согласие сторон вести совместную борьбу с Добровольческой армией и в целом с Белым движением, интервентами Антанты и чехословацким мятежом.

Итак, по условиям Брестского мирного договора и приложенной к нему ноты Гинце «немцы должны были помочь большевикам в дни гражданской войны, – пишет Мельгунов, – а большевики должны явиться базой для борьбы с Антантой». Москва, отмечает Мельгунов, жила под опекой «большевистско-немецкой контрразведки»: «Фактическими хозяевами в Москве тогда, в значительной мере, были немцы»¹⁴². Германия предпочла играть двойную игру: одну со Скоропадским, другую в Совдепии, заключает он.

С.П. Мельгунов жил до осени 1922 г. в Советской России и был свидетелем большевистских «деяний», узурпаторской и кровавой политики коммунистических лидеров и советской власти в центре и на местах. Поэтому его произведения об Октябрьской революции, гражданской войне и «красном терроре» – это летописи очевидца, испытывавшего первые жестокие уроки ускоренно строящегося социализма.

После Второй мировой войны С. Мельгунов продолжил свою издательскую деятельность в Париже, где он издает газету «Российский демократ» (Париж, 1948–1956) и многочисленные сборники: «Свободный голос», «Свободное слово», «Независимое слово», «Свободная мысль», «Независимая мысль», «Россия в эмиграции», «За свободу России», «Борьба за Россию» (Париж, 1946–1948). Пестрота в названиях сборников говорит о той ситуации, в которой оказалась российская эмиграция после Второй мировой войны, когда коммунисты, входившие в состав правительства, активно влияли на политическую жизнь страны и создали чрезвычайно сложную обстановку вокруг российской эмиграции.

С 1950 г. Мельгунов начал издавать в Париже один из лучших журналов Российского зарубежья «Возрождение». Авторитетность ему создали, прежде всего, публикации самого Мельгунова. Журнал продолжал выходить и после смерти Мельгунова (по 1974 г. вышло 243 номера). Во всех этих изданиях послевоенного времени нашло свое отражение отношение эмиграции ко Второй мировой войне, борьбе СССР с фашистской Германией, отношение русской эмиграции к СССР, к возвращению на Родину части первой волны эмиграции, антисоветская борьба в послевоенное время и т.д. Кроме того, в журнале «Возрождение» было опубликовано много статей по истории культуры дореволюционной России и культурной жизни Российского зарубежья. В 1946–1956 гг. Мельгунов возглавлял «Союз борьбы за свободу России», с 1950 г. – «Координационный центр антибольшевистской борьбы».

По истории Октябрьской революции и гражданской войны С.П. Мельгунов написал, кроме «Красного террора в России», еще около десяти монографий. Среди них:

¹⁴² Мельгунов С. П. Приоткрывающаяся завеса // Наш современник. 1990. № 11. С. 135–136.

«Трагедия адмирала Колчака» (1930–1931), «На путях к дворцовому перевороту» (1931), «Как большевики захватили власть» (1939), «Судьба императора Николая II после отречения» (1951), посмертно были изданы «Легенда о сепаратном мире» (1957), «Мартовские дни 1917 года» (1961). Своей неутомимой научной и издательской деятельностью С.П. Мельгунов внес в русскую культуру весомый вклад, не потерявший своего значения и сейчас.

Павел Николаевич Милюков как ученый-историк (1859–1943). П.Н. Милюков поделил свою жизнь на две части: первая была отдана науке, вторая – политике. Его общественно-политическая деятельность как лидера кадетской партии, главы парламентской оппозиции, идейного вождя российской эмиграции рассматривалась в первой книге.

В 1882 г. Милюков окончил Московский университет и был оставлен для научной работы на кафедре русской истории, которую возглавлял В.О. Ключевский. С конца 1890 г. в журнале Министерства народного просвещения началась публикация магистерской диссертации П. Милюкова «Государственное хозяйство России в первой четверти XVIII в. и реформы Петра Великого». В 1892 г. она вышла отдельной книгой. Эта научная работа была удостоена премии им. С.М. Соловьева и принесла автору степень магистра российской истории, заставила говорить о молодом ученом как о серьезном исследователе.

Автор разделяет политику Петра на внешнюю и внутреннюю. Делая акцент на таком расчленении, Милюков отмечает, что внутренняя политика, связанная с реорганизацией государственного устройства, была направлена на достижение внешнеполитических целей, на утверждение России на европейской арене как великого государства. При этом он положительно оценивает деятельность Петра в области внешней политики, но не признает способов и средств ее осуществления.

В 20-х гг. Милюков в своих статьях производит такое же расчленение политики большевиков. Однако первоначальное осуждение Милюковым советской власти за порочную внутреннюю политику, приведшую к обнищанию народа, к голоду, в начале 30-х гг. изменяется в сторону одобрения внешней политики Сталина, ее приоритета при явном ущербе во внутренней политике. По его мнению, «интересы государства важнее временных страданий народа»¹⁴³. Правда, позже Милюков проявит больше реализма и в статье «Правда о большевизме», напечатанной после смерти автора в «Русском патриоте» (1944, № 3), признает, что государственную мощь Россия приобрела за счет страданий народа.

В 1894 г. Милюков, сосланный в Рязань, начинает работу над самым значительным из его исторических трудов – «Очерки по истории русской культуры». Весной 1897 г. он отправляется в Болгарию, где приступает к глубокому изучению истории славянства, сделавшей его крупнейшим специалистом в этой области. В 1899 г. Милюкову было разрешено вернуться на родину. В 1901 г. он вторично был посажен в тюрьму (на шесть месяцев), где написал первый выпуск третьей части «Очерков по истории русской культуры».

В этой работе автор поставил перед собой задачу раскрыть все стороны внутренней истории России: экономическую, социальную, государственную, религиозную, эстетическую. Объяснение истории с социологических позиций он дает в таком аспекте, что в ее основе должна лежать идея закономерности исторического процесса. Но при этом отмечает, что признать историческую закономерность несравненно легче, чем открыть законы истории. Милюков считает одинаково односторонними вывод о том, что основу исторического процесса определяет «развитие духовного начала» или суждение, по которому «материальные условия производства определяют все содержание истории».

¹⁴³ Нильсон Е. П. П. Милюков и И. Сталин О политической эволюции Милюкова в эмиграции (1918–1943) // Новая история. 1991. № 2. С. 132.

Он признает бесплодным спор о первенстве духовного или материального фактора в развитии исторического процесса, о приоритете первого или второго «элемента» как движущих сил истории. В «Очерках» наиболее четко проявились основные принципы позитивизма.

«Очерки по истории русской культуры» отразили характерный для той эпохи поворот гуманитарных наук, и, прежде всего, истории, к изучению исторического процесса как результата развития народных масс, а не деятельности отдельных личностей, в том числе царей. Милюков был одним из первопроходцев этого нового направления в русской исторической науке. В первом томе «Очерков» автор приходит к выводу, что в России государство имело огромное влияние на организацию общества, тогда как на Западе организация общества обуславливала государственный строй. Иными словами, российское общество строилось сверху вниз.

П.Н. Милюков был первым русским историком, который начал писать историю большевистской революции в конце 1917 г. Первый из трех выпусков «Истории второй русской революции» вышел в свет осенью 1918 г. в Киеве, третий окончен в декабре 1920 г. в Лондоне. Полное издание «Истории второй русской революции» – София (1921–1924). Основной целью написания «Истории», как отмечает автор в предисловии ко всему изданию, были анализ событий с точки зрения понимания им предпосылок и причин успеха Октябрьской революции, крушения достижений Февраля, определенные политические выводы о событиях до Октября и последовавших за ним.

Первый вывод Милюкова касался ошибок левого интеллигентского максимализма 1917 г. и правого максимализма 1918 г., который, двигаясь противоположными путями, потерпели, однако, аналогичную катастрофу. Объективную причину этого поражения историк видит в том, что следует «внести некоторую поправку в наше представление о пределах возможности для индивидуальной человеческой воли управлять такими массовыми явлениями, как народная революция»¹⁴⁴.

Второй вывод определял роль широких масс в революции. Ошибкой социалистов, считает Милюков, был их взгляд на народные массы как на инертные силы в революционном движении. Это представление о пассивности народа следует немедленно пересмотреть. Массы принимают от революции то, заявляет автор, что соответствует их желаниям, но тотчас же противопоставляют «железную стену пассивного сопротивления», как только начинают подозревать отклонение событий от их интересов. Милюков заключает: «Мы только теперь начинаем разбирать, ... что в этом поведении масс, инертных, невежественных, забытых, сказала коллективная народная мудрость»¹⁴⁵.

Для Милюкова основным вопросом революции был вопрос о власти. Он считал большевистский режим логическим результатом деятельности русских политиков после крушения самодержавия. Милюков рассматривал революцию как единый политический процесс, начавшийся в Феврале и достигший точки высшего подъема в Октябре. Ядро этого процесса составляло ускоряющееся разложение государственной власти. В третьем томе – «Агония власти» – он прослеживает историю последнего правительства Керенского вплоть до государственного переворота и захвата власти большевиками. По мнению Милюкова, все составы Временного правительства, один за другим, все более разрушали собственный авторитет и расчищали путь к большевистскому правлению.

Человек прагматического мышления, Милюков четко определял, что существовал большой разрыв между реальными проблемами страны и пониманием лидерами Временного правительства стоявших перед ними задач. Реальными проблемами, по его мнению, были установление правительством контроля над всей страной и доведение

¹⁴⁴ Милюков П. Н. История второй русской революции. Киев, 1918. С. 5–6.

¹⁴⁵ Там же. С. 6.

войны до конца. Однако новые лидеры избрали другой курс. Они функционировали на другом уровне.

Полярными были действия большевиков, рвущихся в 1917 г. к власти. Суждения Ленина, выдвигаемые им тезисы и идеи, были «глубоко реалистичны», писал Милюков. Сплоченные единой партийной программой, большевистские лидеры действовали целеустремленно. Партийцы использовали любые приемы для подрыва существующей государственной власти: разоружали армию и флот, боролись за власть Советов рабочих, крестьянских и солдатских депутатов. Большевики умело сорвали корниловский мятеж. Они много усилий приложили к привлечению армии на свою сторону, проводили активную и доступную пониманию солдат и матросов агитацию, используя близкие их социальным ценностям лозунги и призывы.

Проблемы, поднятые Милюковым в «Истории второй русской революции» и их трактовка с несколько необычных для русской оппозиционной интеллигенции политических установок, вызвали недовольство и резкую критику автора со стороны отдельных слоев эмиграции. Его обвиняли в «хамелеонистости», беспринципности и прочих грехах. Враждебно был принят трехтомник и советской историографией, но это уже было обязательным идеологическим противодействием.

В 1927 г. в Париже был издан первый том работы П. Милюкова «Россия на переломе. Большевистский период русской революции». В своей двухтомной работе ученый дает яркую характеристику разных сторон большевистского режима. В предисловии к русскому изданию 1927 г. автор отмечал, что, когда он писал эту книгу, «хотел смотреть на события глазами историка, а не политика»¹⁴⁶. Однако политическая тенденция автора прослеживается во всей работе.

Большое внимание Милюков уделил в своей работе роли государства при ленинской диктатуре пролетариата, которая, по его мнению, есть диктатура насилия меньшинства, «авангарда» – партии большевиков, узурпировавших власть. Автор осуждает политику разрушения большевиками старого государственного аппарата и создания ими новых государственных структур, объясняя это тем, что ничего нового на более высоком уровне, как это было в России, большевики создать не могут. Ленин ищет это новое в туманном понятии «полугосударства» и «неполного коммунизма», которые и будут сутью этого перехода от пролетарского государства к полной безгосударственности¹⁴⁷.

Милюков, характеризуя большевистский режим середины 20-х гг., отмечает, что после сплошного разрушения получена, если еще не мирная картина созидания, то уже картина борьбы между созидательными и разрушительными началами, с несомненным перевесом на стороне первых. В конце 1920 г. он выдвигает «новую тактику», основанную на отказе от дальнейшей вооруженной борьбы, интервенции и ориентированную на преодоление большевизма изнутри, с использованием оппозиции внутри страны, политических и идеологических средств¹⁴⁸.

П. Милюков также отмечает, что при выборе будущего политического строя для России необходимо учитывать и ту обстановку, которая сложилась в стране при режиме большевиков. Он называет этот строй республиканским. Но эта республика особого рода. Все ее приемы управления самые деспотические, а с народом она расправляется хуже, чем с крепостными рабами. Поэтому народные массы утратили всякую надежду, что эта власть может стать народной. Однако отсюда, заключает Милюков, еще не следует, что массы представляют себе восстановление России как возвращение к старому порядку. И ученый приходит к выводу, что демократическая республика не только является принципиально наиболее желательной заменой советской власти, но оказывает-

¹⁴⁶ Милюков П. Н. Россия на переломе. Большевистский период русской революции. Париж. 1927. Т. 1. С. 8.

¹⁴⁷ Там же. С. 130.

¹⁴⁸ Подробнее «новая тактика» изложена в первой книге.

ся также и наиболее возможной. Эту концепцию он обосновал в работе «Республика или монархия».

Милюков тесно связывает с проектами будущей формы правления в России решение национального вопроса. Его взгляды в этой области наиболее полно сконцентрированы в работе «Национальный вопрос» (Париж, 1925). Ученый утверждает, что право народов Советской России располагать собой вплоть до отделения и образования независимых государств в соответствии с ленинской национальной политикой является фикцией чистой воды. Он видит во всех действиях советской власти в отношении национальностей лишь стремление к еще большей централизации. При анализе советской Конституции Милюков замечает, что она отбирает у мнимо независимых национальных республик даже такие национальные права, которыми пользовались местные органы управления в царский период.

Выступая за единое федеративное государство, Милюков считает, что нельзя добиваться единства силой оружия, так как этот способ противоречит демократии. В результате своих исследований он приходит к выводу, что антинациональная ассимиляционная политика, обращенная национальным большинством против меньшинств, чрезвычайно редко увенчивалась успехом. Большей частью она вела к озлоблению и обострению отношений, а при первом же политическом катаклизме к распаду государства, которое проводило подобную национальную политику.

П.Н. Милюков умер 31 марта 1943 г. Ушел из жизни главный приверженец идеи о либеральной, демократической России, и с ним умер русский либерализм начала XX в. — «политическое течение, пытавшееся примирить и облагородить российскую «власть тьмы» и «тьму власти», но потерпевшее трагическую неудачу»¹⁴⁹.

Георгий Владимирович Вернадский (1887–1973). Г. Вернадский родился в Петербурге. Окончил Московский университет, слушал лекции во Фрайбургском университете в Германии. Магистерскую диссертацию посвятил истории русского масонства в царствование Екатерины II. Преподавал в Петербургском, Пермском, Таврическом университетах.

После выезда из России Вернадский жил и работал в Греции, затем в Чехословакии. В Праге он встречался и сотрудничал с лидером евразийского движения в Российском зарубежье П.Н. Савицким (1895–1968) — экономистом, географом, историком. Лидер евразийцев рассматривал Евразию как субконтинент, состоящий из части Европы и части Азии. Савицкий придал понятию «Евразия» не только географическое значение, но и этнический и культурно-исторический смысл. Эти встречи и сотрудничество оставили след в профессиональных взглядах ученого. В августе 1927 г. Вернадский переехал в США, где прошла большая часть его жизни и научной деятельности.

В США Вернадский стал одним из признанных авторитетов по истории России. Он отличался многосторонней образованностью, глубиной знаний, способностью к воссозданию больших исторических полотен и к построению теоретических обобщений. Научные труды Г. Вернадского, прежде всего общий курс и фундаментальное исследование «История России» в пяти книгах (1943–1969), работы, по евразийству и теории феодализма, приобрели известность и оказали серьезное воздействие на изучение истории России за рубежом, особенно в США.

Одной из важнейших в творчестве Вернадского стала тема взаимодействия природного и социального. Эта тема в определенной мере связывалась с другой. Георгий Владимирович был приверженцем теории евразийства. В его работах евразийство приобретает черты теоретически обоснованной модели геополитики в российском варианте. В евразийстве Вернадский на первое место выдвигает роль географического факто-

¹⁴⁹ Петров Р. Милюков, или биография компромисса // Огонек. 1990. № 24.

ра в жизни общества. Он внес крупный вклад в концепцию и теоретическую разработку круга проблем евразийства, связанных с воздействием естественно-географических условий на историческое развитие России-Евразии и с особенностями ее геополитического положения на пограничье Европы и Азии и протекавшими на протяжении столетий колониционными процессами, с высокой активностью надстройки, многое предопределившей в судьбах государства.

В трудах Г.В. Вернадского поставлена и обстоятельно раскрыта проблема исторической среды и эпохи. Судьбы России рассмотрены на широком конкретно-историческом фоне, в тесном взаимодействии с другими народами и цивилизациями. Вернадскому принадлежит несомненная заслуга в исследовании синтезных социальных форм – весьма перспективного научного направления. В его трудах выявлены обстоятельства и время появления славян и других народов на Восточно-европейской равнине, объяснены причины крупных поворотов в судьбах России, охарактеризованы особенности отдельных этапов ее исторического развития.

Михаил Иванович Ростовцев (1870–1952). М. Ростовцев был профессором классической филологии Санкт-Петербургского университета. Еще до эмиграции он стал ведущим русским историком-антиковедом. Его труды по древней истории и археологии, в том числе и России, получили мировое признание. В 1916 г. он был избран членом Российской Академии наук.

Сторонник умеренных политических течений (лидеры В.Д. Набоков, П.Н. Милюков), Ростовцев не принял Октябрьской революции и в 1918 г. эмигрировал. Однако в Европе, кроме вовлечения в общественно-политическую работу, ему не удалось активно применить себя в области науки. В 1920 г. М. Ростовцев переезжает в США. Здесь ему в течение 30 лет было предоставлено широкое поле научной деятельности. Академик Ростовцев сначала занял профессорскую должность в университете Мэдисона, позже в Нью-Хейвене.

Мировую славу М.И. Ростовцеву принесли археологические раскопки на Ближнем Востоке, выполненные им по заданию Французской Академии наук. Результатом археологических исследований Йельского университета, которые он возглавил в 1928 г. и продолжил до 1937 г., стали труды по социально-экономической истории Римской империи и эллинистических стран. Его перу принадлежит работа «Скифия и Боспор».

По воспоминаниям И. А. Бунина, авторитет М.И. Ростовцева, с которым писатель ранее часто встречался, был настолько силен в научных и культурных кругах, что он просил Михаила Ивановича выдвинуть его от имени русских ученых на Нобелевскую премию, и И.А. Бунин стал лауреатом этой премии.

Михаил Георгиевич Попруженко (1866–1944). Увлечение М. Попруженко со студенческих лет историей и культурой зарубежных славян определило профиль его будущей научной работы. До эмиграции он неоднократно посещал Болгарию, изучал страну, которая потом стала его второй родиной, установил связи с болгарскими историками и филологами. В результате поездок Попруженко опубликовал ряд работ по истории и литературе Болгарии.

В 1920 г. он эмигрировал и поселился в Болгарии, где был радушно принят местными научными кругами. С первого же года проживания Попруженко стал активно печататься в болгарских изданиях, был избран профессором Софийского университета. В 1941 г. русский ученый избирается действительным членом Болгарской Академии наук.

За период жизни в Болгарии М. Попруженко опубликовал около 120 научных и публицистических работ по болгарской и русской истории, литературе. В 1936 г. ученый переработал первое издание 1899 г. «Синодики царя Бориса» – многопланового источника по истории богомольства, занявшего наиболее значительное место в научном творчестве ученого в период эмиграции.

Сергей Герасимович Пушкарёв (1888–1984). Русский историк С.Г. Пушкарёв, выпускник Харьковского университета (историко-филологический факультет), покинул Россию в 1921 г. и поселился в Праге, где прожил до 1945 г. Получив в 1924 г. степень магистра в Русском народном университете в Праге, он стал там читать лекции.

В 1924 г. в Праге была издана первая работа Пушкарёва «Очерк истории крестьянского самоуправления в России». Она построена на обзоре законодательных актов разных периодов истории России. Эта тема нашла свое отражение и в более поздних работах ученого и была связана с профилем его педагогической деятельности на юридическом факультете, где он читал историю русского права. Влияние Г.В. Вернадского побудило Пушкарёва написать очерк «Россия и Европа в их историческом прошлом» («Евразийский временник», 1927). Он был активным участником Русского исторического общества в Праге.

Изменение режима в Чехословакии под влиянием СССР после Второй мировой войны принудило С. Пушкарёва покинуть страну и перебраться сначала в Баварию, а в 1949 г. навсегда в США. Здесь он продолжил свою научную и преподавательскую деятельность. За активную научно-исследовательскую работу в области истории Северной Америки современники называли С.Г. Пушкарёва «американским историком».

А.В. Флоровский (1884–1968). Бывший профессор Новороссийского университета в Одессе, в эмиграции профессор Карлова университета в Праге, А. Флоровский жил в столице Чехословакии с 1923 г. по 1968 г. Он относится к числу тех русских историков, которые большую часть своей научной деятельности посвятили изучению связей России (с древнейших времен) с ее ближайшими европейскими соседями – западославянскими и южнославянскими народами. Его двухтомный труд «Чехи и восточные славяне. Очерк по истории чешско-русских отношений» (Прага, 1935–1947) не потерял своего значения и в наши дни.

Флоровский немало внимания уделял вопросам развития исторической науки в СССР и в Российском зарубежье. Ученый опубликовал ряд обзоров работ советских историков и историков-эмигрантов 1920–1930-х гг. Он считал исследования эмигрантов неотъемлемой частью отечественной исторической науки, сохраняющей традиции русской школы, свободной от большевистской идеологии и методологии. Флоровский призывал уберечь единство отечественной исторической науки, не преследовать ученых старой школы и отстаивал право историков-эмигрантов представлять русскую науку на международных научных конференциях.

Как видно из краткого обзора научной деятельности ряда историков, русская историческая наука продолжала жить и творить за рубежом. Эмиграция жила недавними трагическими событиями на родине. Осознание бессилия перед новыми и непонятными силами большевизма побудило ученых заняться более глубоким изучением истории России в политическом, социально-экономическом и этническом аспектах, русского коммунизма (большевизма), исследованием тоталитарного коммунистического режима. В результате родилось новое направление в эмигрантском обществоведении – «советология».

Историческая публицистика ученых много сделала для создания теоретико-методологических предпосылок позднейших русистических и советоведческих работ на Западе. В частности, узловые проблемы истории России воспринимались и разрабатывались западными учеными в значительной мере под влиянием научных трудов русских историков-эмигрантов.

В начале 20-х гг. среди образованных слоев эмиграции произошел рост религиозных настроений, что повысило интерес к истории христианства и роли религиозного

фактора в русской идейной и культурной жизни за рубежом. Некоторые ученые обратили внимание на это явление. Среди историков, занимавшихся исследованием религиозных проблем, более заметными были Георгий Федотов (1886–1951) – сторонник христианского социализма, демократического государственного устройства, и Георгий Флоровский (1893–1980) – историк христианской религии, исследователь в области русской религиозной жизни и мысли.

Наблюдается своеобразная эволюция отношений советской историографии к эмигрантской исторической науке в 20-х – начале 30-х гг. Регулятором этой эволюции являлся «идеологический климат» в стране. В 20-х гг. в советской периодической печати появлялись отклики на различные эмигрантские журналы и сборники, которые издавались в основном в Праге и Берлине. Некоторые из них имели благожелательный и объективный характер. Основной причиной непризнания и обличения научных работ историков-эмигрантов, написанных ими до Октябрьской революции, являлась «разоблачительная позиция» по отношению к Советской России (СССР), которую авторы заняли за рубежом.

В связи с усилением в СССР идеологической борьбы в середине 30-х гг., происходит резкое отмежевание историков-марксистов от историков-эмигрантов. Характер освещения и оценки научной деятельности «белогвардейских» ученых в советской периодической печати приобретает ярко выраженную идеологическую окраску. Советская историография выносит русской эмигрантской историографии приговор о ее полном забвении. Но время и история распорядились справедливо, и «все вернули на круги своя». «Белогвардейские» историки теперь реабилитированы.

ГЛАВА II. ПРАВОВЕДЫ И ПУБЛИЦИСТЫ РОССИЙСКОЙ ЭМИГРАЦИИ

Дореволюционная Россия была богата высококвалифицированными юристами, талантливыми публицистами, политологами. Многие из них во время гражданской войны эмигрировали, большая часть оставшихся в России погибла в подвалах ЧК.

Юристов-эмигрантов условно можно разделить на две группы: юристов-практиков и правоведов-ученых. Практическая деятельность юристов охватывала объемный круг правовых вопросов. В жизни российской эмиграции практики были призваны, по профессиональному долгу, защищать права соотечественников за рубежом как беженцев. В качестве адвокатов они защищали российских эмигрантов в гражданских и уголовных процессах. Некоторые русские предприниматели имели пакеты акций иностранных предприятий как инвесторы, и юристы способствовали им на правовой основе вступать во владение заграничной собственностью. Русские бизнесмены, имевшие счета в заграничных банках и что-то прихватившие с собой из России, располагали возможностью продолжить предпринимательскую деятельность в разных странах. Юристы помогали им создавать акционерные общества и коммерческие предприятия, служили юрисконсультами.

Российские юристы организовывали свои комитеты, союзы, юридические фирмы. Так, существовали «Комитет русских юристов за границей», «Объединение русских адвокатов в Париже», «Союз русских адвокатов в Германии», «Комитет русских юристов в Польше».

В этой главе кратко рассматриваются некоторые правоведческие концепции ряда русских ученых-эмигрантов, а также проблемы, актуальные для современной России, которые пытались разрешить русские публицисты.

Павел Иванович Новгородцев (1866–1924). П. Новгородцев – автор оригинальных работ по философии права, составивших известность русской философской и юридической мысли. В 1888 г. окончил юридический факультет Московского университета, в котором был оставлен для подготовки к преподавательской деятельности. В 1903 г. защитил в Петербургском университете докторскую диссертацию. В 1921 г. Новгородцев эмигрировал. Он являлся основателем и деканом русского юридического факультета в Пражском университете.

П. Новгородцев был врагом всякого догматизма, критиком утопических социально-политических идей, направленных на «решительные» изменения существующих институтов, противником «утопий земного рая», будь то консервативные, либеральные или социалистические, возводящих относительные формы социальной жизни в абсолютные, идеальные. В книге «Об общественном идеале» он развенчивает утопические элементы в политической доктрине марксизма, так как считает процесс социально-нравственного совершенствования бесконечным.

Философия права Новгородцева основывается на неокантианских установках. Он до конца своей жизни оставался убежденным поборником идеи правового государства, в котором личность не может быть принесена в жертву обществу, страстным защитником приоритета государственной идеи в условиях деградации правового сознания в предреволюционной и особенно послереволюционной России. На этой концепции построена статья «Восстановление святынь», написанная незадолго до его смерти и напечатанная после кончины автора в журнале «Путь» (1926). Статья, подводившая итоги размышлений ученого о судьбах России, была воспринята в эмигрантских кругах с большим интересом и вызвала противоречивые толкования позиций автора.

Рассуждая о демократии «как великом слове», полном значения и ценностей для интеллигентов его поколения, П. Новгородцев отмечает, что русская демократическая идея, которая могла бы привести Россию «к величию и свободе», не проявила созидательной силы. Февральская же революция толкнула страну «к разрушению и порабо-

щению». Временное правительство не стремилось противопоставить что-либо действенное и результативное процессу разрушения. Свое управление государством оно строило на принципе добровольного повиновения свободных граждан «созданной ими самими власти», без применения «старых насильственных приемов управления».

Главную причину разрушения общего государственного единства Новгородцев видит в том, что идеи государства, власти и права упразднились политикой самого Временного правительства. «В условиях русской действительности... руководящее значение в революции получили не те, которые могли бы противодействовать стихии, а те, которые ей подчинились... Таким образом, под знаменем «завоеваний революции» Россия с неудержимой силой катилась к торжеству большевизма»¹⁵⁰. Керенский повинен в Ленине, констатирует автор, у Ленина идея революции превратилась в форму беспощадной классовой борьбы и истребление всех, «неудобных властвующим», в демагогический деспотизм.

П. Новгородцев считает Октябрьскую революцию как закономерное продолжение Февральской революции, закончившееся государственным переворотом и захватом власти большевиками. «В результате революции Россия не только не слилась с демократией всего мира и не только не стала впереди, а напротив, противопоставила себя ей как система управления диктаторского, деспотического и вместе с тем разрушительного»¹⁵¹, — пишет ученый.

Путь «завоеваний революции» Новгородцев считает пройденным Россией до конца и призывает начать новый путь — «собрание русской земли и восстановление русского государства», утверждение свободы в стране на основе законного порядка, охраняемого властью. По убеждению автора, для решения такой созидательной задачи нужны люди с новым духом, новым политическим сознанием, направленным не на разрушение, а на воссоздание России. Ради этого следует отбросить классовые разделения.

Новгородцев призывает Россию к возрождению национального сознания как высшей духовной связи русского народа со своей культурой, традициями, подавляемого партийной догмой интернационализма, настаивает вернуть верховенство и первенство русскому народу и русской культуре «на русской земле и в русском государстве» и не растворять гражданское понятие «русский народ» в безликом понятии «народы России».

Истинное национальное чувство, по Новгородцеву, состоит в том, чтобы «ощутить душу своего народа и его особый, своеобразный лик» — «лик России». «Для возрождения России необходимо «восстановление святынь», заключает ученый, и, прежде всего, восстановление святыни русской души, которая связывает настоящее с прошлым, живущее поколение с давно отошедшим и весь народ с Богом как жребий, возложенный на народ, как талант, данный Богом народу»¹⁵². Актуальность статьи «Восстановление святынь» для России 1990-х гг. несомненна.

В последние годы жизни взгляды П.И. Новгородцева подверглись некоторой эволюции. Он все более склонялся к религиозному обоснованию свободы и права, что заметно и в статье «Восстановление святынь» и особенно в работе «Существо русского православного сознания. Православие и культура» (Берлин, 1923). Кроме отмеченных работ, П. Новгородцеву принадлежат следующие произведения: «Кризис современного правосознания» (1909), «О праве на существование. Социально-философские этюды» (1911), «Политические идеалы древнего и нового мира» (1913–1914).

Сергей Александрович Корф (1876–1924). Известный русский юрист и историк А.С. Корф в период научно-преподавательской деятельности был профессором Гельсингфорского университета, руководил кафедрами российского и сравнительного пра-

¹⁵⁰ Новгородцев П. Восстановление святынь // Новое время. 1992. № 30. С. 56.

¹⁵¹ Там же. С. 57.

¹⁵² Там же. С. 58.

ва. При Временном правительстве был помощником генерал-губернатора Финляндии. После Октябрьской революции Корф эмигрировал. Умер Сергей Александрович в США.

С. Корф был оригинальным мыслителем, хотя его печатное научное наследие, сравнительно с другими правоведами, невелико. Более известными являются книги «Федерализм» (1917), «Иностранная политика России», «Самодержавие и революция» (обе выпустил в Америке). Центральной проблемой, которую Корф изучал в течение многих лет, была проблема федерализма – союза, содружества, перераспределения суверенитетов. Следует заметить, что немногие русские ученые занимались вопросами федерализма. В книге «Федерализм» С. Корф прослеживает историю международного общения государств и создания на основе договоров международных союзов и союзов государств в период XIX – начала XX вв.

Из истории развития федерализма С. Корф делает следующий главный вывод: «Каждый народ, каждая национальность, естественно, стремится к возможно полной самостоятельности; когда несколько народностей соединены в одно целое (например, государство старого режима), каждая из них проявляет центробежные, сепаратистские идеалы и наклонности, но как только им обеспечивается внутренняя самостоятельность, возможность правотворчества и гарантия собственного культурного развития, так центробежные силы сменяются центростремительными и начинается процесс объединения на основе федерализма»¹⁵³.

Основной политический фактор федерации автор видит в рациональной децентрализации власти, в прочном обеспечении внутренней самостоятельности субъектов федерации, в национальном содружестве.

Проблему федерации С. Корф развивает далее в очерке «Возможна ли в России федерация?», написанном в эмиграции в начале 20-х гг. и напечатанном в парижских «Современных записках». Автор отмечает, что для него никогда не было сомнения в том, что «некоторая федеральная форма» вполне возможна и приемлема для будущей России.

Одной из главных ошибок имперской политики царского правительства Корф считает его «близорукое и злое» отношение к «малым» национальностям России, у которых, начиная с середины XIX в., стало пробуждаться национальное самосознание. Однако, вместо поддержки национального самовозрождения, создания для него прочных связей с «центральной государством» правительство продолжало и даже усиливало притеснение «малых» народов, а в конце XIX в. проявило и шовинистические элементы в национальной политике. Великоросские тенденции правительства в центре и провинциях породили у «малых» народов неприязнь к русскому народу, не причастному к национальной политике правительства, что вошло «в подсознательную область мирозерцания» национальных меньшинств. Следствием этого явилось то, что многие «малые» народы после революции стали настаивать на полной самостоятельности, самоуправлении.

С. Корф впервые в России сумел определить в правоведческой теории взаимодействие центробежных и центростремительных сил в становлении федерации. Он убежден, что основой всякой федерации является «равнодействующая» между обеими силами. Возникновение центробежных сил в многонациональной России автор объясняет национальной политикой царского правительства, стержнем которой является пресечение стремления «малых» народов к обеспечению «собственного национального развития», своих собственных культурно-национальных идеалов.

К центростремительным силам Корф относит социальные (национальные), политические и экономические силы. В области социально-национальных сил автор считает, что «первой задачей для русских должно быть устранение чувства озлобления и обес-

¹⁵³ Федерализм. Во множестве своем едины // Новое время. 1992. № 12. С. 59.

печение в своем поведении и политике государства логики, расчетливого предвидения будущего»¹⁵⁴.

Социально-национальные силы ученый взаимосвязывает с политическими центро-стремительными силами, направленными на национальное единение. По убеждению автора, «Русские интересы могут быть защищены и гарантированы также лишь при существовании дружеских отношений с соседними народностями»¹⁵⁵. И напротив, территории враждебно настроенных окраинных народностей могут быть беспрепятственно использованы врагами России в случае войны для развертывания своих армий, делает вывод автор.

Корф сочетает развитие экономических интересов России с установлением равноправия «малых» народов во всех сферах государственных взаимоотношений. По его мысли, национальные меньшинства при благоприятном политическом климате, при возможности национального самоопределения, свободного развития и упрочения «своих собственных национальных сознания и культуры» будут стремиться к укреплению экономических связей с центральной Россией.

Корф признает необходимым дифференцированный подход к заключению федеративного соглашения с национальными регионами, расположенными на периферии России, в зависимости от их политического, экономического и культурного развития. При этом следует определить интересы центральной России и выработать общегосударственные, федеральные интересы в отличие от местных договаривающихся сторон.

Особого внимания заслуживает мнение ученого о государственном строе, федеральных органах и принципах создания российской федерации. Государственный строй будущей России он предполагает как федерацию во главе с великорусским центром. Причем каждое государство, входящее в сослав союза, может организовать свой строй «сообразно местным требованиям».

С. Корф предусматривает следующие центральные, федеративные органы: главу государства, избираемого всенародно; федеральные законодательные органы, нижняя палата которых состоит из народных депутатов, верхняя палата должна представлять собою «отдельные составные части, на началах равноправия», федеральные суды, в функции которых входит рассмотрение судебных споров, касающихся интересов, конфликтов между субъектами федерации и «толкования федеральной Конституции».

Автор считает, что наиболее трудным будет вопрос об определении взаимоотношений местных и федеральной исполнительных властей. Он предлагает введение во всех частях федерации парламентарных министерств и тесную связь глав союзных государств с федеральным центром.

Корф признает только единственный принцип создания Российской Федерации мирное, дружеское соглашение между центром и окраинами, «при условии народной санкции, народного голосования». Он отвергает возможность создания федерации силой: «Русской стороне и правительству центра нечего надеяться на мир, если восстановление единства государственности будет достигнуто новым завоеванием и имперской политикой»¹⁵⁶.

Ученый считает, что при выработке союзнических соглашений надо иметь в виду «некоторую общность институтов и принципов» с последующим уточнением подробностей федерального строя. Сергей Александрович убежден, что такая федерация «возможна, желательна и необходима». Он считает, что следует пресекать всякие сепаративные тенденции, охватившие некоторые народы России после революции. Но проводить эту миссию надо по принципу развития центростремительных сил во всех сфе-

¹⁵⁴ Корф С. А. Возможна ли в России федерация? // Новое время. 1991. №33. С. 40

¹⁵⁵ Там же. С. 41.

¹⁵⁶ Там же. С. 42.

рах общественной жизни, чтобы сохранить федеративную Россию единой и неделимой с великоросским центром.

Размышления ученого о будущем устройстве Федеративного союза на территории бывшей империи в условиях распавшегося СССР, скороспелой суверенизации автономных образований в России, вплоть до попытки отделения от нее, приобретают большую значимость. Относительно подробное изложение Федеративных принципов будущей России в концепции С.Л. Корфа не случайно, потому что стадия становления Российской Федерации в 1900-х гг. созвучна учению русского правоведа.

Иван Александрович Ильин (1883–1954). И.А. Ильин – юрист, религиозный философ, историк, идеолог Белого движения, общественный деятель-монархист, блестящий оратор и публицист – родился 16 марта 1883 г. в Москве. В 1906 г. по первой степени окончил юридический факультет Московского университета. С 1916 г. он профессор философии права этого университета, был удостоен обеих степеней магистра и доктора. К 1918 г. И. Ильин автор ряда работ, широко известных не только в России, но и в Европе.

Октябрьскую революцию Ильин не принял и не скрывал своих политических взглядов. В 1922 г. он был арестован в шестой раз, судим и приговорен к смертной казни, которая была заменена пожизненным изгнанием из Советской России. В 1923 г. ученый поступил на должность профессора Русского научного института в Берлине. В 1934 г., после прихода Гитлера к власти, он был удален из института, а в 1938 г. гестапо запретило ему всякие публичные выступления. Оставшись без средств, Ильин в том же году уехал в Швейцарию. В Цюрихе Иван Александрович много писал, работал над своими научными трудами и читал публичные лекции, что было единственным источником заработка. Внезапная смерть 21 декабря 1954 г. прервала его напряженную творческую деятельность. Обширное научное наследие И. Ильина насчитывает более 30 книг и около 300 статей.

Большой интерес вызывают труды Ильина как правоведа, которые не только не потеряли своей национальной актуальности, но и связаны с государственным строем СССР и России 1940-х гг. Так, проблемы государственного устройства нашли отражение в таких работах ученого, как «Понятие права и силы. Опыт методологического анализа» (Москва, 1910), «Основы общего учения о праве» (Москва, 1915), «Проблемы современного правосознания» (Берлин, 1923), «Наши задачи. Статьи 1946–1954 гг.» (Париж, 1956), «О сущности правосознания» (Мюнхен, 1956), «Путь духовного обновления» (Мюнхен, 1962).

Для Ильина характерно органическое понимание политики. Развитие различных политических систем, норм государственного устройства, по его убеждению, должно происходить по своим внутренним законам, как и развитие живых организмов, обусловленным географическими особенностями страны, характером ее исторического пути, национальной культурой и традициями, вероисповеданием и не допускающим произвольных, внешне насильственных изменений. В соответствии с этим принципом любые политические реформы должны носить эволюционный характер. Ильин был противником стандартной политической модели для различных социально-культурных общностей. «Единого мерила, единого образцового строя для всех народов и государств нет и быть не может»¹⁵⁷.

Как монархист, Ильин настороженно относился к демократическому государственному устройству, отмечал, что демократия в его период превратилась в абсолютную, непререкаемую ценность, в «исповедание веры», предупреждал об опасностях последствий от ее поспешного и непродуманного внедрения в государственную жизнь.

¹⁵⁷ Ильин И. А. Наши задачи. Статьи 1946–1954. Париж, 1956. С. 83.

Всякий политический строй, по Ильину, разумен, прочен и эффективен, когда он держится на соответствующих ему духовных основах. Под этими основами, на которых только и может утвердиться демократия, предполагающая способность народа править государством, он разумел, прежде всего, «уверенное и живое чувство государственной ответственности», «свободную лояльность», чувство долга и неподкупности, бескорыстие, честность и уважение к законам и государственному устройству.

Кроме того, народ, управляющий государством, должен иметь соответствующий государственно-политический кругозор, глубокое понимание исторических, международных и внутренних задач своей страны, высокий уровень сознания, который выражается в достаточной образованности и способности к самостоятельному и обоснованному мышлению. Если эти качества отсутствуют у народа при полной внешней свободе, то неизбежен раскол общества на множество враждующих группировок, для которых все средства в политической борьбе хороши. При этом резко падает общественная солидарность. Демократические выборы властных органов не способствуют выдвижению достойных депутатов, т.к. избиратели легко поддаются лживым заверениям и обещаниям кандидатов, модным фразам и сиюминутным программам. Ильин резонно утверждает, что некомпетентность народа – идеальная почва для самоутверждения всякого рода карьеристов, авантюристов, рвущихся к власти. Отсюда неизбежность противостояния власти и народа, которое может привести к гражданской войне и, как следствие, к установлению в той или иной форме тоталитарной диктатуры.

Особое внимание Ильин уделяет процессу перехода от тоталитарной власти к власти демократической. По его убеждению, осуществление демократии немедленно после победы над тоталитаризмом невозможно, поскольку он оставляет после себя такие следы в общественном сознании, которые будут сказываться длительное время. Одно из важнейших условий утверждения демократии – хозяйственная самостоятельность граждан. В переходный период, считает ученый, формой государственного устройства должна выступить авторитарная диктатура. Авторитаризм в отличие от тоталитаризма совсем не претендует на тоталитарное государственное регулирование. Он заинтересован в развитии самостоятельности и инициативы граждан. Этот строй прочно держит в руках лишь ключевые и решающие рычаги общественной жизни. Его главный аргумент – авторитет, а не сила. Ильин пишет: «Сила власти есть, прежде всего, ее духовно-государственный авторитет, ее уважаемость, ее признаваемое достоинство, ее способность импонировать гражданам... Истинная сила власти состоит в ее способности звать, не грозя, и встречать верный отклик в народе»¹⁵⁸. Сильная власть является важным фактором перехода от тоталитаризма к демократии. Но эта власть не та, которая вызывает страх, широко используя карательные органы, аппарат принуждения.

Одной из важнейших задач авторитаризма в переходный период является осуществление «качественного отбора людей». В демократическом государстве должен четко действовать механизм выборов, выдвижения вверх действительно талантливых, даровитых граждан, чтобы воспрепятствовать прорыву к власти по карьеристской лестнице бездарных приспособленцев.

Из рассмотренных выше проблем политического устройства государства можно сделать следующий вывод. У И.А. Ильина нет жестких рецептов, однозначных предписаний для будущей России в политической области, его выкладки это предостережение от ошибок, от догматического отношения к политической реальности. Политика, в понимании Ильина, это творчество, искусство находить решения, исходя из сознания уникальности конкретной политической ситуации. Напомним, что С.А. Ильин был приверженцем конституционной монархии, но все его выкладки по переходу государ-

¹⁵⁸ Ильин И. А. Наши задачи. Статьи 1946–1954. Париж, 1956. С. 308.

ства к демократическому строю характерны и своевременны для России 1990-х гг. с ее политическими недугами и болями.

С.Л. Ильин видел цель своей жизни в служении России, глубоко и основательно проанализировал причины ее падения и катастрофы, указал и разработал пути духовно-национального возрождения Отечества. Некоторые работы ученого были изданы за рубежом после его смерти. В России его имя известно узкому кругу специалистов. На родине пока еще мало его работ опубликовано.

Павел Гронский (1883 – дата смерти не установлена). По политическим убеждениям Гронский был ориентирован на леволиберальное крыло российских политиков (партия «народных социалистов», отмежевывавшаяся от эсеров), был членом Государственной думы (1912–1917). Его научно-педагогическая деятельность как приват-доцента проходила в Петроградском университете. С 1920 г. он преподавал право и историю в политехникуме и в психоневрологическом институте Петрограда. В этом же году П. Гронский эмигрировал во Францию, где вскоре установил сотрудничество с П.Н. Милюковым. В 1923 г. он был приглашен в Литву и стал профессором права в Каунасском университете. Имя П. Гронского было известно в эмигрантских кругах как талантливого ученого.

Гронский проявлял заметный интерес с правоведческих позиций к государственной политике в Советской России. Образование СССР как федеративного государства, состоящего из национальных республик, и принятие первой Конституции вызывает у него, как и у других правоведов и политологов, недоумение. И этой связи Гронский в 1925 г. написал статью «Юридическая природа СССР», которая была опубликована в зарубежном сборнике. Эта статья оказалась пророческой в судьбе СССР. Ученый еще в 1925 г. предопределил неминуемый развал Советского Союза, который не имеет «национального корня» – русской нации как ведущей. Он писал: «Итак, СССР – это такое государство, которое может в любой момент по взаимному соглашению входящих в него членов и в силу определенного постановления статьи 4-й Конституции перестать существовать... До сих пор культурный мир еще не видел такого государства, которое в своей конституции провозглашало бы открыто принцип допустимости и полной легальности выхода из состава федеративного государства его членов лишь в силу простого заявления о таком желании покинуть федерацию со стороны государства, пожелавшего выйти из Союза»¹⁵⁹.

Образование СССР ставило в тупик юристов еще и потому, что принцип диктатуры противоречит, отмечает Гронский, принципу федерализма. «Под внешним обличьем федеративного строя скрыта политическая действительность властной диктатуры Союзного ЦИКа, находящегося в полном распоряжении Коммунистической партии»¹⁶⁰, заключает автор.

Марк Вишняк (1883–1977). Он в молодости, как и большинство студенческой молодежи, включившееся в бурные годы начала XX столетия в различные радикальные течения, участвовал в левом движении. Это привело его в партию социалистов-революционеров. Его политическим кредо было установление в России конституционного строя через революционный переворот. Период от Февраля до Октября 1917 г. был самым активным в его деятельности как правоведа. Он стал членом комиссии Временного правительства по выборам в Учредительное собрание. Ортодоксом демократического строя в России и Учредительного собрания П. Вишняк оставался и в эмиграции до последних дней своей жизни.

Юрий Ключников (1885–1938). В 1917 г. он был приват-доцентом Московского университета. В годы гражданской войны активно участвовал в политической жизни на

¹⁵⁹ Гронский П. Юридическая природа СССР // Новое время. 1990. № 50. С. 40.

¹⁶⁰ Там же. С. 42.

стороне Белого движения. Однако Ю. Ключников не имел устойчивой политической платформы. Так, в 1918 г. он участник левоэсеровского восстания в Ярославле, затем управлявший Министерством иностранных дел «Уфимской Директории», потом шеф дипломатии «Омского правительства» адмирала Колчака, что кончилось конфликтом с Советом Министров, отставкой и эмиграцией.

В 1920 г. Ключников меняет свою политическую позицию и выступает за прекращение вооруженной борьбы с большевизмом и советской властью. Более того, в 1921 г. он участник сборника «Смена вех». Его статья стала определяющей идейную позицию эмигрантов, решивших вернуться на родину. В 1921–1922 гг. Ключников – редактор журнала «Смена вех». В эти годы он написал книгу «На великом историческом перепутье», в которой проводит идею о возможностях не революционного, а эволюционного развития мира. В августе 1923 г. Ю.В. Ключников вернулся в Россию (СССР), где вел исследовательскую работу в области истории и теории международных отношений и права, одновременно работал в Коммунистической академии. В 1938 г. он был репрессирован.

В трудах Ю. Ключникова как правоведа заметное место занимает книга «Интернационализм. Основные вопросы международных отношений». Центральными вопросами книги являются проблемы конфедерации и федерации, их преимущества и недостатки в определенных исторических условиях.

Автор рассматривает первую форму государственного строя как образование «международно-правового характера», в основе которого действует договор, сохраняющий суверенитет государств, входящих в союз. Конфедерация представляет собой союз правительств объединившихся государств, но не населения как «единого союзного народа». Ключников считает: «Непосредственной целью образования конфедерации является совместная защита государствами общих им всем международных интересов. Как и везде, интересы политические идут здесь рука об руку с экономическими интересами, и чем больше тех и других обнаруживается в данной группе государств, тем обширнее и плотнее обещает стать в ней клубок конфедеративных нитей»¹⁶¹.

Ключников выступает сторонником федерации как формы государственного устройства, которой, по его убеждению, принадлежит будущее и которая воплощает в себе сочетание принципов свободы и равенства с материальным благополучием и внешней безопасностью субъектов объединения. Он полагает: «Если конфедерация представляет собой отношение международно-правового характера, то федерация переводит нас в область государственного права. Если конфедерация покоится непременно на договоре, то федерация покоится на законе или на договоре, с известного момента сам собой превратившемся в закон. В конфедерациях суверенитет принадлежит отдельным входящим в них членам, в федерациях он штатам не принадлежит»¹⁶².

Совершится ли конфедерация или федерация бывших союзных республик СССР в полном соответствии этим понятиям, покажет время и история. Пока что СНГ – нечто неопределенное и неустойчивое при наличии конфедеративных договоров. Между тем, концепция Ю. Ключникова в этой области близка к реальной перспективе в направлении устойчивой конфедерации.

Видным русским правоведом был Ф.Ф. Кокошкин. До сих пор значимой остается его идея о «сдержках и противовесах» различных ветвей власти, которые не дают государству вырождаться в диктатуру или империю. Он считал, что при многопартийности в государстве создается гарантия предотвращения партийной диктатуры и авторитаризма и укрепляется роль государства в экономике и социальной политике.

Публицисты. Эмигрантская периодическая печать была единственным средством общения между рассеянными по чужому миру соотечественниками, связующим зве-

¹⁶¹ Ключников Ю. Чтобы не было вместе тесно (фрагмент из книги) // Новое время. 1992. № 1. С. 42.

¹⁶² Там же. С. 43.

ном, объединительным центром русских общин и единственной ареной, на которой велись жаркие дискуссии по самым различным проблемам, выяснялись различные позиции авторов. Среди них были и острые, узловые проблемы, которым публицисты, политологи, журналисты уделяли более пристальное внимание.

Заметными фигурами на публицистском поприще были П. Милюков, писавший в течение многих лет передовые статьи для газеты «Последние новости», П. Струве, Г. Федотов, Ф. Степун, П. Долгоруков, Н. Устрялов, И. Бунаков-Фондаминский, Марк Алданов, В. Шульгин, Е. Аничков, А. Изгоев, Ф. Мельников. Можно назвать и других талантливых русских публицистов. Немало проблем, которые они пытались разрешить в своих печатных выступлениях, актуальны и для современной России. На некоторых из них мы и сосредоточим внимание.

Александр Изгоев (1872–1935). А. Изгоев (настоящее имя Арон Ланде) – публицист, социолог, общественный деятель. Окончил юридический факультет Новороссийского университета. Первоначально был «легальным марксистом», сотрудничал в марксистских журналах «Новое Слово», «Жизнь», «Образование». В 1905 г. руководил одесской группой «Союза Освобождения», был редактором еженедельника «Южные записки». После закрытия еженедельника в декабре 1905 г. переехал в Петербург. Здесь он вскоре становится членом ЦК кадетской партии, одним из лидеров ее правого крыла вплоть до 1918 г.

В Петербурге Изгоев с 1906 г. был сотрудником журналов П. Струве «Полярная Звезда», «Свобода и Культура» и газеты «Дума», одним из руководителей газеты «Речь». Он вошел в состав авторов сборника «Вехи» (1909), в котором выступил со статьей «Об интеллигентной молодежи». С 1910 г. Изгоев – редактор политического отдела «Русской мысли». В ноябре 1917 г. он организовал издание антибольшевистской газеты «Борьба». Среди его многочисленных работ, написанных до эмиграции, выделяются следующие: «Общинное право» (1906), «Русское общество и революция» (1910), «П.А. Столыпин» (1912), «Наши политические партии» (1917), «Социализм и крестьяне» (1917), «Социализм во второй русской революции» (1917).

В 1918 г. А. Изгоев написал статью «Социализм, культура и большевизм», помещенную в сборнике «Из глубины» (1918), в который были включены статьи крупнейших русских философов и известных деятелей культуры начала века. Главное внимание в статье автор уделяет несовместимости социализма и большевизма с культурой в классическом понимании ее компонентов, традиций и нравственных норм. Он рассматривает культуру в трех слагаемых: культура личности, духовная культура, материальная, «вещная» культура. В статье русская культура (по определению большевиков, «буржуазная») противопоставляется «пролетарской культуре».

В условиях строительства социализма, отмечает Изгоев, когда повержено христианство, «облагораживающее человеческую натуру», культура личности разрушается, и человек без Бога, назвавший себя «социалистом», уподобляется «кроважидной, садистски злобной обезьяне». «Никогда в обществе социальные связи не были столь слабы, столь надорваны, как во времена официального царства социализма. Человек человеку волк – вот основной девиз этих страшных дней. Сотрудничество и общность были лишь во время преступления. После него, при дележе добычи, каждый думал лишь о себе, сталкивая с дороги более слабого или неопытного. Стадо волков, вырывающих друг у друга добычу»¹⁶³, – заявляет автор.

Духовную культуру Изгоев связывает с христианством, считая религию основным рычагом культуры человеческого общества. По его убеждению, социализм – это христианство, но без Бога, без христианского нравственного кодекса. Автор констатирует:

¹⁶³ Изгоев А. С. Социализм, культура и большевизм («Из глубины»). С. 157.

«Освобожденный от религии человек семимильными шагами пошел не вперед, к царству разума, свободы, равенства и братства, как учили лживые социалистические пророки, а назад, к временам пещерного быта и звериных нравов»¹⁶⁴.

Помимо христианства, Изгоев отмечает и такие основные компоненты духовной культуры, как наука и искусство. Он указывает, что эти две составные части духовной культуры в отечественных и западных образцах давно объявлены социалистами, «начиная от Н.Г. Чернышевского и Н.К. Михайловского», буржуазными. Большевики пошли дальше. В этой связи Изгоев пишет: «Огромные культурные ценности – наука и искусство – суть ценности «буржуазного мира». Опыт русских большевиков засвидетельствовал, что эти ценности не могут существовать в «социалистическом царстве». Там нет для них воздуха»¹⁶⁵.

В области материальной, «вещевой» культуры, которая, по словам автора, объемлет «весь наш быт». Изгоев сосредоточивает внимание на критике марксистской политической экономии, вызвавшей интерес в либерально-демократических кругах русской интеллигенции в конце XIX – начале XX вв. и возведенной большевиками в экономический фетиш в развитии производства материальных благ.

После двух арестов Изгоев осенью 1922 г. был выслан в Германию. Встреча с П.Б. Струве привлекла его к активному участию в восстановленной «Русской Мысли», «Возрождении». Однако откровенные правомонархические устремления редактора «Возрождения» П. Струве побудили А. Изгоева выйти из редакции в знак протеста. В последние годы публицист работал в газете «Руль».

Илья Исидорович Бунаков-Фондаменский (1897–1943). Известный русский публицист и общественный деятель, до революции был эсером, но занимал более либеральные и умеренные позиции. В эмиграции редактировал вместе с Г.П. Федотовым и Ф.А. Степуном журнал «Новый град» – объединительный орган российской творческой интеллигенции с установкой на поиск социальной правды в христианском идеале. Журнал выходил в Париже с 1931 по 1939 гг.

В период плановой индустриализации и коллективизации в СССР принимал активное участие в дискуссиях эмигрантов по вопросам экономического развития Советского Союза и, особенно, в прогнозировании развития индустрии и сельского хозяйства в России после падения большевизма и советской власти. Основная часть эмигрантов видела будущую, возрожденную Россию капиталистической. Кунаков, как и большинство дискуссировавших, реально, без лишнего оптимизма оценивал перспективы развития капитализма в России, учитывая историю западного капитализма, предупреждал об опасностях поспешного перехода к свободному экономическому развитию в условиях небольшевистской России. Трезво мыслящие ученые мужи отмечали, что здесь надо учитывать и большевистскую идеологию, проникшую в массы, и морально-психологический климат в послереволюционном советском обществе, и опыт большевиков в развитии народного хозяйства страны.

В 1931 г. Бунаков-Фондаменский опубликовал в журнале «Новый град» статью «Хозяйственный строй будущей России». Статья написана в форме дружеской полемики с Г. Федотовым, который выразил свою точку зрения в этом направлении в книге «И есть, и будет». В целом соглашаясь с конкретными мероприятиями предлагаемого Федотовым плана преобразования будущей России, перевода ее на капиталистический путь развития, Бунаков выдвигает ряд своих аспектов в этой области, которые он нередко выражает в форме вопросов-ответов, что создает своеобразный стиль полемической статьи. Так, на вопрос: «Должна ли Россия пройти всю лестницу исторического развития Запада?» – он отвечает, что при советском строе она уже прошла первую сту-

¹⁶⁴ Изгоев А. С. Социализм, культура и большевизм («Из глубины»). С. 157.

¹⁶⁵ Там же. С. 160.

пень европейской цивилизации, достигла определенных успехов в индустриализации народного хозяйства, и нет смысла и необходимости в реставрации раннего капитализма.

У Запада, по убеждению Бунакова, следует заимствовать лишь то, что принадлежит фазе «позднего капитализма», новые формы хозяйства, в том числе государственные, кооперативные и «смешанные капиталистически общественные», а не переносить на российскую землю отжившие, архаические формы. Вместе с тем, рассуждает автор, надо постоянно рационализировать все хозяйственные процессы в соответствии с новыми тенденциями и направлениями в экономическом развитии, чтобы предотвратить экономическую анархию в связи с укрупнением промышленных объединений (тресты, картели, акционерные общества) и бюрократизацией управления. С этой целью, считает Бунаков, необходим «один выход, указываемый всем ходом развития современного хозяйства: установление в мире хозяйства планового»¹⁶⁶. По его мнению, в плановом хозяйстве возможны различные формы хозяйствования и различные формы владения.

Однако плановое хозяйство не равнозначно государственному хозяйству «как в советской России, и не должно быть однообразным во всех округах». Советское плановое хозяйство не оставляет места предпринимательской инициативе, «свободной игре хозяйственных сил», в нем государственное и кооперативное играют подавляющую роль.

Бунаков-Фондаменский, возражая Федотову, заявляет, что большевики создают в России экономическую базу, строят советское хозяйство, хотя и «жестоко и бесчеловечно», «на крови и костях миллионов русских людей», что в стране происходит огромный хозяйственный переворот, и Россия из страны аграрной превращается в аграрно-промышленную. Послебольшевистская Россия, говорит Бунаков, получит от большевиков огромное промышленное наследство. Главное для новой России – разумно использовать это богатство, не шарахаться, подобно большевикам, из одной крайности в другую, правильно распорядиться государственной собственностью, особенно такими ее отраслями, как индустрия и оптовая торговля. Эти две отрасли, считает автор, следует сохранить за государством. В случае передачи их – только «общественным предприятиям или смешанным государственно-частным обществам». Примечателен вывод Бунакова-Фондаменского: «За большевистское хозяйствование России еще долгие годы придется расплачиваться»¹⁶⁷.

Внося поправки в мероприятия Федотова по перестройке в отрасли сельского хозяйства, Бунаков отмечает, что государство закрепит за крестьянами их земли с правом передачи ее из рук в руки, предоставит им «свободный выбор форм землепользования – общинных и индивидуальных», разрешит выход из колхозов и раздел их, будет способствовать созданию крестьянских кооперативов, артелей и тракторных ассоциаций для обработки пахотных полей. При этом государство сохранит за собой «верховную собственность на землю – национализацию».

Большие трудности видит Бунаков в воспитании «нового класса русских предпринимателей». Он имеет в виду не мелких предпринимателей, которые быстро созреют, а предпринимателей «европейско-американского склада», построившего капиталистическое хозяйство Запада и способного поднять хозяйство России на соответствующую высоту¹⁶⁸. Тип советского хозяйственника, считает он, для такой работы непригоден. Таково убеждение Бунакова-Фондаменского.

Евгений Васильевич Аничков (1866–1937). Аничков сочетал в себе качества талантливого публициста и литературоведа. Он проводил исследования славянской языческой религии на основе анализа древнерусской литературы, письменности и фольклора. Об Е. Аничкове мало что известно в советских источниках. В БСЭ ему уделен один абзац

¹⁶⁶ Бунаков-Фондаменский И. После бесхоза (фрагмент из указанной статьи) // Новое время. 1992. № 42. С. 57.

¹⁶⁷ Там же. С. 58.

¹⁶⁸ Там же. С. 58.

как «буржуазному литературоведу», проводившему «глубоко реакционную идею о религиозном происхождении искусства».

Предоставляется возможность проанализировать статью Аничкова «Две струи русской политической мысли», которая была опубликована в «Записках Русского научного института» в Белграде (1930, выпуск 1) и фрагменты которой помещены в журнале «Новое время» (1992, № 23). Мысли автора созвучны политической ситуации современной России. Центральная линия статьи – это влияние бюрократических слоев на политику России, что стало традицией Российской империи. «Нескромное обаяние бюрократии» Аничков видит в идее заставить общество развиваться по «правильным правилам», которые придумывают «мудрые» и «добрые» руководители. Автор отмечает, что после Февральской революции эсеры, ранее провозглашавшие «народоправство», сразу же начали восстановление прежних государственных форм.

Большевики, пишет Аничков, пошли своим путем в области «народоправства». Это и разгон Учредительного собрания, и создание Советов рабочих, крестьянских и солдатских депутатов, в которых уже содержатся признаки бюрократии, и, наконец, «строгий бюрократизм большевиков, опирающийся на неразборчивую в средствах кучку коммунистов»¹⁶⁹. Они, используя свое безграничное влияние в Советах, «осуществили заново перестроенное бюрократическое правление страной».

Первую струю русской политической мысли Е. Аничков формулирует как стремление некоторой партии или организации управлять страной «диктаторским или бюрократическим воздействием», открыто или скрытно отрицающим «народоправство». Хотя в программе большевиков и сделан акцент на народовластии, фактически центральный и местные комитеты партии считают себя суверенными и неподвластными воле представительных органов. Аничков убежден, что «всякое бюрократическое управление страной – будь то консервативное или либеральное, будь то революционное или реставраторское – одинаково губительно сказывается на судьбах страны»¹⁷⁰.

Противоположный первому, взгляд на политические события в России, по Аничкову, основан на предвидении, которое возникает «из оценки экономических отношений». Этот взгляд порождает вторую струю русской политической мысли. По мнению автора, «политический деятель должен отклонить от себя своеволие либо тирана, либо диктатора, либо какой-нибудь политической и тем более революционной партии»¹⁷¹.

Задачу «политического мудреца» Аничков видит в том, что он будет руководствоваться наукой – продуктом коллективных познавательных усилий, а не индивидуальной интуицией. И если произойдут ошибки в научном предвидении, несущие за собой роковые ошибки, то на помощь придет «народоправство» со связанными с ним «свободой слова и веры», которые внесут поправки в «теории и системы». Однако «подобные мысли и принципы не нашли себе и до сегодняшнего дня достаточно яркого выражения в русской общественности»¹⁷².

Талантливым и плодовитым публицистом был Шульгин Василий Витальевич (1878–1976) идеолог Белого движения и монархической эмиграции, в дореволюционной России активный и популярный общественный деятель. В СССР на это имя был наложен запрет, оно даже не упоминается в БСЭ. Зарубежное творческое наследие Шульгина весьма богато. Это книги, в том числе «Годы, мемуары» (1973), исторические очерки, политические статьи. Ведущей проблемой последних лет жизни Шульгина был национализм. Он рассматривает его как с психологических, так и с политических

¹⁶⁹ Аничков Е. Нескромное обаяние бюрократии (фрагменты указанной статьи) // Новое время. 1992. № 23. С. 42.

¹⁷⁰ Там же. С. 43.

¹⁷¹ Там же. С. 43.

¹⁷² Там же. С. 43.

позиций в качестве «аксиом национальной этики», которые созревали постепенно и которые нашли отражение сначала в книге «Что нам в них не нравится», а затем в форме автополемики в книге «Постскриптум» (1971). Автор призывает к «самопреодолению национализма». Обширное наследие В.В. Шульгина еще ждет публикации и изучения того, что сам автор называл «казусами Шульгина».

Закончен краткий обзор творческой деятельности русских правоведов и публицистов за рубежом. Следует обратить внимание на одно обстоятельство, касающееся правоведов. Юристы-практики испытывали большие сложности с трудоустройством из-за дефицита рабочих мест и, с другой стороны, из-за языкового барьера. Кроме того, ведение самостоятельной практики русскими юристами сталкивалось с иной законодательной системой и правовой традицией в чужой стране. Легче было трудоустроиться ученым-правоведам и специалистам по международному торговому праву. Так, преподававшие в русских высших учебных заведениях правоведы П. Тимофеев (Прага), Г. Гуинс (Харбин), С. Корф (Хельсинки) позже получили хорошие должности в США.

Публицистика представляет основную часть эмигрантской общественно-политической литературы. Деятельность публицистов в большей степени была связана с политическим климатом в СССР и его экономическим развитием, с прогнозированием путей преобразования России, перспективами хозяйственного строительства после падения большевизма. Трибуной ведущих публицистов был журнал «Новый град», центральной линией которого была защита «формальной» демократии. Он выходил в Париже в период с 1931 по 1939 гг. (всего вышло 14 номеров). Создателями журнала являлись философ Ф.А. Степун, христианский богослов и публицист Г.П. Федотов, публицист И.И. Бунаков-Фондаменский. В журнале печатались Н.О. Лосский, Н.А. Бердяев, С.И. Булгаков, М.П. Бицилли, М.В. Вишняк, К.Д. Кустова и другие. Журнал занимал видное место в философском, социологическом, историческом, публицистическом наследии российской эмиграции.

ГЛАВА III. ЛИТЕРАТУРА РОССИЙСКОГО ЗАРУБЕЖЬЯ

Марк Раев писал: «Современная русская культура, как нам кажется, нашла самое полное свое выражение, в наиболее характерной и типичной форме, прежде всего, в литературе. Конечно, литературные произведения легче всего распространять и «экспортировать», а язык – главная черта, определяющая единство нации»¹⁷³.

Октябрьская революция и гражданская война нанесли сокрушительный, невосполнимый удар по писательской среде России: эмигрировало целое поколение русских писателей и журналистов. К 1923 г. из известных до революции писателей за пределами Родины оказались А.Т. Аверченко, М.А. Алданов, Г.В. Адамович, А.В. Амфитеатров, Л.И. Андреев, М.Н. Арцыбашев, И.А. Бунин, П.Б. Боборыкин, кн. В.В. Барятинский, К.Д. Бальмонт, Д. Бурлюк, А. Белый, З.Н. Гиппиус, Г.Д. Гребенщиков, Д.И. Дымов, Дон Аминадо, Л.М. Добронравов, Б.К. Зайцев, Г.В. Иванов, А.И. Куприн, В.А. Крымов, Д.С. Мережковский, И.М. Минский, С.К. Маковский, И. Наживин, В.В. Набоков, А.А. Поляков, П.Г. Потемкин, А.М. Ремизов, Игорь Северянин, И.Д. Сургучев, Б.А. Суворин, С.А. Соколов-Кречетов, гр. А.Н. Толстой, Н.А. Тэффи, А.М. Федоров, В.Ф. Ходасевич, М.И. Цветаева, Саша Черный, Е.И. Чириков, И.С. Шмелев, С. Юшкевич. Разумеется, здесь перечислены не все имена русских писателей и поэтов, покинувших страну. В 1924 г. эмигрировал Вяч. Иванов, в 1931 г. – Е.И. Замятин.

Оживленная работа по ликвидации «белых пятен» в истории русской зарубежной литературы ведется в стране с середины 1980-х гг. Изучение литературного наследия российской эмиграции в 1990-х гг. в отечественном литературоведении выявило многообразие проблем, приобрело глубину познания и объективность анализа. Исследуется широкий круг вопросов и тем: становление самосознания литературной эмиграции; судьбы русской литературы и основные этапы ее развития; проблемы единства или полярного размежевания русской литературы после 1917 г.; идейно-тематическая направленность художественной литературы российского зарубежья, творчество русских писателей-эмигрантов; эволюция взглядов писателей и поэтов, их отношения к советской литературе (от неприятия до признания ее потенциальных возможностей); литературная критика; эмигрантские периодические издания в 20–40-х гг.; русские литературные «гнезда» в городах и странах; деятельность литературных обществ, союзов и другие.

Состояние и объем литературоведческих исследований, источниковедческих и библиографических материалов в настоящее время таковы, что открывают большое поле деятельности для специалистов. Все это требует систематизации и научного обобщения. Целостный обзорно-аналитический подход определяет направление историко-литературных проблем исследования этого литературно-художественного феномена.

Воспроизвести историю русской эмигрантской литературы весьма сложно. Эта проблема привлекает к себе повышенное внимание не только в России, но и намного раньше интересовала историографию Запада. Так, во Франции издан трехтомник истории русской литературы XX в. Во втором томе анализируется развитие русской эмигрантской литературы. Примечательно, что французские исследователи рассматривают литературу российского зарубежья как составную часть общерусской литературы. Сходную точку зрения высказывает русский зарубежный литературовед и критик Глеб Струве – автор монографии «Русская литература в изгнании» (2-е изд., Париж : ИНКА-Пресс, 1984). Он убежден, что зарубежная русская литература – это временно отведенный в сторону поток общерусской литературы, которая в свое время вольется в общее русло этой литературы.

¹⁷³ Раев М. Россия за рубежом. История культуры русской эмиграции. 1919–1939. М. : Прогресс-академия. 1994. С. 124.

В настоящее время в России издается фундаментальная шеститомная антология «Литература русского зарубежья». В первом томе представлены следующие разделы: проза, поэзия, драматургия, философия, публицистика. Открывается первая книга (первый том состоит из двух книг) обширной вступительной статьей А. Афанасьева «Неутоленная любовь». Авторы поставили своей задачей показать литературу русского зарубежья во всем ее богатстве и самобытности. Значительным вкладом в литературоведение является книга А.Г. Соколова «Судьбы русской литературной эмиграции 1920-х гг.» (1991).

Художественная литература являлась преобладающей формой выражения творческого потенциала русской культуры, ибо она более выразительно, образно отражает «русский культурный идеал». Родной язык выступал тем связующим звеном, который объединял разбросанных по городам и странам эмигрантов. В печатном слове отражались эстетические, духовные и моральные ценности, созданные великой русской литературой, традиции русской культуры. Литература помогала эмигрантам преодолевать разобщенность, сохранять «русскость» и этническую целостность. Именно по этим причинам эмигрантская литература уберегла свою национальную стабильность, явилась главным стимулом и материалом культурной жизни русского зарубежья, источником письменного общения на родном языке.

Писатели-эмигранты сберегли в своем творчестве традиции реализма русской классической литературы, пропитанной духом гуманизма, сыграли плодотворную роль в создании культурных ценностей, сохранении национального сознания соотечественников, развивали достижения серебряного века. Присуждение И.А. Бунину Нобелевской премии доказывало, что Нобелевский комитет признал приоритет русской реалистической школы, опиравшейся на творческие достижения русской дореволюционной литературы, а не советской литературы во главе с А.М. Горьким (он также был выдвинут кандидатом на премию), загнанной в тесные идеологические рамки социалистического реализма. В то же время присуждение премии эмигранту Бунину явилось фактом общественного признания заслуг русской эмигрантской литературы. Период расцвета литературы русского зарубежья – это 1920–1940-е гг. Например, только в 1924 г. на русском языке вышло около 700 названий книг (этот показатель включает всю изданную русскую литературу, в том числе художественную, составлявшую значительно большую часть). Половина из них была опубликована в Германии.

Русские литературные центры. Главные литературные силы эмиграции осели в Берлине, Париже, Праге, небольшая часть в Харбине, Прибалтике и в других странах. Здесь были собраны волею судьбы писатели, поэты, приверженцы различных литературных направлений, духовно-эстетических взглядов. Но это не препятствовало их взаимоотношениям. Морально деформированные революцией и гражданской войной, они в первые годы эмигрантской жизни чаще вели политические дискуссии, нежели литературные. Именно падение старой России идеологизировало литературную среду эмиграции, повысило ее политический импульс. Политика и культура в то время тесно переплетались, воздействуя друг на друга. Политические аспекты литературной интеллигенции были отзвуком не только перенесенных невзгод и страданий в гражданскую войну, но и связаны с изменениями, происходящими в Советской России.

И все-таки творческая жизнь эмигрантов продолжалась. Нужда и забота о хлебе насущном побуждали их как можно быстрее обратиться к перу и писательскому труду. Основная часть писателей и поэтов придерживалась прежних литературных принципов, оставалась в своих эстетических воззрениях консервативной, не подверглась эволюции под воздействием среды. Правда, модернистские эксперименты в советской поэзии частично воспринимались отдельными поэтами, хотя символизм, акмеизм, футу-

ризм и были перенесены на западную землю. Но это не оказало заметного влияния на литературную жизнь Российского зарубежья.

Берлин. Немецкая столица, как отмечалось в первой книге, была до прихода к власти фашистов политическим центром российского зарубежья. Однако, казалось бы, при таких благоприятных условиях для эмигрантов в Германии, литературная интеллигенция пребывала здесь большей частью «проездом». Продолжительнее других и Берлине жил В.В. Набоков. В столице издательства «Слово», «Геликон». «Мысль» опубликовали много литературных произведений эмигрантов. В Берлине эмигрантами были созданы два творческих объединения «Клуб писателей» и «Клуб искусств» (о них говорилось в первой главе).

После гражданской войны в России в Берлин приезжали многие советские писатели. Их привлекала свобода издания здесь любой литературы. Некоторые из них оставались за рубежом навсегда. В числе приезжавших в начале 20-х гг. были И. Горький, В. Маяковский, С. Есенин, Б. Пастернак, И. Гершензон, Л. Толстой, И. Эренбург. Однако Берлину было не суждено оставаться на долгие годы литературным центром эмиграции.

Париж. После прихода к власти в Германии нацистов русские писатели, как и философы, художники, направились в Париж, некоторые переехали в другие города европейских стран. В начале 1920-х гг. в среде русской художественной интеллигенции во французской столице возникли тенденции к объединению по профессиональному признаку. В результате в писательской среде появились «Союз русских писателей и журналистов» и «Союз помощи литераторам и ученым». Первый был создан в 1920 г. Его председателем долгое время являлся В.К. Зайцев. Союз организовывал лекции, вечера памяти, концерты, проводил традиционные «понедельники». Вместе с тем он решал и такие корпоративные задачи, как защита авторских прав за границей.

«Союз помощи литераторам и ученым» был основан под руководством Н. Чайковского в 1920 г. Главная задача союза – выпуск художественных сборников с произведениями русских писателей, помощь им в публикации произведений посредством французских издательств. Союз собирал пожертвования для писателей и ученых.

З.Н. Гиппиус вместе с мужем Д.С. Мережковским основали в Париже кружок «Зеленая лампа». Давид Кнут организовал в столице «Палату поэтов» – объединение «второго поколения» литературной эмиграции. В Париже выпускались литературные журналы «Грядущая Россия» и «Современные записки» (1920–1940).

Прага. В целях адаптации к новым условиям существования и объединения творческих сил русские писатели и журналисты, проживавшие в Чехословакии, в октябре 1922 г. создали «Союз русских писателей и журналистов», первым председателем которого стал П.Л. Сорокин. Помимо необходимости объединения русских писателей и журналистов в стране, союз своей целью считал улучшение их правового и материального положения, содействие культурной работе и защиту профессиональных интересов.

В союзе состояло от 70 до 90 человек. Его деятельность проявлялась в организации и проведении публичных литературных и литературно-художественных вечеров, в культурно-просветительской работе, издании литературных сборников, чтении докладов и лекций, в попечении о молодых русских писателях. Несмотря на все старания, ни одному составу правления не удалось собрать сколько-нибудь значительные средства для оказания материальной помощи членам общества. Пожертвования имели случайный характер. И все-таки в союз вступали те, кому необходимо было общение с коллегами, единомышленниками, поддерживающими традиции русской литературной среды. С вторжением немцев в Чехословакию литературная жизнь творческой эмиграции почти замерла, а в 1941 г. союз прекратил свое существование.

Белград. В Белграде «Союз писателей и журналистов» был образован несколько позже, в 1925 г. Кроме сходной с другими писательскими союзами цели, белградский союз принял на себя объединительную миссию. В 1928 г. в Белграде состоялся объединительный съезд писателей и журналистов в эмиграции. Финансирование съезда принял на себя король Александр. На съезде собрались 111 участников. Председательствовал на нем В. Немирович-Данченко. Программа съезда была многообразна. Первым в повестке дня стоял доклад «О положении вопроса защиты авторского права на местах и о практике перепечаток русских авторов». За ним обсуждались не менее жизненные вопросы: о правовом положении русских писателей и журналистов за границей, о создании литературного фонда, защите профессиональной чести и другие. Главным результатом работы съезда было постановление о создании «Зарубежного союза русских писателей и журналистов», который объединил около 600 человек. Было решено собирать съезды один раз в два года, выбран совет союза с местопребыванием в Париже, председатель – А. Яблоновский, правление, местом пребывания которого был определен Белград, его председатель – Ф. Тарановский.

Объединительным печатным органом русской писательской эмиграции был журнал «Современник», который выходил в Канаде, в Торонто. Этот журнал эмигранты называли журналом «русской культуры и национальной мысли». Издатели – группа энтузиастов русской культуры – преследовали цель сохранить верность гуманизму русской литературы, быть независимыми и демократическими по духу. Они стремились к освобождению русского человека от любой формы духовного рабства. «Современник» был далек от внутриэмигрантских распрей, что было редкостью и его достоинством. В журнале печатались литературные произведения в прозе и в стихах, критические статьи, мемуары, философские произведения, библиография, полемические материалы, которые вызывали дискуссии. Журнал просуществовал 20 лет, его возглавляли в разное время Л. Страховский, В. Савин, А. Гидони. Всего вышло 45 номеров

Примечательны причины его закрытия. Эмиграция третьей волны («диссиденты») выступила против журнала, ее не устраивало стремление «Современника» соединить русский патриотизм с принципами свободы и гуманизма. Журнал обвиняли то в антисемитизме, то в просионизме. Его подвергли бойкоту, изоляции, травле, что привело к финансовым затруднениям, разорению и закрытию интересного журнала Российского зарубежья. Своим существованием и деятельностью «Современник» доказал, что русская эмиграция сохранила верность родному языку и культуре, что храм русской культуры разрушен, но не уничтожен.

В начале Второй мировой войны, особенно после нападения Германии на Францию, русские литераторы устремились в Америку, в основном в Нью-Йорк. В 1942 г. в этом городе начал издаваться литературно-художественный «Новый журнал», основателями которого были М.А. Алданов и М.О. Цетлин (журнал существует и поныне). Для расширения публикации крупных и наиболее значительных произведений было создано издательство имени Чехова.

Небольшое число русских писателей и поэтов обрело себя на уединение в других государствах. С 1924 г. в Риме проживал поэт В.И. Иванов, где и умер в 1949 г. В Софии обосновался А.М. Федоров. В болгарской столице действовало издательство «Россия-Болгария», которое контактировало с издательством «Русская библиотека» в Белграде, выходила газета «Русская мысль» (София-Прага-Париж, 1921–1927). В Харбин переехал Арсений Несмелов, в Эстонию – Игорь Северянин, в Финляндии нашел приют Леонид Андреев. В Риге остановился Сергей Минцлов. Латышское правительство не препятствовало работе издательства «Грамоту друга» и выпуску газеты «Сегодня».

Два поколения писателей-эмигрантов. Разговор о литературной эмиграции должен касаться двух пластов писателей и поэтов. Однако до недавнего времени преобла-

дающей тенденцией было стремление рассматривать русских писателей-эмигрантов 20-х гг. как представителей одного поколения или с попутными замечаниями «молодой», «из молодежи» и т.д.

Б.К. Зайцев, раскрывая как бы «изнутри» характерные черты русской зарубежной литературы 20-х гг., обратил внимание на эту особенность. Он выделяет два литературных пласта: старшее поколение, уже известное в дореволюционной России, и второе поколение (в нем много поэтов), «едва оперившееся» или «еще оперяющееся» в новой, необычной жизни. Взаимоотношения между старшими русскими и младшими были «не блестящими». Первая сторона как бы не замечала вторую, младшие, уже заявлявшие в России о своем месте в литературном творчестве, чувствовали себя обойденными. Уязвленное самолюбие побуждало их к «бунту» против консервативных «стариков». Поводы к этому, в частности, были в воспрепятствовании молодежи в публикации произведений, в бесконечных спорах о модернистских направлениях и методах в современной литературе и т.д., противниками которых были «старика». Извечный конфликт поколений – «отцов и детей».

Писатели старшего поколения были приверженцами реалистической традиции корифеев русской литературы XIX в. Эту традицию они не нарушили и в 30-е гг., когда в Советском Союзе расцвел социалистический реализм, что еще более расширило идейное противостояние эмигрантской и советской литературы.

В числе молодых прозаиков-эмигрантов выделяются Г.И. Газданов, Р.П. Гуль, В.В. Набоков, Ю.С. Лукаш, М.Д. Каратеев, Б.Ю. Поплавский. Эта группа писателей, в отличие от старших, имела иной опыт жизни в «старой» России. Молодежь по-иному воспринимала революцию и гражданскую войну. Поэтому молодые писатели избрали непохожий творческий путь, что вполне естественно. Они быстрее адаптировались в условиях западной действительности. Для них не стали чужды новые тенденции в западной и советской литературе. Однако молодежь не признала соцреализм как новое литературное направление.

Отличал молодых писателей от старших коллег, прежде всего, выбор тем и способов их изложения. В их творчестве основной упор делался на раскрытие внутреннего мира персонажей, реакции личности на необычные жизненные ситуации, на более углубленный психологический анализ мотивов поведения действующих лиц, на раскрытие духовного мира личности с помощью самоанализа, порой по воле автора доводящего личность до аморфного душевного состояния. В то же время молодые писатели старались следовать стилю русской прозы XIX в., хотя и не избегали новых стилистических веяний, вплоть до написания произведений на иностранном языке (Набоков и др.).

Почти идентичную картину представляет сопоставление поэтов двух поколений. За рубежом оказались известные русские поэты, как маститые, так и начинающие, но уже многообещающие и талантливые. Здесь были представлены все ведущие поэтические направления серебряного века.

Из старшего поколения лидеров символизма изгнанниками стали К.Д. Бальмонт, В.И. Иванов, З.Н. Гиппиус, Д.С. Мережковский, Н.М. Минский. Двое последних, правда, прекратили свою поэтическую деятельность на чужбине. Прежний пыл и вдохновение покинули символистов в изгнании. Постепенно символизм как литературное течение угас вдали от России.

Акмеисты Г.В. Иванов, И.Н. Одоевцева, Г.В. Адамович, В.Ф. Ходасевич, в свое время выступивший в защиту молодой зарубежной русской поэзии, в эмиграции заметно снизили новаторский характер своего творчества. Но их имена нередко появлялись на страницах альманахов, журналов, газет. Акмеисты пытались поддерживать связь с советскими поэтами О. Мандельштамом, А. Ахматовой, Н. Гумилевым, Б. Пастернаком, чьи стихи имели успех в Российском зарубежье. Несколько особняком стоял Хо-

дасевич, пришедший к акмеизму лишь в эмиграции. Его пессимизм и трагическое миропонимание обессилили поэта и заставили умолкнуть. Зато новое амплуа литературного критика принесло неплохие плоды.

Молодое поколение эмиграции называли «потерянным», не имевшим будущего. Это в определенной степени относилось и к молодым поэтам и писателям, начавшим формироваться в тяжелых бытовых условиях, без прочных связей с литературными опекунами, вокруг которых они хоть и пытались группироваться, но неприятие некоторых канонов традиционной поэзии отталкивало их от «стариков».

Молодые поэты уверенно вышли на творческую арену в конце 20-х – начале 30-х гг. Некоторые из них достигли расцвета творчества раньше. Самой активной в поэтическом хоре была парижская группа молодых поэтов: М.И. Цветаева, А. Ладинский, В. Смоленский, А. Гингер, Б. Божев. В. Парнах, Н. Евсеев, Н. Туроверов, И. Голенищев-Кутузов, Г. Раевский, Б. Поплавский, позже В.В. Набоков.

Имея доступ на страницы печатных изданий, парижская группа получила наибольшую известность в эмигрантских кругах. Эту группу отличал поиск новых поэтических путей для эмоционально-художественного выражения своих мыслей, чувств, переживаний. «Парижане» не отвергали, а продолжали лучшие традиции поэтов старшего поколения, как эмигрантов, так и в Советской России. Они не строили свои творческие методы на голом месте, и их нельзя считать нигилистами, отторгающими огульно классические методы в поэзии. Поэты группы проявляли интерес к литературно-художественному модернизму Запада, особенно поэтов Франции. Сочетая выборочно традиции отечественной поэзии, новшества Запада и собственные находки в творчестве, молодые поэты создали новую русскую поэзию.

Среди молодых парижских поэтов наиболее значительной фигурой была Марина Цветаева. Она своим творчеством, формой стиха способствовала развитию русской поэзии за рубежом. Большой потерей для молодой зарубежной русской поэзии была ранняя смерть поэта Бориса Поплавского, который не успел полностью раскрыть свое поэтическое дарование.

Поэзия явилась наиболее действенным связующим звеном для двух литератур – зарубежной и советской, т.к. обе они взаимопроникались единой поэтической традицией, которая сохранялась и развивалась вопреки коммунистической идеологии. Главным печатным органом для многих молодых поэтов был журнал «Числа», организованный поэтом Георгием Ивановым, который редактировал Николай Оцуп. Позднее в Нью-Йорке молодежи охотно предоставлял свои страницы «Новый журнал».

Основные темы творчества писателей российского зарубежья. Материал параграфа построен на обобщающем анализе литературного творчества эмиграции, обусловленном историографической концепцией автора. Какие же темы в большей степени волновали душу и тревожили творческое воображение писателей и поэтов, побуждая их к действию? Ведущими из них назовем три. Первая это Октябрьская революция и гражданская война. Вторая тема – покинутая Родина, многострадальная и незабываемая Россия. Третья тема была направлена на изображение бытовой неустроенности эмигрантов, вскрытие причин и мотивов их духовной смуты, попыток сохранения надежд на возрождение к прежней жизни.

Итак, тема первая, тесно связанная с недавно пережитым кошмаром. Став свидетелями Октябрьской революции, испытав все тяготы гражданской войны, потерю надежд на спасительную миссию Запада, и позже, увидев его сущность изнутри, русские писатели и поэты выражали в своих творениях в эмиграции трагический духовный смысл эпохи. Тема Октябрьской революции и гражданской войны нашла более яркое отражение в творчестве И. Бунина, И. Шмелева, М. Алданова, А. Аверченко, Д. Мережковского, Л. Андреева, М. Цветаевой, З. Гиппиус, К. Бальмонта.

И. Бунин не принял ни Февральскую, ни Октябрьскую революции. Вторая из них стала для писателя воплощением хаоса, нарушением незыблемости основ государства, права и морали, разгулом стихии, попирающей от века установленный миропорядок.

Свое отношение к Октябрьской революции он вполне определенно выразил в художественно-публицистическом произведении «Окаянные дни» (1923). В основу его легли впечатления о проведенных кошмарных днях 1918–1919 гг. в «красной Москве» и «красной Одессе». Материалом для книги послужили дневниковые записи писателя. Перед глазами Бунина предстают роковой исход великого сокрушения, массовая жестокость, бесчисленные жертвы, разящий трагизм революции. Писатель понял суть революции, ее цели и способы борьбы, окончательно разобрался в сущности большевизма и не случайно назвал Ленина «нравственным идиотом». В эмиграции И. Бунин еще раз осмысливает беспощадность любых революций с их жертвами, страданиями народов, разрушением материальных и духовных ценностей. Это нашло отражение в его рассказах «Несрочная весна», «Товарищ Дозорный», «Богиня разума», написанных в 1924 г.

И. Шмелев на основании увиденного и пережитого в годы гражданской войны написал рассказы-памфлеты и повести-памфлеты «Каменный век» (1924), «На пеньках» (1925), «Про одну старуху» (1925). Однако главным произведением на эту тему явилась повесть «Солнце мертвых» (1923) – «эпопея» гражданской войны, в которой автор проводит гуманистическую идею о недопустимости попрания прав личности. Шмелев ужаснулся оттого, что увидел в солнечном, с прекрасной природой Крыму, где гибнет все живое в огне братоубийственной бойни. И с тех пор революция казалась ему стихией разрушения, насилия, издевательством над здравым смыслом. В повести «Солнце мертвых» Шмелев обличил большевизм.

Популярными в эмиграции были исторические романы Марка Алданова, близкие по событиям и их участникам современной ему действительности. Попытка исторического осмысления российского Октября, который Алданов считает исторической катастрофой, была сделана в романах «Истоки» (1950) и «Самоубийство» (посмертная публикация в 1958 г.). В его «Истоках» действие происходит в 1870-х начале 1880-х гг. Название романа выражает авторский замысел и его идею: истоки грозного 1917 г., шире – истоки всей характерной для XX столетия жестокой нетерпимости можно и надо искать в тех 1870-х гг., когда общество разделилось на два непримиримых лагеря и каждый, убежденный в своей монополии на истину, стал делать ставку на насилие. Кульминацией романа является сцена убийства Александра II народолюбцами.

Между тем Алданов – блестящий публицист, автор книг-очерков «Портреты» и «Современники». Его книга «Огонь и дым» посвящена закономерностям развития русской истории в сравнении с французской. Описывая истории французской революции, автор проводит параллели между ней и русской революцией. Он создает исторический фон, на котором действуют конкретные личности. Их размышления, стремления, сам исторический фон, обстоятельства места и времени Алданов делает сопоставимыми и узнаваемыми. Интересен с исторической точки зрения очерк «Третий Рим и Третий интернационал», вошедший в книгу «Огонь и дым». Он представляет собой одну из первых попыток исследовать истоки большевизма как главного явления тогдашней российской действительности.

Колоритно изображены Алдановым политические портреты большевистских лидеров в публицистических сборниках, упомянутых выше. В книге «Огонь и дым» близка с нашей темой миниатюра «Сказка о добром монархе» – о Ленине, который проявляет «почти женскую нежность к людям» и который так устал, истребляя контрреволюционеров и саботажников (по характеристике Горького). Алданов, полемизируя с Горьким, дает объективную характеристику вождю революции, вдохновителю гражданской войны.

Д.С. Мережковский под флагом борьбы с мещанством еще до октябрьского переворота выступил против социалистов и революции, России и миру, предупреждал Мережковский, грозит «хамство» (мещанство). Самым страшным хамством является хамство «босйчества» – «четвертого сословия». «Идет грядущий хам», – заявляет писатель. По убеждению Мережковского, взбунтовавшийся пролетариат уничтожит цивилизацию. Социалистическую революцию он называет злом, против которого надо всем объединиться. Социализм Мережковский отождествляет с мещанством и «духовным вырождением». Эти убеждения он выразил в книге «Грядущий хам». Революционные события потрясли писателя. Политическим откликом на эти события явился его роман «14 декабря» (1918). Царь-Зверь породил Царя-народ, то «четвертое сословие», которое, взяв оружие, сокрушило Россию, чье спасение от большевизма автор видит в иностранной интервенции.

Приблизить «час ликвидации и расплаты с большевиками» призывал в своих памфлетах и рассказах А. Аверченко. Новую Россию он предавал анафеме («Дюжина ножей в спину революции», 1921).

М. Цветаева во время гражданской войны горела ненавистью к большевизму, и лучшие ее стихи были посвящены подвигам Белой армии. Она с некоторым вызовом, свойственным ее страстной натуре, противопоставила себя (в стихах) революционной действительности. В те страшные годы гражданской войны и террора, с 1917 по 1920 г., Цветаева писала книгу о революции и этой войне, книгу, посвященную и обращенную к мужу – своему лебедю, и назвала эту книгу «Лебединый стан». Лебединый стан – это Белое движение и Добровольческая армия А. Деникина и Врангеля. Всего в книге 59 стихотворений, расположенных в хронологическом порядке, так что получается настоящая летопись революции и гражданской войны. В СССР «Лебединый стан» был опубликован впервые только в 1990 г. Произведения М. Цветаевой широкодоступны и изучаются, ее влияние на современную поэзию постоянно возрастает.

З. Гиппиус не приняла Октябрьской революции и создала сборники контрреволюционных стихов. В 1918 г. она выпустила книгу и дала ей название «Последние стихи».

К. Бальмонт, с восхищением принявший Февральскую революцию, после Октября перешел в стан правых. Он славит генерала Корнилова, отвергает Октябрьскую революцию, трактует ее как насилие. Его пугает разруха, террор, решительные способы переустройства мира.

При многообразии тем, идей, задумок, нравственных ориентиров в литературном творчестве писателей объединяла общая судьба изгнанников, что становилось лейтмотивом творческой жизни художников слова – ностальгия, тоска по Родине. Литературная эмиграция видела свою жизненную, историческую роль в сохранении памяти о до-революционной России, в создании «малой России» за рубежом. Поэтому тема покинутой Родины занимает ведущее место в творчестве писателей и поэтов. В среде российских литературоведов дискуссионным остается вопрос: трактовать литературу русской эмиграции как литературу «воспоминаний», которая не имела будущего, или как литературу, выразившую духовный опыт, принципиально новый для России и русских. Как бы то ни было, воспоминания, и ностальгические обращения к прошлому составляют важнейшую часть литературного творчества эмиграции. Эта струя воспоминаний особенно сильно проявилась у писателей старшего поколения. Хотя и не все прошлое было прекрасным, но над ним веяло забвением, услаждающим и украшающим. Для читателей это было особенно трогательным: мирное и поэтическое в прошлом гораздо более привлекало, чем война, кровь, насилие, страдания.

Более распространенными были рассказ, повесть, лирика, наблюдалось влечение к русской древности. Реже был роман, к которому заметнее тяготело молодое поколение писателей, несколько «европеизированное», но приверженное эмигрантскому духу.

Произведения некоторых писателей, связанные с темой покинутой Родины, были автобиографичными.

И.А. Бунин был истинным патриотом, беззаветно любил Россию. Это давало ему силу противостоять судьбе вдали от Отечества. Как бы ни обращался писатель к проблемам жизни, любви, смерти, центральной в его творчестве в эмиграции оставалась проблема и идея Родины, дорогой сердцу России, хотя и отдаленной от него во времени и пространстве. Но, несмотря на эту отдаленность, писатель воскрешает в своей памяти то виденное, навсегда запечатленное русское, что никогда не могло уйти в забвение, а лишь ненадолго отодвинулось от него. И. Бунин смещает время. Рельефно это проявилось в рассказах «Подснежники» и «Далекое». В них автор сближает во времени прошлое и настоящее, будто пережитое им заново прошлое случилось совсем недавно, и оно не закончилось, а продолжает жить.

В рассказе «Косцы» (1921) проявляется просветленное воспоминание Бунина – тончайшего мастера слова. Здесь на фоне радужной световой и цветовой гаммы рязанские мужики косят сено, звучит песня. Вот она – близкая и далекая Россия и взаимное тяготение писателя и родины. В языке автора слышатся доселе затаенные слова умиления. Но на фоне этой трогательно-лирической панорамы вновь появляются печальные штрихи поруганной, рухнувшей России. Через восемь лет авторские воспоминания окрашиваются в другие тона. Удручающая картина, навеянная тяжелым чувством изгнанника на чужбине, предстает перед читателем в рассказе «Пингвины» (1929). Во мраке пробирается обремененная душа писателя в давно покинутые, но незабытые места, и только память ворошит прошлое в поисках смысла прожитого и пережитого.

Самым значительным произведением Бунина в эмигрантский период стал роман «Жизнь Арсеньева». Это своеобразная семейная хроника из серии ранее написанных художественных автобиографических произведениях русской классики. Но, в отличие от классиков, в романе «Жизнь Арсеньева» четко прослеживается обостренная авторская концепция, связанная с революционными потрясениями, их последствиями, оценкой, переоценкой и осмысливанием российской и эмигрантской жизни писателя, с преданностью России и болью за ее судьбу.

Тоска по Родине запечатлелась и в поэтическом творчестве Бунина. Особенно ярко это выразилось в стихотворении «У птицы есть гнездо» (1922). Он мечтал вернуться в Россию, о чем свидетельствуют его дневниковые записи, но начавшаяся война Германии с СССР помешала этому свершиться.

А.И. Куприн до боли сердечной любил Россию. Он так мечтал о Родине, что говорил: «Я готов пойти в Москву пешком!» Оторванностью от России он обессилил свое дарование. За рубежом ему не писалось, хотя он и пытался. В письме к И.Е. Репину Куприн писал: «Чем дальше я отхожу во времени от родины, тем болезненнее о ней скучаю и там глубже люблю. Знаете ли, чего мне не хватает? Это двух-трех минут разговора с половым из Любимовского уезда, с зарайским извозчиком, с тульским банщиком, с владимирским плотником, с мешчерским каменщиком. Я изнемогаю без русского языка»¹⁷⁴. Оторванный от живой русской действительности, Куприн был вынужден использовать только отложившиеся в памяти крупницы российского быта. Такие рассказы вошли в сборник «Елань» (1929).

Внимание Куприна в годы эмиграции было обращено и к прошлому родной страны, к лично пережитому, к событиям и явлениям жизни, очевидцем которых он некогда был. Он пишет рассказы «Домик», «Потерянное сердце», «Урод», «Бредень». Следует отметить особенность его творчества эмигрантского периода: многое из того, что ранее

¹⁷⁴ Куприн А. И. Собрание сочинений : в 10 т. М., 1964. Т. 1. С. 28.

изображалось Куприным критически, теперь окрашивается в розово-сентиментальные тона, ибо само прошлое в представлении писателя выглядит идиллически.

Эта идеализация прошлого особенно заметна в романе «Юнкера» (1933) – наиболее значительном произведении Куприна эмигрантского периода. Роман является как бы связующим звеном между «Поединком» и «Кадетами». Однако по своему идейно-художественному строю он резко отличается от ранних произведений, посвященных этой теме. В изображении жизни юнкерского училища Куприн избегает обличительной окраски. Напротив, он создает мир радости и благоденствия. Вместо социальных проблем, возникают личностные проблемы, порожденные сглаженными воспоминаниями и эмигрантской тоской автора. В частности, на первый план выдвигаются глубоко личные, в том числе любовные переживания главного героя – юнкера Александрова. И все-таки роман «Юнкера» – это не только история Александровского училища, но и теплые воспоминания Куприна о старой Москве, дорогих его сердцу памятных местах древней столицы Государства Российского, о которых он с такой задушевностью пишет.

Писатель И.С. Шмелев всю свою нелегкую эмигрантскую жизнь помнил и любил Россию, с которой у него были связаны и теплые воспоминания о прожитых годах, и личная трагедия – расстрел большевиками без суда и следствия взятого из госпиталя в Феодосии сына – офицера Добровольческой армии.

Ностальгические воспоминания Шмелева ярко и образно запечатлены в книгах «Богомолье» (1931), «Лето Господне» (1933–1948) и в сборнике «Родное» (1931). Эти произведения накрепко связаны с Россией, дорогими писателю местами, богатой российской природой, людьми, с их колоритным местным говором, бытом. Поистине, «здесь русский дух, здесь Русью пахнет». В «Лете Господнем» писатель создает картины русского быта, близкого сердцу эмигранта, используя запечатлевающиеся художественные средства. И все это воспроизводится и воспринимается через впечатлительную детскую душу маленького Вани. Так мог писать только художник, беззаветно преданный Родине.

С темой покинутой России связано эмигрантское творчество Б.К. Зайцева. Образ Родины создается им в автобиографической тетралогии: «Путешествие Глеба» (1937), «Тишина» (1948), «Юность» (1950), «Древо жизни» (1953).

Писатель В.В. Набоков ненавидел большевизм, поправший Россию «святую Русь». Наиболее эмоционально тему покинутой России он выразил в стихах, особенно 20-х гг. В них – детство, юность, родители, первая любовь, волнующий русский пейзаж, изгнание, скитание и самое главное – Россия. Достаточно назвать такие стихотворения: «Россия» (1918): «Ты в сердце Россия. Ты – цель и подножие, ты – в ропоте крови, в смятенье мечты»; «Родине» (1923), в котором Россия предстает в воспоминаниях поэта в яркости своей природы; «Родина» (1927): «Бессмертное счастье наше Россией зовется в веках»; «К России» (1928): «Слепец, я руки простираю и все земное осязаю через тебя, страна моя. Вот почему так счастлив я». Иногда поэт видит Россию во сне как несбывшееся воспоминание. Пример этому стихотворение «Сны» (1926): «Ведь странникам даны только сны о родине, а сны ничего не переменят».

Русский пейзаж в стихах Набокова чаще представлен в виде «усадебного», в нем нет красок и запаха родной деревенской природы. Так, стихотворение «Глаза прикрою и мгновенно...» – воспоминания поэта о своей юности «в усадьбе, у себя, в раю»; «Прелестная пора» (1926) о русской природе, которой упивается поэт в усадьбе родителей. Мечты о России порой порождали у раннего Набокова мотивы «тайного» и «незаконного» возвращения на родину («Для странствия ночного мне не надо...», 1929).

Изгнание юного Набокова и его родителей из большевистской России и связанные с ним переживания составляют основу его романов. Он описывает обстоятельства своей жизни в ряде мемуарных книг. Более четко и объемно автобиографические факты

проявляются в романах «Дар» и «Другие берега». Первый из них был посвящен матери писателя. В главном герое романа запечатлены некоторые черты характера автора. Здесь же встречаются ситуативные моменты и события из биографии писателя, всплывают воспоминания об отце и детстве, мечты о возвращении в родные места. В «Других берегах» явно просматриваются ностальгические чувства автора. Его детству отведены самые проникновенные страницы романа.

Тоску по России выражали в своем творчестве и другие писатели и поэты российской эмиграции. Так, вся проза Тэффи была насыщена ностальгией. Писатель М. Осоргин, мастер пейзажа, «зеленого мира», посвятил воспоминаниям книгу «Времена». А.М. Федоров необычайно тяжело переживал разлуку с Родиной. Россия, лишенные Отечества беженцы – главные мотивы его стихов. Ностальгия М. Цветаевой породила стихотворение «Тоска по родине». Тоска по России выражена в стихах и прозе Балмонта, который стремился на родину и для которого «духа нет в Европе». Обожал Россию и страдал от разлуки с ней Георгий Иванов. В эмиграции эволюционировал поэт И. Северянин. Немалая часть его поздних стихов приобрела ностальгическое напыление. Эмигрантская действительность подорвала прежний юмор А. Аверченко и внесла трагические ноты в его творчество («Трагедия русского писателя» и др.). Вне России, ее быта и языка угасло его вдохновение.

Тема бытовой неустроенности эмигрантов мало привлекала писателей. Лишь незначительное число из них касалось этой болезненной темы, рассказывало о нелегкой судьбе эмигрантов, потере надежд на возвращение в Россию. Дон Аминадо, уехав в Париж из Советской России, печатал свои стихи-фельетоны в русских изданиях. Он изображал эмигрантские будни, политические баталии, которые разворачивались на французской земле среди соотечественников. Это была грустная хроника эмигрантской жизни, публиковавшаяся на протяжении двадцати лет в «Последних новостях».

Юмористические, а порой и резко сатирические зарисовки жизни в эмиграции делали Тэффи и А. Даманская. О своем жалком существовании в Париже писал Г. Адамович. Тяжесть и бессмысленность эмигрантского бытия изобразил В. Ходасевич в сборнике «Тяжелая лира» (1923) и цикле стихов «Европейская ночь» (1927).

Непреодолимость человеческих бед, трагизм существования пытается осмыслить М. Цветаева в поэме «Лестница» (1926). Автор выражает острое сочувствие обиженным жизнью и ненависть к богатым. В поэме изображена черная лестница многонаселенного городской беднотой дома, которая предстает как символический образ всех будничных горестей обездоленных. На ступеньках черной лестницы остаются следы безысходных трудов, забот обитателей дома в борьбе за жалкое существование. По лестнице вверх и вниз устало проходят люди, проносятся скудные вещи бедноты и дорогая, тяжелая мебель богатых. И завершении поэмы бедность и зло уничтожаются в пожаре, который олицетворяет спасительный огонь, сжигающий дотла несправедливо устроенный мир во имя иного, лучшего бытия человека, и приходит «взамен пожизненной смерти – жизнь посмертная», «целый рай ведь – за миг удушья».

Литературная критика. В эмиграции в 20–30-е гг. русская литературная критика переживала небывалый расцвет. Здесь стоит вспомнить имена Д. Святополк-Мирского, В. Вейдле, П. Бицилли, Г. Струве. Талантливыми критиками были В. Ходасевич, Г. Иванов, З. Гиппиус, М. Алданов, Б. Зайцев, В. Набоков, М. Цветаева. Литературно-критические работы таких мыслителей, как Л. Шестов, Н. Бердяев, С. Булгаков, Г. Федотов, И. Ильин, Ф. Степун, поражают глубиной и силой исполнения. Большинство критиков рассматривало русскую зарубежную литературу как объединительную силу с установкой на поиск социальной правды в христианском идеале.

Однако на критической трибуне самым известным и плодовитым в области литературной критики был Георгий Адамович, которого Г. Федотов назвал «соборной лично-

стью». За полвека критической деятельности Адамович опубликовал огромное количество статей, рецензий, мемуарных очерков (большая часть до сих пор не собрана). Он печатался во многих эмигрантских изданиях, в том числе в самых авторитетных: газете «Последние новости», журналах «Звено», «Мысль», «Числа», «Современные записки», «Новый журнал», «Опыты» (Нью-Йорк). Адамович писал о русской и зарубежной классике, о писателях. XX столетия – эмигрантских, советских, европейских, именитых и малозначительных, признанных и начинающих. Лишь немного было собрано им в книгах «Одиночество и свобода» (1955), «О книгах и авторах» (1966), «Комментарии» (1967) – шедевре русской критической прозы.

Благодаря деятельности литературоведов изучение русской зарубежной литературы как научной дисциплины достигло в Российском зарубежье своего подъема. Вместе с тем усилия литературных критиков способствовали популяризации русской художественной литературы и создавали научную почву для развития этого направления в западной науке.

В главе была затронута лишь часть проблем литературы Российского зарубежья. В заключение сделаем ряд выводов по теме. Если можно считать решенным вопрос о советской и русской эмигрантской литературе как единой отечественной, национальной литературе, то дискуссионным остается определение характера и специфики этой целостности при идеологической несовместимости взглядов, различии идейно-эстетических позиций и художественных представлений двух когорт писателей, поэтов, литературных критиков.

Требуют пояснения два вопроса, которые упоминались в главе, взаимовлияние художественной литературы российской эмиграции и западной литературы, а также возможность установления «обратной связи», влияния эмигрантской литературы на развитие литературного творчества в СССР.

На протяжении межвоенного двадцатилетия эмигрировавшие из России писатели (преимущественно молодое поколение) контактировали, и порой достаточно активно, с литературной средой западных стран. Это выражалось в переводе книг, знакомивших зарубежных читателей с литературой «старой России», в разного рода межкультурных связях, в двусторонней переводческой и литературно-критической деятельности, в творческом интересе русских писателей к новым явлениям в иностранной литературе.

Следы воздействия западной литературы рубежа веков и первой половины XX в. наблюдаются в художественном наследии М. Алданова, Б. Поплавского, В. Набокова, Н. Берберовой, Г. Газданова, Ю. Фельзена и некоторых других, менее известных писателей. В свою очередь в произведениях ряда писателей Франции, Германии, Великобритании, США имело место освоение «русской темы» с учетом и через посредство эмигрантского культурно-психологического опыта. В начале 20-х гг. интерес к «восточным пришельцам» был повышенным у не крайне левой части французских писателей.

На этом, в сущности, и кончалось взаимопроникновение эмигрантской и западной литературы. На русских писателей, преимущественно старшего поколения, на их идейно-художественные принципы западная литература с ее корифеями не оказала заметного влияния, не поколебала традиций русской классики в литературе Российского зарубежья. В этой связи убедителен вывод М. Раева: «Творчество писателей в изгнании не отразило в сколько-нибудь заметной мере того обстоятельства, что они находились в чужой стране и имели широкий доступ к другой богатой литературной традиции, приобщение к которой могло бы обогатить и разнообразить их собственные произведения. Русская литература в изгнании осталась столь же изолированной от западных литера-

тур, как это было в дореволюционной России»¹⁷⁵. Однако молодые писатели постепенно отходили от национальных литературных традиций. Кое-кто из них в 1940-х гг. переходит на двуязычное творчество, на нерусскую фабулу (жизнь заставила), что выделилось в своеобразное явление мировой литературы.

В начале 20-х гг. часть русских зарубежных писателей и поэтов желала и не теряла надежды на установление «обратной связи» с писательской средой Советской России. Для такой связи были некоторые возможности и предпосылки. В Берлине, например, издавались газеты «Новый мир», «Накануне» (орган сменовеховцев), критико-библиографический журнал «Новая русская книга», ориентированные на литературную полемику со Страной Советов. Это обещало сохранить некоторый мостик между Российским зарубежьем и Советской Россией, хотя и весьма зыбкий. Большая же часть писательской интеллигенции выражала непримиримость в отношении большевиков и отторгала любые связи с советскими писателями.

В течение 20-х гг. между зарубежьем и СССР поддерживались творческие контакты, особенно в поэзии. Новаторство в поэтическом творчестве советских писателей с интересом воспринималось поэтами эмиграции. Надежды на установление «обратной связи» возросли, когда в СССР реабилитировали русскую классику в литературе и искусстве. Однако разгул сталинских репрессий в этот же период прервал даже слабые контакты между зарубежьем и Родиной.

В то же время писатели-эмигранты стали терять интерес к советской литературе, переведенной по команде сверху на рельсы единственного и обязательного социалистического реализма. Доступ эмигрантской литературы в СССР, и без того скудный, был закрыт, и советские писатели не могли знакомиться с новыми произведениями зарубежных коллег. В свою очередь идейно-эстетические позиции зарубежных русских писателей в 30-х гг. уже не воспринимались советскими писателями и читателями, воспитываемыми на иных идеологических и художественных приемах, эстетических правилах.

В этих условиях писатели-эмигранты не могли оказать влияния на советскую литературу. Обстановка несколько изменилась в середине 50-х гг., в период хрущевской оттепели. Во второй половине 80-х гг. проникновение русской зарубежной литературы в СССР резко повысилось. Произведения писателей-эмигрантов, написанные как в дореволюционное время, так и за рубежом, печатаются российскими издательствами.

¹⁷⁵ Расв М. Россия за рубежом. История культуры русской эмиграции. 1919–1939. М. : Прогресс-академия, 1994. С. 144.

ГЛАВА IV. ИСКУССТВО РОССИЙСКОЙ ЭМИГРАЦИИ

Изучение культурного наследия российской эмиграции в области искусства стало сегодня одной из важнейших задач отечественного искусствоведения, так как это наследие по своему богатству, художественному значению и мере воздействия на мировое искусство давно признано как уникальное явление цивилизации. И надо признать, искусствоведы проводят объемную работу в этой области. Во всех видах и жанрах искусства российская эмиграция представила Европе и Америке мастеров мирового уровня. Достаточно назвать такие запечатленные в истории имена, как Сергей Рахманинов, Игорь Стравинский, Федор Шаляпин, Вацлав Нижинский, Анна Павлова, Михаил Чехов, Николай Рерих, Василий Кандинский.

Выдающейся личностью в истории отечественной культуры, проповедником русской оперы и балета был Сергей Павлович Дягилев (1872–1929). В России имелось немало меценатов, которые поддерживали развитие русской культуры. Среди них выделялись Рябушинский, Третьяков, Мамонтов, Морозов, Щукин. Дягилев и был тем спонсором, который концентрировал средства, получаемые от меценатов, для реализации культурных программ. Он умел заразить своими грандиозными планами богатых поклонников искусства, и купцы, фабриканты давали ему немалые суммы денег, зная, что Дягилев сумеет разумно использовать их на развитие национальной культуры.

Европа познакомилась с русской живописью, оперой и балетом в начале XX в. Этому знаменательному событию в культурной жизни России способствовали организуемые С.П. Дягилевым с 1906 г. «Русские сезоны» в Париже, которые имели свои программы. В 1906 г. была проведена выставка «Два века русской живописи и скульптуры». В 1907 г. – концерт русской музыки. Широкий музыкальный спектр был представлен сочинениями от Глинки до Скрябина. 1908 г. – гастроль Ф.И. Шаляпина. Выступления певца прошли с большим успехом. Всемирную славу принесло ему исполнение партии Бориса из оперы М.П. Мусоргского «Борис Годунов». В 1909 г. в Париже проходят спектакли русского балета. Они продолжались до 1912 г. С.П. Дягилев умер в Венеции 19 августа 1929 г.

В главе кратко рассматриваются те виды искусства, которым российская эмиграция продолжила жизнь и обеспечила славу за рубежом: русская музыкальная культура, русская опера и балет, эстрадное искусство, русский эмигрантский театр, изобразительное искусство российской эмиграции.

Русская музыкальная культура за рубежом. Русская музыкальная культура была представлена школой русских композиторов-эмигрантов, музыкально-драматическим и музыкально-хореографическим жанрами. Этот вид искусства как процесс в целом, включающий также концертную деятельность известных в дореволюционной России музыкантов, музыкальное образование детей эмигрантов, в том числе работу консерватории имени Рахманинова, в которой преподавали ученики Римского-Корсакова, Танеева, наименее изученная область культуры Российского зарубежья. Основная причина – скудность источниковедческой базы. Вот почему Российский институт искусствознания буквально по крупицам собирает и изучает факты музыкальной жизни эмиграции, без знания которых невозможно понять феномена музыкальной культуры Российского зарубежья в период между двумя мировыми войнами.

Школа русских композиторов. Ядром этой школы за рубежом были С. Рахманинов, И. Стравинский, С. Прокофьев, Л. Глазунов, А. Гречанинов, Н. Черепнин. В их творчестве по-прежнему оставались гуманизм, народность музыки, неременное сочетание этического начала с эстетическим, ума и чувства, хотя с годами и наблюдалось некоторое воздействие другой национальной музыкальной традиции, иной культуры.

Сергей Васильевич Рахманинов (1873–1943). Имя С. Рахманинова в ряду известных музыкальных деятелей Серебряного века, в истории русского искусства начала XX сто-

летия занимает ведущее место. Он рано проявил себя и как гениальный пианист, и как выдающийся композитор и талантливый дирижер.

За 17 предреволюционных лет С. Рахманинов создал свои лучшие произведения. Он написал Второй концерт, самый блестящий в русской фортепьянной музыке этих лет, и Третий концерт для фортепьяно с оркестром. Вторую симфонию, Виолончельную сонату, кантату «Весна» на слова Некрасова, кантату «Колокола», симфоническую поэму «Остров мертвых», две оперы, вариации на темы Шопена, несколько прелюдий, два цикла романсов, в которых проявился незаурядный мелодический дар композитора, и другие талантливые произведения. Безусловно, этот творческий подъем Рахманинова был связан с русской действительностью, с родным народом и родной Россией.

В композиторском творчестве С. Рахманинова заключены многогранности яркая национальная окрашенность его музыки, реалистическая основа сочинений, широкий круг музыкальных образов, эмоциональных состояний, преисполненных мощной силы, поэтического вдохновения и зрелого мастерства. Все это делает Рахманинова выдающимся явлением мировой музыкальной культуры.

Февральскую революцию он принял восторженно, но Октябрьскую революцию отверг. В декабре 1917 г. Рахманинов отправился в Скандинавию, на свои последние заграничные гастроли, из которых в Россию не вернулся. В 1918 г. он переехал в США. Разрыв с Родиной Рахманинов переживал очень глубоко и до конца своей жизни воспринимал как большую жизненную трагедию. Своим друзьям он с горечью признавался: «Уехав из России, я потерял желание сочинять. Лишившись родины, я потерял сам себя. У изгнанника, который лишился музыкальных корней, не остается желания творить, не остается иных утешений, кроме нерушимого безмолвия нетревожимых воспоминаний»¹⁷⁶.

За рубежом Рахманинов, действительно, не проявил столь большой продуктивности в сочинениях. Постоянная тоска по родной природе, которую напоминала ему Южная Калифорния, родным местам резко сократили его творческий потенциал как композитора. За 25 лет он создал лишь шесть произведений: Четвертый концерт (1926), Три русские песни для оркестра и хора (1926), Вариации на тему Корелли для фортепьяно (1931), Рапсодию на тему Паганини для фортепьяно с оркестром (1934), Третью симфонию (1936), Симфонию танца (1940). Ни в одном из этих произведений Рахманинов уже не мог подняться до того уровня, какой был характерен для его лучших творений, созданных в России. В 1918–1942 гг. он занимался преимущественно концертно-пианистской деятельностью. Публика называла его первым пианистом мира.

Осенью 1939 г. в Нью-Йорке проходил фестивальный цикл концертов из произведений Рахманинова. Под управлением дирижера Юджина Орманди в исполнении Филадельфийского оркестра и самого автора прозвучали Второй и Третий концерты. Симфонической поэмой «Остров мертвых» Рахманинов дирижировал сам. В исполнении своего любимого произведения, по признанию Сергея Владимировича своим друзьям, он вложил весь мир своей души и зрелость жизненного опыта художника.

В годы Великой Отечественной войны Рахманинов стремился как-то помочь своему борющемуся народу. Он дал ряд концертов «В помощь русской армии». Умер Сергей Васильевич 28 марта 1943 г., не дожив трех дней до своего семидесятилетия. Первым официальным признанием со стороны СССР заслуг С.В. Рахманинова как композитора, величайшего пианиста и дирижера было письмо советских композиторов, отправленное Сергею Рахманинову по случаю его семидесятилетия. Но поздравительное послание не застало адресата в живых. Однако в 1945 г. организуется конференция, посвященная Сергею Васильевичу, концертный сезон проходит под знаком его музыки, в

¹⁷⁶ Третьяков Л. С. Страницы русской музыки. Русская классическая музыка на рубеже XIX–XX вв. М.: Знание, 1979. С. 134.

1947 г. выходят первые научные труды о творчестве С. Рахманинова. Залу бывшего Синодального училища в Москве присвоено название Рахманинского.

Творчество великого маэстро, память о нем стали достоянием России, ее народа. Во всей мировой культуре Рахманинов олицетворил собой художественный гений своего Отечества, своеобразие русской культуры, драматизм, ее духовность, многозвучность и национальное достоинство. Похоронен С.В. Рахманинов на русском кладбище в Кенессико, близ Нью-Йорка. Рядом с композитором погребены его жена и дочь Ирина Волконская.

Игорь Фёдорович Стравинский (1882–1971). Происходил из семьи художественной интеллигенции. Его отец – известный русский певец (бас), солист Мариинского театра, мать – пианистка. Музыкальная атмосфера в доме родителей способствовала раннему художественному развитию мальчика. Впечатления от русских народных песен были первыми впечатлениями будущего композитора.

За долгую творческую жизнь И. Стравинский создал много произведений, написанных в различных стилях и творческих манерах, порой резко несхожих. Эти особенности и качества композиторской деятельности выделяют его в истории мировой музыкальной культуры как фигуру противоречивую. Для творчества Стравинского в 10-х и 20-х гг. характерна русская народная тематика. Он находил образы для своих произведений в русском фольклоре, народно-песенная палитра была той совокупностью выразительных музыкальных средств, используя которые, Стравинский создавал свои творения.

Этот народный колорит ярко проявился в «Байке про Лису, Кота, Петуха да Барана», в вокальной сюите «Фавн и пастушка» на стихи Пушкина, в фантазии для оркестра «Фейерверк», опере «Соловей»; древнеславянская, языческая магия заклинаний, зовов – в балете «Весна священная», мелодии народных крестьянских песен в сочетании с бытовым городским романсом – в балете «Петрушка» и опере «Мавра».

Однако, в отличие от Глинки, Чайковского, использовавших национальные источники как бы в первозданном виде, бережно аранжировавших их, Стравинский стремился создать новый, современный музыкальный язык путем слияния музыкальных красок и образов русского национального фольклора с «интонационной атмосферой современного города».

Первая мировая война застала Стравинского в Швейцарии. Октябрьская революция и гражданская война преградили ему дорогу на родину. В 1920 г. он переехал во Францию, в 1939 г. в США, американское гражданство принял в 1945 г. За границей, наряду с композиторской деятельностью, выступал с концертами, которые участились после Второй мировой войны. В 1962 г. выступил с авторским концертом в СССР.

В эмиграции И. Стравинский постепенно стал отступать от русской тематики и переходить к неоклассицизму. Русская тематика уступила место античной мифологии, библейским темам. В вокальных сочинениях использовались главным образом латинские и отчасти французские тексты. Это резко ослабило значение русского национального начала в творчестве композитора, хотя Стравинский утверждал: «Я всю жизнь по-русски говорю, по-русски думаю, у меня слог русский. Может быть, в моей музыке это не сразу видно, но это заложено в ней, это в ее скрытой природе»¹⁷⁷.

В конце 40-х и в 50-х гг. тематика произведений Стравинского резко сужается, главенствуют духовные образы и сюжеты (перелом обозначила «Месса», 1948), музыка становится более суровой, нередко усложненной. Преобладают вокально-инструментальные произведения на латинские и английские тексты. Наиболее значительные сочинения: кантата «Священное песнопение» (1956), балет «Агон» («Состязание», 1957), «Заупо-

¹⁷⁷ Комсомольская правда. 1962. 27 октября.

койное песнопение» (1966). Последнее произведение И. Стравинского – это обработка для камерного оркестра двух песен Х. Вольфа (1967).

И.Ф. Стравинский стал одной из ярких фигур культуры Российского зарубежья, он с честью представлял отечественную культуру. Несмотря на некоторые отклонения в своем творчестве, Стравинский всегда оставался русским композитором, и его музыка – это русская музыка по своему стилю и своей форме. Советский композитор Д. Шостакович признавал: «Русский дух неистребим в сердце этого настоящего, подлинно большого, многогранного таланта, рожденного землей русской и кровно с ней связанного»¹⁷⁸.

Сергей Сергеевич Прокофьев (1891–1953). В первые десятилетия XX в. современники часто противопоставляли изысканной и утонченной музыке И. Стравинского суровую и терпкую красоту произведений Сергея Прокофьева. Жизненный и творческий путь композитора оказался не менее сложным, противоречивым, чем у многих его сверстников.

Прокофьев рано проявил влечение к музыке, привитое матерью, неплохой пианисткой. В тринадцатилетнем возрасте он поступает в Петербургскую консерваторию. На формирование юного Прокофьева оказали влияние современные ему композиторы – Скрябин, Рахманинов, Стравинский и другие. Ему импонировали их новизна, оригинальность, шедшие порой вразрез с классическими традициями. Постепенно еще студентом С. Прокофьев начинает вырабатывать свой собственный стиль, соответствующий духу нового времени.

Весной 1909 г. он окончил Петербургскую консерваторию как композитор, но остался в ней еще на пять лет для обучения дирижированию. С самого начала творческого пути Прокофьева сопровождали самые различные оценки его творчества. Он властно обратил на себя внимание. Его имя или хвалили, или бранили. Равнодушных не было.

После блестящего окончания дирижерского факультета консерватории в 1914 г. Прокофьев едет за границу, в Лондон, где в то время гастролирует знаменитая балетная труппа Дягилева. С этого времени началось творческое содружество композитора и знаменитого антрепренера. Вместе они «слепили» либретто нового балета и дали ему название «Шут». Вернувшись из-за границы, Прокофьев с головой ушел в работу над новым балетом. Не оставляя работу над ним, он начинает писать свою первую трагедийную оперу на сюжет Достоевского «Игрок». Она была написана в короткий срок.

Опера «Игрок» явилась тем первым шагом по пути обновления этого жанра, который через много лет привел Прокофьева к созданию величественной музыкальной эпопеи «Война и мир». Вслед за оперой Прокофьев написал симфоническую сюиту «Портреты». Вскоре был закончен балет «Шут». За ним последовала симфоническая сюита, которую он назвал «Скифской».

Приближение революции Прокофьев воспринял как величественное и загадочное явление, и его откликом на нее была кантата «Семеро их», которую он закончил осенью 1917 г. в Кисловодске, где жил с больной матерью. К этому времени у Прокофьева созревает решение об эмиграции, поводом были гастроли в Южной Америке. Разрешение на выезд за рубеж он получил от наркома просвещения Луначарского. Это разрешение на многие годы определило жизнь композитора на чужбине, которая длилась 15 лет. Его композиторское творчество за этот период было малопродуктивным и незаметным. Очевидно, концертная деятельность как средство к существованию отнимала все силы Прокофьева.

В 1936 г. Сергей Сергеевич возвращается на родину. Стечение обстоятельств побудило его вернуться в Россию. Этому способствовали, с одной стороны, неоднократные приглашения советских органов приехать в СССР, с другой – творческая неудовлетво-

¹⁷⁸ Третьяков Л. С. Страницы русской музыки. М. : Знание, 1979. С. 152.

ренность композитора, которую он испытывал за рубежом. К тому же, Прокофьев начал все больше разочаровываться в западном образе жизни. А приход к власти Гитлера заставил его сделать выбор: Америка или Россия. Он выбрал Россию.

В СССР С. Прокофьев создал свои лучшие произведения: оперы «Семен Котко», «Война и мир», симфонии и камерные сочинения. Смерть С.С. Прокофьева от кровоизлияния в мозг 5 марта 1953 г. всего на несколько часов опередила официальное сообщение о смерти Сталина. Церемония похорон великого диктатора затмила потерю композитора, давшего миру «Ромео и Джульетту», «Классическую симфонию» и другие шедевры. О похоронах С.С. Прокофьева сообщили лишь некоторые иностранные газеты несколько дней спустя.

Мы рассмотрели творчество только трех известных русских композиторов-эмигрантов. Но на музыкальном поприще за рубежом трудилось во славу русской культуры немало и других заметных фигур. Среди них назовем С.Л. Кусевицкого, дирижера, который возглавлял симфонический оркестр в Бостоне (США).

Плодотворную деятельность развила за рубежом В.С. Рябушинская, музыкальный критик и писательница. Она кончила Петербургскую консерваторию, жила в Париже с 1919 г. Вера Сергеевна писала статьи для музыкальных журналов. С 1934 по 1938 гг. читала лекции о русской музыке с древнейших времен до 1920 г. Многие из ее лекций, организованных Американским храмовым комитетом, шли в пользу бедных русских эмигрантов. Рябушинская была членом Общества по исследованию проблем искусства, участником Второго международного конгресса этики и науки об искусстве, где представила меморандум на тему «О творчестве в музыкальном исполнении».

В 1921 г. по инициативе Е. Рябушинской был создан «Союз музыкальных деятелей», в который вошло более 40 русских музыкальных деятелей. На первом, организационном собрании был принят устав и избрано правление. В его состав вошли Н. Арцыбушев, Н. Дризен, Е. Рябушинская, Н. Аверино, Е. Доленго-Грабовская. Союз занимался организацией музыкальных вечеров произведений русских композиторов.

Русские опера и балет в эмиграции. Из музыкальных театров в России самыми знаменитыми были Мариинский театр оперы и балета в Петербурге и Большой театр в Москве. В них сосредоточивались лучшие вокальные, балетные и оркестровые силы страны. Самое пристальное внимание в режиссуре обращалось на постановочную работу. Непременным требованием к исполнителям было сочетание вокального искусства с убедительной, правдивой и выразительной драматической игрой.

Волна эмиграции подхватила и унесла на Запад и Восток лучших артистов оперы и балета Петербурга и Москвы. Но С.П. Дягилев, который еще в 1908–1909 гг. открыл Европе российское музыкально-драматическое творчество, не дал угаснуть изгнанным талантам. При его активном участии в начале 1920-х гг. был создан Русский театр оперы. В нем были поставлены оперы «Борис Годунов», «Князь Игорь», «Русалка», «Садко», «Царская невеста», «Сказка о царе Салтане». Декорации и костюмы для этих спектаклей делали художники Коровин, Билибин, которые перевернули представление Запада о театральном-декорационном искусстве. В этих операх пел, приводя французов в восторг, Ф. Шаляпин. На этой сцене блистала русская балерина Анна Павлова.

Федор Иванович Шаляпин (1873–1938). Один из величайших представителей русской вокальной школы, глубоко национальный художник Ф.И. Шаляпин поднял на небывалую высоту русское реалистическое музыкально-драматическое искусство. Он воплотил в себе дар певца и художника. Созданные им образы отличались единством вокального и сценического рисунка. Певец-артист обладал редким даром перевоплощения, создавал отличающиеся жизненной правдой сценические образы. В опере Шаляпина привлекало, прежде всего, раскрытие многогранного характера, всей сложности и

противоречивости внутреннего мира героя. Величайшим созданием Шаляпина были образы Бориса Годунова, Мефистофеля, Сальери.

Особое значение для Шаляпина имели занятия и последующая дружба с С.В. Рахманиновым. Композитора пленил одаренный певец-самородок, в котором он угадывал черты будущего гениального артиста. Рахманинов считал своим долгом подготовить Шаляпина к профессиональной сценической деятельности. Видя музыкальную неграмотность певца, он деликатно и терпеливо занимался с ним, стремясь преподать не только начальный курс музыкальной грамоты, но и основы более сложных понятий. Это Рахманинов помог Шаляпину создать его лучшие сценические образы.

После Октябрьской революции, которую Шаляпин, внук крестьянина, сын писаря казанской управы, встретил с энтузиазмом, он участвовал в развитии театрально-музыкальной культуры. В 1918 г. был художественным руководителем Мариинского театра, возглавлял работу разного рода жюри, в 1919 г. участвовал в спектаклях, а также многих концертах для рабочих и солдат. Но это было лишь внешним благополучием жизни певца. Все чаще звучали призывы «социализировать Шаляпина», угрозы привлечь семью к исполнению трудовой повинности на разгрузке барж, экспроприировать личное имущество. Шаляпин осознавал, что острое «красного террора» направлено и на него. Он всеми нервами воспринимал импульсы угрожающей реальности большевизма.

О своих опасениях Шаляпин поведал М. Горькому, с которым давно был в дружбе. Писатель, испытывая тревогу за Федора Ивановича в разгар «красного террора», настоятельно советовал ему уехать из России. Решение Шаляпина покинуть Родину было вынужденной акцией и очень больно ударило по нему. Федор Иванович не бежал из России, не изменил Родине, как долгие годы утверждали большевики, а с разрешения советской власти, при личном содействии наркома просвещения А.В. Луначарского отправился за границу на лечение и длительные гастроли.

29 июня 1922 г. Набережная лейтенанта Шмидта. С борта отчаливающего парохода Ф. Шаляпин машет платком толпящимся внизу на пристани людям. Многие из них плачут. И никто не знал тогда, что великий русский певец расстанется с Родиной навсегда.

За рубежом Ф. Шаляпин пользовался мировой славой. Его выступления в операх, концертах – это целое событие для публики. В своем творчестве он сохранил верность лучшим традициям отечественного искусства, до конца жизни оставаясь русским артистом. Федор Иванович приезжал на гастроли в европейские страны еще до эмиграции. В 1901 г. он с триумфом выступил в театре «Ла Скала». После Италии начались его постоянные гастроли за рубежом.

Ф. Шаляпин – крупнейший камерный певец, глубокий интерпретатор романсов Глинки, Даргомыжского, Мусоргского, Римского-Корсакова, Чайковского, Рубинштейна, Шумана, Шуберта. Он был также проникновенным исполнителем русских народных песен. Ему аккомпанировали первоклассные пианисты, особенно славился дуэт Шаляпина с Рахманиновым. Во время их совместных выступлений Федор Иванович не раз повторял, что это не он поет, а они вдвоем поют.

27 августа 1927 г. Совнарком РСФСР принял постановление: лишить Ф.И. Шаляпина звания первого Народного артиста Республики. Какое же преступление он совершил? Однажды около русской церкви в Париже Шаляпин увидел оборванных, грязных, голодных детишек из семей бедствующих русских эмигрантов. На следующий день он принес священнику Спасскому пять тысяч франков с целевым назначением на нищенствующих детишек. Милосердный священник публично поблагодарил Шаляпина через парижскую эмигрантскую газету «Возрождение». Эту благодарственную публикацию и использовали большевистские борзописцы, извратив шаляпинский благотворительный поступок и истолковав его как помощь русским белоэмигрантам и белогвардейским организациям в Париже. По поводу лишения звания Шаляпин заявил, что после этой

акции он не перестанет быть русским певцом Шаляпиным и что его совесть чиста перед Родиной и перед его народом¹⁷⁹.

И все же «изменника» не забывали, не теряли надежды переманить обратно, а если удастся – приручить. Сталинский режим пытался привлечь на свою сторону мировую интеллигенцию и демонстрировал торжество «социалистической демократии» перед приезжими общественными деятелями Запада.

Беседу с Шаляпиным по поводу возвращения было поручено вести Немировичу-Данченко. Сталин обещал артисту дать дом, дачу и т.д. Разговор с Федором Ивановичем произошел через посредника. Шаляпин не верил в искренность сталинских приглашений. Он внимательно следил за событиями в Советском Союзе, и у него были все основания думать, что по возвращении может оказаться в концлагере как «враг народа». Иезуитский замысел Сталина ему был ясен. К тому же Шаляпин не мог вернуться, по его неоднократным заявлениям, после всей гнусной кампании, которую вели против него в СССР. Одной из причин отказа от возвращения на родину он назвал и такую: «Не хочу потому, что не имею веры в возможность для меня так жить и работать, как я понимаю жизнь и работу»¹⁸⁰.

Свою политическую, демократическую позицию Ф.И. Шаляпин отстаивает в книге «Маска и душа», вышедшей в 1932 г. в Париже. В ней автор обстоятельно нарисовал социальную, духовную, психологическую ситуации, в которых оказался народ, русская интеллигенция, люди искусства, поставленные перед жестоким выбором: или безусловное подчинение авторитарному революционному диктату, идеологической догме, духовной, творческой несвободе, или социальная дискриминация со всеми сопутствующими последствиями – ограничением в правах, общественным порицанием, презрительным ярлыком «попутчика», «социального отщепенца», «классово-враждебного элемента».

В 1935 г. Шаляпин серьезно заболел. 23 июня 1937 г. он спел свой последний концерт в английском городе Истборне. После продолжительного лечения в европейских санаториях певец вернулся в Париж. 10 апреля 1938 г. Сергей Рахманинов в последний раз видел в Париже прикованного к постели Шаляпина, который, по воспоминаниям композитора, подарил его улыбкой и погладил ему руку. На этом они расстались навсегда. Днем 12 апреля 1938 г. сердце великого артиста остановилось.

На парижском кладбище, среди чужих могил, пролежал прах Ф.И. Шаляпина 47 лет. И все же мы, ныне живущие, стали свидетелями поистине незабываемого события: 29 октября 1984 г. на Новодевичьем кладбище в Москве: состоялось перезахоронение останков великого русского певца. Так была исполнена последняя воля гения: вечный покой он обрел в родной земле. Истинная Россия всегда светила в сердце Ф.И. Шаляпина, ибо он был ее великим сыном и остался им на все времена.

Русский балет. На рубеже XIX–XX вв. и в начале XX столетия в балетном искусстве соперничали две школы – русская и итальянская. Эта борьба за приоритет на мировой хореографической сцене закончилась победой русской школы балета, в которой пластика и техника были направлены на создание образа, на выражение его внутреннего состояния. Эта главная черта русской балетной школы отличала ее от других европейских школ. В русском балете выросла плеяда блестящих балерин, танцовщиков, балетмейстеров. Среди них наиболее популярными были А. Павлова, М. Кшесинская, Т. Карсавина, О. Спесивцева, Чернышева, Лопухова, М. Фокин, В. Нижинский, Н. Легат, В. Владимиров, Мясин, Лифарь. Творческую деятельность некоторых из них рассмотрим в этом параграфе.

¹⁷⁹ Емельянов Т. Правда и ложь о Федоре Шаляпине // Российская газета. 1992. 1 августа.

¹⁸⁰ Иванов М. Гений и злодейство // Молодой коммунист. 1989. № 12. С. 61.

Анна Павловна Павлова (1881–1931). В 1906 г. получила звание балерины. В 1910 г. перешла на положение гастролерши. Последнее выступление в Мариинском театре было в 1913 – партия Ники («Баядерка»), последняя гастроль в России – концерт в Зеркальном театре сада «Эрмитаж» в 1914 г. в Москве. Первая мировая война и последовавшая за ней революция удержали Павлову от возвращения на родину. Так прославленная русская балерина оказалась в эмиграции.

С 1908 г. Анна Павлова выступала за рубежом, с 1909 г. участвовала в «Русских сезонах» в Париже, в 1910 г. создала собственную труппу, с которой гастролировала по странам Европы, Америки, Азии. Она была яркой представительницей русской балетной школы. Публика видела в Павловой не только замечательную танцовщицу, но и одаренную актрису. Дар перевоплощения помогал ей создавать как характерные, так и лирические образы, тем самым делая диапазон творчества необъятным. Павлова с одинаковым мастерством исполняла роли Китри и Жизели и выступала в «Умирающем лебеде» в постановке М. Фокина и в «Вакханалии». Жизнерадостность, бодрость, задор были наиболее близки ее таланту, воплощающему на сцене новую классику Баланчина.

Искусство Анны Павловой, подготовленное развитием русского балета начала XX в., во многом определило его дальнейший рост и утвердило за пределами России мировую славу русского балетного театра. Вслед за выступлениями Павловой за границей к ней пришла мировая слава. В течение последующих двадцати лет художественный мир, говоря о балете, думал, прежде всего, о Павловой. Ее имя стало олицетворять искусство хореографии. До конца жизни она никогда не изменяла идеалам русской национальной школы балета. Умерла Анна Павлова 23 января 1931 г. в Гааге.

Матильда Феликсовна Кшесинская (1872–1971). Кшесинская была той танцовщицей, которая могла возглавить борьбу с итальянками за окончательное утверждение русской школы в балете. Для того чтобы одержать победу, русские балетные артисты должны были овладеть техникой итальянок и превзойти их мастерством. Именно «Спящая красавица» заставила зрителей поверить в превосходство отечественного балета. Кшесинская убедила их в превосходстве русских артистов.

Она с равным успехом исполняла и лирические, и характерные, и полухарактерные роли. Образы, созданные Кшесинской в «Лебедином озере», «Эсмеральде» и «Тщетной предосторожности», не только свидетельствовали о высоком актерском мастерстве, но и показали широту диапазона балерины. В 1904 г. она первая из русских артистов получила звание прима-балерины. Кшесинская неоднократно с большим успехом выступала за рубежом и была неутомимым борцом за интересы русского балета. В эмиграции она жила в Париже с мужем – великим князем Андреем Владимировичем Романовым.

Тамара Платоновна Карсавина (1885–?). Дочь известного петербургского танцовщика и педагога П.К. Карсавина. Она проявила себя как талантливая балерина в главных ролях в балетах «Пробуждение флоры» (1906) и «Грациелла» (1907). Выступление Т. Карсавиной в «Лебедином озере» явилось решающим для раскрытия всей глубины ее самобытного таланта. В образе Одетты-Одиллии артистка показала высокую художественную культуру, врожденное чувство стиля и исполнительного такта, простоту и искренность переживаний. Т. Карсавина участвовала в первом длительном сезоне русского балета в Париже, но мировую известность завоевала лишь во время гастролей 1910-го г.

Балерина, выйдя замуж за англичанина, покинула Россию в конце 1918 г. Некоторое время она выступала за границей, преимущественно в Лондоне, принимала участие в восстановлении балета «Жар-птица» в театре «Сэдлер Уэллс». В 1930 г. выступала в труппе «Балле Рамбер». В 1930–1955 гг. Т.П. Карсавина – вице-президент Королевской академии танца в Лондоне. Она автор книг о хореографии.

Ольга Александровна Снесивцева (1895–1990). В 1918 г. стала балериной. Она обладала чарующей внешностью, безупречно владела техникой танца. Особенно близки

были танцовщице лирические образы. Спесивцеву заметили с первого же выхода в Мариинском театре в 1913 г. Образы, созданные ею в «Эсмеральде», «Баядерке», «Жизели» были особенно впечатляющими. В 1916 г. О. Спесивцева едет с труппой Дягилева в США, где с большим успехом танцует в паре с самим Нижинским. Вернувшись в начале 1917 г. на родину, она испытала все тяготы страшного времени: холодную сцену, голодные обмороки. Но именно тогда Ольга Спесивцева раскрывается как блестящая балерина, а в 1921 г. получает мировое признание в Париже и Лондоне.

В 1924 г. О.А. Спесивцева покидает Россию. В том же году она начинает танцевать в парижской Опере. Затем гастроли с дягилевской группой в Моте-Карло, Лондоне. После смерти Анны Павловой она, как бы приняв от нее эстафету, отправляется теперь уже с бывшей группой Павловой в Австралию. Ее бурный взлет, когда все давалось легко и просто, переходит постепенно в стадию изнуряющего труда, с частыми переездами. В 1936 г. у Ольги Александровны намечался новый контракт с Гранд-Опера. Однако этот договор не состоялся. Ей предлагают США, но она колеблется и едет в Аргентину, с блеском выступает в Буэнос-Айресе. Это был ее последний выход на сцену.

В США у О. Спесивцевой возникло душевное заболевание. Ее поместили в психиатрическую больницу, где она провела двадцать два года в полной изоляции. После выхода из больницы – дом престарелых, и никаких надежд на возвращение на родину. Но Ольга Александровна вновь прибегает к творчеству пишет книгу о классическом балете. О.А. Спесивцева была последней выдающейся русской балериной Петербургского императорского балета.

Михаил Михайлович Фокин (1880–1942). Фокин был одним из крупнейших новаторов русского балета начала XX в., который утверждал драматургию как идейную основу балетного спектакля и стремился путем «содружества танца, музыки и живописи» к созданию психологического, содержательного и правдивого образа. Выдающийся артист балета, балетмейстер, он считал, что танец должен выражать душевные переживания действующих лиц, говорил о невозможности ставить балеты на случайную музыку, представляющую собой набор вальсов, полек и галопов, чтобы музыка в свою очередь выражала те чувства, которые передаются движениями танцующих. Считая недопустимым пользоваться одной и той же формой танца во всех балетах, балетмейстер указывал на необходимость изменять ее в зависимости от характера всего произведения.

Имя М.М. Фокина было популярным в Петербурге. Он поставил балеты «Сон в летнюю ночь» на музыку Мендельсона по одноименной пьесе Шекспира (1906), «Шопениану», основанную на сюите для большого оркестра, инструментированной Глазуновым для пяти фортепьянных пьес Шопена (1907), и «Евнику» на музыку композитора А.В. Щербачева (1907), «Павильон Армидеи» на музыку П.П. Черепнина (1907). Следующим спектаклем Фомин избрал балет А.С. Аренского «Египетские ночи», который был поставлен в 1909 г. на сцене Мариинского театра. Критики и художники объединения «Мир искусства» со своих позиций по достоинству оценили в балетмейстере художника яркой индивидуальности, большого вкуса и чувства стиля.

Хореографический этюд «Умиравший лебедь» на музыку французского композитора Сен-Санса, созданный Фокиным для Анны Павловой, запечатленный в рисунке В.А. Серова, стал символом русского классического балета. Участие М. Фокина в «Русских сезонах» в Париже принесло ему мировую славу.

М.М. Фокин внес огромный вклад в историю русского балета. Им была создана своя самобытная школа балета. Творчество Фокина сыграло большую роль в развитии зарубежного балета. Он не принял Октябрьской революции и эмигрировал из большевистской России. С 1918 г. М. Фокин работал в Швеции, Франции, США и других странах, занимался педагогической деятельностью. Он автор мемуаров и статей о бале-

те. Умер М.М. Фокин 22 августа 1942 г. в Нью-Йорке, поставив за свою жизнь около 60 спектаклей.

Вацлав Фомич Нижинский (1890–1950). Родился в потомственной балетной семье. Уже в Петербургской балетной школе проявил удивлявшие педагогов способности танцовщика. Помимо этих исключительных дарований, Нижинский обладал редкими актерскими данными, имел способность полного перевоплощения в роли. Его лучшими ролями были Альберт («Жизель»), Зигфрид («Лебединое озеро»). Золотой раб («Шехерезада»), Петрушка в одноименном балете Стравинского. Мировой славы артист добился в дягилевских сезонах. М. Фокин ставил для него отдельные балеты и танцы.

По причине конфликта с дирекцией Мариинского театра Нижинский подал в отставку и в 1911 г. покинул Россию. За рубежом артист продолжал работать с Дягилевым и Фокиным и с прежним мастерством создавал новые яркие образы. Прославленная французская драматическая актриса Сара Бернар, увидев его в роли Петрушки, призналась: «Мне страшно, я вижу величайшего актера в мире»¹⁸¹. В 1911 г. Нижинский, поддержанный Дягилевым, решил попробовать свои силы как постановщик. Он поставил три балета: «Полуденный отдых Фавна» (1912), «Игры» на музыку Дебюсси и «Весна священная» на музыку Стравинского. Появление в 1913 г. «Весны священной» вызвало грандиозную полемику в парижских газетах.

В. Нижинский незадолго до начала Первой мировой войны переехал в Австро-Венгрию, где намеревался участвовать в постановке нескольких балетных спектаклей, но в начале войны был арестован местными властями. После освобождения он уехал в США, подавленный, с глубокой депрессией от ареста и заключения в концлагерь. В 1916 г. Нижинский поставил свой последний балет, избрав для него сюжетом предание о Тиле Уленшпигеле, народном герое Фландрии. Это была одна из его наиболее оригинальных работ.

Октябрьская революция в России вызвала у Нижинского шок. Попытки вывести его из этого состояния не давали никаких результатов. В 20-х гг. он с женой переехал в Париж, а затем поселился в Венгрии, в маленьком городке Оденбурге. В. Нижинский страстно желал победы русского народа в Великой Отечественной войне. Вошедшие в Венгрию советские войска встретил восторженно. Он решил во что бы то ни стало вернуться на родину. Для устройства своих дел В. Нижинский приехал в Лондон, где и скончался 11 апреля 1950 г.

Николай Густавович Легат (1869–1937). В 1888 г., после окончания балетной школы. Легат был зачислен в труппу Мариинского театра на положение корифея, быстро выдвинулся на ведущие роли. Он обладал природной грацией, естественностью, четкостью выполнения движений и классической простотой. Ярый противник танца ради танца, он включился в борьбу с итальянцами за главенство русской школы в балете. В это время Легат стал заниматься педагогической деятельностью, вел класс совершенствования артистов. За победами русского исполнительского искусства, естественно, следовала и победа русской хореографической педагогики.

Природное актерское дарование сочеталось у Легата с талантом художника, что позволяло ему создавать исключительно яркие костюмы и гримы для разных актерских ролей. После Октябрьской революции Н. Легат некоторое время занимался педагогической деятельностью в Московской балетной школе, а затем он эмигрировал и открыл в Англии балетную студию.

Петр Николаевич Владимиров (1893–1970). Выдающийся русский танцовщик. В 1911 г. он окончил Петербургскую балетную школу и уже на четвертом году артистической деятельности получил звание танцовщика первого разряда. За это время он

¹⁸¹ Бахрушин Ю. А. История русского балета. М. : Просвещение, 1977. С. 250.

успел принять участие в антрепризе Дягилева и с исключительным успехом выступить в Москве. В отличие от многих петербургских танцовщиков, Владимиров поражал зрителей мужественностью своего танца, темпераментом и смелостью, граничившей с дерзостью. Свободное владение техникой танца позволяло ему легко справиться с любыми трудностями и никогда не выходить за рамки изящества. Помимо этого, Владимиров обладал незаурядными актерскими способностями. Покидая Россию в 1918 г., Петр Владимиров выступал за рубежом со своей женой, балериной Ф. Дубровской.

Вернемся к С.П. Дягилеву. «Русские сезоны» в Париже положили начало проникновению русской балетной школы в Западную Европу. С.П. Дягилев, продолжая жить за границей, создал в 1911 г. труппу под названием «Русский балет Сергея Дягилева». Эта труппа существовала до 1929 г., до кончины ее организатора. Она гастролировала по странам Европы и Америки. В 1914 г. труппа выступила в Лондоне. В мае 1917 г. в парижском театре «Шатле» состоялась премьера балета «Парад» на музыку Эрика Сати в постановке Леонида Мясина. Оформлял спектакль знаменитый на всю Европу французский художник Пикассо, с которым Дягилева связывала дружба. В 1917 г. «Парад» был показан в Мадриде и Барселоне. В сентябре 1918 г. «Русский балет» отправился в Лондон. Там Дягилев представил публике балет «Парад» и одновременно работал над новым балетом «Трикор» в постановке Л. Мясина. Пикассо написал для него эскизы декораций и костюмов. Гастрольные выступления «Русского балета Сергея Дягилева» явились триумфом русского балетного искусства.

В середине XX в. балет распространился по всему миру. Большую роль в этом сыграл С.П. Дягилев и его антреприза – частная балетная труппа. Можно с уверенностью заявить, что мировой балет первой половины XX это создание балетных сил русской эмиграции. Участники русского балета, рассеявшись по всему миру, способствовали созданию новых очагов танцевального искусства, каждый по-своему продолжал дело Дягилева во Франции, Германии, Англии, США, Японии, Австралии.

Балет во Франции в начале XX в. пребывал в кризисном состоянии. «Русские сезоны» Дягилева оказали сильное влияние на французский балет, способствовали его возрождению. Труппа Дягилева базировалась во Франции до 1929 г., затем на ее основе создались другие русские труппы, из которых возник современный французский балет. Сергей Лифарь, воспитанный в труппе Дягилева, много лет возглавлял балет парижской Оперы.

Две ранее соперничавшие труппы бывших артистов императорских театров России во главе с Р. Блюмом и В. де Базилем объединились в Монте-Карло и создали в 1932 г. Русский балет Монте-Карло. Пользовалась эта труппа в основном репертуаром дягилевской антрепризы, дополненной новыми балетами Дж. Баланчина и Л.Ф. Мясина. Она с успехом гастролировала во Франции, Англии, США, Канаде, Южной Америке и Австралии. В 1936 г. приняла название «Оригинальный русский балет». Труппа работала до 1951 г.

В Берлине существовал до 1928 г. Романтический балет, руководителем которого был известный артист Мариинского театра Б.Г. Романов. Его балет пользовался большим успехом, как у эмигрантов, так и у немцев. Романов ставил «Жизель», которая вошла в контекст русской и мировой культуры близким национальной культуре содержанием, темой «преступления и наказания», «Петрушку», «Шута» и другие балеты. Прима-балериной в его балетах в Берлине выступала Е.А. Смирнова, выдающаяся танцовщица Мариинского театра.

Англия не имела до 1930-х гг. собственного национального балета. Первые английские труппы были организованы артистами, работавшими у Дягилева. Важную роль в становлении Английского Королевского балета сыграли ученики Н.Г. Легата.

Балет США сейчас один из сильнейших. Для его становления и развития большое значение имели сначала гастроль дягилевской труппы (в 1916 г.), затем других русских трупп и работа в США балетмейстеров, начинавших в труппе Дягилева (Л. Мясин, Дж. Баланчин).

Влияние дягилевской антрепризы наблюдается и в других странах, и на других континентах: в Южной Америке, Австралии, в отдельных странах Азии. Балетная труппа Дягилева способствовала не только развитию, но иногда и рождению балетных театров в странах, не имевших ранее своего балета или утративших традиции.

Лев Любимов в упоминавшейся книге отмечает такой интересный факт. Авторитет русской хореографической школы был настолько высок, что желавшие прославиться французские, английские, американские балерины, в большинстве ученицы русских балетных школ, выступали в 20–30-х гг. под русскими псевдонимами. Благодаря Дягилеву на Западе сложился новый тип балетной труппы, не зависимой от оперного театра, новый тип представления – спектакль, составленный из нескольких одноактных балетов. Возрос интерес композиторов к балетной музыке.

С.П. Дягилев, вычеркнутый кремлевскими идеологами на долгие годы из культурного наследия России, возвращается на свое заслуженное место в истории отечественной культуры. В начале 1990 г. в Москве группа гуманитариев-меценатов, занятых частным бизнесом, создала товарищество «Дягилевъ-центр». Его цель – продолжение дела С.П. Дягилева: развитие и популяризация русского искусства, возрождение традиций Серебряного века русской культуры, восстановление насильственно прерванной связи времен.

Товарищество «Дягилевъ-центр» проводит разнообразную работу, одно из направлений которой – возвращение забытых в нашей стране традиций дягилевской балетной труппы. В 1992 г., к 120-летию со дня рождения С. Дягилева, был проведен первый в истории отечественной хореографии независимый конкурс балета, который торжественно открылся в Москве, в концертном зале им. Чайковского. Его главным спонсором была Российская товарно-сырьевая биржа. Основная задача конкурса – выявление и поддержка молодых талантов. В нем приняли участие молодые (от 12 до 24 лет) артисты балета и учащиеся хореографических школ Москвы и других городов России, бывших республик, а также из Франции, Испании, Японии, Филиппин. По инициативе товарищества «Дягилевъ-центр», воссоздаются балеты М. Фокина.

Эстрадное искусство. В начале XX в. признанными центрами российской эстрады были Петербург, Москва, Киев («клуб фармацевтов»). Накануне и в период Первой мировой войны лидировать стала одесская эстрада. Здесь славились куплетисты, в том числе начинающий Леонид Утесов (Вайсбейн) – куплетист.

В эстрадный репертуар обязательно входил романс. На рубеже XIX–XX вв. в России широкую популярность имели городской и цыганский романсы, которые исполнялись под фортепьяно, гитару или в сопровождении оркестровой группы, куда обязательно включались гитары и скрипки. Русская школа романса была признана лучшей в мире. Русские композиторы XIX в. уделяли особое внимание декламационности музыкальной фактуры романса (Даргомыжский, Мусоргский). У Чайковского и Рахманинова романс нередко приближался к арии с широким симфоническим развитием.

В начале XX в. композиторы отказываются от типовых жанров, ищут в романсе главным образом новые пути синтеза музыки и слова. Зачастую они называют свои произведения не романсом, а «стихотворением для голоса с сопровождением» (Танеев, поздний Рахманинов, Прокофьев). Особым жанром русского романса стал цыганский романс, к которому цыгане не имели никакого отношения, кроме исполнения его хором, ансамблем. Для «цыган» писали стихи многие известные русские поэты, но главную роль в становлении русского цыганского романса сыграл поэт Аполлон Григорьев.

Известными эстрадными певцами были Александр Давыдов, Анастасия Вяльцева, Юрий Морфесси, Настя Полякова, Александр Вертинский, Петр Лещенко, Алла Баянова. Во многом благодаря им русская песня полюбилась и стала звучать за рубежом.

В эмиграции у большинства русских эстрадных артистов произошла не только ломка судеб, но и переоценка ценностей, смена сценического образа. Новые условия жизни заставили их соблюдать правила игры другого мира, западного общества, приспособляться к вкусам и привычкам западной публики. За рубежом актер – это машина для развлечения зрителей, здесь не прощаются никакие странности таланта, причуды гения и т.п.

В эмиграции многие русские эстрадные артисты были вынуждены зарабатывать, выступая в кабаках, где они хлебнули лиха, и где жизнь поломала многих из них. А. Вертинский вспоминает: «...кабаки были страшны именно тем, что независимо от того, слушают тебя или не слушают, ты должен петь. Публика может вести себя как ей угодно. Петь и пить, есть, разговаривать, шуметь или даже кричать – артист обязан исполнять свою роль, в которой он здесь выступает, ибо гость – святыня. Гость всегда прав. Он платит деньги... Перед ним склоняется все!»¹⁸².

Русские артисты в западных кабаках прошли через все: хамство публики, унижения, которым они подвергались со стороны хозяев, ругань, пьяные драки, визг протестующих. Успех или неуспех артиста зависел не от его мастерства, голоса, внешности, театральности, а от состава публики, ее настроения и количества выпитого спиртного. Из многих русских эстрадных артистов, оказавшихся за рубежом, вспомним трех.

Александр Николаевич Вертинский (1889–1957). Поэт, композитор, певец, он вначале был актером в театре «Алатор» в Москве, а затем ушел на эстраду и стал петь свои песни-новеллы. В 1913 г. в модном эстрадном кафе «Павильон де Пари» состоялся дебют Александра Вертинского. Обладая незаурядными актерскими способностями, он талантливо использовал их на эстраде при исполнении песен. Он пел тихо, но его было слышно всем присутствовавшим, потому что исполнительская манера, обогащенная сдержанными жестами и утонченной мимикой, восполняла вокальное мастерство. До эмиграции А. Вертинский снимался в кино, выступая как партнер Веры Холодной, Ивана Мозжухина и других «звезд» кинематографа начала века.

В 1919 г. А. Вертинский эмигрировал. Корабль «Великий князь Александр Михайлович» унес его к берегам Турции. Окунувшись в жизнь беженцев, он временно остановился в Константинополе, этом своеобразном перевалочном пункте российской эмиграции 1920–1922-го гг. Первый год зарубежной жизни Вертинский с подачи его антрепренеров провел на ресторанных подмостках, пел свои романсы по заказу кабацкой публики в «Черной Розе». На его вечера в этом ресторане часто приезжал глава английских оккупационных войск в Турции адмирал Бристоу. Он заказывал шампанское и слушал русскую музыку. По воспоминаниям Вертинского, адмирал очень любил незатейливую «гусарскую песенку» («оружием на солнце сверкая»)¹⁸³.

В Константинополе Вертинский пробыл недолго, вскоре он перебрался в Румынию, затем в Париж. И снова «Черная Роза». Помимо русских эмигрантов, ресторан посещало много французов, иностранцев, которые с восторгом принимали русского певца, его песни. В 20-х гг. А. Вертинский часто гастролировал по странам Европы. Его песни, наполненные болью, тоской имеют глубокое драматическое содержание, одухотворены подлинными чувствами, поэтому требовали определенного настроения у слушателей, чтобы их воспринимать и понимать. Вертинский не раз говорил, что его песни рассчитаны на особое восприятие – «глаза в глаза» – «душа в душу». Поэтому артист не любил больших залов.

¹⁸² Вертинский А. Дорогой длинною. М.: Правда, 1991. С. 154.

¹⁸³ Там же. С. 133.

В 1928 г. Вертинский переехал в Берлин. В западном секторе германской столицы, вблизи Курфюрстендам, главной улицы западного Берлина, он открыл «Черную Розу», третью по счету после Константинополя и Парижа. Посещала ресторан респектабельная разноязычная публика. Благодаря соблюдению владельцем заведения особого декорума, «Черная Роза» стала самым элегантным местом Берлина. В 1933 г., после прихода к власти гитлеровцев, начались различного рода запреты. Когда группа штурмовиков ворвалась в «Черную Розу», Вертинский решил закрыть ресторан и вскоре уехал в США. За два года жизни в Америке он совершил несколько гастролей на севере и юге континента.

После Нью-Йорка и Голливуда А.Н. Вертинский прожил восемь лет в Китае (Шанхай). В 1943 г., в самый разгар Великой Отечественной войны, он вместе с семьей возвратился на Родину. Круг замкнулся. Обойдя со своими песнями многие страны, А. Вертинский снова обрел Отчизну. Вокальное наследство артиста включает более двухсот песен и романсов. До нас, россиян, оно дошло в виде грамофонных записей авторского исполнения. Песни Вертинского – это мир красоты и доброты, которых так недостает нам в наше суровое, бессердечное время.

На родине Александра Николаевича пригласили сниматься в кино. Некоторый опыт у него уже был. В фильме «Заговор обреченных» он прекрасно сыграл старого кардинала, вдохновителя контрреволюционного путча в одной из как бы абстрактных стран. Вершиной успеха артиста была роль в фильме «Анна на шее», где Вертинский играл «его сиятельство». Он великолепно представил внешне любезного, радушного, но, в сущности, холодного и равнодушного человека. И здесь артист привнес в роль те знания о людях «того времени», их манерах, нормах морали и поведения, которыми уже никто из советский актеров не располагал.

А.Н. Вертинский скончался 21 мая 1957 г. в Ленинграде, в гостинице «Астория», после концерта в Доме ветеранов сцены. Память о нем не должна померкнуть. Его любили за судьбу, за песни, за редкое ныне артистическое благородство.

Петр Константинович Лещенко (1898–1954). Его нельзя отнести к эмигрантам в полном содержании этого понятия. В 1918 г. Румыния оккупировала Бесарабию, и семья Лещенко, проживавшая в Кишиневе, оказалась за рубежом, где и сложилась его последующая жизнь. Таким образом, П. Лещенко, как и тысячи других русских жителей, оказался «эмигрантом без эмиграции», «отщепенцем» поневоле, хотя коммунистические идеологи называли его белоэмигрантом, белогвардейцем, изменником родины. В 1920 г. Петр с сестрами Валентиной и Екатериной переехал в Бухарест, где втроем они начали выступать с танцевальными номерами в кафе и ресторанах.

В эти годы Лещенко серьезно увлекся народными танцами. Одаренность его натуры проявилась в техничной игре на гитаре. Чтобы повысить мастерство в танцах, он в 1923 г. (по другим данным, в 1925 г.) поступает в русскую балетную школу в Париже и одновременно поет в кинотеатрах столицы. Здесь Лещенко познакомился с выпускницей школы, латышкой Жени Закитт, которая вскоре стала его женой. Вместе с ней артист гастролировал на Ближнем Востоке, в Риге, Вене, Лондоне. Как эстрадный певец П. Лещенко родился именно в латвийской столице, где творчески сдружился с композиторами Оскаром Строком и Марком Марьяновским, которым принадлежат шлягеры, создавшие имя певца.

В 1935 г., когда «звезда» артиста возшла высоко после выступления по английскому радио, он открыл на главной улице Бухареста шикарный ресторан «Петр Лещенко», оформленный в стиле «гранд-рюсс». На полуночные выступления хозяина заведения собиралась избранная публика румынской столицы, в том числе обеспеченные российские эмигранты. Посещали ресторан и члены королевской семьи. Петр Лещенко обладал отлично поставленным от природы голосом – красивым бархатным баритоном. Ис-

полнительское мастерство артиста отличали легкая, свободная манера пения, лиричность и душевность, создававшие особое настроение у слушателей. Наиболее популярными песнями Лещенко стали песни, написанные в ритме тогдашних модных мелодий – танго и фокстротов. Петр Константинович с гордостью заявлял, что он всю свою жизнь пел только на русском языке.

Его называли «пластиночным певцом». Действительно, начиная с 1928 г. Лещенко стал записываться на граммофонные пластинки в Германии, Англии, Латвии на фирмах «Парлофон», «Беллакорд», «Электреккорд». Граммофонные пластинки (всего было сделано около 180 записей) сохранили своеобразную певческую манеру артиста, его живой и выразительный голос. Они принесли певцу широкую известность и познакомили миллионы слушателей с русскими романсами. Пластинки с записями Лещенко выпускались во многих странах, кроме родной страны, где он был строжайше запрещен. И все-таки они проникали на родину и распространялись через «черный рынок», особенно после возвращения в 1940 г. Бесарабии в состав СССР.

В мае 1942 г. П. Лещенко, получив разрешение властей, переезжает в оккупированную немецко-румынскими войсками Одессу. В его пользование был предоставлен оркестр оперного театра. В Одессе он попытался осесть прочно: открыл ресторан «Норд», где выступал дважды в неделю. В этом городе Лещенко познакомился с певицей Верой Белоусовой, которая вскоре стала его второй женой.

В 1944 г. советские войска с боями вошли в Румынию. С первых же дней их появления в Бухаресте Лещенко ежедневно давал бесплатные концерты в воинских частях и в госпиталях для раненых воинов. Были его выступления и специально для офицерского состава, на одном из которых однажды присутствовали маршалы Г.К. Жуков и И.О. Конев. Таилась у певца заветная мечта – вернуться на Родину. Далекий от политики, он надеялся, что это случится.

В 1951 г. Лещенко возбуждает ходатайство о возвращении на Родину. Но мечта не сбылась. В марте 1951 г. на концерте в г. Брашове он был арестован румынскими органами госбезопасности за то, что был офицером румынской королевской армии, за якобы связь с немцами, хотя артист никогда не воевал. Жизнь Петра Константиновича Лещенко оборвалась в тюремной больнице в июле 1954 г. Слава певца пережила его самого. Ни гонения, ни запреты на его пластинки в прошлом не умаляли ценности его творчества. Грамзаписи Лещенко привлекают не одно поколение слушателей. И это убедительно свидетельствует о том, что в лучших своих песнях он достигал подлинного мастерства.

Среди эстрадных певиц-эмигранток выделяется Алла Баянова. Она выступала в ресторане «Петр Лещенко» в Бухаресте, куда переехала на жительство в 1932 г. В небольшом цыганском хоре (три человека) она исполняла песни, романсы в сопровождении оркестровой группы, где особо заметными были скрипач Николай Черешня и баянист Сафоня Соколов. Оркестром руководил музыкант и композитор Жорж Ипсиланти – муж Аллы Баяновой. В ноябре 1985 г. по приглашению Министерства культуры СССР она приехала в Москву специально для записи на фирме «Мелодия». На двух пластинках в сопровождении советских музыкантов в исполнении А. Баяновой прозвучали старинные русские и цыганские романсы и песни. Советские слушатели получили возможность услышать чудесный голос певицы, проникнутый неповторимым мастерством, пониманием и отражением поэтического содержания романса.

Широкой иностранной аудитории были представлены русская народная музыка и церковные хоры Российского зарубежья. Казаки-эмигранты создали ансамбли народных песен и танцев, которые разъезжали по ярмаркам, выступали в концертных залах и театрах. Наиболее известный казачий хор под управлением С. Жарова в 20–30-х гг. и после Второй мировой войны побывал во многих странах четырех континентов. Немалым успехом пользовался ансамбль русской песни под управлением А.А. Архангель-

ского. Хор русского кафедрального собора на улице Дарю, в Париже, приглашался в различные центры расселения россиян и давал концерты для эмигрантов.

Русский театр в культурной жизни эмиграции. В России к началу XX в. действовали разные по формам собственности театры: казенные (государственные), муниципальные и частные. Ведущее место занимали казенные императорские театры. Среди них выделялись драматические театры Александровский в Петербурге и Малый в Москве. В обстановке революционного подъема начала XX в. появились новые шедевры отечественной драматургии. Л.Н. Толстой, А.П. Чехов, М. Горький составили основу реалистического репертуара для театров России. Созданный в конце XIX в., Московский художественный театр с огромным успехом ставил пьесы А. Чехова и М. Горького.

«Чеховское» и «горьковское» начало прочно вошло в жизнь МХТ. На этих началах, в поисках приемов для воплощения на сцене образов, созданных Чеховым и Горьким, формировались творческие личности замечательных артистов: М.Г. Савицкой, О.Л. Книппер-Чеховой, М.П. Лилиной, В.К. Качалова, И.М. Москвина, А.Р. Артема и других выдающихся артистов. Содружество МХТ, Чехова и Горького имело громадное значение для укрепления позиций реалистической литературы и искусства в русской культуре.

К.С. Станиславский создал свою систему подготовки актеров и манеру исполнения ролей, которая вошла в историю как «система Станиславского» – наименование сценической теории, метода и артистической техники. В его системе впервые решается проблема сознательного овладения творческими процессами, исследуется путь перевоплощения актера в образ.

Октябрьская революция и гражданская война принудили многих известных в стране актеров и режиссеров покинуть Россию. Немалых усилий стоило режиссерам и актерам собрать труппы, найти театральные помещения и возобновить работу. Русские театры были созданы в 20-х гг. в Париже, Берлине, Праге, Белграде, Харбине. Репертуар театров составляли как классические пьесы, так и эмигрантские произведения. В русских театрах, особенно в труппе Московского художественного театра, явно проступали модернистские течения, основателями которых были К. Станиславский, Вл. Немирович-Данченко, В. Мейерхольд, привлекавшие к себе внимание зарубежных театров. Режиссеры и актеры-эмигранты, знавшие язык страны проживания, охотно принимались в национальные театры, становясь частью западной театральной жизни.

Русские театры имели немалое значение в культурной жизни эмиграции. К сожалению, из-за языкового барьера они были малоизвестны широкой зарубежной публике. Так, труппа МХТ выступала преимущественно перед русскоязычной публикой. Французской знаменитостью стал московский режиссер Никита Белиев. В Париже он ставил русские и французские пьесы и театральные номера. Громкую славу принесла ему постановка «Летучей мыши», которая шла в Париже и Нью-Йорке. Большого успеха на парижской сцене добились Г. и Л. Питовевы, которые в 20–30-е гг. работали вместе с французскими актерами и режиссерами. В 1960-х гг. русскую театральную школу во Франции блистательно представляла Л. Кедрова (потомок эмигрантов первой волны).

Русская диаспора в начале 1930-х гг. переживала трудные времена, и эмигрантским труппам из-за экономических трудностей стало невозможным совершать гастрольные поездки. Все это послужило главной причиной того, что русский театр постепенно угас, труппы распались.

Федор Комиссаржевский в английском театре. Примером диалога двух национальных культур, эстетической плодотворности разделяющих их дистанций, соотношения между личностью инокультурного художника и ролью, которую определяет ему культура принявшей его страны, этих взаимосвязанных проблем, может служить режиссерская работа Ф.Ф. Комиссаржевского в Англии (1920–1930-е гг.) и его постановки А. Чехова и В. Шекспира.

Английский театр и в целом культура Англии в 20-е гг. в силу внутренних причин нуждались в А. Чехове и должны были его открыть (поколение, пережившее крах викторианского мира, увидела в пьесах русского драматурга ностальгическую поэму о гибнущей эпохе). Ф. Комиссаржевский, с его романтической театральностью и склонностью к философским обобщениям, был одним из самых «нечеховских» режиссеров русской сцены. Чехова в России он никогда не ставил. Парадокс его судьбы в Англии состоял в том, что он был призван выполнить «заказ» иной культуры. Англичане ждали от него чеховских постановок, и он обратился к пьесам А.П. Чехова, пытаясь найти компромисс между своими театральными вкусами и традицией Чехова – МХТ. В результате появилась серия спектаклей, составивших эпоху в истории английской сцены.

Противоположность Комиссаржевского английскому театру помогла русскому режиссеру сделать решительный шаг к обновлению английской традиции толкования В. Шекспира. Он не был связан стойкими, хотя и начинавшими ветшать стереотипами викторианского понимания Шекспира, отчасти, поэтому ему была уготована судьба реформатора английской шекспировской режиссуры. Его постановки 30-х гг. стали своего рода прологом к послевоенным радикальным переменам в истории английского шекспировского театра.

Артист и режиссер Михаил Чехов. Известный русский актер и режиссер Михаил Александрович Чехов был племянником А.П. Чехова. В возрасте 21 года он, с «благословения» Станиславского, стал актером МХТ, с 1924 г. – МХАТ-2. Сегодня, когда мы возвращаем в живое бытие нашей культуры многое из утраченного, настала пора, определяя истинное место в ней М.А. Чехова, назвать его именно великим русским мастером сцены, выдающимся театральным педагогом и режиссером, оставившим неизгладимый след в отечественном и мировом искусстве.

Много ролей из произведений русских и зарубежных авторов талантливо исполнил артист, вживаясь в образы, на сцене Художественного театра.

В 1928 г. М. Чехов эмигрировал. Причиной выезда стали конфликт во МХАТ-2 и личный творческий кризис. Сначала он прибыл в Вену, где, быстро выучив немецкий язык, сыграл в трех спектаклях. Одновременно он работал над постановкой «Двенадцатой ночи» в студии «Табима» в Берлине.

За рубежом главной мечтой М. Чехова было создание своего, русского театра «по типу МХАТа», с опорой на развитие театральных идей Станиславского. В 1930 г. он предпринял ряд попыток реализовать свою мечту. При участии С. Рахманинова и Ф. Жемье в 1930 г. Чехов создает «Общество друзей Театра Чехова» в Париже – театральную труппу. В столице он воссоздает свои лучшие спектакли московского периода: «Гамлет», «Эрик XIV», «Потоп», «Одержимый» и другие, осуществляет постановку новой версии «Ревизора». В 1931 г. Чехов поставил спектакль «Дворец пробуждения», в котором играл роль Ивана-Царевича. Постановка этого спектакля выявила изменение в творческой манере, совокупности характерных черт Чехова-режиссера, которые проявились в изменении рисунка спектакля, где слово уступает место выразительному действию, широкому жесту, яркой мимике с художественными целями, музыкальному оформлению мизансцен. Эти изменения были ориентированы на иноязычную публику.

В начале 30-х гг. театральная труппа Чехова успешно гастролировала по странам Прибалтики. Установив связь с Театром русской драмы в Риге, Чехов поставил в нем спектакль «Село Степанчиково и его обитатели». В Риге в 1933 г. он впервые испытал себя как режиссер на постановке оперы «Парсифаль» Вагнера.

В это же время началась педагогическая деятельность М. Чехова, которую он затем продолжил в США. Он организовал курсы актерского мастерства в Париже, Каунасе, Сигулде, завершив европейский период преподавательской деятельности в 1936 г. открытием актерской школы в Дартингтоне (Англия). М. Чехов стремился воспитать ак-

тера нового типа – актера-художника, который осознает свою моральную ответственность за эмоциональное восприятие созданного им образа.

В декабре 1938 г. в связи с нарастанием военно-политической напряженности в Европе М. Чехов со своей театральной труппой, преобразованной в Театр Чехова, переехал в США. Через десять месяцев на Бродвее состоялась премьера первого спектакля Театра Чехова «Бесы», которая вызвала восторг публики. В 1942 г. он вернулся к оперному спектаклю и поставил оперу «Сорочинская ярмарка» Мусоргского (Метрополитен-опера, Нью-Йорк). В американский период своего творчества М. Чехов снимался в кино и одновременно осуществил постановку «Ревизора» в Лабораторном театре Голливуда. Критика сочла режиссуру этого спектакля «гениальной».

За рубежом М. Чехов так и не смог создать свой репертуарный театр, о котором мечтал и в котором надеялся реализовать свои творческие планы. По его признанию, в условиях жестокого бизнеса театр – это коммерческое, а не творческое предприятие. Жизнь без истинно русского театра была для Михаила Александровича немила и бессмысленна. В связи с ухудшением здоровья он был вынужден отказаться от режиссерской и актерской работы и посвятить себя преподавательской деятельности. За европейский и американский периоды педагогической работы Чехов приобщил к «системе Станиславского» таких выдающихся актеров, как Пол Роджерс, Грегори Пек, Юл Бриннер, Мерлин Монро, мечтавшую сыграть русскую классику.

М.А. Чехов проявил себя в США и крупным теоретиком актерского искусства. Была издана сначала на русском языке, затем на английском его ценнейшая книга «О технике актера». Зарубежный период творчества М. Чехова имел огромное значение для популяризации в Европе и США системы К.С. Станиславского и русской театральной школы в целом.

Следует коснуться проблемы русской кинематографии и ее дальнейшего развития за рубежом, в частности, во Франции. Началом собственно русского кинематографа большинство исследователей называет 1908 г. Ему был отпущен судьбой короткий, но бурный и плодотворный жизненный срок – 1908–1918 гг. Далее началась датированная известным декретом о национализации кинодела от 27 августа 1919 г. история советского государственного кинематографа.

Наибольшее развитие до революции кинопроизводство получило в Москве и было неотделимо от деятельности А.А. Ханжонкова, обосновавшего первую в России кинофабрику. Его киностудия была вне конкуренции. Она имела павильоны, лабораторию, свой кинотеатр. Актеры подбирались опытные и талантливые. Среди них блистали Вера Холодная (умерла в феврале 1919 г.) и Иван Мозжухин (1889–1939).

В 1920 г. Мозжухин работал в Ялте, в Киноцентре. В это же время в Крыму снимала фильмы кинофирма «Ермольев». Это было серьезное дело с лучшими актерами, с хорошим выбором постановок, с удачной режиссурой. Мозжухин решил перейти в фирму, уйдя от Ханжонкова. Осенью 1920 г. красные взяли Перекоп и хлынули в Крым, белая армия эвакуировалась. Ермольев, человек очень практичный, отличный организатор и знаток своего дела, увез из Ялты всю свою труппу вместе с Мозжухиным, Лысенко, Гуржанским в Париж, где установил связи с фирмой «Гомон» и образовал новую труппу «Альбатрос».

В эмиграции Иван Мозжухин стал королем французского экрана. Его творчеству посвящен специальный стенд во французском национальном музее кино «Музей д'Орсэ». С афиш на вас смотрит загадочное лицо нашего соотечественника. В 30-х гг. Мозжухин стал кинозвездой Европы и завоевал мировое признание.

Звездами французского кино стали также русские режиссеры и актеры Протазанов, Гуржанский, Волков, Наталья Лысенко. Прославился во французском кино русский киноактер, сын знаменитого художника, Г.В. Серов.

Кратко о цирковых артистах-эмигрантах. Цирковое искусство интернационально. На протяжении веков цирковые артисты различных национальностей перемещались из страны в страну, образуя единый мировой цирк. В дореволюционной России во главе крупнейших антреприз стояли иностранные предприниматели. Однако надо признать, что с конца XIX в. все более активно утверждается русский цирк. Его главными организаторами выступают братья А. и Д. Никитины, построившие в Москве грандиозное здание для представлений. Назовем также братьев А. и В. Дуровых.

После Октябрьской революции значительная часть иностранных артистов уехала из России. Положение цирка в условиях гражданской войны было трудным, число цирков сократилось. И тогда начался отток русских артистов за границу.

Это объяснялось не только экономическими, но и политическими причинами. В Польшу уехал знаменитый дуэт сатириков Бим-Бом (М. Станевский и И. Радунский). Вскоре дуэт распался. Радунский вернулся в Россию, а поляк Станевский возглавил стационарный цирк в Варшаве. С большим успехом выступали в лучших цирках Европы Н. Никитин, выдающийся жонглер на лошади, джигиты Хундадзе и Али Бек, жокеи Соболевские, гимнасты Руденко и Леотарис, атлеты и борцы И. Заикин и И. Поддубный. От имени, так сказать, русского цирка нередко выступали иностранные по паспорту артисты, чья творческая жизнь началась в России.

Таким образом, в 20-е гг. нашего века русский цирк, ранее почти не известный в Европе и Америке, поразил весь мир и творчески обогатил мировое цирковое искусство.

Изобразительное искусство российской эмиграции. В истории отечественного изобразительного искусства периода второй половины XIX в. – первой половины XX в. можно наметить три этапа: первый – расцвет реализма (1860–1880 гг.); второй – развитие новых художественных течений (конец XIX – начало 1920-х гг.), третий – параллельное развитие изобразительного искусства в СССР и в российской эмиграции при его некотором типологическом сходстве и идеологическом различии (20-е и последующие годы).

В конце XIX – начале XX вв. реализм продолжал свое поступательное движение, но путь развития русского изобразительного искусства в этот период необычайно усложнился в силу распространения индивидуалистических тенденций и появления новых группировок, порожденных модернизмом.

Они были активны. Например, первое поколение русских авангардистов отличалось исключительной решительностью и смелостью исканий, твердостью в отстаивании своих творческих принципов. Оно не могло согласиться с теми живописцами, которые в своих работах придерживались старых образцов.

Большое значение в развитии изобразительного искусства в России имело творческое объединение «Мир искусства», созданное по инициативе С. Дягилева и А. Бенуа. Его базой был кружок петербургской интеллигенции, возникший в 1890-х годах, в который входили художники А. Бенуа, И. Сомов, Л. Бакст, Е. Лансере, Д. Филодоров и др. Членами кружка также были композиторы, ведущие мастера сцены. Кружок выпускал одноименный журнал (редактор С. Дягилев). К концу 90-х гг. «Мир искусства» оформился как объединение, которое вносило в русскую культуру новые эстетические принципы. Позже в него вошли художники В.В. Серов и М.В. Добужинский.

В 1903 г. «Мир искусства» объединился с Обществом 36 художников, основу которого составляли московские художники, в Союз русских художников. Московскую группу составляли живописцы К.А. Коровин, А.Е. Архипов, С.А. Виноградов, С.Ю. Жуковский, А.В. Туржанский, А.М. Васнецов, С.В. Малютин, А.С. Степанов. СРХ ставил цель – «содействовать распространению произведений русского искусства и обеспечить членам союза сбыт их художественных произведений»¹⁸⁴. В 1910 г. Союз

¹⁸⁴ Северюхин Д. Я., Лейкинд О. Л. Художники русской эмиграции (1917–1941) : биограф. словарь. СПб. : Изд-во Чернышова, 1994. С. 579.

русских художников распался, по инициативе москвичей, группа «Мира искусства» стала самостоятельным художественным объединением. В 1920 г. почти все учредители МИ эмигрировали.

В первом десятилетии XX в., когда резко ускорились темпы эволюции русского изобразительного искусства и в нем сложился целый спектр направлений, роль освоения и переработки новейшего зарубежного художественного опыта значительно возросла. Главными центрами притяжения русских мастеров стали Париж и Мюнхен. В то же время С. Дягилев, пропагандируя русское искусство за рубежом, организовал в 1906 г. выставку в Осеннем салоне в Париже, в 1906–1907 гг. – выставку русской живописи в Париже, Берлине, Монте-Карло, Венеции. Благодаря деятельности «Мира искусства» и С. Дягилева, коллекционерству С. Щукина и И. Морозова, новаторскому музейному собирательству и интенсификации международного выставочного обмена, особенно на почве авангардистских устремлений, в 1910-е гг. русское изобразительное искусство не только прочно «вписалось» в общеевропейский контекст, но в ряде случаев (В. Кондинский, К. Малевич, М. Ларионов, М. Шагал, П. Филонов, В. Татлин) выдвигается в авангард мирового художественного развития.

Активная эмиграция русских художников охватывает период 1917–1924 гг. Последователи различных направлений в изобразительном искусстве, они продолжали за рубежом свою многожанровую работу. Большинство из них сохраняло и развивало свои сложившиеся в России творческие принципы и традиции. Русские художники были тесно связаны с национальной культурой, обязаны ей своим становлением и своим творчеством принадлежали Родине. Эта плеяда живописцев, скульпторов, зодчих снискала славу русскому искусству и прочно вошла в историю отечественной культуры. Вклад художников-эмигрантов не был одинаковым в период жизни за рубежом. Какая-то часть, отвлекаемая от творческой работы бытовыми заботами, затерялась в эмигрантской массе. Выехавшие из России совсем молодые художники могут быть отнесены скорее к мастерам русского происхождения, чем русских традиций.

За рубежом работали передвижники И.Е. Репин (с мая 1918 г. он жил в Финляндии, отторгнутой от России, дважды отверг предложение советской власти вернуться на родину), Н.П. Богданов-Бельский (с 1921 г. обосновался в Риге, похоронен в Берлине), Н.И. Фешин (в 1923 г. переехал в США).

Большая часть русских мастеров изобразительного искусства сосредоточилась во Франции, преимущественно в Париже. Среди них живописцы А.Н. Бенуа, Ю.П. Анненков, Л.С. Бакст, Б.В. Бессонов, К.Н. Буни, Д.Д. Бушен, Н.С. Гончаров, А.В. Грищенко, Б.Д. Григорьев, Н.В. Зарецкий, Л.В. Зак, К.А. Коровин, В. В. Кондинский, А.М. Ланский, П.А. Мансуров, И. А. Пуни, К.А. Сомов, М.З. Шагал, А.Е. Яковлев; скульпторы Н.А. Певзнер, Д.С. Стеллецкий, А.М. Гюрджан.

Приток русской художественной интеллигенции после революции во Францию восстановил традиции русских художников, приезжавших в Париж во второй половине XIX – начале XX в. Закономерным процессом, обусловленным трудностями адаптации к новой художественной среде и желанием продолжить творческую деятельность в целях сохранения и приумножения духовных ценностей русской художественной культуры, участники выставок «Мир искусства» в марте 1921 г. провели в Париже организационное собрание, на котором было принято решение объединиться для коллективной работы. Объединение занималось в основном организацией выставок. В 1921 г. был образован Союз русских художников в Париже, насчитывавший 130 человек¹⁸⁵. Большинство членов Союза лояльно относилось к советской власти, выражало симпатии приезжавшим во Францию из СССР деятелям культуры.

¹⁸⁵ Российское зарубежье. Итоги и перспективы изучения : тез. докл. и сообщ. науч. конф. (17 ноября 1997 г.). М., 1997. С. 78.

Парижская художественная культура охватила некоторых русских живописцев. Попад в Париж, они заражались общими увлечениями момента, старались усвоить «последний крик» модных течений, приобщиться к самым новейшим достижениям в области изобразительного искусства Франции. Одни выбирали себе образцом для подражания Сезанна, другие – Пикассо и т.д. В работах «пошатнувшейся» части российских живописцев проявилась реминисценция «парижского воздуха». В конце 1920-х – начале 1930-х гг. во Франции ведущая роль принадлежала художникам-сюрреалистам. Это течение коснулось и ряда, но не большинства, русских художников. Русские художники И. Лебедев, Х. Сутин, В. Барт, С. Фотинский, И. Гончарова, М. Ларионов, Л. Гудиашвили приняли участие в июне 1921 г. в выставке «левых» художников «Сотня с Парнаса» – «полпредов» прогрессивного левого искусства.

В 1920-е гг. во Франции начинают возникать группировки русских художников. В 1925 г. в Париже было создано при участии И.Я. Билибина, П.П. Муратова, В.П. Рябушинского, Д.С. Стеллецкого и других общество «Икона», объединявшее художников и иконописцев, иконологов и любителей русской иконы. Т.Л. Сухотина-Толстая организовала в Париже в 1929 г. Русскую академию Толстой. Преподавали, в ней М.В. Добужинский, К.А. Коровин, И.Я. Билибин, Д.Б. Григорьев, В.И. Щухаев. В конце 1930 г. академия закрылась из-за финансовых трудностей. В 1946 г. в Париже по инициативе русских художников Н. Габо, А. Ланского, С. Полякова и других было основано объединение абстракционистов «Салон Новых реальностей». Объединению предшествовала одноименная выставка «Конкретное искусство» в 1945 г. В 1956 г. почетным президентом Салона стал А. Певзнер.

В Германию эмигрировали живописцы Н.П. Богданов-Бельский, В.В. Кандинский (после прихода к власти фашистов переехал во Францию), Е.К. Маковская, В.Н. Масютин, Ф.А. Рубо, М.В. Сабашников, А.Г. Явленский; график и сценограф С.В. Чехонин, скульптор Л.С. Бернштейн-Синаев и другие российские мастера.

В 1922 г. в Берлине был организован Дом искусств, председателем которого стал Н.М. Минский. Его ядром были А.М. Ремизов, И.А. Пуни, Н.Д. Милиоти, К.Ф. Залит, М.А. Лагарно, В.Н. Масютин, К.Л. Богуславская, А.М. Арнштам, К.В. Дыдышко, Л.О. Пастернак. В 1922 г. издательство «Русское искусство» устроило в Берлине выставку работ видных русских художников Н.С. Гончаровой, Н.Ф. Ларионова, Н.К. Рериха, С.А. Сорины, А.Н. Бенуа, М.В. Добужинского, К.А. Коровина, К.А. Сомова и других. Это событие способствовало возникновению целого ряда галерей и кружков художников.

В Америку, в основном в США, русские мастера изобразительного искусства, как и другие российские эмигранты, начали активно переезжать из взрывоопасной Западной Европы в конце 1930-х гг. В США в начале 40-х гг. собралось немало русских живописцев, графиков, сценографов и скульпторов. Назовем некоторых из них. Это живописцы Б.С. Аронсон, Л.Г. Берман, Д.Д. Бурлюк, Н.И. Васильев, М.А. Вербов, М.В. Добужинский, А.М. Зельманова, Б. Золотарев, А. Качинский, С.Ю. Судейкин, Б.Ф. Шаляпин (старший сын П. И. Шаляпина).

В 30-х гг. русские художники И. Болотовский, И. Ротко, И. Циковский, Н. Домбровский создали американское объединение художников абстрактно-экспрессионистского направления, которое рассматривало внешний мир как средство выражения субъективных состояний человека. Но заметного пополнения и влияния на художников-эмигрантов это объединение не имело.

По разным странам судьба разбросала российских мастеров живописи. В Италии поселились художники С.В. Бакалович, Е.Н. Берман, Р.Н. Браиловская, Л. Браиловский, В.О. Франкетти, Г.И. Шилтян, А.В. Исупов. В Англии нашли приют живописцы Б.В. Анреп, Е.С. Молло, В.Я. Полунин, С. Федорович, П. Хентова, Н.П. Химона. Неко-

торые художники выбрали Польшу, Чехословакию, Югославию, Швейцарию, Финляндию, Латвию, Голландию, Бельгию, Бразилию, Мексику и другие страны.

Большая часть российских мастеров изобразительного искусства плодотворно работала за рубежом, о чем свидетельствуют каталоги картин на выставках тех лет в разных странах. Лишь незначительная часть художников отдалась «коммерческой» живописи (надо было как-то существовать). А там, где начинается поточная работа на рынок, на мелкого потребителя, кончается настоящая живопись как искусство.

К сожалению, до нас не дошли творения русских художников-эмигрантов. Картины, изваяния мастеров покупали на выставках национальные картинные галереи, а также частные лица. Лишь часть из них после Великой Отечественной войны была возвращена в СССР из стран Восточной Европы.

Николай Константинович Рерих (1874–1947). Выдающийся художник, философ, ученый, известный путешественник и общественный деятель мирового масштаба – таков диапазон личности Н. Рериха. Мы ограничимся краткой характеристикой Николая Константиновича как художника.

Родился в Петербурге, в семье крупного юриста. Окончил гимназию, затем юридический факультет Петербургского университета, а параллельно и Академию художеств. Его выпускная картина «Гонец. Восстал род на род» свидетельствовала о большом таланте начинающего живописца и склонности к историческим сюжетам. Эта идейно-художественная ориентация Рериха станет лейтмотивом его творчества на долгие годы («Заморские гости», 1901; «Город строят», 1902 и другие, более поздние). Художник стремился проникнуть в глубь веков, в живой и целостный мир далеких предков, связать его с поступательным развитием человечества, с идеалами гуманизма, героики и красоты.

В 1916 г. Рерих из-за болезни легких поселился с семьей в Сердоболе (Финляндия). После отделения Финляндии в 1918 г. от Советской России он оказался эмигрантом. Здесь Рерих упорно работает. В 1918–1919 гг. он провел персональные выставки в Стокгольме и Хельсинки. В 1920 г. Рерих переехал в США, где в течение трех лет организовал выставки своих картин в 28 американских городах. В 1923 г. после кратковременного пребывания в Европе он вместе с семьей отправился в Индию, где в 1925 г. организовал экспедицию по Центральной и Восточной Азии. В 1928 г. Рерих с семьей поселился в долине Кулу (Индия), где прожил до конца своих дней. Здесь же разместился созданный им Институт гималайских исследований.

Наряду с большой общественной и научной деятельностью Н.К. Рерих продолжает заниматься живописью. Сюжетная композиция дополняется стремлением художника осмыслить прошлое в его символическом созвучии с современностью, представить основные вехи в истории человечества как цепь многократных мировых катаклизмов, как эпизоды некой единой «космической» эволюции («Небесный бой», «Знамение»).

Для живописи Н. Рериха 20–40-х гг. (монгольская, тибетская, гималайская серия горных пейзажей, символические композиции) характерны эпическое звучание, величественность, и романтическая приподнятость образов, острота и вместе с тем ясность форм, неправдоподобные интенсивные краски («Гуга Чохан», «Знаки», «Гэсера», «Гималаи»). В творчестве Рериха заметное место занимают картины на аллегорические темы Древней Руси и Востока, в которых ясно проступает его мировоззрение, близкое к буддийской философии, утопическим надеждам на «глобально-мессианскую» роль искусства. Он запечатлел в картинах образы святых, пророков, легендарных героев, мудрецов: «Великий дух Гималаев», «Николай Угодник», «Пантелеймон Целитель», «Лао Тзе», «Конфуций», «Кришна», «Бхагаван», «Будда», Гэсэрхан», «Приказ Учителя» и другие полотна.

Культурно-художественное наследие Н.К. Рериха прочно связано и с самой традиционной культурой Востока, и с ее духовно-философской сердцевиной.

Скульптура. Пути развития отечественной скульптуры в конце XIX – начале XX в. были во многом определены ее связями с искусством передвижников. Именно этим объясняется ее демократизм и идейная содержательность. Скульптура активно участвовала в поисках нового и становилась одним из ведущих видов искусства. Расширился тематический круг произведений, преодолевалась застылость академической лепки формы, использовались более разнообразные материалы – не только бронза и мрамор, как ранее, но и камень, дерево, майолика, даже глина. Делались попытки внести в скульптуру цвет. Монументальная скульптура в начале XX в. по-прежнему развивалась затрудненно.

Российские скульпторы-эмигранты обосновались преимущественно в США. А.Н. Аронсон, А.П. Архипенко, С. Бейзерман, А.Н. Близис, Н.А. Габо, Г.В. Дерюжанский, В.А. Издебский, С.Т. Коненков (в 1945 г. вернулся в СССР), Б.М. Микешин – вот неполный список российских скульпторов в этой стране. В Италии жили князь П.П. Трубецкой (здесь он провел большую часть своей жизни), Х.Я. Липшиц. Творчество скульпторов за рубежом не угасло, вопреки утверждениям советских искусствоведов, «импрессионистский», «живописный» подход П. Трубецкого к пластике существенно повлиял на развитие русской скульптуры, особенно станковой.

Национальный стиль в архитектуре российского Зарубежья. Во второй половине XIX – начале XX вв. распространение русских архитектурных идей за пределами России проходило главным образом по двум направлениям. Первое – это устройство павильонов России на международных выставках и второе – строительство за рубежом русских православных церквей, выполнявших функции посольских или олицетворявших память о важнейших для судеб Отечества исторических событиях. Традиции «историзма» требовали в подобных случаях использования привычно узнаваемых форм национального стиля в его различных модификациях – таких, как «русско-византийский» и «русский» стили середины и второй половины XIX в. или «неорусский» стиль начала XX в. – модерн, распространявшийся в России в конце XIX – начале XX вв.

Октябрьская революция обозначила резкий стилистический перелом в развитии архитектуры России. И хотя в годы советской власти в архитектурной практике страны находилось место классическим реминисценциям, дальнейшая эволюция русского национального стиля в новых социально-политических условиях оказалась невозможной.

И все же традиции национального стиля после 1917 г. были продолжены русскими архитекторами за пределами России – главным образом, при строительстве храмов русской православной церкви за рубежом. Их композиция в большинстве случаев решалась в духе «неорусского» стиля, который доказывал свою жизненность. Лучшие из новых сооружений такого типа отнюдь не повторяли более ранние образцы, а свидетельствовали о творческом развитии идей национального романтизма начала столетия. В качестве примеров могут быть приведены храмы в Брюсселе, Бизерте, Тунисе, Аделаиде, Сан-Франциско, Джорданвиле (близ Нью-Йорка) и других городах мира, где обрзалась русская диаспора.

Примечателен творческий путь русского архитектора В.К. Олтаржевского в период его пребывания в Америке в 1924–1935 гг. Творчество Вячеслава Константиновича одновременно повлияло на современные архитектурные тенденции, как в Нью-Йорке, так и в Москве. Опыт Олтаржевского представляет наглядный пример уникального случая, в котором зодчему сначала удастся успешно работать в прогрессивном архитектурном мире Нью-Йорка, где он при проектировании небоскребов соединил идею вертикальности ступенчатых небоскребов с подобными традициями московского зодчества, а затем, после возвращения на родину в 1935 г., – в Москве. В апреле 1951–1956 гг. Олтаржевский принял активное участие в создании послевоенного ансамбля высотных зданий в Москве, который сочетает в себе вертикальную насыщенность пирамидального силуэта

Московского Кремля с окружающими его монастырями и подобную пирамидальную морфологию нью-йоркских проектов для «города башен». Этот ансамбль во многом отражает уникальную роль и вклад Олтаржевского в советскую архитектуру.

Среди архитекторов-эмигрантов, пользующихся мировой славой, были Б. Любеткин, С. Чермаев, Н. Габо, Н. Певзнер, Н. Васильев, Л. Каи, Г. Биркертс (США), Г. Варшавчик, Э. Миндлин (Бразилия), архитекторы в Болгарии, Югославии, Румынии, Чехословакии и в других странах.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Культура российской эмиграции – это наиболее яркие страницы истории Российского зарубежья. Наши соотечественники принесли на Запад свою культуру с ее национальными традициями, ценностями и менталитетом, расцвет которой достиг своего апогея в эпоху Серебряного века, оборванного революционными потрясениями и гражданской войной. В мировой истории нет явления, которое по численности и культурному значению могло бы сравниться с российским зарубежьем. Культурное наследие российской эмиграции является одной из ведущих тем в изучении отечественной эмиграции на всем протяжении ее существования. К ней обращались и обращаются как зарубежные, так и российские исследователи.

Основная масса эмигрантов первой волны – это образованная часть населения России: дворянство, буржуазия, интеллигенция, офицеры, студенты. Эта часть российского общества и была носителем отечественной культуры и ее питательной средой. Сама великая культура и русский язык способствовали сохранению у эмигрантов в их тяжелой жизни национального чувства, препятствовали их ассимиляции, укрепляли этническую стабильность эмиграции.

Важную роль в возможной культурной самоидентификации (самоотождествлении) российской эмиграции, ее адаптации и даже ассимиляции играла государственная власть стран, где создалась российская диаспора, о чем свидетельствует опыт культурных акций, замыслов, например, Чехословакии и Югославии. Но эти действия не привели к растворению русской культуры за рубежом. Изучение роли государственной власти, общественных организаций и личности в культуре российской эмиграции дает ключ к ответу: почему российская диаспора избежала обвальной ассимиляции и создала на чужбине внегеографическую Россию, разбросанную по разным странам мира и сохранившую культуру Родины в инокультурном инонациональном окружении и оставила богатейшее наследие.

Культура российского зарубежья представляет собой специфическое явление мировой истории: она продолжала жить и развиваться и отрыве от Отечества, от национальных корней. Но эмигрантская культура не может быть этнически стабильной на многие годы. Культура народа живет, пока живы ее носители, которым она нужна и которые ее развивают, чтобы духовно сохранить себя. Как и все духовное русская культура эволюционировала под влиянием внешней среды, постепенно утрачивая национальные традиции и окраску, ассимилируясь в культуре стран проживания.

Хронологические рамки полноценного существования русской культуры за рубежом – начало 20-х – конец 50-х гг., большинство исследователей считает, что зарубежная русская культура как феномен сохранялась два-три поколения. Со смертью ее гигантов, а также ее носителей она угасла, но существует в отечественной истории. Культура российского зарубежья была и остается достоянием человечества.

Третье поколение, тем более четвертое, эмигрантов первой волны это люди другой культуры, многие из них русского языка-то толком не знают. А забывая язык, потомки в условиях отсутствия связи с Родиной предков забывают и национальные культурные традиции. Они стали людьми западной культуры и культурных ценностных ориентаций.

Русская культура на вершине своего развития заявила о себе как один из лидеров мирового культурного движения. Но если Россия в советское время теряла целые пласты культурного богатства, созданного соотечественниками, то мир, и прежде всего Франция и США, активно впитывал достижения российских эмигрантов, культурная деятельность которых за рубежом была прямым продолжением творческого взлета эпохи Серебряного века. Однако следует отметить, что влияние русской культуры на культуру стран проживания эмигрантов было подготовлено также и европейским мо-

дернизмом. Черты русского модернизма, взращенные и интерпретированные Серебряным веком, были близки европейскому сознанию в области литературы и искусства и органично вписались в него, став составной частью международного модернизма и сохраняя при этом специфическую «русскость».

Для доказательства тезиса о влиянии культуры российского зарубежья на европейскую и мировую культуру приведем примеры на Франции, США, Австралии.

Париж был главным культурным центром Российского зарубежья. Здесь создавались различные общества, союзы деятелей русской культуры. Во французской Опере, в театрах выступали русские артисты, внося свой вклад в развитие французского оперного, хореографического и театрального искусства. Труды русских философов, писателей, поэтов издавались на французском языке и были доступны широкой читательской аудитории страны. В столице неоднократно устраивались выставки произведений русских мастеров изобразительного искусства, что оказывало определенное влияние на французское художественное творчество. В Париже, на известном русском кладбище Сен-Женевьев де Буа, похоронены многие деятели культуры Российского зарубежья.

Прагматичные круги США использовали преимущественно научные достижения и открытия русских ученых-эмигрантов. Мы писали о плодотворной научной деятельности на американской земле авиаконструктора И. Сикорского, В. Зворыкина «отца телевидения», физика Г. Гамова – автора гипотезы «Горячей Вселенной», химика Г. Кистяковского, работавшего над проектом Манхеттен по созданию первой атомной бомбы. Д. Сарнофа – радиоинженера, который первый передал музыку по радио. На музыкальном поприще плодотворно трудился композитор Ирвин Берлин, автор более 800 песен, включая национальный гимн «Бог благословил Америку!» Музыку к большинству голливудских фильмов написали два наших соотечественника русские композиторы-эмигранты Дмитрий Теткин и Владимир Дукельский (Верном Дюк). Вот каких гигантов науки и культуры подарила Россия Америке.

Российская эмиграция помогла австрийцам приобщиться к русской культуре. Здесь гастролировали в 1926 г. Федор Шаляпин и Анна Павлова. В Австралии давали концерты Хор донских казаков, Хор атамана Платова, Донской казачий хор Кострюкова. Выступления известных русских балетных трупп оказали значительное влияние на становление австралийского балетного искусства.

Русская зарубежная культура, сохраняя свою национальную самобытность, вместе с тем обогащалась (по принципу взаимопроникновения) за счет той культуры, с которой соприкасалась в силу обстоятельств. Западные элементы культуры, приемлемые для эмигрантов по морально-этическим и эстетическим критериям, преломлялись в русском варианте, но никогда не доминировали в русской зарубежной культуре в хронологических рамках ее существования, вопреки утверждению некоторых российских исследователей о некоем синтезе русско-европейской культуры первой половины XX в. Именно в этом контексте можно говорить, учитывая универсальность русской культуры как части общечеловеческой ценности, о влиянии русской цивилизации на европейскую культуру, и использовании в качестве модели исторического опыта русской нации в сложной и противоречивой концепции современной европейской интеграции, сближения Востока и Запада. В этой связи актуальным становится вопрос о роли русской культуры в мировой цивилизации, и решение этого вопроса возможно только при возрождении единой национальной культуры России.

Многие потомки эмигрантов первой волны откликнулись на порыв ученых России возродить отечественную культуру и считают своим долгом передать в дар Родине предков реликвии русской зарубежной культуры. Отечество не имеет морального права предать забвению выдающихся деятелей русской науки и культуры, почивших за рубежом, которых бездумно и безжалостно отвергли большевистские ортодоксы. Еще требует научного осмысления широкий и плодотворный процесс стремительного возвращения в Россию культурного наследия российской эмиграции.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Адамович Г. Вклад русской эмиграции в мировую культуру / Г. Адамович. – Париж, 1961.
2. Алданов М. С.В. Рахманинов / М. Алданов // Литературное обозрение. – 1990. – № 10.
3. Бахрушин Ю. А. История русского балета / Ю. А. Бахрушин. – М. : Просвещение, 1977.
4. Блостер Уэс. Беседы с Игорем Стравинским / Уэс. Блостер // Культура. – 1992. – 20 ноября.
5. Боброва Н. Дягилев приглашает / Н. Боброва // Российская газета. – 1992. – 18 марта.
6. Богородцев П. Восстановление святынь / П. Богородцев // Новое время. 1992. – № 30.
7. Валериус С. Прогрессивная скульптура XX в. / С. Валериус. – М. : Изобразительное искусство, 1973.
8. Вардадым В. В погоне за сенсацией / В. Вардадым // Литературная Россия. – 1990. – 18 мая.
9. Варшавский В. С. Незамеченное поколение. Воспоминания / В. С. Варшавский. – Нью-Йорк, 1956.
10. Васильев И. Пути зарубежья / И. Васильев // Союз. – 1990. – № 11.
11. Вертинский А. Дорогой длиною / А. Вертинский. – М. : Правда, 1991.
12. Вертинский А. Песни и романсы / А. Вертинский. – Л. : Советский композитор, 1991.
13. Винчи Л. Неразгаданное чудо. К 100-летию Михаила Чехова / Л. Винчи // Советская Россия. – 1991. – 14 августа.
14. Год Федора Ивановича Шаляпина. Подборка статей // Голос Родины. – 1993. – № 7.
15. Гусарова А. П. Русская живопись. Мысли и думы / А. П. Гусарова. – Л. – М. : Искусство, 1966.
16. Дмитриевский В. Московско-новгородский человек Сергей Рахманинов / В. Дмитриевский // Голос Родины. – 1993. – № 43.
17. Дьяконицын Л. Ф. Идеиные противоречия в эстетике русской живописи конца XIX – начала XX вв. / Л. Ф. Дьяконицын. – Пермь, 1966.
18. Емельянов Т. Правда и ложь о Федоре Шаляпине / Т. Емельянов // Российская газета. – 1992. – 1 августа.
19. Ковалевский П. Е. Зарубежная Россия / П. Е. Ковалевский. – Париж, 1970.
20. Ковчег. Поэзия первой эмиграции. – М. : Политиздат, 1991.
21. Костиков В. Не будем проклинать изгнание / В. Костиков. – М., 1990.
22. Крючкова В. А. Социология искусства и модернизм / В. А. Крючкова. – М. : Изобразительное искусство, 1979.
23. Лавров В. Литература эмиграции – без тайн / В. Лавров // Книжное обозрение. – 1990. – № 33.
24. Литература русского зарубежья : антология : в 6 т. – М. : Книга, 1990.
25. Михайлов О. Л. Писатели младшего поколения / О. Л. Михайлов // Литература в школе. – 1991. – № 3.
26. Михайлов О. Н. Прозаики старшего поколения / О. Н. Михайлов // Литература в школе. – 1991. – № 2.
27. Назаров Л. История русской литературы XX века в эмиграции / Л. Назаров // Московские новости. – 1992. – № 31.

28. Пашуто В. Т. Русские историки-эмигранты в Европе / В. Т. Пашуто. – М., 1991.
29. Петров Р. Милюков, или биография компромисса / Р. Петров // Огонек. – 1990. – № 24.
30. Поливанов О. А. Психология русской эмиграции / О. А. Поливанов. – СПб., 1992.
31. Поэты русского зарубежья // Литературная газета. – 1990. – 21 марта.
32. Пугош Л. Судьба Петра Лещенко / Л. Пугош // Литературная газета. – 1990. – 31 января.
33. Резанов Г. Париж возвращает России «Русские сезоны» / Г. Резанов, Т. Хорошилова // Комсомольская правда. – 1992. – 31 октября.
34. Рейс Е. «Черная Роза» Вертинского / Е. Рейс // Неделя. – 1991. – № 22.
35. Русские в Праге / ред.-изд. С. П. Постников. – Прага, 1928.
36. Савченко В. А. Кумиры забытой эстрады / В. А. Савченко. – М. : Знание, 1992.
37. Северюхин Д. Я. Художники русской эмиграции (1917–1941) : биографич. словарь / Д. Я. Северюхин, О. Л. Лейкинд. – Петербург : Изд-во Чернышева, 1994.
38. Сергей Дягилев и русское искусство. Статьи, письма, интервью. – М. : Изобразительное искусство, 1982.
39. Соколов А. Г. Судьбы русской литературной эмиграции в 1920-х гг. / А. Г. Соколов. – М., 1991.
40. Солдатов С. О восстановлении целостности русской культуры / С. Солдатов. – 1990. – № 11.
41. Струве Г. Русская литература в эмиграции / Г. Струве. – Питтсбург, 1972.
42. Туровская Л. Русские в долине Кулу / Л. Туровская // Российская газета. – 1992. – 17 декабря.
43. Фокин М. М. Против течения. Воспоминания балетмейстера. Статьи. Письма. / М. М. Фокин ; сост. Ю. И. Слонимский. – М., 1962.
44. Шальнев А. В Коста-Рике у Рахманинова / А. Шальнев // Союз. – 1990. – № 13.
45. Шанов В. Михаил Чехов и русский экзистенциализм / В. Шанов // Независимая газета. – 1991. – 28 августа.
46. Яворская И. В. Из истории советского искусствознания / И. В. Яворская. – М., 1987.

КНИГА ТРЕТЬЯ ВТОРАЯ ВОЛНА ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ЭМИГРАЦИИ И ЕЕ КУЛЬТУРА

ВВЕДЕНИЕ

Каждое последующее поколение людей стремится заново на основе новых знаний, приоткрывающихся тайн прошлого, новых тенденций, концепций, наконец, накопленного опыта, осмыслить и оценить дальнейшее и ближнее прошлое своего народа, отечества. Процесс такого рода переосмысливания и переоценки исторических событий и фактов профессиональным историком должен приводить к более глубокому, деидеологизированному, беспристрастному приближению его аналитической интерпретации к объективной истине. Цицерон писал: «Первый закон истории – не отважиться ни на какую ложь, затем – не страшиться никакой правды; писать так, чтобы не дать себя заподозрить ни в сочувствии, ни во враждебности»¹⁸⁶.

В советской исторической науке одним из наиболее противоречивых процессов раскрытия истины является Великая Отечественная война 1941–1945 гг. и связанные с ней события в стране, на оккупированных немцами территориях и за их пределами. В истории Великой Отечественной войны существуют две истины: официальная, научно установленная и зафиксированная в исторических исследованиях, учебниках, с нередким сокрытием реального, трагического и неофициальная, передаваемая в виде печатных воспоминаний, статей непосредственных участников войны, устных рассказов фронтовиков о бездарности кремлевского руководства в первые месяцы войны, неподготовленных «сталинских ударах» в лоб противнику, сопровождавшихся большими людскими потерями, о массовой сдаче в плен советских солдат и офицеров, о зверствах заградительных отрядов НКВД и т.д. Обе истины содержат много правды, но и грешат домыслами, вызванными, с одной стороны, идеологическими факторами, с другой – мотивами личного характера и эмоциями участников событий.

Кому-то сегодня трудно согласиться с новыми трактовками Великой мировой войны, политическими целями и установками Русского освободительного движения и Русской освободительной армии генерала Власова, с обличением предательств американского и английского правительств, выдавших в руки НКВД по ялтинскому сговору более 2 млн человек. В свете сегодняшнего переосмысления Великой Отечественной войны было бы справедливо и полезно глубже уяснить причины и мотивы второй волны эмиграции, на этот раз советской. Это способствовало бы более глубокому восприятию и осознанию исторических процессов, связанных с диктатурой ВКП (б) и террором НКВД. Драма поколений, оказавшихся на чужбине после Великой Отечественной войны, мало изучена советской и российской отечественной наукой.

Чтобы относительно полно и обоснованно ответить на спорный вопрос, как создавалась вторая волна отечественной эмиграции, следует выявить, в каких недрах и при каких условиях она потенциально созревала и накапливалась, почему некоторые советские граждане (а их было немало), оказавшиеся на оккупированных территориях, пошли на сотрудничество с немцами, как и ради чего возникли Русское освободительное движение и Русская освободительная армия генерала Власова, давшие немалое число эмигрантов второй волны; почему многие из «остарбайтер» (восточных рабочих) не захотели вернуться в СССР по окончании войны, убегали и прятались от родной Советской армии.

¹⁸⁶ Россия в лицах, документах, дневниках. Скрытая правда войны: 1941 г. М.: Русская книга, 1992. С. 5.

Болезненным по идеологическим критериям и остродискуссионным вопросом в российской историографии является советский коллаборационизм в годы Великой Отечественной войны. Проблема предательства советских граждан в войну детально не обсуждалась советскими и российскими учеными-историками. Рассчитанной на массового читателя являлась книга «Неотвратимое возмездие: материалы судебных процессов над изменниками Родины, фашистскими палачами и агентами империалистических разведок» (М. : Юридическая литература, 1979). Эта книга построена на концепциях и критериях ВКП (б) в определении и оценках предательства в годы войны, которые были обязательными для судебных органов и имели явный идеологический смысл.

Публикуемые материалы, которые связаны с судьбой военнопленных после репатриации, с Русским освободительным движением и РОА Власова, с коллаборационистами, «дипийцами», – это преимущественно журнально-газетные статьи. Объективность их авторов, правдивость изложения и анализа фактов и факторов и т.п. повышаются в зависимости от года написания и издания статьи: чем позже, тем правдивее и острее. Солидным трудом, связанным с историей второй волны эмиграции, обещают быть сборники статей, документов и воспоминаний «Материалы по истории Русского освободительного движения. 1941–1945 гг.». Два сборника под общей редакцией А.В. Окоорокова уже выпущены: первый сборник – в 1997 г., второй – в 1998 г. Они посвящены одной из самых малоизученных и замалчиваемых страниц недавней истории России (СССР).

Зарубежная историография по данной тематике представлена в фундаментальных исследованиях более широко и многопроблемно. В отличие от советских историков, зарубежные исследователи всесторонне, глубоко и непредвзято изучают Русское освободительное движение, деятельность генерала А.А. Власова и РОА. Среди большого количества работ выделяются своим научным уровнем, глубиной и источниковедческой базой следующие книги: «Против Сталина и Гитлера» К.К. Штрик-Штрикфельдта (М., 1993), «Генерал Власов» С. Фрелиха (США, 1990), «Власов – предатель или патриот?» С. Штернберга (Кёльн, 1968), «Военный дневник» Ф. Гальдера (М., 1969), «Власов» С. Стеенберга (Мельбурн, 1974), а также книги эмигрантов А.С. Казанцева – «Третья сила. История одной попытки» (Франкфурт-на-Майне, 1974), П.В. Жадана – «Русская судьба. Записки члена НТС о Гражданской и Мировой войне» (М., 1991).

По власовской проблематике на Западе наиболее авторитетной работой является книга директора Научного центра военной истории (ФРГ), видного немецкого историка Йоахима Хоффманна «История власовской армии» (Фрейбург, 1984). Он систематизировал известные на западе по этой теме документы и материалы. Книга, переведенная на русский язык и изданная в 1990 г. в Париже, стала своеобразным справочником для российских историков и журналистов.

Самой значительной работой на Западе и у нас о трагической судьбе советских военнопленных и перемещенных лиц времен Второй мировой войны можно назвать книгу англичанина Николаса Бетелла «Последняя тайна», которая вышла в свет в 1974 г. Н. Бетелл – лорд, видный славист, историк, политолог. В книге автор рассказывает о насильственной репатриации, в том числе десятков тысяч казаков и их семей, бежавших от советской власти вместе с отступающими немцами и оказавшихся после войны под юрисдикцией союзников. Н. Бетелл не только реально описывает все драматические события выдачи советских граждан, но и критикует, резко осуждает английские власти за античеловеческие деяния. В СССР этот труд был запрещен, за его провоз в страну, чтение и хранение виновных привлекали к суду и сажали в тюрьму, и лишь в 1992 г. он был издан в России.

В «чистом» виде, как отдельная тема, история второй волны отечественной эмиграции не рассматривалась ни советскими, ни российскими, ни западными историками. В то же время вторую волну нельзя отрывать от тех исторических обстоятельств, собы-

тий и факторов, которые её породили. В данном исследовании этой сопричастности уделяется пристальное внимание.

Первая волна эмиграции была порождена Гражданской войной и вспыхнувшим в связи с ней «красным террором», вторая – эпохой бурного строительства социализма, сталинским террором в 1920–1930-х гг. и бесправием народа, Великой Отечественной войной. Второй массовый отток граждан теперь уже из СССР нельзя полностью подвести под традиционное понятие «эмиграция». В основе второй волны лежали иные причины и мотивы, она имела несколько не сходных с первой волной форм расставания с Родиной.

Первая форма – это, по существу, бегство коллаборационистов с отступающими немецкими войсками с оккупационных советских территорий: полицаяв, солдат карательных групп, отрядов, в том числе национальных охранных команд, дезертиров, уголовников, освобожденных немцами из тюрем. Вместе с ними уходили старосты, служащие немецких местных органов управления, рабочие предприятий, открытых немцами на оккупированных территориях, бежавшие из немецкого плена солдаты, офицеры и оставшиеся жить при немцах. Уходили из сталинского режима с семьями и те, кто не был замешан в сотрудничестве с немцами.

Вторая форма – это так называемые «невозвращенцы». В их число входили власовцы и другие военнопленные, вступившие в немецкие воинские формирования и чудом спасшиеся от насильственного возвращения союзниками в СССР и вездесущего НКВД; советские граждане, в большинстве молодежь, принудительно увезенные в Германию как восточные рабочие; избежавшие репатриации и не пожелавшие вернуться в Советский Союз, предпочтя чужбину полицейскому государству.

Примечателен такой важный морально-психологический факт: эмигранты первой волны любили Россию, страдали от безвозвратной потери Родины. Советские эмигранты ненавидели СССР, были одержимы антисталинизмом и антибольшевизмом, стремились как можно быстрее оказаться дальше от Советского союза, хотя, безусловно, любили свою родную землю, родной край и тосковали по своим родным и близким.

ГЛАВА I. СОВЕТСКИЙ КОЛЛАБОРАЦИОНИЗМ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

Феномен предательства и его предпосылки. ВКП (б) в 1930-е гг. и накануне войны неоднократно твердила о «монолитном морально-политическом единстве советского народа». Однако первые же месяцы Великой Отечественной войны показали, что это очередной партийный миф. Можно подумать, что Сталин сделал все возможное, чтобы разъединить народ и озлобить его против советской власти. И хотя единение стало расти и укрепляться, когда народ увидел, что поразительные успехи немцев летом 1941 г. угрожают существованию государства, а лучшей жизни, судя по поведению оккупантов, ожидать бессмысленно, и нужна беспощадная борьба с врагом, все же немалое число советских людей на оккупационных территориях СССР и военнопленных пошли на службу к немцам: вступали в военизированные и воинские подразделения, части, карательные отряды, охранные команды, полицейские группы, в органы местного управления и т.п.

Россия (СССР) впервые за свою многовековую историю столкнулась с таким явлением, как массовое предательство, в период тяжелейшей для страны войны. Она не знала такого массового преступления своих граждан перед родиной. Были в её прошлом предатели, но это, так сказать, личности крупного масштаба. Их можно перечислить поименно: Святополк «Окаянный» (XI в.), Рязанский великий князь Олег Иванович (XIV в.), князь Андрей Курбский (XVII в.), Лжедмитрий I, II (XVII в.), Иван Заруцкий – донской атаман (XVII в.), гетман Мазепа (XVIII в.), атаман Некрасов (XVIII в.), генерал-фельдмаршал Апраксин (XVIII в.), литовские и часть белорусских дворян во время Отечественной войны 1812 г., комендант крепости Порт-Артур генерал-лейтенант Стессиль (Русско-Японская война), генерал Ренненкампф (Первая Мировая война). Однако Россия не испытывала и власти более жестокой и коварной, чем власть тирана Сталина.

Коллаборационизм (франц.) – это сотрудничество. В Советском энциклопедическом словаре это понятие трактуется так: «Коллаборационисты – люди, сотрудничавшие с фашистскими захватчиками в странах, оккупированных фашистами во время Второй мировой войны»¹⁸⁷. Добавим, что сотрудничество с врагом своего народа – это явление не только XX в. Оно как прямое предательство существует с древнейших времен.

Предатель, изменник – понятия равнозначные. Понятие «изменник Родины» появилось в советской юридической лексике 21 ноября 1929 г. и касалось «невозвращенцев» из загранкомандировок. В июле 1934 г. в Положение о государственных преступлениях была внесена формулировка, мало отличающаяся от ныне действующей: «Измена Родине есть действия, совершаемые гражданами Союза ССР в ущерб военной мощи Союза ССР, его государственной независимости или неприкосновенности его территории, как то шпионаж, выдача военной и государственной тайны, переход на сторону врага, бегство или перелет за границу». Понятие «предательство» в годы Великой Отечественной войны рассматривается нами в последующем раскрытии темы в двух аспектах: политико-юридическом (правовом) и морально-психологическом.

В конце 1980-х – начале 1990-х гг. оживилась дискуссия на журнальных страницах по проблеме предательства в годы Великой Отечественной войны. Дискуссиирующих можно разделить на две противостоящие группы. Первая, оперируя числовыми показателями, стремится уменьшить количество советских граждан, в том числе военнопленных, сотрудничавших с немцами. Вторая, напротив, раздувает эти показатели, доходя порой до абсурда, когда включает в число коллаборационистов рабочих предприятий, работавших под немецким контролем на оккупированных советских территориях, крестьян, которых немцы принуждали работать на полях, урожай с которых забирали. А

¹⁸⁷ Советский энциклопедический словарь. М.: Советская энциклопедия. 1988.

когда сюда причисляют еще и всех военнопленных, по мерке Сталина, то вырисовывается уже массовое предательство советских людей. Вместе с тем даже усредненные показатели поражают размерами предательства в годы Великой Отечественной войны, подводят его под критерий феномена. При анализе этой сложной проблемы со всех позиций: политической, идеологической, юридической, моральной, психологической – надо учитывать жизненные обстоятельства и факторы, порожденные ими причины и мотивы, которые побудили советских людей перейти на сторону врага.

История Великой Отечественной войны обязывает обоснованно определить и разделить всех оппозиционно настроенных к Сталину и большевизму советских граждан, которых вождь народов гуртом подвел под одно понятие «предатели», на категории по формам сотрудничества с немцами и по целевым установкам борьбы с советской властью.

В советском коллаборационизме определились две формы сотрудничества с немцами. Первая форма – это добровольное сотрудничество, побуждаемое политическими, национальными мотивами и факторами или корыстными устремлениями. Вторая форма – вынужденное сотрудничество в результате привлечения немцами на службу военнопленных, которых Сталин бросил на произвол судьбы и голодную смерть, отказавшись от помощи Международного Красного Креста. Эту категорию военнопленных лишь условно можно назвать оппозиционно настроенными к советской власти. Они шли в услужение к немцам, вливаясь в военизированные подразделения или в подсобные рабочие группы, ради спасения собственной жизни и избавления от концлагерей. Подавляющее большинство из них не было одержимо антисоветизмом.

Всех добровольных и вынужденных помощников из советских военнопленных и лиц гражданского населения немцы называли «ди-пи» и использовали в качестве вспомогательного персонала в тыловых частях, позже некоторых из них – в боевых частях.

Во всех странах, на всех континентах добровольное сотрудничество с врагом, особенно во время войны, считалось и считается тяжким преступлением, предательством. Это касается сотрудничества, прежде всего, в корыстных целях. А как определить добровольное сотрудничество советских граждан с немцами по политическим и национальным мотивам? Этот вопрос является особенно дискуссионным. Можно однозначно оценить поступки тех военнопленных и гражданских лиц, которые служили в воинских формированиях в составе вермахта, а также в карательных и охранных частях, полицейских подразделениях, поднявших оружие против своего народа: они предатели. Эти коллаборационисты не имели политической цели, ими руководило чувство мести и надежда на лучшую жизнь после победы Германии. Но почему они стали такими? Попробуем разобраться. О Русском освободительном движении и РОА Власова будет сказано во второй главе.

Те советские люди, которые сознательно пошли на сотрудничество с немцами по политическим и национальным причинам и мотивам, были подготовлены задолго до войны к этому роковому поступку советскими условиями жизни и создавшейся личной идейной позицией, которая основывалась на ненависти к большевизму, советской власти и на затаенном национализме. Эта категория коллаборационистов потенциально сформировалась заранее и реально проявила себя в ходе войны при определенных обстоятельствах. Другая категория военнопленных и гражданских лиц не была предварительно подготовлена к сотрудничеству с врагом и пошла на него в непредвиденной ситуации. Это предательство было выражено чаще в корыстных или иных целях. Эту форму измены Родине назовем «ситуативным предательством».

В «запрограммированном предательстве» выделяются три вида причин, мотивов, факторов: политические, национальные, психологические. Рассмотрим их конкретно.

Политические причины и мотивы, толкнувшие советских людей на коллаборационизм, были наиболее распространенными. Их породила обостренная политическая об-

становка в стране в предвоенные годы. С захватом абсолютной власти Сталиным и партийной верхушкой был установлен тоталитарный режим, диктатура вождя. Неслучайно на западе сталинскую однопартийную диктатуру с «вождизмом» в 1930-е гг. называли «красным фашизмом».

Н.А. Бердяев в книге «История и смысл русского коммунизма», вышедшей в 1937 г., писал: «Сталинизм перерождается незаметно в своеобразный русский фашизм. Ему присущи все особенности фашизма: тоталитарное государство, государственный капитализм, вождизм... Ленин не был еще диктатором в современном смысле слова. Сталин уже вождь, диктатор в современном фашистском определении»¹⁸⁸. Тоталитаризм точно отражает сущность определяемых им режимов. Особенно трагичными для народа были экспроприация имущества в 1920-х гг. у зажиточной части городского населения, преимущественно у бывших нэпманов, мелких предпринимателей, служащих, коллективизация сельского хозяйства и раскулачивание, террор и репрессии в стране, которые Сталин оправдывал и называл «необходимым элементом наступления».

Ускоренная и насильственная коллективизация, физическое уничтожение сотен тысяч крестьян при раскулачивании, ссылка в отдаленные районы Сибири и Севера – все это озлобило многих крестьян, вселило в них мстительность и разрушило человеческие связи в селе.

Безудержный террор в стране против беспартийного населения, когда на каждого пострадавшего члена партии приходилось 8–10 брошенных в тюрьмы и лагеря простых граждан, потрясает своим размахом. В результате «великой чистки» в конце 1930-х гг. в концлагеря были брошены более 10 млн человек. Сюда же следует добавить пресловутый, фальсифицированный немцами «военный заговор», в результате которого страдающий подозрительностью Сталин и НКВД уничтожили цвет командных кадров армии. Нагнетание в стране всеобщей подозрительности и страха, доносы, шпиономания деморализовали многих людей. Уже во время войны пагубную роль сыграли дикие установки и порядки в отношении личного состава армейских частей, оказавшихся в окружении: подозрительность к командному составу, его фильтрация через СМЕРШ. Отсюда и всеобщее отчаяние, доходившее у части населения до пораженческих настроений в начавшейся войне. И лишь тогда, когда советские люди убедились, что Гитлер пришел в Россию не с целью ее освобождения от большевизма и советской власти, а чтобы окончательно поработить народ и дополнить политическую тиранию расовой, великогерманской, началась Великая Отечественная война.

Немало искажений демократических принципов, пагубных по своим последствиям, было допущено Сталиным и партийно-правительственной верхушкой в области национальной политики. Отметим некоторые из них.

Ленин и его соратник по национальной политике Сталин делали все возможное и невозможное, в том числе недозволенное по международным нормам, по большевизации народов советской империи. Великоросс Ленин боролся против «великорусского шовинизма», грузин Сталин по своей должности – против местного национализма. После смерти Ленина Сталин лично определял стратегию партии в национальном вопросе. Её второй этап, начиная с 1934 г., – это усиление борьбы против местного, или «буржуазного», национализма как главной политической опасности. Одно из её направлений – уничтожение интеллектуальной элиты и духовенства всех народов. Конечная цель национальной политики Сталина – растворить все нации Союза ССР в конгломерате «советский народ».

Местный национализм, который стал давать свои ростки еще в 1920-е гг., Сталин пресекал решительно и круто. Характерным примером может служить организованный

¹⁸⁸ Бердяев Н. А. Истоки и смысл русского коммунизма. М.: Высшая школа. 1990. С. 120.

Сталиным как компенсация за украинский национализм искусственный голод на Украине в 1931–1932 гг., который унес жизни 6 млн человек.

Идея «самостийной» Украины не была чуждой и для республик Кавказа и Средней Азии. У мусульманских народов была еще жива идеология басмачества и мюридизма. Усилия советского правительства большевизировать мусульманские народы оказались безуспешными. А. Авторханов, чеченец-эмигрант второй волны, в этой связи отмечает: «Одна из общих причин – извечное противостояние двух духовно чуждых друг другу миров – мира Европы и Азии. К важнейшим из специфических причин надо отнести живучесть, неистребимость ислама, который за 1200 лет своего господства в Средней Азии, Татаро-Башкирии и на Кавказе органически перерос из первоначально одной лишь веры в субстанцию национального бытия, формирующей адаты, характер и психологию людей, в единый духовной мир, общий для всех мусульманских народов СССР»¹⁸⁹.

Другим ошибочным направлением национальной политики, имевшим коллаборационистские последствия в годы Великой Отечественной войны, было разрушение традиционных форм собственности и хозяйственности национальных меньшинств – скотоводства, садоводства и др. Эти традиционные формы, существовавшие в 1920-х гг. при советской власти, к тому же поощряемые условиями НЭПа, большевики сочли буржуазными и при коллективизации уничтожили.

После заключения 23 августа 1939 г. «Пакта о ненападении между СССР и Германией» Сталин усилил и без того активную борьбу с местным национализмом, уже делая ставку на русский патриотизм и национализм, который раньше он безжалостно разрушал. Сталин понимал, что в случае войны Отечество спасет русский народ – державная нация. Борьба с «великорусским шовинизмом» заменяется усиленной борьбой с местным национализмом, становясь одной из главных национальных и идеологических задач партии. Все эти и другие, не названные искажения большевиков в области национальной политики, послужили, наряду с политическими предпосылками, причинами национального коллаборационизма.

Ряд серьезных просчетов Сталин и его кремлевские соратники допустили накануне Великой Отечественной войны в психологической области. После заключения пакта «Рибентроп – Молотов» и начала Второй мировой войны в советской прессе, по радио и в кинохронике, не переставая, звучала хвала немецкому оружию, доблестной армии Германии, которая в течение нескольких недель разбила могучую Францию, с легкостью расправилась с рядом скандинавских стран, вышвырнула с континента английскую империю. Таким образом, насаждался культ военной мощи фашистской Германии, перед которой трепетала Западная Европа. Естественно, вся эта пропагандистская трескотня травмировала психику советских людей, прежде всего, армии, подавляла у части командиров и солдат импульс, готовность и способность к активной борьбе с врагом в случае войны, создавала в их сознании стереотип непобедимой Германии. В первые недели и даже месяцы Великой Отечественной войны паника царила в рядах Красной Армии, в плен сдавались крупные воинские соединения, попавшие в окружение. Одной из причин паники среди военных был именно этот психологический надрыв. Лишь битва под Москвой и поражение немцев восстановили морально-психологическое состояние в армии.

Коллаборационизм не был только советским явлением. Во всех странах Европы, оккупированных немцами, находились люди, которые сотрудничали с захватчиками. На Западе коллаборационистами были, в основном, выходцы из привилегированного класса – компрадорской буржуазии, которая не хотела терять свои привилегии и капиталы и даже стремилась расширить их за счет сотрудничества с оккупантами в качестве

¹⁸⁹ Авторханов А. Империя Кремля. Советский тип колониализма. Вильнюс, 1990.

посредника между немецким капиталом и местным рынком. Французские коллаборационисты – это монополистическая буржуазия, часть офицерства и французские фашисты. Таким образом, западноевропейский коллаборационизм основывался на экономических стимулах и мотивах.

Советский коллаборационизм имел свои особенности. В отличие от западноевропейских коллаборационистов, в СССР коллаборационизм на добровольной основе охватывал, как отмечалось выше, низы общества, наиболее пострадавшие от сталинского режима.

Особенностью советского коллаборационизма является и то, что жители недавно присоединенных к Советскому Союзу государств Прибалтики, Бессарабии, Западной Украины и Западной Белоруссии поначалу видели в немецких войсках своих освободителей от советской власти. Немало жителей других приграничных регионов лояльно отнеслись к немцам. Включенные в Красную Армию латышские, литовские, эстонские воинские части, в большинстве с оружием в руках, переходили на сторону немцев. Члены антисоветских организаций в Прибалтийских странах еще до подхода германских частей смогли даже занять некоторые города, в частности Каунас. Боевики организации украинских националистов с началом войны нападали на советские войска в Западной Украине. Не проявляли особого желания сражаться за Сталина и советскую власть немало выходцев с Северного Кавказа, из Средней Азии.

Советские коллаборационисты на службе в вермахте и у оккупационной администрации. Вся полнота власти в тыловых районах групп армий на оккупированной советской территории с населением 80 млн человек принадлежала начальникам военной администрации, а на местах – полевым командирам и начальникам гарнизонов. Вся эта управленческая система опиралась на многочисленные воинские и полицейские части, группы полевой жандармерии и отряды, сформированные из «добровольных помощников».

Особая роль в обеспечении оккупационного режима принадлежала органам местного управления. В их работе оккупанты получали поддержку части населения. В сферу деятельности таких органов входило, наряду с другими обязанностями, поддержание порядка и безопасности на подведомственной территории, помощь немецким войскам и полиции в борьбе с партизанами.

В сентябре 1941 г. военные оккупационные власти получили по директиве из Берлина свободу действия по вопросу использования в военных целях советских граждан. Еще накануне войны Германии с СССР, 13 апреля 1941 г., начальник Генерального штаба вермахта Гальдер подписал приказ «Об обращении с населением», в котором указывалось: «Должна быть своевременно внесена ясность относительно того, на какие части населения войска могут опереться. Население, враждебное советскому правительству и государственному строю, следует сделать полезным в интересах Германии, конкретно посредством предоставления определенных свобод и материальных выгод»¹⁹⁰.

Осенью 1941 г., когда германское руководство убедилось, что шестинедельный «блицкриг» не состоялся и предстоит затяжная война с СССР, Генеральный штаб и Главное управление сухопутных войск разрешило командующим тыловыми районами групп армий «Север», «Центр», «Юг» формировать военизированные и воинские подразделения из числа военнопленных и гражданских лиц оккупированных территорий в составе вермахта. Эта операция проводилась с целью высвобождения немецких охраняемых частей для фронта. Замена немецких солдат и воинских частей советскими «добровольными помощниками» и формированиями из коллаборационистов осуществлялась по двум основным направлениям.

¹⁹⁰ Штрайт К. Они нам не товарищи // Военно-исторический журнал. 1992. № 1. С. 54.

Первое – это высвобождение немецких солдат путем привлечения, добровольного и принудительного, советских военнопленных и гражданского населения в качестве вспомогательного персонала в тыловые части. Наиболее ретивые и лояльные из них позже переводились в боевые подразделения вермахта или в охранные команды.

Второе направление было связано с расширением партизанского движения в конце 1941–1942 гг. По этой причине военная оккупационная администрация в августе 1941 г. начала формировать охранные и карательные отряды из советских военнопленных и гражданских лиц оккупированных территорий. Наряду с указанными подразделениями, командующим тыловыми районами групп армий осенью 1941 г. было разрешено формирование из военнопленных казачьих частей для использования их в подавлении «коммунистического повстанческого движения» – партизанских отрядов. Этим действием фашисты хотели добиться того, чтобы партизаны увязли в борьбе не с немцами, а с подразделениями из таких же советских граждан, пытались вывести из боев с партизанами свои части для отправки на фронт. Немецкая пропаганда преподносила такую междоусобную борьбу как гражданскую войну в России.

К концу лета 1942 г. по мере продвижения немецких войск и расширения территорий потребность в охранных частях возросла. Германское командование перешло от «добровольного» призыва к мобилизации годных к военной службе мужчин в возрасте от 18 до 50 лет. Уклонение от мобилизации наказывалось отправлением на работу с тяжелыми и вредными условиями труда в Германии.

В период конца 1941–1942 гг. немцы сформировали «ост-батальоны» и «ост-легионы» из латышей, литовцев, эстонцев, украинцев, белорусов, молдаван, северокавказских национальностей, крымских татар, калмыков. Создание национальных подразделений и частей сопровождалось усиленной националистической пропагандой. На Украине местное формирование шло под лозунгом «Независимая Украина», в Белоруссии – «Освобожденная Белоруссия от насильственной русификации», в Литве – «Независимая Литва», в Крыму – «Крым для татар». Этому сопутствовало разжигание национальной розни. Вступившим в национальные подразделения немцы обещали нормальное обеспечение, создание всяческих льгот и привилегий для их семей.

В начале 1943 г. Верховное командование сухопутных войск, учитывая, что проблема местных вспомогательных сил стала важным фактором ведения войны и приняла большой размах, утвердило пост генерала восточных вспомогательных войск. К этому времени, согласно немецким документам, состояние местных вспомогательных сил было таково: «Находятся на фронте или транспортируются на фронт: из тюркских народов – 37 батальонов, число которых достигнет после формирования 80 батальонов. Это соответствует 80 тыс. тюркских легионеров. Число восточных батальонов, по имеющимся сведениям, составляет в настоящее время около 80 батальонов 140 рот общей численностью до 80 тыс. человек. К этому можно отнести и службу порядка 60–70 тыс. человек и добровольных помощников численностью до 40 тыс. человек. В итоге около 750 тыс. человек из восточных земель зачислены в войска»¹⁹¹. Устойчивость этих формирований была невысокой. Имелось много случаев, когда при первых же столкновениях с партизанами полицейские и каратели разбегались и частично переходили на сторону партизан.

Советские коллаборационисты создали несколько политических организаций – партий, оппозиционных ВКП (б). Среди них выделялись «Народная социалистическая партия России» и «Русская трудовая народная партия».

«Народная социалистическая партия России» (по-другому – партия «Викинг», или «Витязь») была создана в 1941 г. на оккупированной территории Орловской области.

¹⁹¹ Война Германии против Советского Союза. 1941–1945. Документальная экспозиция. Берлин : Аргон, 1991. С. 145.

Её основателем был К. Воскобойников, окончивший юридический факультет Московского университета. Репрессированный органами НКВД, он отбывал ссылку в с. Локоть. Его заместителем по партии стал бывший инженер Локотского спиртзавода Б. Каминский, поляк, также ранее судимый и в 1937 г. сосланный сюда из Ленинграда. В ноябре 1941 г. Воскобойников и Каминский стали издавать газету «Голос народа», антисоветскую по своей направленности. Основной упор в Манифесте НСПР был сделан на аграрную политику партии, что способствовало ее популярности. Воскобойников создал несколько партъячеек, которые развернули активную работу по подбору членов.

Расширение воинских формирований коллаборационистов в составе вермахта. Советские военнопленные составляли костяк восточных воинских подразделений и частей. В отечественных и зарубежных исследованиях приводятся неравнозначные данные о количестве советских военнопленных. В различных архивах в отчетных документах Западной Германии называются числа в пределах 5,2–5,7 млн наших военнопленных¹⁹². М. Денисенко, ссылаясь на немецкие архивы, поддерживает показатель 5,7 млн советских солдат и офицеров, попавших в плен, из них 3,7 млн погибших¹⁹³. Немецкий исследователь Кристиан Штрайт на основании архивных документов устанавливает, что «между 22 июня 1941 г. и концом войны в германский плен попало 5,7 млн. красноармейцев. Из них 930 тыс. человек к началу 1945 г. находились в немецких лагерях». За этот период около 3,3 млн пленных (т.е. 57,7 % от общего числа) погибли¹⁹⁴. В книге «Материалы по истории Русского освободительного движения. 1941–1945 гг.» отмечается: «Общее число советских военнопленных за всю войну 1941–1945 гг. достигло 5,75 млн человек»¹⁹⁵.

Как видим, показатель 5,7 млн советских военнопленных более близок к реальному, поэтому будем ориентироваться на него. Центральный архив Министерства обороны до сих пор не имеет собственных апробированных данных о численности солдат и офицеров, оказавшихся в плену. Трудность установления точных показателей заключается, прежде всего, в том, что командиры частей, чтобы скрыть истинное число попавших в плен красноармейцев, нередко использовали в отчетах маскирующую графу «без вести пропавшие», которая позволяла исключить из списков сотни тысяч мертвых и живых, оставшихся на территории, занятой врагом.

Жестокое обращение с советскими военнопленными – давно известный факт. Это подтверждает и немец К. Штрайт: «Из 3,4 млн советских военнопленных, плененных вермахтом в 1941 г., к концу января 1942 г. в живых осталось только 1,4 млн человек. Остальные 2 млн стали жертвами расстрелов, эпидемий, голода и холода. Десятки, сотни тысяч были уничтожены командами СД или же войсковыми подразделениями по политическим и расовым мотивам»¹⁹⁶. В другом источнике отмечается: «Во время Второй мировой войны немецкий вермахт взял в плен примерно 5,7 млн советских военнопленных. Из них до 1945 г. умерло свыше 3 млн, т.е. больше половины»¹⁹⁷.

Сталин отверг предложение Рузвельта о заключении с Германией соглашения о гуманном обращении с пленными, применении к ним Женевской конвенции (1929 г.) о военнопленных. Он говорил: «Русский солдат бьется до смерти. Если он выбирает

¹⁹² Герис Д. Гитлеровский вермахт в Советском Союзе. Франкфурт-на-Майне, 1985. С. 41–42.

¹⁹³ Денисенко М. Сколько их было? // Родина. 1991. № 6–7. С. 139.

¹⁹⁴ Штрайт К. Советские военнопленные в Германии // Россия и Германия в годы войны и мира. М., 1995. С. 567.

¹⁹⁵ Материалы по истории Русского освободительного движения. 1941–1945 гг. М., 1997. Вып. I. С. 34–35.

¹⁹⁶ Штрайт К. Они нам не товарищи // Военно-исторический журнал. 1992. № 1. С. 50.

¹⁹⁷ Война Германии против Советского Союза. 1941–1945. Документальная экспозиция. Берлин : Аргон. 1991. С. 108.

плен, то он автоматически исключается из русской общины»¹⁹⁸. По международным критериям отождествление плена и предательства неправомерно.

Тяжелейшим оказалось положение военнопленных в морально-психологическом и правовом отношении в связи с печально известным приказом Ставки Верховного Главнокомандования № 270 от 16 августа 1941 г., подписанным Сталиным, Молотовым, Ворошиловым, Тимошенко, Шапошниковым, Буденным, Жуковым. Приказом утверждалось, что все оказавшиеся в плену солдаты и командиры объявлялись «злостными дезертирами». Семьи сдавшихся в плен командиров и политработников подлежали аресту «как семьи нарушивших присягу и предавших свою Родину дезертиров», а семьи рядовых красноармейцев лишались государственного пособия и помощи. Этот приказ, о котором немцы, безусловно, сообщили всем военнопленным, стал для многих из них решающим фактором в определении своей дальнейшей судьбы.

Данные о количестве военнопленных и умерших из них в лагерях приведены для того, чтобы хоть приблизительно установить, какими «добровольческими» резервами из числа советских военнопленных располагала Германия в 1943 г., переломном периоде Великой Отечественной войны, когда немцы усилили мобилизацию военнопленных и создание «добровольческих» подразделений и частей в составе германской армии.

Поражение немцев в Сталинградском, Курском сражениях и на Днепре в 1943 г. внесло некоторые изменения в отношение нацистских руководителей к восточным «добровольческим» формированиям и в их использование на советско-германском фронте. В этой ситуации два обстоятельства побудили Главное командование сухопутных войск расширить привлечение «добровольческих» подразделений и частей в 1943 г.: потребность усиления борьбы с нарастающим партизанским движением и укрепления в этой связи охранных и карательных отрядов, возмещения потерь личного состава войск. Вербовка военнопленных проходила как под угрозой расстрела за отказ, так и способом обмана, когда их включали якобы в рабочие команды, а фактически – в воинские подразделения – и направляли в места назначения. Германское руководство поставило цель придать участию «добровольческих» формирований в составе вермахта в борьбе против Советского Союза «политический характер движения».

«На 2 февраля 1943 г. численность восточных войск составляла 750 тыс. человек, в том числе 250 тыс. – в строевых формированиях, принимавших участие в боевых действиях против Красной Армии и партизан»¹⁹⁹. Количество батальонов из советских «добровольцев» выражалось в следующих показателях: 75 русских, 21 казачий, 42 татарских и туркестанских, 11 грузинских, 12 северокавказских, 13 азербайджанских, 8 армянских»²⁰⁰. Леонид Млечин в статье «Власов и власовцы» приводит данные из монографии Й. Хоффманна о численности воинских частей из советских военнопленных и гражданских лиц в 1943 г.: «К середине 1943 г., – утверждает Хоффманн, – в вермахте насчитывалось 140 боевых единиц, по численности равных полку, 90 полевых батальонов, входивших в восточные легионы, и другие мелкие подразделения. В частях вермахта находилось также от 400 до 600 тыс. добровольцев. Под германским командованием находилось несколько крупных формирований – 1-я казачья дивизия, несколько казачьих полков и калмыцкий кавалерийский корпус»²⁰¹.

В 1943 г. проводилось активное обучение личного состава восточных частей в немецких учебных лагерях, офицерских и унтер-офицерских школах. Воспитание «доб-

¹⁹⁸ Денисенко М. Сколько их было? // Родина. 1991. № 6–7. С. 139.

¹⁹⁹ Война Германии против Советского Союза. 1941–1945. Документальная экспозиция. Берлин : Аргон, 1991. С. 145.

²⁰⁰ Вопросы истории. 1995. № 4. С. 22–23.

²⁰¹ Млечин Л. Власов и власовцы // Новое время. 1990. № 43. С. 36.

ровольцев» как «надежных соратников в борьбе с большевизмом», иными словами, их идеологическая обработка была главной целью обучения.

Весной-летом 1943 г. немцы провели ряд крупных наступательных операций против партизан Белоруссии и Брянщины, в которых активно участвовали крупные силы «добровольческих» формирований. В результате боев погибло более 12 тыс. партизан и, особенно, мирных жителей. В свою очередь, партизаны развернули активную агитацию среди «добровольцев», чтобы привлечь их к переходу в действующие партизанские отряды. Эта работа дала положительные результаты. Летом 1943 г. положение среди восточных формирований, действующих в этих регионах, изменилось, и командиры ряда «добровольческих» подразделений сами искали встречи с партизанами для перехода в их ряды. Эти события заставили германское командование пойти на решительные меры и перебазировать часть «добровольческих» формирований на западную линию фронта.

Переброска восточных частей, в основном, закончилась в январе 1944 г. Моральный дух «добровольцев» был весьма низким. В довершение этого у солдат, вступивших в «добровольческие» формирования по политическим мотивам, разрушались надежды на грядущее «освобождение от большевизма». Сражаться вдали от Родины за чужие интересы не имело смысла для большинства «добровольцев». Особенно остро эта проблема встала после открытия «второго фронта», когда исход войны был уже предрешен. И хотя немцы пытались убедить личный состав восточных формирований, что части перебазировали на западный фронт для того, чтобы солдаты не были вынуждены стрелять в своих соотечественников, а убивали англичан и американцев, боевой дух в «добровольческих» частях падал.

Однако германское руководство все еще продолжало с недоверием и порой враждебностью относиться к восточным формированиям. Лишь во второй половине 1944 г. наступил некоторый перелом после изменения позиции Гимmlера в отношении Русской освободительной армии генерала Власова.

Следует особо отметить национальные освободительные формирования советских военнопленных. Как отмечалось выше, создание таких частей немцы начали еще в 1941 г., но активно эта работа была развернута после сталинского геноцида, депортации калмыков, северокавказцев, крымских татар. Немцы, конечно, оповещали военнопленных из национальных меньшинств об этих сталинских репрессиях. Такой геноцид против мусульманских народов в СССР усилил приток мусульман в национальные воинские формирования, которые входили в состав вермахта. К тому же здесь срабатывала и немецкая национальная приманка: гитлеровцы обещали среднеазиатам, северокавказцам, крымским татарам, калмыкам предоставить некоторые политические привилегии за служение Германии.

На стороне Германии воевали вооруженные силы прибалтийских республик, созданные из перешедших к немцам в начале войны местных воинских формирований и мобилизованного местного населения. Это были в основном эсэсовские дивизии: 15-я (литовско-латышская), 19-я (латышская), 20-я (эстонская). Из украинцев была сформирована 14-я дивизия СС. Бандеровцы создали украинскую повстанческую армию (УПК), которая воевала не только с советскими и польскими партизанами, но и несколько раз нападала на гитлеровцев. В Италии с 1943 г. сражалась 162-я пехотная дивизия, сформированная из тюркского населения Кавказа и Средней Азии. В конце войны в Германии была создана (вторично) 30-я дивизия СС как национальная белорусская из ушедших с немцами белорусских коллаборационистов.

Национальные формирования рассматривались немцами как восточные добровольческие вспомогательные воинские части, которые контролировались вермахтом и ключевые должности в которых занимали немецкие офицеры. Здесь названо лишь несколько

ко национальных воинских частей в составе вермахта. По состоянию на 14 февраля 1945 г. в рядах вермахта находилось 36,5 тыс. азербайджанцев, 19 тыс. грузин, 15 тыс. северокавказцев, 12,5 тыс. волжских татар, 10 тыс. крымских татар, 7 тыс. армян, 5 тыс. калмыков²⁰².

В дополнение к национальным воинским формированиям фашисты разрешили создание «Национальных комитетов». Это гражданские общественные организации, которые не оказывали никакого влияния на национальные воинские части и выполняли только пропагандистские функции.

В настоящее время наиболее устоявшееся в исследованиях число советских людей, вовлеченных в военизированные и воинские формирования добровольно или принудительно, включая РОА Власова, – 1–1,3 млн человек. Такой же точки зрения придерживается Глеб Рар: «По данным германского Генерального штаба, одно только число советских граждан разных национальностей, служивших в добровольческих частях вермахта, достигало 1 млн 300 тыс. человек»²⁰³.

Однако здесь надо учитывать, что в число добровольческих частей немцы включали, помимо воинских формирований, военизированные подразделения: батальоны «дипи» (типа стройбатов) по строительству оборонных объектов, укреплений, аэродромов, переправ, мостов, дорог; бригады по ремонту военной техники, подвижного состава и т.д.; гужевые бригады по подвозу продовольствия, боеприпасов, фуража для воинских частей. Они сопровождали боевые воинские части. Эти подразделения не имели оружия и не предназначались для использования их в боевых действиях на фронте. Сведения об этих формированиях хранятся в Потсдамском военном архиве. Советские военные историки с ними знакомы, но опубликованных данных по этому факту нет.

Недоверие руководства рейха к восточным воинским формированиям, особенно из русских военнопленных, было вполне объяснимо. Гитлер и его сподвижники учитывали, что большинство военнопленных, согласившихся войти в состав «добровольческих» воинских формирований, – это неидейные противники сталинизма и советской власти. Они вынужденно надели немецкую форму и взяли в руки немецкое оружие. Но это оружие «добровольцы» в любой удобный момент могли повернуть против немцев, чтобы искупить свою вину перед советской властью и перед Сталиным. Гитлер предполагал такой поворот событий, поэтому не без основания до последних дней войны продолжал с большим недоверием относиться к восточным «добровольческим» формированиям и не направлял их на фронт непосредственно против Советской армии, за небольшим исключением.

Однако не вызывает сомнения, что большая часть коллаборационистов, искренне ненавидевшая советский режим, усматривала в начавшейся войне единственную возможность покончить с ним навсегда, пусть даже ценой сотрудничества с немцами. Как бы то ни было, эти люди явились полезным подспорьем для германского командования и оккупационной администрации в осуществлении «нового порядка».

²⁰² Вопросы истории. 1995. № 4. С. 13–14.

²⁰³ Рар Г. Зарубежная Россия // Диалог. 1991. № 18. С. 22.

ГЛАВА II. РУССКОЕ ОСВОБОДИТЕЛЬНОЕ ДВИЖЕНИЕ. 1943–1945 гг.

В 1942 г. в Германии оказалось несколько миллионов советских граждан, многие из которых со всей очевидностью понимали сущность сталинского режима. У части этих людей постепенно зрело организационное начало, потребность в объединении антисталинских сил. Сам по себе возник вопрос о создании объединительного центра.

Многие пленные советские генералы и старшие офицеры, в том числе генерал А. А. Власов, чувствовали эту напряженную атмосферу и к концу 1942 г. после долгих обсуждений, внутренней борьбы решили противопоставить коммунизму, сталинизму, советской власти свое видение мира. Так было положено начало Русскому освободительному движению – организованному формированию антисоветских сил, которое имело свою политическую программу и конечную политическую цель.

В пособии это движение определяется хронологическими рамками 1943–1945 гг., хотя идею борьбы против советской власти «за национальную Россию и во имя России» и создания Русской освободительной армии Власов и его единомышленники выдвинули в сентябре 1942 г., о чем известили германское руководство.

Вопреки концепции авторов сборника «Материалы по истории Русского освободительного движения 1941–1945 гг.», определивших начало РОД 1941 г., в пособии представлена иная точка зрения. Во-первых, Русское освободительное движение связано с деятельностью пленного генерала А. А. Власова. Он же, как известно, в 1941 г. возглавлял 20-ю армию и вел успешные бои под Москвой, на Солнечногорском направлении, где героически проявил себя.

Во-вторых, нельзя причислять к РОД карательные и охранные отряды, начавшие свою «деятельность» в 1941 г., национальные легионы (1942). Возникали эти формирования стихийно, под воздействием опасных ситуаций, создававшихся в тылу фашистских войск, и по инициативе германского командования они находились в составе вермахта как вспомогательные части. Потребность в таких воинских подразделениях регулировалась активностью партизанского движения.

Карательные отряды – это оперативные подразделения. Они воевали не только с партизанами, но и карали мирных жителей за связь с партизанами. Их одежда была забрызгана кровью женщин, детей, стариков. Кровавыми набегами отличались национальные легионы. Рассматривать «деятельность» таких формирований как начало Русского освободительного движения в 1941 г. и его развитие в 1942 г. абсурдно и безнравственно. Эти воинские подразделения не имели общей политической платформы антисоветской борьбы, не говоря уже о политической программе.

Гитлер соглашался с наличием в вермахте карательных, охранных отрядов и национальных легионов из советских военнопленных и гражданских лиц, считая эти факты компетенцией вооруженных сил, и не видел в данных действиях вермахта опасности для рейха. В то же время он рассматривал зарождение Русского освободительного движения как крупное политическое и военное событие, поэтому с большим недоверием относился к нему. У фюрера были к тому свои веские основания.

Лишь в конце 1944 г. в результате военных неудач на Восточном и Западном фронтах, когда Германия была обречена на неминуемое поражение, фашистское руководство было вынуждено признать Русское освободительное движение как реальную силу. Тем не менее, правящая верхушка Германии использовала его, главным образом, в пропагандистских целях с надеждой вызвать этой акцией разложение Красной Армии и не вводило его воинские части в активные боевые действия на Восточном фронте. Гитлер ставил главное условие для РОД – исключение самостоятельной политической программы и свободы действий движения на благо национальных интересов народов России.

По идеологической направленности Русское освободительное движение воплотило бескомпромиссное противопоставление сталинскому режиму. По политической на-

правленности оно было русским национально-освободительным движением. В Русском освободительном движении открылась общенациональная трагедия советского народа, корни которой проросли в ленинско-сталинской системе порабощения народов СССР, в массовом терроре и насилии, начавшемся еще в годы гражданской войны.

В отечественной исторической науке и публицистике выявились три позиции в анализе и идеологической оценке Русского освободительного движения и Русской освободительной армии генерала Власова.

Первая позиция – разоблачительно-обвинительная. Ее апологеты (как правило, коммунисты-ленинцы) всех власовцев называют «изменниками Родины», «наемниками фашистов» и т.п. Они категоричны, отмечают все иные точки зрения, порой в ущерб здравому смыслу, и всех предполагаемых оппонентов. Эта позиция уже угасает и вряд ли воскреснет.

Вторая позиция, начавшая четко проявляться во второй половине 90-х гг., – безапелляционная тенденциозность противоположного толка, направленная на полную реабилитацию Русской освободительной армии, когда Власова и его сподвижников, генералов и старших офицеров, возводят в ранг «национальных героев», «великомучеников, пострадавших за правое дело». Особенно в этом усердствуют составители и авторы статей сборников «Материалы по истории Русского освободительного движения. 1941–1945 гг.» (М., 1997, 1998).

Западная «защитительная» литература также рассматривает Русское освободительное движение и, прежде всего, РОА Власова как закономерное вооруженное выступление не только отвергнутых кремлевским руководством советских военнопленных, но и в их лице всех советских граждан, вставших против сталинского режима. Генерала Власова западные исследователи называют «русским патриотом», «искренним борцом с большевистской тиранией» (Хоффманн и др.).

Третья позиция представлена немногочисленной группой исследователей. Она стоит как бы на «центристской линии», сближающей первую и вторую позиции, но не подчиняющей одну другой. Не оправдывая власовцев и их лидеров, хотя их намерения были искренними, не снимая с них обвинения в коллаборационизме, какие бы высокие государственные цели они ни ставили, эти исследователи во имя объективного восприятия и осмысления Русского освободительного движения как исторического процесса пытаются раскрыть и обосновать истинные причины и мотивы, побудившие десятки тысяч советских людей (РОА) пойти на сотрудничество с фашистами. Это только в РОА. А ведь в начале 1945 г. на стороне Германии сражалось около 1 млн солдат восточных формирований, вооруженных сил КОНР, Украинской народной армии и других, вставших на путь борьбы с советской властью и ее политикой.

Многие из них воевали за эту власть в годы гражданской войны, были заслуженными людьми, не подвергались раскулачиванию и репрессиям. Среди командного состава были награжденные орденами и медалями. Что заставило их пойти на сотрудничество с немцами и против кого: ВКП (б), НКВД, сталинизма, своего народа или чего-то иного, заложенного в политической и социальной системах государства? Об этом стоит поразмыслить. Власовцы готовы были идти против Сталина, но стрелять предстояло в своих соотечественников, к тому же в союзе с фашистской Германией. Вот лейтмотив, главная идея научных исканий сторонников третьей позиции. Может быть, они найдут какие-либо обоснованные доводы для реабилитации Власова, его ближайших сподвижников и всех власовцев, пусть посмертно?

Русское освободительное движение, КОНР, его Манифест и РОА были животрепещущими темами работ эмигрантов второй волны, в основном, бывших власовцев, непосредственных участников трагических событий или их свидетелей. В конце 1940-х – начале 1950-х гг. стали выходить документально-публицистические брошюры,

статьи, написанные по горячим следам, в которых авторы анализировали перспективы и итоги власовского движения, причины его краха, рассказывали о трагической судьбе его участников. К их числу можно отнести следующие работы: Алимов А. «Тайна майора Зыкова» (Часовой. – 1950. – № 302, 315), Никонов В. «О казачьих делах» (Часовой. – 1950. – № 198, 302), Орехов В. «Из недавнего прошлого» (Часовой. – 1948. – № 276), Елизаров В. «Так было» (Часовой. – 1949. – № 291).

В 1970–1980-х гг. на основе ранее не известных документов и материалов эмигрантами были созданы обобщающие труды, в которых делались попытки политического и историографического анализа Русского освободительного движения с выводами для практических действий в будущем. Среди них можно назвать следующие материалы: Андреева Е. А. «Генерал Власов и Русское освободительное движение». (М., 1993); Жеребков Ю. «Попытка КОНРа установить контакты с западными союзниками» (Зарубежье. – 1979. – № 1–3); Казанцев А. «Третья сила» (Франкфурт-на-Майне, 1974); Кромиади К. «За землю, за волю» (Сан-Франциско, 1980); Краснов Н. Н. «Незабываемое. 1945–1956» (Нью-Йорк, 1976); Толстой Н. «Жертвы Ялты» (Париж, 1988).

Комитет освобождения народов России. Начиная с 1941 г., советские генералы, оказавшиеся в плену, не раз выдвигали предложение немецким властям об образовании российского правительства в эмиграции. 14 ноября 1944 г. в Праге был создан Комитет освобождения народов России (КОНР) со статусом независимого русского правительства. В КОНР вошли также национальные представительства: Украинская национальная рада, Белорусская национальная рада, Национальный совет народов Кавказа, Национальный совет народов Туркестана, Калмыцкий национальный комитет. Комитет дополнили и эмигранты первой волны, другие активно участвовали в работе его различных отделов. КОНР стал издавать газеты «Воля народа» и «За Родину», газету для ВВС «Наши крылья», велись радиопередачи Комитета на русском языке. КОНР возглавил генерал Власов.

В Праге 14 ноября 1944 г. на съезде КОНР был провозглашен и подписан Манифест Комитета освобождения народов России. Западные исследователи считают Манифест документом беспрецедентным. В нем декларировались цели КОНР: а) «свержение сталинской тирании, освобождение народов России от большевистской системы и возвращение народам России прав, завоеванных ими в народной революции 1917 г.; б) прекращение войны и заключение почетного мира с Германией; в) создание новой свободной народной государственности, без большевиков и эксплуататоров»²⁰⁴. В основу государственности закладывались ликвидация колхозов, безвозмездная передача земли в частную собственность; свобода форм трудового землепользования; установление неприкосновенности частной собственности; свобода религии, совести, слова, собраний и печати; уничтожение режима террора и насилия и др.

Манифест призывал к объединению «всех национальных сил». Власов уверял, что освобожденная от коммунистов Россия не даст поработить себя фашистским оккупантам.

В основу пражского Манифеста КОНР были положены идеи и документы НТО. Утверждение некоторых исследователей, что власовская программа «Манифест» – это, по сути, программа НТС, имеет серьезное основание. Программа Союза, по сравнению с другими политическими программами российской эмиграции, была ближе к политическим установкам КОНР. Она и Манифест стали альтернативой советской концепции государственного устройства. Несомненно, идеология Русского освободительного движения была определенной реакцией на те идеи, с которыми оно столкнулось в эмигрантской среде. НТС проводил идею русской независимости. Россия сама определит свою судьбу, форму общественно-политического строя после войны.

²⁰⁴ Материалы по истории Русского освободительного движения. М., 1997. Вып. I. С. 167.

Однако полного совпадения идеологии НТС и КОНР не было. В основе идеологии Союза лежал русский национализм, а пражский Манифест провозглашал интернационализм. Вторая особенность мировоззрения НТС – это православие. У власовцев господствовал атеизм, хотя сам Власов и некоторые из лидеров движения называли себя верующими.

КОНР стал правительством за рубежом. Он имел политические, экономические, социальные и культурные задачи и вооруженные силы – Русскую освободительную армию. Немцы были вынуждены считаться с новым русским правительством как с партнером. Близость поражения Германии заставила Гитлера пойти на такие, хотя и формальные, уступки.

В Манифесте записано, что КОНР главное условие победы над большевиками видит в объединении всех национальных сил и подчинении их общей задаче – свержению советской власти. Власов и другие генералы определяли борьбу с большевизмом как национально-освободительную и ставили условием создание своей собственной «третьей силы» – национально-освободительного движения без Гитлера и Сталина, с вовлечением в это движение «пятой колонны» – граждан СССР, ненавидящих сталинизм.

Уже в 1941 г. подобное мнение высказывали пленные советские генералы Ершаков, Огурцов, Снегов, Абрамидзе, Бессонов, Кирпичников, Закутный, Трухин, Благовещенский, Егоров, Куликов, Ткаченко, Зыбин, Алавердов, Потапов, Лукин. В 1942–1943 гг., помимо Власова, Жиленкова, Малышкина, такую же мысль выражали генералы Шаповалов, Крупенников, Музыченко, полковники Боярский, Сорокин и др.²⁰⁵

Позже Власов отказался от идеи «пятой колонны» и был прав. Он неоднократно заявлял в своем кругу и немецким властям, что Сталин никогда не будет свергнут «изнутри» силами восставшего народа. Двадцатилетний террор ЧК – НКВД запугал и подавил народ, доведенная до предела шпиономания и вместе с ней доноительство обезволили людей и уничтожили возможное сопротивление тоталитарному режиму в стране. И второе. Тыл, воодушевленный победами Красной Армии в 1943–1944 гг., был непробиваем для проникающих через линию фронта антисоветских призывов. Поэтому попытки Геббельса, Абвера, КОНР создать в тылу «пятую колонну» из советских граждан, недовольных сталинским режимом, были заранее обречены на провал. Таким образом, «третья сила» в данных условиях оставалась изолированной от советского тыла.

Власов и его сподвижники ради развития национально-освободительного движения пытались пойти на временный межправительственный союз с Германией, но Гитлер отверг предложение о союзе.

Вооруженные силы КОНР. Русское освободительное движение по линии вооруженных сил составляло два потока: Русская освободительная армия и воинские формирования российской эмиграции, а также смешанные воинские части, созданные по инициативе вермахта или эмигрантов, под руководством бывших русских офицеров из эмигрантов, советских военнопленных и гражданских лиц с оккупированных территорий. Национальная немецкая политика препятствовала слиянию этих потоков, оно происходило постепенно. По мере продвижения советских войск на запад эта политика смягчалась. Назовем некоторые воинские формирования из эмигрантов и созданные под руководством русских офицеров части, которые воевали на стороне Германии.

Как отмечалось в первой книге, в начале Второй мировой войны российская эмиграция разделилась на два лагеря: один встал на позицию защиты стран, приютивших эмигрантов от немецкой оккупации; другой лояльно отнесся к фашистской Германии и даже участвовал в составе эмигрантских воинских частей и соединений в боевых действиях на стороне немцев. Последний лагерь также разделялся на две части в подходе к

²⁰⁵ Хоффманн Й. История власовской армии. Париж, 1990. С. 117.

судьбе России в результате войны Германии с СССР и в целях Русского антибольшевистского освободительного движения.

Первая часть воинствующей эмиграции выступала за признание Германии единственной силой, способной сокрушить СССР и уничтожить большевизм. Исходя из такой позиции, эта часть считала, что белоэмигрантские и коллаборационистские формирования должны находиться в составе вермахта и носить немецкую форму. Конечная цель борьбы – политическое устройство будущей России – не была четко выраженной и единогласной и менялась в зависимости от положения дел на фронте (ген. Краснов ратовал за протекторат для «Казакии»). Эта часть эмиграции не признавала Русской освободительной армии генерала Власова.

Вторая часть лагеря выдвигала себя как самостоятельная военная и политическая сила на условиях равноправного партнерства в качестве союзника Германии в борьбе с большевизмом за новую Россию. В соответствии с этой позицией эмигрантские воинские формирования должны объединиться в самостоятельную русскую армию, одетую в русскую военную форму, что предполагало заключение военно-политического договора о союзе с Германией. За равноправное партнерство с вермахтом выступал РОВС. Но надежды этой части эмигрантов на возрождение самостоятельной демократической России с помощью Германии, которая начала войну для захвата и порабощения СССР, были абсолютно бесперспективны.

В 1941 г. создание русской армии казалось эмигрантам реальным явлением. По инициативе немцев и с организаторской помощью РОВС была предпринята попытка создать единую русскую армию, подобную Добровольческой белой армии времен гражданской войны. Но это мероприятие ограничилось формированием отдельных эмигрантских частей с добавлением в них советских военнопленных.

Русский корпус в Югославии. Когда в Сербии вспыхнуло восстание, положившее начало массовому организованному выступлению против оккупантов, его жертвами оказались более 200 русских эмигрантов. На территории Сербии к тому времени проживало более 25 тыс. русских людей²⁰⁶. В августе 1941 г. в Югославии развернулась партизанская война, которую возглавлял Иосиф Броз Тито. Партизаны убивали не только немецких оккупантов, но и сербских патриотов, не разделявших коммунистических взглядов Тито, а также русских эмигрантов, проживавших по всей стране.

В этих условиях возникла необходимость создания русской вооруженной части для самозащиты. Немцы поддерживали эмигрантов, зная об их антикоммунизме. Генерал М.Ф. Стародумов, руководивший организацией «Народное ополчение», твердо решив добиться формирования русских частей, вызвал из провинции генерала Б.А. Штейфона, считая его лучшим кандидатом на пост начальника штаба предполагаемого воинского соединения. Он поручил Штейфону наладить подготовительную работу. 12 сентября 1941 г. Скородумов получил приказ германского командования о призыве русских эмигрантов для создания Русского корпуса. В тот же день генерал отдал приказ, который послужил началом существования этого воинского соединения.

Формирование Русского корпуса, которому активно способствовал РОВС, производилось с двумя целями. Первая – это защита русского эмигрантского населения от нападения партизан Тито, вторая – участие в боевых действиях на советско-германском фронте. В процессе переговоров с германским командованием Стародумов выдвинул два условия: первое – германское командование обязуется после подавления коммунистического партизанского движения в Сербии отправить корпус на восточный фронт, второе – корпус не может быть использован против союзников России по Первой мировой войне. Немцы приняли эти условия.

²⁰⁶Чухнов Н. Н. В смятенные годы // Наши новости. 1966. № 422. С. 30.

Корпус формировался из остатков вооруженных сил юга России. В его состав вошли добровольцы из чинов РОВС, корпуса Императорской Армии и Флота, казачьи организации и молодые люди. Но вскоре от немцев поступил приказ о переименовании боевого корпуса в охранный, а затем отправка его в Шабау. Корпус находился под руководством немецкого командующего в Сербии. Боевые части охраняли рудники и другие важные объекты в Сербии. Установка германского командования на использование корпуса лишь для охраны привела к конфликту генерала Скородумова с немцами, и он был удален и заменен генералом Штейфоном.

Некоторые изменения в отношении немецкого командования к Русскому охранному корпусу начались зимой 1942 г., а весной 1943 г. корпус был переведен в состав вермахта как боевое соединение. После решения германского командования в Сербии, а также по желанию главного командования сухопутных сил началось прибытие русских добровольцев из Германии, Франции, Венгрии, Хорватии, Болгарии, Греции, Румынии, а также советских военнопленных. В результате пополнения было сформировано 5 полков с общей численностью 16 тыс человек²⁰⁷.

Немцы не перебросили Русский корпус на восточный фронт, и он был использован в борьбе против югославской Народно-освободительной армии Тито. Особенную активность корпус проявил в боях против 2-й и 5-й дивизий НОАЮ в апреле и мае 1944 г. против 12-го корпуса в сентябре 1944 г. и против 14-го корпуса и частей 57-й советской армии в восточной Сербии в начале октября 1944 г. Понеся большие потери в этих боях, ослабленные полки Русского корпуса пробились в Сербию, затем в Хорватию.

Русский корпус после боев в Боснии и тяжелого отхода из Сербии прошел изнурительный путь до границ Австрии. Преемник умершего генерала Штейфона полковник Рогожин провел переговоры с англичанами 12 мая 1945 г. под Клагенфуртом о том, что Русский корпус сдает оружие. Союзники, приняв капитуляцию, вскоре выдали раненых корпусников, оставшихся в госпиталях, советским войскам. Но судьба корпуса оказалась не трагичной. Англичане не выдали оставшихся солдат и офицеров корпуса советской армии. Корпус был демобилизован и переведен в гражданский лагерь на положение перемещенных лиц – «дипи». Их предполагалось переселить в другие страны.

Постепенно отношение союзных властей к бывшим корпусникам стало меняться. Немалую роль в этом сыграли хлопоты приехавшего из США генерала Скородумова, «Толстовского фонда», князя Белосельского и других влиятельных эмигрантов, а также лиц из правительственных кругов Америки. Вопрос о судьбе чинов корпуса, находившихся в лагере, был рассмотрен в конгрессе США, и они были признаны политическими эмигрантами, получив право на въезд в Соединенные Штаты.

1-я Русская национальная армия. В начале 1943 г. Верховное командование вермахта сформировало из воинской части в составе 12 батальонов русских добровольцев, вызвавшихся участвовать в борьбе против большевиков, особую дивизию Р (Россия). Командиром дивизии был назначен Б.А. Хольмстон-Смысловский, бывший капитан императорского гвардейского полка, который до этого назначения командовал указанной частью. Дивизия была предназначена для партизанской войны на советской территории.

В марте 1945 г. немецкое командование придало дивизии статус 1-й Русской национальной армии, а сам Смысловский получил звание генерал-майора. Эта армия до конца войны оставалась регулярной частью вермахта. Накануне разгрома Германии, 2 мая 1945 г., Смысловский с остатками потрепанной в боях армии пересек границу княжества Лихтенштейн и сдал оружие местным властям. Большая часть из остатков армии добровольно согласилась вернуться в СССР, остальные интернированные, около

²⁰⁷ Хоффманн Й. История власовской армии. Париж, 1990. С. 93.

100 человек, осенью 1947 г. по договоренности с аргентинским правительством отплыли в Буэнос-Айрес.

Русская национальная народная армия была сформирована с согласия Верховного командования вермахта в Белоруссии в 1942 г. Ее созданием руководили полковник К.Г. Кромияди и инженер С.Н. Иванов. В армию вступили и видные русские эмигранты, в том числе офицеры, скорее в качестве рекламы и приманки. Армейским флагом РННА стал трехцветный флаг Российской империи. Солдаты и офицеры носили советскую военную форму с русскими погонами, что как бы олицетворяло объединение антисоветских сил современной и недавней прошлой России.

Возглавляли Русскую национальную народную армию назначенные на должность немцами бывшие советские офицеры: полковник В.И. Боярский и позже генерал Г.Н. Жиленков. Армия насчитывала 8 тыс. человек. Девиз РННА: «Борьба против Сталина, но не против России». Такая политическая цель военных действий армии располагала к ней партизан, с которыми установились неплохие отношения. Это обстоятельство в большей степени, наряду с другими, заставило немцев расформировать РННА и по частям использовать в борьбе против партизан.

Русская освободительная народная армия была сформирована в конце 1942 г. из отрядов местной самообороны в Брянских лесах, в самоуправляющемся округе с центром в Локте. Ее численность колебалась от 15 до 20 тыс. человек. По сравнению с другими «добровольческими» формированиями армия была неплохо вооружена советским трофейным оружием. Возглавлял РОНА локотский обер-бургомистр Бронислав Каминский. Армия вела борьбу с партизанами. Позже РОНА под руководством Каминского эвакуировалась в Лепель и стала дивизией СС под номером 29. В 1944 г. она участвовала в подавлении Варшавского восстания. После этой операции Каминский бесследно исчез. С его бегством лучшие кадры дивизии перешли в Русскую освободительную армию генерала Власова.

Наряду с отмеченными воинскими формированиями, под контролем гитлеровского командования были созданы и другие воинские части. В их числе бригада «Дружина» («Боевой союз русских националистов»), насчитывающая около 8 тыс. человек²⁰⁸. Бригаду наспех сколотили немцы в 1943 г. в Белоруссии. Командиром бригады стал полковник В.В. Гиль-Родионов. «Дружина» была предназначена для борьбы с партизанами в Белоруссии, а также для засылки диверсантов за линию фронта. В бою в брянских лесах один из ее полков, перестреляв немецких офицеров, перешел к партизанам. Из другого полка выделился батальон, который впоследствии стал «гвардейским батальоном РОА». В январе 1945 г. была сформирована 599 русская бригада под командованием генерал-майора фон Хеннинга. Заметное место занимала 14-я гренадерская дивизия Ваффен-СС, которая в качестве I-й дивизии Украинской освободительной армии подчинялась генералу Шандруку.

Казачьи воинские формирования. Неслучайно вопрос о казачьих воинских формированиях рассматривается в общей характеристике Русского освободительного движения как отдельный пункт. Во-первых, советское казачество больше других социальных слоев СССР пострадало от сталинских репрессий, во-вторых, создание казачьих частей из советских военнопленных, не входивших в состав вермахта, было поставлено на отработанную организационную основу, которую обеспечили еще до войны созданные в Германии и Чехословакии казачьи военно-общественные органы.

27 июля 1941 г. руководитель Казачьего Национально-Освободительного Движения (КНОД) обратился из Праги к казакам в связи с начавшейся войной между Германией и СССР с воззванием, в котором, в частности, говорилось: «Каждый истинный и

²⁰⁸ Назаров М. Миссия русской эмиграции. Ставрополь, 1992. С. 306

твердый казак должен помнить о своем долге и проявлять беспримерную жертвенность, помогая делу освобождения казачьих земель. Должен быть готов стать в ряды бойцов по первому призыву и выявить наибольшую материальную жертвенность»²⁰⁹.

Казачьи отряды и даже полки появились как отдельные воинские части еще задолго до создания РОА ген. Власова. Формировались они из казаков бывшей врангелевской армии и из военнопленных, а позднее, в 1942 г., из разбитой под Керчью казачьей дивизии, которая была оставлена советским командованием на произвол судьбы. Казачье движение во время войны возглавляли генералы Краснов, Шкуро, Доманов, Науменко, Вдовенко. Расширению антисоветского казачьего движения способствовала немецкая декларация о казаках, подписанная Кейтелем и Розенбергом. Декларация обещала восстановление старинных казачьих вольностей, наделение казаков землей.

Генерал Кесринг, назначенный командующим «союзными войсками» в марте 1944 г., своим приказом учредил Главное управление казачьих войск как политический и административный орган Дона, Кубани, Терека. Начальником управления был назначен П. Краснов, но фактически им руководил генерал Кесринг. Главное управление спешно формировало в Белоруссии воинские подразделения из эмигрантов и советских граждан, ушедших с Северного Кавказа и Дона вместе с отступавшими немцами. По указанию Кесринга был создан «Казачий стан», который должен был объединять всех казаков, оказавшихся на оккупированной советской территории, для борьбы с Красной Армией и белорусскими партизанами.

Атаман П. Краснов 17 сентября 1944 г. издал приказ о мобилизации всего казачества на борьбу против СССР. Начальником особого казачьего резерва он назначил генерал-лейтенанта Шкуро. Сборным местом всех частей атаман избрал Первую казачью дивизию генерал-лейтенанта фон Паннвица. По приказу Краснова все казаки должны были соединиться и составить один казачий корпус.

Кроме казачьих воинских частей, созданных под руководством указанных генералов, немцами были сформированы: в г. Могилеве – полк из донских казаков (около 3 тыс. человек) под командованием подполковника И.Н. Кононова, который перешел к немцам вместе с добровольно последовавшим за своим командиром полком 22 августа 1941 г., три отдельных казачьих полка под немецким командованием – «Платов», «Юнгшульц», «5-й Кубанский».

Основные участки боевого применения казачьих частей – это районы активных партизанских действий. Так, «Казачий стан» после изгнания фашистов с советской территории был переброшен в Северную Италию для подавления партизанского движения. Казачья дивизия Шкуро в сентябре 1943 г. была направлена в Югославию для борьбы с партизанами Тито. С началом Второй мировой войны астраханские казаки во главе с атаманом Н.В. Ляховым служили в Русском охранном корпусе в Югославии и казачьей дивизии Паннвица, в автотранспортном полку легиона «Шпееер». Состояли они и в «Казачьем стане».

Крах Русского фашистского движения. Рассмотрим кратко завершающий этап Русского фашистского движения, о котором подробнее было рассказано в первой книге. РФД не имело прямого отношения к КОНР и не было связано с деятельностью Комитета, однако цели борьбы РФД со сталинизмом были близки целям Русского освободительного движения. Таким образом, их пути пересекались.

22 июня 1942 г. русские фашисты в Азии, Европе, США встретили с ликованием, приветствовали вторжение Германии в СССР, увидев в нем предвестие долгожданной национальной революции в России. Но военные и политические события развивались по строгому немецкому плану, в котором не было отведено места не только русской

²⁰⁹ ГАРФ. Ф. 5762. Оп. I. Д. Л. 32.

национальной революции, но и каким-либо самостоятельным действиям российской эмиграции на оккупированной территории СССР.

«Вождь» Родзаевский чувствовал, что его надежды стать заметной политической фигурой и намерения возглавить национальную революцию становятся нереальными. К тому же заявление немцев о «колонизации Востока» внесло тревогу и сомнения в ряды Русского фашистского союза. Однако Родзаевский продолжает уповать на Гитлера как на единственную силу, которая способна сокрушить коммунизм. Но настойчивые стремления укрепить связи с немцами не вызвали их интереса к РФС, более того, Берлин и знать не хотел РФС. В 1942 г. европейские представительства союза были разгромлены гестаповцами.

Второе невезение для РФС надвигалось с другой стороны. Японская служба безопасности заподозрила Родзаевского в шпионаже в пользу СССР, а РФС предоставила как специально созданную большевиками организацию для раскола российской эмиграции и отторжения ее от Японии. В мае 1943 г. Родзаевский был арестован японцами и подвергнут допросам, но в июне его освободили. В июле 1943 г. харбинская военная миссия японцев ликвидировала отделения РФС в Маньчжоу-Го, Японии и Китае и закрыла газеты «Наш путь» и «Нация». В результате японской акции летом 1943 г. движение русских фашистов на Дальнем Востоке перестало существовать. В Германии ростки русского фашизма ликвидировало гестапо.

Родзаевский видел спасение России сначала в японцах, потом в Гитлере и под конец возложил надежды на Сталина. В Китае он написал письма Сталину и Малиновскому, полные раскаяния в своей антисоветской деятельности, возвеличивал Сталина как «истинного вождя СССР». Вскоре Родзаевский был сагитирован сотрудниками НКВД покинуть Китай и добровольно вернуться в СССР, был арестован и отправлен в Москву. 30 августа 1946 г. Родзаевский был приговорен Военной коллегией Верховного суда СССР к расстрелу. Приговор был приведен в исполнение в подвале Лубянки.

Нападение Германии на СССР вернуло к жизни «вождя» русских фашистов в США А. Вонсяцкого. Сникший после германо-советского пакта, он ожил и ринулся на политическую арену, ожидая триумфального возвращения в Россию на ответственную должность в правительстве, которую Гитлер, по его убеждению, обязательно предложит ему за «заслуги» в развитии русского фашистского движения. Однако после Перл-Харбора перестала существовать Всероссийская фашистская организация. Умер А. Вонсяцкий в Томпсоне в 1965 г. 66 лет от роду от инфаркта.

Так бесславно и бесследно закончилось Русское фашистское движение, не оставив потомкам ничего заметного на политическом поприще.

Формирование и действия Русской освободительной армии. Некоторые отечественные историки определяют Русское освободительное движение и создание Русской освободительной армии как «военный заговор» пленных советских генералов. Но это был не генеральский военный заговор в его классической форме, а «сговор» единомышленников-антисталинистов под руководством и контролем немецкого Верховного главнокомандования, пропагандируемый службой Геббельса. В нем были заключены давно выношенные, обдуманые цели, обострившиеся после 1937 г., в период грандиозной «чистки» в армии, которая вела к разрушению советско-большевистского строя.

Некоторые штрихи к политическому портрету генерала А.А. Власова. Имя генерала Власова в советской исторической и публицистической литературе стало нарицательным, связанным с предательством, с изменой Родине. Но достаточно известны исторические упрощения и пропагандистские клише, которые по воле и заказу узкого круга людей создавали либо героев, либо предателей. Этот фактор надо учитывать при анализе политического кредо Власова. При этом важно иметь в виду ту военно-политическую атмосферу, в которой Власовым совершалось самооправдание замыслов

и действий, возникал внутренний компромисс его противоречивых чувств и убеждений, ведущий в тупик, и бесперспективность целей и задач деятельности.

Власов в глубине души не мог согласиться с существующей в Советском Союзе политической системой и методами руководства его высокопартийных правителей, хотя военную карьеру делал при этой системе, при этих властителях и воевал неплохо. Ход войны и военно-стратегические ошибки, допущенные Сталиным, привели его к убеждению, что выработанная большевиками система ведет страну к поражению.

Власов делал ставку на Германию как на единственную силу, способную свергнуть большевизм, сталинскую диктатуру. Но он не собирался заменить сталинизм фашизмом. Власов открыто говорил, что гитлеровский национал-социализм неприемлем, но уничтожить большевизм без немцев невозможно. Попав в немецкий плен и позже возглавив Комитет освобождения народов России, он не стал ни нацистом, ни фашистом.

Власов имел свою политическую мини-программу, которая затем была детализирована и расширена в Манифесте КОНР. Центральное положение этой программы – борьба на правах союзника Германии против СССР за независимую демократическую Россию (чистейший миф при германской оккупации СССР). Политическую программу Русского освободительного движения Власов излагал в лекциях, которые читал в городах на оккупированных советских территориях. СМЕРШ готовил на него покушение (кодовое название операции «Ворон»), для чего было создано несколько оперативных групп, но реализовать убийство не удалось.

Вместе с тем Власов убеждал немцев, что русским военнопленным, гражданским лицам, вступившим в отдельные «восточные» воинские части в составе вермахта, надо дать определенные политические обоснования их действий для самооправдания, чтобы они не считали себя предателями. В данном случае очевиден факт попытки создания Власовым официальной политической и идеологической базы коллаборационизма. Такой базой должны были стать, по его мнению, признание Гитлером реальности Русского освободительного движения, необходимости формирования РОА и создание русского правительства за рубежом.

Сближение Власова с Национально-трудовым союзом расширило его политическое кредо. Близкими его взглядам стали основные положения программы НТС, касающиеся будущего общественно-политического строя России, а также идея «третьей силы», суть которой – создание своей собственной национальной силы без Гитлера и без Сталина. Власов отредактировал эту идею и придал ей несколько иное направление: воевать против СССР сначала в союзе с Германией, а после победы выступить против нее вместе со всем советским народом за свободную, демократическую Россию. Он уверовал, что освобожденная от большевиков Россия не даст фашистским оккупантам поработить себя.

Власов придавал немалое значение российской эмиграции, сохранившей традиции и моральные устои русского народа, его культуру и религию, способной, по его замыслу, связать старую Россию с новой, которая будет создана после победы Русского освободительного движения. Он призывал эмигрантов объединиться с РОА в борьбе против большевизма. Борьба эта, заявлял Власов, должна вестись не за возвращение старой России времен Николая II, а за ту Россию, которая создалась после Февральской революции и которую разрушил Октябрь. Как видно, Власов стремился возглавить во всем объеме Русское освободительное движение. Однако часть эмиграции, прежде всего монархисты, не признавала бывшего сталинского генерала («красного генерала») как руководителя РОА. Власов упорно настаивал на создании русской армии, подчиненной русскому национальному правительству. Но фюрер был непоколебим, и всякое упоминание о так называемой «Русской освободительной армии» вызывало у него гнев.

Таковы некоторые черты политического портрета А.А. Власова. Его взгляды, враждебные большевизму, сближали мятежного генерала с его единомышленниками, по-

литическими и идеологическими противниками сталинского режима. Но не это главное в определении Власова как коллаборациониста. Главное в том, что он перешел на сторону врага, напавшего на его Родину, когда народ воевал и жертвовал собой ради спасения Отечества. Поэтому, без всяких скидок, Власов – враг своего воюющего народа, хотя и провозгласил свою борьбу против сталинизма как «национально-освободительную». Иного определения история не позволит сделать.

Формирование РОА. В сентябре 1942 г. при русском отделе вермахта был создан штаб «Русской освободительной армии». Его руководителями стали Власов, Малышкин, Жиленков, Трухин, Меандров, Зыков. В штаб входили также белогвардейские офицеры-эмигранты Кромиади, Жеребков, Фрелих. Задачей штаба было объединение всех антисоветских сил в РОА. Еще до провозглашения КОНР русская редакция штаба издавала две газеты: «Добровольец» для добровольцев РОА и «Заря» для военнопленных. Они способствовали, наряду с работой «вербовщиков», притоку добровольцев в Русскую освободительную армию. Однако гитлеровское руководство тормозило развертывание русских добровольческих частей и соединений под эгидой РОА. Лишь в 1943 г. в лагерях военнопленных и на оккупированных территориях, куда выезжали Власов и другие генералы, началась массовая вербовка советских граждан в РОА. Этому способствовало смоленское воззвание Власова в начале 1943 г. с программой борьбы за новую Россию. Воззвание разбрасывалось с самолетов над советскими фронтовыми позициями. Оно имело воздействие, и солдаты в одиночку и группами переходили линию фронта и сдавались в плен, чтобы быть зачисленными в РОА. Генералитет вермахта поддерживал создание РОА и надеялся, что Гитлер образумится.

Согласно новому положению о «добровольцах», подписанному начальником Генерального штаба ОКХ генерал-полковником Цейтцлером и изданному 29 апреля 1943 г., все «добровольцы» русской национальности, использующиеся при немецких частях или в составе отдельных соединений, образуют Русскую освободительную армию (РОА); все «добровольцы» украинской национальности – Украинскую освободительную армию (УОА); представители тюркских и кавказских народов – Грузинский, Армянский, Азербайджанский, Северокавказский и Татарский легионы; а донские, кубанские и терские казаки – соответствующие формирования²¹⁰.

Летом 1944 г. положение немецких войск на Востоке и на Западе стало критическим. Но Гитлер в этой обстановке неминуемого поражения Германии не изменил своего отношения к русским «добровольческим» частям, хотя вопрос формирования русской армии для немцев стал не только реальностью, но и необходимостью. Изменение отношения нацистского военного руководства к формированию и укреплению РОА в середине 1944 г. вызывалось главной потребностью – заставить пленных советских солдат и офицеров проливать кровь ради спасения Германского рейха. Вторая причина – использовать генерала Власова и его единомышленников для расширения политических методов ведения войны с СССР.

Инициативу в создании РОА проявил рейхсфюрер СС Гиммлер, назначенный Гитлером после неудавшегося покушения на него 20 июля 1944 г. командующим армией резерва. Его встреча с Власовым состоялась 16 сентября 1944 г., на ней генерал получил санкцию на создание русской армии и объединение под своим командованием всех русских частей, в том числе эмигрантских.

Власов приступил к формированию Русской освободительной армии на базе I-й русской дивизии, которая начала создаваться еще в конце 1943 г. Ее командиром стал бывший полковник Красной Армии, бывший командир 389-й танковой дивизии С. Буняченко. Вторая дивизия была сформирована в конце января 1945 г., командиром

²¹⁰ Материалы по истории Русского освободительного движения. М., 1997. Вып. I. С. 55.

был назначен бывший генерал-майор Г. Зверев, занимавший в Красной Армии такую же должность. Третья дивизия, командиром которой стал бывший генерал-майор М. Шаповалов, бывший командир стрелкового корпуса, так и не была полностью сформирована.

В РОА входили, кроме трех дивизий, резервная бригада, противотанковая бригада, батальон десантников, офицерская школа, которой командовал бывший генерал-майор Меандров. В начале февраля 1945 г. к РОА добавились военно-воздушные силы (пять авиаэскадрилий), созданные из пленных и перелетевших к немцам советских летчиков, под командованием бывшего полковника В. Мальцева. 28 января 1945 г. существование Вооруженных сил КОНР стало реальностью. В этот день Гитлер назначил генерала Власова главнокомандующим русскими вооруженными силами со всеми вытекающими отсюда полномочиями. Русская освободительная армия получила статус армии союзной державы, подчиненной в оперативном отношении вермахту. Немцы допускали существование РОА только как антисоветского воинского формирования, а не в роли какой-либо «третьей силы».

Определенное воздействие на создание РОА оказывал Народно-трудовой союз. Он проводил агитационную работу в лагерях «восточных рабочих» с целью вовлечения их в Русскую освободительную армию. Опыт НТС обогащал идеологическую платформу РОА, влиял на идейную направленность борьбы против Сталина. Союз осуществлял и идеологическое влияние на армию через школу пропагандистов в Дабендорфе, кадры для которой подбирались в лагерях для военнопленных. Школа была своеобразным пропагандистским центром РОА. Некоторые из военных чинов РОА вступили в НТС, например, Трухин, Меандров, Зайцев, Штифанов.

НТС принял на себя миротворческую миссию, направленную на примирение военных кадров первой волны эмиграции и власовцев. Такую активность Народно-трудового союза гестапо не оставило без внимания и летом 1944 г. произвело массовые аресты членов союза. Было арестовано исполнительное бюро, члены редакции газеты «Новое слово».

Генерал Власов ценил политический опыт эмиграции. Он ввел в руководство РОА несколько бывших белых офицеров. Офицеры-эмигранты вошли и в подразделения армии. Это была политическая акция, рассчитанная на получение поддержки со стороны эмиграции. В этой связи важной проблемой явились взаимоотношения белой эмиграции с власовцами. Выявилась их психологическая несовместимость. Некоторые из советских старших офицеров воевали в Гражданскую войну против белых, а теперь им пришлось стать союзниками. В несовместимости играло роль и разное воспитание, прежде всего, разное мировоззрение. Преодолеть эти трения не удалось. Однако объединяющим эмиграцию и РОА фактором была единая цель – освобождение России от сталинизма и советской власти. По данным Хоффманна, который подробно изучал историю власовской армии, к началу апреля 1945 г. в РОА было до 50 тыс. человек²¹¹.

Реальное сближение белоэмигрантского потока и Русской освободительной армии, обещавшее перерасти в мощную национальную силу, стало возможным лишь в последний год войны. Учреждение КОНР и провозглашение «Манифеста» явилось действенным политическим фактором в объединении национальных антибольшевистских сил. Российская эмиграция горячо откликнулась на создание вооруженных сил КОНР.

Русские эмигранты, выступавшие против советской власти и большевизма на стороне немцев, рассматривали Русское освободительное движение как продолжение с помощью Германии гражданской войны в России с ее конечными целями и кровавыми последствиями их достижения. Лишь постепенно эмигранты воинских формирований

²¹¹ Хоффманн Й. История власовской армии. Париж, 1990. С. 80.

убеждались в антирусской политике Гитлера, направленной на порабощение России, уничтожение русских людей, и стали присоединяться к создаваемой Русской освободительной армии генерала Власова.

Весть о создании КОНР и национальных вооруженных сил офицеры и солдаты Русского охранного корпуса в Югославии приняли с радостью. Генерал Штейфон отправился к генералу Власову и от имени личного состава корпуса заявил о готовности подчиниться командованию Русской освободительной армии. Власов дал согласие и назначил генерал-майора Боярского инспектором к Штейфону. В начале 1945 г. Русский охранный корпус был присоединен к РОА. Но все попытки Власова добиться перевода корпуса в Германию оказались безуспешными.

Присоединилась к РОА часть других белоэмигрантских воинских формирований, в том числе батальон из бригады «Дружина», лучшие кадры Русской освободительной народной армии, полк СС «Варяг» под командованием полковника М.А. Семенова, укомплектованный, в основном, эмигрантами. В то же время в состав РОА вошли бригада генерал-лейтенанта А.В. Туркула в составе более 5 тыс. освобожденных из лагерей советских военнопленных и офицеров-эмигрантов на командных должностях, действовавший на одерском направлении пехотный полк под командованием полковника И.К. Сахарова.

Взаимоотношения казаков с КОНР вначале были сложными. Присоединению казачьих воинских формирований к Русской освободительной армии препятствовал П.Н. Краснов, возглавлявший Главное управление казачьих войск (ГУВК). Он боялся потерять обещанные немцами привилегии казакам. Инициатором включения казачьих воинских частей и соединений в РОА выступил атаман Общеказачьего объединения в Германии Е.И. Балибин. Он запросил об этом атаманов эмигрантских станиц и получил их согласие о вступлении в состав Русской освободительной армии.

Власов поручил Балибину организовать при КОНР Управление казачьих войск и содействовать с помощью генерала И.А. Полякова, выступавшего в качестве посредника, его встрече с П.Н. Красновым. Эта встреча состоялась в Берлине в начале января 1945 г., на которой Краснов дал свое согласие. 28 марта Власов подписал приказ об утверждении Совета казачьих войск, а 20 апреля 1945 г. – о включении казачьих формирований в состав вооруженных сил КОНР: Казачьего Стана генерал-майора Доманова, 15-го Казачьего корпуса под командованием немецкого генерал-лейтенанта фон Паннвица, насчитывавшего около 40 тыс. человек и входившего в состав войск СС. В результате этой операции численность Русской освободительной армии составила около 100 тыс. человек²¹².

Участие РОА в боевых действиях. Заканчивался март 1945 г., но немецкое Главное командование так и не решалось направить Русскую освободительную армию на восточный фронт. Участие РОА в боевых действиях сводилось к эпизодическому использованию немцами ее подразделений и частей на отдельных участках фронта против Красной Армии как проверка боеспособности власовских формирований. В Русской освободительной армии были собраны не особенно надежные люди, которые чувствовали приближение конца Германии и не желали воевать на ее стороне, да еще с Красной Армией. Гитлер и Гиммлер реально оценивали моральный климат в РОА, поэтому не решались направить армию Власова на фронт в полном составе под его командованием.

Власов и его окружение, видя неминуемое поражение Германии, решили освободиться от немецкой опеки и поискать убежища на англо-американской стороне. Члены КОНР надеялись на скорый вооруженный конфликт между СССР и западными держа-

²¹² Назаров М. Миссия русской эмиграции. Ставрополь, 1992. С. 322.

вами. Поэтому командование РОА пыталось наладить контакт с американскими и английскими вооруженными силами, сыграть на противоречиях между СССР и союзниками, выступить в роли потенциального союзника англо-американского блока, идейных борцов за демократию, против большевиков.

На последнем заседании КОНР 28 марта 1945 г. было принято решение сосредоточить власовскую армию и вошедшие в ее состав эмигрантские и смешанные формирования в районе Австрийских и Итальянских Альп до принятия окончательного решения о судьбе армии. Комитет пытается выйти на посольства США и Великобритании через Международный Красный Крест в Швейцарии, но эта акция провалилась. У Власова и его единомышленников оставалась одна возможность – сдать в плен вместе с РОА американцам и англичанам на любых условиях: как идейные, интернированные или как военнослужащие в составе отдельной русской армии. Оптимальным вариантом для Власова и власовцев было предоставление им союзниками политического убежища на территории, где разместились англо-американские войска, и статуса политического эмигранта с возможностью выехать затем в другие страны. Последующие события показали, что все эти намерения оказались не более чем иллюзии.

Немецкое командование решило использовать I-ю дивизию РОА 11 апреля 1945 г. в боях на Одере против Красной Армии. Командир дивизии С. Буняченко получил приказ германского командования о начале боевых действий, но, сославшись на то, что он непосредственно подчиняется генералу Власову, не спешил выполнять его. Лишь после получения приказа Власова 13 апреля дивизия вступила в бой на советском военном плацдарме «Эрленгоф» на западном берегу Одера, в районе Франкфурта. Однако после нескольких атак она прекратила их и, несмотря на требования немцев продолжить бои, ушла с позиций и направилась, согласно приказу Власова, в сторону Австрии и Югославии, где, как предполагало командование РОА, должны были оказаться англо-американские войска.

20 апреля на совещании с генералами армии Власов предложил немедленно договориться с англо-американским командованием. Для ведения переговоров был направлен Малышкин. 29 апреля он был доставлен к командующему 7-й американской армией генералу Петчу. Согласно ялтинскому соглашению, Малышкин был помещен в лагерь для военнопленных в Аугсбурге. Затем в руках американцев оказались Жиленков, Меандров, Корбуков, Шатов, Закутный, Благовещенский.

Первая дивизия Буняченко в начале мая подошла к Праге, где 4 мая вспыхнуло антифашистское восстание, на подавление которого был брошен гарнизон эсэсовских частей. Буняченко предложил чехам помощь, надеясь, что это зачтется союзниками. 6 и 7 мая I-я дивизия атаковала немецкий гарнизон в Праге, заняла аэродром и ряд важных объектов, оказав помощь восставшим. Но узнав от группы связи Красной Армии, что в столицу срочно брошены стоявшие под Берлином войска маршала Конева, Буняченко отдал приказ двигаться на юг, в район Пльзена, навстречу 7-й армии, не ведая, что ее командование имело четкие инструкции о разоружении и помещении всех власовцев в лагерь.

Власов и его штаб, изменив решение идти в Австрию, т.к. там могло оказаться много частей СС, преданных Гитлеру, направился в Богемию, куда было приказано перебраться 1-й и 2-й дивизиям. Власову вместе с 1-й дивизией удалось войти в американскую оккупационную зону в Чехии. Он надеялся, что американцы сумеют обезопасить их от советских войск. Здесь же Власов, Буняченко и ряд других высших и старших офицеров РОА были арестованы американцами и выданы советской контрразведке СМЕРШ. Вторая дивизия РОА была частично пленена советскими войсками еще до перехода в американскую зону. Военно-воздушные силы армии во главе с Мальцевым сдались американцам.

В итоге национально-освободительная борьба, которую провозгласили генерал Власов и КОНР, выразилась, в основном, только в «готовности номер один» Русской освободительной армии к борьбе против сталинизма и советской власти. Такова краткая трагическая история Русского освободительного движения.

* * *

У российских историков, исследующих сложный и противоречивый путь Русского освободительного движения, при его объективном анализе возникает немало трудных и болезненных проблем. Болезненны они потому, что в устоявшиеся концепции РОД жизнь постепенно вносит свои коррективы, которые исторической науке следует учитывать. Назовем некоторые из них.

Русское освободительное движение – это не самопроизвольный взрыв предательства советских военнопленных и гражданских лиц, а преднамеренная борьба с большевизмом и советской властью, которая имела сложившиеся предпосылки, причины и мотивы. Против сталинского режима выступили не сотни взбунтовавшихся головорезов, а сотни тысяч бывших бойцов и командиров Красной Армии, гражданских лиц оккупированных территорий. Так что же это за государство, в котором жили сотни тысяч затаившихся «врагов народа»? Завершающийся этап эпохи сталинизма выразился в грандиозной оппозиции миллионов советских граждан, перешедшей в годы войны в массовое вооруженное выступление.

Русское освободительное движение – политическое явление исторического масштаба, и в этом его понимании не может быть другого мнения. Политическая платформа КОНР поистине демократическая. Модель будущего Отечества, в понимании Власова и его сподвижников, – это та Россия, которую представляли себе прогрессивно мыслящие россияне еще до октября 1917 г. «Манифест» КОНР – это судьбоносная политическая, экономическая, социальная и национальная программа будущей демократической России.

Русское освободительное движение созревало стихийно в оппозиционной сталинизму массе советских людей, оказавшихся по причине войны на немецкой земле. Этой массе требовались лидеры, и она выдвинула их в лице Власова и его единомышленников. Власов сумел обеспечить жизнедеятельность Русскому освободительному движению, по существу враждебную Гитлеру. Он и его сподвижники создали в условиях противодействия нацистского руководства Русскую освободительную армию.

КОНР пытался обособить идею Русского национально-освободительного движения от двух противоборствующих идей – коммунизма и германского национал-социализма (фашизма). Но идея борьбы с большевизмом и советской властью вынудила Русское освободительное движение пойти на союз с Германией, которая для него была такой же чуждой по своей природе. Таким образом, идея Комитета становилась причастной к германской идее в силу характера, своеобразия предстоящей борьбы РОА со сталинизмом, хотя лидеры движения старались отмежеваться от нацизма и оккупационной политики гитлеровцев. Национально-освободительное движение было опасным не только для Сталина, но и для Гитлера. Поэтому фюрер препятствовал развитию РОД и не предоставлял ему свободы действий до конца войны.

В некоторых отечественных публикациях последних лет прослеживается мысль авторов о Русском освободительном движении как продолжении Гражданской войны в России 1918–1922 гг. Этим грешит и упомянутый сборник статей «Материалы по истории Русского освободительного движения». Общеизвестно, что революция и гражданская война – это завершающийся этап непримиримой классовой борьбы внутри государства, когда соотечественники идут друг на друга с оружием в руках, в результате которой власть переходит к победителю. Здесь же было вооруженное выступление со-

отечественников в союзе (пусть вынужденном) с оккупантами против своего воюющего за Родину народа.

Так кто же они – власовцы: предатели или освободители? Примечательна в этой связи точка зрения одного из авторов сборника «Материалы по истории Русского освободительного движения»: «Только абсолютно не зная историю, не анализируя ее факты, можно было обвинить в предательстве, коллаборационизме участников антисталинского и антибольшевистского сопротивления в годы Второй мировой войны, участников поиска альтернативы государственного развития России, который проводился в рамках этого Движения»²¹³. Весьма оригинальное умозаключение. По авторскому суждению, бандиты карательных отрядов, мстители национальных легионов, солдаты национальных эсэсовских частей, которые вымещали свою злобу и на мирных жителях, – это участники «поиска альтернативы государственного развития России». Все эти формирования автор причисляет к Русскому освободительному движению. Эта общая концепция авторов сборника опровергалась во второй главе книги.

Здесь ведется разговор именно о Русском освободительном движении. Ближе к истине А. Солженицын, который заключил, что «власовцы – это жертвы сталинского террора» («Архипелаг ГУЛАГ»). Да, это так, но не все власовцы были подвергнуты до войны репрессиям НКВД. Сотрудничество Власова и РОА с Германией определяется по всем критериям как коллаборационизм во время войны в полном смысле этого понятия. Какие бы оправдательные высокие цели борьбы, предпосылки и факторы, причины и мотивы сотрудничества советских граждан, в том числе Русской освободительной армии, с немцами в годы войны ни были использованы некоторыми историками и публицистами, измена Родине здесь бесспорна. Такая оценка принята во всех странах мира.

Возможно, со временем общественное мнение изменится, ибо оно не вечно, и другое поколение будет воспринимать Русское освободительное движение как истинно национально-освободительное и реабилитирует власовцев. Будущее прояснит, а пока эта реабилитация несвоевременна, так как еще живы участники минувшей войны и ветераны тыла.

²¹³ Материалы по истории Русского освободительного движения. М., 1997. Вып. I. С. 6.

ГЛАВА III. ЯЛТИНСКИЙ СГОВОР СОЮЗНИКОВ О РЕПАТРИАЦИИ СОВЕТСКИХ ГРАЖДАН

Ялтинская конференция СССР, США, Англии с участием глав государств Сталина, Рузвельта и Черчилля происходила с 4 по 11 февраля 1945 г., за три месяца до капитуляции Германии. Победоносное продвижение Красной Армии по восточноевропейским странам с главным фронтом на Берлин делало Сталина ведущей фигурой «тройки», способной выдвигать и даже диктовать свои послевоенные политические и иные условия. Одним из таких условий была взаимная репатриация военнопленных, содержащихся в немецких лагерях в оккупированных союзниками и Красной Армией зонах. Подчинившись воле Сталина, Рузвельт и Черчилль вряд ли задумывались над теми последствиями, которые наступят вслед за выдачей советских военнопленных сталинскому режиму.

В тексте Ялтинского соглашения ничего не говорилось о принудительной репатриации, но это подразумевалось его иезуитским смыслом, и на этот счет существовало молчаливое согласие сторон как устный сговор. Американцы и англичане согласились с требованием Сталина из соображения политической выгоды. Они, зная коварство большевистского лидера, тревожились, что, если США и Великобритания будут чинить препятствия возвращению советских военнопленных, это может отразиться на отношении советских властей к американским и английским военнопленным, освобожденным Красной Армией из немецких концлагерей в советской оккупационной зоне. Ялтинское соглашение подтвердило готовность союзников пожертвовать чужими жизнями ради жизни своих солдат.

Насильственной репатриацией Сталин решал четыре задачи. Во-первых, для примера строго наказать «изменников Родины», чтобы все знали, на кого подняли руку «предатели». Во-вторых, получить через лагеря ГУЛАГа бесплатную рабочую силу для восстановления разрушенного войной народного хозяйства. В-третьих, воспрепятствовать образованию диаспоры новой эмиграции, подобной первой волне. Сталин боялся, что советские эмигранты устно и письменно поведают мировой общественности о тоталитарном сталинском режиме, «вынесут сор из избы». В-четвертых, он опасался, что бывшие советские граждане – идейные противники сталинизма – станут богатым резервом западных спецслужб для диверсионно-террористической и разведывательной работы в СССР.

Хитроумный политический стратег и тактик, Сталин понимал, что введение в страны Восточной Европы советских войск с целью превращения этих государств в единый социалистический лагерь вызовет недовольство союзников, способное перерасти в военный конфликт. В данной ситуации англичане и американцы могли использовать не репатриированных военнопленных, власовцев и других коллаборационистов в качестве резерва для формирования воинских частей, ненавидящих сталинский режим, и введения их в состав своих войск. Пример Гитлера будоражил воображение скептика Сталина.

Союзники выполнили все требования Сталина. Правительственный кабинет лейбористов в Англии пошел дальше. Он санкционировал репатриацию тех людей, которые не попадали под условия ялтинского сговора: передачу СССР эмигрантов первой волны.

К репатриации советских военнопленных Сталин подошел основательно и продуманно до мелочей еще до Ялтинского совещания. В октябре 1944 г. был создан специальный аппарат во главе с уполномоченным СНК СССР по делам репатриации генерал-полковником Ф.И. Голиковым (до войны он возглавлял отдел военной разведки и контрразведки Генштаба). Представители уполномоченного СНК находились почти во всех европейских странах, при совнаркомх союзных республик; при всех фронтах были отделы по репатриации; в районах, подвергшихся оккупации, были созданы соот-

ветствующие службы и приемно-распределительные пункты. Оставалось только заранее открыть ворота лагерей ГУЛАГ.

Ялтинское соглашение в письменной и устной форме требовало выдачи всех советских граждан, сотрудничавших с немцами в годы войны, по состоянию границ СССР на 1 сентября 1939 г. Это соответствовало нормам международного права. К таким относились: личный состав воинских формирований из советских военнопленных и гражданских лиц, перешедших на сторону врага; люди, сотрудничавшие с фашистами на оккупированных советских территориях в составе национальных легионов, карательных и охранных отрядов; полиция и другие коллаборационисты, которые бежали вместе с отступавшими немецкими войсками.

Женевская конвенция 1929 г. по обращению с пленными их правовое положение определяла «единственно внешним признаком – формой, которую они носили в момент пленения, а не их национальностью». Русская освободительная армия, к примеру, имела немецкую форму с русским знаком различия. Следовательно, власовцы по принципам конвенции относились к военнослужащим немецкой армии, и они должны были рассматриваться как немецкие военнопленные, которые не подлежали насильственному возвращению в СССР. Союзники же, отбросив Женевскую конвенцию, определяли власовцев и других советских военнопленных в немецкой форме как «предателей союзной державы».

Зловещую окраску придавало трагедии репатриации коварство союзников. К пленным, не желавшим возвратиться в СССР, применяли тактику уговоров и обещаний. Как правило, вся она была построена на обмане. Опасаясь бунтов и самоубийств, англичане внушали пленным, что Москва считает всех их полноправными советскими гражданами, несмотря на то, что некоторые из пленных надели немецкую форму, а сейчас их повезут в Англию, чтобы затем перевезти в Советский Союз. Многие этому верили и садились в грузовики, входили на трап кораблей, а потом оказывались в советской оккупационной зоне, откуда их отправляли в СССР на судилище.

Но было немало и тех, кто решительно отказывался вернуться в Советский Союз, зная, что там их ждет либо пуля, либо Крайний Север. Власовцы, оказавшиеся за колючей проволокой американских лагерей, были выданы – кто раньше, кто позже – советским властям. Некоторых из них расстреливали на месте, других ждали на родине лагеря и тюрьмы. Союзники насильно гнали тех, кто не хотел возвращаться, нередко используя оружие. Военнопленные сопротивлялись англо-американским солдатам, обезумев от ужаса, что из фашистского лагеря они попадут в сталинский. Репатрианты лезли в петли, вскрывали вены, бросались на конвоиров, провоцируя выстрелы в себя. Очевидцы никогда не забудут такого кошмара. Поражает мужество отдельных английских и американских солдат, спасавших хоть кого-нибудь от возможной пули НКВД.

Особо следует отметить репатриацию казаков. Казачьи части были наиболее антисоветски настроенными. Они формировались как полунезависимые части, отряды в составе вермахта, отличались мобильностью и храбростью в боях. Основные районы их дислокации и военных действий – Италия, Франция (ликвидация очагов Сопротивления), в конце войны – Югославия (борьба с партизанами Тито).

По мере продвижения английской армии по Италии казакам предстояло столкнуться в боях с союзниками, так как они носили немецкую форму и в последний год войны были под контролем СС. Но казаки решили не оказывать сопротивления англичанам, т.к. выступили против Советского Союза и боролись с европейскими коммунистическими силами, а не с Англией и США. В начале мая 1945 г. казачьи части перешли через Итальянские Альпы австрийскую границу. По разным источникам, в мае 1945 г. в Южной Австрии сосредоточилось 45–50 тыс. казаков, многие из них с семьями. Их костяк составлял 15-й казачий кавалерийский корпус генерала фон Паннвитца.

8 мая делегация казаков в составе генерала Васильева, прежде служившего в Российской императорской гвардии, молодого Николая Краснова, родственника Петра Краснова, и переводчицы-эмигрантки Ольги Ротовой прибыла к англичанам в Толмеццо, опорный пункт операции против казачьих отрядов. Делегация сообщила, что все воинские части готовы сдаться на любых условиях. Казаки надеялись, что англичане не выдадут их Красной Армии – смертельному врагу. Они не были осведомлены о Ялтинском соглашении глав трех государств.

Англичане, опасаясь смуты в казачьей среде, обещали решить вопрос о добровольной сдаче казаков в ближайшие дни. Командование английской бригады приказало казакам спуститься с гор и обосноваться в долине реки Дравы, близ маленького города Лиенца, которая стала для них «долиной смерти». Казаки получили от англичан заверения в гуманном отношении к ним при сдаче, которого они имели право ожидать по условиям Женевской конвенции о военнопленных. Контингент казачьих частей состоял из эмигрантов, советских военнопленных и казаков, ушедших с оккупированных советских территорий вместе с отступавшими немцами. Какое-то время они находились в относительной безопасности в английской зоне, хотя их окончательная судьба оставалась неясной, особенно судьба советских военнопленных и казаков из СССР. Однако через несколько дней неопределенность перестала быть таковой. Ялтинский сговор дошел до инстанций и исполнителей и сработал по всем пунктам, раскрыл карты в нечестной, лживой игре англичан.

10 мая командир британского корпуса Чарлз Китли был приглашен маршалом Толбухиным, командующим 3-м Украинским фронтом, в Фойтсберг, город в советской оккупационной зоне. Среди обсуждаемых на совещании вопросов был выделен вопрос о тысячах освобожденных советских военнопленных и «восточных» рабочих, попавших в руки англичан, а также о сдавшихся им в плен казаках. Командование фронтом настаивало, чтобы всех их в ближайшие дни вернули в советскую оккупационную зону. Все вопросы были урегулированы к общему удовлетворению и взаимопониманию.

По Ялтинскому соглашению, реабилитированными могли быть только советские граждане. Остальным англичане обязаны были предоставить политическое убежище на Западе. В отношении российских эмигрантов не мог стоять вопрос об их «отправке обратно», теперь уже в СССР. Они никогда не жили в Стране Советов, никогда не являлись советскими гражданами, а были людьми без государства, имея паспорт Лиги Наций (сертификаты Нансена) или стали гражданами стран, в которых они жили. Советский Союз не считал их своими гражданами и даже отвергал. Большинство казачьих офицеров – это белоэмигранты, и их нельзя было, как и рядовых казаков-эмигрантов, репатриировать в СССР.

В соответствии с политикой британского правительства, те казаки, которые являлись советскими гражданами, подлежали отправке в Советский Союз. Но оставался открытым вопрос о семьях казаков и о неопределенности статуса российских эмигрантов. Как утверждает Н. Бетелл, в лагерях под Лиенцем было около 4 тыс. женщин и 2,5 тыс. детей²¹⁴. Эту затруднительную для англичан ситуацию помогло устранить командование 3-го Украинского фронта, которое через генерала Безухова потребовало у Чарлза Китли выдачи всех казаков, женщин и детей наряду с эмигрантами времен гражданской войны, вступившими в воинские формирования, которые были в составе вермахта. Могли ли англичане указать зарвавшимся чекистам от 3-го Украинского фронта на Ялтинское соглашение, которое не предусматривало репатриацию мирных жителей, покинувших СССР, и белоэмигрантов, подписанное главами трех государств? Безуслов-

²¹⁴ Чаликов В. Английские летописи нашей беды // Знамя. 1990. № 12. С. 234.

но, не только могли, но и были обязаны это сделать, памятуя о своей традиционной законопослушности, да не отважились.

Англичане были в нерешительности. Пойти самостоятельно на выполнение требований советского командования о депортации семей казаков и выдаче белоэмигрантов, вопреки Ялтинскому соглашению, они не решались. В этом случае англичане использовали одно обстоятельство. В штабе союзников было создано объединенное командование, и любое политическое решение одной стороны требовало согласия второй, в данном случае американцев. США понимали ялтинский сговор, обязывавший репатриировать всех советских граждан, а заодно с ними и пленных эмигрантов, буквально и основывали свою политику в данном вопросе на компромиссе и прагматических соображениях. Предстояла война Соединенных Штатов с Японией, поэтому необходимо было сохранить союз и дружбу с СССР. Можно быть уверенным, что репатриация семей казаков, а также белоэмигрантов была согласована с американцами, дальше предстоял кровавый финал.

Кровавая процедура выдачи казаков в долине реки Дравы началась ранним утром 1 июня 1945 г. Несколькими днями раньше, 28 мая, офицеры в составе более 2 тыс. человек обманом были отделены от рядового казачества и отправлены в лагерь советской зоны оккупации, где их расстреляли чекисты. При репатриации остального казачества англичане столкнулись с непредвиденной ситуацией, хотя сценарий выдачи был заранее разработан и согласован с представителями НКВД. Вот несколько примеров.

Отряд английских солдат, прибывший в лагерь для репатриации казаков, увидел большую группу людей, которые сбились, в кучу, сцепившись руками. Солдаты набросились на скученных казаков, избивая их прикладами и ручками окопных лопат. Когда группа казаков бросилась бежать в горы, солдаты открыли по ним огонь, несколько человек было убито.

В другом месте, в лагере Пеггек, над собравшейся толпой в несколько тысяч человек возвышался деревянный помост с походным алтарем и большим крестом; служили литургию. Когда английские солдаты попытались дубинками и прикладами разогнать толпу, мужчины, спрятав женщин и детей в середину, скучились в плотную массу и опустили на колени, обхватив друг друга руками и распевая молитвы. Их били, вырывали из толпы, бросали в грузовики. При погрузке в вагоны казаки пытались покончить с собой. Они вырывались из рук солдат и бросались с моста, убегали в лес и там вешались на деревьях, убивали себя в вагонах припрятанными пистолетами, вешались ночью в пути на шарфах, веревках, скрученных кусках материи.

Загоняли казаков в вагоны вместе с семьями. Хватать женщин и детей, насильно грузить в вагоны и машины было проще, но казачки проявляли стойкость и способность к сопротивлению. По свидетельству Н. Бетелла (книга «Последняя тайна»), они шли на самопожертвование вместе с детьми, бросаясь в стремительный поток Дравы.

День первого июня 1945 г. вписался кровавыми событиями в историю казачества. Этот день навсегда остался в памяти как день беспримерной жестокости и бесчеловечности британской армии в «содружестве» с НКВД СССР в отношении беззащитных казаков и их семей на берегах реки Дравы. Выдача продолжалась ежедневно. 7 июня генерал Китли доложил высшему командованию, что репатриация казаков полностью завершена, за исключением сопротивлявшихся, которых осталось окружить, и больных, находящихся на излечении.

Британское правительство выдало Сталину десятки тысяч казаков с семьями, но сколько пересекло границу СССР с отступавшими немцами и какова их дальнейшая судьба, никому не известно. По прибытии вагонов с казаками в советскую зону, их встречал караул из солдат НКВД, выводил всех из вагонов, выстраивал, отбирал большую часть в группы, уводил в ближайший лес и расстреливал.

На кладбище Сен Женестье-де Буа под Парижем на символическом надгробии помещена надпись: «Жертвам выдачи 1 июня 1945 года на Драве и в Лиенце – 37 генералам, 2605 офицерам и 29 тысячам казаков». Это только часть попавших в лапы НКВД советских и российских казаков, мечтавших освободить Россию от большевизма, которых предали англичане, остальных схватить не удалось.

Приговор советским военнопленным был подписан ялтинским сговором, и все казалось ясным. Однако нашлись среди союзников военные, в том числе высшие чины, которые своей нравственной интуицией смогли проникнуть в суть трагедии, ожидавшей репатрируемых советских граждан на родине. Самыми заметными из них были фельдмаршал Александер, генерал Эйзенхауер, лорд Селборн.

Фельдмаршал Александер сознательно тормозил выполнение приказов правительства и рекомендаций своего МИД о насильственной репатриации советских военнопленных. Генерал Эйзенхауер был категорически не согласен с точкой зрения своего правительства о репатриации военнопленных против их воли. Но английский и американский главнокомандующие на Западном фронте не могли противостоять давлению своих правительств. Британское правительство не дало положительных откликов на тревожное письмо лорда Селборна о судьбе советских военнопленных, попавших к англичанам, с которым он обратился к Э. Идену еще 21 июля 1944 г.

Некоторые военнослужащие (чаще американцы) нарушали приказ и допускали побег пленных. Английский лейтенант Джон Грич, нарушив приказ, предупредил о выдаче тысячи казаков, охраняемых в Ноймаркте. Половина из них бежала. Особенно тяжело приходилось при репатриации советских граждан солдатам-исполнителям. При виде отчаянного сопротивления и самоубийств выдаваемых людей, особенно сопротивления женщин, они были в состоянии шока, на грани неповиновения, а некоторые даже отказывались выполнять приказ, и их приходилось заменять чаще командами из солдат – бывших уголовников. Иногда осуществление репатриации передавалось СМЕРШ, для работников которого проводить подобные «операции» было привычным делом.

Английские моряки, перевозившие на кораблях советских военнопленных в СССР, были поражены грохотом выстрелов в портовых складах Мурманска и Одессы, где чекисты расстреливали только что сошедших с кораблей военнопленных соотечественников.

Не осталась в стороне от происходящей трагедии насильственной репатриации советских военнопленных и российская эмиграция. В те годы эмигранты протестовали против действий англичан и американцев по выполнению сталинско-бериевских притязаний на российских эмигрантов и советских граждан за рубежом. Они исходили из того, что, по международным нормам, за любым человеком, не совершившим тяжкого преступления, признается право на жизнь.

Генерал А.И. Деникин по этому поводу направил Обращение к американскому сенатору Артуру Вандербергу. Обращение было написано в октябре 1946 г. и, тем не менее, Деникин констатирует в нем, что «сотни тысяч человек "дисплейсед персоно" сидят в лагерях оккупированной Германии и Италии». Антон Иванович увещает сенатора: «Я знаю, что оправданием у творящих это дело (насильственную репатриацию – авт.) служат Ялтинские договоры... Но подобный шаг человеческими душами не может быть оправдан никакими политическими договорами. Ибо есть нечто превыше политики – христианская мораль, достоинство и честь человека»²¹⁵. Деникин просит сенатора помочь тем избежавшим репатриации русским людям – мужчинам, женщинам, детям, – которые сидят «за проволокой лагерей в приютах Красного Креста или на частных квартирах в зоне американской оккупации, живут в постоянном смертельном страхе,

²¹⁵ Обращение генерала А.И. Деникина к американскому сенатору Артуру Вандербергу // Русский рубж. 1991. С. 11.

ожидаю выдачи их советам». Генерал просит сенатора помочь тем, «кто верит в человеческую совесть».

Пытались спасти соотечественников российские эмигранты. М. Назаров отмечал, что перед выдачей остатков 2-й власовской дивизии в Платтлинге в феврале 1946 г. мюнхенская эмиграция ввозила в лагерь ножницы, чтобы перерезать колючую проволоку, и лопаты для подкопа. Для беглецов были приготовлены документы и местожительство. Подкоп был готов, но раскрыт охраной накануне побега. Для убежавших из лагерей русских военнопленных были изготовлены фальшивые документы, которые давали статус «старых эмигрантов: югославских, чешских, польских»²¹⁶.

Репатриация советских перемещенных лиц. Советские перемещенные лица – это насильно увезенная в Германию молодежь с оккупированных территорий СССР. Этих людей немцы называли «ди-пи». К перемещенным лицам не следует относить беженцев с оккупированных территорий, спасавшихся от ареста за «сотрудничество с немцами», которое выражалось в работе взрослого населения на оккупантов по введенному фашистами закону об обязательной трудовой повинности. Они уходили от большевиков из родных мест раньше отступавших немецких частей. Погрузив домашний скarb на подводы, беззащитные многочисленные толпы женщин, детей, стариков двигались проселочными дорогами на запад. Часть из них опережали наступавшие советские войска, а там уже чекисты проводили «чистку». Другие достигли Польши, Румынии, Болгарии, Венгрии, Австрии. Но не всем им удалось стать эмигрантами: НКВД работал после войны слишком рьяно.

В конце войны, когда поражение Германии было неминуемо, среди значительной части советских «ди-пи» началась паника. Многие из них стремились сменить гражданство, национальность, чтобы не считаться выходцами из СССР. Они боялись возвращаться на родину. Большинство советских «остарбайтер» («восточных рабочих») делали все, чтобы избежать насильственного возвращения в СССР. Некоторые убегали в деревни к фермерам и становились батраками, девушки шли в прислуги, парни записывались «мужьями» немок-вдов и т.п.

Дело в том, что угнанные в Германию «восточные рабочие» знали: на родине их ждет суровое наказание, потому что Сталин определил их как «пособников классового врага». В лучшем случае после допросов и издевательств следователей-чекистов они вернутся домой, но будут жить под постоянным подозрением. Некоторые не были уверены, живы ли их родные, оставшиеся на бывших оккупированных территориях. Эта часть советских «дипийцев» готова была жить где угодно, только не в СССР.

«Дипийцы», оказавшиеся на территории, оккупированной англо-американскими войсками, содержались в специальных лагерях «перемещенных лиц», обнесенных колючей проволокой. Поэтому их депортация не представляла трудностей для союзников, и с этой взятой на себя преступной обязанностью они справились образцово-показательно. Союзники совместно с советскими спецподразделениями, а иногда и без них, насильно грузили перемещенных лиц в машины и вагоны, а упорно сопротивлявшихся расстреливали, не выводя из лагеря.

Периодически в зоне союзников в лагерь, близкие к демаркационной линии, ночью подъезжали военные крытые машины НКВД и при включенных фарах и прожекторах на охранных вышках солдаты-соотечественники расстреливали из пулеметов метавшихся в панике по лагерю «остарбайтеров». И эта неоднократная кровавая расправа с соотечественниками совершалась тогда, когда в Нюрнберге судили (20.2.45 г. – 1.10.46 г.) немецких главарей за «тягчайшие преступления против человечества». Все перемещенные лица, содержащиеся в союзнических лагерях, были выданы Сталину.

²¹⁶ Назаров М. Миссия русской эмиграции. Ставрополь, 1992. С. 337.

Первые годы после войны до наступления «холодной войны» были годами охоты советских, английских и американских спецслужб за советскими коллаборационистами, убежавшими военнопленными и перемещенными лицами, которые пока еще не попали в «карающие руки» НКВД. Особенно усердствовали советские особисты. Союзники, верные Ялтинскому сговору, отбрасывали всякие доводы «выловленных», умолявших не выдавать их Советам.

Числовые показатели репатриации советских граждан в отечественной и зарубежной литературе неидентичны. Это вполне закономерно. Так, М. Назаров, ссылаясь на Хоффманна и Н. Толстого, приводит такие данные: «По сообщению советского уполномоченного по делам репатриации генерал-полковника Ф.И. Голикова, только к 7 сентября 1945 г. западными союзниками было выдано 2.229.552 человека. Эта цифра не окончательная, поскольку выдачи продолжались (правда, уже в меньших количествах). Согласно другой советской цифре, опубликованной в том же 1945 г. (и, следовательно, тоже неполной), «освобождено и репатрировано было 5.236.130 советских граждан» (сюда включены не только выданные Западом, но и захваченные в советской зоне оккупации)»²¹⁷.

Официальные советские данные по этой линии таковы: «Советское государство к концу 1945 г. репатриировало 5.236.150 человек, том числе 633.639 детей. Репатриация продолжалась и в последующие годы... К январю 1953 г. на родину возвратились 5.457.856 советских граждан»²¹⁸.

Приведем показатели репатриации союзниками советских граждан. С. Солдатов пишет: «Американские и британские власти репатриировали, по большей части против воли репатриантов, 2.270.000 человек»²¹⁹. В. Земсков утверждает: «Из зон действия союзных англо-американских войск к 1 марта 1946 г. поступило в СССР 2.352.686 советских граждан, из них 1.392.647 гражданских лиц и 960.039 военнопленных»²²⁰.

Как видно, советские и союзные спецслужбы потрудились «в поте лица». Имеются некоторые несовпадения показателей репатриации советских граждан союзниками, но здесь надо учитывать даты фиксирования исходных данных и их временной объем. За основу следует принять итоговый показатель репатриации, взятый из книги «История СССР с древнейших времен до наших дней».

* * *

Коварство союзников в выдаче военнопленных не перестает быть коварством оттого, что восстанавливается его политический и исторический контекст. Но восстановление контекста позволяет увидеть границу между пусть жестоким следованием людей законам своего времени и всякого рода соглашениям и их склонностью рефлексивно, трусливо становиться на сторону сильного. Англия в лице таких непререкаемых авторитетов, как Черчилль, Иден, Этли предала идеалы демократии, став виновницей гибели сотен тысяч советских людей. Преступные деяния английских военных властей история занесла в летопись преступлений гитлеровско-сталинского класса, страшные страницы которой стали достоянием истории.

Англия и США извлекли уроки из страшных последствий насильственной репатриации. Когда в 1952 г. Северная Корея потребовала возвращения своих пленных, тот же Энтони Иден заявил в палате общин, что, по его мнению, принудительная отправка военнопленных домой противоречила бы системе ценностей свободного мира. Следует заметить в этой связи, что в пятидесятых годах свободный мир уже находился на вершине «холодной войны» с социалистическим лагерем, и гуманизм этого заявления корректировался политической конъюнктурой.

²¹⁷ Назаров М. Миссия русской эмиграции. Ставрополь, 1992. С. 346–347.

²¹⁸ История СССР с древнейших времен до наших дней. М.: Наука, 1980. Т. 11. С. 57–58.

²¹⁹ Солдатов С. О восстановлении целостности российской культуры // Литературная Россия. 1990. № 2. С. 18.

²²⁰ Земсков В. Репатриация и вторая волна эмиграции // Родина. 1991. № 6–7. С. 3.

ГЛАВА IV. РАССЕЛЕНИЕ ВТОРОЙ ВОЛНЫ ЭМИГРАЦИИ

После того, как союзники во имя своих «национальных интересов» выдали в руки НКВД миллионы советских граждан, не желавших возвращаться в СССР, размеры советской эмиграции оказались относительно небольшими. Однако сущность явления в данной ситуации надо рассматривать не на фоне остатков избежавших насильственной репатриации советских граждан, а на фоне той эмигрантской «волны», которая к концу войны составила несколько миллионов человек. Постепенно охота за бывшими советскими гражданами в Европе свелась к отдельным, редким случаям. В 1948 г. эта двусторонняя охота прекратилась из-за протеста западных стран.

Вторую волну отечественной эмиграции составили уцелевшие власовцы, коллаборационисты из жителей оккупированных советских территорий, военнопленные, «восточные» рабочие, беженцы. Они хотели обрести долгожданную свободу, мир, безопасность, спокойную жизнь вдали от большевистской диктатуры. Начавшаяся «холодная война» уберегла советских граждан за рубежом от выдачи их СССР. В конце 1940-х – начале 1950-х гг. сотни советских людей продолжали бежать из страны Советов. Это были солдаты и офицеры частей и соединений Советской Армии, размещенных в странах Восточной Европы и Восточной Германии, «невозвращенцы».

Вторая отечественная эмиграция после насильственной репатриации составила несколько сотен тысяч человек. Исследователи, касаясь этой проблемы, приводят разные данные о ее численности. Так, М. Назаров пишет: «Пополнение русской эмиграции после войны, по подсчетам В.Д. Поремского (на основании данных Международной организации по делам беженцев и других источников), составляло около 130 тыс. человек, хотя, возможно, действительная цифра была выше: опасаясь выдачи, люди скрывали свое происхождение»²²¹. Этот показатель явно занижен. Многие скрывавшиеся советские граждане имели фальшивые документы, удостоверявшие их личность, изменялись не только фамилии, но и гражданство, национальность и нередко даже возраст в сторону его повышения, чтобы можно было выдать себя за эмигранта первой волны.

Американский социолог Н. Тимашев в 1948 г. утверждал, что в результате войны 1,3 млн человек эмигрировало из СССР²²². Любопытные данные органов репатриации на 1 января 1952 г. о численности и национальном составе второй волны эмиграции приводит В. Земсков. Он пишет: «По официальным данным, около 10 % советских граждан, оказавшихся за границей (451.561 человек), составили вторую эмиграцию... Из них русские – 31.704 человека, украинцы – 144.934, белорусы – 9.856, латыши – 109.214, литовцы – 63.401, эстонцы – 58.924, другие – 33.528. Итого – 451.561»²²³. Здесь надо учитывать, что среди эмигрантов украинской и белорусской национальностей преобладало число выходцев из Западной Украины и Западной Белоруссии.

Доктор военных наук, генерал армии М.А. Гареев в своей статье, напечатанной в «Военно-историческом журнале», использует информацию МИД СССР, касающуюся второго эмиграционного потока. Он отмечает: «В 1956 г. МИД СССР уточнил, что в зарубежных странах находится в качестве перемещенных лиц 504.487 человек советских граждан. Примерно половину из них составляют бывшие военнопленные»²²⁴. Учитывая государственный статус источника информации, можно утверждать, что этот показатель ближе к реальности.

Таким образом, в конце 1940-х гг. стали существовать уже два лагеря отечественной эмиграции при общности судеб российской и советской эмиграции, порожденных Гражданской и Великой Отечественной войнами, обе имели свои особенности жизнен-

²²¹ Назаров М. Миссия русской эмиграции. Ставрополь, 1992. С. 346–347.

²²² Денисенко М. Сколько их было? // Родина. 1991. № 6–7. С. 139.

²²³ Земсков В. Репатриация и вторая волна эмиграции // Родина. 1991. № 6–7. С. 3.

²²⁴ Гареев М. А. О мифах старых и новых // Военно-исторический журнал. 1991. № 4. С. 47.

ного пути. Эти особенности, порой остро противоположные, препятствовали установлению российскими и советскими эмигрантами в большинстве случаев контакта и взаимопонимания. Назовем главные из них.

Прежде всего, это несходство в социальном происхождении и прежнем, до эмиграции, социальном положении. Эмигранты первой волны в подавляющем большинстве – это аристократы, дворяне, сановные чиновники, буржуазия, элитная интеллигенция, генералы, офицеры. Все они относились к привилегированному обществу и пользовались его благами. Их привычная сфера обитания в прошлом – буржуазно-дворянский строй России с его политической и социальной структурой, экономическим укладом и морально-психологическим климатом. Поэтому для российской эмиграции Запад не был новым миром. Все эти факторы и обстоятельства упрощали и ускоряли адаптационный процесс.

Для советских людей, проживших в СССР более двадцати лет, где были установлены так называемая «общенародная» собственность на все и вся, уравниловка в доходах и быте, западный мир был непривычен и в чем-то чужд. Для них психологическая адаптация к новым условиям жизнедеятельности была длительнее и порой болезненнее, чем для первой эмиграции. Воспитанные на большевистских лозунгах о классовой вражде, советские граждане за рубежом еще некоторое время сохраняли затаенную злобу против «классовых врагов». Они интуитивно ощущали и осознавали чуждую среду. Позже эта болезнь пройдет: бытие определит сознание.

Заметная разница обнаруживалась в культурном уровне обеих волн эмиграции. Большая часть российских эмигрантов – это интеллигентные люди, среди которых было немало ученых, писателей, деятелей культуры с мировыми именами. В конце 1922 г. эту когорту пополнили высланные по инициативе Ленина из РСФСР крупные русские ученые, специалисты в различных областях науки. Их полный поименный список пока не известен. Вторая волна эмиграции – это люди с начальным, неполным средним и средним образованием, сравнительно небольшая часть из них имела высшее образование. Красная армия была рабоче-крестьянская армия (РККА), в войну пополненная всеобщей мобилизацией, в том числе интеллигенцией. Кроме того, следует учитывать, что советские граждане воспитывались в недрах «пролетарской» культуры, которая была для них духовным очагом. Резко отличала первую волну от второй и религиозность. Российские эмигранты были людьми верующими, строили за рубежом православные храмы, советские, преимущественно молодежь, – ярые атеисты.

Таким образом, существовала морально-психологическая несовместимость российской и советской эмиграции, которая выражалась в разнице социального происхождения и культурного уровня, в приверженности религии. В сознании привилегированного сословия еще осталась по инерции спесь, чувство превосходства над рабоче-крестьянской эмиграцией. Часть дворянско-аристократического слоя смотрела на выходцев из СССР как на плебеев, стоящих на несколько ступеней ниже их на социальной лестнице. Правда, нашлись добропорядочные эмигранты, преимущественно новопокоренцы, евразийцы, молодежь, которая старалась помочь советским гражданам за рубежом.

Возникла и вторая несовместимость российских и советских эмигрантов – идеологическая. Несхожими были их идеологические портреты. Россиян отличал гуманизм, демократичность, либерализм, осознание своей индивидуальности как полноценной личности, политическая лояльность. Большинство из высшего слоя дворянства, генералов и часть офицеров оставались монархистами, девизом которых являлась триада «Бог, Царь и Отечество». В памяти российских эмигрантов сохранялась трагедия гражданской войны. Советские эмигранты, хотя и были противниками сталинского режима, признавали социализм без большевиков, равенство в доходах и уровне жизни, отмену «частной собственности на орудия и средства производства», возможность и даже не-

избежность классовой борьбы. Немалое число советских эмигрантов враждебно относились и к белой эмиграции как к «бывшим», с которыми они сражались в гражданскую войну. Коммунистическими идеями были напичканы большинство недавних комсомольцев, марксистско-ленинские догмы пока еще одолевали выпускников советских вузов. Под влиянием жизненных обстоятельств все это выветривалось, но во взаимоотношениях с «враждебными элементами» некоторое время проявлялось. Разумеется, идеи, которые пока пульсировали в умах части советской эмиграции, хотя и с потускневшей коммунистической окраской, но сохранившие классовую неприязнь к «эксплуататорам», были неприемлемы для российской эмиграции.

Оба вида несовместимости не приводили к конфликтам, но и дружбы между российскими и советскими эмигрантами так и не было, и жили они почти изолированно друг от друга. Некоторое сотрудничество наблюдалось лишь в совместном членстве в различных политических и общественных организациях, где всегда разгорались дискуссии по разным проблемам. Политическим костяком второй волны были участники Русского освободительного движения. Поскольку «холодная война» набирала темпы, правительства европейских стран, где обитали эмигранты обеих волн, не препятствовали созданию новых эмигрантских организаций, настроенных против СССР, а также обновлению старых за счет прихода свежих сил. Они объединяли так называемую «молодую эмиграцию», принесшую новые идеи, со «старыми эмигрантами», обладавшими большим политическим опытом.

Большинство из скрывавшихся советских граждан стремились уехать как можно дальше от Европы, за океан. Но эти возможности представились не сразу, а по мере расширения «холодной войны» между западной демократией и СССР. Поэтому избежавшие выдачи советские граждане до конца 1940-х гг. проживали в бараках бывших немецких концлагерей, разбросанных в Западной Германии, Австрии, Италии, Франции, в обстановке полной бесперспективности и неуверенности в своем будущем. Эту обстановку разрядила принятая в 1951 г. Конвенция, которая расширила права эмигрантов на передвижение (выезд, въезд в другие страны, жительство и работу).

После «открытия дверей» в заокеанские страны возник ряд других препятствий, тормозивших иммиграцию. Так, въезд в некоторые из них был ограничен состоянием здоровья иммигрантов. Для бывших советских военнопленных, пробывших годы в нечеловеческих лагерных условиях, и перемещенных лиц, также подорвавших здоровье на тяжелых работах с вредными условиями труда, это ограничение было тяжелым испытанием. Вторым препятствием стал предельный возраст иммигрантов мужского и женского пола.

Но эмигранты второй волны всеми силами, правдой и неправдой устремлялись в неизвестность, лишь бы не быть вблизи СССР и европейских стран, в которых разместились войска Советской Армии. Воспитанные в нищете, покорности и страхе, привыкшие к «барачному» образу жизни в результате массовых насильственных переселений в период коллективизации и добровольно-принудительного перемещения, в том числе по комсомольской линии, на строительство индустриальных гигантов социализма, советские граждане были неприхотливыми и нетребовательными к жизненному благоустройству. Многие советские изгои переехали, кто как мог, из Европы на другие континенты, в другие страны: в США, Канаду, Латинскую Америку, Австралию. Однако часть из них остались в Европе – преимущественно в западной зоне Германии, в Австрии, Англии, Франции, Бельгии, Швеции.

Если эмигранты первой волны увозили с собой за рубеж какие-то накопления, ценности, то советские эмигранты были без гроша за душой. Поэтому у них не было выбора, где жить. Борьба за выживание в любых условиях стала главным фактором их жиз-

ни, и они становились легкой и дешевой добычей для всякого рода вербовщиков рабочей силы.

В первые годы свободного перемещения советские эмигранты опасались создавать этнические поселения, даже небольшие, в странах Европы: вездесущий НКВД в любое время и при любых обстоятельствах был способен на террор. Они растворялись в массе коренного населения принявших их стран и жили, стараясь не обнаруживать себя.

После войны часть власовцев затаилась в Западной Германии. Охлаждение и изменение отношения союзников к СССР предоставило им и уцелевшим членам КОНР возможность перейти на легальное положение, а активным группам продолжить войну с Советским Союзом теперь уже на политическом фронте: попытаться создать организации, вопреки Манифесту, разной идейной направленности. В 1948 г. была сделана первая попытка объединить власовцев с российскими эмигрантами несхожей политической ориентации через «Антибольшевистский центр освободительного движения» без предварительного конкретного определения будущего общественно-политического строя России. Но эта попытка оказалась безуспешной, и организация распалась на разрозненные группировки.

Вторая попытка создать новую организацию была предпринята, по инициативе власовцев, в 1950 г. в Мюнхене. Эта организация получила название «Комитет объединенных власовцев» (руководитель генерал Туркул) с печатным органом «Доброволец». Политическая платформа Комитета, как и Антибольшевистского центра, основывалась на неопределенности на данный момент окончательной модели будущей России. По причине небольшого количества входивших в КОВ власовцев, в сравнении с российскими эмигрантами, он спустя некоторое время изменил свою политическую ориентацию в сторону монархизма.

Привлекательным, с политической точки зрения, для власовцев был Национально-трудовой союз нового поколения (НТСНП). С 1952 г. его центр основался во Франкфурте-на-Майне. После Второй мировой войны НТС постепенно перешел на праводемократические позиции. Эта организация была единственной из эмигрантских, которая приняла в свои ряды советских эмигрантов. Некоторые из них вошли в число послевоенных лидеров Союза. В 1950-е гг. НТС со своей твердой политической позицией стал наиболее популярной организацией Российского зарубежья не только в Европе, но и в Америке, где он создал подобную организацию.

В первые послевоенные годы НТС сумел объединить политически активные силы обеих эмиграций. Но постепенно в их совместной деятельности стали обнаруживаться противоречия. Советские эмигранты нередко отступали от праводемократической позиции Союза, демонстрируя, по выражению М. Назарова, советские «родимые пятна». При обсуждении кардинальных вопросов деятельности НТС возникали острые дискуссии, которые в большинстве случаев не приводили к единодушию. Противоречия между старыми членами Союза и власовцами выражались в несходстве некоторых избираемых форм борьбы с большевизмом. Однако эти обстоятельства не вынудили власовцев покинуть ряды НТС. В 1957 г. Национально-трудовой союз нового поколения стал именоваться Народно-трудовым союзом (русских солидаристов).

Соединенные Штаты Америки. В 1946 и 1947 гг. советская контрразведка продолжала охоту на эмигрантов второй волны в этой стране, не забывая и о первой волне. С помощью фальсифицированных фактов агенты НКВД через подкупленных агентов американской контрразведки Си-ай-си подводили под арест американцами выслеженных иммигрантов с последующей депортацией их в Советский Союз.

Американское правительство организовало тщательную политическую проверку советских иммигрантов через специально созданные комиссии. Но иммигранты проникали в эту страну чаще по фальшивым документам. В конце 40-х гг. США резко осла-

били политическую фильтрацию иммигрантов, и бывшие советские граждане устремились в эту страну. Они без затруднений получали льготные права на иммиграционные визы в США: в европейских посольствах Соединенных Штатов отменили проверку на бывшую лояльность по отношению к фашистским режимам. Существенную помощь иммигрантам оказал Толстовский фонд, который был создан в 1939 г. для помощи соотечественникам, под руководством А.Л. Толстой, младшей дочери Л.Н. Толстого.

Через фонд американцы развернули работу по переселению в страну советских граждан из Европы, в том числе власовцев. Президент США Трумэн просил оказывать советским коллаборационистам и бывшим военнопленным «особую помощь и поддержку» на том основании, что «среди них имеются способные и смелые борцы против коммунизма»²²⁵. В этой позиции президента в отношении советских иммигрантов вскрывалась политическая заинтересованность США. Они стали использовать советскую эмиграцию в качестве пропагандистского инструмента в противоборстве с СССР.

По данным В. Земскова, из Европы в США к 1951 г. переехал 35251 бывший советский гражданин²²⁶. Эмигранты второй волны не создали в этой стране своей диаспоры, жили небольшими группами, порой без взаимных связей. Лишенные компактного проживания в этнических общинах, они стремились как можно быстрее ассимилироваться, уподобиться местному населению, чтобы избежать дискриминации. Как и все безденежные переселенцы, иммигранты первое время перебивались кое-как, но русский мужик напорист и трудолюбив. Дети большинства из них позже добились относительно благополучного социального положения.

Советские эмигранты не были столь политически активными в сравнении с российскими. Сказывался социальный состав первой и второй эмиграции и уровень общественно-политической активности по интересам и служебному статусу у россиян до эмиграции. Но советские эмигранты стремились как-то выразить свое политическое кредо участием в различных политических организациях. Нью-Йорк был вторым после Европы политическим центром российской и советской эмиграции. Здесь существовали как самостоятельные, «американские», организации, так и филиалы европейских эмигрантских организаций преимущественно первой волны. В 1949 г. власовцы создали в Нью-Йорке «Союз борьбы за освобождение народов России» – политическую организацию, вставшую на путь непримиримого противодействия сталинскому режиму (СБОНР). Он являлся более леводемократической организацией из всех созданных власовцами с помощью или без помощи российских эмигрантов. Члены Союза признавали марксизм, но в собственной интерпретации некоторых его аспектов и положений, в частности, отвергали «мировую революцию» и «мировой коммунизм». Такая позиция СБОНР давала повод его недоброжелателям из правого лагеря российской эмиграции называть сбонровцев «антибольшевистскими коммунистами». Напротив, социалисты первой волны эмиграции стремились установить с Союзом сотрудничество.

СБОНР имел свое издательство и выпускал брошюры, воспоминания, документы, оригиналы которых находятся в книгохранилищах Колумбийского университета, издавал печатный орган «Борьба», затем «Голос народа». Союз имел представительства в разных странах. Он создал Русскую библиотеку в Мюнхене, образовал в этом немецком городе уникальное в своем роде учреждение – Институт по изучению истории и культуры СССР. В период 1950–1955 гг. Институт сделался крупнейшим из когда-либо существовавших у эмигрантов научным и издательским учреждением. При нем сосредоточились всесторонние исследования советской системы, он стал центром идейного противостояния сталинизму.

²²⁵ Филиппов С. В. США: иммиграция и гражданство, политика и законодательство. М., 1973. С. 65.

²²⁶ Земсков В. Репатриация и вторая волна эмиграции // Родина. 1991. № 6–7. С. 3.

Союз признавал советскую власть как народный орган, но выступал против большевизма, считая его главным виновником установления в стране тоталитаризма и разгула репрессий, пособником в развитии и укреплении сталинизма. Лозунг сбродовцев – «Советы без большевиков», провозглашенный еще в 1921 г. восставшими кронштадскими моряками, которых большевики потом расстреляли. Не все российские эмигранты лояльно относились к власовским организациям. Так, меньшевики обвиняли власовцев как «гитлеровских коллаборационистов», но примиренчески относились к «Союзу борьбы за освобождение народов России». Вероятно, в чем-то их политические платформы были сходны.

В США возникали и другие политические организации масштабом поменьше, создаваемые советскими эмигрантами, которые не имели никакого влияния ни на российскую, ни на вторую эмиграцию. Они создавались лишь для того, чтобы спустить политический пар. Все они после недолгого «горения» мирно угасали, не оставив потомкам ничего заметного в политической сфере.

Канада. В этой стране нашли пристанище российские эмигранты. Приток советских эмигрантов в Канаду в первые годы после войны был ограничен строгим отбором и разного рода запретами. Правительство разрешило принимать иммигрантов только при наличии близких родственников в стране и их поручительства. Конечно, у советских граждан таких связей не было. Массовое переселение эмигрантов из Европы в Канаду, теперь уже при благоприятных обстоятельствах (о них говорилось выше), пришлось на период между 1949–1953 гг. К 1951 г. страна приняла 38680 бывших советских граждан (В. Земсков).

Расселение и адаптация в местных условиях жизни были такими же, как и в Соединенных Штатах. Те же жизненные проблемы: жилье, работа, взаимоотношения с коренным населением. Часть эмигрантов нашли работу на фермах, другие трудоустроивались, кто как мог, в городах, поселках. С годами их жизнь вошла в спокойное русло. В Канаде советские эмигранты тоже не создали этнических поселений.

Не возникли в стране и заметные политические организации советских эмигрантов. К тому же для правительства были нежелательны такие организации выходцев из страны социализма, хотя варианты канадского, как и шведского демократического социализма – демократического, а не сталинско-большевистского – в 50-х гг. начали давать свои ростки. Правда, демократический социализм в этих странах дальше ростков не пошел, иначе дозрел бы до «развитого, реального социализма».

Латинская Америка. Аргентина. Советские эмигранты расселялись и в странах Латинской Америки. После окончания Второй мировой войны российские эмигранты организовали в Италии «Русский переселенческий комитет». Его цель – помочь бывшим советским гражданам перебраться в Аргентину. Тысячи таких переселенцев были отправлены с помощью Комитета из Европы в Латинскую Америку.

Поддаваясь общей западной эйфории недоверия к Советскому Союзу и выходцам из него, пусть даже отверженным Сталиным, Аргентина вскоре после войны отдала распоряжение консулам не визировать паспорта лицам славянского происхождения, особенно русским. Но несколько позже правительство страны поняло абсурдность этого решения и упростило въезд иммигрантам славянского происхождения в страну. Таким образом, в Аргентине к 1951 г. сосредоточились более 7 тыс. советских граждан (В. Земсков).

В этой стране переселенцы встретили устоявшуюся российскую диаспору. Большая русская колония находилась в пригороде Буэнос-Айреса. Значительная часть советских эмигрантов поселились здесь по соседству с россиянами, другие разъехались по регионам, нуждающимся в рабочей силе. Именно на рубеже 1950–60-х гг. Аргентина начала активно развивать свою экономику, вкладывая в нее немалые кредитные средства и ис-

пользуя разумный протекционизм – государственную систему таможенной политики, позволявшую конкурировать производимым в стране товарам с ввозимыми товарами, на которые устанавливались высокие пошлины. Так что проблема безработицы не возникала у советских эмигрантов.

Но оставалась пока непреодолимой проблема несовместимости бывших российских и советских граждан. Примечателен такой факт. В Буэнос-Айресе неподалеку друг от друга построены две русские православные церкви, получившие в просторечии названия «белогвардейской» и «просоветской». И хотя белогвардейцы здесь уже перевелись, но монархический дух среди их потомков все еще витает. Из политических интересов советской эмиграции можно привести один более заметный пример. Эмигрант Иван Солоневич начал издавать газету «Наша страна», и вокруг него сформировался один из небольших центров второй волны эмиграции.

Дети эмигрантов оказались благоразумнее своих отцов. Они постепенно установили доброжелательные взаимоотношения как соотечественники, отбросив предрассудки «предков» о «несовместимости». Общественная и морально-психологическая необходимость способствовала с годами слиянию российской и советской эмиграции в единую, отечественную. В наши дни в Буэнос-Айресе туристов поражает обилие русских клубов: клуб им. Пушкина, им. Горького, им. Маяковского, им. Н. Островского. Последний поддерживал долгие годы контакты с советским обществом «Родина» – обществом по связям с соотечественниками за рубежом, которое оказывало клубу поддержку.

В Аргентине была создана Федерация культурных обществ соотечественников, в которую вошли русские, украинцы, белорусы, но все они называют себя русскими. Объяснение здесь простое – общность славянских корней, Родины, исторической судьбы, религии.

Советские эмигранты проникли и в другие страны Латинской Америки: в Бразилию, Мексику, Чили, Парагвай, Уругвай – и везде по своей неприспособленности смогли адаптироваться. Основу русской диаспоры в Бразилии заложили русские общины эмигрантов первой волны в Рио-де-Жанейро и Сан-Паулу, а также русские крестьяне, освоившие малопродуктивные земли в труднодоступных местах и ставшие уважаемыми в стране фермерами. По данным В. Земскова, в Бразилии расселились 3710 советских эмигрантов. В этой стране они нашли близкую им социальную среду и по происхождению, и по положению. Советские эмигранты из крестьян соединились с крестьянами-соотечественниками, рабочие и интеллигенция при содействии эмигрантов первой волны влились в ряды бразильских рабочих.

Австралия. В 1947 г. Австралия подписала соглашение с Международной организацией по делам беженцев и открыла доступ бывшим советским гражданам в страну. Никакой другой народ мира не сделал больше, чем австралийцы, для помощи несчастным, потерявшим родных, кров, прошедшим немецкие лагеря. «Дипийцы» и бывшие военнопленные надеялись обрести хоть какой-то покой и уверенность на далекой и чужой земле, вне досягаемости НКВД. На первых порах советские эмигранты воспринимали Австралию только как очередное, относительно надежное убежище, чувство дома, «второй родины» приходило не сразу. Сказывалась и официальная политика ассимиляции переселенцев, вызывавшая эффект, обратный желаемому. К тому же в период «холодной войны» появилась неприязнь австралийцев к СССР, и для обывателей понятие «русский» отождествлялось с понятием «коммунист». Но это не препятствовало попыткам советских эмигрантов создать свою диаспору в разных местах Австралии.

После прихода к власти в Китае Мао Цзе-Дуна и установления в стране китайского варианта большевистского режима местные власти в начале 1960-х гг. уведомили всех российских эмигрантов о нежелательности их дальнейшего пребывания в КНР. В Австралию устремился поток российских эмигрантов. Каждую неделю пароходы привозили

в страну 100–150 русских. Таким образом, в Австралии в 1960-х гг. разместились три потока отечественной эмиграции: российские эмигранты 20-х гг., советские 40-х гг. и эмигранты-переселенцы из Китая 60-х гг. В «Энциклопедии австралийского народа», изданной в 1989 г., отмечено, что численность русской общины составляет 41.790 человек.

В отличие от европейской русской диаспоры с ее дворянско-аристократической элитой, российские эмигранты – «старожилы» в Австралии, – а также русские переселенцы из Китая были более демократичны, не принадлежали в большинстве к привилегированному сословию. Это способствовало установлению положительных личных связей российских и советских эмигрантов в создании совместной диаспоры, но, к сожалению, не всегда.

В Австралии в конце 40-х гг. усилиями первой волны эмиграции создаются русские общественные организации: Русский отдел Австралийской лиги участников войны, Русский благотворительный комитет, юношеские – Национальная организация витезей и Организация скаутов. В их деятельности принимали участие и эмигранты второй волны. Но по инициативе и усилиями советских эмигрантов в Австралии не было создано ни одной заметной общественной организации, да и участие их в белоэмигрантских организациях было скорее эпизодическим. Все активное время уходило на добывание денег. Нормальные условия жизни в этой стране советские эмигранты создали позже.

ГЛАВА V. КУЛЬТУРА ВТОРОЙ ВОЛНЫ ЭМИГРАЦИИ

Вторая волна эмиграции не была столь мощной в области культуры, как первая, и уступала ей по всем направлениям. Ученые, конструкторы, известные писатели, артисты, композиторы, музыканты, художники, публицисты, журналисты не подлежали по установленной ГКО «бронне» всеобщей мобилизации и отправке на фронт, а значит, не могли попасть в плен и оказаться за рубежом. Фронтная интеллигенция включала в себя, в основном, учителей, преподавателей вузов преимущественно без ученых степеней и званий, инженерно-технических специалистов, не занятых в оборонной промышленности, врачей, малоизвестных журналистов и газетчиков, работников культуры. Попавшие в плен и избежавшие репатриации после войны, они составили культурный пласт второй волны эмиграции. К ним присоединились ушедшие с отступающими немецкими частями советские граждане из числа научной и творческой интеллигенции.

Идеологическая позиция эмигрантской интеллигенции, определившая идейную направленность ее научной и литературно-творческой деятельности, выражала непримиримость к советской власти, антибольшевизм, неприятие социалистической действительности. Многие из ушедших интеллигентов до войны прошли через сталинские лагеря политзаключенных, другие репрессии.

Носителей национальной культуры второй волны эмиграции, ее активных деятелей можно разделить на три группы: первая – писатели и поэты, вторая – художники, третья – историки, политологи, публицисты. Они создали немало ценного, заслуживающего самого пристального внимания российского читателя, внесли новые идеи, обнажили ту правду, о которой было страшно даже подумать в сталинско-бериевские времена. Культура второй волны эмиграции до недавнего периода была недозволенной темой, поэтому пока нет монографических исследований культурного наследия советских эмигрантов, кроме редких статей в журналах.

Писатели и поэты. Писатели-«дипийцы» – это детища Великой Отечественной войны и ее последствий. В довоенные годы некоторые из них только начали оперяться на литературном поприще и не были известны широкой читающей публике. Литературный дар пробудила в них жестокая школа жизни – предвоенная большевистская действительность, война, немецкие концлагеря, первые годы мытарства за рубежом. О писателях и поэтах второй волны эмиграции советский читатель ничего не знал. Лишь в начале 90-х гг. в российских журналах стали публиковаться некоторые произведения «дипийцев».

В тематике писателей и поэтов, обусловленной их идейно-политическими позициями в довоенные и военные годы, можно выделить четыре ведущие темы: довоенный СССР – коллективизация и страдания крестьян, внутрипартийная беспощадная борьба лидеров за личную власть, репрессии 30-х гг., лагеря ГУЛАГ; Великая Отечественная война – поражения «непобедимой и легендарной» Красной Армии в 1941–1942 гг. и их причины; плен и страшный период немецких концлагерей; первые годы жизни эмигрантов. Все писатели издавали свои произведения под псевдонимами, оберегая от агентов НКВД свою жизнь и судьбу родных и близких на родине.

Тема сталинских репрессий, лагерей ГУЛАГ воплощена в творчестве преимущественно тех писателей, которые прошли через эти «чистилища». К ним относятся Н. Нароков, Б. Ширяев, Г. Андреев, В. Юрасов, С. Максимов, Н. Ульянов. «Дипийцы» предварили и предопределили «Архипелаг ГУЛАГ» А. Солженицына, рассказав неосведомленному Западу суровую правду о большевистско-сталинском режиме. Выделяется в этом перечне авторов книга М. Розина «Завоеватели белых пятен».

Лагерная тема отражена в книгах писателей Николая Нарокова («Мнимые величины»), в России роман опубликован в журнале «Дружба народов»), Виктора Сержа («Дело Тулаева»), Бориса Ширяева («Неугасимая лампада»), Геннадия Андреева («Соло-

вецкие острова»), Ивана Солоневича («Россия в концлагере»), Владимира Юрасова («Сегожская ночь»), Григория Климова («Князь мира сего»), в рассказах «Тайга» Сергея Максимова, «Из тьмы веков» Владимира Бондаренко. Эти книги – реквием по замученному и погубленному народу.

Роман «Мнимые величины» Нарокова – книга о трагедии 30-х гг., времени разгула массовых репрессий – своим названием подразумевает и подчеркивает мнимость, иллюзорность власти тирана в стране, в которой сами тираны такие же жертвы, периодически пожирающие друг друга; вымышленность и фальшивость «величин» того периода – чекистов, которые, обладая всеми нормальными, по описанию автора, человеческими качествами, преданно служат большевизму. Во имя коммунистической идеи они готовы казнить любое высокопоставленное лицо, недавнего кумира, менять ранее незыблемые идеи во имя «максимализма, большевизма, сатанизма». Автор подчеркивает, что «большевизм – это земное воплощение сатанизма». Выражением бесчеловечности тоталитаризма в стране, по мнению Нарокова, является подавление человека, его чести, достоинства, нравственных принципов, любви, доброты, воспитание безропотной преданности системе. В романе «Могу» Николай Нароков развивает эту тему, показывая «технологию» создания «нового человека». Автор исследует новый социокультурный феномен XX в. – «гомо советикс».

Сюжет романа «Дело Тулаева» Виктора Сержа построен на ином понимании и толковании автором сущности большевистского терроризма, событий, факторов и мотивов поведения персонажей. Чекисты и осужденные осознают необходимость и правомерность репрессий как идейно-политических и уголовных акций, порожденных советско-большевистским строем. Жертвы сознательно идут на гибель ради торжества той идеи, которой служат, как и их палачи.

В романе Сергея Максимова «Денис Бушуев» рассказывается о послереволюционной жизни, коллективизации, ссылке и тюрьмах, о крушении судеб и разрушении семьи. Все события и участь действующих лиц романа, в трактовке автора, есть результаты действия тоталитарной большевистской системы.

Пытаясь осмыслить происшедшее с Россией в XX в., писатели обращаются к ее истории. Появилась целая серия исторических романов, написанных ими. Среди них выделяются романы Бориса Башилова («Юность Колумба российского», «В моря и земли неизвестные»), Михаила Корякова («Живая история России»), «Неведомая Россия», «Россия солдатская» В. Алексеева (документальные книги), «Атосса» Николая Ульянова (о походе персидского царя Дария в скифские степи), а также цикл его исторических рассказов под общим заголовком «Под каменным небом», рассказы Н. Нарокова, Виктора Свена.

Тема войны – самая популярная в творчестве писателей-«дипийцев». Она нашла отражение с разной степенью полноты в произведениях всех писателей и поэтов второй волны эмиграции. Правда о войне пронизана единым и общим лейтмотивом – тяжесть поражений в первые два года войны из-за неподготовленности армии к современным войнам по оперативно-стратегическим и военно-техническим критериям, роковых ошибок верховного главнокомандования.

Наиболее заметными книгами о войне можно назвать «Параллакс» В. Юрасова, «Между двух звезд» Л. Ржевского, «Берлинский Кремль» Г. Климова, «Солнце все же светит» А. Дара, рассказы В. Свена, Г. Андреева, В. Бондаренко, книги стихов И. Елагина, Ю. Трубецкого, О. Ильинского. О «службе» и участии в боях воинских формирований из советских военнопленных на стороне немцев повествуется в рассказах Г. Андреева, Б. Ширяева, Б. Башилова, А. Дара, Б. Филиппова. Их общая авторская окраска – трагичность, безнадежность и безысходность положения «добровольцев».

Правда о войне, нашедшая отражение в книгах «дипийцев», была неприемлемой для СССР и его недавних западных союзников. Поэтому эти книги не переиздавались, подобно тем, в которых разоблачается предательство союзников при массовой насильственной репатриации советских военнопленных («Параллакс» В. Юрасова, цикл стихов Валентины Красновой «Лиенц» и др.).

Ведущая тема произведений писателей и поэтов второй волны эмиграции – «история российского интеллигента, прошедшего всю войну, немецкий плен и оставшегося на Западе».²²⁷ Этой теме посвящены книги Б. Ширяева «Ди-пи в Италии», «Я – человек русский», «Две строчки времени» Л. Ржевского, автобиографическая проза Р. Березова, «Освобождение души» М. Корякова, «Кресты и перекрестки» В. Филиппова, стихотворения Дмитрия Кленовского, Александра Неймирока, Родиона Березова, Игоря Чиннова, Валентины Красновой, Аглаи Шишковой, рукопись стихов, найденная в дупле скрывавшимся в лесах Баварии «дипийцем», неизвестного автора Марии С., которые опубликованы в газете «День» и журнале «Слово».

Послевоенная неуверенность в своем будущем проникла в творческие души отторгнутых Родиной российских интеллигентов за рубежом. Это чувство отверженных преобладает над всеми другими эмоциями в произведениях «дипийцев». Объявленные Сталиным «изменниками Родины», они знали, что навсегда лишились ее. Испытав все муки сталинских и гитлеровских лагерей, они не собирались испытать эти муки ада в третий раз и остались изгоями, лишенными Отечества. Тоска по Родине, отчаяние, одиночество особенно выразительно, по-русски трогательно выражены в поэзии «дипийцев».

Главным печатным органом второй волны эмиграции в Европе является журнал «Грани», который начал выходить в 1946 г. В Мюнхене выпускаются альманахи «Мосты». Ведущие авторы этих изданий – С. Максимов, Л. Ржевский, В. Юрасов, Б. Филиппов, И. Елагин. В Аргентине, по инициативе Ивана Солоневича, издается газета «Наша страна», вокруг которой образуется литературный центр второй волны эмиграции, так называемый «американский». Здесь же в начале 1950-х гг. стал выходить альманах «Южный крест». Его наиболее активные авторы – Б. Баширов, В. Краснова, Н. Февра.

Литературное творчество эмигрантов второй волны 40–50-х гг. явилось богатейшей информационной базой о жизни в СССР, скрытой от глаз Запада. Произведения писателей-эмигрантов первой волны рассказывали много нового о России, пережитого очевидцами, хотя и малоутешительного, но настраивающего на сопереживание с западным читателем. Писатели-«дипийцы» предлагали вниманию иностранцев материал для более глубоких и сложных суждений об СССР и судьбах его людей в предвоенные и военные годы.

Большая часть писателей второй волны привержены традициям русской реалистической школы Толстого, Бунина, Чехова. На этой основе постепенно устанавливаются контакты с писателями первой волны эмиграции: И. Бунинным, И. Шмелевым, Б. Зайцевым, Г. Гребенщиковым. В последующие годы русские писатели-реалисты не раз поддерживали писателей-«дипийцев» в их творчестве. Н. Нароков, О. Анстей, И. Елагин, Б. Филиппов, Д. Ржевский беспрепятственно печатаются в ведущих журналах российской эмиграции – в «Новом журнале» в США и в «Возрождении» в Париже.

Названные выше русские писатели внимательно следили за творчеством молодых писателей второй волны и высоко отзывались об отдельных авторах. Так, роману Сергея Максимова «Денис Бушуев» предсказывали большое будущее М. Алданов, Б. Зайцев, М. Карпович. Иван Бунин обратился к Максиму с такими словами: «Вы, несомненно, талантливый. В романе Вашем много страниц интересных, своеобразных, есть лица оригинальные и хорошо изображенные, так что вполне искренне могу пожелать

²²⁷ Бондаренко В. Архипелаг «ди-пи» // Русский рубж. 1991. № 2. С. 15.

Вам успеха в дальнейшей художественной работе»²²⁸. Высоко ценил Бунин и стихи Ивана Елагина.

Борис Зайцев написал предисловие, к книге Михаила Корякова «Освобождение души». Борису Башилову он посвятил такие строки: «У Вас свой мир, своя любовь, пишете Вы хорошо и умело, знаете, как рассказать о том, что сердцу близко, дарование несомненное и очень русское. Вы, конечно, русак насквозь, это сразу видно»²²⁹.

Таким образом, русская литературная интеллигенция за рубежом признала литературную культуру второй волны эмиграции, включила ее в единую национальную культуру. Не зараженные идеями и нерушимыми принципами соцреализма, писатели-«дипийцы» поведали правду о стране «победившего социализма», о нищете и бесправии взнузданного большевиками народа, об истреблении русской нации – коренной нации России – во имя интернационализма, выполнения заветов Ленина в отношении «великороссов».

Писатели-эмигранты второй волны создавали свои работы не только для соотечественников за рубежом, они думали о России и писали для россиян, надеясь, что рано или поздно голос правды прорвется сквозь «железный занавес». Надежды оправдываются: их книги постепенно доходят до российского читателя и, что особенно важно, до молодого читателя, не познавшего сталинского режима. Произведения писателей-«дипийцев» достойно вписываются в литературный мир отечественной культуры.

Художники. Вторая волна эмиграции небогата талантами в изобразительном искусстве. Заметно проявились в деле лишь двое – Сергей Голлербах и Адам Русак. Сергей Голлербах – наполовину эмигрант второй волны. Он участник Великой Отечественной войны, окончил Академию художеств. Позже эмигрировал в Америку, влился в поколение эмигрантов второй волны, но так и не смог найти своего места в изобразительном искусстве как художник, правда, преуспел в графике и оформлении витрин магазинов и ресторанов.

Адам Русак – художник поколения «ди-пи». Он оформлял сборники произведений писателей-эмигрантов второй волны, журнал «Вече». Его рисунки на российские сюжеты пользовались успехом как у российских, так и у советских эмигрантов. С особой силой талант художника раскрылся в церковной живописи. Он создал все убранство Франкфуртской церкви, включая иконостас, алтарь и светильники. Русак расписал несколько православных храмов за рубежом.

История, политология, публицистика.

Николай Ульянов (1904–1985). Русский историк и писатель Н. Ульянов получил образование на историко-филологическом факультете Петроградского университета, здесь же прошел аспирантуру. За книгу «Влияние иностранного капитала на колонизацию русского Севера в XVI–XVII вв.» ему в 1927 г. была присуждена ученая степень кандидата наук. В 1936 г. был арестован, в 1941 г. освобожден. В 1943 г. Н. Ульянов вместе с женой был отправлен немецкими оккупационными властями на работу в Германию. После войны избежал репатриации и уехал в Марокко, в Касабланку. В конце 40-х гг. появился в Париже, где сблизился с русскими эмигрантами Б. Зайцевым и семьей Мельгуновых. В 1953 г. он переехал в Канаду, затем – в США, в Нью-Хейвен, где стал преподавать в университете до ухода на пенсию в 1973 г.²³⁰

В Соединенных Штатах Н. Ульянов написал несколько книг по истории России, в том числе роман «Сириус» (о России накануне Октябрьской революции). Изучая прошлое России, он пытался глубже осмыслить ее настоящее. Ярким примером тому служит книга на извечную тему взаимоотношений России и Украины «Происхождение ук-

²²⁸ Бондаренко В. Архипелаг «ди-пи» // Русский рубеж. 1991. № 2. С. 21.

²²⁹ Там же.

²³⁰ Золотарева Р. Из политической мысли XX века // Новое время. 1992. № 41. С. 41.

раинского сепаратизма». Книга раскрывает истоки сепаратизма этого братского славянского народа, веками вынашиваемые украинскими националистами устремления к «самостийной Украине». В этой связи, ориентируясь на авторский аспект, следует отметить, что вероломство сепаратистов по отношению к России особенно полно проявилось в 1990-х гг. при решении проблемы Крыма и города Севастополя, исконно российской территории, но «подаренной» Украине генсеком Хрущевым в честь трехсотлетия присоединения ее к России, в раздающихся пока вполголоса других территориальных притязаниях к нашей стране. Примечательны рассуждения историка Ульянова о патриотизме, национальном самосознании, интернационализме в статье «Патриотизм требует рассуждения» (1957 г.), составившей основу его будущей книги «Происхождение украинского сепаратизма». Нация, национальность, по мнению автора, раскрываются в творчестве народа, его культуре с ее местным, этническим своеобразием. Но это своеобразие не вечно, оно эволюционирует, растворяясь и взаимно обогащаясь в общей культуре близких по территориальному размещению народов. Чаще такое смешение при сохранении приоритета культуры коренной нации происходит в тоталитарных государствах.

Н. Ульянов разграничивает понятия «национальное чувство», которое «слагается веками», и «национальное сознание», укрепление которого и переход в «самосознание» всегда сопровождается «манифестациями, демонстрациями, митингами, пропагандой, экзальтацией». Стержнем национального движения является идеология. Национализм, как и религия, отмечает автор, начинается «со своего пророка и горстки его учеников» и забивается в умы народа проповедями и силой власти. Ученый определяет национальное самосознание как «перелом в жизни нации», а не ее рождение. «Зло национализма не в одной его агрессивности и вражде к другим народам, — пишет он, — но, прежде всего, в духовном убийстве собственного народа, живую национальную душу которого он подменяет формулой»²³¹. Ульянов называет национальное самосознание «эмбрионом тоталитаризма», а национальная идея, по его мнению, означает «тиранию и всеобщее подчинение».

Все сказанное о национализме как «убийце подлинной национальности» автор относит в той же мере к интернационализму. «В противоположность современному национализму, он облекается в ризы международного единства, но подлинному единению наносит едва ли не больший удар, чем национализм. Он выступает открытым врагом той духовной основы, что питает настоящее братство народов»²³².

Интернационализм по своей сущности органически враждебен всему национальному — таково резюме автора. «Всякая любовь к родине, самая невинная и чистая, берется под подозрение и отождествляется с шовинизмом. Если у пролетариата нет отечества, то его подавно не должно быть у сознательного интернационалиста»²³³, — отмечает он. Большевики своей национальной политикой показали, что интернационализм — это война с национальными чувствами всех народов СССР, и ввели интернациональное воспитание молодого поколения, подняв его на государственный уровень. Таково идеологическое кредо историка-эмигранта Николая Ульянова.

Константин Феодосьевич Штенна (1896–1958). Родился в семье православного священника. В 1916 г. он был призван в действующую армию. В Гражданскую войну участвовал в боях за советскую власть, в 1920 г. был ранен. В 1922 г. завершил образование на факультете истории и психологии Нежинского института под Киевом и был оставлен преподавать здесь же. В 1927 г. защитил докторскую диссертацию. С 1930 г. заведует кафедрой истории Древнего мира и Средних веков Киевского университета,

²³¹ Ульянов Н. Патриотизм требует рассуждения // Новое время. 1992. №. С. 42.

²³² Там же. С. 43.

²³³ Там же.

работая одновременно старшим научным сотрудником АН УССР. Вскоре Штеппа выдвигается в ряды ведущих советских историков.

В феврале 1938 г. он был арестован, в сентябре 1939 г. освобожден. За время ареста ученый пересматривает свои жизненные позиции. Летом 1941 г., перед приходом немцев, отказывается от эвакуации и остается в Киеве. В оккупационный период К. Штеппа – редактор крупнейшей киевской газеты «Новое Русское Слово», в которой активно выступает за объединение всех сил в борьбе с большевистской идеологией и сталинской системой.

Перед приходом Красной Армии он покидает Киев и переезжает в Германию. В 1950 г. Штеппа возвращается к научной работе, становится одним из учредителей и активных сотрудников Мюнхенского института по изучению истории и культуры СССР. В 1952 г. он переезжает в США, где продолжает свою научную деятельность, в которой основное внимание уделяет исследованию советской исторической науки, историографии, а также эволюции концепции партийного и государственного строительства со времен ранних социалистов до хрущевского периода.

Основные публикации К.Ф. Штеппы: «История античной и христианской демонологии» в 2 т. (Нежин, 1926, 1927), «Крестьянские восстания в Древнем Риме» (Нежин, 1930), «Маркс, Энгельс и проблемы античного способа производства» (Киев, 1934), «Революция рабов в античном мире» (Киев, 1942), «Советская система управления массами и ее психологические последствия» (Мюнхен, 1951).

Повышенный интерес вызывает работа К. Штеппы «Сталинизм», в которой ярко проявилась его концепция, понимание ленинизма-сталинизма как двух стадий в развитии партийной доктрины. В России она была опубликована в 1997 г. в сборнике статей и документов «В поисках истины. Пути и судьбы второй эмиграции» (М. : РГГУ, 1997)²³⁴. Эта статья состоит из вступительной части и двух параграфов: «Творческий марксизм» (автором взят в кавычки) и «Миф о социализме».

Во вступительной части Штеппа анализирует ленинскую теорию пролетарской революции, отступающую от теории Маркса и в то же время «обогащающую марксизм», по которой Ленин сформулировал закон эпохального значения о «возможности победы социалистической революции в одной отдельной стране». Автор указывает и на учение Ленина о месте партии как «авангарда рабочего класса» и ее партийного аппарата в управлении государством. Именно в ленинском учении о партии Штеппа обнаруживает бациллы будущего тоталитаризма в стране.

Ученый отмечает, что партийная доктрина называет Сталина только «продолжателем» Ленина и что, по официальной версии, личная роль Сталина как «продолжателя» сводится к следующему. Во-первых, он окончательно раскрыл нежизненность теории «перманентной революции», противопоставив ей свой тезис о «построении социализма в одной стране», который явился прямым развитием ленинского учения о «победе социалистической революции в одной стране»; во-вторых, Сталин создал теорию, согласно которой государство при социализме и переходе к коммунизму в мировом масштабе «не только не отмирает, но даже всемерно усиливается»; в-третьих, он сформулировал «основной экономический закон социализма», заложив фундамент «социалистического общества в СССР».

К заслугам Сталина, по официальной версии, относится преодоление внутрипартийной борьбы и укрепление «монолитности» партии. В то же время, отмечает Штеппа, официальная версия умалчивает, что эта «монолитность» «была достигнута ценою неограниченного единоначалия, превосходящего любую тиранию и деспотию»²³⁵. Такова, по заключению ученого, официальная интерпретация ленинизма и сталинизма.

²³⁴ В поисках истины. Пути и судьбы второй волны эмиграции. М. : РГГУ, 1997. С. 153.

²³⁵ Там же.

В действительности же, пишет Штеппа, все это выглядит несколько иначе как в теоретическом, так и в практическом аспектах.

«Творческий марксизм». Этот параграф автор начинает словами: «Сталинизм представляет собой последнее звено в длинной цепи большевизма от революционной диктатуры одной партии к тоталитарной деспотии одного человека»²³⁶. Для ее утверждения Сталин уничтожил политическую оппозицию в лице «ленинской гвардии». Завершением этой многолетней акции явилась «ежовщина» (1936–1938 гг.).

Но Сталину предстояло устранить еще одну силу – идеологию, определяющую общественное и личное поведение людей и разделяемую властью. Это была доктрина марксизма-ленинизма, в которой власть искала «самооправдание и самоутверждение». Здесь главная цель Сталина – «подчинить себе доктрину», заставить ее служить своим целям, сделать доктрину «эластичной».

Сталин начал с расправы над непокорными «жрецами», которые ставили доктрину выше власти. Постепенно доктрина Маркса приобрела академический обиход, и он в редких случаях цитировался. К названию «марксизм» прибавилось название «ленинизм». При этом долго воздерживались в партийных и научных кругах от официального введения нового термина «Сталинизм», хотя в устных выступлениях он звучал. В политическую и идеологическую жизнь вошли новые пророки – Ленин и Сталин, оттеснив на второй план старых – Маркса и Энгельса. Всех теоретиков партии – непримиримых ортодоксов марксизма – объявили «начетчиками» и «талмудистами». Штеппа пишет: «Сталин ни в каком авторитете больше не нуждался. Ничто его не связывало. Он стал единственным авторитетом, единственным источником познания и основанием веры... Он хотел быть пророком от собственного своего имени, светить не отраженным, а собственным своим светом»²³⁷. Подчинив себе доктрину, Сталин показал беспредельную деспотию.

Ученый отмечает такие основные пути расхождения марксизма в ленинской и сталинской интерпретации с традиционным, ортодоксальным марксизмом: во взглядах на революцию; о значении и роли пролетариата, который у Ленина и Сталина превращается в послушную массу; во взгляде на роль и организацию партии, которая при Сталине потеряла характер политической партии и превратилась в единственную руководящую силу – партийную власть; в понимании диктатуры пролетариата, подмененной единоличным диктатором; в отношении государственной власти; в понимании взаимоотношения между базисом и надстройками, в котором теперь уже, к примеру, политика стоит над экономикой; в отрицании или ограничении закона о диалектическом противоречии; в отношении другого закона диалектики – перехода количества в качество, в отрицании этого закона для советского общества, в котором не могут произойти ни при каких условиях революционные взрывы²³⁸.

Соратники и единомышленники «вождя и учителя народов» теперь руководствовались «Новым Заветом», «представленным сначала Лениным, а затем Сталиным до его смерти»²³⁹. Для большевиков сталинской эпохи Маркс и Энгельс – это уже «Ветхий Завет», к которому иногда еще обращаются по традиции. Борьба против «начетничества», «доктринерства», «цитатологии» и «талмудизма» является последней стадией в процессе подчинения идеологии партийной власти, стремление к которой остается единственным мотивом партийной политики.

В параграфе «Миф о социализме» К. Штеппа пытается выяснить, «как назвать тот общественный строй, который большевики ценою таких нечеловеческих усилий созда-

²³⁶ В поисках истины. Пути и судьбы второй волны эмиграции. М.: РГГУ, 1997. С. 155.

²³⁷ Там же. С. 161–162.

²³⁸ Там же.

²³⁹ Там же. С. 164.

ли во имя своей веры»²⁴⁰. Ученый пишет, что социализм как общественный строй определяют, главным образом, два признака: обязательное плановое хозяйство и государственно-общественная собственность на средства производства. К этим двум признакам, замечает автор, добавляется третий: в социалистическом обществе не должно быть эксплуататоров и эксплуатируемых. Наличие этого компонента в большевистском социализме Штеппа полностью отвергает. Ученый на неопровержимых социально-экономических фактах доказывает, что эксплуататором при советском социализме выступает государство. Оно присваивает себе прибавочную стоимость, добытую трудом рабочих, всеми возможными способами: путем монопольных цен на предметы народного потребления, прямых и косвенных налогов, добровольно-принудительной подписки на государственные займы, дополнительной сдачи государству продуктов колхозниками. При этом в СССР внедрен обязательный, принудительный труд.

Отсутствие только частной собственности на средства производства недостаточно для социализма, как он понимается его первооткрывателями. Требуется еще один признак: наличие рабочих, которые как-то этими средствами производства владели бы, распоряжались, отмечает автор,

Большевики оказались в состоянии построить то, пишет ученый, что они сами называют социализмом, только ценой отказа от социализма в том его виде, каким его представляли целые поколения людей. «Но по соображениям ли политической целесообразности, из малодушия ли или подчиняясь магии слов, большевики предпочитают правде ложь, действительности – фикцию. Вопреки всякой очевидности они настаивают на том, что созданный ими общественный строй – это и есть социализм»²⁴¹.

Штеппа указывает на два определившихся в западной науке варианта названия «социализма», построенного в СССР. Это «советский государственный капитализм» или «тоталитарный капитализм советского образца» при «большевистском способе производства». Но оба варианта, считает ученый, имеют свои неувязки. К. Штеппа завершает свою статью таким выводом: «Когда большевики называют советскую хозяйственно-политическую систему социализмом, они не видят того, что этим они либо окончательно и бесповоротно порывают с известной идеей, либо соглашаются признать крушение своих планов, если они оказались в состоянии построить только такой социализм, какой они построили»²⁴².

Протоиерей Дмитрий Константинов. Историк-богослов Константинов родился в 1908 г. в Санкт-Петербурге. Там же получил высшее гуманитарное образование. В 1933 г. окончил аспирантуру Ленинградского НИИ, преподавал в ленинградских вузах, подготовил к защите докторскую диссертацию «Издательская деятельность Петра Великого».

С 1941 г. Константинов в действующей армии. В 1944 г. попал в плен и был отправлен в лагерь военнопленных. Вскоре был освобожден и направлен в Берлин, в ноябре 1944 г. рукоположен сначала в сан дьякона, а затем иерея. Он обслуживал православных на территории Германии.

В 1949 г. Константинов был вынужден уехать в Аргентину. Служил в Свято-Троицком кафедральном соборе Буэнос-Айреса. В 1960 г. Северо-Американская митрополия переводит о. Дмитрия в Свято-Троицкий кафедральный собор Сан-Франциско, а затем в Сиракузы (штат Нью-Йорк). С 1964 г. о. Дмитрий – настоятель Свято-Благовещенской церкви в Мейнарде под Бостоном. Там он пишет свою главную работу «Гонимая Церковь» и серию статей в газету «Новое Русское Слово». В 1968 г. его назначают настоятелем церкви Рождества Пресвятой Богородицы в Бостоне. С 1972 г. о. Дмитрий живет в Вест-Хаянниспорте (штат Массачусетс).

²⁴⁰ В поисках истины. Пути и судьбы второй волны эмиграции. М.: РГГУ, 1997. С. 165.

²⁴¹ Там же. С. 172.

²⁴² Там же. С. 175.

Продолжая священствовать, протоиерей Д. Константинов не оставляет исследований по новейшей истории Русской православной церкви и усилий к духовному возрождению России. В 1995 г. Д.В. Константинов передал свой личный архив в ГАРФ. Основные работы: «Я сражался в Красной Армии» (Буэнос-Айрес, 1952), «Православная молодежь в борьбе за церковь в СССР» (Мюнхен, 1956), «Богослужебные тенденции Православной Церкви в СССР» (Вестник Института по изучению истории и культуры СССР. – 1956, – № 3), «Доктор Живаго» и богоискательство в СССР (Вестник Института по изучению истории и культуры СССР. – 1957. – № 2), «Духовная школа в СССР» (Грани. – 1960. – № 48), «Церковная политика Московской патриархии» (Нью-Йорк, 1962), «Гонимая церковь» (Нью-Йорк, 1967), «Религиозное движение сопротивления в СССР» (Лондон – Канада, 1967), «Малые беседы» (Нью-Йорк, 1971), «Зарницы духовного возрождения» (Лондон – Канада, 1973).

Абдурахман Авторханов. Он является наиболее известным политологом в числе советских политологов-эмигрантов. Родился на Кавказе, по национальности чеченец. В 1937 г. окончил в Москве ИКП (институт красной профессуры), специализировался по русской истории. В этом же году Авторханов арестован по ст. 58 как «враг народа», освобожден в 1940 г. Вскоре он был арестован вновь по той же статье, в 1942 г. освобожден Верховным судом РСФСР. В 1943 г. он бежал на Запад, поближе к немцам.

В Берлине Авторханов во время войны, как свидетельствуют его мемуары, работал в малоизвестном учреждении на Александерплаце, где собрались беженцы из СССР из числа интеллигенции (журналисты, общественеды, художники, музыканты и т.д.), представители многих национальностей Советского Союза. В послевоенные годы Авторханов – профессор по истории России, СССР, ВКП (б) – КПСС, защитил докторскую диссертацию и получил ученую степень доктора политических наук. Он становится одним из авторитетных советологов на Западе. А. Авторханов оказался весьма плодовитым в научно-творческой работе. Еще в СССР он издал несколько книг по истории Чечни. Много произведений написал и издал на Западе, в том числе «Положение исторической науки в СССР» (Мюнхен, 1951), «Народоубийство в СССР» (Мюнхен, 1951), «Технология власти» (Мюнхен, 1959), «Сталин и советская коммунистическая партия» (Нью-Йорк, 1959), «Происхождение партократии» в 2 т. (Франкфурт-на-Майне, 1973), «Сила и бессилие Брежнева» (Франкфурт-на-Майне, 1979), «Истерия Кремля» (Вильнюс, 1990). Кратко отметим три из них, в которых наиболее четко выражены идеологические позиции ученого.

«Технология власти». Концепция книги основана на вскрытии процесса создания Сталиным механизма борьбы за единовластие в партии и государстве, ликвидацию «левых» и «правых» течений в партии, уничтожение ленинской «партийной гвардии», создание партии в партии – верноподданнического партийного актива, готового поддерживать любую сталинскую линию, даже противоречащую политической и экономической стратегии и тактике Ленина.

«Сила и бессилие Брежнева». Авторханов в своих научных работах обращает особое внимание на лидеров партии и правительства СССР, пытаясь объяснить западному читателю все перипетии политической, экономической и социальной жизни великой страны. В его книге «Сила и бессилие Брежнева» ясно просматривается попытка глубокого политологического исследования эпохи Брежнева, именуемой советскими политологами как «застойная».

Книга построена на интерпретации автором истоков и динамики «культа» вождя в СССР. Авторханов утверждает, что «культ» вождя – это органическое самовыражение могущества коммунистической партии, что коммунистическая диктатура не может существовать без «культа» ее вождей. Но этот «культ» рождается не самопроизвольно (этого не мог добиться даже Сталин), он детище «треугольника диктатуры»: партаппа-

рата, политической полиции и армии. Режим Брежнева, рассуждает автор, полон внутренних противоречий между интересами трех столпов «треугольника диктатуры», тщательно скрываемых от внешнего мира, с одной стороны, и между «интересами власти в целом и материальными интересами народа» – с другой.

Вторым противоречием Авторханов отмечает противоречие между режимом и народом – социальные противоречия, которые, создаются самой структурой советского общества.

Третье противоречие – это «противоречие между властью и народом», порожденное возрастающим в 70-е гг. давлением интеллектуального слоя советского общества – участников демократического движения и движения прав человека, которые выражали «инакомыслие». Наконец, автор называет четвертое противоречие – «противоречие между советским идеократическим колониальным режимом нового типа и угнетенными народами»²⁴³. Это противоречие Авторханов глубоко анализирует в монографии «Империя Кремля. Советский тип колониализма».

Силу Брежнева Авторханов видит в том, что генсек воплощает и олицетворяет «треугольник диктатуры» и, чтобы удержаться на кремлевском Олимпе, не противопоставляет себя ни одной из сторон «треугольника». Но Брежнев не повелитель этих сил, как Сталин, он их слуга. В этом его слабость. Авторханов заключает свои оценки деятельности Генерального секретаря партии категорическим выводом: Брежнев формально и фактически является одиозной фигурой ЦК КПСС, партактива, но не вождем коммунистической партии.

«Империя Кремля. Советский тип колониализма». Идеологическая направленность и сущность монографии раскрываются и определяются цитатой из работы В.И. Ленина «К вопросу о национальностях или об автономизации», которую Авторханов помещает на отдельном листе перед «Предисловием». Приводим ее: «Я, кажется, сильно виноват перед рабочими России, что не вмешался достаточно энергично и достаточно резко в пресловутый вопрос об автономизации... Очень естественно, что «свобода выхода из Союза», которую мы оправдываем себя, окажется пустой бумажкой, не способной защитить инородцев от нашествия того истинно русского человека, великоросса, шовиниста, в сущности подлеца и насильника, каким является типичный русский бюрократ».

Авторханов не русофоб. Ориентируясь, в основном, на позицию Ленина в национальной политике, он, тем не менее, строит свою монографию по концепции не на обвинении в шовинизме, подлости и насилии русской нации, которую Ленин представил в облике «русского бюрократа», а на осуждении национальной политики центральной партийной власти в Кремле. Об этом свидетельствуют название книги, ее частей и в целом содержание. «В центре внимания данной работы, – пишет Авторханов, – лежит сравнительный анализ большевистской теории по национальному вопросу и большевистской государственно-партийной практики в советских национальных республиках и областях»²⁴⁴.

Автор выступает против «касты профессиональных экспертов по национальному вопросу», которые проповедуют антиленинскую национальную политику Сталина. Он заявляет: «Ведущая идея фальсификации национального вопроса – выдавать советский тип колониализма за идеальное решение национального вопроса, а советскую великодержавную политику русификации нерусских народов – за политику «интернационализации»²⁴⁵. Эта кремлевская национальная политика, реализуемая силой в республиках СССР, при конституционном «праве наций на самоопределение, вплоть до отделения»,

²⁴³ Авторханов А. XXV съезд – съезд Брежнева (отрывок из книги «Сила и бессилие Брежнева») // Огонек. 1990. № 4.

²⁴⁴ Авторханов А. Империя Кремля. Советский тип колониализма. Вильнюс, 1990. С. 10.

²⁴⁵ Там же.

наряду с чисто государственно-политическими причинами и факторами, в финале разразилась национально-государственным взрывом в 1991 г., в результате которого зажатый «треугольником диктатуры» СССР развалился.

Николай Александрович Троицкий. Среди советских эмигрантов было немало талантливых публицистов. Выберем одного из них. Н. Троицкий – активный участник Русского освободительного движения, убежденный и последовательный сторонник идеологических методов борьбы со сталинским режимом. Родился 20 апреля 1903 г. в Симбирской губернии в семье дьякона. В 1921 г. в г. Корсун окончил школу второй ступени и в этом же году поступил в Симбирский политехнический институт, после окончания которого работал инженером-строителем в ряде городов страны. С 1935 г. до ареста в апреле 1938 г. Н. Троицкий работал заместителем ученого секретаря Академии архитектуры СССР. В августе 1939 г. был освобожден, так и не признав предъявленных ему обвинений в контрреволюционной деятельности. После освобождения Троицкий занялся литературной работой, а в начале войны ушел добровольцем на фронт. В октябре 1941 г. он под Вязьмой попал в плен.

В мае 1943 г. его из лагеря для военнопленных перевели в одну из частей Русской освободительной армии. Летом 1944 г. получил назначение в штаб РОА и был прикомандирован к генералу Власову в должности чиновника по особым поручениям. На этом посту Троицкий сумел переориентировать газету «Доброволец», освободив ее от немецкой опеки и превратив в орган Русского освободительного движения. Осенью 1944 г. он в числе ведущих разработчиков первых вариантов Манифеста Комитета освобождения народов России активно участвует в тиражировании его окончательной редакции и распространении.

Конец войны застал Троицкого в Мюнхене, где он укрылся с документами на имя эмигранта из Югославии Бориса Яковлева. После ослабления насильственной репатриации советских граждан он возвращается к активной работе по возрождению Русского освободительного движения, сплачивая интеллектуальный потенциал российской эмиграции. С 1949 г. по 1955 г. Н. Троицкий – председатель Совета Союза борьбы за освобождение народов России, в 1949 г. он основал Русскую библиотеку в Мюнхене, в 1950–1955 гг. был директором Мюнхенского института по изучению истории и культуры СССР. В 1951–1954 гг. Троицкий издает и редактирует журнал «Литературный современник». В 1955 г. он уезжает в США, где после мытарств поступает в Колумбийский университет, по окончании которого получает диплом библиотекаря. Несколько лет работал библиографом, затем хранителем славянского отдела библиотеки Корнельского университета в Итаке. В 1993 г. передал свой личный архив в ГАРФ.

Н.А. Троицкий посвятил немало своих работ Русскому освободительному движению и РОА. В 1955 г. была опубликована его книга «Концентрационные лагеря СССР», в которой он вскрыл сталинскую карательную систему, ее методы подавления инакомыслия и подробно описал структуру лагерей ГУЛАГ, показал Западу чудовищную машину сталинского террора.

Емкой по проблемной насыщенности публицистической работой Троицкого является очерк «Путь "второй волны" и будущее России», напечатанный в сборнике статей и документов о второй волне эмиграции Московского государственного гуманитарного университета. Главная проблема очерка – становление Русского освободительного движения в годы войны и его перевоплощение в Союз борьбы за освобождение народов России в послевоенные годы.

Автор очерка выделяет две основные задачи РОД. Первая предусматривает спасение жизни военнопленных и восточных рабочих. Другой задачей было проведение «массированной разъяснительной работы в среде узников концлагерей. Большое внимание уделяет Н. Троицкий генералу Власову – «организатору, вождю, вдохновителю и

выразителю духа» Русского освободительного движения. Он отвергает обвинение Власова в измене Родине, выдвигает его как искусного дипломата, политического представителя тех миллионов русских людей, которые были обречены Гитлером на уничтожение. Власов, пишет Троицкий, сформировал и обеспечил жизнедеятельность Движения, как и Русской освободительной армии, по существу враждебных и Сталину, и Гитлеру²⁴⁶.

Н. Троицкий придает немалое значение в жизни второй эмиграции послевоенному Союзу борьбы за освобождение народов России, обозначив основные вехи его пути в конце 40-х, в 50-х гг. в политической активизации второй волны эмиграции, сохранении ее «духовного потенциала», в создании пропагандистского аппарата антисоветчиков, в развитии национальной культуры.

Значительную часть очерка Н. Троицкий отводит будущему новой России. Автор отмечает, что «День освобождения России» от коммунистического режима наступил, однако «День становления новой России еще не пришел»²⁴⁷. Свой тезис он пытается обосновать рядом факторов и перспектив, в некоторой степени пожеланий и рекомендаций, которые, по его мнению, могут оказаться полезными «строителям новой российской государственности».

Первостепенной обязанностью правительства Троицкий считает выбор целесообразной, исторически обусловленной и апробированной модели государственного устройства России. Автор советует ориентироваться в поисках пути становления новой России не на западные образцы, которые в начальной стадии зарождения чреваты беззаконием, коррупцией, организованной преступностью, усилением центробежных настроений в регионах, а на «богатейшее отечественное наследие» второй половины XIX и начала XX в. Путь, избранный современной Россией, в его государственном оформлении «не имеет здоровых корней на исторической почве России». Это политическое кредо Н. Троицкого чрезвычайно актуально для России 1990-х гг., когда демократы-«западники» прорвались на переднюю линию политического фронта и разваливают некогда великое государство, а пласт демократов-«консерваторов» еще не созрел для решительных боевых действий и не имеет столь матерых лидеров на решающих государственных постах.

Немаловажное значение для новой России Н. Троицкий придает жизненной национальной идее – русской идее. Возражая президенту Б. Ельцину, который в одном из предвыборных выступлений (на второй президентский срок) призвал разработать «новую идеологию земли Российской», он заявляет, что такая идеология существует в России уже не один век, только надо ее внедрить в жизнь в полном, устоявшемся объеме взамен коммунистической идеологии.

В трактовке Н. Троицкого «русская идея» – это система идей, представлений, понятий и одновременно концепция развития российской государственности, представляющая собой совокупный продукт осмысления исторического, духовного, культурного прошлого одинаково великих и одинаково несчастных народа и государства»²⁴⁸. С другой стороны, по Троицкому, «русская идея есть мотивированное этой идеологией внутренне осознанное представление каждого русского человека о своем национальном достоинстве, о своей непричастности судьбам одинаково великих и одинаково несчастных народа и государства, собравшего и объединяющего другие его народы»²⁴⁹.

Одну из опасностей, подстерегающих Россию на пути становления ее государственности, Троицкий видит в тяжелейшем положении, низком уровне жизни российской

²⁴⁶ В поисках истины. Пути и судьбы второй волны эмиграции. М. : РГГУ, 1997. С. 32.

²⁴⁷ Там же. С. 42.

²⁴⁸ Там же. С. 45.

²⁴⁹ Там же.

интеллигенции, особенно гуманитариев, одухотворяющих, по его определению, общественные и политические процессы в стране.

Опасность, имеющую глобальный характер, Троицкий видит в научно-техническом прогрессе, в его негативных последствиях. Для России это не только экологические последствия и надвигающаяся в этой связи генетическая катастрофа, но и нравственная и духовная деградация общества по образцу и подобию Запада.

* * *

Можно ли утверждать, что вторая волна эмиграции влила свежую струю в культуру первой волны? Безусловно, потому что внесла в нее новое видение и осмысление социально-политической действительности покинутой Родины, новые типические образы и критерии нравственности в художественной литературе. И все-таки культура «дипийцев» периода первых лет эмиграции – это иная культура, отличающаяся от культуры первой волны по содержанию и идеологическому базису, поэтому она не могла произвольно вписаться в культуру российской эмиграции. Позже они сблизятся, и в состав деятелей культуры Российского зарубежья войдет научная и творческая интеллигенция советской эмиграции, совершившая идеологическую деформацию. Хотя вторая волна эмиграции не стала в области культуры столь плодотворной, но она добавила немало в русское культурное наследие, которое создавалось в тяжелейших условиях чужой земли.

Остается открытым вопрос нравственно-психологического восприятия и оценки культуры второй волны эмиграции российскими читателями. На то есть объективные причины и объективные мотивы. Среди деятелей «дипийской» культуры были бывшие власовцы, солдаты воинских формирований из военнопленных, созданных немцами. И если эти воинские части не использовались фашистами на Восточном фронте против Красной Армии, то они защищали Атлантический вал от наступления союзников СССР, воевали в Югославии, пеклись под африканским солнцем в армии Роммеля. Но надо видеть, с какой любовью и болью повествуют эти «предатели» о своей покинутой Родине, как жалеют ее народ, открывают правду о его страданиях и палачах, как верят в возрождение России.

Вместе с тем невозможно воспринимать научные и художественные произведения без признания их авторов как книги-сироты. Здесь необходим компромисс, который исключит идеологическую и морально-психологическую предвзятость читателя. Надо открыть для себя, что произведения «дипийцев» отражают реальность сталинской эпохи, русского освободительного движения, трагической истории советской эмиграции. Только при непредвзятом отношении и к произведениям, и к авторам предстанет во всех ракурсах перед соотечественниками портрет второй волны эмиграции и раскроется значимость ее культурного вклада в полное восстановление отечественной культуры XX в.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Вторая волна эмиграции явилась трагическим результатом столкновения двух гигантов тоталитарной власти – фашизма и большевизма. Её путь имел несколько этапов. В начале Великой Отечественной войны сразу же обнаружились несовместимость и противоречивость большевистской идеологии и социальной и национальной политики партии, которые породили конфликт между частью советского общества и властью, назревавший задолго до войны. Немалое число советских граждан на оккупированных территориях безбоязненно встречали немцев. Сотни тысяч советских солдат и офицеров, попавших в окружение, в большинстве также безбоязненно, а порой и охотно, сдавались в плен.

Однако вскоре упования на избавление от большевизма, на лучшую жизнь и свободу сменились величайшей трагедией для советских военнопленных и гражданских лиц. Они оказались между молотом и наковальней. С одной стороны, Сталин, заклеивший военнопленных «изменниками Родины», и НКВД, с другой – расизм Гитлера, определивший славян, прежде всего русских, как «недочеловеков», «рабочий скот». Осознание военнопленными безвыходности своего положения и тяжелейшие условия немецких концлагерей подтолкнули многих из них к роковому решению – перейти на сторону врага.

Крупным военно-политическим событием Великой Отечественной войны стало противоборство советских военнопленных и гражданских лиц со сталинско-большевистским режимом. Оно воплотилось в Русском освободительном движении, возглавляемом генералом Власовым и его ближайшими единомышленниками, которое Германия была вынуждена признать, хотя с определенными ограничениями его политических целей. Поражение Германии и окончание Второй мировой войны поставило «бывших» перед выбором: жизнь на чужбине или смерть в лагерях ГУЛАГа на Родине. Судьбу многих из них решила репатриация, в проведении которой союзники проявили особое рвение. «Железный занавес» между Востоком и Западом вызвал как положительные, так и отрицательные последствия для второй волны отечественной эмиграции. Его положительное воздействие выразилось в том, что прекратилась насильственная выдача бывшими союзниками СССР его бывших граждан, хотя охота за ними советских спецслужб продолжалась до начала 1950-х гг. Отрицательные последствия касались «политической предосторожности» американских стран, куда, стараясь побыстрее скрыться от рыскавших по Европе агентов НКВД, устремилось большинство эмигрантов второй волны. Так, США, Канада, страны Латинской Америки опасались, что СССР протолкнет к ним под маской иммигрантов своих агентов, способных создать «пятую колонну». Поэтому воздвигались различного вида препятствия для эмигрантов, вплоть до бесчисленных проверочных комиссий, фильтрующих каждого из них на политическую благонадежность.

Эмигранты первой волны в большинстве были объединены родственными, сословными, дружескими связями. Этот фактор способствовал их стремлению создать этническую диаспору. Советские эмигранты не имели таких межличностных связей, у них не было ничего общего, кроме общей судьбы бывших военнопленных и остарбайтеров. Каждый был вынужден заботиться сам о себе, бороться за существование. Часть из них пополнили угасавшие русские поселения первой волны от Америки до Австралии, создав смешанные диаспоры. Другая часть растворилась в окружающем мире небольшими группами, создававшимися чаще по общности профессиональных интересов, как-то сохранявших межгрупповые связи.

Вторая волна эмиграции – это подлинно народная оппозиция советско-большевистской диктатуре, призванная для практической борьбы с ней. Это была идейная, политическая и националистическая эмиграция. В период конца 1940-х – се-

редины 1950-х гг. она представляла собой наиболее дееспособную в то время политическую организацию. Наследием второй эмиграции является тот исторический урок, который раскрывает пагубность применения массового террора против собственного народа. Он вызывает его внутренний раскол, расшатывает обороноспособность страны, снижает боевой дух армии и чреват состоянием общества, близким к взрывам гражданской войны. Невинная кровь не может литься бесконечно и без наказания палачей.

1991 г. ознаменовал День освобождения России от тоталитарного режима и социализма с «человеческим лицом». «Признав это, – пишет Н.А. Троицкий, – мы должны таким же образом констатировать, что миссия второй волны, путь которой на всем своем протяжении был неразрывно связан с борьбой за освобождение народов России, эта миссия исчерпала себя»²⁵⁰. К концу XX в. на Западе проживают еще несколько десятков тысяч оставшихся в живых эмигрантов второй волны – это люди преклонного возраста, живущие под клеймом «изменников Родины», так и не познавшие чувства народного прощения их.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Авторханов А. Из мемуаров / А. Авторханов // Русский рубеж. – 1991. – № 11.
2. Авторханов А. Империя Кремля. Советский тип колониализма / А. Авторханов. – Вильнюс, 1990.
3. Авторханов А. XXV съезд – съезд Брежнева / А. Авторханов // Огонек. – 1990. – № 4.
4. Андреева Н. А. Генерал Власов и Русское освободительное движение / Н. А. Андреева. – М., 1993.
5. Бахвалов А. Л. Генерал Власов. Предатель или герой? / А. Л. Бахвалов. – СПб., 1994.
6. Бердяев Н. А. Истоки и смысл русского коммунизма. / Н. А. Бердяев. – М. : Высшая школа, 1990.
7. Бетелл Н. Последняя тайна / Н. Бетелл. – М., 1992.
8. Бондаренко В. Архипелаг «ди-пи» / В. Бондаренко // Русский рубеж. – 1991. – № 11.
9. Бондаренко В. Возвращение невозвращенцев / В. Бондаренко // Слово. – 1992. – № 1–6.
10. В поисках истины. Пути и судьбы второй эмиграции : сб. ст. и док-тов. – М., 1997.
11. Вашкевич И. Лопнувшее обвинение / И. Вашкевич // Человек и закон. – 1992. – № 9–10.
12. Военно-исторический журнал. – 1993. – № 11.
13. Война Германии против Советского Союза. 1941–1945. Документальная экспозиция. – Берлин : Аргон, 1991.
14. Вопросы истории. – 1995. – № 4.
15. Вторая мировая война. Актуальные проблемы. – М., 1995.
16. Гареев М. А. О мифах старых и новых / М. А. Гареев // Военно-исторический журнал. – 1991. – № 4.
17. ГАРФ. – Ф. 5762. – Оп. 1. – Д. 42. – Л. 32.
18. Герис Д. Гитлеровский вермахт в Советском Союзе / Д. Герис. – Франкфурт-на-Майне, 1984.
19. Денисенко М. Сколько их было? / М. Денисенко // Родина. – 1991. – № 8.
20. Дугас И. А. Вычеркнутые из памяти / И. А. Дугас, Ф. Я. Черон. – Париж, 1994.
21. Ехренюк Н. Трудно жить с мифами / Н. Ехренюк // Огонек. – 1990. – № 46.

²⁵⁰ В поисках истины. Пути и судьбы второй волны эмиграции. М. : РГГУ, 1997. С. 40.

22. Земсков В. Репатриация и вторая волна эмиграции / В. Земсков // Родина. – 1991. – № 6–7.
23. Золотарев Р. Из политической мысли XX века / Р. Золотарев // Новое время. – 1992. – № 41.
24. Зюзин Г. И. Малоизвестные страницы войны / Г. И. Зюзин. – М., 1990.
25. Ивашев Л. Г. Правовые проблемы плена в отечественной истории / Л. Г. Ивашев, А. С. Емехин // Военно-исторический журнал. – 1991. – № 1.
26. История Второй мировой войны. 1939–1945 гг. – Т. 4. – М., 1975.
27. Итоги Второй мировой войны. – М., 1957.
28. Колесник А. Н. РОА – власовская армия / А. Н. Колесник. – Харьков, 1990.
29. Кондратьев В. Оплачено кровью / В. Кондратьев // Родина. – 1991. – № 6–7.
30. Кузнецов Б. А. В угоду Сталину. – Т. 1–2. – Нью-Йорк, 1955.
31. Манифест Комитета освобождения народов России // Русский рубеж. – 1991. – № 11.
32. Материалы по истории Русского освободительного движения. – Вып. I, II. – М., 1997, 1998.
33. Млечин Л. Власов и власовцы / Л. Млечин // Новое время. – 1990. – № 43.
34. Назаров М. Миссия русской эмиграции / М. Назаров. – Ставрополь, 1992.
35. Науменко В. Г. Великое предательство / В. Г. Науменко. – Нью-Йорк, 1970. – Т. 2.
36. Нюрнбергский процесс : сб. мат-лов в 3 т. – М., 1966. – Т. 2.
37. Обращение генерала А. И. Деникина к американскому сенатору Артуру Вандербергу // Русский рубеж. – 1991. – № 11.
38. Открытое письмо писателю Илье Эренбургу // Русский рубеж. – 1991. – № 11.
39. Письменный И. Русская мелодия / И. Письменный // Русский рубеж. – 1991. – № 11.
40. Преступные цели – преступные средства. – М., 1985.
41. Рар Г. Зарубежная Россия / Г. Рар // Диалог. – 1991. – № 18.
42. Решин Л. Е. Воинствующая некомпетентность / Л. Е. Решин // Военно-исторический журнал. – 1992. – № 2.
43. Россия в лицах, письмах, дневниках. Скрытая правда войны. 1941 год. – М. : Русская книга, 1992.
44. Рутыч Н. Между двумя диктатурами / Н. Рутыч // Родина. – 1991. – № 6–7.
45. Соколов М. Пятно на знамени демократии / М. Соколов // Родина. – 1991. – № 6–7.
46. Солдатов С. О восстановлении целостности российской культуры / С. О. Солдатов // Литературная Россия. – 1990. – № 11.
47. Толстой Н. Жертвы Ялты / Н. Толстой. – Париж, 1988.
48. Ульянов Н. Патриотизм требует рассуждения / Н. Ульянов // Новое время. – 1992. – № 41.
49. Филиппов С. В. США: иммиграция и гражданство, политика и законодательство / С. В. Филиппов. – М., 1973.
50. Хоффманн Й. История власовской армии / Й. Хоффманн. – Париж, 1990.
51. Чаликов В. Английские летописи нашей беды / В. Чаликов // Знамя. – 1990. – № 12.
52. Чиннов И. Я сам с собою говорю по-русски / И. Чиннов // Огонек. – 1992. – № 9.
53. Чухнов Н. Н. В смятенные годы / Н. Н. Чухнов // Наши вести. – Нью-Йорк, 1966. – № 422.
54. Штрайт К. Они нам не товарищи / К. Штрайт // Военно-исторический журнал. – 1992. – № 1.
55. Штрайт К. Советские военнопленные в Германии / К. Штрайт // Россия и Германия в годы войны и мира. – М., 1995.
56. Штрик-Штрикфельд В. К. Против Сталина и Гитлера / В. К. Штрик-Штрикфельд. – М., 1993.

КНИГА ЧЕТВЕРТАЯ

ТРЕТЬЯ ВОЛНА ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ЭМИГРАЦИИ

ВВЕДЕНИЕ

Эмигранты первой волны уехали «из-под пуль», эмигранты второй волны бежали от расстрела и лагерей. Третья волна эмиграции – это выезд из страны советских граждан по национально-этническим (евреи, немцы) и по политическим причинам (диссиденты). Причем, из-за национальных факторов выехали подавляющее большинство граждан. Политическая эмиграция явилась продуктом хрущевской «оттепели» и брежневского «застоя». Началась она в конце 1960-х гг. в форме высылки из страны неугодных граждан и «невозвращенцев».

Политическая эмиграция как историческое общественное явление свойственна многим странам и существует наряду с этнической, религиозной, социально-экономической эмиграциями. Отечественная историография различает два вида политической эмиграции, которые Россия пережила в XIX и XX вв.

Первый вид – это «эмиграция беженцев». Она возникает в период общественно-политических катаклизмов и революций. Это эмиграция приверженцев свергнутого строя, бегущих, чтобы спасти свою жизнь. Они не имеют реальной возможности повернуть историю назад, их идеология бессильна уже потому, что потерпела поражение. К этому виду политической эмиграции относится и бегство граждан из страны с тоталитарным режимом, массовыми репрессиями и террором по отношению к мнимым политическим врагам. Такие эмигранты отвергают и свергнутый строй, и установленный новый, ищут третий путь общественно-политического развития государства, хотя и без практических действий для его реализации. Первая и вторая волны отечественной эмиграции – типичная «эмиграция беженцев».

Второй вид политической эмиграции – это «эмиграция надежды». Она возникает, когда в стране не распространены широко массовые репрессии, террор. Оппозиционно настроенные люди уезжают не для того, чтобы спасти жизнь, а ради некоего дела, которому они себя посвятили, связанного с подготовкой и осуществлением радикальных изменений в покинутой стране, считая, что делать это сейчас эффективнее вне ее, в условиях свободы мысли и слова. Такая эмиграция поддерживается обычно надеждой на скорое торжество дела и часто является признаком и инструментом насильственных перемен в обществе, что можно проследить на многих исторических примерах.

А.И. Герцен, вся жизнь которого была связана с эмиграцией, говорил, что политическая эмиграция – верный признак приближающегося переворота. Общеизвестно, например, какую роль в России играла эмиграция при подготовке революций 1917 г. После Февральской революции сотни эмигрантов потоком устремились на родину. Тогда их цель называлась «углубление революции», то есть радикализация ее.

Цель функционирования «эмиграции надежды» – создание слоя политически деятельных людей, решительно порвавших духовные связи с жизненным укладом покинутой страны, благодаря чему диапазон их возможных проектов и действий, могущих определить будущее этой страны, значительно расширяется.

Типичной «эмиграцией надежд» была русская дореволюционная эмиграция. Третью волну можно отнести ко второму виду политической эмиграции лишь с ограничением. Движение диссидентов и на его основе эмиграция не имели никаких политических целей и побуждений, тем более революционных. Однако деятельность правозащитников косвенно приобретала политическую окраску (обоснование суждения в гл. I).

Эмигранты третьей волны, добровольно покидавшие страну, в том числе криминальные лица, бежали от несвободы к свободе и за лучшей жизнью. Лишь незначитель-

ная часть из них включились в жизнь Российского зарубежья, почти все они были пропитаны космополитическим духом.

Национальное движение евреев и немцев имело сугубо этническую цель – выезд на историческую родину предков. Этот выезд в пособии назван «национально-этнической эмиграцией», в основу ее формирования лег принцип непатриотичности. И небольшая часть русских (в составе смешанных семей) в этой эмиграции была результатом того же – покинуть родину навсегда могли лишь люди, не ценившие ее.

Значимость рассматриваемых в книге проблем диссидентства обусловлена изменением в сознании миллионов наших сограждан некоторых идеологических стереотипов, сложившихся в годы советской власти, обретением независимых убеждений, сломом старой и медленным, мучительным созданием новой социальной системы. В новых условиях – краха политического господства коммунистической партии, возрождения многопартийности в России, развития рыночных отношений, плюрализма собственности и т.д. – освоение правозащитного опыта, интеллектуального и нравственного потенциала советских диссидентов целесообразно и имеет положительное значение. Горбачевская перестройка и ельцинские реформы обеспечили те права личности, за которые выступали диссиденты. Однако реализация этих прав пока затормаживается как центральной, так и местными властями.

Изучение диссидентства как общественного явления недавней истории нашей страны, анализ причин и следствий этого движения обусловлены и таким фактором. То, что раньше считалось «злостной клеветой на социалистическую действительность», теперь общепризнанные истины. Свобода слова, вначале скромно именовавшаяся гласностью, обнажила такие пороки и язвы советского общества, что прежняя критика системы, которую вели диссиденты 1960–70-х гг., кажется робким лепетом, хотя движение правозащитников явилось «преддверием» к завоеванию гражданских свобод в современной России.

ГЛАВА I. ДИССИДЕНТСКОЕ ДВИЖЕНИЕ В СССР

Хрущевское заигрывание с либерализмом подготовило, а брежневское возрождение репрессий пробудило различные общественные движения в Советском Союзе, которые приобрели исторически свойственную форму гражданского сопротивления. Советская диссидентка-эмигрантка Людмила Алексеева в книге «История инакомыслия в СССР» определяет три независимых общественных движения в 60–70-х гг.: национальное, религиозное, гражданское²⁵¹. В нашем пособии кратко рассматривается гражданское движение, ядром которого является диссидентство.

Диссидент в переводе с латинского – «несогласный» у В.И. Даля: «Диссидент – иноверец или раскольник, вообще не принимающий господствующего вероисповедания». Сходное толкование этого понятия дано в «Толковом словаре русского языка» под редакцией Д.Л. Ушакова: «Диссидент – лицо, принадлежащее не к тому вероисповеданию, которое господствует в стране». В переносном смысле, диссидент – это инакомыслящий, отступник от господствующих в обществе догматов. Но «диссидент – это не всякий, кто когда-либо вступал в борьбу с диктатурой, как Рютин при Сталине, или бросал ей вызов, подобно Ф. Раскольникову. Это тем более и не политический оппозиционер в обычном смысле»²⁵².

Жить согласно своим убеждениям, не принимать легковерно официальные догмы, не причислять свои мысли под идеологический стандарт – право любого честного человека, которое уважается в нормальном демократическом обществе. «Отщепенцем» он становится тогда, когда сама власть нетерпима к инакомыслию, к малейшему отступлению от господствующих идеологических схем.

Л. Алексеева в указанной книге рассматривает инакомыслие как форму активного протеста. И она в этом смысле права. Однако было бы ошибочным приравнивать диссидентство к инакомыслию в его широком понятии. Во-первых, инакомыслие вслух после смерти Сталина и XX съезда партии было распространенным явлением: «кухонные» разговоры о политике, анекдоты с политической подоплекой, побасёнки о Хрущеве и т.д. Но это эпизодическая, пассивная форма протеста. Причина – инерция страха перед репрессиями; народ помнил ужасы 30–40-х гг., страшную статью 58 УК. Диссидентство – это явление иного порядка. Диссидентами называли десятки, самое большее сотни тех, кто пошел на открытую конфронтацию, противостояние режиму и был подвержен репрессиям. Но они не признавали насильственных методов борьбы.

Во-вторых, диссидентство отличало в морально-психологическом смысле отсутствие двойственности, двуличия, разлада в мыслях и действиях, свойственных немалой части интеллигенции советского периода, поставленной в условия борьбы за выживание. Отсюда двойная мораль и другие симптомы строящегося социализма. В этом униительном, изматывающем состоянии утрачивалось главное, что отличало русскую дореволюционную интеллигенцию – предпочтение духовным, а не материальным ценностям.

В-третьих, диссиденты оказались первыми интеллигентами в условиях тоталитарного режима, которые выступили за духовную свободу личности и права человека, что восстанавливало преемственность традиций интеллигенции дореволюционной России.

Указанные три признака-качества диссидентов, создающие их нравственный портрет, присущи лишь тем из них, которые действительно любили Россию, ее народ и хотели для него гражданских свобод. Однако в движении активно участвовали и русофобы (А. Синявский и ему подобные), те «правдоискатели», которым была нужна «свобода слова» как главный лозунг правозащитников, который они так темпераментно анонсировали, чтобы чернить Россию, русский народ, не выезжая за рубеж.

²⁵¹ Алексеева Л. История инакомыслия в СССР. Вильнюс-М.: Весть, 1992. С. 5.

²⁵² Баткин Л. Диссидент // Знание – сила. 1989. № 2. С. 24.

В советской среде диссиденты не встретили открытой поддержки, хотя какая-то часть интеллигенции были с ними согласны, прежде всего «пассивные инакомыслящие». К тому же материалы правозащитного самиздата были известны весьма ограниченному числу людей. Массовый читатель имел смутное представление о диссидентах по газетно-журнальным статьям, в которых обличались «отщепенцы». В унисон корреспондентам большинство граждан осуждали диссидентство, дабы продемонстрировать свою поддержку партийной позиции.

Два направления в диссидентском движении. Диссидентство в СССР развивалось по нескольким направлениям. В данной главе анализируются два: Русское национальное движение и Движение за права человека. Эти направления в правозащитной практике нередко противостояли друг другу, так как имели несходные идеологические базы.

Русское национальное движение, в свою очередь, имело две ветви: национально-патриотическое направление (некоторые исследователи называют его «русофильским») и национально-православное, «неославянофильское». Диссиденты-русофилы выступали с антисемитскими, юдофобскими устремлениями, с лозунгом «десионизация России», против засилья евреев в науке и культуре, против дискриминации русских в республиках СССР, эксплуатации русских областей, прежде всего центральной России, ради развития национальных автономий, за национальное возрождение русского народа.

Русские в национальных республиках, где их проживало более 25 млн человек, постоянно испытывали на себе дискриминационное давление. Это была плановая, запрограммированная дискриминация, о ней знали все властные инстанции. Такова была национальная политика ВКП (б), КПСС. Недоброжелательное отношение населения республик вызывалось тем, что все социальные невзгоды, неурядицы, порожаемые тоталитарным режимом, связывались с Россией, с русскими, воспринимались как результат правления российской власти, т.е. Москвы. И никто не хотел знать, что в годы Гражданской войны и в сталинскую эпоху русские пострадали больше, чем другие народы бывшей Российской империи. Дискриминация русских проявлялась и в партийно-административной кадровой политике республик.

Национально-патриотическое движение возникло стихийно снизу, в среде интеллигенции. Тогда пошла повальная мода на старину: сельскую домашнюю утварь, иконы и т.п. Возник невероятный спрос на книги «контрреволюционеров» и «белогвардейцев», умерших в эмиграции, на труды русских публицистов, историков, философов-эмигрантов. Самой ходовой темой бесед, дискуссий стала проблема вымирания русской деревни, запустения колыбели русской нации – еще не освоенной Северо-Восточной Руси. Стали искать, кто виноват в том, что русская нация поставлена в «унизительные и ущемленные условия», которые ведут к ее вырождению, депопуляции, бесперспективности. На этом фоне и возникло движение националистов-патриотов. ЦК партии выступил против Русского национал-патриотического движения. Так, А.К. Яковлев, исполнявший обязанности заведующего отделом пропаганды ЦК, видел в нем подрыв национального единства страны.

Весной 1968 г. была арестована группа национал-патриотов во главе с А. Фетисовым, одним из активистов движения. Эта группа стояла на позициях антисемитизма и великодержавного шовинизма, которые определяли целевые установки и направленность ее противоборства. С этих позиций она и критиковала национальную политику партии и правительства. Как считает Александр Янов, это была критика советской системы в рамках возрождаемой «русской идеи»²⁵³.

«Русская идея» – это, в целом, мировоззрение, система взглядов и идей русского национально-патриотического движения, в те годы более близкого к либеральному на-

²⁵³ Янов А. Русская идея и 2000-й год // Родина. 1991. № 3. С. 79.

ционализму. Она предопределяла борьбу за право русского народа стать поистине коренной, ведущей нацией государства, борьбу интеллектуальной части нации с бурно расцветающей еврейской русофобией. Евреи окрестили русскую идею «национал-мессианским сознанием», преодоление которого считали первоочередной задачей России. Они утверждали, что Россия не сможет избавиться от деспотизма до тех пор, пока не откажется от идеи «национального величия», и призывали заменить борьбу за «национальное возрождение» борьбой за «свободу и духовные ценности». Националисты-патриоты создали «Общество охраны памятников старины» («Русский клуб»). В нем собирались сторонники «русской идеи», чтобы обмениваться взглядами и вырабатывать стратегию.

В конце 1960-х гг. появились «теоретики» национал-патриотического движения. Так, в работах А. Фетисова историческое развитие человечества представляется как борьба порядка и хаоса, последний воплощен в еврейском народе, наводившем беспорядок в Европе на протяжении двух тысяч лет, пока германский и славянский тоталитарные режимы не положили этому конец²⁵⁴. А. Фетисов и его единомышленники рассматривают и расценивают эти режимы как исторически неизбежные и позитивные явления и факторы.

Среди диссидентов-русофилов выделялся своими крайними взглядами Валерий Емельянов. В 1977 г. он через самиздат опубликовал книгу «Десионизация», которая в 1979 г. была издана в Париже палестинцами-арафатовцами. Эта книга была «новым словом» в черносотенном теоретическом багаже. Если «классическая» дореволюционная черная сотня исходила из формулы «самодержавие – православие – народность», т.е. христианство было ее знаменем, то Емельянов отвергает его и утверждает, что христианство – это разновидность иудаизма. Он выступает за восстановление языческой веры древних россов. Его сторонники создали в конце 1970-х гг. «Московскую языческую общину». В 1980 г. В. Емельянов был арестован, провел несколько лет в психиатрической больнице.

В конце 1980-х гг. национал-патриотическое движение в модернизированном виде воплотилось в идеологии «Памяти». В 1990-х гг. это движение переродилось в общественно-патриотическое движение – идеологическую форму русского неофашизма. Его ядром стало Русское национальное единство (РНЕ) – неофашистская организация со своим фюрером Баркашевым. РНЕ имеет свой печатный орган – газету «Штурмовик», фашистскую символику, спецформу для публичных «выходов».

Организатором национально-православного направления в Русском национальном движении был московский инженер Геннадий Шиманов, который пытался соединить ленинизм с православием в условиях тоталитарного режима. Национальный облик Советского Союза он представлял как мистический организм, состоящий из наций, во главе с русским народом, который олицетворяет «малое человечество», способное перерасти в большое человечество. Ленинградская организация «Всероссийский социал-христианский союз освобождения народа» (И. Огурцов) пытался создать модель «христианского социализма» без коммунизма и капитализма для будущей России.

В начале 1877 г. Глеб Якунин основал Христианский комитет защиты прав верующих, который стал центром русского национально-православного направления. В 1978 г. Комитет начал отходить от правозащитного движения, отказался от «внешних действий», замыкаясь на внутренних. Духовным вождем русского национально-православного направления стал А. Солженицын.

В первой половине 1970-х гг. объединительным центром Русского национального движения был журнал «Вече» (редактор В. Осипов). Цель журнала заключалась в том,

²⁵⁴ Алексеева Л. История инакомыслия в СССР. Вильнюс-М.: Весть, 1992. С. 325.

чтобы «возродить и сберечь национальную культуру, моральный и умственный капитал предков,... продолжить путеводную линию славянофилов и Достоевского»²⁵⁵.

В ноябре 1974 г. появился в самиздате сборник «Из-под глыб» – единственное публицистическое выступление участников Русского национального движения, отразившее многообразие взглядов авторов от всех направлений этого движения.

Второе направление диссидентства – это движение за права человека, которое также имело два крыла. Первое – движение за права человека как общественное явление без национальных побуждений и мотивов, так сказать, чисто гражданское. Второе – правозащитное движение, которое имело явно еврейскую национальную основу. Это крыло воплощало в себе юдофильские мотивы.

Диссиденты-сионисты были стойкими и мужественными в своих убеждениях, но в их правозащитной деятельности скрывались корыстные устремления, а не боязнь расширявшегося антисемитизма. Они активно включались в правозащитное движение с главной задачей – выехать из СССР на родину предков. Однако многие еврейские семьи, уезжая из Советского Союза, предпочитали не Израиль, а другие страны, преимущественно США. Была даже сформулирована целевая установка, из которой следовало, что среди всех прав человека право на эмиграцию – первое среди равных.

Евреи встали во главе движения советских диссидентов. Они же в 1960–70-х гг. составили костяк скрытых и открытых доброжелателей. Главных причин того, что евреи составляли большинство активных участников движения, было несколько.

Во-первых, движение было своеобразной моделью политического расклада в стране. Антисемитизм проникал даже в партийные и государственные аппараты. Господствовавший при партийно-командной системе разрыв между лозунгами и реальностью привел к появлению скрытых форм дискриминации в отношении еврейского населения, а затем и к борьбе с «космополитизмом», жертвами которой стали представители еврейской интеллигенции.

Во-вторых, нарушение национальной политики в сталинский период, которое в отношении евреев выразилось в следующем: были закрыты все учебные заведения с преподаванием на идише; ликвидированы почти все издания на родном языке; в 20–30-е гг., а в Прибалтике после присоединения к СССР были распущены все сионистские и несионистские общественные организации, не вписывавшиеся в партийную идеологию; ликвидирована культурно-национальная автономия евреев – закрылись еврейские музеи, культурные, научные, спортивные центры, школы, театры; в рамках общегосударственной политики началось наступление на религию – закрытие тысяч синагог, что вызвало недовольство у верующего населения, поскольку в течение веков синагога для евреев была не только религиозным, но и духовным, сдерживающим их ассимиляцию центром. Все это, естественно, вызвало у евреев затаенное сопротивление, которое впоследствии подготовило движение диссидентов-сионистов.

В-третьих, сталинские репрессии. В целом они носили «интернациональный» характер, и евреи пострадали не больше других народов, тем более русского. «Огромная масса евреев, репрессированных в 1937 г. или около этого года, не имела никакого отношения к еврейским проблемам и пострадала без всякого антисемитизма, так сказать, «на общих основаниях». Однако исподволь уже развивался и набирал силу процесс этноцида советских евреев, т.е. лишения их любых форм национальной культуры и общественной жизни»²⁵⁶. В послевоенные годы у Сталина обостряются антисемитские побуждения, сопровождавшиеся репрессивными акциями (в том числе «дело кремлев-

²⁵⁵ Алексеева Л. История инакомыслия в СССР. Вильнюс-М.: Весть, 1992. С. 331.

²⁵⁶ Дашевский В. Иудаизм в СССР // На пути к свободе совести. М.: Прогресс, 1989. С. 457.

ских врачей» в 1952 г.). Это не могло не вызвать у евреев антисоветских настроений, которые они до поры скрывали.

Наконец, незавершенность хрущевских реформ в социальной области, игнорирование даже в период «оттепели» 1956–1964 гг. национально-культурных чаяний евреев.

Оба направления в движении за права человека переплетались в своей подпольной деятельности, поэтому в главе они рассматриваются как единое правозащитное движение.

Движение за права человека. Права человека, их охрана, обеспечение – конечная цель и главный результат развития стран, ориентирующихся на демократические правовые ценности, которые скрепляют все системы жизнеобеспечения человеческого общества и должны стать важнейшим фактором стратегии мирового устойчивого развития.

10 декабря 1948 г. Генеральная Ассамблея ООН утвердила и провозгласила Всеобщую декларацию прав человека. Декларация призывала все народы и страны защищать честь и достоинство отдельной личности, соблюдать права человека, ибо личность выше государства, выше политики и закостенелых догм. «Каждый человек имеет право» – это словосочетание звучит рефреном почти в каждой статье Декларации. Волею политической судьбы СССР оказался, по инициативе прогрессивной интеллигенции, одним из самых активных борцов за права человека в своем обществе, начиная с конца 1950-х гг. Гарантией соблюдения прав человека внутри страны считаются соответствующие статьи Конституции СССР, известные гражданам страны. В то же время текст Декларации был известен преимущественно «по служебной линии», чтение и распространение его не поощрялось.

Движение за права человека как форма гражданского противостояния власти составляло основу и главное направление диссидентского движения. Катализаторами зарождения правозащитного движения стали смерть Сталина, ознаменовавшая конец тирании и беззакония, и XX съезд КПСС. Решения съезда и наступившие после него изменения в общественной жизни страны внесли некоторую надежду на необратимость этих изменений, веру в возможность постепенной гуманизации советской действительности. Интеллигенция быстро осознала, что «дальше так жить нельзя». Она ощутила себя призванной к другой, новой жизни, поверила в ее возможность, в то, что советское государство пойдет по пути либерализации.

На фоне этого всеобщего общественного возбуждения Н.С. Хрущев провел свои политические акции. Но они были половинчаты, непоследовательны, и доведение некоторых преобразований в общественно-политической жизни до завершающей стадии откладывалось на неопределенный срок. Власти вели свою игру, и надежды на изменения таяли. Краху надежд способствовали также политически значимые события в Венгрии и Польше, ввод советских войск в Венгрию, расстрел рабочей демонстрации в Новочеркасске, «разгромная» встреча Хрущева с интеллигенцией. Но, несмотря на кратковременность частичной либерализации режима, этот хрущевский период посеял в душах активных людей нечто общее. Первый глоток свободы определил судьбу некоторых из них. Так, возникли предпосылки и условия для развития правозащитного движения, которое достигло своей наибольшей активности в первом периоде, в конце 60-х гг. В этой связи исследователи называли советских правозащитников «шестидесятниками». Они сознавали, что обречены, что силы неравны, но чувство гражданского долга побуждало их выбрать этот путь. Он был нередко связан с преследованиями, арестами, тюрьмами, лагерями, принудительным поселением, высылкой из страны, лишением гражданства.

Ядро правозащитного движения, его наиболее активную часть составляла интеллигенция. К движению присоединялись студенты, рабочие. Среди участников движения выделялась своей активностью творческая интеллигенция: писатели, поэты, критики, художники и др. В движение включались и ученые, техническая интеллигенция. Осно-

ва академического диссидентства, его причины заключались в нравственной, культурной, интеллектуальной полярности позиций интеллигенции, нараставшей в период политической напряженности в обществе, которая вела к возникновению разногласий между группами ученых по поводу направленности, темпов общественно-политического и научно-технического развития страны. В среде ученых в 60-х гг. также шла напряженная творческая работа по осмыслению мировых реалий, в том числе западной демократии. Особого внимания заслуживает деятельность в этом направлении А.Д. Сахарова, Ю.Ф. Орлова, И.Р. Шафаревича, С.А. Ковалева, К.А. Любарского, В.Ф. Турчина.

Возрастной состав участников движения был самый разнообразный, но преимущественно это молодые люди «хрущевской оттепели», так называемое «нерасстрелянное поколение». Именно это поколение через 25 лет начнет перестройку, активно поможет довести ее до политического завершения. Но в 1950–60-х гг. эти «вольнодумцы» верили в социализм, очищенный от сталинской тирании, в «демократический социализм», в социализм с «человеческим лицом».

«Шестидесятники» не были однородны по взглядам, моральным установкам и качествам. Среди них встречались люди и с узкими, сектантскими наклонностями, и с националистическими намерениями, и чрезмерно честолюбивые, и конформисты, приспособившиеся к популярному среди инакомыслящей интеллигенции правозащитному движению. Поведение также не всегда и не у всех было безупречным. Кое-кто после ареста «раскалывался», давал показания на друзей, выступал с продиктованным «органами» покаянием.

Спорным среди историков и публицистов остается вопрос об идейной платформе правозащитного движения. Определелись две полярные точки зрения в этой дискуссии. Одна группа относит движение правозащитников по его целевой направленности и содержанию деятельности к разряду нравственных явлений в социальной жизни. Другая группа считает его политическим противодействием коммунистическому режиму. Так, Л. Алексеева утверждает: «По самосознанию и по характеру деятельности правозащитное движение является не политическим, а нравственным»²⁵⁷.

Да, правозащитники не ставили цели изменения существующего де-юре общественно-политического строя в СССР, не пытались создать проект переустройства советского режима. Но их устремления и действия в конце 60–70-х гг., воплощенные в письмах-обращениях, в самиздате, в демонстрациях, лозунгах-призывах, особенно концепции А. Сахарова, Ю. Орлова, И. Шафаревича и других ученых-диссидентов, приобретали политический оттенок, т.к. борьба за права человека опосредованно связана с необходимостью политического реформирования режима и была ориентирована на внесение в партийно-тоталитарную систему демократических элементов. Идеалом правозащитников являлось правовое демократическое государство. Иными словами, цель правозащитного движения была не политической, а методы и средства противодействия – политическими.

Идея правозащитного движения заключалась в том, что государство должно соблюдать собственные законы, упорно пропагандируемые партией. Правозащитники выступали против произвола власти в области гражданских свобод, за реализацию провозглашенных конституционных норм и Декларацию прав человека. Вторым фактором, вызвавшим протест правозащитников, были попытки Брежнева и Политбюро ЦК реабилитировать Сталина и сталинщину.

По мнению известной правозащитницы Ларисы Богораз, идея о правах человека не была привнесена в советское общество извне. Она пишет: «Эти идеи не пришли к нам

²⁵⁷ Алексеева Л. История инакомыслия в СССР. Вильнюс-М.: Весть, 1992. С. 191.

из-за моря в готовом виде – они именно возникли сами собой вначале в индивидуальных действиях отдельных людей, но очень скоро стали фактором общественной жизни, идеями, объединившими хоть и малочисленный, но общественно значимый круг разнородных граждан»²⁵⁸. Борьба за права человека в СССР рано или поздно должна была возникнуть спонтанно, вследствие внутренних причин, без воздействия извне. Это закономерное, по международным нормам, явление. Такая борьба есть социально-политическая самодеятельность трудящихся тоталитарного государства, ее вызвало подавление гражданских прав в Советском Союзе.

Идеологом советских диссидентов-правозащитников был академик А.Д. Сахаров. Он известен в нашей стране и за рубежом как несгибаемый и бескомпромиссный борец за демократию, гласность, права человека и его свободу, в том числе интеллектуальную свободу. Последнее требование нашло отражение в работе А. Сахарова «Размышления о прогрессе, мирном сосуществовании и интеллектуальной свободе» (июнь 1968). Автор пишет: «Второй основной тезис: человеческому обществу необходима интеллектуальная свобода – свобода получения и распространения информации, свобода непредвзятого и бесстрашного обсуждения, свобода от давления авторитета и предрассудков»²⁵⁹.

Проповедуя идеи демократии, Сахаров вносил в правозащитное движение новые направления общественной мысли. Эти концепции ученого в течение двадцати лет считались в СССР сначала «наивными рассуждениями», далекими от политической реальности, а затем «безыдейными» враждебными постулатами. Лишь в горбачевский период их признали как «новое мышление», новый государственный курс. Смерть прервала работу А.Д. Сахарова над проектом Конституции СССР, которую он назвал «Конституция Советских Республик Европы и Азии». Следует заметить, что в названии отсутствует слово-определение «социалистических». Это было преднамеренно сделано ученым.

Правозащитное движение не имело четкой организационной структуры со своим уставом, определяющим обязанности участников, со строгой дисциплиной, субординацией и т.п. Оно возникло и развивалось самодеятельно как проявление личной инициативы, личного почину инакомыслящих под воздействием внешних нравственно-политических факторов. Это были небольшие группы, которые объединяли людей по убеждениям, моральным ориентациям, интересам. Их сплачивала общая идея, сговор был изначально личным и таковым оставался. В правозащитном движении не было лидеров, тем более вождей. Все были равны среди равных.

Группы были разрозненными, организационно не оформленными, между ними порой возникали разногласия. В этом была их слабость, но была и сила при кажущейся слабости. Советские карательные органы имели дело не с четкой законспирированной структурой, которую легче было бы разрушить сразу и окончательно, а с внешне бесформенной, неорганизованной средой, готовой проявить непредсказуемую инициативу частных лиц. К тому же правозащитники особо не конспирировали свою работу, скрывать старались только то, что могло быть использовано карательными органами для предотвращения «антисоветской агитации и пропаганды», самиздата или прекращения работы благотворительного фонда помощи политзаключенным.

Отсутствие формальных связей между группами движения не означало отсутствия у него какой-либо структуры. Связующим звеном правозащитного движения стал самиздат, его каналы, где накапливался и распространялся материал, еще раз перепечатывался в других группах, шел дальше. Таким образом, самиздат и его каналы связи выполняли организационные функции.

²⁵⁸ Богораз Л. Мы только начинаем этот путь // Московские новости. – 1991.

²⁵⁹ Сахаров А. Размышления о прогрессе, мирном сосуществовании и интеллектуальной свободе // Новое время. 1990. № 3. С. 40.

Центром правозащитного движения была Москва. Именно здесь зародились, сосредоточились и активно действовали его группы, здесь становились известными прессы имена участников после суда над ними. В Ленинграде существовали такие же подпольные группы правозащитников, выпускался самиздатовский журнал «Колокол», но правозащитники не были в такой степени объединены общностью активной гражданской позиции, как в Москве.

Периоды и основные акции правозащитного движения. Движение диссидентов-правозащитников условно можно разделить на два периода. Первый – это зарождение движения и «накопление сил» в обстановке преимущественно «комнатно-закулисного» вольнодумства интеллигентов, которые провозгласили себя свободными от идеологических стереотипов сталинизма. Эти люди, преимущественно молодые, именовали себя инакомыслящими, но до реального диссидентства было еще далеко. Это была не оппозиция власти, а «фронда», недовольство режимом, свойственное российской интеллигенции вольнодумство. Первый период охватывал 1956–1967 гг.

В 1963 г. Н.С. Хрущев повел идеологическое наступление на литературу и изобразительное искусство, что сразу же оттолкнуло значительную часть творческой интеллигенции от генеральной линии партии. Позже некоторые писатели, художники внешне стали соглашаться, но внутренне сопротивлялись. В эти годы вольнодумствующие литераторы большей частью вели богемный образ жизни. Они собирались в «литературных салонах» на московских или ленинградских квартирах литературных вдов или полулитературных дам. Вольнодумствовали за рюмкой коньяка. На такие литературные вечера собиралась не только молодежь, приглашались деятели культуры старшего поколения, которые считали своей обязанностью чаще общаться с молодежью. Молодые поэты и начинающие писатели читали свои сочинения. Именитые, попивая коньяк, изрекали что-нибудь экстраординарное, необычное, рассказывали анекдоты из литературной, актерской жизни, частенько многозначительно высказывались насчет либерализации, о недостатках советской системы, толковали о необходимости демократических преобразований в стране. Непременно все говорили по поводу цензуры, КГБ, тюрем, лагерей.

Но все это были только разговоры и не больше. На самом деле эти люди являлись лояльными гражданами, никто из них не намеревался подрывать систему или свергать ее. Это был период романтизма, период надежд на перемены к лучшему.

Большинство исследователей полагают, что история правозащитного движения восходит к выступлению на открытом собрании Ю.Ф. Орлова, талантливого физика, доктора наук, работавшего в Институте теоретической и экспериментальной физики, в марте 1956 г. Он говорил о необходимости преобразований в стране. Ю. Орлова поддержали три физика его института. Все они были уволены.

Инициатива Ю.Ф. Орлова нашла отклик в 1957–1958 гг. в группах Льва Краснопевцева (МГУ), Революта Пименова (ЛГУ). Эти группы настаивали на углублении де-сталинизации. Затем – выступление писателей и деятелей культуры в защиту А. Солженицына и И. Бродского. В 1961 г. на районной партийной конференции Москвы выступил генерал Петр Григоренко, герой войны, ставший профессором Академии Генерального штаба. Он говорил, что критика культа личности Сталина ведется непоследовательно, ибо не критикуются те условия, тот режим, которые породили сталинскую диктатуру с ее губительным произволом. За это выступление Григоренко был уволен из Академии и назначен начальником штаба армии на Дальнем Востоке.

В 1961 г. на партийной конференции в Курске с подобной речью выступил писатель Валентин Овечкин. Это стоило ему писательской карьеры. В начале 60-х гг. началось движение крымских татар, сосланных Сталиным, которые добивались восстановления своих прав и возвращения на историческую родину. Их поддерживали правозащит-

ники И. Габай, А. Костерин, С. Каллистратова. Правозащитное движение как открытая форма протеста проявило себя 5 декабря 1965 г., когда на Пушкинскую площадь в Москве вышла группа демонстрантов с правозащитными лозунгами.

В 1960-х гг. одной из распространенных форм правозащитного движения стали письма в высшие инстанции власти. Активное участие в этой эпистолярной процедуре принимала научная интеллигенция. Начало такому способу противодействия положили письма Петра Григоренко Хрущеву. В них генерал пытался убедить генсека в необходимости перестройки всей системы руководства партией и страной, доказывал необходимость свободы слова, демократизации структур общества. Но письма остались без ответа. О путях демократизации советской системы писали высшим руководителям А. Сахаров, В. Турчин, Р. Медведев.

Наиболее представительными по составу подписавшихся были: обращение к депутатам Верховного Совета по поводу введения в уголовный кодекс статьи 190 (наказание лагерем до трех лет за «клевету на советский общественный и государственный строй») и письмо Брежневу против попыток реабилитации Сталина. Среди подписавших эти письма были 13 академиков, композитор Д. Шостакович, знаменитые режиссеры, артисты, художники, писатели, старые большевики – члены партии с дореволюционным стажем. Однако обращение и письмо остались безрезультатными.

Как видно, в 1960-х гг. основной формой протеста граждан были письма в партийные и советские органы. Но они, как правило, оставались без ответа. Это убеждало «подписантов» (так в правозащитной среде называли тех, кто подписывал петиции) в бесперспективности индивидуальных и коллективных обращений к органам государственной власти с гражданскими требованиями, и такая форма протеста в 1970-х гг. редко использовалась.

Большую роль в зарождении правозащитного движения сыграл журнал «Новый мир». Его главный редактор Александр Твардовский собрал при журнале талантливых и прогрессивно мыслящих писателей и литературных критиков. «Новый мир» помещал на своих страницах литературные произведения и статьи, в которых выражались идеи либерализма, что способствовало объединению при нем писателей, критиков, публицистов либеральных ориентаций. Во времена Брежнева такая позиция журнала расценивалась как идеологическое посягательство на режим. В феврале 1970 г. А. Твардовский был отстранен от руководства «Новым миром», и журнал потерял свою популярность.

Второй период правозащитного движения – это активное противостояние власти в области защиты прав человека. Он охватывал 1968–1983 гг. и был связан с изменением идейно-политического климата в стране, который наступил с приходом к власти Л.И. Брежнева. «Оттепель» сменилась новым «оледенением». Интеллигенция по-разному отреагировала на процесс ликвидации либеральных замашек одного партийного лидера и возврата некоторых сталинских традиций другим.

Одна категория интеллигентов в конце 1960-х гг. утихомирилась, приспособившись к новому курсу партии, полностью отвергла вчерашние либеральные замашки. Другие позировали и делали вид, что не отошли от прежних позиций, что-то писали, не вынося из квартиры, для утешения своих амбиций или ничего не писали и не говорили неугодного режиму, погружались в профессиональное и домашнее существование. Но кое-что от прежнего инакомыслия у них еще оставалось, и они выступали потенциально как бы тылом и базой диссидентства. Третья категория интеллигентов была настроена открыто выступать против коммунистической лжи, опутавшей советское общество, против ущемления прав человека. Эти люди и остались подлинными диссидентами-правозащитниками.

Началом второго периода правозащитного движения принято считать (А. Алексеева, Л. Баткин, В. Дашевский, К. Чернин и др.) малозаметное событие в Москве 25 авгу-

ста 1968 г. Именно в этот день семь диссидентов – Л. Богораз, В. Файнберг, Н. Горбаневская, К. Бабицкий, В. Делоне, В. Дрешпога, П. Литвинов – вышли на Красную площадь и развернули плакаты с протестом против вторжения в ночь с 20 на 21 августа 1968 г. советских и союзных войск в Чехословакию, народ которой выступил за гуманный, демократический социализм. Они требовали невмешательства во внутренние дела дружественной нам страны. Демонстранты были разогнаны милицией. Этой демонстрации предшествовали заявления правозащитников о солидарности и поддержке «пражской весны». Акция СССР доказала, что сталинские порядки постепенно восстанавливаются в стране.

В последующие годы правозащитники продолжали организовывать небольшие по числу участников демонстрации с лозунгами и плакатами, в том числе «сидячие» на площадях, которые разгонялись сотрудниками правоохранительных органов. Правозащитники расширили самиздат и распространение нелегальной литературы, ставшие преимущественными средствами в развитии движения. Популярным самиздатовским органом был информационно-политический журнал «Колокол» (Ленинград).

Причастными к правозащитному движению оказались и некоторые офицеры Балтийского флота, которые создали подпольный «Союз борьбы за демократические права». Союз был раскрыт в 1969 г., арестовано около 30 человек. Из провинциальных городов, где в какой-то мере теплилось правозащитное движение, можно выделить Саратов, Курск, Петрозаводск, Горький, Владимир, Свердловск, Рязань, Новосибирск, Одессу, Харьков.

Правозащитники, как отмечалось выше, не стремились создавать организацию с четкой структурой. Однако в 1969 г. создали некую организацию вроде ассоциации на базе объединения «подписантов». 28 мая 1969 г. пятнадцать правозащитников написали письмо о нарушении гражданских прав в СССР. Авторы апеллировали к необычному адресату – Организации Объединенных Наций, в письме они просили ООН защитить попираемые в Советском Союзе человеческие права, но письмо осталось без ответа. Однако активисты решили организационно закрепиться. Была создана Инициативная группа защиты прав человека в СССР (так называли ассоциацию ее организаторы). В нее вошли Н. Великанова, Н. Горбаневская, Ю. Мальцев, Г. Подъяпольский, А. Лавут, С. Ковалев, В. Краски, Т. Ходорович, П. Якир и др. (15 человек). Первый документ Инициативной группы – обращение в ООН о состоянии прав человека в Советском Союзе.

В 1969 г. в Москве был создан Фонд помощи политзаключенным и их семьям, после высылки за рубеж А. Солженицына ставший «Русским фондом Солженицына». В этом же году появилась Московская группа международной организации по защите «узников совести», которую возглавил кибернетик В. Турчин. В ноябре 1970 г. в Москве правозащитники организовали Комитет прав человека в СССР как независимую общественную ассоциацию. Основатели – Валерий Чалидзе, Андрей Твердохлебов, Андрей Сахаров, активные члены – А. Солженицын, А. Галич, И. Шафаревич.

В учредительном заявлении указывались цели Комитета: «консультативное содействие органам государственной власти в создании и применении гарантий прав человека; разработка теоретических аспектов этой проблемы и изучение ее специфики в социалистическом обществе; правовое просвещение, в частности, пропаганда международных и советских документов по правам человека»²⁶⁰. Но органы власти не сочли необходимым консультироваться с членами Комитета. Л. Алексеева отмечает, что Комитет вошел как коллективный член в Международный институт права. Он занимался многими проблемами, связанными с правами человека, правами лиц, принудительно помещенных в психбольницы, выездом советских граждан за рубеж.

²⁶⁰ Алексеева Л. История инакомыслия в СССР. Вильнюс-М.: Весть, 1992. С. 217.

Самиздат правозащитников. «Самиздат, или независимая печать, – это естественная реакция общества на подавление духовной свободы, застывшую иерархию ценностей и приоритетов в идеологической сфере, на неприятие инакомыслия, отсутствие правдивой информации, цензурные запреты, на нарушение прав человека. В правовом государстве, где почти все можно напечатать, самиздата не существует»²⁶¹.

Самиздат в период диссидентства в СССР стал номинальным способом неподконтрольного распространения идей и информации среди правозащитников, нелегальным изданием произведений художественной и публицистической литературы, ставящих и обсуждающих проблемы движения за права человека. Материалы печатались на пишущей машинке и распространялись среди единомышленников. Первоначальный тираж – 15–20 экземпляров – размножался затем «по цепочке».

В конце 1960-х гг. стали выпускаться самиздатовские журналы. Правда, первый полулегальный журнал «Синтаксис» появился еще в 1960 г. Три его выпуска организовал Александр Гинзбург, правозащитник, студент-заочник Московского университета.

Наиболее распространенным и популярным среди инакомыслящих был самиздатовский информационный бюллетень правозащитников «Хроника текущих событий», первый номер которого вышел 30 апреля 1968 г. в Москве. Сухой, безоценочный, жесткий стиль изложения материала свидетельствовал о строго информационном характере машинописного бюллетеня. Академик А.Д. Сахаров назвал «Хронику» самым большим достижением правозащитников.

Организатором и первым редактором «Хроники» была поэт, переводчик Наталья Горбаневская. 24 декабря 1969 г. ее арестовали. После ее ареста редактором бюллетеня до 1972 г. являлся филолог Анатолий Якобсон. Вместе с Якобсоном и после него бюллетень редактировали педагоги Галина и Илья Габай, литературовед Габриэль Суперфин, биолог С. Ковалев, математик Т. Великанов. Активное участие в выпуске «Хроники» принимали П. Литвинов, И. Якир, Ю. Гостев, Л. Алексеева, Н. Кравченко, Г. Лубяницкий, А. Даниэль, М. Гельштейн, Б. Смушкевич, Г. Ефремов. «Хроника текущих событий» была связующим звеном между региональными группами правозащитников. Максимальный машинописный тираж бюллетеня – 30 экземпляров.

«Хроника» не была политическим журналом. Это независимый общественный орган диссидентов, более всего занятый проблемой прав человека в СССР. Причем, решение этой проблемы не затрагивало основ существующего строя, но опиралось на его законы и подписанные международные соглашения. Ни одного призыва к свержению власти, террору или иным антиконституционным деяниям «Хроника» не содержала. Она была источником добросовестной информации о положении с правами человека в СССР.

Жанр «Хроники» близок к летописи. Характер этого бюллетеня ярко выражал суть и методы диссидентства: протест против незаконных, предание их гласности. Бюллетень сообщал о различных правонарушениях по отношению к отдельным людям. Одним из центральных вопросов, освещаемых в нем, были отчеты о политических процессах по делам правозащитников. Большое место занимали события, происходящие в Москве. Постоянная тема «Хроники» – положение политзаключенных. В ней был специальный раздел «Вести из лагерей», информация для которого поступала непосредственно от заключенных по скрытым каналам. Сообщалось о фактах несправедливости, жутких условиях в лагерях, тюрьмах и психиатрических спецбольницах.

Власти обвиняли «Хронику текущих событий» в «клевете на советскую действительность». Но сама советская действительность была таковой, что «клеветой» стала бы неправда о ней, ее приукрашивание. «Хроника» просуществовала 15 лет. Если учесть условия и специфику работы, срок немалый.

²⁶¹ Сеутов А. Самиздат – новый источник библиографирования // Знание – сила. 1990. № 1. С. 82.

Русский журнал «Вече». Журнал был машинописным независимым общественно-политическим и литературно-художественным органом Русского национально-патриотического движения. Правда, редакция объявила его органом лояльной оппозиции, страницы которого открыты для свободной дискуссии, избегающей политических вопросов.

В январе 1971 г. под редакцией Владимира Осипова вышел первый номер журнала «Вече» – уникального детища самиздата, открыто говорившего не на дежурную тему о «правах человека» (в плане права отъезда в США или Израиль), а о кровотокающих русских проблемах: гибели деревень, планомерном спаивании народа, духовной и экологической катастрофах, потере исторической памяти, подъяремном положении Православной Церкви²⁶². Помещались в нем и материалы о расходовании государственных средств на содержание стран «третьего мира», поддержание угодных КПСС режимов. Журнал выходил три раза в год тиражом 50 экземпляров. Последний, девятый, номер вышел в 1973 г. После раскола редакции В. Осипов и В. Родионов выпустили два номера нового журнала «Земля». Отколовшиеся члены редакции подготовили десятый номер «Вече». В конце 1974 г. оба журнала прекратили свое существование. В этом же году был арестован В. Осипов. Приговор суда – восемь лет строгого режима, которые он отсидел полностью.

Журнал «Вече» был доступен для многих инакомыслящих, и отношение к нему диссидентов различных направлений движения было своеобразным. Так, «Хроника текущих событий» кратко излагала некоторые его материалы с критическим анализом и оценкой, чаще предвзятой.

А. Янов, известный в мире ученых как непримиримый противник Русского национально-патриотического движения, пишет: «Либерально-имперская стратегия "Веча" покоилась на глубокой вере в потенциальное превосходство русской нации над всем остальным миром. Поэтому, по мнению "Веча", железный занавес между Россией и Западом – вовсе не самоцель. Он средство для социального, нравственного и религиозного ренессанса России»²⁶³.

Действительно, как признает и сам автор, одна из позиций «Веча» – разоблачение тлетворного влияния Запада на национальное самосознание русского народа, коренной и объединяющей другие народы нации России. Янов обвиняет «Вече» в двуликости: «Один его лик – либеральный – на глазах у читателя неумолимо вытеснялся другим ликом – шовинистическим»²⁶⁴. Но и это не все, автор идет дальше и «глубокомысленно» заключает, что зловещие признаки сползания «русской идеи» к заключительной фазе – русскому фашизму – были сформулированы на страницах этого журнала.

После закрытия «Веча» его пытался подменить на тех же позициях самиздатовский журнал «Московский сборник» (редактор Ленид Бородин). Эти попытки оказались безуспешными. Ленинградские правозащитники выпускали самиздатовский журнал «Колокол» который, как упоминалось выше, просуществовал недолго из-за ареста членов издававшей его группы. В эти годы, с 1964 по 1970, Рой Медведев ежемесячно издавал правдивые политические материалы, которые позже вышли на Западе под названием «Политический дневник».

Правозащитники постепенно наладили связь с Западом, куда нелегально передавались самиздатовские работы, подборки писем политзаключенных, которые в напечатанном виде также нелегально возвращались к правозащитникам. Связь с Западом осуществлял Андрей Амальрик.

²⁶² Широпаев А. Голос «Веча» // Наш современник. 1990. № 8. С. 178.

²⁶³ Янов А. Русская идея и 2000-й год // Нева. 1990. № 10. С. 165.

²⁶⁴ Там же. С. 161.

Реакция Запада на диссидентство в СССР. Запад поддерживал правозащитное движение в Советском Союзе и даже больше: инициатором кампании в защиту прав человека в СССР был американский президент Джимми Картер, который особенно усердствовал в том, чтобы подтолкнуть коммунистов к либерализации их эмигрантской политики в отношении лиц еврейской национальности. В 1975 г. в США Институт исследования коммунизма Колумбийского университета, возглавляемый З. Бжезинским, издал 500-страничную монографию «Диссидентство в СССР: политика, идеология и народ». Авторы подчеркивают, что диссидентами в СССР являются все, кто выступает против Октябрьской революции. Западные идеологи считают, что главная задача поддержки движения диссидентов – противопоставить идеям большевиков идеи демократии, лишить советскую власть массовой социальной базы.

Пропагандистская кампания помощи «узникам совести в СССР» проходила в 60-х – первой половине 70-х гг. довольно активно, поскольку западные идеологи видели в диссидентстве зарождающуюся оппозицию КПСС. Однако к концу периода она стала выдыхаться. С 1977 г. развернулась новая кампания в защиту прав человека в СССР. Цель ее стала ясной через несколько месяцев, после шумного выступления президента Картера в конгрессе по поводу нарушения прав человека в Советском Союзе. Истинная цель та же – добиться предоставления советским евреям свободы передвижения за рубеж, обеспечить максимально больший отток евреев из СССР. И, как следствие этого, – «утечка мозгов» в США и укрепление Израиля за счет расселения советских евреев на его территории. В пропаганде активно использовались радиопередачи на СССР.

В конце 70-х – начале 80-х гг. к теме борьбы за права человека в Советском Союзе прибавилась профсоюзная тема (сказалось влияние польских событий и деятельность профсоюза «Солидарность»). Цель этой пропагандистской кампании на Западе – создание организованной оппозиции в СССР в лице «Независимых профсоюзов». ЦРУ тоже делало ставку на диссидентов, рассматривая их как «пятую колонну» для разложения советского тыла, подрыва основ коммунистической идеологии. КГБ располагал фактами связи некоторых диссидентов со спецслужбами Запада.

Теоретическое размежевание в диссидентском движении. В начале 1970-х гг. в среде диссидентов наметилось размежевание во взглядах и позициях относительно настоящего и будущего страны, в поисках и признании перспективной модели ее политического и социально-экономического строя. Ускорителем этого размежевания послужили события в Чехословакии, вызвавшие крах надежд на эволюцию социализма, его либерализацию и демократизацию. Ощутимый удар по теоретической и практической базам социализма нанес академик И.Р. Шафаревич своей широко аргументированной книгой «Социализм». На основе глубокого исторического анализа ученый показал, что любой социализм вообще и во всех отношениях ведет к уничтожению духовной сущности человека и нивелированию человечества. Книга опубликована во Франции, США.

Один лагерь диссидентов, усомнившись в построении «гуманного, демократического социализма», к которому стремился народ Чехословакии, обратился к западным демократическим моделям. Лагерь «западников» возглавил А. Сахаров. Свою концепцию будущего государственного строя страны он изложил в работе «Размышления о прогрессе, мирном сосуществовании и интеллектуальной свободе». Этот неслыханный ранее в СССР вызов тоталитаризму стал на время своеобразным политическим воззванием для диссидентов – «западников». Ученый стоял на гуманистических позициях, его политическим идеалом были многопартийная демократия, буржуазный либерализм. В основе концепции А. Сахарова лежала конвергенция.

Эта теория (П. Сорокин – русский эмигрант, Я. Тинберген и др.) проповедует слияние в перспективе двух мировых систем – капитализма и социализма – на капиталистической основе, с внедрением в новую общественно-экономическую формацию наибо-

лее прогрессивных, цивилизованных политических, идеологических и социально-экономических принципов обеих систем.

С противоположной А. Сахарову точкой зрения о будущем общественно-политическом строе СССР выступил А. Солженицын. В сентябре 1973 г. он написал «Письмо вождям Советского Союза», которое осталось безответным, но дорого обошлось автору: арест и высылка из страны. В марте 1974 г. «Письмо» Солженицына появилось в самиздате.

А. Солженицын выступает против западной модели демократии, считая ее несовершенной и неприемлемой для СССР. Вместе с тем он отмечает непригодность коммунистического авторитаризма как образца и модели для будущей России. По историческим меркам, переход от авторитаризма к демократическому строю без гражданской войны требует времени и эволюции политического сознания масс. СССР к нему не готов и в ближайшее десятилетие «не созреет». Современное поколение, рассуждает Солженицын, ожидает не демократия, а авторитаризм, очищенный от коммунистического тоталитаризма, – «просвещенный авторитаризм».

Писатель Солженицын убежден в исторически оправданном и необходимом для страны в ближайшие десятилетия российском авторитаризме, в основу которого заложены три опоры Великой России – Православие, Самодержавие, Народность. Широкая публика смогла узнать из его «Красного колеса», что самодержавие – это не произвол, а независимость России от других государств, сохранение «национального здоровья». Самодержавие, по Солженицыну, – целая идеология. Идеи Солженицына, выраженные в «Письме», оживили национально-православное движение. «Письмо» стало для его участников как бы путеводным документом.

Две позиции в определении и выборе оптимальной модели будущего общественно-политического строя России вызвали лишь теоретическое размежевание в диссидентском движении, но не разрушили целостности диссидентства в Советском Союзе.

Реакция власти на правозащитное движение. Против правозащитников и, в целом, инакомыслящих использовались такие методы преследования.

1. Привлечение к уголовной ответственности и отбывание срока в лагерях вместе с уголовниками.
2. Принудительное помещение в психиатрические больницы.
3. Лишение советского гражданства и высылка из страны.
4. Лишение советского гражданства заочно, когда люди находились в загранкомандировках, на гастролях и т.д.

Их ставили перед свершившимся фактом, высылая затем копию решения из «Бюллетеня Президиума Верховного Совета СССР», где помещался Указ о лишении гражданства того или иного лица. За период правления Л.И. Брежнева были лишены гражданства около 200 диссидентов.

Приговоры суда выносились по статьям 70^{1,4} УК РСФСР – проведение антисоветской агитации и пропаганды, 64 УК РСФСР – измена Родине, в том числе оказание помощи чужому государству в проведении враждебной деятельности против СССР. В 1966 г. Указом Президиума Верховного Совета РСФСР в Уголовный кодекс была введена статья 190¹, карающая за распространение заведомо ложных измышлений, порочащих советский государственный и общественный строй.

В конце 50-х – первой половине 60-х гг. в качестве мер пресечения инакомыслия преобладали так называемые «профилактические мероприятия». Органы КГБ активно занимались теми, кто был повинен пока лишь в «дурных» дружеских связях, знакомстве с иностранцами, в предполагаемых вредных убеждениях, в интересе к самиздату. Их вызывали на «беседы», то есть незаконные допросы, которые нередко ломали судьбу подозреваемых.

Во второй половине 60-х гг. борьба с инакомыслием приобрела более жесткие формы в виде репрессий. Попытки соблюсти некоторую видимость законности репрессий в отношении диссидентов придавали всему происходящему особенно циничный вид. За период диссидентского движения были сотни судебных процессов, но мы кратко рассмотрим лишь наиболее известные. В отличие от процессов сталинской эпохи – трибуналов, теперь на судах присутствовали адвокаты подсудимых, и велась защита, но власть всегда выходила победительницей. Однако значение защиты было, с моральной точки зрения, немаловажно. Защита представляла гражданское общество в конфликте с тоталитарным государством. Адвокаты защищали в лице диссидентов ростки демократии и в этом случае выполняли не только юридическую, но и общественную миссию.

Судебный процесс над писателем А. Синявским и поэтом, переводчиком Ю. Даниэлем. Они были арестованы в сентябре 1965 г. Предварительное следствие по делу арестованных длилось пять месяцев, Синявскому и Даниэлю было предъявлено обвинение в тайной пересылке и издании за рубежом литературы, «порочающей советскую действительность». Синявский печатался под псевдонимом Абрам Терц, Даниэль – Николай Аржак. 5 декабря 1965 г. на площади А.С. Пушкина была проведена демонстрация в защиту арестованных литераторов. Демонстрация была разогнана милицией.

Суд над Синявским и Даниэлем начался 10 февраля 1966 г. Они были привлечены к уголовной ответственности по статье 70, части первой УК РСФСР. А. Синявского приговорили к семи годам лишения свободы с отбыванием в колонии усиленного режима и пяти годам ссылки. Ю. Даниэля приговорили к пяти годам с отбыванием в колонии усиленного режима и трем годам ссылки.

Этот процесс в советской печати довольно широко обсуждался и показал, что в СССР наступил период «закручивания гаек». Но процесс не дал ожидаемого властью результата. В самиздате по материалам судебного дела Синявского и Даниэля была издана «Белая книга», которую написал А. Гинзбург.

Судебный процесс над группой А. Гинзбурга, или «процесс четырех». Летом 1967 г. были арестованы А. Гинзбург, В. Дашкова, В. Добровольский, Ю. Галансков. Эта группа проходила по статье 70 УК РСФСР – антисоветская агитация и пропаганда. Дело «группы четырех» рассматривало Управление КГБ по Москве и Московской области, оно слушалось в Мосгорсуде. Суд проходил зимой 1968 г. Каждый обвиняемый имел своего защитника. Труднее всего пришлось адвокату Добровольского. Его подзащитный был единственным из обвиняемых, кто полностью признал свою вину и изобличал своих товарищей. Трое остальных вину свою отрицали. Власти назначили процесс полужакрытым, но П. Литвинов тайно вел запись, которая легла потом в основу сборника «Процесс четырех».

А. Гинзбург отбывал срок с 1968 по 1972 г. В лагере он собрал материал, который потом издал за рубежом. В 1973 г. Гинзбург возглавил «Фонд Солженицына», целью которого было оказание помощи тем, кто преследуется в СССР по политическим мотивам. За эту деятельность его вновь привлекли к суду по обвинению в распространении клеветнических слухов об СССР, антисоветской агитации и пропаганде.

9 октября 1968 г. в зале Пролетарского суда Москвы было рассмотрено уголовное дело по факту «учинения групповых действий» на Красной площади 25 августа 1968 г. Арестованных судили по статьям 190 и 190¹ УК РСФСР. Часть участников заключили в лагерь, другую часть отправили на принудительное лечение в психиатрические больницы.

В 1967 г. за демонстрацию против политических арестов получили по три года В. Буковский и В. Хаустов. Буковского пытались обвинить в попытках создать «террористические пятерки», но на суде выяснилось, что ни одной пятерки он не организовал. 19 мая 1969 г. был арестован Илья Габай. В январе 1970 г. в г. Ташкенте, где он никогда не был, состоялся суд. Его судили по статье 190¹. В 1973 г., выйдя на свободу, И. Габай

покончил жизнь самоубийством, выбросившись из окна девятиэтажного дома. В 1969–1970 гг. были арестованы генерал П. Григоренко, Н. Горбаневская, В. Гершуни, А. Амальрик за открытое письмо и за статью «Просуществует ли Советский Союз до 1984 г.» (своеобразный отклик на заверение Хрущева, что в 1984 г. советские люди будут жить при коммунизме). В декабре 1969 г. арестовали организатора «Хроники текущих событий» Наталью Горбаневскую.

В середине января 1972 г. по Москве, Ленинграду и другим городам прокатилась волна обысков по неизвестному ранее «Делу № 24», преимущественно по самиздату, чтобы разрушить механизм подпольного распространения идей диссидентства и информации. Основной удар в «Деле № 24» был направлен на ликвидацию «Хроники текущих событий». Многочисленные аресты добровольных корреспондентов «Хроники» приостановили ее выход с ноября 1972 г. до апреля 1974 г.

Весной 1972 г. прошла новая серия обысков. В июне 1972 г. был арестован Петр Якир – сын расстрелянного командарма Ионы Якира, в сентябре – известный диссидент Виктор Красин. Были арестованы и другие правозащитники. Аресты не прекращались до начала 80-х гг.

Следует отметить репрессии, усилившиеся в 70-х гг., которые заканчивались помещением правозащитников в психиатрические больницы. В качестве примера используем данные Л. Алексеевой из ее книги: «В 1971 г. из 85 политических осужденных признали невменяемыми 24 человека, т.е. почти каждого третьего»²⁶⁵. Спецпсихбольницы-тюрьмы использовались преимущественно для помещения в них диссидентов, чьи имена были известны общественности, и политическая расправа над которыми могла поколебать демократические притязания и престиж СССР. Так, политическое судилище над генералом П. Григоренко, участником Великой Отечественной войны, было бы чревато политическим конфузом. Поэтому после ареста в феврале 1964 г. и допроса самим председателем КГБ Семичастным, который не решился предать боевого генерала суду, П. Григоренко был объявлен психически невменяемым, направлен в психиатрическую больницу и разжалован.

Правозащитное движение в 1973–1975 гг. Карательные акции КГБ в 1972 г. дали заметные результаты. Большинство активных правозащитников были арестованы или прервали участие в движении под воздействием угроз и мер неуголовного наказания. В период 1973–1974 гг. в среде московских правозащитников проявился психологический надрыв в результате многочисленных арестов активистов и антидиссидентской пропаганды партийных идеологических органов.

Правозащитники болезненно восприняли свое моральное поражение и ослабили самиздатовскую работу. В октябре 1972 г. вышел очередной, 27-й, номер «Хроники текущих событий». Ее экземпляр, сразу же изъятый при обыске, попал в руки КГБ. После этого «Хроника» не выходила полтора года. Тщательно собирался и редактировался материал, были подготовлены три номера, но ни один из них не шел ни в самиздат, ни на Запад. Комитет прав человека в СССР в 1973 г. практически прекратил свою деятельность.

Опыт борьбы с диссидентским движением убедил КГБ, что недостаточно только сажать инакомыслящих, попутно создавая им ореол мучеников. Проще и эффективнее будет скомпрометировать репутации арестованных правозащитников. Это снизит нравственную привлекательность движения, развенчает его идеи. Расчет почти оправдался. КГБ запугиванием и угрозами «слома» П. Якира и В. Красина и побудил их выступить на пресс-конференции с раскаянием в своем участии в правозащитном движении и призывами прекратить его, ликвидировать самиздат, в том числе «Хронику текущих

²⁶⁵ Алексеева Л. История инакомыслия в СССР. Вильнюс-М.: Весть, 1992. С. 230.

событий», которая «чрезмерно тенденциозна и часто искажает факты». Акции КГБ привели к тому, что правозащитное движение пережило глубокий кризис и в этот период стало затухать, а имена «раскаявшихся» долгие годы звучали упреком диссидентству.

К середине 70-х гг. правозащитное движение стало постепенно оживляться. Это заметно проявилось в самиздате, нашедшем неподвластный партийно-государственному контролю канал: самиздат – «тамиздат» (за рубежом). На Запад переправлялась изданная подпольно в СССР литература и рукописи, где их издавали. Отпечатанные материалы отправлялись при возможности законспирированным адресатам. Зарубежные радиостанции транслировали на Советский Союз полученные от самиздата материалы.

«Хроника текущих событий», выход которой прекратился в ноябре 1972 г., возобновила его в мае 1974 г., когда вышел 28-й номер. В этом номере содержалось короткое обращение к читателю, объяснявшее вынужденный перерыв и причины, побудившие редакцию возобновить свою информационную деятельность. 7 мая 1974 г. в Москве Т. Ходорович, Т. Великанова и С. Ковалев провели пресс-конференцию, на которой сообщили, что отныне берут на себя ответственность за распространение «Хроники текущих событий». Три ее новых выпуска были переданы иностранным корреспондентам. Это означало, что кризис правозащитного движения преодолевается.

С января 1974 г. оживила свою работу Инициативная группа защиты прав человека в СССР. В октябре 1974 г. она провела первую в стране пресс-конференцию как независимая общественная группа под председательством А.Д. Сахарова. Центральным вопросом конференции было положение политзаключенных в тюрьмах и лагерях. «Хроника» подготовила к этому дню специальный выпуск, составленный по неопровержимым фактам из писем и рассказов политзаключенных. На этой пресс-конференции 30 октября был объявлен Днем советских политзаключенных.

Московская хельсинская группа. В августе 1975 г. идеологический отдел ЦК КПСС дал «добро» на опубликование в центральных газетах полного текста Заключительного Акта Хельсинских соглашений, включая его гуманитарные статьи. Очевидно, высшие партийные руководители пришли к убеждению, что с диссидентским движением в стране покончено. Но эта самоуверенность оказалась несостоятельной.

В мае 1976 г. по инициативе А. Сахарова в Москве была созвана пресс-конференция, на которой профессор Юрий Орлов, вернувшийся после пятнадцатилетней ссылки из Армении, объявил о создании Группы содействия выполнению Хельсинских соглашений в СССР – Московской хельсинской группы, открытой общественной ассоциации. Ее создание знаменовало, как свидетельствуют дальнейшие события, подъем правозащитного движения в СССР, который диссиденты называли «хельсинским периодом».

Гуманитарные статьи Заключительного Акта определяли и ограничивали деятельность Московской хельсинской группы (МХГ), что она и подчеркивала в своем учредительном заявлении. В этом документе МХГ оповещала всех граждан, что будет принимать информацию о нарушении гуманитарных статей, обобщать ее, анализировать и оценивать сообщаемые факты, знакомить с ней общественность страны, а также передавать документы в те страны, которые подписали Хельсинские соглашения. К примеру, документы по мере их накопления МХГ передавала в Нью-Йорк, где издательство «Хроника» выпускало их в виде сборников на русском и английском языках.

В документах Московской хельсинской группы ясно прослеживаются такие основные направления правозащитного движения: право народов распоряжаться своей судьбой, предусмотренное статьями Хельсинских соглашений; свобода выбора места проживания; свобода выезда из страны и право возвращения в нее; право на справедливый суд; положение политзаключенных; свобода совести.

По примеру Московской хельсинской группы были созданы Украинская хельсинская группа, затем Литовская, Грузинская, Армянская. Они сотрудничали с московскими правозащитниками, выражая этим межнациональные взаимоотношения. Однако хельсинские группы так и не смогли выполнить взятой на себя миссии – ослабить репрессии власти против правозащитников с помощью посредничества Запада.

Московская хельсинская группа способствовала появлению специализированных ассоциаций. В январе 1977 г. при МХГ была создана Рабочая комиссия по исследованию использования психиатрии в политических преследованиях инакомыслящих. От Московской хельсинской группы в нее входил П. Григоренко. За четыре года своего существования Рабочая комиссия подготовила 24 информационных бюллетеня, которые выходили раз в два месяца. Она собирала данные о репрессиях и на их основе составила картотеку политзаключенных, содержащихся в психиатрических больницах. Материалы о таких заключенных помещались в бюллетене Рабочей комиссии. Ее члены писали письма-протесты врачам-психиатрам и администрации, обращались в соответствующие советские органы, чтобы добиться отмены губительных методов лечения здоровых людей. Рабочая комиссия действовала до февраля 1982 г., до ареста ее последних участников.

Запад продолжал поддерживать правозащитное движение в СССР и в 1970-х гг. Однако он не мог предотвратить репрессии против хельсинских групп. Правда, его поддержка Сахарова отодвинула подготовленную расправу с ученым и снизила наказание его единомышленникам. Белградская конференция в октябре 1977 г. по проверке выполнения Хельсинских соглашений предъявила обвинение Советскому Союзу в области прав человека, используя материалы Московской хельсинской группы – претензии советских граждан к своему правительству. Это обстоятельство несколько взбодрило правозащитников.

На Западе изучались тайно переданные истории болезней заточенных в психбольницах правозащитников, а также обследовались эмигрировавшие диссиденты – бывшие узники психбольниц. Все они были признаны здоровыми. Это убеждало Запад в том, что в Советском Союзе используют психиатрию в борьбе с инакомыслием, т.е. в политических целях. Общественные организации Запада пытались воздействовать на советские органы власти, чтобы пресечь психиатрические репрессии, но это не давало заметных результатов.

В «хельсинский период» репрессии против правозащитников не сокращались и после Белградской конференции. Но пока проводились «выборочные» аресты. Отметим некоторые из них. В феврале 1977 г. были арестованы руководители Московской и Украинской хельсинских групп Ю. Орлов и М. Руденко, а также члены этих групп А. Гинзбург, А. Щаранский, О. Тихий. Профессор Орлов получил 7 лет лагеря строгого режима и 5 лет ссылки. В мае 1978 г. был арестован А. Подрабинюк, один из основателей Рабочей комиссии, и осужден за книгу «Карательная медицина» (об использовании психиатрии в наказании осужденных). В ноябре 1979 г. была арестована Т. Великанова, активный член Инициативной группы защиты прав человека. Она была осуждена на 4 года лагеря строгого режима и 5 лет ссылки. После ареста А. Лавута на свободе не осталось ни одного активного члена Инициативной группы.

Повальные аресты диссидентов были проведены в 1980–1982 гг., хотя началом «генерального наступления» на правозащитное движение можно считать ноябрь 1979 г. Репрессиям подверглись, в первую очередь, открытые ассоциации правозащитников, типа хельсинских групп. В 1980 г. попали в заключение более двух десятков москвичей, в конце 1981 г. – более десятка. Все они самые активные, опытные, авторитетные участники движения за права человека. В эти годы были арестованы члены Рабочей группы В. Бахмин, Л. Лерновский, И. Гривина, Ф. Серебров, А. Корягин. В 1982 г. бы-

ли арестованы около 50 членов хельсинских групп. В период расширения репрессий резко увеличилось число женских арестов. В 1982 г. в лагерях находились более сотни женщин, арест которых был связан с правозащитным движением.

С 1980 г. значительно возросло число обысков. Их целью стала, в основном, ликвидация самиздата. Обыски проводились не только в Москве, но и в Ленинграде, Калуге, Саратове, Куйбышеве, Смоленске, Воронеже, Новосибирске, Свердловске, Киеве, Одессе, Харькове и в других городах. Самиздат был обнаружен всюду.

Следует отметить и такой невероятный для цивилизованного общества факт: адвокаты боялись и отказывались защищать на суде обвиняемых по политическим статьям, в том числе правозащитников. Как правило, такая защита заканчивалась лишением осмелившихся адвокатской практики и исключением из коллегии адвокатов.

Угасание правозащитного движения. В начале 1980-х гг. явно обозначился кризис правозащитного движения. Обстоятельства и события в эти годы породили причины его угасания. Схема движения за права человека хельсинского периода, открытых общественных ассоциаций действовала до массового ареста всех активных участников. Начиная с 1982 г., движение почти полностью лишилось выходцев из московской интеллигенции, которые создали это движение, были его ядром в 70-е гг., оно было разрушено арестами и принудительной эмиграцией. Круг ведущих деятелей перестал существовать. А. Солженицын был давно выслан из страны. А. Сахаров изолирован в незаконной горьковской ссылке, десятки других погибли, оказались в ссылке.

Движение все более замыкалось в себе: правозащитники, в основном, сообщали, чаще через «Хронику текущих событий», продолжавшую еще существовать, о репрессированных из своей же среды и всячески помогали им, ожидая своего ареста. В Москве в начале 1980-х гг. осталась уже совсем поредевшая группа правозащитников, главным образом, из новых, молодых людей, которые по-иному относились к идеям движения за права человека. Это привело к изменению духа движения, а точнее, его затуханию.

Тогда же начались споры, есть ли у правозащитного движения будущее, не иссякло ли оно не только в результате репрессий, обезлюдения и усталости, но и прогрессирующего равнодушия общественности и внутри страны, и за рубежом. Публика начала воспринимать почти буднично очередные вести о процессах, голодовках и смертях правозащитников. Вместе с тем никакого нового социального содержания и никакой опоры в условиях постепенно изменяющегося политического климата в стране правозащитное движение не сумело приобрести.

Горбачевская либеральная политика в 1985–1987 гг. привела к тому, что диссидентское движение в СССР было задавлено, по крайней мере в его прежних формах. Однако жертвенная деятельность его участников не осталась без последствий. Она способствовала оздоровлению морально-политического климата в стране во второй половине 80-х–90-х гг. Само движение открыло путь к демократизации общественного строя современной России.

Диссидентское движение и катакомбная культура. В годы тоталитарного режима была создана советская культура, все деятели которой были обязаны творить в соответствии с партийными идеологическими требованиями и нормами, соблюдать все принципы социалистического реализма. Писатели, поэты, драматурги, художники, композиторы-песенники, уклонявшиеся от этих позиций, оказывались жертвами ГУЛАГа, гибли в тюрьмах и лагерях. Примеров тому предостаточно. А те, кто добросовестно выполнял партийный заказ, преуспевали, получали признание и известность.

Однако официальная культура постепенно теряла свою общественную значимость и влияние в образованных слоях населения. На рубеже 50–60-х гг. официальное искусство, литература стали объектом полемики, преимущественно подпольной. Определенная часть интеллигенции воспринимала советскую литературу как верную служитель-

ницу партии, лживо, приукрашено изображавшую социалистическую действительность в рамках большевистской идеологии. И тогда в противовес этой культуре возникла неофициальная, «катакомбная» культура, или андеграунд.

Андеграунд – это как бы вторая культура, которая развивалась по своему пути, минуя многие каноны официальной культуры, выступала как «культурная оппозиция». Она имела свои особенности.

1. Катакомбной культуре присущи свои нравственные принципы – свобода творчества, а следовательно, свободный выбор идеологических и моральных критериев, направлений и стилей.

2. Эта культура объединяла людей с общими интересами, никому не навязывалась, она вырастала сама собой, питаемая общественными силами, которые коммунистам было трудно контролировать.

3. Подобно всякой культуре, катакомбная культура стремилась оформиться в институты (общества, клубы и т.д.), проводить конкурсы, выставки и другие мероприятия.

Культура диссидентов имела также название культуры «потерянного поколения», рожденного и воспитанного в сталинскую эпоху, травмированного «заморозками» конца 60-х гг. и задыхающегося в удушливой атмосфере застоя. Эти молодые люди – литераторы, художники и др. – уходили в кочегары, ночные сторожи, дворники, рабочие магазинов и прочие, только бы не прислуживать партийной идеологии. Они обвиняли тех из своей среды, кто был недостаточно радикальным и бескомпромиссным.

Катакомбная культура – среда, где вырастали диссиденты. Ее создали и насыщали, в основном, шестидесятники. Как символ свободы и оппозиции она имела глубокий и значительный смысл. Литература и искусство диссидентов оказывали заметное влияние на молодое поколение. Баллады В. Высоцкого воспринимались молодежью с восторгом.

Молодая интеллигенция устремлялась на выставки отечественного авангарда, но не потому, что эти выставки абстрактного искусства привлекали ее своим содержанием (понять и оценить абстракционизм могут немногие), а потому, что это искусство, приведшее однажды в ярость Хрущева, выражало оппозицию официальному искусству, противостояло культуре социалистического реализма. На этих выставках она демонстрировала свою лояльность к художникам-авангардистам, скульпторам, ощущала атмосферу неофициального искусства, находила повод выказать недовольство советской живописью, скульптурой.

Высшие партийные и советские органы, верные политической рекламе, рассчитанной на Запад, в первые годы терпели «крамольные» сочинения диссидентов, чтобы иметь за рубежом приличный «имидж», продемонстрировать, что в Советском Союзе пробуждается свобода творчества, зарождается независимая культура. Инакомыслящие писатели имели возможность публиковать свои произведения в открытой печати. Таковыми литературными пристанищами были альманахи «Метрополь» и журнал «Новый мир».

Альманах «Метрополь» имел около двух десятков авторов. В нем были напечатаны «Прощальные деньки» Андрея Битова, «Мелодии наших дневников» Петра Кожевникова, Фазиль Искандер поместил два рассказа – «Маленький гигант большого секса» и «Возмездие», Борис Бахтин напечатал в альманахе рассказ «Дубленка», Василий Аксенов написал для него рассказ «Четыре темперамента». «Метрополь», в целом по содержанию, был выдержан в духе критического реализма, без слащавой «розовой водички», которую так любили брежневские редакторы. Альманах объективно, критически вскрывал теневые стороны социалистической действительности. Однако помещенные в нем материалы не содержали ничего враждебного строю, аполитичного.

О журнале «Новый мир» говорилось в ранее. Здесь добавляются новые сведения о нем. Журнал был в 1960-х гг. не только своеобразной «политической оппозицией», выразителем идей демократического обновления страны, но и хранителем традиций рус-

ской литературы. Он постоянно и достаточно резко выступал против любой серости, ремесленничества и конъюнктуры в литературе. Этим журнал подрывал престиж могущественного слоя в литературе, занимавшегося обслуживанием «номенклатуры», реализацией ее установок.

«Новый мир» вызывал недовольство официальных влиятельных литераторов, столпов соцреализма, сросшихся с властью, подрывал нравственные устои таких писателей. Журнал Твардовского постепенно становился их кошмаром, ибо никто из них не был застрахован от того, чтобы не увидеть на его страницах свой подлинный портрет. Как вспоминает Ю. Трифонов, на «Новый мир» всегда особенно рьяно кидались те, кому досталось от отдела критики, и армия этих оскорбленных с каждым годом росла и злобнела. Он пишет: «Новый мир» погиб оттого, что взорвался пороховой погреб писательских самолюбий. Слишком многих писателей этот журнал задел, слишком важные персоны раздел, обнаружив «голых королей»²⁶⁶. Подробнее о разгроме журнала написал А. Солженицын в работе «Бодался теленок с дубом».

Диссидентская литература «выходила в свет» преимущественно в форме самиздата, который в начале своего зарождения был чисто литературным органом и лишь позже приобрел публицистический характер. И начинался он со стихов. Молодежь, особенно студенчество, уставшая от банальности, обязательности соцреализма, от стихотворных дифирамбов социализму и партии, жадно потянулась к иному духовному мироощущению.

Самиздат охотно печатал стихотворения забытых дореволюционных поэтов, репрессированных и запрещенных поэтов советского времени. Успехом пользовались стихотворения диссидентов, стихи Бродского широко ходили в самиздате, их пели под гитару, как и стихи Галича.

Наряду с поэзией, самиздат печатал произведения писателей-прозаиков, а также писателей и поэтов Российского зарубежья. На его страницах нашли место произведения И. Бунина «Окаянные дни», М. Цветаевой – «Лебединый стан», стихи поэта и офицера Н. Гумилева, А. Ахматовой – «Реквием», О. Мандельштама – «Воронежские тетради», В. Ерофеева – «Москва – Петушки», И. Бродского – «Шествие», Б. Пастернака – «Доктор Живаго», произведения М. Булгакова, А. Платонова, И. Северянина, А. Солженицына. Затертые машинописные тексты литературных произведений передавались из рук в руки, читались с волнением, словно содержали в себе какой-то тайный смысл, недосказанное откровение.

В литературном самиздате получили воплощение зарождающиеся направления в подпольной художественной литературе. Но все писатели-диссиденты считали себя наследниками и продолжателями русской литературы начала XX в. с ее критическим реализмом. Они не признавали декретированную отмену всех литературных течений, методов ради господства соцреализма и всех вариантов духовной жизни во имя «морального кодекса строителя коммунизма».

Независимое издание, в том числе самодеятельное, неофициальное, – это исторически закономерное следствие демократизации общества, пробуждения гражданского самосознания. В самиздате зарождались в 1960–70-х гг. идеи горбачевской перестройки. Немалое внимание уделял самиздат публицистической тематике, историческим проблемам. Эти работы диссидентов, пропитанные вольнодумством, привлекали внимание читателей, которым надоели дух и стиль официальной общественной мысли.

К началу 1970-х гг. самым популярным в самиздате было историческое исследование Роя Медведева «Перед судом истории» – о массовых репрессиях сталинского времени, Жореса Медведева – «О положении в биологической науке», В. Турчина – «Тайна переписки охраняется законом», «Инерция страха», А. Авторханова – «Технология

²⁶⁶ Виноградов И. Птицы ловчие и птицы певчие // Московские новости. 1989.

власти», А. Сахарова – «Размышления о прогрессе, мирном сосуществовании и интеллектуальной свободе», воспоминания А. Антонова – Евсеенко, Е. Гинзбург, Е. Олицкой, философское эссе Г. Померанца, статьи Б. Шрагина, выпуски «Общественных проблем», издававшихся В. Чалидзе с 1969 по 1972 гг.

Ленинград. Здесь не внедрилась московская форма движения за права человека, хотя группа правозащитников была создана. Самым активным независимым общественным движением в городе можно считать попытки создать «вторую» культуру. В Ленинграде в силу специфики его высших учебных заведений создалось «перепроизводство» специалистов в области гуманитарных наук, которые не имели возможности трудоустроиться по специальности. Их единственной интеллектуальной разрядкой было участие в мероприятиях по внедрению «второй» культуры. Причем, ленинградские диссиденты стремились реализовать эти мероприятия официально, открыто.

В 1974 г. группа литераторов пыталась издать (в самиздате) пятитомное собрание сочинений Иосифа Бродского (к тому времени эмигранта поневоле), однако КГБ это запретил. Летом 1975 г. ленинградские поэты предприняли вторую попытку теперь уже легально издать сборник созданных ими за десятилетие стихотворений, который они называли «Лептой». Но из попытки ничего не вышло. Лениздат отказал поэтам в печатании сборника. Однако на него обратил внимание КГБ, в итоге издание «Лепты» было заморожено.

1976 г. был урожайным для ленинградской диссидентствующей интеллигенции. Появились сразу три журнала. Один из них, литературный альманах «Часы», – детище писателей и поэтов северной столицы. Он выходил два раза в год (примерно по 500 страниц), в составе редакции были Ю. Вознесенская, В. Долин и др. В этом журнале ленинградские авторы публиковали романы, пьесы, стихи, воспоминания, статьи по искусству, переводы. Второй журнал – это сборник «Художественный архив», который выпускали В. Нечаев и М. Недрובה. В журнале помещались проза, поэзия, эссе, статьи по искусству, хроника культурной жизни. Третий журнал был назван по номеру квартиры его редактора В. Кривулина – литературно-религиозный и философский журнал «37».

В середине 1970-х гг. активность в создании «второй» культуры проявили художники-нонконформисты, для которых социалистический реализм был неприемлем. Попытки художников получить помещение для выставки своих картин были безрезультатны. Партийные идеологи и Союз художников считали, что картины нонконформистов «нарушают художественную монолитность соцреализма» и чужды советскому искусству.

В сентябре 1974 г. художники решили провести выставку на открытом воздухе, избрав для нее пустырь на юго-западе Москвы. Но выставка была разогнана милицией и гражданами в «штатском» – сотрудниками КГБ, картины уничтожены. Запад резко осудил действия московских властей. Через две недели художники повторили показ картин в Измайловске, на поле за парком. В выставке, помимо столичных художников, участвовали художники из Ленинграда, Владимира, Свердловска и других городов. Все обошлось без вмешательства милиции.

Упорство художников-нонконформистов, наконец, завершилось тем, что им стали предоставлять помещения для организации выставок. Так, показ картин был организован в центральном Доме работников искусств. Осенью 1975 г. состоялись многодневные выставки в Ленинграде и в Москве, на ВДНХ. Выставки проводились, хотя с большим трудом и изредка, и в последующие годы, до начала 1980-х гг.

Подпольная культура исполнила свою роль в движении за права человека. Диссиденты прилагали большие усилия, преодолевая опасности, чтобы противопоставить свою раскрепощенную культуру официальной, заидеологизированной культуре. Они верили, что при падении коммунистического режима, его идеологии у народа будут и

новая литература, и искусство. Общественное значение катакомбной культуры несомненно. В современных условиях она уже ничего не символизирует, так как была провозглашена официально.

* * *

Россия встала на путь демократического развития, формирования правового государства. Одними из главных ценностных ориентиров в решении проблем, связанных с такой грандиозной перестройкой, являются права и свобода человека, гражданина, что закреплено в статье 2 Конституции Российской Федерации.

Для решения сложных гражданских задач, стоящих перед современной Россией, необходима длительная работа: преодоление стереотипов, оставшихся от административно-командной системы, консервативных тенденций в этой области, которые еще живучи; формирование правового сознания граждан, новой либеральной нравственности, без которых невозможно создание атмосферы уважения к человеку, единого всеобъемлющего механизма защиты его прав и свободы. Должна реально осуществиться смена парадигм: системоцентристский подход (от государства к человеку) должен быть замещен персонцентристским подходом (от человека к государству)²⁶⁷. Права человека выступают как критерии нравственного измерения политики и государственной власти.

В этой связи возникает второй аспект проблемы: необходимо и уместно ли диссидентство в современной России? В принципе, в правовом, демократическом государстве не может быть диссидентства. Но в России 90-х гг. только начато создание демократии, и существует она пока формально как идеал государственного устройства. Перспективы развития инакомыслия в России пока недостаточно ясны. Но очевидно одно: пришедшие к власти многие демократы – это вчерашние коммунисты, быстро переменившие свое прошлое партийно-политическое кредо; бывшие партийные функционеры, которые перетаскивали с собой и управленческие традиции, и идеологию, хотя и вывернутую наизнанку под влиянием изменившихся обстоятельств и своей новой административно-политической роли.

Политическое и юридическое провозглашение и утверждение демократии еще не гарантирует ее незамедлительного внедрения в реальную жизнь государства. Это касается и России. Инакомыслие в новых условиях, с новыми формами и методами противодействия – это потенциальная оппозиция уже демократической власти в случае ее отступления от демократических принципов, необходимый элемент здорового общества. В демократическом государстве существует несколько партий с несходными программами. Но если партийное противодействие включает в себе официальную оппозицию правительству, его политике, то внепартийное инакомыслие – это реакция народа на социально-политические процессы в демократическом государстве, иначе демократия может эволюционизировать к автократии. Сегодняшним инакомыслящим не надо уходить в подполье. Главное в том, чтобы власть подчинялась не догмату, а закону – единственной гарантии гражданских прав и свободы.

²⁶⁷ Права человека и политическое реформирование. М., 1997. С. 3.

ГЛАВА II. НАЦИОНАЛЬНО-ЭТНИЧЕСКАЯ И ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЭМИГРАЦИЯ

Открытых официальных данных о количестве советских граждан, покинувших СССР в 60–80-е гг., нет. Причины их отсутствия в периодической печати вполне объяснимы: такие показатели подрывают престиж построенного в Советском Союзе социализма, «руководящую и направляющую» деятельность КПСС. В западной печати помещаются разноречивые данные о количестве граждан, покинувших СССР в годы «застоя». Наиболее часто говорится о 170–180 тыс. человек за 1971–1979 гг., и другой показатель – 300 тыс. человек за 1970–1985 гг. Однако следует учитывать, что «абсолютное большинство эмигрантов того времени выезжали по израильским визам (только в 1968–1976 гг. было выдано 132500 виз для выезда в Израиль)»²⁶⁸.

В рассматриваемый период существовал еще один эмигрантский поток – это выезд из страны советских граждан по религиозным мотивам. Имеются в виду, прежде всего, «пятидесятники», которые тогда составляли десятки тысяч. Советские органы всячески препятствовали этому выезду, ввели обязательный вызов от родственников или правительств тех стран, куда собирались выехать «пятидесятники». Но поступавшие вызовы нередко перехватывались «компетентными органами» и не доходили до адресатов. «В феврале 1977 г. о желании выехать из СССР по религиозным мотивам заявило более 1 тыс. человек, в 1979 – около 30 тыс. человек... Только в 1989 г. по религиозным мотивам страну покинули около 10 тыс. человек, среди них и "пятидесятники"»²⁶⁹. Отдельно эта тема в пособии не рассматривается.

Еврейское движение за выезд на историческую родину. В главе I отмечалось, что социальная политика КПСС 1960–80-х гг. поставила еврейский народ в СССР на грань духовного оскудения, ликвидации национальной культуры. Начавшаяся в Советском Союзе во второй половине 1980-х гг. перестройка вызвала ряд качественных изменений в еврейском вопросе, создала предпосылки для более активного развития независимого еврейского движения, стремившегося отстаивать национальные права и интересы советских евреев. Возникали разнообразные еврейские организации, общества, группы, религиозные общины.

Еврейское независимое национальное движение включало в себя два направления. Первое объединяло тех, кто стремился уехать из Советского Союза; во втором группировались те, кто решил остаться в СССР и боролся за возрождение национальной культуры.

Второе направление национального движения уходит своими корнями еще в сталинскую эпоху. Евреи в 40-х гг. помогали национально-культурной автономии на территории южной России. Созданный во время Великой Отечественной войны Еврейский антифашистский комитет облюбовал для автономии Крым, освободившийся после высылки крымских татар, и предложил создать на его территории Еврейскую национальную республику. Но Сталин умерил аппетиты евреев, указав на образованную в 1934 г. Еврейскую автономную область на Дальнем Востоке, в которую они не спешили переезжать. Многие члены Комитета пострадали за эту инициативу.

Значительно позже свои намерения о создании новой национально-культурной автономии евреи изложили в итоговом документе Всесоюзного Круглого стола «Проблемы советского еврейства» (Рига, 21–22 мая 1989 г.) и использовали его в качестве обращения к Съезду народных депутатов СССР и к Пленуму ЦК КПСС. Но это обращение сработало вхолостую.

²⁶⁸ Пушкарева Л. И. Возникновение и формирование Российской диаспоры за рубежом // Отечественная история. М., 1996. С. 62

²⁶⁹ Там же. С. 63.

Независимое еврейское движение выступало за свободу выезда в Израиль для одной категории евреев и стремилось обеспечить условия для полноценной жизни тех, кто не хотел эмигрировать. И надо признать, что объективно эта борьба была в русле борьбы за демократию и гуманный социализм.

Еврейские общественные организации. Они возникли уже в 60-х гг. Но их рост и активность проявились именно во второй половине 80-х гг. В конце 80-х гг. сионисты стремились легализовать свою деятельность. Первая организационно оформленная сионистская группировка «Иргун Цион» (председатель Лев Городецкий) была создана в августе 1989 г., издавала свой журнал «Коль Цион» («Голос Сиона») и имела свои отделения более чем в 50 городах страны. Она проводила съезды, на одном из которых в ноябре 1989 г. (учредительный съезд по инициативе «Иргун Циона») была создана Сионистская федерация евреев СССР.

Самым мощным и многочисленным объединением евреев, живущих в Советском Союзе, была ВААД (Конфедерация еврейских организаций и общин СССР). В декабре 1989 г. ваадовцы провели съезд, который показал, что еврейское движение в конце 80-х гг. в значительной степени сионизировалось, в целом тяготеет к сионизму как доминирующей в еврейском народе национальной концепции, хотя съезд и не являлся чисто сионистским. Съезд стремился объединить усилия всех общественных слоев народа, в том числе и тех, которые не стояли на определенных сионистских позициях.

Это объединение заявило о себе как об органе, радеющем о возрождении еврейской духовной жизни и культуры в СССР, что позволило лидерам ВААД привлечь в свои ряды различные еврейские, главным образом, несионистские организации, объединявшие евреев, которые не стремились покинуть страну. Но это было всего лишь маскировкой. ВААД была сугубо сионистской организацией, использовавшей сионистские принципы, направленные на обеспечение существования государства Израиль. Доказательством тому служит принятое летом 1990 г. Соглашение между «Сионистским форумом советских евреев в Израиле» и ВААД, которое предусматривает вступление этих двух организаций во Всемирную сионистскую организацию (ВСО) не позднее 1992 г.

Сионизм в среде советских евреев. Прежде всего, подчеркнем, что ошибочно отождествлять сионистов и всех евреев, подобно тому, как фашистов и всех немцев. Необходимо последовательно разграничивать евреев и сионистов. Сионизм опасен для евреев не менее, чем фашизм для немцев, большевизм для советских людей.

Существует несколько толкований понятия «сионизм» (имеется в виду современный сионизм). Приведем три из них. По утверждению еврейских публицистов (М. Агурский и др.), сионизм – это, главным образом, идея и практическая программа национального возрождения евреев как народа. Второе: сионизм – это еврейское национально-освободительное движение, поставившее перед собой цель создания еврейского государства на исторической родине еврейского народа. Наконец, третье толкование понятия: сионизм – это идейное течение, призванное добровольно собрать евреев на их историческую родину.

Объединяя три вышеприведенных толкования понятия «сионизм», создадим некий конгломерат, близкий к авторской концепции главы второй, параграфа первого данной книги. Итак, сионизм – это национальное, а в своих крайних, экстремистских проявлениях – националистическое, движение, которое в наиболее ярком и чистом виде представлено в Израиле. Преобладающая часть израильтян и евреев других стран, стремящихся поселиться в Израиле, действительно поставили перед собой цель возрождения национального бытия и сознания. При этом не следует забывать, что, напротив, политический сионизм (в СССР он имел место, скрытый в идеях Октябрьской революции), в конечном счете, отрицает возможность демократического решения еврейского вопроса в многонациональном государстве.

В связи с последним тезисом, обратим внимание на сионизм иного содержания и масштаба, который представляет собой по внутренней сущности не собственно национальное, а международное политическое явление – международный сионизм, общепризнанным современным центром которого являются США. Большинство евреев Израиля отвергают международный, «интернациональный» сионизм, т.к. он подавляет национальный сионизм, ведет к интернационализации евреев, хотя США и сионистские организации других стран оказывают финансовую помощь Израилю, нередко и политическое содействие. Антагонистический процесс, взаимная борьба интересов сионистов Израиля и других стран, особенно США, достаточно полно обрисованы в работе одного из ведущих сотрудников Института США и Канады АН СССР С.М. Сергеева «Израиль в системе мирового сионизма».

Международные сионисты считают, что идею господства над миром можно осуществить политическими, экономическими и религиозными средствами. Неслучайно ООН охарактеризовала сионизм в своей резолюции № 3379 от 10 ноября 1975 г. как разновидность расизма, как «форму расизма и расовой дискриминации». Этот вердикт ООН нельзя опровергнуть.

На учредительном съезде в ноябре 1989 г., в работе которого приняли участие представители еврейских организаций СССР, стоящие на сионистской платформе, был распространен документ – Иерусалимская программа, принятая на 27-ом сионистском конгрессе в 1968 г. В нем были изложены следующие принципы сионизма: единство еврейского народа и центральное место Израиля в еврейской жизни; собирание еврейского народа из всех стран на его историческую родину; усиление государства Израиль, построенного на принципах мира и справедливости; сохранение национального лица еврейского народа путем развития и поощрения еврейского и ивритского образования и еврейских духовных и культурных ценностей; защита прав евреев везде. Следовательно, полноценная жизнь евреев возможна только в Израиле, а СССР – лишь «страна пребывания».

В начале второй половины 60-х гг. Израиль проявил резко отрицательное отношение к СССР, связанное с ущемлением советским правительством еврейского независимого национального движения. Эта решительная смена курса выразилась в призыве тогдашнего премьер-министра Голды Меир к «тотальному походу» против СССР.

Русофобия. Нельзя жить в стране, коренную нацию которой ненавидишь. Обостренный, крайний сионизм в еврейском независимом движении нередко приобретал открытую форму русофобии, разгул которой наблюдался в 70-х – начале 80-х гг. Активный носитель и выразитель русофобии – националистически настроенная часть евреев-сионистов.

А. Янов, откровенный русофоб, в очерке «Русская идея и 2000-й год» заявляет, что Россия не сможет освободиться от деспотизма до тех пор, пока не избавится от идеи национального величия. Обвиняя русских в деспотизме, в том, что они виновники всех творящихся в стране беззаконий, автор замалчивает, что советские карательные органы (ВЧК, ОГПУ, НКВД) в 20–30-е гг. были напичканы евреями. Кровавые деяния этих органов общеизвестны. А. Солженицын в свое время опубликовал список лагерных палачей и начальников с еврейскими фамилиями. Комиссары в РККА в годы Гражданской войны – преимущественно евреи. Это они творили кровавые трибуналы в частях, приказывали расстреливать военнопленных «белых».

Образ русских русофобы лепят как бы обреченными «жить в пещерах». Б. Шрагин сообщал, что у русских не было истории, а было лишь «бытие вне истории». Еврейские писатели и эмигранты пытаются разрушить национальное самоуважение русских, описывая их как нацию рабов, которая боготворит власть и насилие, как фанатичный и тупой народ, погрязший в поголовном пьянстве. А. Синявский в творении «Прогулки с

Пушкиным» уподобляет великого русского поэта «болонке при светских дамах». Поражает его вопль «Россия-сука, ты ответишь и за это!» (за то, что воспитала, дала образование и т.д.).

Как тут не вспомнить слова В.И. Ленина, звучащие в унисон сионистам, которые он произнес в беседе с пролетарским писателем: «Мы народ талантливый, но ленивого ума. Русский умник почти всегда еврей или человек с примесью еврейской крови» (статья М. Горького о Ленине «Он разбудил Россию»).

Ощутимый, можно сказать, сокрушительный, удар еврейской русофобии нанес выдающийся советский математик, активный правозащитник 70-х гг. И.Р. Шафаревич своей работой «Русофобия» (напечатана в журнале «Наш современник», 1989, № 6, 11). Он принес в сферу, где до этого кипели эмоции, аналитический научный подход. Ученый рассмотрел русофобию как систему, выявил ее корни, проанализировал в историческом контексте, привлекая факты не только из отечественной истории, но и из истории других стран. Все попытки оппонентов опровергнуть концепцию автора оказались безуспешными. Русофобия, ненависть к русскому народу, по определению автора, – это постоянная зловещая тенденция в еврейской культуре.

Эмиграция евреев в Израиль. Еврейское эмиграционное движение имело свою особенность. Она состояла в том, что затаенной целью выезда многих евреев было не переселение в Израиль, ближе к горе Сион, куда стремились истинные сионисты, семьи с пожилыми родителями и лица с «неходовыми» профессиями, а эмиграция из СССР преимущественно в США. Этому в немалой степени способствовали международные еврейские организации.

В 60-е гг. выехать из страны удалось правдой и неправдой некоторым ученым, врачам со степенями и званиями, высококвалифицированным специалистам в области техники, деятелям культуры, которых не удовлетворяли политический климат в стране, социально-бытовые условия. К числу ведущих причин следует добавить бытовой, а также государственный антисемитизм, который, начиная с 60-х гг., набирал силу, расширялся.

Советское правительство под разными предлогами препятствовало еврейской эмиграции. Из года в год росло число заявлений на выезд, и попутно росло количество «отказников». Но евреи продолжали бороться за получение виз. Первыми шагами в этом направлении были петиции и открытые письма в газеты. Протесты евреев против отказов в выезде направлялись также в иностранные газеты, международные еврейские организации.

Для выражения протеста, освещения борьбы за выезд из СССР «отказники» организовали самиздат. Его первые пункты появились в Ленинграде и Кишиневе. С 1970 г. в Москве стал выходить еврейский информационный бюллетень «Исход», который составлялся из открытых писем, обращений, документов по эмиграционному движению. В Риге в 1970 г. появился еврейский самиздатовский журнал «Итон», правда, вышло лишь два выпуска, третий был конфискован, и издание прекратилось. С октября 1972 г. начал выходить литературно-публицистический журнал «Евреи в СССР». В нем помещались также материалы с острой критикой советского правительства за антидемократическую эмиграционную политику, приводились факты преследования «отказников» по служебной линии. В 1975 г. были проведены первые обыски по делу, возбужденному против этого журнала.

В качестве протеста против отказов в выдаче виз евреи использовали голодовки и, чаще, демонстрации, митинги, собрания. Они проводились в Москве, Ленинграде, Киеве, Минске, Кишиневе, Риге и в других городах. Участников этих мероприятий местные органы милиции разгоняли, зачинщиков штрафовали, арестовывали на 10–15 суток за «хулиганство». В Москве КГБ блокировал квартиры активных участников еврейско-

го эмиграционного движения, некоторых из них безосновательно задерживали и по нескольку дней содержали в КПЗ.

«Отказники», продолжая борьбу за выезд, отмежевывались от правозащитников, хотя часто использовали их методы, полагая, что при такой позиции они быстрее получают визы. Однако в середине 70-х гг. у «отказников» стал проявляться интерес к правозащитному движению, чему способствовали Хельсинские соглашения. После создания Московской хельсинской группы активисты эмиграционного движения включились в нее.

Власть всеми способами препятствовала объединению эмигрантского движения с правозащитным движением. В то же время еврейские международные организации, от которых поступала материальная помощь «отказникам» и зависела интенсивность еврейского эмиграционного процесса в СССР, резко выступили против такого альянса.

В конце 70-х гг. наступило ослабление правозащитной активности еврейского эмиграционного движения в Москве, которая была его центром. Не зависимой от внешних воздействий причиной распада «союза» явилось осознание участниками движения несовместимости их главной цели – эмиграции из СССР – с побочной деятельностью – участием в правозащитном движении, которое они сочли малозначимым для выезда из страны и бесперспективным. К тому же «отказники» опасались вступить в конфликт с властью.

После 1975 г. ограничения на выезд, которые касались не только евреев, но и всех граждан СССР, начали ослабевать. В этой связи совет ВААД стремился придать стихийной эмиграции евреев черты организованности путем налаживания контактов за рубежом, куда ездили его представители.

Развитие еврейского эмиграционного движения и его результаты характеризуются следующими показателями. За десятилетие (1970–1980 гг.) были осуждены на лагерь или ссылку более 70 участников еврейского движения. За это время выехали по израильским визам 250 тыс. человек. В 70-х гг. число разрешений постепенно росло: в 1975 г. – 13 тыс., в 1976 г. – 14 тыс., в 1977 г. – 17 тыс., в 1978 г. – 36 тыс., в 1979 г. – 51300. Затем эмиграция стала идти на убыль: в 1980 г. – 9640 человек, в 1982 г. – 2692 человека. При колебаниях численности выехавших по израильским визам росло число «прямоходов», т.е. едущих не в Израиль. В 1979 г. в Израиль прибыло 17550 человек (34,2 % выехавших по израильским визам), в 1980 г. – 7220 (33,6 %), в 1981 г. – 1790 (18,9 %), в 1982 г. – 733 (27,2 %) ²⁷⁰. Подавляющее большинство евреев, не пожелавших поселиться в Израиле, эмигрировали в США.

В 1980 г. произошли изменения правил выдачи виз. Они резко ограничивали выезд из страны советских граждан, как по линии родственных связей, так и по линии запретов, связанных с секретностью профессиональной деятельности «отказников». Это ограничение распространялось, прежде всего, на ученых и технических специалистов, работавших в НИИ и на предприятиях военно-промышленного комплекса. Снижение эмиграции в 80-х гг. прослеживается по приведенным выше показателям.

Эмиграция стала существенным и постоянно действующим фактором жизни многих евреев в СССР, но отсутствовал закон об эмиграции, не было правовых гарантий свободного выезда из страны. В 1979 г. активисты эмигрантского движения создали группу «Право на эмиграцию» (председатель В. Барац). Она поставила себе цель – упорядочить эмиграционную политику, придать ей форму закона. В июне 1979 г. группа направила в Президиум Верховного Совета СССР проект «Положения о порядке выезда граждан из СССР». Но это послание не было рассмотрено высшим органом законодательной власти.

²⁷⁰ Алексеева Л. История инакомыслия в СССР. Вильнюс-М.: Весть, 1992. С. 131.

Такой документ появился лишь в 1988 г., когда Международный комитет подготовил соглашение «За открытые границы» по вопросу об эмиграции советских евреев. Это секретное соглашение (секретное, чтобы не будоражить арабов) было заключено между СССР, США и Израилем в 1988 г. в Женеве и в Москве и подтверждено в 1989 г. на Мальте в ходе советско-американской встречи на высшем уровне. В рамках этого трехстороннего соглашения СССР, США и Израиль договорились: открыть границы СССР для эмиграции всех евреев, желающих покинуть страну; разрешить Израилю и находящимся под его контролем еврейским организациям в других странах заниматься вопросами эмиграции советских евреев; значительно сократить число евреев, выезжающих из Советского Союза в США. Соглашение также предусматривало предоставление СССР некоторых экономических и политических льгот при условии, что они будут способствовать эмиграции советских евреев.

Расселение евреев в Израиле. Для подготовки и поощрения еврейской эмиграции Всемирная сионистская организация создала «Еврейское агентство для Израиля» – «Сохнут» – которое щедро финансирует целевые программы еврейского движения за выезд из СССР в Израиль.

В Израиле действует «Закон о возвращении». Согласно ему, каждый человек, рожденный еврейской матерью, и члены его семьи (независимо от национальности) по приезде в страну автоматически получают израильское гражданство. Однако быстрое получение паспорта отнюдь не означает быстрое преодоление «комплекса иммигранта». Президент Сионистского форума советского еврейства иммигрант Натан Щаранский признал, что «цель, которую ставил перед собой Форум, – способствовать воссозданию общинной жизни в Израиле евреев, репатриантов из СССР – оказалась неосуществимой»²⁷¹. Он настаивал на необходимости включать бывших советских евреев в израильское общество, а не выделять их в отдельную этническую группу, что практически невозможно.

Хлынувший из СССР в конце 80-х гг. поток евреев правительство Израиля не смогло своевременно благоустроить. Трудности с работой, квартирами, уменьшение ссуд, выделяемых государством вновь прибывающим, обостряли социальную напряженность в стране. Строительство поселений для иммигрантов на контролируемых территориях или там, где нет рабочих мест, привело к тому, что большая часть квартир оставалась незаселенной. Такое строительство стало причиной резкого снижения США долларовой помощи Израилю.

Бывшие советские евреи, в большинстве имеющие высокий профессиональный уровень, без особого труда находили место работы. Некоторые евреи из СССР, особенно молодежь, пошли в киббуцы – сельскохозяйственные предприятия, построенные по социалистическому идеалу равенства, социальной справедливости, коммуны, основанные на общности имущества, производства и потребления. Главный принцип управления – абсолютное равенство всех членов коммуны. В каждом киббуце есть индустриальный сектор – небольшие фабрики, мастерские, лаборатории. По организации производства и уровню жизни киббуцы не могут даже теоретически сравниться с советскими колхозами, совхозами. Но израильские киббуцы охватывают не больше 3 % населения Израиля²⁷².

Немецкое движение за выезд в ФРГ. Назовем несколько дат в жизни немцев в России, СССР. 1764 г. Первые немецкие колонисты прибыли в Россию по приглашительным манифестам Екатерины Второй и поселились на хлеботорных равнинах под Саратовом.

²⁷¹ Дубнов А. Русская карта // Новое время. 1992. № 26. С. 30.

²⁷² Константиновский И. Киббуц // Огонек. 1990. № 17. С. 21.

1918 г. Декретом СНК от 19 октября была образована Трудовая коммуна немцев Поволжья (с 1924 г. автономная республика). Были созданы немецкие национальные районы в Украине, на Кавказе и на Алтае.

1941 г. 28 августа в связи с начавшейся войной Германии с СССР вышел Указ Президиума Верховного Совета СССР «О переселении немцев, проживающих в районах Поволжья». Они были объявлены немецкими шпионами и диверсантами. Немцы, проживавшие в других районах страны, в Указе не упоминались. Однако все советские немцы были выселены в Сибирь и Казахстан. В 1942 г. мужчины и женщины в возрасте от 14 лет были мобилизованы в трудовую армию.

1964 г. Указ Президиума Верховного Совета СССР от 29 августа снял обвинение с советских немцев в «шпионаже и диверсиях», но запретил им возвращаться на довоенную родину. Лишь в 1972 г. был разрешен переезд в довоенные места проживания. Однако Немецкая автономная республика так и не была восстановлена. По переписи 1979 г. в СССР насчитывалось 1 млн 937 тыс. немцев, разбросанных по разным уголкам страны.

Независимое немецкое национальное движение, как и еврейское, имело два направления: первое – движение за выезд на историческую родину (ФРГ) и второе – движение за создание национально-территориальной и культурной автономии.

Еще в конце 1950-х гг. многие немецкие семьи пытались добиться выезда в Германию, но безуспешно. Массовое движение за выезд из СССР развернулось в конце 60-х гг. Немцы выражали разного рода протесты против нежелания советского правительства разрешить выезд, которое, видимо, опасалось распространения в западной прессе правды о положении немцев в СССР, полученной от очевидцев, из первых рук.

Одной из форм протеста были демонстрации, в том числе на Красной площади, зачинщиков которых КГБ подвергал наказанию. За сдачу советских паспортов в местные органы власти немцев арестовывали по статье «за нарушение паспортного режима». Коллективные жалобы на бесправие немецкого населения, направляемые в центральные органы власти, не давали положительных результатов. Но выезд немцев из СССР, хотя и с большим трудом, все-таки налаживался.

В середине 70-х гг. советские немцы стали обращаться в Московскую и Литовскую хельсинские группы, а также в международные правозащитные организации. В 1974 г. правительство ФРГ пошло навстречу движению советских немцев за выезд из СССР. Общими усилиями удалось сдвинуть с места эмиграцию немецких семей. В 70-х – начале 80-х гг. немецкая эмиграция выразилась в следующих показателях: 1971 г. – 1145 человек, 1972 г. – 3423 человека, 1973 г. – 4494 человека, 1975 г. – 5985 человек, 1976 г. – 9704 человека, 1977 г. – 9274 человека, 1978 г. – 8445 человек, 1979 г. – 7226 человек, 1980 г. – 6650 человек, 1981 г. – 3723 человека, 1982 г. – 1958 человек²⁷³.

ФРГ принимала иммигрантов строго ограниченно и выборочно, т.к. была уплотнена населением и обременена социальными проблемами, которые возникли в связи с притоком иммигрантов. Исключение она делала только для советских немцев. Главное условие для въезда в страну – предъявление в посольство ФРГ необходимых документов, подтверждающих, что иммигрант является этническим немцем. При этом незнание родного языка не являлось помехой. При положительном ответе правительства ФРГ, который мог поступить и через год, германское посольство выдавало визу на въезд в страну предков. Общественной организацией немцев, стремившихся покинуть СССР, было «Возрождение», приоритетной задачей которого считалась только эмиграция. Общество было создано в 1989 г.

Эмиграция немцев активизировалась в конце 80-х гг., когда произошло воссоединение Германии, и, особенно, в 90-х гг. Как отмечалось на третьем съезде немцев, про-

²⁷³ Алексеева Л. История инакомыслия в СССР. Вильнюс-М.: Весть, 1992. С. 139–140.

ходившем в Москве в феврале 1993 г., только в 1992 г. из стран бывшего СССР выехало в ФРГ рекордное число советских немцев – 195 тыс. Это почти на 50 тыс больше, чем в 1991 г., и вдвое больше, чем в 1989 г.²⁷⁴ По заявлению немецкого правительства, ФРГ в будущем ежегодно сможет принимать на постоянное местожительство около 140–150 тыс. немцев из различных стран СНГ.

Расселение немцев-иммигрантов в ФРГ. Эмигранты, которые приехали в ФРГ в числе первых в начале 70-х гг., были первопроходцами в новых условиях жизни и начинали ее с нуля, как и последующие потоки бывших советских немцев, но постепенно добивались немалых успехов. Их уровень жизни через 10–15 лет достигал среднего, несравненно выше среднего уровня в России и других странах СНГ. Период адаптации иммигрантов не был продолжительным, чему способствовали «родная среда» и политика правительства страны.

Продвижению в жизни бывшим советским немцам благоприятствовали иные политическая, экономическая, социальная и правовая системы в ФРГ, представляющие человеку большие возможности для утверждения своего гражданского статуса. В этой стране они автоматически становились гражданами ФРГ с вытекающими отсюда положительными последствиями: правом на жилье, работу, пенсию, на всевозможные кредиты и пособия. Немаловажное значение имело и то обстоятельство, что бывшие советские немцы попадали в страну соплеменников, что снимало проблему создания национальной диаспоры.

Второе направление немецкого движения. Для полноты общей картины движения немцев необходимо хотя бы кратко сказать об этом направлении. Оно было устремлено, как отмечалось выше, на воссоздание де-юре и де-факто автономной немецкой республики в СССР (России) и называлось движением «республиканцев».

В движении за автономию доминировали немцы, проживавшие до войны в автономной республике немцев Поволжья, которые вносили эту претензию как опорный пункт во все прошения периода от раннего Брежнева до позднего Горбачева. Но их не поддерживало большинство немцев, поселившихся в других регионах страны, для которых Поволжье – отвлеченное географическое пространство.

Реально оценивая экономические, социальные и территориально-демографические проблемы бывшей автономной республики немцев Поволжья, в настоящее время заселенной и освоенной жителями Саратовской области, оппоненты отчетливо понимали, что такая формальная автономная республика останется без новоселов-немцев и уподобится участю биробиджанской бутафории. Таким образом, ходатайство о восстановлении немецкой автономной республики в Поволжье являлось, в основном, групповой инициативой «волжан» и по объективным причинам было уже в начальной стадии обречено на провал.

Свою активность в области автономии проявил Межгосударственный союз российских немцев. Цель его деятельности – переселение российских немцев в места компактного проживания в России, прежде всего, из Казахстана и Средней Азии, а также решение проблем не уезжающих из СССР немцев. Инициатива Союза о создании локальных немецких национальных районов и округов в стране, подобных созданным на Алтае и в Омской области, нашла поддержку правительства России, которое в 1993 г. приняло программу «Миграция».

Однако идея создания немецкой автономной республики с компактным проживанием немцев не покидала активную часть из Межгосударственного союза российских немцев. Большинство сторонников этой идеи избирают в качестве автономной республики Калининградскую область – до 1945 г. часть территории Германии. Эта область,

²⁷⁴ Петров В. Послесловие к съезду немцев // Голос Родины. 1993. № 10. С. 3.

по мнению ортодоксов автономной республики, – единственный регион, где еще можно сдерживать эмиграцию немцев.

Это единственное место в России, где нет коренного населения, что практически исключает поводы к межнациональным конфликтам, претензии на исконность. И в то же время эта земля, исторически немецкая, административно-политически – советская. Будущее территориально-национальное образование (которому было определено название Русско-немецкая Балтийская республика) рассматривалось как платформа для компактного проживания немцев из различных регионов России и стран СНГ. Однако российское правительство на такой компромисс не пошло.

В конце 1990-х гг. проблема немецкой автономии потеряла целевую направленность: оставшиеся в России и в странах СНГ немцы, особенно в смешанных по национальным признакам семьях, об автономной республике уже не помышляли.

Эмиграция диссидентов. Если в основе национально-этнической эмиграции группировались социально-бытовые и культурно-психологические причины и мотивы, то эмиграция диссидентов была связана с социально-политическими и нравственными факторами. Диссидентская эмиграция малочисленна. Она, по выражению А. Солженицына, всего лишь «хвостик, осколок от израильской эмиграции» и ни по значению для отечественной истории, ни по численности не идет ни в какие сравнения с первой и второй эмиграциями. Политические эмигранты по социальному составу были преимущественно опальными представителями гуманитарных наук и профессий, реже – недоучившимися студентами.

Эмиграция диссидентов проводилась властью организованно (т.е. диссидентов высылали) по трем каналам («невозвращенцы» здесь не учитываются: они эмигранты-добровольцы). Первые «упорядоченные» высылки диссидентов относятся к 1972 г. Тогда они обставлялись как «добровольное желание уехать», поскольку лишение гражданства «за действия, не совместимые со званием советского гражданина», требовало специального Указа Президиума Верховного Совета СССР, а такой Указ становился гласным, что компрометировало политику партии.

Определенным рубежом в эмиграции диссидентов был 1975 г. – год подписания Хельсинского акта, предусматривающего также и «право на эмиграцию». Конгресс США принял поправку Джексона-Вэнека о том, что статус наибольшего благоприятствования в торговле с США будет предоставляться лишь тем странам, которые не чинят препятствий своим гражданам на выезд. Эта поправка подтолкнула часть диссидентов в СССР к организации движения за обеспечение «права на выезд», а советским спецорганам позволяла представлять каждую компромиссную высылку (или уезжай, или отправляйся в лагерь) как гуманный акт – «добровольную эмиграцию». Это был второй канал эмиграции.

Позже открылся и третий канал высылки за границу лиц, не согласных с политическим режимом в СССР. Им стал обмен заключенными. Кстати, отметим, что лицо, вынужденное покинуть родину по политическим причинам, приобретает в стране, принявшей его, статус политического иммигранта. Назовем имена некоторых диссидентов, высланных из Советского Союза.

В 1972 г. Валерий Чалидзе по разрешению спецорганов выехал в США для чтения лекций и почти сразу же был лишен гражданства. В этом же году выслали Иосифа Бродского и Андрея Синявского, который поселился во Франции, стал профессором Сорбонны. В 1973 г. покинули СССР Владимир Максимов и Анатолий Якобсон. В 1974 г. был выслан Александр Солженицын. В 1976 г. эмигрировала во Францию Наталья Горбаневская, первый редактор «Хроники текущих событий».

В 1979 г. Александр Гинзбург, имя которого одно из самых заметных в истории диссидентства, в числе пяти политзаключенных был выслан из СССР в обмен на двух

арестованных советских разведчиков. Живет в Париже. Как журналист ведет еженедельный политический обзор по СССР («Вести с родины») в «Русской мысли». В 1986 г. обменяли на арестованного советского разведчика Натана Щаранского, активиста еврейского движения за выезд в Израиль, которого приговорили к 13 годам лагерей строгого режима.

В 1986 г. был выслан в США Юрий Орлов, физик с мировым именем. Его обменяли на арестованного советского шпиона. В Америку «уехал» физик Владимир Буковский. Эмигрировали ленинградцы Ефим Эткинд, литературовед, преподаватель института им. Герцена; М. Хейфиц, школьный учитель литературы. Был вынужден эмигрировать, спасаясь от преследований, врач Московской областной психбольницы Александр Волошанович, сотрудничавший с Московской хельсинской группой. Он провел 27 экспертиз людей, подвергавшихся ранее помещению в психиатрические больницы по политическим причинам. Высланы из страны писатель Василий Аксенов, Людмила Алексеева – автор книги «История инакомыслия в СССР», Ю. Ярим-Агаев, физик, Петр Литвинов, один из руководителей московского движения за права человека, Леонид Ямпольский, психолог.

Однако высланные диссиденты не забывают родину и порой навещают ее, но не как изгнанники, а как «эксперты», чтобы оценить жизнь в стране, высказать свое «глубокомысленное» заключение об общественной ситуации в стране, о народе, его будущем, о культуре, хотя научный уровень у многих из них, по выражению А. Солженицына, «парикмахерский».

Диссиденты-эмигранты прежде чем выехать из страны стремились создать себе ореол героя-мученика. Здесь лучше всего подходил лагерный срок за участие в правозащитном движении. Громким, резким заявлением, созданием тощих «комиссии», «комитета», «группы» у себя в стране человек добивался некоторой известности на Западе и возможности после эмиграции занять там какое-то престижное положение. Политическая эмиграция для некоторых превращалась в средство и метод создания некой карьеры. Эти люди выгодно сбывали на Западе «товар», приобретенный в России, наживая себе политический и реальный капитал.

Первое, что поражает при анализе деятельности диссидентов-эмигрантов в новой, западной среде, так это злоба, желчь, ненависть не только к коммунистическому строю (что понятно и объяснимо), но и к стране, в которой они жили, учились, мужали. Эту ненависть к России, к русскому народу, его культуре некоторые русофобы в условиях зарубежья оглашают без прежней дрожи в коленях.

Эмиграция советских граждан в США. Соединенные Штаты – классический пример государства, ставшего домом для сотен тысяч иммигрантов со всего света и «плавильным котлом» для десятков национальностей. На улицах городов можно услышать разговор на многих языках народов мира. В этой стране действуют специальные иммиграционные законы, лояльные по своей сущности.

Эмиграцию бывших советских граждан в Соединенные Штаты по национальному признаку многие исследователи называют «еврейской». Кстати, политические эмигранты из СССР в большинстве тоже евреи, поселившиеся в США. Но вместе с евреями эмигрировали в Америку и не евреи, в том числе супруги в смешанных браках, их дети с русскими фамилиями.

Основной побудительной причиной эмиграции евреев в США, ее стимулом и мотивом были поиски лучшей доли в стране, где жизнь давно стабилизировалась и нет угрозы военных столкновений с арабами Палестины. Евреи стремились реализовать здесь свои врожденные коммерческие способности. И надо заметить, некоторые, из них немало преуспели. К этому стимулу следует добавить надежды ученых на социальный заказ – научные открытия, изобретения, которые на родине не были востребованы.

Сионистские увлечения идеалом – государством Израиль – отодвигались на второе место. По образовательному уровню эмигранты третьей волны в США самые просвещенные среди других эмигрантских потоков и диаспор на американской земле. Большинство выехали из крупных городов, многие из Москвы и Ленинграда. Это преимущественно люди средних лет, в большинстве своем имеющие полную семью и взрослых детей.

Еврейским семьям, которые приехали в США недавно (3–4 года назад), оказывают материальную помощь еврейские организации. Примерно три четверти приехавших из СССР, России обеспечены собственными домами, квартирами, тем, кому квартиры дороговаты, государство оказывает помощь в квартплате. Люди, которые по возрасту не могут работать, получают особый вид материальной помощи от государства, теряющий работу обеспечивается пособием по безработице. Русско-американские контакты (в США евреев-иммигрантов из России называют «русскими евреями») поверхностные: сказывается разница в гражданском статусе, культуре, привычках, вкусах, обычаях.

Третья эмиграция создала в США свою диаспору – крупную общину, которая осела в Нью-Йорке, на Брайтон-Бич. Это довольно далекий район от Бруклина, раньше в нем жили негры, и белые с опаской обходили его, но здесь стали селиться «русские» и постепенно вытеснили негров. Теперь Брайтон-Бич не американская, а русская улица со своей атмосферой. Всюду небольшие рестораны, бары, бакалейные лавки, зубокабинеты, аптеки, снующий с делом и без дела народ, по ночам разного пошиба «интердевочки».

На Брайтон-Бич можно встретить такое странное для американцев, но привычное для россиян явление, как очередь. Она движется медленно, т.к. часто подходят покупатели «слева». Уезжая за границу, люди увозят с собой не только вещи, но и привычки, нравы, как, например, обычную для советских людей пренебрежительную медлительность продавщиц, их грубость с покупателями, стремление обсчитать, подсунуть негодные продукты.

На Брайтон-Бич много русских товаров, но трудно отличить подлинные от поддельных. Например, там гонят и продают самогон, который лучше виски и джина. У американцев не принято гнать самогон, а русские гонят. Брайтон-Бич известен и тем, что сам производит многое и часто без всяких лицензий.

На Брайтон-Бич эмиграция живет. На Оргардстрит, на Манхэттене, в одном из самых старых районов города, эмиграция торгует. Эмигранты успешно избегают соблюдения законов. Торговцы организовали так называемый «серый рынок». Товары поступают туда полулегальным путем и потому продаются дешевле, чем на официальном рынке и без указания фирмы-изготовителя. Здесь же сбываются краденые вещи. В США торговля сезонная: летом продают, в основном, летние вещи, зимой – преимущественно зимние. В русском же районе торгуют по-русски, по принципу «готовь сани летом, а телегу зимой». Круглый год идет торговля, в основном, несезонными товарами.

Советские эмигранты живут сплоченными группами, поэтому сохраняют прежние склонности и привычки, стиль поведения и образ жизни. Их друзья – из своей же среды. Они мало общаются с американцами, даже с коллегами по работе. И дело здесь не только в языковом барьере. Морально-психологический климат в рабочей обстановке у американцев сугубо деловой: на работе нет друзей, а есть только коллеги. Это мешает эмигрантам, традиционно общительным в любой сфере жизни, в психологической адаптации на работе, на службе, их угнетает эта отчужденность. Такая ситуация создается не только потому, что американец в каждом иммигранте видит «чужака», а больше потому, что этот «чужак» – его конкурент. В случае увольнений, которые периодически происходят, «розовый билетик» (извещение об увольнении) может получить он, а не его сосед – «чужак».

Не забывают иммигранты и об отдыхе. На Брайтон-Бич самый крупный ресторан называется «Москва». По вечерам он заполнен посетителями, солисты с ансамблем исполняют старинные русские романсы, новые иммигрантские песни. Во всем этом чувствуется какая-то смесь самоутверждения и тоски, хотя не у всех, но у многих.

Отметим живучесть еще одной чисто отечественной традиции в иммигрантской среде. По вечерам «русские» степенно своими компаниями выходят на прогулку в какой-нибудь скверик или на заранее облюбованную площадку. Американец на прогулку одевается просто – спортивный костюм, кроссовки. Здесь же все иначе: у женщин нарядная одежда, туфли с высокими каблуками, на мужчинах костюмы. Пожилые мужчины облюбовали деревянный помост вдоль побережья, где устраиваются и часами играют в домино.

Исследователи еврейско-русской диаспоры на Брайтон-Бич называют несходные данные о количестве иммигрантов, поселившихся в этом районе Нью-Йорка. Если брать средний показатель, то он к середине 90-х гг. достиг более 40 тыс. человек. Заметим, что в этом районе поселялись преимущественно одесситы, поэтому называли Брайтон-Бич «маленькой Одессой». Такое же название получил ресторан на улице. Бывшие москвичи и ленинградцы чаще селились на Манхэттене, киевляне и львовяне – в районе Бруклина.

Русская мафия. Среди множества людей, которые эмигрировали в США, были и явно криминальные личности, и те, чье сомнительное прошлое на новой почве наполнилось новым преступным содержанием, раскрылось в полной мере. Так формировалась русская мафия – уникальное явление для США, где существуют и своя, и итальянская, и китайская, и другие мафиозные группировки. Сотрудники нью-йоркской полиции и ФБР утверждают, что деятельность этой подпольной организации, насчитывающей более тысячи человек, простирается до Филадельфии, Лос-Анджелеса, Чикаго, Майами.

Наиболее типичные преступления русской мафии – импорт героина из Индии, Таиланда, экспорт кокаина в Европу, заказные убийства, рэкет, незаконная продажа оружия, подделка страховых и кредитных карточек, ростовщичество, мошенничество и вымогательство. Русская мафия в США отличается от других тем, что ее методы не укладываются в голове американской полиции, она бессильна. Новые преступники умелы, хорошо организованы в группах, смелы, не останавливаются перед применением насилия. Для американцев это новая генерация преступников. Полиция пытается бороться с русской мафией, но все концы «уходят в воду». Одна из причин – отсутствие четкой общей организационной структуры русского преступного мира. Американской полиции не понятны жестокость, дерзость и ухищрения русской мафии.

Ее любимое пристанище – печально знаменитый ресторан «Миша в Голливуде». Посетитель попадает в привычную «образцово-показательную» обстановку. Звучит знакомая ресторанный музыка, какую можно услышать в Москве или Питере, в Сочи или Одессе, но отнюдь не в заведениях подобного рода Америки. В прокуренном зале – танцующие пары, чего не увидишь в американских ресторанах, куда посетители приходят поесть, выпить, поговорить, но не танцевать. И еще одна особенность – все чокаются. Это гуляет русская мафия. По отзывам местных жителей и полиции, этот ресторан – сущий притон.

Советские политические эмигранты в США. Наиболее активная часть эмигрантов не прекратили свою правозащитную деятельность, находясь в США. В. Чалидзе, поселившийся в Нью-Йорке после лишения его советского гражданства, организовал выход с марта 1973 г. информационного журнала «Хроника защиты прав человека в СССР» на русском и английском языках в издательстве «Хроника-Пресс». Он же стал его главным редактором. В 1974 г. в редакцию вошел высланный из СССР П. Литви-

нов. Американская «Хроника» Чалидзе явилась продолжением за рубежом правозащитных традиций «Хроники текущих событий». «Хроника-Пресс» печатала выпуски советской «Хроники» и пересылала в Советский Союз, увеличивая таким образом ее тираж.

В конце 1979 г. Кронид Любарский, эмигрировавший участник правозащитного движения, бывший политзаключенный, организовал выпуск два раза в месяц небольшого машинописного информационного бюллетеня «Вести из СССР». Информация для бюллетеня поступала из тех же источников, которые обеспечивали информацией «Хронику защиты прав человека в СССР».

Владимир Матусевич – бывший советский журналист, киновед. Диссидентом стал в 1968 г., в этом же году выехал из СССР. Оказавшись на Западе, он по приглашению был принят на работу на радиостанции «Свобода» в Мюнхене, где с 1987 по 1992 гг. возглавлял русскую службу. В 1995 г. ушел со «Свободы». В настоящее время живет в Вашингтоне, работает консультантом по «русским проблемам», в различных так называемых «мозговых центрах». Матусевич принял с одобрением горбачевскую перестройку. Он резко осуждает «ельцинскую демократию» в России, называет строящийся в ней капитализм «бандитским капитализмом», призывает спасти скатывающуюся в пропасть Россию.

В середине 1980-х гг. развернул работу «Центр в поддержку демократии». Одним из его основателей был Владимир Буковский, выдворенный из СССР в 1976 г. Он был также в числе создателей организации «Интернационал сопротивления» – антикоммунистической группировки, поддерживавшей моджахедов. Буковский видел в реформах Горбачева угрозу для Запада и призывал усилить нажим на Советский Союз и не идти на послабление.

Прообраз «Центра» возник в марте 1984 г., когда Владимир Буковский и Юрий Ярим-Агаев вместе находились в Стэнфордском университете. Ярим-Агаев подготовил предложение о создании «нового центра советских исследований», который впоследствии стал «Центром в поддержку демократии». Он же стал исполнительным директором «Центра», деятельность которого была направлена против СССР.

В основе предложения Ярим-Агаева лежала идея использовать советские организации борцов за права человека для сбора политической и военной информации об СССР. Позже эта идея была уточнена и расширена. Предусматривалось, что эта информационная сеть может поставлять данные по таким темам, как черный рынок, правительство и его функции (законы, распоряжения, правила, нормы секретности), милиция и КГБ. В числе других тем – «вооруженные силы и общество: социальные и политические аспекты войны в Афганистане, социальное и политическое положение советских войск за рубежом, милитаризация гражданской жизни, свидетельства особых привилегий, распределение ресурсов и роль вооруженных сил в экономике, политике и обществе, а также данные о национальной напряженности в отношениях между различными национальностями и об отношениях между коммунистической партией и КГБ»²⁷⁵. Источниками информации, по замыслу организаторов, должны стать лица, приезжающие с Запада в СССР, туристы, а также советская периодическая печать, в том числе независимый советский машинописный бюллетень «Гласность».

Финансовую помощь «Центру в поддержку демократии» оказывал американский «Национальный фонд в поддержку демократии» (НФД). Впервые «Центр» получил через НФД фонды американского правительства в 1985 г. на программу, которая скорее напоминала сбор разведданных, чем борьбу за демократию. В 1986 г. «Центр» получил от НФД 200 тыс. долл. на работу, связанную с СССР, в 1987 г. – 125 тыс. долл., а в

²⁷⁵ Кургана К. Шпионаж под маской «борьбы за права человека»? // За рубежом. 1988. № 13. С. 16.

1988 г. – 40 тыс. долл.²⁷⁶. Программа «Центра в поддержку демократии» и финансирование его деятельности правительством США через НФД давали повод и основание советским спецорганам считать его шпионским органом, работа которого направлена против СССР.

Отдельно от диссидентов-правозащитников стояли русские национал-патриоты. Они, эмигранты третьей волны, организовали в США издательство «Русский клич», которым руководил эмигрант Николай Тетенев. «Русский клич» печатал нацистскую и антисемитскую литературу. Так, издательство выпустило в сокращенном варианте, подходящем для идейных установок и практических действий русского фашизма, книгу Адольфа Гитлера «Моя борьба» на русском языке.

В 1992 г. эта книга была издана в Санкт-Петербурге в количестве 300 экземпляров. Издатель Виктор Безверхов был привлечен к суду. Но суд в 1993 г. оправдал Безверхова, придя к заключению, что издатель преследовал коммерческую цель, не намеревался разжигать национальную рознь. Безверхов был оправдан «ввиду отсутствия состава преступления».

* * *

Третью волну эмиграции некоторые исследователи называют «еврейской». Из приблизительно 300 тыс. выехавших из СССР граждан (депортация немцев в ФРГ здесь не учитывается) большинство осели в США и других странах Запада. Лишь меньше трети поселились в Израиле. В своем большинстве эта эмиграция быстро пополнила слои состоятельной интеллигенции и зажиточной буржуазии²⁷⁷.

Третья волна эмиграции вызвала в стране настороженное отношение к евреям. Власть негласно поощряла скрытый антисемитизм. Советская пропаганда сделала немало, чтобы представить евреев как «пятую колонну» империализма в социалистических странах. События на Ближнем Востоке и реакция на них советского общества и власти, активная сионистская пропаганда Запада способствовали росту произраильских настроений в среде советских евреев. Поэтому для многих евреев целью эмиграции стал не выезд на историческую родину, а смена гражданства.

Социальное благоустройство еврейской эмиграции стало возможным благодаря одному важному фактору. Всемирная еврейская община как единое международное сообщество евреев, проживающих в Америке, Западной Европе и других частях планеты, контролирует большую часть мирового капитала, четко организована и обладает огромным влиянием. Помогая своим братьям по крови, приезжающим из Советского Союза, еврейская община обеспечивает их высокооплачиваемой работой на радиостанциях, в средствах массовой информации, в университетах и научных центрах, в фирмах, учреждениях и других отраслях. Евреи имеют возможность получить от благотворительных организаций выгодные кредиты, при желании – заняться предпринимательской деятельностью.

Одно обстоятельство беспокоит советских евреев-иммигрантов в Израиле – это стремление израильского правительства создать поселения специально для них на Западном берегу реки Иордан и в секторе Газа, а также на других оккупированных арабских территориях.

Отношение большинства бывших советских евреев к политическому режиму в России можно назвать шатким, ибо оно меняется в зависимости от установок Всемирной общины, оперативно распространяемых через еврейскую периодическую печать. Пара-

²⁷⁶ Кургана К. Шпионаж под маской «борьбы за права человека»? // За рубежом. 1988. № 13. С. 16.

²⁷⁷ Анисимов Л. Как относиться к эмиграции? // Аргументы и факты. 1990. № 4.

доксально то, что еврейская эмиграция пытается все время говорить от имени народов России и озабочена тем, чтобы переделать страну согласно своим проектам-фантомам.

Политическая эмиграция после развала Советского Союза потеряла реальную почву под ногами, т.к. исчез объект борьбы. Некоторые из «бывших», реабилитированных новой властью, возвращаются в насильно покинутую обитель – в Россию. Какие политические «прожекты» они привозят с собой, никто не ведает, да это и не имеет никакого значения для бурлящей в конце XX в. России.

ГЛАВА III. КУЛЬТУРА ТРЕТЬЕЙ ВОЛНЫ ЭМИГРАЦИИ

Среди историков и культурологов существует мнение, что об эмигрантской культуре как целостном общественном явлении, духовном облике нации можно говорить только при наличии эмигрантской диаспоры, общинном проживании носителей культуры. Но нельзя обходить стороной тех эмигрантов, которые творят «в одиночку» в какой-либо стране. А это обстоятельство и доминирует в третьей эмиграции. Все они должны вписаться в когорту деятелей культуры третьей волны эмиграции как часть отечественной культуры.

Возникает второй дискуссионный вопрос: правомерно ли причислять работы ученых, писателей, поэтов, написанные ими в СССР в доэмиграционный период, но впервые изданные за рубежом, к культурному наследию эмигрантов третьей волны? Безусловно, правомерно. Научные, идейно-политические, гуманистические и прочие концепции, наконец, мышление будущего эмигранта формировались в СССР в процессе осмысления советской действительности, воплощались в «крамольных» рукописях и затем в виде полузавершенных или завершенных работ были вывезены за рубеж и опубликованы. В этой связи, эмигрантские творения – это созревшие на иной земле плоды прежнего диссидентства.

Независимая, свободная от господствующих в общественной жизни страны идей-догм культура может развиваться только в условиях демократии, плюрализма мнений, идеалов и равных возможностей. Поэтому в числе причин и мотивов добровольной эмиграции диссидентов были потребность высказать новую мысль в науке, литературе, искусстве и стремление к свободе выражения своих, независимых от коммунистической идеологии, взглядов.

Выезд из Советского Союза создавал эмигрантам предпосылки для преодоления творческих ограничений, для приобщения к общечеловеческому мировосприятию. Культура третьей волны явилась средством политической и идеологической борьбы с советским тоталитаризмом. Она стала базой идеологии российской демократии, которую эмигранты воплощали в аргументах, фактах и целях противостояния коммунистам, в художественных образах литературных произведений и живописи противоборствующих диссидентов.

История и публицистика. Историческая наука, как философия и политология, была ограничена в СССР самыми строгими в сравнении с другими науками «табу». Перед учеными-историками стояла дилемма: или идти в услужение к партийным идеологам, или конец карьеры ученого, а возможно, и лишение свободы на несколько лет за инакомыслие. Открытых оппозиционеров в общественных науках не было. Для ученых-оппонентов оставался один выход – писать «в стол» со смутной надеждой, что рукопись когда-нибудь пригодится и где-то удастся ее напечатать.

Выделим основные направления нелегальных научных исследований инакомыслящих историков доэмиграционного периода и открытых в эмиграции:

- политическая динамика российских государственных режимов;
- кризис тоталитарной системы, поиск аналогов в истории России;
- перспективы демократизации и либерализации советского режима;
- прогрессивные государственные реформы в исторических аспектах, которые в России никогда или почти никогда не имели логического завершения;
- новые общественно-политические и социальные ценностные ориентации советских граждан постсталинской эпохи.

Большинство научных работ было написано историками в СССР, а издавали они их за рубежом, будучи в эмиграции. Фундаментальных работ, созданных советскими историками-эмигрантами за границей, очень мало. В печать поступали преимущественно статьи. Основная причина резкого уменьшения научных исследований – недостаток

или полное отсутствие архивного материала, источников, а в психологическом смысле – снижение у историков оппозиционного накала, настроения в условиях эмиграции.

Александр Львович Янов. Родился в 1930 г. Окончил исторический факультет МГУ, но стал кандидатом философских наук, в жизни активно заявил о себе и как политолог, публицист. В научном мире известен как историк с аналитическими наклонностями и как политолог с дидактическими устремлениями.

Янов много лет изучал политическую динамику русской истории. Анализируя советский период в ретроспективе, в обзоре прежнего хода развития от настоящего к прошлому русской истории, он делает вывод, что сущность русской истории состоит в борьбе реформ против контрреформ, России против России. Янов считает горбачевскую политическую реформу исторически обусловленной, вопреки утверждениям некоторых советологов о невозможности каких-либо политических изменений в тоталитарном государстве. Он подчеркивает, что реформа и революция – это противоположные понятия. Но если реформа превратится в революцию, то это будет контрреформа с непредсказуемыми последствиями. Россия XX в. пережила это трижды: в 1905 г. и дважды в 1917 г.

Выступления А. Янова в журналах и газетах вызвали к нему интерес читателей, порождали разные мнения, полемику. В доэмигрантский период Янов написал большую монографию «История политической оппозиции в России». В 1972 г. были завершены три тома объемом почти 1500 машинописных страниц. Автор понимал, что издать свой труд в СССР ему не удастся, и решил это осуществить за рубежом. О трехтомнике стало известно КГБ, имя автора привлекло внимание сотрудников госбезопасности. Но его пока не трогали.

В феврале 1974 г. в журнале «Молодой коммунист» была опубликована статья А. Янова «Альтернатива» о русском политическом эмигранте А.И. Герцене и его «Колоколе», которая заняла особое место среди его работ.

В феврале 1974 г. из страны был выслан А.И. Солженицын. Это обстоятельство было в какой-то степени созвучно эмиграции Герцена. Среди диссидентов статья имела успех: параллели были очевидны. Статья положила конец терпению КГБ. Автор был вызван на «профилактическую» беседу с сотрудниками Комитета, которые интересовались не только рукописью трехтомной монографии, но и вели разговор о статье «Альтернатива». Ход беседы, вопросы с пристрастием убедили Янова, что лагерь для него не за горами. Он решил покинуть страну.

В конце 1974 г. А. Янов эмигрировал в США, где трудоустроился и стал преподавать сначала в университете в Техасе, потом в университетах в Беркли (Калифорния) и Энн Арбор (Мичиган). Завершил он свои мытарства по стране профессором политических наук в Нью-Йоркском университете. Часть его трехтомной рукописи «История русской политической оппозиции» вышла в 1981 г. в издательстве Калифорнийского университета под названием «Происхождение автократии. Иван Грозный в русской истории». За рубежом Янов почти не обращался к российской истории. В 80-х гг. он стал печататься в журнале «Перспективы» и ряде других советских журналов. Так, в журнале «Нева» (№ 9–12 за 1990 г.) была напечатана его работа «Русская идея и 2000 год». В эти же годы он приезжал в СССР, где встречался с общественностью, вел беседы за «круглым столом», иногда читал лекции, одна из которых называлась «Перестройка: попытка прогноза до 2000 года».

Андрей Алексеевич Амальрик. Родился в 1938 г. Учился в МГУ на историческом факультете, но в 1960 г. был изгнан из университета за «клеветническую» курсовую работу «Норманны и Киевская Русь». Через два года Амальрик был восстановлен в МГУ, но семья инакомыслия уже пустило ростки, и «дурная слава» шестидесятника опережала его. Историк по образованию, он мог трудоустроиться лишь лаборантом,

картографом, осветителем, корректором, чернорабочим. Это «хождение по мукам» закончилось ссылкой в Сибирь, где он работал пастухом и возчиком в колхозе.

После возвращения из ссылки в 1966 г. А. Амальрику с трудом удалось заняться журналистской работой, которая в 1969 г. закончилась увольнением из Агентства последних новостей и «волчьим билетом». Безработица, или, по меркам тех лет, «тунеядство», выход за рубежом его книги повлекли за собой новые судебные разбирательства, преследования. В итоге – вынужденная эмиграция и гибель в 1980 г. в автомобильной катастрофе в Испании.

Самой популярной работой А. Амальрика стала статья «Просуществует ли Советский Союз до 1984 года?» (1969 г.). Ее журнальный вариант был опубликован в «Огоньке» (1990, № 9). Автор прослеживает нарастание кризиса советской системы, начиная с хрущевских преобразований в стране, названных им «верхушечной революцией», которая расшатала созданный Сталиным монолит и породила «культурную оппозицию» в обществе. Это движение было направлено не против политического режима, а только против его культуры. Однако вскоре в недрах «культурной оппозиции» зародилась новая сила, которая встала в оппозицию не только официальной культуре, но и «многим сторонам идеологии и практики режима». Как следствие такого общественного явления возник самиздат.

Эти два направления в общественной жизни страны подготовили новую самостоятельную силу, назвавшую себя «демократическим движением». Амальрик выделяет в движении три идеологии, на которые опиралась оппозиция: подлинный марксизм, христианская идеология (автор не имеет в виду религиозную философию), либеральная идеология. Подлинные марксисты, верные учению, констатировали, что режим, извратив в своих целях марксистско-ленинскую идеологию, поступает в своей практике вопреки марксистско-ленинскому учению, и определяли, что для оздоровления общества необходимо возвращение к истинным принципам марксизма-ленинизма. Христианская идеология предполагает, что необходимо перейти в общественной жизни к христианским нравственным принципам, которые толкуются автором несколько в славянофильском духе, с претензией на особую роль России. Либеральная идеология, в конечном счете, ориентирована на переход к демократическому обществу западного типа с сохранением принципа общественной и государственной собственности²⁷⁸. Амальрик показывает некий демократический «конгломерат», соединяя разнородные направления в едином движении.

Демократическое движение не имело своей программы, но сформулировало общую цель – правопорядок в стране, основанный на уважении прав человека. Главную опору движения, отмечает Амальрик, составляют «академические круги», в более широком смысле интеллигенция, «средний класс», или «класс специалистов». Однако такой контингент участников, этот социальный слой представляется автору проблематичным из-за «пассивности», «очиновления» мышления его наиболее независимой части.

И все же идея правопорядка проникла и в остальные слои общества, ускоряя динамику демократического движения, несмотря на правительственные репрессии. Процесс правовой формализации, по убеждению автора, уже зашел так далеко, что воспрепятствовать его дальнейшему развитию властям не под силу. Медленно, но неуклонно идет в стране либерализация режима. В этой связи Амальрик делает вывод, что данные факторы «породили еще одну идеологию в обществе, пожалуй, самую распространенную, которую можно назвать «идеологией реформизма»²⁷⁹ и что произойдет гуманизация социализма, и вместо неподвижной и несвободной системы появится динамичная и либеральная система. Он убежден, что зарождающееся движение сумеет стать влиятель-

²⁷⁸ Амальрик А. Просуществует ли Советский Союз до 1984 года? // Огонек. 1990. № 9. С. 19.

²⁷⁹ Там же. С. 20.

ным, выработает достаточно определенную программу, найдет нужную структуру и приобретет более широкую опору в народе.

А. Амальрик признает неизбежность деформации общественно-политического строя в СССР. В заключительной части статьи он формулирует возможные варианты процесса изменения государственного режима в Советском Союзе, называет действенные силы, способные привести к радикальным политическим изменениям в стране, вплоть до военного переворота или постепенного перехода власти к армии. На вопрос А. Амальрика «просуществует ли Советский Союз до 1984 года?» можно ответить, что его политический прогноз стал реальностью через семь лет: развал СССР в 1991 г.

Юрий Георгиевич Фельштинский. Среди историков-эмигрантов Ю. Фельштинский является заметной фигурой. Он эмигрировал в США в 1978 г., когда ему было чуть более двадцати лет. Фельштинского можно назвать советским историком лишь условно, т.к. он изучал историю в Ратгерском университете. Специалист по советской истории 1917–1945 гг. и новейшей истории дипломатии, автор более ста публикаций и книг, он специальный корреспондент ежемесячного общественно-политического, научно-популярного журнала «Родина», учрежденного Верховным Советом РСФСР.

Привлекают внимание его исследования Гражданской войны в России (1918–1922 гг.), основанные на многих архивных документах, которые сосредоточены в западных архивах, в том числе в архиве Гуверовского института при Стенфордском университете. К примеру, его работа «Безумие во имя идеи» построена на обвинительных актах Особой Комиссии по расследованию злодеяний большевиков, состоявшей при Главнокомандующем вооруженными силами юга России. Здесь и акт расследования по делу об уничтожении большевиками в лазаретах станицы Елизаветинской раненых и больных участников Добровольческой армии, и сведения о массовых убийствах, совершенных большевиками в июне-июле 1918 г. в г. Ставрополе, о злодеяниях большевиков в г. Екатеринодаре и его окрестностях, акт расследования массовых убийств в Ростове-на-Дону, акты злодеяний в Новочеркасске и других местностях Донской области.

Михаил Сергеевич Восленский. Доктор исторических и философских наук, крупный политолог. Родился в 1920 г. После Великой Отечественной войны работал по подготовке Нюрнбергского процесса, затем в Союзном контрольном совете по Германии (Берлин). В 1953–1955 гг. работал во Всемирном Совете Мира (Прага, Вена), в 1955–1972 гг. – в АН СССР старшим научным сотрудником, ученым секретарем комиссии по разоружению. В 1972 г. эмигрировал, нашел убежище и работу в ФРГ. В 1976 г. был лишен советского гражданства, а в августе 1990 г. восстановлен в нем. Научная деятельность М.С. Восленского в области советологии способствовала назначению его на должность директора Исследовательского института по изучению советской современности (Бонн).

Самым значительным, популярным произведением М.С. Восленского, принесшим автору известность в западных кругах, стала книга «Номенклатура». Впервые она вышла в свет в Австрии и ФРГ в 1960 г. на немецком языке. Затем книга была напечатана во Франции, в Италии, Испании, Португалии, Греции, Англии, Швеции, Исландии, Японии, Бразилии. Она стала бестселлером, выдержала более 20 изданий. В 1991 г. «Номенклатура. Господствующий класс Советского Союза» была опубликована в России (М., «Советская Россия» совместно с МП «Октябрь»). М. Восленский продолжает и в известном смысле завершает одну из мощных линий в советологии – марксистский анализ высшей точки развития номенклатурного строя советского общества – «брежневщины». Эта позиция автора определила его ведущую концепцию.

Книга отличается стройностью структуры. Все ее главы логически связаны между собой и последовательно создают картину всеобъемлющей партийно-бюрократической системы в СССР – кастовой номенклатуры. Основные вехи развития центральной темы

определены следующими направлениями: создание в стране нового классового антагонистического общества – советского общества реального социализма; рождение господствующего класса; номенклатура – правящий класс советского общества, номенклатура – эксплуататорский класс советского общества; номенклатура – привилегированный класс; диктатура номенклатуры; класс номенклатуры – претендент на мировое господство; класс – паразит; место номенклатуры в истории (эта концептуальная глава была введена для русского издания и завершает книгу).

В первой главе книги Восленский выдвигает и обосновывает тезис о том, что уже революция создала внутри партии большевиков монополистический привилегированный слой советского общества – партийную бюрократию, ставшую во главе государства и вскоре заменившую ленинскую политическую модель «диктатуры пролетариата» моделью «диктатуры над пролетариатом» (Л. Троцкий).

Ленин, говоря о роли государства в любом обществе, подчеркивал, что всякое государство есть особая сила для подавления угнетенного класса.

М. Восленский, используя тезис Ленина о роли государства как машины для поддержания господства одного класса над другим, заключает, что факт существования СССР как государства служит доказательством того, что советское общество – антагонистическое. Свой вывод он доказывает предметным анализом структуры советского общества.

Вопреки определению Сталиным структуры советского общества как трехчленной (рабочие, колхозники, служащие) и его концепции общества в СССР как неантагонистического, Восленский делит общество Советского Союза на две категории с точки зрения прав, обязанностей и повинностей граждан – «управляющие» и «управляемые». Это, по его определению, два новых антагонистических класса, разделенных между собой глубочайшей социальной и морально-психологической пропастью: с одной стороны – господство, с другой – задавленность, бесправие, страх перед репрессиями, беспрекословное повиновение.

Класс управляющих концентрирует правящую элиту – партийную бюрократию с группой боссов во главе. На этой основе ученый делает вывод, что «управляющие» – это господствующий класс советского общества, который жестоко эксплуатирует народные массы. М. Восленский детально анализирует процесс рождения господствующего класса. Главное внимание он сосредоточивает на таком историческом факте: В.И. Ленин ясно осознавал, что для руководства страной социализма нужна не мифическая «диктатура пролетариата», а сплоченная партия большевиков. Вслед за Октябрьской революцией, пишет Восленский, Ленин начинает поспешно формировать «авангард» из профессиональных революционеров, который должен стать «господствующим классом».

Эта ленинская инициатива определила центральную линию книги – возникновение номенклатуры и ее функционирование. Восленский пишет: «Вождь революции Ленин изобрел организацию профессиональных революционеров. Глава аппарата Сталин изобрел номенклатуру. Изобретение Сталина было аппаратом, при помощи которого он стал управлять Россией, и оно оказалось более живучим»²⁸⁰. Понятие «номенклатура» Восленский дает в такой интерпретации: «Номенклатура – это: 1) перечень руководящих должностей, замещение которых производит не начальник данного ведомства, а вышестоящий орган; 2) перечень лиц, которые такие должности замещают или же находятся в резерве для их замещения»²⁸¹.

Восленский подчеркивает, что после Октябрьской революции в партию большевиков хлынула масса пролетариев и всякого рода карьеристов, чтобы захватить открывшиеся в ходе гражданской войны многообещающие места в органах советской власти.

²⁸⁰ Восленский М. Номенклатура. М. : Советская Россия, 1991. С. 82.

²⁸¹ Там же. С. 83.

«Ленинский призыв» в партию после смерти вождя образовал резерв новой, сталинской «молодой гвардии», которой предстояло сначала потеснить, а затем и вытеснить «ленинскую гвардию». Этой страшной миссии сталинской партийной гвардии, ее феодальному статусу и деяниям в хрущевско-брежневскую эпоху М. Восленский посвятил семь глав своей многостраничной монографии. Такая система не могла быть социально и экономически продуктивной, да и не в этом были ее задачи. Цель системы – власть, господство над другими и личная благоустроенная жизнь.

Заканчивает свою книгу М.С. Восленский весьма знаменательно – описанием парада 7 ноября на Красной площади, которое воспринимается как приговор номенклатуре: «Простимся с номенклатурой в это прекрасное для нее мгновение. Помашем рукой этим дородным боярам и дебелим боярыням, столпившимся на фоне средневековой крепостной стены, вокруг пирамиды Мавзолея с лежащей в ней мумией. Оставим их, опьяненных грезами о собственном могуществе, стоять в окружении могил у Кремлевской стены, как на кладбище, и пусть ноябрьский ветер засыпает колючим снегом их осенний, уходящий мир»²⁸².

Как марксист, Восленский понимал, что рано или поздно строй, основанный на эксплуатации, должен рухнуть. Он считает, что на смену внеэкономическому принуждению (номенклатурному феодализму) должно прийти принуждение экономическое (капитализм). Он надеется, что замена произойдет плавно, эволюционно. Но при этом в чем-то главном он остается непоколебимым марксистом: если меняется государственный строй, то меняется и власть, свержается господствующий класс. Восленский не желает революции и уповает на то, что номенклатура будет вынуждена добровольно уйти от власти при новом строе.

Но номенклатурщики умеют постоять за себя. Горбачевская перестройка была «предбанником» грядущего строя. И этот строй дальновидные номенклатурщики ясно себе представляли и готовились к бою за будущую власть, которая сулила им немалые капиталы и личную недвижимую собственность. Поспешно сменив политическую и идеологическую окраску, бывшая номенклатура в начале 90-х гг. ринулась к власти и добилась новых успехов. Таков финал, которого не предусмотрел крупный знаток номенклатуры, историк и философ Михаил Сергеевич Восленский.

Публицистика. Политические эмигранты третьей волны привлекали к себе внимание, в основном, политическими памфлетами, которые они писали и у себя на родине, и распространяли через самиздат, и за рубежом, где они стали более острыми и открытыми для читателя. Памфлеты, построенные на идеологическом плюрализме, послужили дополнительным материалом для обогащения советологии. Диссидентство создавало идеологическую основу эмигрантской публицистики. Среди эмигрантов, причастных к публицистике, выделим Вадима Белоцерковского, Бориса Хазанова, Валерия Чалидзе. Их публицистика по тематике и проблемам типична для диссидентов-эмигрантов этой категории.

Вадим Белоцерковский. Писатель и публицист, по образованию инженер-химик. В 1958 г., когда ему было 40 лет, попал в «черный» список, что перекрыло дорогу в открытую печать. Основной причиной конфликта с властью послужила одна из повестей, в которой Белоцерковский в беллетристической форме пытался доказать жизненную необходимость внедрения общественного самоуправления в сферу производства, значительного снижения партийно-государственного руководства и контроля в промышленном производстве. Эта идея писателя была воспринята советскими спецорганами как архикрамольная.

²⁸² Восленский М. Номенклатура. М. : Советская Россия, 1991. С. 617.

Притеснения Белоцерковского со стороны КГБ закончились тем, что в 1962 г. он был вынужден эмигрировать. Поселился в Мюнхене (ФРГ), где занялся разработкой модели самоуправления в общественном производстве. Надо отметить, что эта идея не была новой. Различные варианты самоуправления в рамках социалистической системы появлялись в конце 50-х гг. и позже.

В 70-е гг. В. Белоцерковский написал книгу «Самоуправление», фрагменты из которой («Идеал – самоуправление») были опубликованы в журнале «Новое время» (1990, № 24). В ней автор вдумчиво анализирует и беспристрастно оценивает самоуправление на предприятиях Запада, отмечая как положительные, так и отрицательные его стороны. Свою модель самоуправления Белоцерковский представляет как идеальную и универсальную.

В. Белоцерковский считает самоуправление, основанное на коллективной собственности на средства производства и продукты труда, наиболее соответствующим природе человека фактором. Он понимает самоуправление как высшую форму интеграции людей. Такие коллективы дают человеку возможность самоутверждения. Систему самоуправления автор определяет как новую эру в развитии демократии на предприятиях, создании внутри них демократических институтов и механизмов.

Белоцерковский подчеркивает и такое преимущество самоуправления: «Коллективная, групповая собственность на средства производства и продукты труда – гарантия экономической независимости людей от государственной власти или работодателей и одновременно защита для общества от ошибок или злоупотреблений отдельных коллективов (за которые никто не должен расплачиваться, кроме них самих), ну и, конечно, условие максимальной заинтересованности людей в добросовестном труде»²⁸³.

Самоуправление на предприятии связано с рыночной экономикой: конкуренцией, свободным рынком товаров и услуг, динамикой спроса и предложений, рекламой и др. А это, отмечает публицист, дает возможность реально определить качество товаров предприятий, изучить спрос на них и оценить в целом рентабельность производства. При самоуправлении возрастает интерес к рынку.

Автор уделяет пристальное внимание роли государства в системе самоуправления, особенно в процессе расширенного воспроизводства, которым должно заниматься только государство. Оно строит новые предприятия и продает их новым созданным коллективам, которые выплачивают в рассрочку стоимость предприятий. Государство размещает средства на строительство новых предприятий с учетом анализа «объективных сигналов свободного рынка».

В. Белоцерковский – сторонник государственного планирования развития экономики при самоуправлении. Он пишет: «Расширенное воспроизводство в руках общества при конкуренции на свободном рынке групповых предприятий (а также кооперативных и частных) открывает возможность желанного синтеза между планированием развития экономики в перспективных интересах общества и свободной хозяйственной деятельности в интересах производителей и потребителей»²⁸⁴.

Белоцерковский убежден, что самоуправление способно не только сплотить и дисциплинировать народ, но и раскрыть и реализовать его творческие возможности. Самоуправление на предприятиях, за которое автор ратовал в 70-х гг., – это прообраз акционерных обществ всех типов в современной России.

Борис Хазанов. Родился в Ленинграде в 1928 г., учился в МГУ на филологическом факультете. В 1947 г. был репрессирован за «вольнодумство». В 1955 г., после восьми лет исправительно-трудовой «практики», поступил в медицинский институт, в итоге стал врачом.

²⁸³ Белоцерковский В. Идеал – самоуправление // Новое время. 1890. № 6. С. 41.

²⁸⁴ Там же. С. 42

Еще в студенческие годы Б. Хазанов проявил большой интерес к литературе и полемическим проблемам публицистики. Он был активным участником «самиздата» и «тамиздата», стал известен в кругах отечественной и зарубежной творческой интеллигенции. В 70-х гг. привлек к себе настороженное внимание спецорганов: на горизонте снова замаячил ГУЛАГ. Единственный выход – эмиграция. С 1982 г. Б. Хазанов живет в Мюнхене и работает в журнале «Страна и мир».

В творчестве Хазанова центральное место занимает Россия, ее судьба, но не советская Россия, которая для него «отвратительна» (по его признанию), а та, дореволюционная, которую он воспринимает несколько в идеализированном образе. Хазанов защищает русскую культуру от ее «осквернителей», «нивелировщиков», тоскует на чужбине по русской речи.

Ведущим направлением в творчестве Хазанова является публицистика. Наиболее значительным его произведением в этой области признается книга «Идущий по воде», которая составлена из работ 70-х и начала 80-х гг. В заглавии книги заключен аллегорический смысл: в образе Идущего автор как бы олицетворяет Христа-спасителя, идущего по морской глади к земле обетованной для избавления живущего на ней народа от греха и мук (известная картина в иконописном стиле). Хотя публицист нигде в книге не упоминает о Христе-спасителе, но очевидно, что в образе Идущего по воде автор воплощает некую силу, которая пробудится в России и избавит ее от насилия и произвола. Поэтому не случайно в книге Хазанова помещена статья «Дряхлеющая тирания», в которой он по-своему объясняет и предрекает судьбу России.

В статье автор анализирует несколько этапов развития и становления советского режима, а также предпосылки его краха. Он начинает статью с краткого красочного описания превращения России в Советский Союз и определения этого процесса как внезапного скачка в другое время, время утопии – «митингов, патетических клятв, вдохновляющей простоты лапидарных лозунгов и геометрических эмблем, время, когда некогда жить обыкновенной жизнью... Время полного экономического крушения, воровства и пиров, похожих на пир во время чумы, и посреди этого разора – шествие кумачовых флагов, какой-то нескончаемый парад-фестиваль»²⁸⁵. И в пыльных бурях гражданской войны временами скользит «лучезарное будущее», мыслимое большевиками не как социальное благоденствие, а как ломка старого мира, отречение от него и «перемалывания тела народа в фарш».

Хазанов уделяет в статье особое внимание статусу марксизма в СССР. По его мнению, марксизм быстро приобрел на русской почве мифические черты. Но с годами мифологизм марксистско-ленинского учения стал терять свою ортодоксальность. Автор уподобляет фазы развития марксистского мифа фазам шизофренического бреда: первая совпадает с революцией, которую можно представить в виде психоза; вторая – фаза государственной стабилизации, больной живет внутри созданной им системы; в третьей фазе бред теряет внутренний смысл и рассыпается. Это «фаза распада личности». Свой аспект Хазанов заключает такими словами: «Крах утопии означает не только смерть будущего, во имя которого было принесено столько жертв, но и смерть славного прошлого. Вся история борьбы и побед начинает казаться бессмысленной. Надежды и пафос – все скомпрометировано... Гражданская война предстает как кровавый абсурд»²⁸⁶.

Советский режим создал тиранию. По убеждению публициста, «тирания» – это ужасное и гнусное бедствие, которое обязано своим происхождением только тому, что люди перестали ощущать необходимость в общем и равном для всех законе и праве²⁸⁷.

²⁸⁵ Хазанов Б. Дряхлость тирании // Новое время. 1991. № 30. С. 41.

²⁸⁶ Там же. С. 42.

²⁸⁷ Там же. С. 43.

Единственное избавление от дряхлеющей тирании автор видит в зарождающейся в недрах горбачевской перестройки демократии, той демократии, которую он воспринимает в образе Идущего по воде. «Демократия – это юность, а тирания – гнусная старость», – этими убедительными словами заканчивает Борис Хазанов свою статью.

Валерий Чалидзе. Ученый-физик, он в 1972 г. во время поездки в США для чтения лекций был лишен советского гражданства. Американское правительство предоставило ему политическое убежище и гражданство. В. Чалидзе – талантливый публицист. Он написал много статей и несколько книг, посвященных преимущественно политическим и социальным проблемам СССР. В 1985 г. фонд Макартура присудил ему пятилетнюю стипендию за деятельность в области защиты прав человека.

Часть статей отражает процесс перестройки в Советском Союзе. Одна из них – «На путях к возрождению». Само заглавие статьи означает возобновление, развитие после периода упадка. Этот период автор определяет хронологическими рамками государственного режима в Советском Союзе при Сталине, затем Хрущеве, Брежневе, Горбачевскую перестройку он воспринимает как начало новой эры в истории России.

Авторская концепция основана на исторически неизбежной и политически подготовленной перестройке системы государственного управления в СССР. Чалидзе связывает этот процесс с реформированием государственной власти на всех уровнях. В этой связи автор определяет основное направление реформы – децентрализация власти и расширение самоуправления в республиках и регионах. Он осознает, что в авторитарном государстве совершить такую «революцию сверху» – значит поколебать (но не разрушить) многолетнюю стабильную систему партийно-государственного управления страной из Кремля. Здесь необходима, по его мнению, не только решительность и твердость Горбачева и его единомышленников, но и взаимопонимание и взаимоподдержка власти и народа. «Как мирно и без чрезмерных потрясений, – пишет Чалидзе, – отдать часть власти народу, как сократить полномочия власть имущих, как содействовать мирному переходу от централизации к самоуправлению – таким опытом история не богата»²⁸⁸.

Чалидзе выдвигает в статье ряд проблем перехода от централизации власти к самоуправлению, варианты решения которых он пытается обосновать в собственной интерпретации. Отметим основные из них.

Вариант решения первой задачи автор видит в совмещении партийных и советских постов, в постепенном ослаблении партийного контроля государственных и общественных дел. Передача части власти народу должна происходить медленно, но ответственно и без хаоса. При этом следует учитывать вопрос о «разумной степени централизации управления». И второе, надо следовать объективному закону общественного развития: «усложнение социальных отношений с ростом цивилизации и развитием хозяйства при сохранении жесткой централизации приводило и будет приводить к кризисам» (Чалидзе).

Решение второй проблемы децентрализации власти Чалидзе связывает с недалеким прошлым, со сталинской эпохой. Сталин создал сверхцентрализованную, унифицированную работающую систему. Но она держалась на насилии, «на постоянной войне правительства против народа». После смерти Сталина, в хрущевский период оттепели, система дала сбой, стала буксовать. Хрущев не уразумел, что сталинская система может функционировать только при насилии. Горбачев стал первым советским лидером, который понял непригодность сталинской системы в новых условиях общественного развития и решился на ее реформу.

Однако в партийно-правительственных кругах поднялись оппозиционеры, которые выступили против изменения системы. Они, убежденные сторонники сохранения цен-

²⁸⁸ Чалидзе В. На путях к возрождению // Новое время. 1990. № 11. С. 30.

трализованной власти, оправдывали и Сталина, и его репрессии ради сохранения своей системы. На этой основе Чалидзе делает вывод: надо всеми способам разрушить стереотипы в сознании приверженцев сталинской сверхцентрализованной системы управления, а также у части населения, которое опасается наступления беспорядка в стране в связи с проводимой реформой.

Третья проблема – это взаимодействие власти и общества в процессе перехода централизации к самоуправлению. Положение власти в этой ситуации, отмечает Чалидзе, двойственное: с одной стороны, она, поддерживая сторонников самоуправления, снижает свою роль в его развитии, с другой – стремится не потерять контроль за борьбой сторонников и противников децентрализации и в то же время сохранить прежний жесткий «контроль и учет», по заветам Ленина, над всем и вся в стране. Поскольку СССР переходит к новому, динамическому руководству, в отличие от статистического, вступает в силу принцип «разрешено все, что не запрещено законом». Осуществление этого принципа будет неизбежно болезненным из-за субъективного восприятия его обеими сторонами.

В. Чалидзе предусматривает эти конфликтные ситуации и предлагает свой вариант выхода из кризисных положений. В условиях взаимной «притирки» в период перестройки методов государственного управления неизбежна радикальная оппозиция, так сказать, оппозиция «слева» вместо консервативной оппозиции «справа» для «самоторможения», для сдерживания тех, кто стремится быстрее реализовать реформу, что может привести к хаосу. Эту оппозицию надо сохранять и развивать. Вместе с тем автор признает необходимость «торопящих» как противовес консерваторам. В процессе перестройки и реформирования, предупреждает Чалидзе, возникнут экономические и социальные трудности, но они будут «экзаменом на готовность к демократии, к свободе от государственной опеки».

Четвертая проблема, выдвинутая Чалидзе, предусматривает подготовленность властей всех уровней к децентрализации управления. Однако практика реформирования показала, что республиканские и региональные власти не готовы организационно и методически к самоуправлению. В результате центральная власть вынуждена вмешиваться в деятельность местных властей. Причина – отсутствие заранее разработанной модели вертикального разделения функций властей. Чалидзе считает, что для успеха децентрализации необходима взаимопомощь в обучении децентрализованной деятельности руководителей всех ветвей власти. Наконец, для реального перехода к децентрализации, по оценке автора, еще не создана законодательная основа.

Конец 90-х гг. ознаменован в России дальнейшим расширением самоуправления и саморегулирования в ее регионах. Правда, это не всегда протекает в нормальном русле, нередки случаи самоуправства в отдельных регионах, но со временем все отшлифуется. Этому будет способствовать внутренний и внешний рынок.

Литература третьей волны эмиграции. В культуре третьей волны ведущее место занимает художественная литература. В конце 80-х – начале 90-х гг., когда в СССР, России стали открыто печатать произведения писателей-эмигрантов и они оказались доступными массовому читателю, сложились две противоположные позиции в оценке художественной литературы третьей волны.

Первая строится по инерции на идеологических критериях 70–80-х гг. и под некоторым влиянием отрицательных оценок эмигрантской литературы, данных А. Солженицыным и И. Шафаревичем – столпами инакомыслия. В частности, Солженицын замечает, что у писателей-эмигрантов выстроилась новая концепция: у России не было не только истории, у нее не было и литературы. Писатель обвиняет их в русофобии, амбициозности, космополитизме. Свою роль в отрицательном отношении к литературе третьей волны сыграла бурная реакция советских читателей на напечатанные в журнале

«Октябрь» (1990, № 7) фрагменты из книги А. Синявского (Абрама Терца) «Прогулки с Пушкиным» (целиком работа была опубликована в малотиражном журнале «Вопросы литературы»). Редакция была завалена гневными откликами. Читатели, в том числе литературные критики, с возмущением восприняли оскорбительный отзыв автора о Пушкине. Так из частного родилось общее, некий синтез мнений и оценок.

Положительная позиция в оценке литературы третьей волны строится на иных критериях. Вслед за публикуемыми произведениями писателей-эмигрантов в печати стали появляться статьи литературных критиков, в которых подчеркивалось, что литература третьей волны в настоящее время оказалась наиболее значимой для современной российской культуры. Авторы настойчиво пытаются доказать, что эмигрантская литература становится не только весомым аргументом в идеологическом споре, который не утихает в обществе, но и выступает мощным фактором, оказывающим влияние на смену эстетических нормативов, этических ценностей и даже ментальности. Конечно, критики и литературоведы здесь перестарались.

Всплеск интереса некоторых российских издательств и многих читателей к литературе третьей волны объясняется не ее художественными достоинствами, привлекательностью психологических портретов персонажей, а, главное, идеологической противоположностью эмигрантской прозы и поэзии сочинениям советских писателей и поэтов, которым в мифическом мире коммунизма отводилась роль литературных комментаторов «генеральной линии», художественных исполнителей партийных заказов. На смену стахановцам, ударникам комтруда, героям-хлеборобам, героям-первопроходцам, пышущим энергией директорам заводов и председателям колхозов, принципиальным секретарям парткомов и деловым председателям профкомов, порядком надоевших читателям, пришли иные персонажи, не слепленные по унифицированной модели «советский человек», смонтированной по одиннадцати основополагающим принципам социалистического реализма.

Литература третьей волны – это, в сущности, по идейной направленности и содержанию во всех жанрах антисоветская литература. Писатели-эмигранты отвергли социалистический реализм, и прежде всего его идеологические нормативы, классовые мышление и критерии, лакировку социалистической действительности. Однако они сохранили для себя ряд принципов соцреализма: ярко выраженную тенденциозность в художественных произведениях – реалистических, сатирических, фантастических; прогнозирование (только вместо исторического оптимизма – пессимизм); политическую направленность сюжетов. Эта направленность авторских замыслов обусловила появление публицистических элементов в эмигрантской художественной литературе, ориентированных на подрыв идеологических институтов в СССР.

Эмигрантская литература выработала свои эстетические и нравственные критерии, заимствовала и внедрила художественные приемы советской литературы в изображение действительности, событий, конфликтных ситуаций, персонажей и т.д., хотя и стала оппозиционной этой литературе.

Язык эмигрантской прозы и поэзии типологически близок тому языку, который использует советская литература. Этот язык не имеет ничего общего с языком, на котором говорит народ. Это искусственный, выхолощенный, «казенный» язык с «образцовыми» словосочетаниями, штампованными фразами.

И если кто-то из писателей пытается приблизиться к диалекту, например, крестьянина в каком-то регионе, то такой язык становится больше похожим на интеллигентский фольклор, чем на живую разговорную речь современного сельского жителя.

Основная часть произведений писателей-эмигрантов была написана в Советском Союзе и хранилась в столе. Лишь за рубежом эти рукописи, часто доработанные, «обостренные», были опубликованы. Писательская эмиграция прихватила с собой за рубеж

зародившиеся в СССР при господстве соцреализма новые литературные течения, в частности соц-арт (в литературном обиходе – соц-артист, соц-артистизм), который они заимствовали у художников-шестидесятников, первооткрывателей этого течения в искусстве в годы андеграунда. Это течение недолговечно. Если исчезает тоталитаризм, то исчезает и база соц-арта.

Следует отметить принципиальные позиции взаимоотношений литературы третьей волны и советской литературы, сформулированные и провозглашенные самими же писателями-эмигрантами и критиками. Первая позиция – это признание превосходства литературы третьей волны перед советской литературой, которую они обвиняют в абсолютной зависимости от партийной идеологии, называют «неискренней». Взаимоотношения обеих литератур по второй позиции сводятся к принципу «сообщающихся сосудов»: застой в советской литературе вызывает подъем литературы третьей волны. Третья позиция выражена сжато и претенциозно: эмигрантская литература – неотъемлемая часть русской культуры.

Среди писателей-эмигрантов утвердилось мнение, что литература третьей волны – это центр российской духовности, средоточие творческих шедевров. Многим из писателей свойственны самолюбование, самовлюбленность, некий нарциссизм, нередко переходящий в литературные тексты. Такое самолюбование располагает к взаимному восхвалению и часто переносится на положительных персонажей произведений (так сказать, «персонализируется»), которым приписываются черты авторов или собратьев по перу. Оно проявляется также в многозначительной, полной пафоса интонации произведений, что подкрепляется всеми языковыми средствами соответствующей окраски. Эта сосредоточенность писателей, заброшенных судьбой в заморские страны, на себе в какой-то степени объяснима. Она по-своему способствует раскрытию и выражению писателем своего внутреннего мира, восприятий и переживаний и служит как бы его психологическим самоутверждением. Исключением в этом самолюбовании является Николай Боков, который использует технологию научной фантастики, строит сюжет и описывает ситуации без привлечения себя в качестве персонажа. Сюда же можно отнести Игоря Померанцева, который предложил вариант лирической прозы, не отягченной собственной личностью.

В эмигрантской литературной среде создана культовая атмосфера. К примеру, когда И. Бродский получил Нобелевскую премию, его соратники и рьяные поклонники из литературной братии писали в «Русской мысли», что он «сверхчеловек будущего», что «наша эпоха недостойна Бродского». Примеров взаимного восхваления среди писателей предостаточно. Отсюда, многие из них годами вынашивают преувеличенное представление о собственных литературных заслугах. В этой связи и была распространена формула: все таланты должны писать что-то антисоветское, а все антисоветское – продукт подавленного таланта. Правда, эта формула теперь отмирает.

Писатели-эмигранты объявили себя «новаторами», «неозападниками». Они отрицают «русскую идею», апологетом которой является традиционалист-почвенник А. Солженицын, не признают особый путь развития России и считают западный вариант единственно возможным для нее. Нравственный облик русских людей должен создаваться, по их убеждению, на основе «морального кодекса» строителей капитализма в цивилизованных западных странах.

Творчество писателей-эмигрантов. Здесь дается краткий обзор по узловым темам творчества писателей-эмигрантов, что позволяет в большей степени акцентировать внимание на идейно-тематической структуре литературы третьей волны. Вместе с тем анализируются и индивидуальные особенности творчества писателей и поэтов.

В эмигрантской литературе можно выделить несколько ведущих, узловых тем, которые порождены различными факторами и авторскими мотивами: идейно-

политической и нравственной ориентацией писателей, нередко подогретой злобой, чувством мести стране, русскому народу; перипетиями в жизни писателей; новой средой обитания. Определились три такие ведущие темы.

Сатирическое изображение советской действительности. Литература третьей волны отличается сатирическим характером, обличительным пафосом. Сатирическое изображение советской действительности у некоторых писателей доходит до гротеска, описания в причудливо-фантастическом стиле. Жизненные ситуации, в которые попадают герои, кажутся неправдоподобными и вообще невыносимыми. Некоторые писатели используют в качестве литературного метода модернизм с примесью соцреализма, его стиля, идейной насыщенности, но в пародийном изображении действительности, оригинала.

Первая роль в сатирическом изображении советской действительности принадлежит писателю-эмигранту Владимиру Войновичу. В 60-х гг., до эмиграции, он начал писать роман «Жизнь и необычайные приключения солдата Ивана Чонкина». Первая часть романа попала в самиздат, в 1969 г. она без ведома автора была отправлена явно в провокационных целях «заинтересованными органами» в эмигрантский журнал «Грани» и в нем опубликована. Вскоре эта акция дала свои результаты: секретари Союза писателей признали ее антисоветской антинародной повестью.

Войнович сначала задумал «Ивана Чонкина» как эпический роман и стал сочинять его в этом жанре. Он намеревался описать всю драматическую судьбу солдата, начиная с войны, тюрьмы, снова войны, затем переезд в Америку в числе перемещенных лиц, и в конце романа представить Чонкина в образе богатого американского фермера. Позже автор изменил сюжетную композицию романа.

В 1960 г., когда писатель покидал родину, «Иван Чонкин» был написан, переведен на многие языки и издан приблизительно в тридцати странах.

Нынешняя известность писателя связана, прежде всего, с «Иваном Чонкиным». Советские генералы в коллективном письме в газету «Ветеран» выразили недовольство романом, посчитали его насмешкой над солдатами войны.

Чонкин – это не все солдаты войны (хотя некоторые критики пытались типизировать образ и обвинить в этом автора), а один характер, одновременно и универсальный, и национальный. В Чонкине воплощены, как признается автор, некоторые черты его характера, и даже отдельные жизненные эпизоды совпадают. Фронтовая жизнь, ее бои и будни описаны без лакировки, без ура-патриотических всплесков, подвигов политруков, правдиво и без сделки с идеологией.

«Жизнь и необычайные приключения солдата Ивана Чонкина» – это сатирический роман с немалой долей юмора. Ведь на войне, помимо трагического, было и смешное. Автор называет сатиру «самым серьезным жанром», самым серьезным потому, что она точно указывает границу между серьезным и смешным. Войнович не признает литературных творений как искусных конструкций, как плодов изобретательного ума. Ему ближе литература интуитивная, «идущая не от идей, а от образа». Поэтому генералы и «официальные» критики назвали роман безыдейным. Он был напечатан в журнале «Юность». Большинство отзывов о нем положительные; но это уже 90-е гг.

Второе сатирическое произведение В. Войновича – роман «Москва 2042» (2042 – это дата). Это роман-предупреждение о том, что будет с СССР, если перестройка не удастся, хотя писать роман он начал до горбачевской перестройки. Покидая Россию, писатель заявил, что через несколько лет в Советском Союзе начнутся радикальные перемены. Уже позже в одном из интервью он объяснил: «Москву 2042» я никогда не хотел считать пророчеством. Я считал и считаю ее романом-предупреждением. Я хотел сказать, что если советское общество не свернет с когда-то избранного пути, не отка-

жется от когда-то признанных догм, оно придет к той действительности, которая описана в книге»²⁸⁹.

Войнович начал писать книгу в 1982 г., вышла она на русском языке в 1986 г. Как сатирик он концентрирует внимание на теневых сторонах жизни и негативных тенденциях, заостряет существующие проблемы и порой доходит до крайностей. В книге описаны мрачные перспективы Советского Союза, изображена заключительная фаза построения коммунизма в отдельно взятом городе – в Москве. Она окружена тремя «кольцами враждебности», въезд и выезд из города запрещены. Москва находится на особом положении. За границу продано все, в том числе мавзолей, а по Красной площади ходит иностранец из Литвы. Для получения продуктов питания жители должны сдавать мусор и отходы. Даже лозунг на приемных пунктах звучит призывно: «Кто сдает продукт вторичный, тот питается отлично». По убеждению автора, это не фантазия, а возможная реальность. Но пусть Советский Союз избежит подобной перспективы. Автор признает, что «Москва 2042» – «самый крамольный роман».

Войнович называет саму советскую действительность «сатиричной». Он сочинил сюжет повести «Шапка» и оснастил его более или менее правдоподобными деталями. Автор подчеркивает взаимосвязь гоголевской «Шинели» со своей повестью «Шапка». Главными героями в ней выступают руководители Союза писателей и Литфонда. Но если у Гоголя чиновник шьет себе шинель в соответствии со своими денежными возможностями, то у Войновича руководители придумали шить себе шапки в соответствии с чином: чем выше ранг, тем дороже шапка.

В. Войнович в «Новой сказке о голом короле» в аллегорическом изображении представляет для обозрения «вождя» государства (подразумевается СССР), где все основано на лжи, в голом виде, чтобы проследить реакцию граждан на это необычайное зрелище. Всех зрителей (а точнее, всех пишущих) он делит на два лагеря: писателей «реакционных» и писателей «прогрессивных».

Реакционные писатели выражались так: «В нашем королевстве и далеко за его пределами на весь белый свет все знают, что лучшее в мире платье носит наш любимый король»²⁹⁰. Прогрессивные писатели «писали то же самое, иногда слово в слово, но имели в виду совершенно противоположное. И люди, читая те же слова, надрывались от смеха, а потом текст передавали из рук в руки, переписывали и даже заучивали наизусть»²⁹¹. В эту игру включились даже министры и партийные боссы.

Писатель заключает, что бедственное положение в королевстве сложилось потому, что «мы слишком много говорили правду, то есть, конечно, врал». Люди так устали от вранья, что как только им разрешили, так все наперебой кинулись говорить правду о голом короле, и оживилось королевство.

Сатирическое изображение советской действительности нашло место и в творчестве Василия Аксенова. Самым значительным и глубоким его творением в этой области считается в литературных кругах трилогия «Московская сага», особенно ее третья книга, мелодраматическое произведение «Война и тюрьма, тюрьма и мир». Это история интеллигентской семьи в период массовых репрессий.

Объектом изображения, историческим фоном трилогии, на котором разворачиваются события, являются сталинская эпоха, сталинский режим, сосредоточением и исток которого выступает Москва с ее загадочным и тревожным Кремлем в рубиновых звездах и Мавзолеем зачинателя социализма, страшным и беспощадным НКВД и кро-

²⁸⁹ Войнович В. Я вернулся бы... // Литературная газета. 1990. С. 8.

²⁹⁰ Литературная газета. 1991. С. 12.

²⁹¹ Там же.

вавыми подвалами Лубянки. Москва в изображении автора – это и показное социальное благополучие, и мнимая гармония советского общества сталинских времен.

Близка к сатирическому жанру книга В. Аксенова «Желток яйца», написанная на английском языке. В 1991 г. она печаталась в журнале «Знамя» на русском. Эта книга, по определению автора, – метафизическая шутка, иронический триллер. Среди действующих лиц Маркс и Достоевский, советский шпион и германский разведчик, бессмысленно охотящийся за дневниками Достоевского. Главным мотивом написания книги явилось предположение автора о неизбежном развале СССР. В книге отразилась и авторская попытка как-то спасти страну, и осознание, что в середине яйца находятся как жизнь, так и смерть, которые трудно определить и различить.

В статье «Праздник, который пытались украсть» Аксенов повествует об истории создания и разгрома альманаха «Метрополь» в 1979 г. В России она была напечатана в журнале «Огонек» (1991, № 10). Но судьбу «Метрополя» автор понимает шире, он связывает ее с судьбой инакомыслящей творческой интеллигенции в Советском Союзе. Автор пишет: «Иными словами, это история из жизни не только "Метрополя", но и всего нашего художественного поколения, оспорившего наглую власть идеологии над искусством». Главными действующими лицами в операции по изъятию неудобных литературных материалов и изгнанию авторов выступают КГБ и Союз писателей в конкретных лицах – послушных исполнителях воли партии, бдительных охранниках коммунистической идеологии, часто использующих любой шантаж и дезинформацию.

Основой обличительной статьи «Крылатое вымирающее», подготовленной Аксеновым для «Литературной газеты» (напечатана 27 ноября 1991 г.), явилось его острое, полемическое выступление на литературной дискуссии в Вене в 1991 г. Тема дискуссии – «что есть Я». Лейтмотив его выступления – писатель и общество. Эту проблему Аксенов рассматривает в условиях двух цивилизаций: социалистической и либерально-капиталистической.

Главное внимание Аксенов уделяет становлению личности писателя, формированию его мировоззрения в тоталитарном государстве. Он отмечает, что свою литературную молодость провел в мире, который пытался превратить литературу в массовую акцию на единой идеологической основе. Однако в условиях тоталитарного режима появилась неизбежная диспропорция: в полностью коллективизированном обществе возникла группа писателей-одиночек в противовес Союзу писателей – идеологической общине. Так плеяда одиночек приобретала очертания их бунта в «казарменном обществе». Вытеснение писателя-протестанта в эмиграцию или заключение в лагерь, «психушку» стали естественным результатом борьбы с коммунистической идеологией.

Вторая часть статьи отведена критике американской литературы, главный критерий которой в мире коммерции и бизнеса – не идеологическая благонадежность писателя, а спрос на литературную продукцию на книжном рынке, так сказать, ее рентабельность с позиций производителя и потребителя.

Эдуард Лимонов написал для французского журнала «Интернациональный идиот» статью «Портрет Миттерана как Брежнева». Автор сравнивает французского президента с генсеком Л.И. Брежневым. Миттеран – «оберегатель Франции от всяческих перемен», именно так «оберегал» СССР от перемен Брежнев. Ничего не предпринимать, лишь бы сохранить все в таком виде, как есть. Застой в стране при Брежневе подобен застою во Франции с вытекающими из него последствиями для страны.

В 60-х гг. самиздатовским способом была издана сатирическая повесть Юза Алешковского «Николай Николаевич». Основная цель книги – разоблачение советского образа жизни, который, по мнению автора, наконец-то предстал во всех измерениях перед прозревшим человеком. Повесть проникнута гражданским гневом на абсурдный режим, но написана она нарочито вульгарным языком, с матерщиной. Автор задумал по-

весть как книгу о любви, о мужской любви, тоске, сердечной страсти, жертвенности, хотя и написана она грубо. Таков уж стиль писателя. В эмигрантской литературе эта книга была возрождением авангарда 20-х гг., но уже нового, диссидентского.

При определенном мировоззрении, этике, нравственной позиции писателя сатирическое изображение советской действительности в его творчестве иногда сводится к карикатурно-оскорбительной характеристике страны, русского народа. И подается это под маской обличения строя. Особенно в этом преуспели А. Синявский и несколько близких ему по духу писателей. Получив свободу слова, они приступили к очернению страны прежнего проживания, русского народа. Эта группа писателей пыталась создать свой образ России – безнадежной, от начала появления обреченной на рабство страны, у которой не было истории, а было «бытие вне истории» – и пророчила ей скорую гибель.

Они стремились создать и свой образ русских людей – образ отвратительного, грязного, пьяного, жалкого в своей униженности народа, приписывали рабский отроду характер русскому человеку. В такой стране, с таким народом «порядочный человек» не может жить. На этот «творческий» труд ушло 10–15 лет, что помогло русофобам сделать некоторый капитал. Но оставим этих «писателей» как несуществующих для России, отметим лишь их лидера А. Синявского.

Андрей Синявский в книге «Мысли врасплох», рассуждая о самом главном в русском человеке, делает «глубокомысленный» вывод, что главное состоит в том, что русскому человеку «нечего терять». Отсюда, «пьянство – наш коренной национальный порок и больше – наша идея фикс. Не с нужды и не с горя пьет русский народ, а по извечной потребности в чудесном и чрезвычайном, пьет, если угодно, мистически, стремясь вывести душу из земного равновесия и вернуть ее в блаженное бестелесное состояние. Водка – белая магия русского мужика, ее он решительно предпочитает черной магии – женскому полу... Пьянство нам сообщает босяцкую развязность и ставит среди других народов в подозрительное положение люмпена»²⁹².

Свое русофобство Синявский фиксирует и в статье «Диссидентство как личный опыт», в которой он в ироническом тоне подчеркивает, что «русские патриоты» (автор специально заключает эти слова в кавычки) потому так упорно выступали против отмены крепостного права, что опасались: если русскому мужику дать свободу, то он без помещичьей опеки «сразу бросит работу и сопьется!».

Синявский провел исследование образа деревенского дурачка в русском фольклоре. Его привлекает гротескное изображение русского крестьянина-дурачка. По признанию писателя, он сочиняет, в основном, сказки.

Писатель не забыл обвинить русский народ и в национализме, великодержавном шовинизме. В статье «Русский национализм» он пытается выяснить и обосновать будто бы подмену марксистско-ленинского интернационализма русским великодержавным шовинизмом. И совершалось такое «злодеяние» по инициативе «сверху», лично Сталина. Здесь автор путает или умышленно искажает факты. В конце 20-х – в 30-х гг. Сталин решительно выступил против еврейского засилья в партийных и правительственных органах. Но это была кровавая борьба за личную власть «вождя». Синявский подчеркивает, что предпосылки великодержавного шовинизма коренятся в закрытом характере советского государства, в его изолированности от других стран. Поэтому у русских возникает чувство своего невероятного превосходства над другими народами СССР, подчас основанное на «неосознанном чувстве собственной неполноценности». Автор уподобляет русский национализм и шовинизм поведению сумасшедшего, одержимого манией величия. Он заявляет, что русский национализм для него «более стра-

²⁹² Огонек. 1991. № 15. С. 14–15.

шен», чем национализм других народов (интересно, что бы изрек Синявский, оказавшись в Бухенвальде). Эта точка зрения обнаруживается и в других его сочинениях.

Лагерная тематика. Как известно, немало правозащитников прошли через лагерь – чистилища для политзаключенных. Такие мрачные годы не исчезают бесследно из памяти человека, поэтому лагерная тематика находит свое место в сочинениях бывших зеков, ставших писателями. Поражает реализм в описании арестантской жизни заключенных и всех «служилых».

Писатель Сергей Довлатов знает, о чем пишет: как и его герои, он служил в лагерном конвое. В рассказе «По прямой» автобиографичность сочетается с самокритикой, сочувствие к героям – с редкой авторской беспристрастностью. Довлатов описывает один из нудных, привычных эпизодов из жизни лагерного конвоя – пьянку – и ее последствия в «мерзком лагерном мирке». Солдатам в этой беспросветной, опостылевшей обстановке нечем занять себя, единственная отдушина в этой безысходности – «бормотуха».

Лагерной жизни посвящена и книга Довлатова «Зона». Здесь явно проступают его юмористические склонности, особенно в главе о лагерном спектакле (в отдельной публикации «Представление»). Это рассказ об уголовниках, представляющих на сцене Ленина и его соратников. Довлатову особенно удался финал, к которому он уверенно шел, наращивая напряжение, превратив, в конце концов, водевиль в высокую драму, когда артисты-заключенные и зал, т.е. охрана, конвой непостижимым и абсолютно убедительным образом сливаются воедино в пении «Интернационала». Трудно подобрать в современной литературе более точную и глубокую метафору советской жизни.

Юз Алешковский – поэт, бывший заключенный. Прославился своей песней, в которой звучат такие слова: «Товарищ Сталин, Вы большой ученый, в языкознание знаете Вы толк, а я простой советский заключенный, и мой товарищ – серый брянский волк» (поэтический отклик на предсмертную статью Сталина «Марксизм и вопросы языкознания»). В свое время была популярной его песня «Окурочек», рассказывающая о том, как зек в зоне лагеря поднимает с земли, со снега окурочек сигареты со следами губной помады. Песня написана в лагерном стиле, с надрывом, но искренняя, щемящая и печальная.

К лагерной тематике можно отнести роман А. Синявского (Абрама Терца) «Спокойной ночи», выпущенный парижским эмигрантским издательством «Синтаксис» в 1984 г. (сегодня он издан в России). Это вполне автобиографическое произведение. Оно повествует о том, как брали, обыскивали, судили, как он сидел и «вкалывал» в лагере, как «принимал» жену в лагерном доме свиданий и о прочих арестантских буднях. Правда, последняя глава «Во чреве китовом» отходит от темы и рассказывает о «черной» работе КГБ. Критики называют ее «романом в романе».

Тема жизни эмиграции. Марк Гиршин (одессит), прожив несколько лет в Нью-Йорке, написал роман «Брайтон-Бич» об эмиграции третьей волны, обосновавшейся диаспоре в этом районе города. Он сумел стилистически перестроиться, избавиться от господствующего в эмигрантской литературе социального диалекта, сменив интонационную окраску. Роман написан в реалистическом духе, автор не льстит эмиграции, а показывает все ее проблемы, образ жизни, бытовые неурядицы. Поэтому население Брайтон-Бич восприняло роман с неодобрением, кое-кто заявил, что это клевета на эмиграцию.

Сергей Довлатов написал на сходную тему – судьба третьей волны – повесть «Иностранка». Обитатели «легендарного» района Нью-Йорка восприняли ее благожелательно. Однако повесть С. Довлатова в художественном отношении слабее романа Марка Гиршина.

О жизни советских эмигрантов написал книгу киевский писатель Владимир Лабас, покинувший СССР в 70-х гг. Он назвал ее «Желтые короли». В 1991 г. книга была на-

печатана в журнале «Новый мир». Это умный, иронический, жесткий роман, построенный на фактах из собственной биографии, о жизни бывшего советского литератора, волею судьбы ставшего сотрудником радио «Свобода» и нью-йоркским таксистом.

Герой книги – сотрудник радио «Свобода», он не герой-диссидент и не фанатик. Как и все обычные люди, он мучается от душевного разлада, ощущения своей ненужности и беззащитности. Волнующие воспоминания о родине, бездушные и спесь «хозяев», страх перед увольнением на чужбине – на этом психологическом фоне и происходят события «Желтых королей».

Особое место занимает тема, связанная с эмиграцией советских граждан в Израиль и их жизнью в стране предков. Особое потому, что требует от писателя идеологической «непогрешимости» по израильским критериям и меркам. Этой теме посвятил свой роман «Укрепленные города» Юрий Милославский (в России опубликован в журнале «Дружба народов», 1992, № 2).

По признанию автора, «Укрепленные города» – это повесть о любви. Но фон, на котором развиваются события, создаются сюжетные коллизии, авторское видение событий, ситуаций, наконец, идейная установка Милославского, всполошили Израиль, куда он эмигрировал в 1973 г. и где появился его роман. Вольно или невольно писатель задел самый жизненный нерв, попал в болевую точку: национальное, еврейское – вот на что он посягнул. И все всполошившиеся были правы по-своему. Автор замахнулся на благородных диссидентствующих советских интеллигентов, на доблестных защитников Израиля, на лидеров Национально-освободительного движения, смешал их с «идеологическими противниками», «кагэбэшной нечистью», не улавливая между ними никаких различий и при этом оставаясь беспристрастным, сторонним наблюдателем.

Милославский особо подчеркивает, что национальное легко и незаметно преобразуется как в интернациональное, так и в националистическое со всеми последствиями. Роман развеивает миф о «Богемном избранном народе».

В романе пересекаются два единства, образуя его сюжетную структуру. Первое – это единство жандармского и диссидентского мира. У Милославского руководитель группы, борющийся за свободу выезда в Израиль, по совместительству составляет доносы в КГБ. Второе – еврейско-русское культурное единство, которое автор воплощает в идее неразрывности культурного пространства для всякого, кто продолжает думать по-русски. Это обнаруживается в романе, когда главный герой оказывается в Израиле. Советский Витя остается равнодушным к соблазнам государственной идеологии, ибо его душа укоренена в обеих странах, ни одна из которых не принесла ему успокоения, но и о третьем отечестве он не думает. Его любимая девушка покончила с собой два года спустя после выезда из России.

Структура личности героя Милославского представляет собой целостность второго порядка – дисгармоническую, составленную из осколков и удерживаемую в равновесии усилиями воли.

Проза. *Владимир Михайлович Войнович.* Дебютировал в качестве писателя в начале 60-х гг. повестью «Мы здесь живем», опубликованной в журнале «Новый мир». Она была хорошо встречена читателями и критиками, и автор вскоре занял видное место в советской литературе тех лет. В 1962 г. Войнович был принят в Союз писателей. За первой книгой последовали другие: повести «Хочу быть честным», которую автор считает «своим манифестом», и «Два товарища». По этим повестям были написаны пьесы, которые шли приблизительно в пятидесяти профессиональных театрах Советского Союза. Позже они были запрещены и изъяты из репертуаров.

Затем были рассказы, повесть «Степень доверия», публиковавшаяся в Политиздате, в серии «Пламенные революционеры». В повести представлен не только яркий образ народоволки Веры Фигнер, но и отражен определенный срез революционной России.

Правда, Войнович сознается, что взяться за эту книгу его «нужда заставила». В народовольцах автор видит корни диссидентства 1970-х гг., их сходство. Он называет народовольцев и диссидентов «людьми одного характера».

Но главная книга В. Войновича – роман «Жизнь и необычайные приключения солдата Ивана Чонкина», который послужил поводом для широкого преследования автора и его исключения в 1974 г. из Союза писателей. Жизнь Войновича стала невыносимой, его лишили всякой работы, а, следовательно, и средств к существованию. С этого же времени началось постепенное выдворение его из страны. В 1980 г. писатель выехал на год в ФРГ по приглашению Баварской академии изящных художеств, а через полгода указом Л. Брежнева он был лишен советского гражданства. В. Войнович поселился в городке Штокфорд под Мюнхеном.

Первые три года он почти ничего не писал, это время ушло на адаптацию. Потом проявил творческую активность. Войнович написал в эмиграции сотни рассказов, статей, фельетонов, две пьесы «Трибунал» и «Фиктивный брак», большой сатирический роман «Москва 2042». Примечательно отношение Войновича к персонажам своих произведений. Так, в беседе с корреспондентом «Огонька» на вопрос, почему в его книгах почти не встречаются «положительные герои», Войнович ответил: «Это потому, что я трезво смотрю на себя и на людей. Что касается "положительных героев", то их у меня вообще нет. Я их терпеть не могу. Хороши люди в жизни, а в литературе обычно скучны. Вообще мой любимый герой – Собакевич, существо необычно яркое и цельное»²⁹³.

В. Войнович положительно воспринял начавшуюся в стране горбачевскую перестройку и считал этот процесс необратимым. Он уже в те годы был уверен, что его книги будут опубликованы в России, но не как памятник отошедшей эпохе, а именно в ближайшее время, в «горячие дни».

Василий Павлович Аксенов. Родился в 1932 г., детство провел в спецдетприемнике как сын репрессированных в 1937 г. родителей. Он один из самых свободных писателей своего поколения, как прозаик возглавляет целое направление в отечественной литературе, начиная с 60-х гг., со времени появления его книг «Коллеги» (1960), «Звездный билет» (1961), повести о жизни современной советской молодежи «Апельсины из Марокко». Он неизменно ведет своих героев к социальному раскрепощению. Это направление было ориентировано на Запад, на либерализм и «открытые двери». Аксенов воспитал в себе «западника» вопреки всякого рода идеологическим и эстетическим табу. В 1961 г. В. Аксенов был принят в Союз писателей, из которого в 1979 г. был исключен (по собственному желанию).

В. Аксенов по праву считался лидером альманаха «Метрополь». После его разгрома в 1979 г. и публикации на Западе романа «Ожог» в 1977 г., в котором он окончательно покончил с романтическими иллюзиями молодости и трезво взглянул на шестидесятые годы, когда усилилось прямое давление на писателя «компетентных органов», Союза писателей и отдела культуры ЦК, он в 1980 г. выехал в США. Аксенов формально связал выезд с приглашением своего старого приятеля, профессора Калифорнийского университета, в двухгодичную поездку. В конце января 1981 г. Указом Президиума Верховного Совета СССР писатель был лишен гражданства «за систематический ущерб престижу Советского Союза».

За рубежом Аксенов совмещает писательскую деятельность с работой в университете Джордж Мейсон, где он является профессором по русской литературе и творческому письму. Его читательская аудитория немногочисленна, как и у других писателей-эмигрантов. Ни одна из его книг не стала бестселлером. Аксенов работает во многих

²⁹³ Мильштейн И. У нас еще в запасе четырнадцать минут // Огонек. 1990. № 30. С. 31.

жанрах. Он пишет романы, повести, киносценарии, пьесы, рассказы. И все же главным персонажем аксеновского творчества является он сам, т.е. образ автора, который иногда явно, иногда незримо присутствует в каждом произведении.

В. Аксенов видит возрождение России в выходе ее на демократический путь развития, что, по его мнению, будет способствовать быстрому преодолению экономического тупика. Аксенов – противник коммунистической партии, но он не был сторонником проведения своего рода «Нюрнбергского процесса» над партией после «путча» 1993 г. Он считает, что компартия России должна добровольно и мирно уйти из политической жизни России, т.к. сполна выполнила в отведенное ей историей время «свою миссию».

В конце 80-х гг. произведения В. Аксенова стали издаваться в СССР. В театрах страны ставятся его пьесы «Затоваренная бочкотара» (написана по одноименному роману) и «Цапля». Им написаны произведения «Золотая наша Железка» – меланхолическая импровизация на тему «золотые наши шестидесятые», «Остров Крым», «В поисках жанра», «Стальная птица», «Бумажный пейзаж», «Скажи, Изюм», «В поисках грустного бэби» – книга об Америке глазами писателя-эмигранта, и другие произведения.

Андрей Донатович Снявский. Родился в 1925 г. в Москве. Окончил филологический факультет Московского университета, работал в Институте мировой литературы, в качестве критика сотрудничал в «Новом мире». С 1956 г. начал пересылать рукописи за границу и печататься под псевдонимом Абрам Терц. В 1965 г. КГБ выяснил личность автора, скрывавшегося под этим псевдонимом.

А. Снявский стал известен читающей публике в 60-е гг., когда одновременно в научных изданиях и, главным образом, в «Новом мире» публиковались его статьи о советской литературе. В октябре 1965 г. А. Снявский и его друг Ю. Даниэль были арестованы за публикацию своих произведений на Западе. В 1966 г. состоялся суд, на котором они не признали себя виновными и не раскаялись. Снявского судили за повесть «Суд идет», которой он начал свою писательскую деятельность (1955 г.), повесть «Любимов», рассказы («Атаман» и др.), заметки о литературе и статью «Что такое социалистический реализм», в которой был вынесен приговор «самому прогрессивному методу», сдерживавшему свободу художника. В своих произведениях Снявский не призывал к свержению советской власти, но по содержанию они «крамольные», и автор за написанное вполне подходил под официальный юридический термин «особо опасный государственный преступник».

В лагере А. Снявский написал «Голос из хора», «Прогулки с Пушкиным», где великого русского поэта он называет «кудрявой болонкой при светских дамах», Хлестаковым, самозванцем, упырем «в тени Гоголя». Эти книги были изданы за рубежом, переведены на ряд языков. Отсидев в лагере почти шесть лет, Снявский пробовал вернуться к литературной работе. В Москве того времени это оказалось невозможным. Писатель был обречен на судьбу изгоя. Тогда он попросил в 1973 г. разрешения выехать с семьей на Запад, используя частное приглашение. Снявский живет в парижском пригороде Фонтене-о-Роз. Он читает лекции о русской литературе в Сорбонне, профессор.

Как писатель, он мастер гротеска, гиперболы, фантастики. Свой художественный стиль Снявский называет стилем «ироническим, утрированным». Он считает, что в лагере встретил как бы фантастическую реальность, которую раньше придумывал. Лагерь для него стал, как заявил писатель в одном из интервью, невероятной встречей с собственным народом, «причем взятом в каком-то срезе всего самого лучшего и самого худшего».

Интересно отношение Снявского к диссидентству. В 1982 г. в журнале «Синтаксис», который издает его жена Мария Розанова, была опубликована его статья «Диссидентство как личный опыт». Она воспринимается как духовная исповедь автора. Он

отмечает, что его причастность к диссидентству, инакомыслие проявилось не в общественной деятельности, а «исключительно в писательстве». Поэтому у Синявского произошло как бы раздвоение личности: между авторским лицом Абрама Терца и человеческой натурой Андрея Синявского, склонной к мирной, кабинетной жизни.

В статье автор выступает заметнее в роли публициста. Он вскрывает условия и факторы зарождения и развития диссидентства в СССР. Синявский считает, что диссидентство – это порождение «самого советского общества» послесталинской поры, «возникшее непосредственно на почве советской действительности», а не какие-то чужеродные в этом обществе элементы и остатки «какой-то старой, разбитой оппозиции». Он отрицает исторические корни диссидентства в России, не признает диссидентски бурный XIX в., хотя тогда было немало общественных течений, выдающихся личностей, которые не стремились к свержению существующей власти, а боролись лишь за некоторые социальные преобразования в России, за свободу слова и печати, используя в качестве инструмента борьбы инакомыслие. Синявский относит себя к либерально-демократическому направлению. Он положительно воспринял перестройку в СССР.

А. Синявский считает главной своей книгой роман «Спокойной ночи», который вышел в Париже в 1984 г. на русском языке. Позже он был переведен на английский язык издательством «Викинг». Роман – отчасти детективное произведение, хотя, как заявляет Синявский, «детективов он не любит и не пишет». Эта книга, по признанию автора, о том, как и почему Андрей Синявский стал Абрамом Терцем. В 1986 г. он написал полемическую книгу «Основы советской цивилизации».

Сергей Донатович Довлатов. Родился в эвакуации (1941 г.), умер в эмиграции (скончался 24 августа 1990 г. в Нью-Йорке от сердечного приступа в «скорой помощи» по пути в больницу). Учился в Ленинградском университете, работал журналистом в редакциях городских газет.

С. Довлатов приобщился к литературному творчеству в середине 60-х гг. Не имея возможности печататься в СССР, он отправлял свои рукописи на Запад, в том числе в журнал «Континент». Заинтересованность «компетентных органов» творчеством Довлатова и личная неустроенность в жизни побудили его эмигрировать в 1976 г. в США, где он нашел пристанище в Нью-Йорке.

Сергей Довлатов, избрав постмодернизм, не расставался с реализмом. У него сложный жанр – автопортрет. Имя главного героя – часто Сергей Довлатов, автор, точно следующий хронологическим фактам собственной биографии. Ситуации узнаваемы, коллизии обычны, повествование линейно. Автор, как правило, не дает себе труда даже изменить подлинные имена персонажей. Именно в этом и состоит конфликт Довлатова – в отсутствии разделения героя и автора. Второстепенные персонажи – лишь марionетки, предназначенные либо выражать тот или иной авторский замысел, либо оттенять его образ.

Больше всего в своем творчестве Довлатов ценил рассказывание различных историй. Именно в рассказах он создает свой образ, грустный и веселый одновременно. В них ярко проявилось еще одно свойство писателя – самоирония. Его тексты отличаются ощущением полной достоверности, документальности, истории воспринимаются как «куски жизни», хотя нередко в художественном смысле искусственны.

Проза С. Довлатова чужда обличительству, в ней нет суда над жизнью, есть любовь к ней, есть юмор, порой похожий на «смех сквозь слезы». Своеобразна и жизненная позиция автора-героя. Во множестве довлатовских текстов можно найти события, ситуации, связанные с неустроенностью бытия, с неопределенностью помыслов и неясностью чувств, рассуждения автора о туманности будущего. Эти вставки резко выделяются из общего повествования – организованного, стройного. Довлатов – и писатель, и герой – сознательно выбрал для себя необычайную позицию. Описывая несовершенство

ный мир, он смотрит на него глазами нравственно несовершенного человека. Все видеть, все понимать, ни с чем не соглашаться, но и ничего не пытаться изменить – такова своеобразная жизненная философия писателя. Воссоздание жизненного потока давалось ему кропотливой работой.

Как писатель, Сергей Довлатов утвердился в Америке, выпустив за свою короткую жизнь более десятка книг на русском и английском языках. В их числе «Филиал», «Иностранка», «Зона», «Невидимая книга», «Чемодан», «Заповедник», «Компромисс», сборник «Рассказы», в который вошли его лучшие вещи: «Юбилейный мальчик», «Дорога в новую квартиру», «Представление», «Мой старший брат» и др. Его произведения возвращаются на родину: издательство «Пик» в 1991 г. выпустило в свет авторский сборник лучших повестей Сергея Довлатова.

Эдуард Вениаминович Лимонов. Детские и юношеские годы Э. Лимонова (настоящая фамилия Савенко) прошли в Харькове. В 1967 г. переехал в Москву в поисках счастья на литературном поприще. Профессия «брючного мастера» приносила ему немалые доходы для проживания в столице. Первой литературной пробой Лимонова были стихи, которые печатались в самиздате. Богемный образ жизни Лимонова в Москве неожиданно был нарушен вмешательством КГБ. История весьма банальная. Сотрудники Комитета предложили ему быть осведомителем, поставляющим им сведения о венесуэльском посольстве, куда он был вхож. Лимонов отказался. Закончилась эта затея предложением ему покинуть страну. Так Лимонов с женой оказался в 1974 г. в США, в Нью-Йорке.

В 1975–1976 гг. он работал корреспондентом нью-йоркской газеты «Новое русское слово». Семейная драма делает его обличителем западного мира. В 1976 г. Лимонов написал книгу «о любви» – «Это я – Эдичка». Книга вызвала скандал натуралистическим описанием извращенного полового влечения и яростную критику в Америке. В романе живет вульгарный язык улицы. В США она не нашла издателя. Книга вышла на французском языке в ноябре 1960 г. под названием «Русский поэт предпочитает больших негров». Лимонов стал профессиональным писателем. Заметим, его первой книгой были стихи, помещенные в сборнике «Русское» (1979 г.), позже он потерял интерес к поэзии. С 1987 г. Э. Лимонов стал гражданином Франции, занимался журналистской деятельностью. Здесь же он получил литературную премию Жана Фростье за книгу «Иностранец в родном городе».

Лимонов считает себя и социальным, и политическим писателем, но не «идеологическим». Его политические наклонности и увлечения проявились в сюжетах книг «Исчезновение варвара», «Дисциплинарный санаторий», «Убийство часового». Он аттестует себя как патриота. В одном из интервью Лимонов заявил, что с момента его приезда в Америку в 1974 г. и до сих пор он стоит «на патриотических позициях» и считает непорядочным «капать на свою страну, в которой родился и вырос». Лимонов чувствовал себя во Франции, по его признанию, «только русским писателем», живущим в другой стране. За рубежом он не установил, да и не хотел, контакта с эмигрантами третьей волны.

Помимо указанных произведений, Лимонов написал книги «История его слуги», «Дневник неудачника» (1982 г.), «Подросток Савенко» (1983 г.) (французское название «Автопортрет бандита в отрочестве»), «Палач» (1986 г.), «Молодой негодяй» (1966), «У нас была Великая Эпоха» (1988), сборник рассказов «Обыкновенные инциденты». Книжки Лимонова выходят на европейских языках. Некоторые из них автобиографичные, в них герой и автор – одно лицо. С 1989 г. его начали печатать на родине. С 1990 г. Лимонов – постоянный автор газеты «Советская Россия».

В октябре 1991 г. после годовой тяжбы ему вернули советское гражданство. С 1992 г. постоянно живет в России. В июле 1994 г. Э. Лимонов, Баркашов, Е. Летов, А. Дугин объявили об образовании Народного национально-социального движения, ко-

торое, по замыслу организаторов, должно захватить власть, смести «прогнившее» правительство и «ленивую» оппозицию.

Юз Алешковский. Выше о нем говорилось. Он был в числе авторов альманаха «Метрополь». Его литературные упражнения закончились тем, что «компетентные органы» вычислили его и выслали из СССР. С 1979 г. Алешковский живет в США (штат Вермонт), в г. Мидлтаун. За рубежом не прекратил свою литературную деятельность, опубликовал произведения «Николай Николаевич» (1980), «Маскировка» (1980), «Рука» (1980), «Кенгуру» (1981) и др.

Эмиль Дрейцер. Родился в 1937 г. в Одессе. Окончил местный политехнический институт. Работал инженером в исследовательской лаборатории, научным редактором одного из московских издательств. Под псевдонимом Эмиль Абрамов выступал в печати как фельетонист, как автор коротких рассказов. В 1974 г. Дрейцер эмигрировал в США, где в то время еврейская община оказывала помощь своим соплеменникам, прибывающим из СССР. Сначала работал чертежником, заодно инспектором по контролю качества.

В 1983 г. Э. Дрейцер окончил аспирантуру Калифорнийского университета в Лос-Анджелесе, стал преподавать русский язык и литературу, вел курсы для студентов. Он выступает как бы в трех ипостасях: преподаватель, научный работник и писатель. Выпустил сборник рассказов «Пещера неожиданностей» (на русском языке) и книжку «Недозволенный смех» на русском и английском языках (сборник анекдотов из СССР). С 1990 г. рассказы Эмиля Дрейцера вновь стали появляться в московской прессе – в «Огоньке», «Литературной газете», «Неделе» и «Крокодиле».

Анатолий Гладилин. Москвич, шестидесятник, был вынужден эмигрировать во Францию, живет в Париже. Он автор книги «Меня убил скотина Пелл», которая вышла в советско-британском издательстве «Слово». Это грустная история изгнанника. Гладилин (в романе Говоров) оказался в неразрешимом конфликте с издателем «Вселенной» Максимовым. Столкновение между ними – это нечто большее, чем психологическая несовместимость. Конфликт, скрытый во внутреннем мире обоих героев, порожден их противоположным отношением к родине. У Говорова-Гладилина это отношение выражается в ностальгических чувствах к покинутой России, у Максимова – в затаенной злобе на страну.

Гладилин был связан с парижской радиостанцией «Свобода». Часто его голос прорывался в СССР сквозь создаваемые на радио помехи. Он говорил о свободе, читал фельетоны о Брежневе, вел репортаж о «горьком» заточении Сахарова и других «достижениях» советской власти.

Александр Алексеевич Зиновьев. Родился в 1922 г. В 1939 сидел на Лубянке. В годы Великой Отечественной войны был летчиком-истребителем. После войны закончил философский факультет МГУ. А. Зиновьев – доктор философских наук, на Западе был известен в те годы как философ-логик, автор десятка книг, множества статей, переведенных на иностранные языки. Заведовал кафедрой логики МГУ.

А. Зиновьев диссидентом себя не считал, в политических акциях не участвовал, антисоветчиком никогда не был. Что касается идеологии, то, по его признанию, с юности был антисталинистом, коммунистическим романтиком, считавшим, что советская реальность не соответствовала марксистским истокам. Поэтому он критиковал коммунистический строй в его советском виде, тех, кто руководил страной. В начале 70-х гг. началась травля ученого. В 1976 г. А. Зиновьев издал на Западе публицистический роман «Зияющие высоты». Вскоре к нему пришли люди в штатском и потребовали покинуть страну в течение пяти дней, иначе ему грозило семь лет тюрьмы и потом еще пять лет – ссылки в Омск. Ему объявили, что через 12 лет он может вернуться в СССР. Действительно, в 1990 г. Горбачев вернул ему советское гражданство. Писатель-ученый

избрал эмиграцию. С 1977 г. живет в ФРГ, в Мюнхене, читает лекции в университетах Мюнхена и Оксфорда.

А. Зиновьев посвятил себя литературной деятельности с 70-х гг. Заняться литературным творчеством его заставили изолированность в обществе и материальные трудности. Литература и социология стали единственной областью приложения его сил и знаний. Зиновьев применил свои социологические идеи в литературе и создал свою форму – социологический роман и повесть.

На Западе он опубликовал несколько книг, социологических эссе, публицистических статей. Герои его книг – это те, кто пришел сегодня к власти в России. И что парадоксально, в 70-х гг. они объявили его антисоветчиком, а в 90-х гг. провели контрреволюционный переворот. По словам Зиновьева, в своих книгах он всегда пытался найти истину, «ничего, кроме истины, истину любой ценой». В России некоторые издательства и журналы стали публиковать его книги «Парабеллум», «Гомо советикус», «Зияющие высоты» и др.

Юрий Витальевич Мамлеев. Родился в 1931 г. в Москве. Учился в Московском лесотехническом институте, но жизнь свою связал с литературой, был самиздатовским писателем по цензурным причинам. Его рассказы размножались, записывались на магнитофонные пленки, но выхода к печатному станку он не имел.

В 1974 г. Мамлеев с женой эмигрировали в США. Знакомый по самиздату профессор Джордж Гибион помог устроиться в Корнеллском университете, где Мамлеев стал читать лекции. Его произведения начали печатать. Но вскоре он разочаровался в американском образе жизни. В 1983 г. Мамлеев и его жена, будучи американскими гражданами, переехали в Париж. Здесь он начал снова преподавать, читал лекции в Медонском институте русской культуры, в престижном Институте восточных языков и цивилизаций.

В Париже Ю. Мамлеев возобновил литературную деятельность. Его произведения публикуются на русском, французском, английском языках. Творчество Мамлеева обращено к познанию человеческой души, отмечено интересом к метафизике, мистике. Примечателен такой факт из его биографии. Отец Мамлеева – профессор психиатрии. Возможно, профессиональная деятельность отца и общение с ним в некоторой степени повлияли на творческую ориентацию сына, вызвали у него интерес к мистике, колдовству, заговорам и т.д., что нашло отражение в его рассказах.

Юрий Мамлеев – один из известных прозаиков третьей волны, автор многих книг. Среди них отметим сборник «Небо над адом» (1980), «Изгнание Гогена» (1982), «Московский гамбит» (1985), «Живая вода» (1986). С 1989 г. он публикуется на родине. Изданы книга рассказов «Утопи мою голову», сборники «Голос из ничто», «Вечный дом», «Избранное». Юрий Мамлеев – член французского ПЕН-клуба.

Поэзия. Только на Западе поэты-эмигранты, как и прозаики, смогли открыто заявить о себе, раскрыть свои замыслы и творческие позиции. Идеологическое раскрепощение поэзии стало залогом творческого успеха некоторых из них за рубежом. Дадим краткий обзор творчества пяти поэтов.

Иосиф Александрович Бродский. Родился в Ленинграде в 1941 г. С 15 лет стал работать, окончил вечернюю школу. Сменил несколько профессий. Рано увлекся поэзией, которая определила его дальнейшую судьбу. Стихи Бродского широко ходили в самиздате, их исполняли под гитару. Попал в поток борьбы с тунеядством. В 1964 г. состоялся суд. На защиту Бродского выступили Ахматова, Чуковский, Паустовский, Маршак, композитор Шостакович, которые писали письма в высокие инстанции. На суд из Москвы приехали более 20 писателей. Приговор был максимальный по статье о «тунеядстве»: 5 лет ссылки. Меньше чем через полгода после суда Иосиф Бродский был реабилитирован и возвратился в Ленинград.

Атмосфера правозащитного движения в 60-х гг., репрессии в отношении диссидентов создали И. Бродскому в глазах «шестидесятников», вольнодумствующей интеллигенции имидж «пострадавшего за правду». К тому же в 1964 г. лорд Николас Бетелл, английский политик, публицист, журналист, перевел несколько его стихотворений и сделал телевизионную передачу суда над ним.

И. Бродский умело использовал в своих стихотворениях интеллигентский фольклор бывших политзаключенных, интонационную, синтаксическую и речевую изощренность, сложность строф с их разностопными, изломанными стихами. Для советской поэзии это было нечто новое, архисовременное. Он проник в престижные литературные салоны Ленинграда и постепенно утвердился как поэт.

В 1972 г. И. Бродский эмигрировал и поселился в Соединенных Штатах. В США он попал под опеку еврейской общины, смог устроить свою жизнь и продолжить литературную деятельность, одновременно преподавать русскую литературу в университетах. В 1987 г. И. Бродский стал лауреатом Нобелевской премии по литературе. Его наиболее видные книги: «Осенний крик ястреба» (1990), «Часть речи» (1990), «Бог сохраняет все» (1992).

Бродский – поэт безутешной мысли, поэт едва ли не романтического отчаяния. У него в человеческом, в личном плане – трагизм человеческого бытия. В стихах часто присутствует смерть, разлука, несчастье, катаклизмы. Человек выступает как конкретная неповторимая личность, противопоставляющая себя обществу. Он как бы чувствует свои временные рамки, безысходность человеческого времени вообще и остро реагирует на свой человеческий удел. Бродский приходит к конечному выводу: если человек одинок, то он одинок и там, и здесь.

Поэтический культ Иосифа Бродского за рубежом довольно устойчив. В его творчестве произошло слияние русскоязычной и англоязычной поэзии, в которую он окунулся. Он стал американским поэтом и признан лучшим поэтом современной Америки.

Юрий Михайлович Кублановский. Родился в 1947 г. В 1970 г. окончил искусствоведческое отделение МГУ. В студенческие годы, на первом курсе, был одним из инициаторов создания нашумевшего тогда молодого литературного сообщества СМОГ (Смелость-Мысль-Образ-Глубина). В московском «Дне поэзии» за 1970 г. была напечатана подборка его стихов. Работая экскурсоводом в различных музеях столицы, под псевдонимом Юрий Исполитов переводил новозеландских поэтов. После публикации за рубежом в 1976 г. его открытого письма «Ко всем нам» (на двухлетие высылки Солженицына) он потерял возможность найти работу по специальности и перебивался случайными заработками.

В 1979 г. Кублановский по приглашению Василия Аксенова принял участие в альманахе «Метрополь». В 1981 г. издательство «Ардис» (США) выпустило его сборник «Избранное» (составитель И. Бродский). КГБ признал эти стихи «крамольными», и в 1982 г. Кублановский был выдворен из страны. С 1983 г. он живет в Париже. В 80-е гг. вышли три его сборника: «С последним солнцем» (1983), «Оттиск», «Затемнение» (1989). В конце 80-х гг. стихотворения Ю. Кублановского стали печататься на родине.

В Париже Кублановский работал в газете «Русская мысль», что давало средства на существование. Однако за рубежом он чувствовал себя духовно неуютно, поэтому не собирался «врастать» в европейскую жизнь, и мысль вернуться на родину не покидала его. Это чувствовалось и по его поэзии, которую Кублановский считает «почвенной», а себя по склонностям человеком «веховским», воспитанным на Достоевском, на «русском религиозном Ренессансе XX в.», что помогло ему остаться в Европе русским литератором, жить русскими проблемами. По его признанию, за рубежом импульс к творчеству у него идет от русской жизни, из детства, из скитаний по родине. Кублановский определяет свое мировоззрение как «либеральное почвенничество».

Поэзия Ю. Кублановского близка к религиозной символике, религиозному сознанию и мироощущению. И. Бродский в послесловии к одному из сборников Кублановского назвал его «религиозным поэтом», а веру его лирического героя (веру автора) унаследованной, а «не вдруг обретенной». Поэт подтверждает это определение, отмечает, что один из его дедов был священником, которого расстреляли в подвалах рыбинского НКВД. В доме его родителей во всех комнатах висели иконы. Религиозная атмосфера питала сознание Кублановского с детства. Некоторые критики называют его «поэтом от православия».

Алексей Цветков. Родился в 1947 г. на Украине. Учился в Одесском и Московском университетах. Был сторожем, корреспондентом в Сибири и Казахстане, рабочим сцены и т.д. В 1974 г. эмигрировал в США, где преподавал русскую словесность, сотрудничал на радиостанции «Свобода». В издательстве «Ардис» вышли три книги его стихотворений. Печатали Цветкова «Огонек», «Октябрь», «Юность», «Знамя» (отрывок из его поэмы в прозе «Просто голос»).

Примечателен духовный облик поэта. Наследник православия по линии родителей, он проповедует католичество. В одном из интервью он заявил: «В русском православии меня оттолкнул неотделимый от него, как мне казалось, патриотизм, чувство для меня безоговорочно отвратительное, в чем я и признаюсь совершенно бестрепетно»²⁹⁴. Цветков не признает идеи соборности, которой проникнуто русское православие, ему сродни христианство, которое этой идеи не признает.

Во взаимоотношении веры и эстетики он остается в пределах эстетика, т.к., по его мнению, нельзя христианство низводить на землю, претворять утопии в жизнь, как и любую утопию, в том числе коммунизм. Ему чужд русский поиск социальной значимости и «душеполезности» в искусстве. Цветков считает, что искусство – для людей, но не ради высокой цели. Его одолевает постоянный поиск взаимоотношения реальной жизни и искусства.

Главное внимание в литературном творчестве он уделяет стилю, считая, что в искусстве нет ничего, кроме стиля. Цветков не признает деления искусства на форму и содержание, ибо «искусство неделимо». Если писатель решил написать известное содержание и облечь его формой, то он «терпит поражение в обоих пунктах». По Цветкову, когда писатель подходит со стороны стиля, элементами которого являются все составные части произведения, включая сюжет, он нередко создает образцы глубочайшего социального пафоса²⁹⁵. Искусство должно стоять на первом месте. Себя он относит к мастерам чистого искусства.

А. Цветков известен самыми мрачными прогнозами относительно будущего России. Выздоровление страны он видит в ее повороте к Западу, но история тяжелым камнем тянет ее вниз, чему способствуют консервативные силы страны. Недавнее прошлое России «привело ее к чудовищному настоящему», считает Цветков. Он не знает, какие формы примет эта гибель, но что она наступит, он уверен. Оставим на совести поэта «прорицателя» его мрачные прогнозы.

Наум Коржавин. Настоящая фамилия поэта Э. Мендель. Он родился в 1925 г. в Киеве. Окончил литературный институт им. Горького. В студенческие годы писал «опасные» стихи, так что знаком со сталинскими репрессиями не понаслышке: в декабре 1948 г. за ним пришли из тогдашнего МГБ. Был арестован за то, что писал и читал среди знакомых стихи «антисоветского содержания». Восемь лет провел в ссылке в Новосибирской области. XX съезд дал возможность Коржавину вернуться в Москву.

В 1961 г. был напечатан цикл его стихотворений в альманахе «Тарусские страницы». В 1963 г. в издательстве «Советский писатель» вышла его первая книжка стихов

²⁹⁴ Просто голос // Литературная газета. 1992. С. 3.

²⁹⁵ Там же.

«Годы». Она стала «лебединой песней» поэта на родине. Появление в 1964 г. его стихотворения «Подонки» всколыхнуло «компетентные органы», началось преследование поэта. После событий в Чехословакии в 1968 г. Коржавин решил уехать из СССР. Он стал американским подданным, в последние годы живет в Бостоне.

Его стихи построены на правде о сталинском режиме, в том числе о войне, о постсталинских деяниях продолжателей «генеральной линии партии». В то же время они полны жизнеутверждения, любви к жизни. В творчестве Коржавина иногда обнаруживаются библейские мотивы. Некоторые стихотворения поэта вернулись на родину и печатаются в российских журналах.

Вадим Делоне. Родился в 1947 г., умер в 1983. Он потомок коменданта Бастилии и внук известного математика Б. Делоне. Первый раз был арестован за участие в правозащитной демонстрации на Пушкинской площади в 1967 г., сидел в следственной тюрьме. В августе 1968 г. вместе с другими правозащитниками принял участие в демонстрации протеста на Красной площади, был осужден, а когда через три года вернулся, арестовали его жену. Позже вместе с женой был вынужден эмигрировать. Судя по воспоминаниям друзей и по стихам Делоне, он не «прижился» в Париже, сильно тосковал по родине. Умер поэт совсем молодым.

На Западе опубликованы две книги Вадима Делоне: сборник стихотворений (Париж, 1983) и автобиографическая проза «Портреты в колючей раме» (Лондон, 1984). Его стихи проникнуты ностальгией. Родная природа представлена в них не в биогеографическом понимании, как у большинства поэтов-эмигрантов, а в романтическом, гуманистическом воспоминании и воспроизведении.

В числе прозаиков и поэтов, покинувших СССР не по своей воле, были Виктор Некрасов, Александр Галич, Леопольд Эпштейн.

Виктор Платонович Некрасов. Участник Великой Отечественной войны, автор относительно правдивого романа о войне «В окопах Сталинграда» (по нему был создан фильм «Солдаты») и других произведений, которые в 1976 г. были уничтожены, и единственные экземпляры оказались в сейфах «спецхрана». В сентябре 1974 г. В. Некрасов навсегда покинул Киев и оказался в Цюрихе. За рубежом он не прекратил литературную деятельность. В 1984 г. в Нью-Йорке вышла книга Некрасова «По обе стороны стены». Символ противостояния двух миров – знаменитая Берлинская стена – стала одним из «героев» его поздней прозы. Некрасов исследует эту чудовищную гиперболу взглядом фронтовика, взглядом честного, беспристрастного наблюдателя.

В 1987 г. писатель Виктор Некрасов, открывший в нашей литературе «новую фронтую» прозу, скончался. В 1988 г. доброе имя В.П. Некрасова было восстановлено. На страницах российских журналов появились произведения писателя.

Александр Галич (1918–1977). Он прошел путь от процветающего драматурга-водевилиста до диссидента, автора песен столь крамольных, что за «хранение и распространение их» можно было жестоко поплатиться. Тем не менее, песни хранили и распространяли. Они наполнены болью за всех людей, изувеченных самоуправством и самодурством «вождей», которые отделены от народа кремлевскими стенами. Они же направлены и против собственного искушения успехом, комфортом, божественной жизнью.

Галич был «баловнем судьбы». Но в дни испытаний, в период травли, когда надо было выбирать «или-или», он показал себя человеком твердой воли. Цель травли – заставить поэта отречься от своей поэзии. Исключенный отовсюду, Галич предпочел потерять гражданство, но не свои убеждения. Он эмигрировал в Норвегию, где продолжил литературное творчество. Присутствие поэта в общественной ситуации 60–70-х гг. в СССР было очень весомо: поколение, шедшее вслед за ним, воспитывалось на его песнях.

Леопольд Эпштейн. Закончил мехмат МГУ, работал преподавателем Новочеркасского политехнического института. Был изгнан из него под давлением КГБ, когда всту-

пился за своего арестованного друга. Незаурядный литературный дар сделал его по-этом. Сейчас Эпштейн с семьей живет в Бостоне, работает программистом, пишет стихи. Его стихотворения наполнены некоторой грустью, лишены какой-либо идеологической окраски, написаны по классической модели.

* * *

В параграфе кратко проанализировано творчество лишь части из общего числа писателей-эмигрантов третьей волны. Но в их творчестве выражены типичные идейно-тематические, жанровые и художественные особенности эмигрантской литературы.

Литература третьей волны потеряла за рубежом свое прежнее единство и распалась по странам проживания писателей. Этому способствовала, помимо географического фактора, главная причина – отсутствие массового русскоязычного читателя. Потомки первой волны не проявляют заметного интереса к писателям, эмигрировавшим из СССР, потому что в читательских интересах тоже присутствуют традиции и приоритеты. Для второй волны все советское связано с трагическими воспоминаниями, поэтому отвергается. И второе обстоятельство: третья эмиграция преимущественно национально-этническая – еврейская и немецкая. Для большинства этих эмигрантов российская культура ушла в небытие. Главное для них за рубежом – быстрее адаптироваться в социальную среду стран проживания.

Известно, что национальная культура живет и развивается только тогда, когда имеет социально-этническую базу. Без этого решающего условия она затухает, хотя активные носители русской культуры из числа эмигрантов третьей волны и пытаются сохранить и продолжить ее жизнеспособность. Неслучайно А. Синявский призывал «укреплять мосты с метрополией», наводить, по возможности, новые. Одной из форм такого живого общения, по его мнению, «могла бы служить литературная критика», отсюда упование его на массового читателя в России. Подтверждением этой надежды служит такой факт. Писатели-эмигранты сочиняют свои произведения, ориентируясь одновременно на западных (в переводе книг на язык страны) и на отечественных читателей, т.к. надеются, что их книги будут изданы в России. Ощущение отрыва от российского читателя – творческая мука писателей за рубежом.

Писатели третьей волны пытались установить контакты с писателями второго, третьего поколения первой волны эмиграции. Так, в 80-х гг. прошли встречи писателей и поэтов обеих волн в Копенгагене, Барселоне, Страсбурге. Они были посвящены вопросам перестройки в СССР, в частности, в области культуры. На встречах шла речь об исторических и политических проблемах, например, о сталинизме, о национальном вопросе и др.

Многие писатели, покинув СССР не могли в новой обстановке сразу обрести художественной свободы, но, не мешкая, занялись политической борьбой, которая руководила их творчеством. Они не установили прочных связей с западной мыслью, с советским обществом тоже не было связей. Писатели варились в собственном соку, погружались в склоки, дразги, в добывание денег, борьбу за существование. Так рождалась «рыночная» литература, соответствующая повышенному спросу потребителя.

Литературная продукция эмигрантов оценивалась на Западе по двум критериям: идеологическому и коммерческому. По первому критерию отбирались те писатели, у которых выше степень конфликта с советской властью. Их рекомендовали, печатали, проталкивали на книжном рынке. Изменение политического климата в СССР, а затем режима нанесло ощутимый удар по эмигрантской литературе. Она как диссидентское явление сейчас медленно угасает. Литература третьей волны в своем первоначальном облике изжила себя, вернее, ее изжили перестройка, развал СССР, демократизация в

России, социально-политическая действительность в стране 90-х гг. Все это растворило идейно-тематическую базу эмигрантской литературы.

Прошли времена, когда оппозиционность советским порядкам вызывала интерес и даже сенсацию. Сейчас такой фабулой никого из зарубежных читателей не удивишь, и даже самые остроумные художественные памфлеты соц-арта на «культово-застойные» темы читатели встречают достаточно сдержанно, если не равнодушно. Теперь это неактуально и уже немодно. Конфликт «личность – советский режим» отпал. Сейчас перед писателями стоит дилемма: или возвращаясь в Россию и ищи материал на «родной ниве», или становись писателем-западником с его менталитетом и языком. Этот выбор писатели-эмигранты уже делают.

Значимость эмигрантской литературы, в основном, в том, что она противостояла советской официальной литературе, отбросила коммунистическую идеологию. Художественных шедевров за рубежом она не создала.

Искусство советских эмигрантов. В 60-е гг. сформировалось оппозиционное изобразительное искусство, порожденное хрущевской оттепелью и расширенное в условиях андеграунда, оппозиционное официальному искусству и Союзу художников. Альтернативное искусство как нечто целостное и автономное создано позже. Художники показывали не отдельные личности, а застывшую в зловещих масках типологию советской жизни тех лет. Ее представляли лишённые всякой духовности багровые физиономии с невидящими глазами-пуговками, отмеченные печатью смерти. Они ничего не ощущают, они безжизненны. Таков тоталитаризм и связанная с ним расправа над человеком, которая лишает его духовности, мира чувств и приводит к омертвлению сознания. Эти картины и скульптуры подчеркивали необычную для того времени смелость их создателей. Мастера изобразительного искусства демонстрировали «отрицательные величины» своей эпохи.

Желая быть как-то известными и понятыми, художники прорывались в столичные города. Это было время, когда выставки устраивались в частных квартирах и в мастерских художников, в молодежных кафе и в научно-исследовательских институтах. Внутри страны никто ничего не покупал, а если что-то «дарилось» иностранцам, то из-под полы, с оправданием, что надо где-то выставиться.

И художники пробивались на Запад. Более того, они продавали свои картины на знаменитом аукционе «Сотбис», устраивали групповые и персональные выставки за рубежом. За это время в СССР ни Министерство культуры, ни Художественный фонд не купили ни одной работы. Складывалось впечатление, что вся жизнь искусства протекает лишь в недрах Союза художников. Целый пласт культуры, созданный за это время, полностью игнорировался. Большая группа мастеров – а они занимались поисками более адекватной формы для описания реальности – как будто вовсе не существовала. Беспрепятственно развивалась графика в виде иллюстраций к книгам, где сочеталось умение художника вдохнуть жизнь в образы и формы, порой отступая от текста.

Советское изобразительное искусство в области скульптуры удручало невероятно размножившимися памятниками вождям, грандиозно-величественными монументами, символически отражающими дух и суть тех событий и явлений, которые они были призваны увековечить. Сюда надо добавить серийные гипсовые бюсты Ленина, изготовленные по стандарту, как матрешки, которые служили обиходным предметом залов заседаний, кабинетов партийных и советских руководителей.

Скульптура была ремеслом, скульпторы – наемниками. Причем, заранее как бы подразумевалось, что в создаваемом произведении не должно быть чего-то личного, никаких творческих эмоций исполнителя, не соответствующих указаниям «сверху». Это стало главной причиной упадка скульптуры. Искусство советских художников, скульпторов при различии их методов, стилей, творческой индивидуальности, было по-

литизировано, подчинено единой идеологии независимо от того, было ли оно послушным, конформистским или оппозиционным соцреализму.

Система контроля и подавления творческой свободы, инициативы художников и скульпторов со стороны отдела культуры ЦК КПСС, Министерства культуры, невозможность реализовать свои произведения, непризнание мастеров изобразительного искусства, не вписывавшихся в «идеологические рамки» официальными органами как равноправных и равнозначных деятелей искусства в Советском Союзе, наконец, преследования за отклонение от «идеологических норм» побудили многих талантливых мастеров покинуть родину. А некоторые из них были выдворены из страны.

Выезд из страны был обставлен в иезуитском духе. Чтобы вывести свои картины, художники были обязаны выплатить госпошлину, а для этого следовало оценить картины. Здесь и господствовал произвол: взяточничество, вымогательство. Художники-эмигранты были заинтересованы, чтобы их картины оценивались экспертами дешевле и госпошлина была ниже. Этим пользовались оценщики и скупали некоторые картины за полцены или брали взятку картинами.

За рубежом художники расселялись, в основном, во Франции (Париж) и в США (Нью-Йорк). Часть из них нашли место обитания в Германии, Англии, в скандинавских странах. Из 70 тыс. художников, работающих в Париже, русских эмигрантов – 70 человек. Известность получили всего четыре – Б. Зайцев, О. Целков, О. Рабин, Э. Зеленин. У каждого персональная выставка, издаются их каталоги. Для большинства художников жизнь сложилась трудно. Одни попали в кабалу к хозяевам второстепенных галерей, другие выставляются в двух-трех галереях²⁹⁶.

В СССР в 60–70-е гг. сложились и перекочевали на Запад вместе с художниками-эмигрантами основные направления отечественного изобразительного творчества: авангард, соц-арт, нонконформизм, традиционная школа.

Авангард. В начале XX в. в российскую живопись вторгся авангард. Он выступал как протест против академической школы живописи. В двадцатых годах он заглох по объективным причинам. В 60-х гг. авангард возродился и распространился среди ряда советских художников и скульпторов. Авангардисты демонстративно отвергали реализм в живописи, поэтическую образность, эстетические качества. В картинах авангардистов отсутствует какое-либо тяготение к традициям старой классики. Противники этого направления в живописи называли картины авангардистов «бездарным творением», «мазней». Возник вопрос о профессионализме художников-авангардистов. Выставка картин западных авангардистов в Москве показала, что советские художники с профессиональной точки зрения уступают зарубежным коллегам.

Признанным лидером авангарда 60-х гг. являлся Илья Кабаков, наиболее известный и на Западе. Член Союза художников как иллюстратор детских книг, он создал целое направление в московском авангарде, которое правильнее было бы назвать не каткомбным авангардом, а приватным, неофициальным, побочным, как невинное занятие для себя в тесном кругу друзей. Это особое духовное поле, которое генерировал И. Кабаков, воспитало многих московских авангардистов. Его основная заслуга в том, что он нашел ту нишу, в которой мог начать возрождаться отечественный авангард: игра на досуге.

Идейным вдохновителем советских авангардистов 70-х гг. считается Оскар Рабин. Он был лишен гражданства и выслан из СССР в 1978 г. Его доэмигрантское творчество завязано на деталях будничного окружающего быта. Картины строились вокруг какого-то предметного сюжета – уличного указателя, бутылки, рыбины, газеты, двери и т.д., получавшего значение символического ключа композиции. В трактовке видов подмосковного Лианозова, где жил Рабин и которое постоянно изображал, проступает угрю-

²⁹⁶ Кассис В. Свет волшебного фонаря. М. : Московская правда. 1991. С. 4.

мое, мрачное настроение художника. Такими же «трагическими» объектами оказываются, например, как бы на глазах распадающийся самовар, развевающаяся на ветру рубашка, похожая на тело, у которого отлетела душа.

В новой жизненной ситуации, в Париже, такой образный строй оказался не к месту. Понадобилось несколько лет, чтобы Рабин отыскал стилевые принципы, не чуждые новой обстановке. Нет, он не отказался от символических деталей, от композиций, словно сотрясаемых внутренним напряжением. Об этом свидетельствуют его картины, написанные в 1991 г.: «Парижский пейзаж с церковью», «Натюрморт с бутылкой мартини», «Портрет с куклой» и др.

Но изменения, и существенные, все же произошли. Не только в том, что художник несколько смягчил и просветлил свою палитру, изображая другие, чем раньше, улицы, вещи, облики. Главное, что сама жизнь, запечатленная в парижских полотнах Рабина, в сравнении с его московскими произведениями, – иная, со своим характером, настроением, восприятием мира. Правда, все в парижских картинах Рабина окутано таинственностью, загадочностью. В «Провинциальном пейзаже» (1990) сочетаются маленькие домики с горой бутылок, игральными картами, руинами автомобиля; шествие мирно соседствующих льва и овечки в картине «Улица Сен-Дени» (1985), диалог содрогających домиков с огромной, как башня, банкой огурцов в «Пейзаже с желтым небом» (1990) и др. И все же С. Рабин был вынужден изменять стиль, манеру живописи (об этом см. пункт «Нонконформизм»).

В число авангардистов вошел Эдуард Зеленин – художник из Новокузнецка. Перед эмиграцией жил с женой в деревенской избе недалеко от г. Владимира, близ Москвы. Эмигрировал в 1975 г. во Францию, Париж. В картинах художника сочетаются буйство и фантазия, особенно фантазия, доходящая до гротеска. Его картины необычны, карнавальны.

Авангардисты, оказавшись на Западе, не утратили жизненной почвы своих образов. Некоторое время художники писали все те же маски-идолы, что и в годы андеграунда, в необычных, чаще всего угнетающе мрачных тонах. К примеру, картина Олега Целикова «Казнь», написанная уже в 80-е гг., где на багровом фоне выступают два слитых тела с одинаковыми головами. Владелец одной головы огромным секачом рубит другую. Оба персонажа при этом ничего не испытывают, ибо за этой, в сущности механической, процедурой мыслится автоматическое появление на свет такой же «серийной» головы. Подобная тематическая идея варьируется и в его картинах «Семья», члены которой неразличимы друг от друга, «Четыре головы» с ножницами на все полотно, которые, охватывая их, готовы обезглавить всю четверку.

Творчество Олега Целикова пронизано необъяснимой тревогой и отрешенностью от мира. В его наиболее заметных картинах «Трапеза» (1978) и «В зеркале» (1988) ясно прослеживается протест художника против бездуховности, торжества зла, примитивных страстей. Он популярен на Западе, его работы находятся в крупных галереях Европы и Америки. Постепенно у О. Целикова и его единомышленников изменяются ведущие эмоциональные тона: тоталитаризм показывается менее экспрессивным, в нем скорее преобладают оттенки монотонности с неизбежной повторяемостью кадров из жизни.

Общим для многих художников этого направления стало обращение к фрейдистскому подсознанию для раскрытия образа. Отсюда у них часты мотивы первобытных инстинктов, стремление наполнить архаические формы современным содержанием²⁹⁷.

К авангардистам можно причислить и Гарри Файфа, выпускника Московского архитектурного института, скульптора, а точнее – мастера новых, современных форм. Он полностью ограничен рамками нынешней цивилизации Запада. Построенные по его

²⁹⁷ От имени венского психиатра Зигмунда Фрейда. Он полагает, что сознание подчинено «подсознанию», содержанием которого является «либидо», т.е. половое влечение.

проектам дома вписываются в архитектурную панораму Парижа как нечто близкое ей и вместе с тем как что-то новое. В этих домах жилые помещения включены в такие системы пространственно-пластических конструкций, что воспринимаются как своего рода скульптуры-символы нашего времени.

Вместе с тем свободные композиции Файфа с их лопастями, сложными переплетами пластин и планок ассоциируют с чем-то неведомым, невообразимым. Очень неожиданно и оригинально, с элегантным совершенством мастер выражает многие духовные и научно-технические тенденции эпохи. Он опирается и черпает свои художественные идеи в опыте русского классического авангарда. Сам Файф говорит: «Я продолжил традиции русского авангарда в условиях свободы»²⁹⁸.

Эрнст Неизвестный. Он участник великой Отечественной войны. В конце 40-х гг. учился одновременно в Академии художеств и на философском факультете МГУ. Политическими проблемами не увлекался, не присоединился и к диссидентскому движению.

Среди искусствоведов нет единого мнения относительно того, к какому направлению отнести творчество Э. Неизвестного. Одни считают его неоавангардистом, другие – неомодернистом с уклоном к символизму. Условимся считать Неизвестного неоавангардистом. На заре творческой деятельности он приобщился к реализму. Его ранние реалистические работы во всех деталях повторяли реалистические, вернее, соцреалистические произведения «официальных» скульпторов. Например, одна из его работ, выполненная в этом стиле, была помещена в музей Свердлова г. Свердловска. Она запечатлела трех рабочих, которые трепетно несут в «лучезарную даль» бюстик Свердлова. Реалистически изображен трагический эпизод из фронтовой жизни в работе «Мертвый солдат» (1957): сгорбленные фигуры несут на плечах изуродованное солдатское тело, обрубок, то, что осталось от человека.

Эрнст Неизвестный – основатель андеграунда еще при жизни Сталина. Это он и его друзья придумали термин «катакомбная культура», выступавшая не на мировоззренческом уровне, а на уровне таланта. Главная философская и художественная основа его творчества – это переход от мертвого воплощения к живому, от бездуховности к мыслящему, от косной материи к гармоническим структурам. Еще в СССР у него сложилась, а на Западе окончательно выработалась манера масштабного духовного обобщения, обладающего миропониманием и большой пластической силой.

На печально знаменитой выставке в Москве в начале 60-х гг. Неизвестный вступил в полемику с Н.С. Хрущевым, посетившим ее со своей свитой. Генсек резко осудил представленные работы художников и скульпторов, назвал работы Неизвестного «тошнотворной стряпней». Неизвестный выступил в защиту работ. Правда, позже Хрущев извинился в письме к скульптору и в своем завещании, уже будучи на пенсии, просил его сделать ему надгробие на могиле. Неизвестный согласился, и на Новодевичьем кладбище в Москве опальный скульптор создал монумент опальному вождю, который выпустил миллионы людей из тюрем.

Надгробие выполнено в двух тонах: одна половина черная, другая белая. По идейному замыслу автора, такие тона должны подчеркивать, что Хрущев стоял на границе между светом и тьмой, одной ногой в сталинизме, другой в «оттепели», что он не признавал уступительных компромиссов, признавая две крайности: либо топор, либо икона.

Кредо Э. Неизвестного – культура как преодоление смерти. Недаром не оставляет (оставляла) скульптора мечта – воздвигнуть к 2000 г. сооружение «Древо жизни», задуманное им как сплетение семи колец Мебиуса, у которых изнанка и лицевая сторона составляют одно целое. Это монумент жертвам утопического тоталитаризма в Магадане, Воркуте, Екатеринбурге. Он выступает как символ искупления и назидания потомкам.

²⁹⁸ Каменский А. Не отрясая праха // Литературная газета. 1994. С. 14.

У Э. Неизвестного были конфликты с Фурцевой, Демичевым – министром культуры. Кроме того, по его признанию, жизнь в СССР стала для него «душной», он «погибает как художник». Неизвестный сам изъявил желание эмигрировать, подавал много заявлений. Наконец, ему разрешили покинуть страну по «израильскому» вызову. В это время ему было 50 лет. Неизвестный считает свою эмиграцию «замечательным событием в своей жизни». Живет в США. Он член Американской академии наук, профессор Колумбийского университета, преподает, имеет свою мастерскую, в которой много работает. Лепит масштабное, увлечен глобальными, общечеловеческими, гуманистическими идеями. Чуть старомоден, с точки зрения западного искусства, но гнет свою линию; к 1992 г. скульптор создал 5 тыс. гравюрных досок, 860 скульптур в материале²⁹⁹. С начала перестройки Э. Неизвестный неоднократно бывал на родине.

Соц-арт. Родоначальниками соц-арта в отечественной живописи являются художники Виталий Комар и Александр Меламид. Им принадлежит и открытие этого термина. Соц-арт как явление – это определенный период в истории отечественного изобразительного искусства. К нему примыкало немало профессиональных художников. Это течение выступало как пафос отрицания и разрушения, социального протеста. Поэтому содержание картин в духе соц-арта было политизировано, и в этом его особенность. Он оппозиция официальному советскому искусству в годы тоталитаризма. Такое искусство было актом неповиновения художника, своеобразным диссидентством мастеров живописи.

Художники этого течения иронически, с элементами пародии изображали советский образ жизни, используя академическую манеру художников – корифеев социалистического реализма. Они брали в художественных целях фактуру, идеи, официальную символику СССР, образ мышления в советских условиях, эстетику соцреализма. Приверженцы соц-арта обнажали абсурдность и смехотворность партийных и советских традиций, норм поведения и способствовали критическому восприятию социалистической действительности.

Художники изображали, например, Сталина с Монро, Брежнева с Лоллобриджидой. У Комара и Меламида есть картины «Муза живописи представляет товарищу Сталину музу истории Клио», «Двойной портрет юных пионеров», в облике которых запечатлена известная в партии личность. Но это не карикатура, а живопись «с натуры». В духе соц-арта на картинах других художников изображены одноликая группа демонстрантов на Красной площади, одноликий партсъезд, делегаты которого застыли в одинаковой позе. Искусство соц-арта порождало неприятие, отталкивание стереотипов советского общества. Сюда же следует включить соответствующие по жанру броские, выразительные картины художника-эмигранта Александра Косолапова «Генетика» (1987), «Красная Венера» (1988).

Почти все последователи соц-арта эмигрировали в разные годы. Так, В. Комар и А. Меламид живут в Париже, работают в галерее Клод Бернар. Их картины находятся во многих музеях мира. Наибольший успех в США пришел к художникам – представителям советского соц-арта. О них печатали статьи в американских журналах, соц-арт называли «концептуальной разновидностью поп-арта». В Европе к соц-арту отнеслись более сдержанно. Причина первоначального успеха художников была в том, что соц-арт открывал тайну советского образа жизни с подачи очевидцев, наглядно его демонстрировал. Американские зрители с интересом посещали выставки таких картин. Но этот интерес просуществовал недолго. С развалом СССР и тоталитаризма мода на картины в стиле соц-арта прошла, они стали непопулярны, и рынок от них отказался.

Традиции русской классической живописи. Для творчества части художников третьей волны характерна старая, классическая манера письма: созерцательность, ми-

²⁹⁹ Ниточкина А. Хорошего мифа вам, господа // Огонек. 1992. С. 20–21.

норная игра оттенков, гармонические обобщения. Оказавшись на Западе, они не забывают, что являются художниками русской школы живописи и выступают хранителями и проповедниками русской классики. Эта приверженность традициям в то же время как бы олицетворяет их ностальгию, тоску по родине. На Западе создались группы художников, которые тяготеют к традициям русской художественной классики, конечно, несколько переосмысленным в соответствии с критериями доминирующих стилей в современной живописи, но сохраняют при этом основные каноны русской школы. К таким художникам можно отнести Бориса Заборова, Леонида Ламму, Михаила Рогинского.

Борис Заборов. Родился в 1935 г. в Минске, в семье живописца. В Минске окончил художественное училище, затем учился в Ленинградской Академии художеств и в Московском Суриковском институте. В 60-х гг. книжная графика принесла ему известность. Оказавшись в творческом тупике ввиду жесткого идеологического контроля, он принимает решение покинуть Россию. С 1981 г. живет в Париже. В эмиграции В. Заборов не вступает в контакт с авангардистами.

Значительное место в его творчестве занимают увеличенные на холсте копии старых фотографий начала XX в. Тон большинства картин серовато-коричневый. На полотнах художника запечатлены люди и предметы мира вчерашнего. Вглядываясь в его картины, постепенно начинаешь ощущать внутреннюю напряженность лиц, передающую драматизм, безысходность человеческого существования. В картинах Заборова – наше прошлое, ушедшая эпоха, с которой мы соединены невидимыми генетическими нитями и которая не перестает беречь наши души.

Перед зрителем мечтательные женщины в широкополых шляпах, дети в костюмчиках с кружевными оборками, портретные снимки на стенах, иногда пейзажи, натюрморты, но тоже не взятые из сегодняшней природы, а живущие в измерениях иного времени. И все это исключительно на русском материале, причем в интонациях не столько отечественного изобразительного искусства названной поры, сколько литературы.

Уже через два года жизни в Париже Б. Заборов заключает контракт с одной из самых авторитетных галерей столицы – Клод Бернар, а затем следуют персональные выставки во Франции, Германии, США, Японии.

Высланный из Отечества Борис Заборов остается русским художником, что и подтверждает сам: «Я дышал воздухом России, – говорит художник, – моя кровь обогащалась ее кислородом, и во мне происходили какие-то химические реакции, которые не могли не сказаться на моем творчестве. Конечно, я ощущаю себя человеком из той, из русской жизни, который в силу определенных обстоятельств живет в другой географии»³⁰⁰.

Леонид Ламма. В СССР он был осужден, отсидел срок, эмигрировал во Францию. На лагерную тему написал картину «На свободу с чистой совестью» (1984). Художник фиксирует типичную тюремную ситуацию: камера, заключенные, параша, настороженная физиономия надзирателя в окошке и «бодрящий» плакат на стене. Это символ «казарменного» социализма. Л. Ламма никого не обвиняет, что подтверждается выражением лиц всех изображенных на полотне арестантов, отрешенных, покорных своей судьбе. Он показывает неволю как социальное явление.

Михаил Рогинский. Он художник старой «петербургской школы», которая в свое время соперничала с «московской школой». Художник творит в разных жанрах. Картины Рогинского отличаются просветленной живописной гаммой, вызывают воспоминания и легкую грусть.

На Западе по-разному воспринимается творчество художников традиционной школы. Так, во Франции терпимо и с пониманием относятся к ним, выставки картин пользуются успехом. В США художников этой школы всячески притесняют: не дают пре-

³⁰⁰ Коваленко Ю. Восхождение на парижский Олимп // Неделя. 1990. № 27. С. 15

подавательских ставок в колледжах, стипендий, мест для выставок в галереях, за исключением двух-трех художников.

Нонконформизм. Это не течение в отечественной живописи, а, скорее, идеологическая и морально-эстетическая ориентация художников в изобразительном искусстве и своей роли в нем. Нонконформизм – противоположность конформизму – приспособленчеству, пассивному принятию существующего порядка вещей, господствующих мнений, ценностей, отсутствию собственной позиции. Конформистами были члены Союза художников – верные служители партийной идеологии. Нонконформисты отвергали конформизм. Они были активными деятелями «катакомбного» изобразительного искусства.

Художники нонконформистской ориентации эмигрировали из СССР. За рубежом они, как и другие эмигранты третьей волны, оказались в критической ситуации: или выжить любым способом и посвятить себя живописи, или оказаться на дне и проститься с ней. Привезенный за рубеж нонконформизм оказался не к месту. Здесь выступать против кого-то и чего-то не было необходимости. Требовалось срочно приспособляться к новой жизни, адаптироваться в качестве художника, а не дворника.

На Западе искусство – это, прежде всего, бизнес, и только потом – область культуры. Владельцы галерей, музеев, обычные скупщики картин диктуют художнику, что и как надо рисовать, потому что картины – это товар, который должен иметь спрос. Художественные стили подвластны моде, а не эстетическим принципам мастера. За рубежом, главным образом в США, художники-эмигранты были вынуждены приспособляться к моде. И если конформизм в творчестве художников в Советском Союзе порождался идеологическими требованиями, установками, критериями, то конформизм в изобразительном искусстве на Западе вызывается требованиями галерей, музеев, рынка. Это побудило немало художников отойти от прежних эстетических позиций, приемов и т.д. в своем творчестве. Отсюда раздвоение личности художника, его профессиональных принципов. В общий поток попали и художники-нонконформисты. Рассмотрим творческий путь некоторых из них на родине и за рубежом.

Михаил Шемякин. Родился в 1943 г. на фронте. Его отец – командир бригады, мать – актриса. После войны отец был военным комендантом Кенигсберга. В 1958 г. Шемякин поступил в художественную школу им. Репина в Ленинграде. За год до окончания ее был исключен за «увлечение чуждыми идеями» – творчеством художников позднего Возрождения. Устроился такелажником в Эрмитаже. Шемякин, художник свободных взглядов и течений, как и его друзья, такие же молодые художники, объявили о создании творческой группы «Санкт-Петербург». Уже в самом названии ее таился неслыханный по тем временам вызов.

Жизнь Шемякина власти квалифицировали просто: «антисоветское поведение, психические сдвиги». Он очутился в психиатрической больнице с диагнозом «вялая шизофрения». Только полгода спустя он вышел из «психушки». Потом были скитания на Кавказе, жизнь келейника в псковском монастыре. Здесь впервые открылся перед Шемякиным величественный мир церковных фресок, древнерусской церковной иконописи. В монастыре он прошел обучение древней культуре русской церкви, обратился к религии. Это приобщение впоследствии повлияет на его творчество.

Еще до эмиграции М. Шемякин овладел искусством живописи, скульптуры, графики, чеканки, керамики. В 60-х гг. состоялись первые выставки художника. Отношение критиков к творчеству Шемякина было противоречивым: и положительным, и отрицательным. Это особенно наглядно проявилось в оценке памятника Петру I, который создал Шемякин-ваятель.

Работа Шемякина – скульптурный памятник первому императору России. Скульптура вызвала много споров в прессе. Стиль и манера ее изготовления необычны для

соцреализма. Это был вызов общепринятому представлению о Петре I. Однако при работе над скульптурой Шемякин использовал «Восковую персону» Петра I, созданную К.Б. Растрелли после смерти императора. Шемякинский памятник достоверно воспроизводит восковую скульптуру, но отличается изяществом линий, авторским почерком. Сама фигура выполнена необычно. Скульптор считает, что Петр I был неординарной личностью и в обыкновенные человеческие рамки не вмещался.

Поборники соцреализма считали, что, создав памятник первому императору России, Шемякин оплевал его. Так, известный художник Илья Глазунов гневался: «Скульптура Петра I Шемякина воспринимается омерзительно, это плевок в память царя Петра. Созданное Шемякиным – это глумливое изображение дегенерата. Для меня Шемякин не скульптор и не художник»³⁰¹.

На родине Шемякина подавлял и Союз художников, лишая возможности заниматься творчеством. В конце 60-х гг. он еще раз столкнулся с КГБ, который на этот раз выдворил его из страны, за что, по словам художника, он благодарен органам безопасности. В 1971 г. Шемякин покинул родину и обрел пристанище в Париже.

Здесь через два года он подписал контракт, что дало ему возможность снять мастерскую и всецело заняться искусством. В Париже Шемякин работал в Доме художников (неподалеку от Нотр-Дам). Это всемирный художественный центр, куда многие страны посылают своих художников для повышения мастерства и овладения европейской художественной традицией.

В Париже М. Шемякин устроил выставку советских неконформистских произведений искусства и издал каталог работ. В этом ему помогали Ростропович, Барышников, Глезер. Цель акции – пропаганда русского искусства, попытка преодолеть негативное отношение к нему Запада, который не воспринимает не только официальное советское, но и катакомбное изобразительное искусство.

С этой же целью Шемякин издает на собственные средства первый альманах «Аполлон – 77», где собирает вместе художников, писателей, фотографов неконформистской ориентации. Альманах был издан на русском языке в Париже. Он попал в Россию, где был принят весьма негативно, а также в европейские и американские университеты на отделение славистики.

Во Франции М. Шемякин прожил 10 лет. Переехав в США, он поселился в местечке Клаверак, чуть более 100 км от Нью-Йорка, открыл свою мастерскую. Михаил Шемякин – один из известных в мире русских художников. Он добился этого своим талантом и тяжелым трудом. За годы работы в изобразительном искусстве им созданы тысячи произведений в разных формах и жанрах живописи и ваяния. Его картины выставляются в крупных галереях Нью-Йорка, Лос-Анджелеса, Сан-Франциско, Парижа, Токио.

Творчество М. Шемякина трудно определить однозначно. В молодости он увлекался модернизмом, русским авангардом начала XX в. У него есть немало картин, нарисованных в реалистической манере: натюрморты, портреты натурщиц. Художник сохранил приверженность русской классике. По его признанию, он считает себя «вечным учеником природы и старых мастеров».

Художественная концепция Шемякина основана на философском восприятии и понимании действительности: мир заполнен иррациональными явлениями, в нем причудливо переплетается мрачное, отвратительное и прекрасное. Для Шемякина окружающий мир пронизан таинственными многоцветными явлениями. Из этого мира выступают призраки, миражи прошлого и абсурдные лики настоящего. И все это смешивается в непредсказуемом сочетании. Примером могут служить картины «Католический бог» (1986) – плоский силуэт с тонкими чертами и скульптура «Без названия» (1986) –

³⁰¹ Российская газета. 1992. 21 января.

две фантастические фигуры в темноте. Произведения Шемякина притягивают зрителя. Видимо, художник апеллирует к подсознанию, пытается затронуть непознанные глубины человеческой психики и расширить этим представления о современном мире.

В числе работ Шемякина есть две серии. Одна из них – это «Жизнь Рембрандта». Вторая – трагический цикл, посвященный войне в Афганистане, который наиболее четко и беспощадно отражает некоторые моменты войны. Художник показывает трагедию с двух сторон – с нашей и с «их». Цикл выполнен в виде подкрашенной графики.

В США Шемякин организовал выпуск журнала «Искусство России и Запада», в котором он пропагандирует русское искусство. Журнал выходит на английском языке, его объем – 120 страниц с цветными иллюстрациями. Художник написал автобиографическую книгу «Сын советского офицера». В ней говорится о становлении личности молодого человека из семьи офицера и актрисы. М. Шемякин – инициатор создания семимиллионного (в долл.) фонда помощи инвалидам афганской войны и членам семей, погибших в ней. Он профессор Сан-францисского университета и Академии искусств Европы, член Нью-Йоркской Академии наук. В 1989 г. в Москве прошла выставка картин Шемякина, имевшая успех. Художник не забывает Родину и бывает в России.

Юрий Купер. Успешно приспособился к ультрамодным стилям в западной живописи и не слишком утонченным вкусам зрителей. Рисует в экстравагантной манере в расчете на западного потребителя, иногда используя психологизм в живописи, строение психических переживаний изображенных личностей.

Просветленно-туманная среда, из которой проступают, обретая особую символическую значимость, отдельные предметы, детали – это характерные изобразительные приемы художника. В этой манере написаны его известные картины «Дверь с замком. Венеция» (1983), «Ящик и ткань» (1987). Ю. Купер работает в старинной галерее Клод Бернар в Париже.

Игорь Андреев. Бежал на Запад двадцатидвухлетним парнем во время остановки сейнера, на котором он служил матросом, в одном из портов Канады. Получил канадское гражданство. Потом переехал во Францию, где и начал заниматься живописью, сложился как парижский (не русский) художник. Андреев расписывает керамику, дерево. Рисует красками для автомашин, главный материал для его письма – алюминий. Тяготеет к нонконформизму «под занавес». И. Андреев – модный на Западе художник, устраивает до четырех-пяти выставок своих произведений в год. Его живопись яркая, броская, замысловатая по сюжетам и формам, преобладают портреты, декоративные панно на алюминии.

Оскар Рабин. В СССР он был одним из создателей советского авангарда (см. «Авангард»). На Западе жизнь заставила его переориентироваться. Для Рабина за рубежом характерно экспрессивное восприятие окружающего мира, теперь уже французского, придающее выразительность его произведениям, психологизм. Художник переходит на позиции импрессионизма, его картины воспроизводят и передают непосредственное впечатление автора от действительности, которое чаще покрыто налетом грусти, горечи. Одна из них в этом стиле – «Три лампы» (1988).

Здесь кратко проанализировано творчество лишь некоторых художников из числа эмигрировавших. Среди покинувших страну художников оказались Михаил Александров, Борис Свешников, Владимир Янкилевский, Виктор Добров, Владимир Немухин, Сергей Потагин, Анатолий Слепышев, Олег Лягичев, Леонид Соков, Владимир Иванов и мн. др. По-разному сложились их судьбы, не все вошли на «парижский Олимп», но с живописью они не расстаются, хотя многим приходится работать на второразрядные галереи.

За рубежом были созданы два центра русской эмигрантской культуры. В Париже в 1991 г. при музее Мир искусства был открыт Фонд русского и советского искусства, предусмотрены групповые и персональные выставки ведущих художников третьей волны. Центр современной русской культуры был создан в США в 1991 г. в Джерси-Сити (в 2 км от Нью-Йорка). Президентом Центра был избран Александр Глезер, вице-президентом – художник Виктор Добров. Центр объединил музей современного искусства, издательство «Третья волна», библиотеку и галерею современного искусства. В план вошло укрепление его международных связей с Парижем и Москвой. Одна из его целей – создание «моста русской культуры» между Москвой, Парижем и Джерси-Сити.

Первая крупная выставка произведений художников третьей волны эмиграции состоялась на родине в 1990 г. в Ленинграде, в Русском музее. Она собрала произведения художников разных течений, которых объединяет не только искусство, но более всего судьба: все они по разным причинам на протяжении 70–80-х гг. эмигрировали из СССР на Запад. Коллекция картин отражает ведущие тенденции российской художественной эмиграции. Горечь и надежда, душевные взлеты и отчаяние, наконец, русская традиция и экспериментирование – все переплелось здесь, образуя разноречивую панораму.

Большинство художников, оказавшихся за рубежом, сохраняют верность самым существенным и глубинным свойствам русской изобразительной традиции, обновляют и развивают ее. Их объединил этот мощный фактор – осознание своей причастности к отечественной культурной традиции. Именно это помогло каждому из них сохранить себя в новых обстоятельствах, хотя многим пришлось изменить свой творческий «почерк». Группе мастеров старшего поколения удалось решить проблему интеграции в мировой художественный процесс наиболее естественным путем: они смогли убедить рынок в самоценности индивидуальной манеры мастера.

Искусствовед А. Каменский, посетивший выставку художников-эмигрантов в 1990 г. в Русском музее, писал: «Русское искусство, какими бы ни были самые неожиданные и острые искания его мастеров, в лучших своих образцах всегда остается глубоко духовным и человеческим. Именно это качество составляет основу его признания и мирового авторитета»³⁰². Творчество художников-эмигрантов составляет неотъемлемую часть отечественной культуры.

Музыкальное творчество. Судьба и жизнь распорядились так, что сегодня десятки талантливых, известных советских музыкантов, певцов, дирижеров выходят на сцену в качестве граждан США, Франции и других государств. Наши музыканты добиваются больших успехов за рубежом. Ярким, убедительным примером достижений отечественного музыкального искусства служит тот факт, что две трети крупнейших музыкантов XX в. – выходцы из СССР, России, и нет в мире композитора, исполнителя, который не испытал бы их влияния. Самый авторитетный музыкальный конкурс в мире – конкурс им. Чайковского. Выделим из числа отечественных музыкантов-эмигрантов трех мастеров, имена которых известны в стране и за рубежом.

Дирижер Кирилл Кондрашин. В декабре 1978 г. он, дирижер и профессор Московской консерватории, принял решение не возвращаться после гастролей в Голландии в СССР. Кондрашин, недовольный статусом дирижера в оперном коллективе, ушел с этого поста из Большого театра и стал главным дирижером симфонического оркестра Московской филармонии. Через 16 лет он покинул оркестр по причине значительной диспропорции в оплате труда музыкантов оркестров и ухода из руководимого им оркестра ведущих солистов и перешел на педагогическую работу, совмещая ее с гастрольями по стране и за границей.

³⁰² Каменский А. Транзитом ли? // Советская культура. 1990. 17 февраля.

На почве гастролей у Кондрашина возникали конфликты с вышестоящими органами. Министерство культуры и Госконцерт всячески препятствовали дирижеру в расширении заграничных поездок, ограничивая срок пребывания за рубежом. К тому же жесткий с их стороны контроль над содержанием репертуара и вмешательство в его составление путем регламентации и запретов крайне удручали дирижера. Его терпение достигло предела.

По признанию Кондрашина, он сознательно не просил политического убежища. Протестовал против произвола в области искусства и надеялся, что своим отчаянным шагом сможет обратить внимание руководителей на своеволие и самовластие чиновников. Но его усилия были тщетны. Кондрашин расстается с родиной. Позже, вспоминая эту напряженную обстановку, он скажет: «Таковы главные мотивы, приведшие меня к очень тяжелому и ответственному шагу. Я больше не в силах выносить нажим со стороны некомпетентных чиновников и хочу остаток своих дней прожить в условиях творческой свободы»³⁰³.

За рубежом К. Кондрашин возобновил концертную деятельность. Он получил свободу для гастролей по странам Европы, его выступления в начале 1979 г. в ФРГ прошли с большим успехом. Рецензии после концертов были профессиональными и только положительными. Это стало новым этапом в его дирижировании, более углубленном, искреннем. Успешно проходили его концерты во Франции и в других странах. Безусловно, это было результатом морально-психологического облегчения и профессионального раскрепощения дирижера. Одна из ведущих черт дирижерского таланта Кондрашина – умение трансформировать звучание оркестра, отличное от привычного.

В 1980 г. он подписал контракт на пост главного дирижера Баварского радиооркестра, начиная с сезона 1982–1983 гг. Это был второй по качеству и престижности оркестр в ФРГ. Кондрашин подготовил к изданию несколько книг о дирижировании, намереваясь издать их в Германии или Англии. В Голландии он вернулся к педагогической деятельности, но ограничил ее пока консультациями и проведением курсов. На его репетиции в Голландии и Германии приезжало много студентов-дирижеров и даже профессионалов. Но в разгар своей деятельности, прожив 66 лет, Кондрашин умер. В память о талантливом русском дирижере в Голландии учрежден международный конкурс молодых дирижеров его имени.

Скрипач Гидон Кремер. Родился в 1947 г. в Риге. Его родители – профессиональные скрипачи, играли в Рижском симфоническом оркестре. Закончил в столице Латвии музыкальную школу. С 1965 г. стал учеником Давида Ойстраха. Признание пришло очень быстро: лауреат нескольких европейских конкурсов, победитель на конкурсе им. Чайковского в 1970 г., он был окружен славой. Но постепенно назревал конфликт с властью.

Он постоянно включал в свой репертуар произведения «опальных» композиторов Шнитке, Губайдулиной, «сомнительных» зарубежных авторов, плюс непочтение к чиновникам от музыкального мира, заявления вслух, что надоело иметь дело с некомпетентными, бесполезными для искусства людьми. Все это закончилось вынужденной эмиграцией.

Гидон Кремер проживает в ФРГ, советского гражданства не лишен и никогда от него не отказывался. Он выступает в лучших концертных залах стран Европы, в Америке, Австралии, в Японии, Корее. Неизменный успех гастролей, огромное число грамзаписей с лучшими мировыми оркестрами, дирижерами сделали его в современной музыкальной жизни звездой первой величины.

³⁰³ Кондрашин К. Почему я остался на Западе? // Огонек. 1990. № 3. С. 13.

После десятилетнего отлучения Кремер появляется на родине. Он дает три концерта в Москве: первый – с оркестром Юрия Башмета, два других – с пианисткой Мартой Аргерих. Затем участвует в фестивале по произведениям Шнитке в Горьком, где выступает на заключительном концерте. И, наконец, в Ленинграде с Темиркановым играет Сибелиуса.

Творческие планы Гидона Кремера грандиозны. При этом он руководствуется главным принципом: никогда не поддаваться синдрому популярности, потому что он губителен для музыканта, надо постоянно искать новое.

Пианист Михаил Рудь. Родился в 1953 г. в Ташкенте. Поступил в Московскую консерваторию в класс известного пианиста Якова Флиера. Когда 18-летний музыкант готовился к конкурсу Баха, его вызвал представитель КГБ по консерватории и предложил работать на него. Рудь не согласился. Тогда его, а заодно и всю делегацию наказали – не пустили в Париж на конкурс Маргариты Лонг. Попытка сотрудника Комитета завербовать Михаила и сделать из него «сексота» вызвала у юноши протест. М. Рудь пришел к убеждению, что человек, несвободный в личной жизни, не может быть свободным в искусстве.

Два года спустя, в 1977 г., в том же Париже он выбрал свободу и остался во Франции. Дебют «беглеца» принес ему на Западе головокружительный успех. Мстислав Ростропович пригласил его сыграть в Ницце в концерте, посвященном 90-летию Марка Шагала. Знаменитый Герберт фон Караян привез его на фестиваль в Зальцбург. Известный американский режиссер Лорен Маазель пригласил выступить с кливлендским оркестром. За период жизни на Западе Михаил Рудь выпустил десятки пластинок, завоевал массу призов. Он дает свыше 100 концертов в год, участвует во множестве фестивалей. Пожалуй, ни один пианист мира не выступает сегодня так часто во Франции, как Михаил Рудь, и никто другой не пользуется здесь такой популярностью.

Для французов он по-прежнему олицетворяет собой русского человека. Это подтверждает и сам М. Рудь. Он не раз говорил, что, живя в Париже или Лондоне, остается глубоко русским человеком и стремится, по возможности, участвовать в жизни страны. М. Рудь неоднократно совершал творческие поездки на родину, выступал в Москве, Санкт-Петербурге, давал сольные концерты и вместе с оркестрами под управлением В. Спивакова и Ю. Темирканова.

В период расцвета брежневского «застоя» изгнанниками стали широко известный в стране и за рубежом виолончелист Мстислав Ростропович и его жена, солистка Большого театра, Галина Вишневская. О них много написано в нашей периодической печати, так что вряд ли здесь можно добавить что-то новое. Отметим лишь главные вехи. В 1974 г. оба артиста покинули страну с согласия советских властей, с советскими паспортами. В марте 1978 г. М. Ростропович был лишен советского гражданства. В январе 1990 г. он был восстановлен в гражданстве. В феврале 1990 г. М. Ростропович и Г. Вишневская вернулись на родину.

Балет. В свое время дягилевские «Русские сезоны» (эмиграция первой волны) во многом определяли развитие балета во всем мире. Но мировой балет немыслим без русских композиторов, которые сделали его независимым, самостоятельным видом искусства. Без русских композиторов – Чайковского, Прокофьева, Стравинского – балет не стал бы искусством, насыщенным идеями и понятным миллионам зрителей. В 60–80-х гг. в западный балет влились несколько мастеров из СССР, в том числе Р. Нуриев, И. Мухамедов, В. Панкова, А. Плисецкий.

Рудольф Нуриев. Бывший солист Ленинградского театра оперы и балета. Во время гастролей в Париже в 1965 г. решил не возвращаться в СССР. Причину невозвращения объяснял тем, что хотел расширить свое мастерство, учиться у балетмейстеров Баланчина в Нью-Йорке и Веры Волковой в Копенгагене. Но «компетентные» органы Моск-

вы через советское посольство в Париже настаивали, чтобы все французские театры были закрыты для Нуриева. Он не мог попасть ни в «Гранд Оперу», ни к Ролану Пети. К счастью для танцовщика, в Париже частная компания маркиза де Куэвас пригласила его танцевать в «Спящей красавице». Здесь он выступал 6 месяцев.

Вскоре Нуриев получил приглашение от знаменитой английской балерины Марго Фонтейи танцевать в «Ковент-Гарден». Профессиональный багаж, который он получил в Кировском театре, умножил в королевском балете. В нем были великолепные хореографы. Балеты ставил Леонид Мясин, выдающийся хореограф Дягилева. В «Ковент-Гарден» Нуриев исполнял все классические партии в «Жизели», «Лебедином озере», «Сильфиде», танцевал в балетах Баланчина «Аполлон» и «Блудный сын». Потом он сам стал ставить балеты в «Ковент-Гарден»: «Баядерку», «Раймонду». В Вене поставил «Лебединое озеро», в Буэнос-Айресе и Марселе – «Дон Кихота», в Стокгольме – «Щелкунчика», в Цюрихе – «Раймонду».

В 1983 г. Р. Нуриев переехал из Лондона в Париж, когда ему предложили пост «директора танца» в «Гранд Опера». С его приходом в афише театра центральное место занял Чайковский. Сам он поставил «Щелкунчика», «Лебединое озеро», «Манфреда», «Бурю», «Спящую красавицу», «Раймонду». У Р. Нуриева грандиозные планы – давать 200 представлений в год. Он приглашает лучших хореографов мира, предоставляет сцену «Гранд Опера» как классике, так и современному балету. Р. Нуриев избрал основой труппы театра хореографию Мариуса Петипа, француза по национальности, балетмейстера и педагога, который возглавлял петербургскую балетную труппу и прожил в России более 60 лет.

Азарий Плисецкий. Он заслуженный артист России. Родился в июле 1937 г. Вскоре после ареста отца в апреле 1937 г., когда мальчику исполнилось 8 месяцев, мать с грудным сыном посадили, по инициативе А. Вышинского, в Бутырку по спецстатье УК 82 – «члены семьи» осужденного «врага народа». Вскоре их по этапу в товарняке переслали в Акмолинск. Отца расстреляли в январе 1938 г. После лагеря с колючей проволокой поселение в Чимкенте без права выезда. В Москву разрешили переехать матери с сыном только в конце 1940 г. До окончания школы Азарий получал пособие «сына врага народа». Он младший брат Майи Плисецкой.

В 1956 г. Плисецкий окончил хореографическое училище, а через год был принят в Большой театр. С 1958 г. начались его гастроли. Ольга Лепешинская взяла Азария в партнеры. Они ездили в Китай, Монголию, Казахстан и Среднюю Азию. Длительные гастроли Плисецкого начались с Кубы, куда он был приглашен Национальным балетом. Эти гастроли организовало Министерство культуры СССР. Контракт был подписан на один год, но работа увлекла Плисецкого, и он 10 лет преподавал, танцевал и ставил спектакли в этой стране. Звание Заслуженного артиста РСФСР Азарию Плисецкому было присвоено после возвращения с Кубы. Еще 5 лет он танцевал на сцене Большого театра.

Азарий Михайлович оформил себе пенсию в 39 лет, когда перестал работать в Большом театре. В беседе с корреспондентом «Литературной газеты» он признается, почему ушел из театра: «Я очень хотел работать в Большом, где для меня ничего не сложилось после выхода на пенсию. Кроме того, там верховодил Григорович, который не выносил нашу фамилию»³⁰⁴. После Большого театра Плисецкий работал в труппе Касаткиной и Васильева «Московский классический балет».

Потом началась зарубежная жизнь Плисецкого. В 1978 г. еще в Москве он встретился с М. Бежаром, руководителем бельгийской балетной труппы, с которым был знаком со времен командировки на Кубу. Бежар со своей труппой впервые выступал в Большом театре и Кремлевском дворце. На этой встрече Бежар пригласил Плисецкого

³⁰⁴ Карапетян Г. Признание Азария Плисецкого // Литературная газета. 1999. 14–20 июля.

на совместную работу в Бельгию. В октябре 1978 г. он приехал в эту страну. В Брюсселе Плисецкий работал почти 3 года в рамках «Балета XX века». В 1981 г. он получил разрешение М. Бежара и Р. Пети и подготовил «Вечер французской хореографии». Затем начались его поездки в другие страны. Плисецкий подолгу жил и работал в Испании, Франции, по разовым контрактам в Японии, где среди других ролей исполнил роль Ромео, что для японцев стало открытием. В Штутгарте (Германия) он поставил «Канто Виталь».

А. Плисецкий осел окончательно в Швейцарии, в городке Лозанна. С 1991 г. он работает в театре Бежара в должности педагога-репетитора, проводит классы, репетирует с солистами после того, как поставлена хореография, и дает уроки «звездам» мировой величины. В Лозанне Плисецкий поставил «Ромео и Джульетту». Он выезжает вместе с труппой Бежара на гастроли за рубеж, в том числе в Париж.

Александр Годунов. В конце 70-х, во время гастролей, остался в США. Имел шумную рекламу, деньги. Годунов приехал с профессиональным багажом, который получил на родине, но не хотел его расширить. У него высокая техника, однако нет стремления к профессиональному росту за счет изучения достижений современного западного балета. Позже А. Годунов стал сниматься в кино.

Елена Панкова. В 1981 г., после окончания хореографического училища, была принята в Кировский театр оперы и балета (Ленинград). Восемь лет танцевала в кордебалете. И так танцевала бы в нем при царившей в театре обстановке, если бы во время гастролей труппы на Западе на нее не стали обращать внимание западные знатоки балета. Постепенно руководство театра начало давать ей сольные партии. Но опять же, в основном, на выезд. В своем театре в последнее время выступала с сольными партнерами 1–2 раза в месяц.

В начале 1991 г. Елена Панкова по контракту выступала в Америке, потом был контракт на 2 месяца с английским национальным балетом. Этот контракт закончился тем, что она стала солисткой «Лондон сити балет» (Лондонского городского балетного театра). Здесь Панкова добилась полного успеха. Специалисты английской столицы считают, что она входит в пятерку сильнейших балерин мира. Ее «Жизель», к примеру, вне конкурса. Выступления балерины сопровождаются восторженными рецензиями в британской прессе.

В том же «Лондон сити» танцуют Кирилл Мельников из Кировского театра, Станислав Часов и Виктор Барыкин из Большого театра. Во всемирно известном королевском балетном театре «Ковент-Гарден» публику восхищает Ирек Мухамедов из Большого. В свое время он блестяще танцевал Спартака. Мухамедов стал первым советским танцовщиком, который выступил по приглашению Нуриева на сцене «Гранд Опера» в роли принца в «Спящей красавице».

Западные балетные труппы все больше обогащаются российскими талантами, а отечественные зрители чувствуют себя обокраденными. И не только комфортные условия жизни за рубежом побуждают артистов покинуть родину. Среди причин и мотивов есть и такие, как неудовлетворенность таланта, а также специфическая атмосфера в отечественных театральных коллективах, где важно быть на виду у руководства. А еще – творческий застой.

Кинорежиссеры. Из всех видов искусства под более жестким контролем в СССР находилась кинематография. Идеологический отдел и отдел культуры ЦК, Министерство культуры и Госкино – вот четыре партийных столпа, которые держали под ярмом все киностудии страны. Киносценарии, «бодрящие» песни как обязательный атрибут кинокартин, даже режиссерское оформление фильмов – все подвергалось скрупулезной проверке и чистке. То, что не подходило под идеологические мерки, нормы, вырезалось, перерабатывалось или полностью запрещалось и откладывалось на полку. По

партийным установкам, кинематография, как и литература, беспрекословно подчинялась неукоснительным принципам социалистического реализма.

Кинорежиссер Андрей Арсеньевич Тарковский. Родился 4 апреля 1932 г. в Москве. Детство его прошло в трудных материальных условиях. Окончил ВГИК, профессиональное образование получил в режиссерской мастерской известного педагога М.И. Ромма. За недолгую жизнь (54 года) вошел в историю отечественной кинематографии как талантливый режиссер, имя которого известно и в стране, и за рубежом.

Первым фильмом, принесшим Тарковскому известность, был фильм «Иваново детство» – правда о войне с ее жестокостью, убийствами, смертью родных людей, грязью, разрушающими детскую душу. Ранее экран показывал войну как стратегию штабов, как гигантские баталии, героизм солдат и офицеров (и никогда как паническое отступление частей Красной Армии, сдачу в плен тысяч солдат и командиров, атаку частей, вооруженных наполовину, через одного). Тарковский показал свое видение войны, показал ее как безумие. Образ маленького партизана, детство которого было растоптано войной, покорила одних и испугал других своей правдивостью. Примерно так же разделились критики на профессиональных дискуссиях. Фильм «Иваново детство» вызвал шок и на Западе. Этот киношедевр получил мировое признание, золотые призы на кинофестивале в Венеции, в Акапулько, в Сан-Франциско. Но «оттепель» заканчивалась.

Уже второй фильм «Андрей Рублев» (о знаменитом русском иконописце) наталкивается на яростное сопротивление чиновников. Фильм годами не выпускали на советский экран и держали на «полке», а тем временем получали валюту от продажи его за границу. На Западе он имел успех и восторженные отклики специалистов в прессе, а соотечественники о нем и не ведали. Цензура посчитала наиболее крамольным в фильме текст святого писания, на фоне которого возникает сцена с Голгофой (горой, на которой был установлен крест с распятым Христом), и вдохновенная, просветленная сцена зимней «русской Голгофы», поистине режиссерское откровение, единственный на мировом экране образ снежного Крестного пути и распятия «мужицкого Христа» – воплотившаяся традиция русской литературы и живописи. Вдохновенно снятый, сложный двухсерийный фильм лежал на полке и лишь в 1971 г. «Андрей Рублев» вышел на экраны в СССР. Андрей Арсеньевич между тем был безработным.

А. Тарковский решил обратиться к жанру фантастики. Он поставил фильмы «Солярис» по роману Станислава Лемма и «Сталкер» по сценарию Стругацких. Есть в них секреты, тайны, которым только по прошествии лет экран начинает давать разгадку. «Солярис» – это фильм о возможной экологической катастрофе на земле в результате глобальных атомных взрывов, радиации. Фильм «Сталкер» – зловещий и таинственный образ мертвой Зоны, подобие которой позже возникло в трагические дни Чернобыля. Режиссер создает автобиографический фильм «Зеркало». Всем этим фильмам была предназначена судьба «Андрея Рублева».

Весь творческий путь кинорежиссера А. Тарковского – это многолетние, непрекращающиеся преследования, пристальная опека чиновников от кино, запреты фильмов, агрессивные наскоки. Устав от всего этого и от безнадежных переговоров с Госкино, отвергавшим одну за другой его заявки, Андрей Тарковский принял приглашение одной из итальянских компаний поставить фильм по контракту. В 1980 г. он вылетел в Рим. Последние годы жизни, завершившие трудную и все же счастливую судьбу кинорежиссера, не сломившегося под ударами чиновников и оставшегося самим собой, протекли за границей.

За 6 лет А. Тарковский снимает три фильма, ставит оперу «Борис Годунов». Во Флоренции, куда приехала семья режиссера, мэрия подарила ему трехкомнатную муниципальную квартиру. В Италии Тарковский поставил фильм «Ностальгия», в высшей мере патристический фильм, который режиссер считает сказанием о себе. Действи-

тельно, как свидетельствуют его друзья, за границей он так и не смог обрести покоя, создать себе условия, чтобы спокойно жить и трудиться. Его постоянно мучила тоска по родине.

В 1983 г. он создает фильм «Время путешествия». Тарковский предчувствует, что уже не увидит Отечества. Жить осталось 3 года. Вот художник один в кадре выходит на балкон, смотрит на зеленый квартал и видит не Италию, а словно влажную от дождей, безлесную равнину родины. Картина «Жертвоприношение» была поставлена в Швеции. Она стала завещанием художника. В ней высказаны его нравственные, эстетические, религиозные взгляды и позиции. Тарковский считал фильм поэтической притчей о человеке, который оказался способным принести себя в жертву – единственный путь обретения нравственной целостности.

А. Тарковский не отступал от своих принципов: кино должно показывать только правду, а режиссер всегда должен быть свободным в своих творческих замыслах, одержав победу и над духовным надзирательством, и над алчным коммерциализмом, и над одиночеством изгнанника, и над муками смертельной болезни. Андрей Арсеньевич умер от рака мозга в онкологической клинике Шварценберга в Париже в декабре 1988 г. Похоронили его на русском кладбище Сен Женеьев де Буа, мемориале Российского зарубежья, вблизи от французской столицы, на котором лежат Бунин, Коровин, Сомов, генералы Белой гвардии. За рубежом А. Тарковский закончил книгу «Запечатленное время». Она издана в ФРГ, Англии, Голландии и других странах.

Кинорежиссер Михалков-Кончаловский Андрей Сергеевич. Родился 20 августа 1937 г. В 1965 г. окончил ВГИК. Дебютировал в 1962 г. фильмом «Мальчик и голубь» – лирической киноновеллой о детстве. В 1965 г. поставил фильм «Первый учитель» (по Ч.Т. Айтматову), в 1969 г. снял фильм по одноименному роману И.С. Тургенева «Дворянское гнездо». До эмиграции А. Кончаловский снял еще 3 фильма: «Дядя Ваня» (по А.П. Чехову, 1971), «Романс о влюбленных» (1974), «Сибириада» (4 серии, 1979) – эпическое повествование, охватывающее более чем полувековой период. В 1980 г. А.С. Кончаловскому было присвоено звание Народного артиста РСФСР.

В 1960 г. известный в советской стране кинорежиссер А. Кончаловский пришел в советское посольство в Париже и поставил условие: либо ему предоставляют возможность постоянно проживать на Западе, либо он становится невозвращенцем. Своего он добился и стал жить там, где, по его словам, у него есть работа. Кончаловский имеет квартиру в Париже и дом в Калифорнии (США). Он предпочитает «существовать везде». Кинорежиссер признается: «Космополит безродный» ... космополит в том смысле, что мне нравится влюбляться в другие нации, разочаровываться, снова влюбляться»³⁰⁵.

Вырваться за рубеж для А. Кончаловского значило обрести свободу творчества. К другому он не стремился, считая себя западником. К тому же режиссер внушил себе мысль, что в Советском Союзе его не понимают, а на Западе поймут. Действительно, в СССР он подвергался притеснениям за радикальные помыслы. Так, его картина «Асино счастье» пролежала на полке 20 лет, хотя потом была отмечена Государственной премией РСФСР. Фильм «Река Потудань» по Платонову запретили снимать. Так и не дождался Кончаловский разрешения Госкино на съемку фильма «Рахманинов». В своем фильме «Ближний круг» он пытался исследовать русский характер, но для этого, по его словам, надо было пожить за границей.

Во Франции А. Кончаловскому поработать не удалось. Несколько сценариев, написанных им, он продал за бесценок. Вскоре Андрей Сергеевич отправился в Лос-Анджелес. Преподавал там кинорежиссуру в университете. Истосковался по режиссерской работе.

³⁰⁵ Кожевникова Н. Как сладостно Отчизну ненавидеть // Родина. 1992. 16 декабря.

В США Кончаловскому пришлось переработать свой профессиональный «багаж», научиться мыслить по западному, чтобы быть понятным американцам. Они специфичны и заиклены на жизни своего континента – Нового Света. Поэтому конформизм европейского режиссера там обязателен, иначе рынок не примет кинопродукцию. Наконец, он снял первый фильм. За 10 лет в Америке Кончаловский создал 6 фильмов и поставил «Евгения Онегина» в миланской «Ла Скала», чеховскую «Чайку» в парижском «Одеоне». В Америке, поддаваясь моде и спросу, Кончаловский снял фильм о супермене «Танго и Кэш», главную роль в котором сыграл популярный актер Сильвестр Сталлоне. Его фильмы, на каком бы материале они ни создавались, все-таки рассчитаны на российскую аудиторию, потому что только в России могут быть по-настоящему поняты.

Впервые А. Кончаловский появился на «Мосфильме», будучи эмигрантом, в 1990 г., когда ставил свой лучший фильм «Сибиряда». Главным географическим объектом в нем выступает Тюмень. Из картины заставили вырезать кусок о Сталине, пришлось переделать весь сценарий. За границей фильм поняли и приняли, а отечественные либеральные кинокритики называли его конъюнктурным, «коррупцированно-подхалимски-официозным». Режиссера осуждали многие его знакомые. Но этот фильм не утратил своей актуальности. Он посвящен проблемам, в которых теперь едины и левые, и правые – защите окружающей среды.

Фильм Кончаловского о судьбе киномеханика Сталина финансировали и обеспечивали технической базой итальянцы, оператором был итальянец, звукооператором – француз, главные роли исполняли американские актеры. Итало-американский фильм, понятный, в основном, российским зрителям, снимался на киностудии «Мосфильм».

За рубеж уезжали и другие режиссеры, киносценаристы. Кто – навсегда, кто – поработать по контракту. Они считали, что стоит отправиться на Запад – сразу сделаешь себе имя. Но судьба уехавших складывалась по-разному. Кто-то чего-то добился, кто-то возвращался разочарованным.

* * *

Бессмысленно иметь идеализированное представление об эмигрантской культуре как объединении единомышленников, покинувших страну по разным причинам, стимулам и мотивам. Единства нет, и его не может быть по объективным и субъективным факторам, особенно в литературно-артистической среде. Это свойственно не только эмиграции. Напряженный морально-психологический климат в этой среде – типичное явление для любой цивилизованной страны. Но будет ошибочным и несправедливым рассматривать взаимоотношения деятелей культуры третьей волны как противостояние бесконечно враждующих между собой небольших групп по разным поводам и причинам, хотя порой склоки и возникают. Существуют факторы, которые сохраняют целостность эмигрантской культуры. Назовем три из них.

Культура третьей волны слилась в некоторую общность благодаря предельно политизированной ситуации в эмигрантской среде. У политической эмиграции был опыт противостояния господствующим в СССР идеологическим и культурным стереотипам. И все же «постоянным слагаемым» этот социальный опыт быть не мог. В новой политической ситуации, в которой оказались деятели культуры на Западе, сам предмет протеста терялся. А после распада СССР стал бессмысленным. Это ощутили даже наиболее политизированные эмигранты.

За пределами родины деятелей культуры сближает и сплачивает другой, более стабильный фактор – осознание своей причастности к отечественным культурным традициям. Именно этот фактор помог многим из них сохранить себя в новых обстоятельствах. Опыт эмигрантов, решивших осуществить контакт двух культур, отечественной и

страны проживания, в зарубежных условиях, уникален. Было бы грешно не извлечь уроков из этого опыта.

Спланивающим фактором выступает также эмигрантская периодическая печать – журналы и газеты. В Мюнхене (ФРГ) получил жизнь эмигрантский журнал «Страна и мир». Его главный редактор К. Любарский – бывший советский политзаключенный. В 1974 г. писатель-эмигрант Владимир Максимов основал в Париже журнал «Континент» как журнал альтернативной культуры. В редколлегию журнала вошли наиболее яркие представители эмигрантской общественной мысли, диссиденты, писатели. Супруги Синявские основали в Париже журнал «Синтаксис». Это единственный независимый журнал, потому что в него не вложены никакие средства со стороны, кроме средств самих издателей. В Париже в 1984 г. появился журнал «Стрелец» – ежемесячник литературы, искусства, общественно-политической мысли, сначала черно-белый, тонкий, затем в виде вместительного альманаха. Он, как и журнал «Континент», в 90-х гг. получил прописку в Москве. В Лос-Анджелесе на русском языке издается еженедельник «Панорама». Здесь названы не все эмигрантские журналы, а только ведущие.

Отметим наиболее известные эмигрантские газеты. Парижская газета «Русская мысль», редактор – бывший видный диссидент А. Гинзбург. В ней антисоветские политические обзоры, выпячивание всего негативного и замалчивание всего позитивного, что происходит в России. Газета «Новое русское слово» выходит в Нью-Йорке. Здесь преобладают политические обзоры по стране бывшего проживания. Нью-Йоркская эмигрантская газета «Веские ведомости» – демократическая, плюралистическая, объективная, имеет своих корреспондентов в Канаде, Западной и Восточной Европе, Австралии, Израиле.

Следует учитывать, что на Запад уехали также группы эмигрантов с острой ненавистью не столько к советскому строю, сколько к самой России, к русскому народу, его культуре. И за рубежом в печати и на холсте изливают свою ненависть, провоцируют национальную рознь в бывшей родине. От слов «Отечество», «Родина», «русский народ», «православие» их, как писал А. Солженицын, «конвульсия берет». Такому «культурному наследию», пропитанному русофобией, духовному блюду будет преступным создавать условия для проникновения в Россию под видом «возвращения культурных ценностей».

Эмиграция деятелей культуры – это, безусловно, нежелательное явление, прямой интеллектуально-творческий урон для России, но в то же время она создает отечественной культуре предпосылки для выхода за ограниченные пределы в мировое культурное пространство.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Третья волна эмиграции развивалась и формировалась не скоротечно и относительно компактно, как первая волна и в определенной степени вторая, а постепенно, нарастая по годам, и охватила период 60–80-х гг.

Выше говорилось, что третья волна имела два потока: национально-этнический (подавляющее число эмигрантов) и политический. Следует еще раз уточнить этот термин. С точки зрения власти, диссидентское движение – это политическое движение, поэтому были введены статьи УК 70 и 190. С позиций диссидентов, их движение – это движение за права человека, т.е. социальное. Употребление этого термина обусловлено тем, что многие диссиденты-правозащитники выдворены из страны по решению правительственных органов как «политически неблагонадежные» и лишены советского гражданства. Следовательно, использование в книге понятия «политическая эмиграция» правомерно.

Эмигранты устраивали свой быт в приютивших их государствах, кто как мог и где мог. Это создавало разбросанность их по разным городам и весям. Исключение составляют евреи, которые выехали в Израиль, и немцы, приехавшие в ФРГ. В лучших социально-бытовых условиях по сравнению с другими эмигрантами оказались евреи, которые выехали в другие государства, в том числе в США. Всемирная еврейская община, проживающая в Америке, Западной Европе и других частях света, контролирует большую часть мирового капитала (в книге А. Янова «Русская идея и 2000 год» названа круглая цифра – 80 %), хорошо организована и обладает огромным влиянием. Благодаря этим свойствам, еврейская община имеет такое исключительное влияние, что можно говорить о глобальной этнократии. Сохраняя такой мировой статус, она имеет полную возможность оказывать помощь, поддержку своим «братьям по крови», которые эмигрировали из СССР.

В начале 90-х гг. эмиграция еще сохраняла этнический характер, однако статистика свидетельствует, что ее потенциал постепенно исчерпывается. Например, до 90-х гг. среди эмигрантов каждый второй был евреем, а в 1993 г. доля евреев сократилась почти в 3 раза. И одновременно почти каждый четвертый отъезжающий – русский, чья эмиграция, естественно, не связана с выездом на историческую родину³⁰⁶.

Примечательна мотивация эмигрантами своего выезда из страны. Подавляющее большинство из них (высланные из СССР диссиденты здесь не имеются в виду) стараются подвести под свой отъезд идеологическую базу. Редкий эмигрант скажет, что его побудили покинуть страну меркантильные интересы, прозаические, земные стимулы – поиск лучшей в материальном смысле жизни. Это абсолютно советская черта как продукт социалистической морали. Все больше говорят, что их тревожило будущее детей, политические притеснения, антисемитизм и т.д. Между тем, антисемитизм – это не чья-то монополия, и тем более не монополия постреволюционной России. Антисемитизма несколько не меньше в любой стране. Просто в большинстве западных стран он пресекается законодательным порядком, а в России с ним борются другими способами – главным образом, через общественное мнение.

Многие эмигранты третьей волны, едва обжившись, культивируют в себе чувство превосходства: он нашел себя в новой жизни, он живет на более высоком уровне и вынужден себя постоянно убеждать, что сделал правильный выбор, поэтому любая информация о стабилизации каких-либо сторон жизни в России его раздражает, портит ему душевный комфорт.

В России 90-х гг. создалась такая политическая и социальная обстановка, при которой бывшие диссиденты, политические изгнанники, деятели культуры могут беспре-

³⁰⁶ Численность и миграция населения РФ в 1993 г. Госкомстат РФ. М., 1994. С. 84, 88.

пятственно вернуться на родину. Однако массового возвращения не наблюдается и не ожидается. Видимо, многих удерживает страх возможных социально-политических потрясений. Нет уверенности в завтрашнем дне. Эта неуверенность порождает промежуточное состояние у человека. Немало эмигрантов готовы вернуться в Россию, но вдруг все вернется на круги своя. И граница снова окажется «на замке».

Третья волна эмиграции, какое бы к ней ни было отношение соотечественников, — это одно из явлений отечественной истории. И ее надо знать и помнить.

ГЛАВА IV. ЧЕТВЕРТАЯ ВОЛНА ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ЭМИГРАЦИИ

В конце 80-х – в 90-х гг. СССР, затем Россия включились в мировые миграционные потоки. Это обстоятельство приобрело в данный период массовый характер и оказывает влияние на экономические, социальные и демографические процессы в стране. В.А. Ионцев, автор работы «Мировые миграции», выделяет 4 основные закономерности современной международной миграции населения.

Первая ее закономерность заключается в том, что главенствующую роль в этом процессе занимает трудовая миграция. С экономической точки зрения, наиболее значимым фактором является становление мирового рынка труда. Это характеризуется растущим экспортом и импортом иностранной рабочей силы, определяющим всю международную миграцию населения. Вторая закономерность заключается в значительном и постоянном увеличении ее масштабов, вовлечении в мировой миграционный круговорот практически трудящихся всех стран. Их межгосударственная миграция становится типичным явлением социально-экономической жизни современного общества, все более превращаясь из временного фактора в константу мирового хозяйства. Третья закономерность – значительное увеличение нелегальной иммиграции, скрытого въезда в страну. Четвертая закономерность международной миграции проявляется в значительном увеличении среди мигрирующих доли ученых, высококлассных специалистов, в так называемой «утечке умов»³⁰⁷.

В 1987–1988 гг. правительство СССР изменило свою эмиграционную политику. Была упрощена процедура оформления документов на выезд из страны, в том числе сокращены анкетные данные и прочие формальности. Многие «отказники» получили разрешение на выезд из СССР. В 1988 г. такое право получили 108189 человек (вместе с детьми)³⁰⁸. Эмиграция в конце 80-х – начале 90-х гг. сохраняла преимущественно национально-этнический характер. Например, «до 90-х гг. среди эмигрантов каждый второй был еврей, а в 1993 г. евреи составляли всего 17,6 %, т.е. их доля сократилась почти в 3 раза. И одновременно почти каждый четвертый отъезжающий – русский»³⁰⁹.

Русская общественная жизнь последнего десятилетия XX в. породила четвертую волну эмиграции, так называемую «невидимую волну». Большинство исследователей определяют эту волну как социально-экономическую (меньшинство – как экономическую), поскольку политическая эмиграция в настоящее время сведена на нет. Дискутировать здесь нет смысла. Первое определение более точно характеризует и вскрывает ее особенность, выраженную в факторах, причинах, мотивах и стимулах выезда советских, российских граждан из страны.

От предыдущих волн эмиграции (второй и третьей) ее отличает не только масштабность, с учетом перспективы, но и вовлечение в процесс миграции самых различных слоев населения, профессиональной подготовленности, возраста, национальной принадлежности выезжающих. Второй особенностью четвертой волны является то, что она не означает выезда всех эмигрантов «навсегда» и включает несколько потоков: выезд за рубеж на постоянное жительство с изменением гражданства, выезд по краткосрочным и долгосрочным контрактам с возвращением на родину по истечении срока договора и нелегальную миграцию на заработки в любой роли, на любую работу.

Некоторые исследователи миграции населения СССР, России считают, что говорить о четвертой волне эмиграции как об отдельном, самостоятельном общественном явлении, обособленном миграционном процессе неправомерно, что этот массовый выезд граждан из страны всего лишь продолжение третьей волны эмиграции. С такой точкой зрения согласиться нельзя. В 90-х гг. резко изменились политические и эконо-

³⁰⁷ Ионцев В.А. Мировая миграция. М.: Знание, 1992. С. 3–6.

³⁰⁸ Анисимов Л. Как относиться к эмиграции // Аргументы и факты. 1989. № 40. С. 2.

³⁰⁹ Численность и миграция населения РФ в 1993 г. Госкомстат РФ. М., 1994. С. 84.

мические условия и факторы в развитии России, юридические акты, активизирующие, стимулирующие выезд из страны. Четвертая волна иная по социальному составу и формам эмиграции.

Вступивший в 1993 г. Закон «О порядке выезда за пределы Российской Федерации и въезда на территорию Российской Федерации» значительно расширил эмиграцию. Была отброшена еще одна нелепость бывшей тоталитарной системы, граждане России обрели свободу переезда в другие страны. Новый Закон пришел на смену закону бывшего СССР. Это Закон нового времени, нового общества, над ним работали люди с новым мировоззрением. Россия, таким образом, вписалась в мировую структуру свободы передвижения своих граждан и выбора ими места жительства за рубежом на законных основаниях. Очень важно, что значительно сокращено и упрощено ограничение на выезд для граждан, осведомленных в государственной тайне, на что часто опирались спецорганы, запрещая выезд.

В печати приводятся различные показатели динамики эмиграционного процесса по годам и периодам. Используем наиболее близкие к реальности статистические данные с 1987 г. – начала четвертой волны эмиграции – по 1990 г. «Всего из СССР за годы перестройки выехало в 1987 г. 39129 человек, в 1988 г. – 108189 человек, в 1989 г. – 235000 человек, в 1990 г. – 453600 человек»³¹⁰. Большинство эмигрантов оказались за рубежом по израильским визам, хотя не все были евреями. По прогнозам Госкомстата РФ, в период 90-х гг. из России будут выезжать более 80 тыс. человек ежегодно³¹¹.

Для подтверждения прогноза Госкомстата РФ используем показатели выезда граждан из страны в 1998 г., которые Росстатгентство представило газете «Московский комсомолец»: «В течение 1998 г. покинули родину 83674 россиянина, избрав для постоянного места жительства государства дальнего зарубежья»³¹². Больше всего россиян эмигрировало в Германию, куда отправилось больше половины всех российских эмигрантов – 49186 человек. Второе место занимает Израиль. Здесь поселились 16880 человек. США в 1998 г. переместились на третье место – 10753 россиянина. В Канаду выехали 1440 человек. Италию избрали 932 российских эмигранта. В Финляндию уехали 798 человек, в Грецию – 794. В бывших братских по соцлагерю Польше, Болгарии, Чехии и Словакии поселились соответственно 274, 269, 139, 77 россиян. В Турцию переехали 208 человек, во Франции с 1998 г. проживают 194 россиянина, в Австралии – 159, в Новой Зеландии – 153, в Швеции – 146, в Великобритании – 45, в Норвегии – 41, в Австрии – 29, в Бельгии – 24 человека, остальные 60 иммигрантов расселились в Китае, Иордании, Алжире, Вьетнаме, на Кубе, в Пакистане – 1 человек³¹³.

Реальные перспективы четвертой эмиграции зависят от ситуации в тех странах и регионах, куда намерены отправиться потенциальные эмигранты. Некоторые исследователи предсказывали, что, уже начиная с 1992 г., из страны на более или менее длительные сроки будут выезжать от 4 до 5 млн российских граждан. Однако эксперты Совета Европы считают, что при максимальной открытости страны Западной и Северной Европы смогут принимать ежегодно в текущем десятилетии не более 750–800 тыс. иммигрантов из других регионов мира, причем, большая часть из них придется на долю Великобритании, Франции и Германии. Северная Америка, Австралия и Новая Зеландия смогут принимать до 350–400 тысяч человек в год. Таким образом, иммиграционная емкость западных стран колеблется примерно в интервале от 1 до 1,5 млн человек в год. Но надо учитывать, что эмиграционным устремлениям граждан России противо-

³¹⁰ Отечественная история. 1996. № 1. С. 64.

³¹¹ Численность и миграция населения РФ в 1993 г. Госкомстат РФ. 1994. С. 88.

³¹² Больше всего россиян эмигрируют в Германию, меньше всего – в Пакистан / Московский комсомолец. 1998, 19 августа.

³¹³ Московский комсомолец. 1999. 19 августа.

стоят столь же мощные устремления всего остального мира. При такой раскладке эмиграционных потоков в глобальном масштабе эмиграция из России занимает сейчас и может занять в будущем далеко не ведущее место.

Необходимо учитывать, что, помимо прочего, при оформлении выезда покидающие страну граждане наталкиваются на трудности чисто технического характера: билеты крайне дороги, визовые, таможенные службы не справляются с растущими потоками эмигрантов. Но, кроме технической стороны, нужна и социальная инфраструктура – система каналов, обеспечивающая движение людей в непривычную социальную среду, сложившаяся сеть эмиграционных связей в период адаптации. Такая система складывается постепенно, по мере накопления иммигрантов в странах проживания. У потенциальных эмигрантов немало иллюзий в этой области.

Западные страны, испытавшие иммиграционный всплеск, приняли жесткие меры, регулирующие въезд иммигрантов, в том числе советских, в конце 80-х гг., позже – российских, установили ограниченные квоты на въезд иностранцев для работы и поселения. Российский Закон о выезде и въезде стал суровым испытанием для западных стран. Особое опасение вызывает русская мафия, проникшая в страны в 80-е и 90-е гг.

Некоторые западные газеты уже в конце 80-х гг. начали печатать статьи под рубрикой «Русские идут...», в которых анализируются проблемы, возникающие перед западным миром в связи с хлынувшим за кордон потоком советских и российских эмигрантов. В стоковой газете «Афтонбладет» в 1990 г. была опубликована статья «Русские идут», в которой сказано следующее: «Предупреждающий крик "Русские идут!" приобретает вдруг новое содержание. Никто больше не думает, что Красная Армия захватит нашу страну, но другая армия может в скором времени двинуться в нашу страну – сотни тысяч, а то и миллионы русских, прибалтов, украинцев и других народов, бегущих от голода, безработицы и гражданской войны. Они двинутся на Запад, в том числе и в Швецию»³¹⁴.

Шведские власти приняли меры для ограничения массового въезда в страну. Согласно им, для прибытия в Швецию хотя бы на временную работу надо выполнить ряд условий – знать местный или английский язык, иметь договоренность о месте работы, о будущем жилье и прочее. США – этот иммиграционный мировой центр – тоже были обеспокоены. В начале 1991 г. иммиграционная служба страны заявила, что статусом «беженец» могут воспользоваться не более 50 тыс. человек в год. Кроме того, в Конгрессе США составлен список тех, кто имеет приоритет на въезд в страну. Квоты ввели также Германия, Франция, Англия и ряд других государств европейского континента.

Назовем основные факторы и причины четвертой волны эмиграции без учета контингентов выезжающих. Это социально-экономический и политический кризисы в стране, потеря уверенности в завтрашнем дне и надежды на перемены к лучшему в России, национальные конфликты, личные – браки с иностранцами, воссоединение с родственниками за рубежом.

Контингенты эмигрантов и формы их выезда из России. Россия 90-х гг. превратилась в крупнейшего экспортера научных и рабочих кадров. Это выражается как в количественном росте эмиграции, так и в профессиональном профиле контингентов эмигрантов. Четвертая волна имеет ряд своих особенностей: изменение факторов, причин, мотивов и стимулов выезда из страны по сравнению с третьей волной; значительное преобладание причин и мотивов экономического характера; выезд, в большей степени, ученых, высококлассных специалистов, квалифицированных инженерно-технических работников и рабочих; увеличение доли молодежи до 30 лет с высшим и средним техническим образованием; расширение национального состава эмиграции.

³¹⁴ Кузнецов Ю. Русские идут // Правда. 1990. 29 ноября.

Эмиграция порождается и формируется под воздействием различных факторов, причин, мотивов, стимулов, которые находятся во взаимодействии и взаимообусловленности, вызывая и активизируя те или иные процессы. При этом одна причина является ведущей в эмигрантском процессе, другие выступают активизирующими во взаимосвязи. Ведущая причина, имеющая обязательные следствия, формирует один или несколько эмигрантских контингентов. Четвертая волна включает в себя несколько контингентов эмигрантов, которые покинули или покидают страну по разным причинам, мотивам, стимулам и сходным установкам. Поэтому уточним взаимосвязь этих четырех понятий, т.к. четвертая волна необычна для России. Она сугубо добровольная и построена, в основном, на одном принципе – материальное положение граждан России.

Причина и ее следствия обуславливают появление мотивов как реакции личности на данное явление, обстоятельство. В эмигрантском процессе мотивом выступает, как правило, неудовлетворенная потребность человека в той или иной жизненной ситуации. Чаще поведение человека в предэмиграционный период определяется не одним, а несколькими мотивами.

Стимулом в данной ситуации выступают перспективы удовлетворения материальных и иных потребностей, интересов человека за рубежом, возможность трудиться в полную силу, до конца проявить свои способности в научном, творческом, профессиональном труде. Установка как относительно устойчивое предрасположение к определенным мотивам, как проявление ценностных ориентаций личности выражается в цели и окончательном решении – выезд из страны, трудоустройство, приобретение жилья, создание для себя благоприятных условий жизни за рубежом.

«Утечка умов» из России. Россия – интеллектуально богатая страна. По числу научных работников «на душу населения» СССР давно обогнал развитые страны. Правда, научно-технический уровень в производственной сфере не выше американского и японского. В России масса талантливых людей, но часть этого гигантского потенциала одержима стремлением выехать за рубеж и рассеивается по разным странам. Научные идеи стоят денег, за идеи надо платить, а страна так богата идеями, что они уже ничего не стоят. Российские таланты эксплуатируются на Западе.

Для России имеет особое значение возникающая проблема так называемой «утечки умов», выезда за рубеж элитных научных ресурсов, которая занимает первое место среди других миграционных проблем и вызывает тревогу. Одной из особенностей интеллектуальной эмиграции является невиданный ранее ее масштаб, что позволяет говорить о качественно новом этапе этой эмиграции, новом не только для России, но и для всего мирового сообщества ученых. Так, по данным на 1992 г., только из институтов Академии наук СССР уехали на длительный срок или постоянное местожительство около 250 человек. По данным журнала деловых кругов США «Бизнесуик», в 1990 г. среди 90 тыс. прибывших в США из СССР было 800 человек, обладателей различных ученых степеней, и около 10 тыс. высококвалифицированных работников³¹⁵. По заключению ряда российских исследователей, в 1996 г. за рубежом работали более 4 тыс. ученых.

Сейчас можно назвать три потока интеллектуальной миграции. Первый из них – регулируемый, когда русские молодые ученые, аспиранты едут на стажировку, по обмену опытом, студенты – для обучения в иностранных вузах. Некоторые молодые ученые находят там работу и, заключив контракт, остаются на время или навсегда. Второй – полурегулируемый. Российского ученого приглашают поработать в университете, лаборатории, фирме и т.д. на определенный срок. В этом случае ему по месту работы

³¹⁵ Андрюшенко Е. Охота к перемене мест // Литературная Россия. 1992. 14 февраля.

оформляют длительную командировку. Третий поток – нерегулируемый, когда ученый уезжает по собственному желанию на постоянное место жительства в другое государство.

Представители научной интеллигенции, выезжающие за границу на временную работу по краткосрочным или долгосрочным контрактам, а также покидающие родину навсегда, составляют довольно многочисленный контингент эмигрантов. Их выезд обусловлен рядом факторов, причин.

Фактор «кризисное состояние экономики» как причина эмиграции влечет за собой отрицательные последствия для развития отечественной науки, которые порождаются связанными с кризисом отрицательными результатами. Это, прежде всего, резкое снижение государственного финансирования науки. Значительно уменьшилось материальное обеспечение научных исследований, недостает средств для приобретения нового технического оборудования. Большая часть научных учреждений имеет слабую опытно-экспериментальную базу. Потребность в научных приборах удовлетворяется едва на четверть. Практически отсутствует законодательное обеспечение научно-технического прогресса.

Труд ученого становится в России все менее престижным. Главное – неоправданно низкая оплата труда работников науки и высшей школы. Реальный уровень заработной платы ученых в СССР никогда не был высок в сравнении с Западом. В России он понизился до того предела, который правительство определяет как прожиточный минимум. Все эти факты создают социальную незащищенность ученых, высококлассных специалистов в стране. Из-за нехватки средств резко ухудшились связи ученых с зарубежными коллегами по информационным каналам, информация об их достижениях в науке и технике, черпаемая из «валютных» журналов, становится недоступной. В страну попадает меньше трети мировой научно-технической информации. Нарушены научные связи, налаженные за годы сотрудничества между научными коллективами, оказавшимися сейчас в различных государствах СНГ.

Вторая причина эмиграции ученых – это политическая нестабильность в стране, воспринимаемая как национальное размежевание, напряженность, межнациональные распри, скрытое стремление отдельных национальных автономных республик к суверенитету и отделению от России, способное перейти в гражданскую войну.

Третья причина – психологическая. Российские ученые, специалисты остро переживают невостребованность своих знаний, опыта, научных разработок. Многие ученые, высококлассные специалисты уезжают за рубеж не столько из-за денег, сколько из-за невозможности самореализоваться, полностью раскрыть свой творческий потенциал, увидеть плоды своих трудов, перспективной научной идеи. Следует учитывать и такой фактор, как психологическая несовместимость в научном коллективе, когда активному, талантливому, перспективному ученому пассивные в науке коллеги создают нетерпимую психологическую обстановку, стараются выжить из коллектива.

Все эти причины вызывают реакцию ученых на них – отрицательные мотивы. Среди них наиболее действенные и значимые – неудовлетворенность организацией и условиями научной деятельности, неудовлетворенность оплатой труда ученого, условиями жизни и материально-бытовым положением; боязнь гражданской войны в стране и кровавых межнациональных конфликтов, антисемитских эксцессов; болезненное восприятие падения престижа ученого в России; надежда на служебный и профессиональный рост на Западе, на интересную работу с полной отдачей сил и способностей.

Кризис в экономике нанес мощный удар по науке, но пока не подорвал ее корни. Из-за резкого снижения финансирования она стала отставать от мировых достижений, даже больше – откатываться назад. Это обстоятельство тревожит мировую науку, т.к. исследования ученых в таких центрах, как Москва и Новосибирск, Пулково и Казань, Петербург и Владивосток, всегда тщательно изучались в лабораториях всех передовых

стран. Академии наук России недостает денежных средств, чтобы начать новые фундаментальные исследования.

Западные ученые пытаются как-то помочь российским коллегам. Например, французские ученые создали в 1993 г. ассоциацию «Про математика», в которую вошли ведущие математические организации страны. Ассоциацию возглавляет профессор Жан-Мишель Кантор. Французские коллеги считают, что нельзя допустить, чтобы великолепные традиции русских математиков были утрачены. Если это произойдет, погибнет богатейшая математическая школа бывшего СССР, огромный ущерб будет нанесен и мировой науке. Специальная комиссия утвердила стипендии «Про математики» в размере 40 долл. в месяц молодым ученым-математикам (в возрасте от 20 до 30 лет), которые заметно проявили себя в науке и способны упрочить славу российской математической школы.

Иммигрантские службы США, Германии, Израиля, Японии, Аргентины, Бразилии, Мексики и других стран проводят активную политику по привлечению российских ученых. Они разрабатывают и финансируют крупные проекты по использованию российских специалистов. На Западе создаются условия благоприятствования для переезда ученых из России. Предпочтение отдается специалистам в таких областях: космонавтика, ядерная физика, физика твердого тела, биофизика, молекулярная биология, математика, химия, создание оружия и новых направлений в науке – ученым, чьи имена известны за границей.

Спрос предъявляется преимущественно на молодых ученых, в совершенстве знающих язык пригласившей страны. Они могут беспрепятственно пересекать границу ведущих европейских государств и особенно США, в которых гарантируется работа по специальности и высокий заработок. Вполне естественно, что ученые едут в те страны, где их знания оцениваются справедливо, где они могут рассчитывать на широкие педагогические возможности и издание своих трудов, где выдающиеся ученые смогут создавать школы и научные направления и где созданы технические условия для рискованных экспериментов.

Существует непререкаемая истина, подтвержденная практикой: если из какой-то страны началась «утечка умов», то, как правило, эти умы либо плохо использовались в отечественной науке, либо создан их реальный избыток, либо, гораздо чаще, их недооценка на родине. В любом случае страна, которая перетягивает к себе чужие умы, заслуживает гораздо меньше порицания, чем та, которая не умеет их достаточным образом использовать. Ничто так не учит ценить своих ученых, как угроза лишиться их.

По масштабам и драматическим последствиям «утечка умов» должна рассматриваться в ряду критически важных для жизни общества. Ведь происходит не что иное, как прогрессирующее интеллектуальное обескровление России, разрушение одного из важнейших ресурсов нации.

Наращение процесса утечки умов – угроза невосполнимого разрушения научно-технического потенциала страны. Достаточно 10–15 тыс. ведущих специалистов уйти из отечественной науки, чтобы главные направления научно-технического потенциала России были подорваны. Государство не сможет обеспечить науку равноценной заменой в ближайшие 5–6 лет, потому что ученые «созревают» годами, десятилетиями. Когда ведущий ученый уезжает за рубеж, а на его место не находят достойного преемника, в данной отрасли науки образуется пустота. Россия может перейти в разряд государств, отставших от мирового уровня в развитии науки и техники, и превратиться в активного покупателя лицензий.

Эмиграция ученых равноценна разбазариванию всего самого талантливого, деятельного и перспективного, что есть в России, и без чего невозможно ее развитие. Крупнейшие русские ученые заявляют в периодической печати, на собраниях Акаде-

мии наук о своей величайшей тревоге за будущее России, ее науки. Но решение проблемы «утечки умов» невозможно вне общих решений по поддержке науки и высокотехнологических производств, наконец, без заботы о тех людях, которые умеют работать в исследовательских лабораториях, без создания им благоприятных социально-бытовых условий.

В то же время следует учитывать и другие факторы, несколько смягчающие остроту проблемы «утечки умов». В мире издавна существуют миграционные потоки как закономерное, естественное, характерное для человеческой цивилизации явление. Миграция является международной нормой. Люди вольны жить как в родной стране, так и переезжать в другие страны. Безусловно, «утечка умов» – угроза для будущего России. Но, как гласит русская пословица, «нет худа без добра». Истинная угроза для науки страны – это выезд крупных ученых за рубеж навсегда. Но выезд ученых, высококлассных специалистов за границу по контрактам с последующим возвращением на родину имеет два последствия. С одной стороны, временная потеря ученого в какой-то области науки с возможной или невозможной заменой (последнее – это угроза для науки). С другой стороны, ученые, уезжая за рубеж, попадают в иную научную среду, с иным микроклиматом, с иной организацией научного труда, его технологией.

Наконец, русские ученые, работая за границей в более современных, совершенных условиях труда, непосредственно приобщаются к мировым достижениям в какой-то области, обогащают свои знания и опыт, формируют новые идеи, которые затем смогут реализовать на родине. К тому же, поработав за рубежом и накопив денег, некоторые ученые, вернувшись в Россию, могут создать собственную лабораторию или еще что-то. Немаловажен и такой фактор. При существующем мировом рынке труда возможно официальное оформление длительных загранкомандировок по контрактам. В данных условиях государство будет иметь валютные поступления по этой линии. Но все же эти положительные факторы не снимают с повестки дня «утечку умов» как угрозу для научного потенциала России.

Преобладающая часть контингента ученых, выезжающих за рубеж, – это те, кто едет работать по краткосрочным и долгосрочным контрактам. Для них на Западе создаются нормальные условия в научных центрах, университетах. В некоторых американских исследовательских центрах среди ведущих специалистов выходцев из России гораздо больше, чем из других стран. После истечения срока контракта многие прилагают максимум усилий, чтобы продолжить контракт, или заключают его с другой компанией.

Выезд ученых на Запад в конце 90-х гг. увеличился в связи с принятием Закона о выезде и въезде. Вполне естественно, что остановить «утечку умов» из России невозможно. Однако сокращение ее размеров и сохранение интеллектуального слоя – дело вполне реальное. Все зависит от высших органов власти. Необходим закон об отечественной науке и научно-техническом развитии в стране.

Контингент творческой интеллигенции. Она составляет отдельный контингент эмигрантов. Он немногочисленный, но его выезд наносит ощутимый урон духовной жизни российского общества. Экономический кризис и рыночная экономика, проникающие и в область культуры – самую уязвимую и незащищенную область национального бытия – безжалостно сдавливают ее своими рыночными симптомами. Эта категория россиян в большей мере испытывает на себе тяжкое воздействие безработицы и социальной незащищенности.

На Запад едут художники, скульпторы, музыканты, певцы, солисты балета. Миграция связана, в основном, с краткосрочными и долгосрочными контрактами на гастроль. На продолжительное время по контрактам едет наиболее талантливая и популярная часть творческой интеллигенции. Гастроли за рубежом дают средства к существованию

и продолжению творческой деятельности. Долгосрочные контракты иногда трансформируются в эмиграцию насовсем или оказываются ее скрытой формой, и хотя эмигранты по долгосрочным контрактам сохраняют российское гражданство, они проживают самые активные творческие годы за границей, реализуя там свой талант, и исключаются из культурной жизни России.

Контингент инженерно-технических специалистов и рабочих. Самой болезненной сферой экономики России в 1990-х гг. стала промышленность во всех ее отраслях. Это касается и военно-промышленного комплекса, который КПСС и правительство особенно пестовали, вовремя и полностью финансировали. Кризисное состояние экономики нанесло самый ощутимый удар, в первую очередь, по промышленности, в которой занято большее число населения страны. Резкое сокращение производства во многих отраслях из-за нехватки финансов на предприятиях вызвало сокращение рабочих мест, а отсюда – увольнение рабочих и ИТР, что породило массовую безработицу в 90-х гг. К уволенным с предприятий работникам прибавляются выпускники технических вузов, техникумов, профтехучилищ, которые не могут трудоустроиться. Рост безработицы приводит к тому, что большинство пока еще работающих со страхом и неуверенностью смотрят в завтрашний день.

Среди безработных, по данным Федеральной службы занятости, каждый третий – квалифицированный специалист. Треть безработных – молодежь в возрасте 16–29 лет, наиболее мобильная, трудоспособная часть населения³¹⁶. Одновременно они и активный миграционный потенциал. Именно молодые квалифицированные инженерно-технические специалисты и рабочие предпочтительны в странах-импортерах рабочей силы. Совершенно очевидно, что в перспективе тенденция к росту безработицы, а следовательно, и к снижению уровня жизни будет активно формировать контингент эмигрантов из числа инженерно-технических работников и высококвалифицированных рабочих.

В середине 90-х гг. эмиграционные устремления среди этой категории работников усилились. Многие инженеры, техники, рабочие пытались любой ценой выехать хоть на год-два, а при возможности и на больший срок, на Запад, чтобы заработать деньги. И уезжали действительно специалисты с вузовскими дипломами. Таких среди трудовых мигрантов 47 %, со средним специальным образованием – 44 %³¹⁷. При этом у работающих побудительным поводом к такому действию, решающим моментом выступает мотив «неудовлетворенности организацией труда на предприятии и низкой заработной платой», которая всегда задерживалась, для другой категории причиной стала безработица. Дальнейший рост безработицы, падение уровня жизни, социальная и правовая незащищенность будут подпитывать этот поток эмиграции.

Как правило, такой контингент при выезде за границу предпочитает временную работу, т.е. кратковременные контракты. Среди инженерных специальностей больший спрос имеют программисты, электронщики, конструкторы, технологи, металлурги. Из рабочих специальностей котируются на международном рынке труда монтажники радиоэлектронной аппаратуры, станочники, газосварщики, слесари. Однако, идеализируя возможность легко трудоустроиться за рубежом и уровень жизни, российские эмигранты, столкнувшись с реальностью, нередко возвращаются на родину разочарованными.

Одной из трудностей пробиться за кордон для россиян стала иммиграционная квота на рабочие кадры. Спецзаконы против возможного нашествия «русарбайтеров» приняты в Германии, Австрии, Швейцарии, в Нидерландах, во Франции, в США. Все они

³¹⁶ Вестник статистики. 1992. № 1. С. 34.

³¹⁷ Красинский Е. Эмиграция снижается. Но география выезда будет расширяться // Иностранец. 1995. 17 мая. С. 6.

стремятся обезопасить свои рынки труда от «безденежных», но очень напористых и предприимчивых иммигрантов из России. В ФРГ, например, для получения работы необходимо «выбить» у принимающей стороны минимум три документа: разрешение на въезд (визу), которое дает МИД; разрешение на работу, выдаваемое Федеральным Министерством по труду и социальным вопросам; вид на жительство, которое можно получить только в Министерстве внутренних дел. А русские эмигранты все-таки прорываются.

Регулирование трудовой эмиграции. Для России 90-х гг. трудовая эмиграция стала закономерной реальностью. Возникла необходимость решать эту проблему на государственном уровне, чтобы соответствующие правительственные органы регулировали миграцию граждан. Социальные и экономические выгоды такой миграционной политики налицо. Одновременно решается несколько острых вопросов: частичное самоустранение конфликта по линии «власть-народ», возникающего в результате кризисного состояния экономики; уменьшение безработицы в стране; снижение государственных расходов на пособия по безработице; снижение криминогенной напряженности в стране; улучшение материального положения семей эмигрантов. Специалисты сектора международной трудовой миграции ВНИИ экономических связей Министерства экономики РФ полагают, что «в перспективе Россия могла бы держать за рубежом 1,5 млн работников и получать ежегодно доход в 10–20 млрд долл.»³¹⁸.

Еще до принятия Закона о выезде и въезде, в 1992 г., на законных основаниях по договорам подряда между отечественными и зарубежными предприятиями по найму на гостевую работу могли выехать тысячи россиян в Германию и Финляндию. Были разработаны и обсуждены соглашения об условиях трудовой миграции еще более чем с тремя десятками стран Европы, Америки, Азии, Австралии.

С принятием Закона о выезде и въезде активизировали свою работу регулировщики на дорогах миграции в форме официальных органов, легальных посреднических фирм, готовящих российских граждан к отъезду на работу в другие страны. Так, Ассоциация по международному трудовому обмену посвятила свою деятельность цели – формированию государственной политики России в области внешней трудовой миграции. Ассоциация напрямую связана с Министерством труда Российской Федерации.

Существует целая индустрия посреднических фирм, которые имеют своих партнеров в городах Европы, Америке и других частях света. Фирмы имеют лицензии Министерства России на помощь в трудоустройстве за границей. Деятельность таких фирм, созданных в крупных городах России, далеко не безупречна. К ним нередко поступают заявки от зарубежных компаний на молодых рабочих (мужчин), готовых поработать в рудниках, из которых извлекаются явно не слишком полезные для здоровья ископаемые, на других объектах с тяжелыми и вредными условиями труда. И, к сожалению, часть заявок удовлетворяется. Хорошо, что россияне наконец-то научились разбираться в сложившейся на мировом рынке труда ситуации.

В качестве примера посреднических фирм может служить акционерное общество «Землячество», которое осуществляет деловое сотрудничество с соотечественниками за рубежом (земляками). Общество организует выезд российских граждан на сезонную работу, а также по краткосрочным контрактам на 1–2 года. Каждый пожелавший выехать получает в АО информацию по критериям, по которым оцениваются русские иммигранты в выбранной ими стране с точки зрения профессиональной подготовки, знания языка, по трудовому законодательству страны. АО «Землячество» помогает эмигрантам в оформлении выездных документов.

³¹⁸ Дуэль И. Регулирование на дорогах в никуда // Русская мысль. 1993. 2–8 апреля.

Акционерное общество оказывает содействие квалифицированным специалистам, владеющим иностранным языком, во временном трудоустройстве за границей, а также тем, кто хочет пройти длительную трудовую стажировку за рубежом. В случае необходимости АО организует повышение квалификации либо переквалификацию кандидатов, совершенствование знания иностранного языка, изучение компьютера и т.д. «Землячество» заключает договоры с рядом учебных заведений, где выезжающие могут получить такую подготовку. В перечне услуг АО есть такие, как обеспечение страхования тем, кто будет работать за рубежом.

Нелегальная и малая миграция. Для стран Европы в конце XX столетия актуальной и тревожной стала проблема «приливной волны» нелегальной миграции. Запад обнаружил, что не может справиться с этим видом миграции, в том числе российских нелегалов, достигшей небывалых размеров. В ход идут разнообразные приемы, вплоть до насильственной высылки нелегальных иммигрантов. К таким мерам пришли Германия, Франция, Австрия, Швейцария, Финляндия.

В середине февраля 1993 г. в Будапеште состоялась Международная конференция по нелегальной миграции с участием руководителей правоохранительных органов, в том числе России, Украины, Беларуси. На конференции принято решение ужесточить пограничный и паспортный контроль, усилить сотрудничество соответствующих служб по процедуре выдачи мигрантов-нелегалов. Для координации деятельности спецслужб создана рабочая группа со штаб-квартирой в Будапеште.

Малая эмиграция – это выезд из страны граждан на непродолжительные, сезонные работы. В конце 80-х в стране стал активно развиваться новый вид экспорта из России – дешевая рабочая сила, проституция, преступность. Закон о выезде и въезде открыл ворота и тем, кто устремился за рубеж за «легким» заработком. В общественной жизни России появилось новое понятие – «нелегальная трудовая миграция». Местные и зарубежные дельцы «черного рынка труда» постарались этим воспользоваться. К услугам «сезонников» созданы нелегальные, а по методам работы – мошеннические, посреднические группы (бюро, миниконторы и т.п.). В их состав входят и чиновники-взяточники из миграционных служб. С их помощью за границу на ловлю счастья и валюты ринулась молодежь.

Такие посреднические группы, деятельность которых в печати названа «черным бизнесом», за немалую плату оформляют пожелавшим поработать за рубежом кем угодно фальшивые туристические визы, гостевые приглашения из-за границы и прочие фальшивые документы. При этом, разумеется, никак не предупреждают уезжающих, что «непрошенных гостей», самовольно оставшихся в стране без официальных въездных документов, преследуют по закону. Деятельность таких «агентств» направлена, в сущности, на вербовку рабочей силы, в реальности более похожую на торговлю людьми.

Сфера применения сил нелегалов за рубежом – «черная» работа. Стремясь уклониться от уплаты налогов, они соглашались на любую работу. Мужчины устраиваются грузчиками, дворниками, мусорщиками, носильщиками на вокзалах и в аэропортах, парильщиками в банях, рабочими магазинов, на ремонт квартир. Женщины чаще работают сиделками по уходу за престарелыми, домработницами, уборщицами. Русские музыканты устраиваются на временную работу в ресторанах, кабаре. Они нередко играют на русских народных инструментах, исполняют преимущественно народные мелодии. Русских «сезонников» ненавидят выходцы из стран третьего мира, работающие в Западной Европе, т.к. они создают конкуренцию и сбивают цены на рабочую силу. Нередко такие конфликты заканчиваются потасовками.

Нелегалы без знания языка, без документов и необходимых средств к существованию находятся в отчаянном положении и не могут вернуться в свою страну, постепен-

но превращаясь в бомжей. Сколько унижений, обмана, драм, а иногда и трагедий приносит такая нелегальная трудовая эмиграция.

Самым ходовым «товаром» стали молодые женщины из России. Сомнительные органы по вербовке ринулись на торговлю «живым» товаром. Дельцы «грязного бизнеса» через телевидение, радио, периодическую печать пропагандируют западные конкурсы красоты, на которых русские женщины завоевывают призовые места, зазывают фотомоделей и манекенщиц переехать за рубеж, где их ждет успех и обеспеченная жизнь. На страницах журналов улыбающиеся, счастливые лица соотечественниц за рубежом. Некоторые девушки, молодые женщины, мечтающие испытать счастье в западном мире, попадают на этот соблазнительный «крючок». Таких женщин вывозит на Запад брачное агентство «Фоколаре – 2000» сеньора Певерати. В Москве у него есть помощник, который отбирает девушек через объявления в газете.

Дельцы по торговле «живым» товаром забирают у женщин паспорта. Им объявляют, что на их переезд затрачена большая сумма денег, которые они должны срочно отработать. Указывается место и методы зарабатывания денег. В случае отказа иммигранток избивают. Оказавшись на чужбине без документов и денег, женщины вынуждены соглашаться. В итоге – стриптиз с последующим переходом в товар разового пользования или панель для добывания прожиточного минимума и расплаты с сутенером.

Едут на Запад и профессиональные «жрицы любви». Массовый приток проституток с Востока разжигает острую конкуренцию с местными профессионалками. Пришлые проститутки назначают цены за услуги намного ниже установленных тарифов и потому пользуются большим спросом у мужского населения. Проститутки из коренного населения Гамбурга, Парижа, Амстердама, Вены объединяются в единый фронт против восточной интервенции. В ход пускается старое, но верное оружие: угрозы, издевательства, освистывание с расистским подтекстом, рукоприкладство и даже линчевание. Есть жертвы.

В числе нелегалов укрывается и русская мафия. Показательны в этой связи Германия, Австрия, Франция, Польша, Чехословакия. В Германии еще в начале 90-х гг. в газетах стали появляться сообщения о русской мафии – о «русских мафиози с Кавказа» (чеченцах). Надо отметить, что за рубежом иммигрантов из СССР, России называют русскими, потому что большинство западных стран учитывает фактор гражданства, а не национальности. Эта мафиозная группировка, как утверждают газеты, замешана в торговле оружием, контрабанде антиквариата, вымогательстве и прочих уголовных преступлениях.

В их преступной деятельности обнаружилось нечто новое – подделка документов, необходимых для получения разрешения на проживание в Германии. Фальсифицируется бумага еще на родине, подлинно все: бланки, формуляры, печати. Стоимость заполненного документа – около 20 тыс. марок. В германской уголовной полиции создан специальный комиссариат, в задачи которого входит борьба исключительно с «русской» организованной преступностью.

Русские и чеченцы (враждующие группировки) составляют настоящую мафию в Чехословакии. Мафиози из России привнесли в преступную практику рэкет. Они навещают частных предпринимателей и требуют плату за «охрану». В случае отказа угрожают уничтожить магазин или фирму. Газеты отмечают, что преступники активно торгуют оружием и наркотиками. Именно наркотики позволили русским мафиози взять под свою опеку некоторые пражские отели и увеселительные заведения.

* * *

На Запад накатилась четвертая волна отечественной эмиграции, перестроечная и постперестроечная. Ажиотаж вокруг нее в европейских странах взвинчивается слухами

и прогнозами о массовом вторжении в Европу русских. По расчетам Центра социально-стратегических исследований (Москва), количество выезжающих из России граждан составит за 90-е гг. около 2,5 млн человек. Точным прогнозам процесс миграции не поддается. Вполне вероятно, что тенденция к росту эмиграции или ее стабилизации на каком-то уровне сохранится и в ближайшие 8–10 лет.

В России 90-х гг. создается много удручающего: разбазаривается народное достояние, истощаются природные ресурсы, продается за бесценок государственная собственность (так называемая приватизация), утекают неизвестно куда миллиардные кредиты, за которые еще придется платить. А главное – бегство из науки и инженерной сферы приобретает размер национального бедствия. На его предотвращение нет денег. Для наиболее трудовой части населения не создаются условия для применения рабочей силы.

Негативная роль миграции обостряется и тем, что родители увозят с собой детей. Это отрицательно влияет на генофонд нации и демографическое состояние страны. В миграционный процесс включаются стажеры и студенты. Эта форма миграции – кратковременные поездки в различные учебные заведения за рубежом с целью языкового и специального образования. Уезжают за рубеж люди пенсионного возраста к своим детям на постоянное жительство за границей. Причина выезда – социальная незащищенность, низкий уровень пенсии, сопутствующий фактор – кризисное состояние экологии.

Особого внимания заслуживает контингент эмигрантов, призванных образовать средний класс – класс собственников, без которого не могут существовать правовое общество и рыночная экономика, финансисты, банкиры, инвесторы. Основной причиной выезда, наряду с кризисным состоянием экономики, является рост преступности в стране, а активизирующими факторами – политическая нестабильность, правовой беспредел, криминализация общества. Высокие налоги и пошлины, экономическая нестабильность, непредсказуемость финансовой политики делают невыгодным инвестицию капитала в экономику России, стимулируют эмигрантские настроения этого контингента россиян, побуждают их вкладывать капитал (валюту) в зарубежные банки и недвижимость.

Следует еще раз обратить внимание на отрицательные последствия эмиграции ученых и высококлассных специалистов из России. Не исключено, что правительство вскоре будет изыскивать валюту, чтобы закупать научные открытия, передовые технологии, сделанные нашими бывшими соотечественниками. Это обойдется дороже, чем регулярное финансирование своей науки и инженерной деятельности.

Не уменьшается поток за рубеж специалистов и в других областях. Уезжают опытные врачи, многие с учеными степенями и званиями, писатели, юристы, представители гуманитарных наук: историки, литературоведы, лингвисты, искусствоведы и др. Для преподавателей-иммигрантов, намеревающихся читать лекции в университетах, и всех тех, кому предстоит общаться в профессиональной деятельности с населением страны, неизбежной становится проблема языка.

Противовесом нерегулируемой миграции, в том числе «утечки умов», может стать выход России на мировой рынок труда, который имеет выгодные перспективы. Страна обладает пока огромным научным потенциалом, высококвалифицированной и в то же время дешевой рабочей силой. Вопрос лишь в разумном распоряжении этим капиталом, способным принести гораздо большую прибыль, нежели другие виды экспортной деятельности. По ряду оценок, экспорт российской рабочей силы в настоящее время может быть в 5 раз выгоднее экспорта различных товаров, конкурентная способность многих из которых на мировом рынке остается довольно низкой, за исключением российского оружия.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Известно знаменательное изречение: «Народ достоин уважения, если чтит свою историю». История отечественной эмиграции – это органическая, неотделимая часть истории нашей Родины. Тема отечественной эмиграции с недавних пор заняла заметное место в российской историографии. Только после ухода с политической арены КПСС эта тема стала открытой и доступной для глубокого изучения ее в политическом, социальном, культурологическом и этническом аспектах. К ней обратились многие историки, социологи, литературоведы, философы, культурологи, публицисты.

Дальнейшее изучение истории отечественной эмиграции и ее культурного наследия дает исходный материал для углубленного анализа и синтеза истории России. Необходимым условием при этом является исследование тех проблем Российского зарубежья (трех волн эмиграции), которые вызывают полемику в научных кругах. Искусственно отторгнутый пласт отечественной истории должен изучаться и трактоваться на объективных и разумных позициях. Подлинный историзм состоит в соединении в едином сплаве объективного знания, глубокого понимания прошлого и современного взгляда на него.

Началом изменения позиций советской историографии в отношении к отечественной эмиграции была горбачевская перестройка (конец 80-х гг.). Началом «реабилитации» эмигрантов трех волн стало «Обращение Председателя Верховного Совета РСФСР Б.Н. Ельцина к соотечественникам за рубежом» в 1990 г. Он в своем обращении заверяет: «Сегодня войне государства против своих граждан, которая десятилетиями шла в России, положен конец. Уже разворачивается деятельность по скорейшему преодолению ее последствий. Начала разрушаться глухая стена, которая долгое время отделяла российское зарубежье от родной земли. И она будет разрушена навсегда!»³¹⁹.

Председатель Верховного Совета признает, что до сих пор в душах многих уехавших за рубеж его сограждан живет горечь совершенной по отношению к ним несправедливости, не затихает боль. Он считает необходимым восстановить разрушенные связи России со своими соотечественниками за рубежом, наполнить их реальной жизнью.

Точку в этой болезненной для России ситуации поставил Закон «О государственной политике Российской Федерации в отношении соотечественников за рубежом», принятый Государственной Думой 5 марта 1999 г. В Законе записано, что отношения с соотечественниками за рубежом являются важным направлением внешней и внутренней политики Российской Федерации. Соотечественники, проживающие за рубежом, вправе полагаться на поддержку Российской Федерации в осуществлении своих гражданских, политических, социально-экономических и культурных прав, сохранении самобытности. «Настоящий Федеративный закон устанавливает принципы и цели государственной политики Российской Федерации в отношении соотечественников за рубежом, основу деятельности органов государственной власти Российской Федерации по реализации указанной политики»³²⁰.

Закон вводит новый статус «соотечественник за рубежом», под который попадает большое количество русских, которые по тем или иным причинам проживают за пределами России. Появление этого статуса является попыткой дать юридическое определение группе русскоязычных граждан и не граждан РФ, проживающих за рубежом.

Россия и изгнание – эти понятия прочно соединил уходящий век. Три волны и набирающая силу четвертая волна унесли за рубеж миллионы соотечественников, и словосочетание «российская диаспора» хотя и не введено в обиход, уже не кажется парадоксальным. Политические, военные и социальные катаклизмы, сопровождавшиеся

³¹⁹ Родина. 1990. № 10.

³²⁰ Российская газета. 1999. 1 июня.

бегством граждан из родных мест, утомили Россию. И это обязательно уйдет в прошлое, страна избавится от подобных крутых, разрушительных переворотов в политической и социальной жизни.

Эмигранты первой волны с трудом адаптировались на чужбине. Для них эмиграция была трагедией. Оторванные от Родины и своего народа, самоизолированные от коренного населения, эмигранты не переставали чувствовать себя частью России. Они по-разному воспринимали и объясняли причины постигшей страну трагедии, но все отвергали большевизм, тоталитаризм, террор в стране по отношению к своему народу.

Большинство эмигрантов, беззаветно любящих Россию, верили, что засилье зла в стране временно и преходяще, что наступит пора, когда большевизм рухнет, победит «правое дело». Эту уверенность соотечественников ярко выразил И.А. Ильин, русский философ, в одной из своих статей: «Пусть твердят нам, что черный вихрь истории будет еще долго бушевать над Россией. Мы отвечаем уверенно и спокойно: он будет бушевать до тех пор, пока не проснутся в душе нашего народа благодатные силы его духа»³²¹. С этой верой эмигранты первой волны ушли в могилу, так и не дождавшись краха коммунизма, тоталитаризма и репрессий.

Многие эмигранты первой волны, разочаровавшись в своих вчерашних политических и военных кумирах, все чаще связывали свои надежды с пробуждением внутренних сил в Советской России. На этой почве в эмигрантской среде возник устойчивый миф о «бонапартизме», постепенном перерождении советской элиты и, соответственно, о возможности преодоления большевизма как «изнутри», так и революционным путем. В качестве вероятных субъектов «бонапартизма» чаще всего назывались руководители Красной Армии и советских спецслужб, лидеры крестьянства, различные внутрипартийные группировки в ВКП (б).

Первая волна была одержима антикоммунизмом. Но после победы СССР в Великой Отечественной войне антисоветизм несколько ослабел: гордость за Россию, по существу решившую исход Второй мировой войны, сглаживала ненависть к большевикам. Постепенно создавалось мнение: если советские люди борются за Советский Союз, не выступают против советской власти, значит, она их устраивает. Эту неустойчивость первой волны в антибольшевистской идеологии отметил Лев Любимов: «Историческая несостоятельность русской белой эмиграции проявилась уже в том, что она оказалась способной питать своей идеологией только одно поколение»³²².

Эмигранты второй волны тоже ненавидели большевизм, Сталина и все, что было связано с его тиранией. Они на себе испытали сталинщину и царивший в стране массовый террор. Так же страдали на чужбине от тоски, но не по родине в широком смысле, в которой натерпелись сполна, а больше по родным и близким, по своему селу, городу, где родились и прожили часть своей жизни, по родной природе. Они долгие годы боялись возможной репатриации.

Третья волна состояла из двух потоков, поэтому говорить о ней как о целостной невозможно. Первый поток, национально-этнический, растворился на исторической родине, часть рассеялась по другим странам, создав свою общину (еврейскую) только в США. Второй поток эмигрантов, преимущественно диссидентов, высланных по политическим причинам или добровольно-принудительно покинувших страну, по своей идеологической ориентации неоднороден. Их отношение к бывшему Отечеству нестабильное. Изменения в стране после распада СССР подавляющее большинство из них встретили положительно.

³²¹ Ильин И. Победит правое дело // Литературная газета. 1991. 12 апреля.

³²² Любимов Л. На чужбине. Ташкент, 1989. С. 376.

Поколение первой и второй волн, родившееся за рубежом, помнит, что родина их родителей и дедов – Россия. Но родной язык знают те, в семьях которых общались на русском языке. Внуки, в сущности, денационализировались, хотя считают себя русскими по отцу и не забывают своей исторической родины. Тому масса примеров и доказательств. Русскую эмигрантскую периодику и книги читают многие потомки. «Русский дух» в них остался, они сохранили верность своим национальным корням, духовную связь с прошлым своих предков. Этому способствует Русская православная церковь в той степени, в какой повседневная жизнь потомков связана с храмом. Тожественность, единство понятий «русский» и «православный» заметны в их будничном поведении. Церковь стремится объединить всех русских за рубежом и сохранить «русскость».

Эмигранты первой волны создавали различные общественные организации в тех странах, где образовывалась русская диаспора. Так, в США существуют общественные организации, созданные и их потомками. В 1973 г. был создан Конгресс русских американцев. Он в период «холодной войны» боролся за то, чтобы понятие «русский» не путали с понятием «советский», пытались разрушить в сознании американцев образ русского врага. Конгресс объединяет в США несколько тысяч человек, имеет офисы в 32 городах и существует на пожертвования.

Действует Толстовский фонд помощи русским эмигрантам. Он организован в начале 40-х гг. дочерью Льва Толстого Александрой и существует на пожертвования. Фонд имеет ферму под Нью-Йорком – усадьбу для престарелых русских дворян, создавших свое Русское дворянское общество. Оно объединяет потомков эмигрантов первой волны и выполняет благотворительную миссию в дворянской среде.

Конгресс русских американцев, Толстовский фонд, Русское дворянское общество и Зарубежная русская православная церковь совместными усилиями организуют воскресные школы для русских детей и даже летние лагеря русских скаутов – общество русских юных разведчиков (ОРЮР), основанное и благословленное когда-то в России Николаем II. Основная цель воскресных школ и лагерей – сохранить в среде потомков родной язык как главный признак нации. Эмигранты третьей и четвертой волн не разделяют восторженно-романтической любви к Отечеству, которая культивируется в этих школах и лагерях. Они считают, что их дети должны вырасти нормальными американцами.

На политической арене США, где сосредоточено наибольшее число потомков первой и второй эмиграции и советских, российских иммигрантов, интересы русской общины защищать некому. Они не создали политически активной части как реальной силы российской общественности, способной отстаивать свои потребности и интересы в высших государственных органах власти и в штатах. Эта проблема характерна и для других русских общин в различных странах. Причина единственная – разбросанность иммигрантов по стране.

Следует отметить и такой факт. Наблюдается некоторая настороженность и даже подозрительность в отношениях между потомками первой и второй волн и иммигрантами третьей и четвертой волн. Сказывается неприятие советизированного облика эмигрантов из бывшего СССР.

В январе 1990 г. Председатель Верховного Совета России Б.Н. Ельцин подписал документ о создании при Верховном Совете специального Комитета по делам Российского зарубежья. Этот документ способствовал возникновению различных общественных организаций по связям с зарубежными соотечественниками по культурно-просветительским, научно-информационным и деловым каналам. Заметными мероприятиями в этом направлении стали конгрессы с участием зарубежных соотечественников.

Первый совместный конгресс состоялся в Москве 19 августа 1991 г., в день «путча ГКЧП», что несколько омрачило атмосферу съезда. Участники представляли разные круги трех волн эмиграции и делегатов НТС. По социальному составу приехавшие из-

за рубежа соотечественники – это деятели культуры, ученые, деловые люди, у которых, как выразился председатель оргкомитета конгресса М.Н. Толстой, «мало иллюзий, но много опыта»³²³. Основная идея конгресса – возрождение Отечества, национальное духовное и экономическое возрождение русского народа. Съезд признал необходимым проведение «круглых столов» по актуальным темам. Основные проблемы, вынесенные на обсуждение: духовная связь эмигрантов и их потомков со своей родиной; практические меры по реализации программы сотрудничества Российского зарубежья с Россией; сохранение русской эмигрантской культуры и русского этноса за рубежом.

В сентябре 1992 г. в Петербурге открылся Второй конгресс соотечественников. Его девиз: «Россия была, есть и будет». Главной целью конгресса была разработка мер и путей помощи соотечественникам за рубежом в установлении деловых контактов по бизнесу, взаимовыгодному деловому сотрудничеству. Обсуждалась проблема определения правового статуса зарубежного соотечественника.

Б. Ельцин в своем Обращении обещает: «Верховный Совет будет решителен в устранении всяческих препятствий в общении предпринимательской, просветительской, общественной и прочих видах деятельности. Один из шагов в этом направлении – создание при российском парламенте Фонда социального развития России «Возрождение». При фонде организованы финансово-торговая компания, экономическая ассоциация, международный банк, призванные обеспечить широкую программу культурного и экономического подъема России»³²⁴. Правительство России делает ставку на деловые связи с зарубежными соотечественниками-предпринимателями, на привлечение эмигрантского капитала в российскую экономику путем создания совместных предприятий, использования знаний и опыта зарубежных россиян в отечественной рыночной экономике.

Среди соотечественников, проживающих в разных странах, есть состоятельные люди, которые хотели бы установить деловые контакты с Россией, помочь экономике страны. Они обладают капиталом, связями в деловом мире и политических сферах и, главное, имеют знания и опыт в западной рыночной экономике. В 1991 г. по инициативе Первого конгресса в Москве была создана общественная организация – лига «Российское Отечество». Она была зарегистрирована в Министерстве юстиции России. В 1992 г. филиалы лиги действовали во многих крупных городах страны. «Российское Отечество» ставит своей целью организацию встреч зарубежных соотечественников с представителями отраслевых управлений, предприятий, коммерческих организаций, деловых кругов российских городов для разработки проектов реальных мер совместной деятельности по возрождению России.

По линии правительства России и общественных организаций по связям с Российским зарубежьем проводится активная работа по объединению двух ранее разрозненных культур, в создании единой отечественной культуры. Возвращается на родину богатейшее наследие русской культуры в области философии, социологии, истории, других наук, литературы, драматургии, музыки, живописи, балета. Для реализации культурных связей с Российским зарубежьем в стране в начале 90-х гг. были созданы общественные организации.

В январе 1990 г. в Москве по инициативе журнала «Новое время» была создана Международная ассоциация деятелей культуры «Новое время», названная по имени журнала. Ее цель – создать общий дом национальной культуры, слить воедино два ее потока – отечественный и зарубежный. В 1990 г. при Комитете по делам российского зарубежья был создан Конгресс соотечественников. Это постоянно действующий всемирный центр российской культуры, который должен содействовать разрешению

³²³ Бысько А. Встреча с Россией в тревожные дни // Россия молодая. 1991. № 11. С. 6.

³²⁴ Там же.

сложностей, существующих во взаимоотношениях с зарубежьем. В 1990 г. организованы общество «Родина» и историко-культурный центр «Российское зарубежье». Цель «Родины» – сотрудничество с русским зарубежьем, защита гражданских прав соотечественников за рубежом, налаживание связей с патриотически-настроенными эмигрантами.

В мае 1992 г. был создан Международный институт Российского зарубежья. В его функции входят составление культурных программ, расширение связей с дальним и ближним зарубежьем, с российскими писателями, художниками, музыкантами за границей, сотрудничество со средствами массовой информации.

Все проблемы по связям России с соотечественниками за рубежом решает на юридической основе Закон «О государственной политике Российской Федерации в отношении соотечественников за рубежом». В статье 1, п. 2 четко определено понятие «соотечественник за рубежом», его статус в юридическом аспекте. Закон, помимо других направлений, предусматривает усиление культурно-просветительских, деловых связей с соотечественниками за рубежом, различные меры по обустройству единого информационного и образовательного пространства с территориями государств Балтии и СНГ.

Данное учебное пособие – лишь малая часть «поднятой целины», которая называется «История отечественной эмиграции и ее культурное наследие». Незведанного в этой области еще немало, и специалисты глубоко исследуют эту тему. Это благодарный труд во имя памяти по умершим на чужбине соотечественникам и во имя жизни нынешней России.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Агаев С. Д. О концепции государственной политики РФ в отношении российской диаспоры / С. Д. Агаев, Ю. С. Оганисян // Полис. – 1998. – № 1.
2. Аксенов Л. Как относиться к эмиграции / Л. Аксенов, А. Бинев // Аргументы и факты. – 1989. – № 40.
3. Алексеева Л. История инакомыслия в СССР / Л. Алексеева. – Вильнюс – М. : Вести, 1992.
4. Андреев Н. В зоне мерзлоты / Н. Андреев // Новое время. – 1989. – № 33.
5. Андриасова Т. Галина вернулась / Т. Андриасова // Московские новости. – 1992. – 22 марта.
6. Андриющенко Е. Охота к перемене мест / Е. Андриющенко // Литературная Россия. – 1992. – 14 февраля.
7. Анисимов Л. Как относиться к эмиграции? / Л. Анисимов // Аргументы и факты. – 1996. – № 4.
8. Аннинский Л. Георгий Владимов в лучах контрпропаганды / Л. Аннинский // Журналист. – 1990. – № 12.
9. Архангельский А. Строгость и ясность / А. Архангельский // Новый мир. – 1989. – № 7.
10. Афанасьев А. Юность Максимова: опальный писатель вернулся на родину / А. Афанасьев // Комсомольская правда. – 1990. – 30 декабря.
11. Баткин Л. Диссидент / Л. Баткин // Знание – сила. – 1989. – № 11.
12. Баткин Л. Пушкин и мы / Л. Баткин, А. Синявский // Октябрь. – 1991. – № 1.
13. Белецкая В. Вызывающий / В. Белецкая // Огонек. – 1989. – № 8.
14. Белецкая В. Узник совести / В. Белецкая // Огонек. – 1989. – № 35.
15. Богораз Л. Мы только начинаем этот путь / Л. Богораз // Московские новости. – 1991, 8 декабря.
16. Бродский И. О Сереже Довлатове / И. Бродский // Звезда. – 1992. – № 2.
17. Бродский И. Я всегда ощущал себя свободным / И. Бродский // Студенческий меридиан. – 1989. – № 10.

18. Буковский В. Нам не нужен новый ГУЛАГ / В. Буковский // Литературная газета. – 1990. – 28 августа.
19. Вайль И. Искусство автопортрета / И. Вайль, А. Генис // Литературная газета. – 1991. – 4 сентября.
20. Вестник статистики. – 1992. – № 1.
21. Виноградов И. Птицы ловчие и птицы певчие / И. Виноградов // Московские новости. – 1989. – 31 декабря.
22. Войнович В. Русская литература всегда едина / В. Войнович // Российская газета. – 1991. – 16 февраля.
23. Государство Израиль. Экономика и политика. – М. : Наука, 1982.
24. Дашевский В. Иудаизм в СССР / В. Дашевский, К. Чернин, Я. Яглош // На пути к свободе совести. – М. : Прогресс, 1989.
25. Демографические перспективы России. – М., 1993.
26. Демографический ежегодник России 1996. – М., 1996.
27. Дубнов А. Русская карта / А. Дубнов // Новое время. – 1992. – № 26.
28. Дуэль И. Регулирование на дорогах вникуда / И. Дуэль // Русская мысль. – 1993. – 2–8 апреля.
29. Жолковский А. Бунт маленького человека / А. Жолковский // Огонек. – 1991. – № 41.
30. Жолковский А. Лимонов на литературных Олимпах / А. Жолковский // Литературное обозрение. – 1991. – № 7.
31. Зозля Б. Честные и трудолюбивые нужны на чужбине, а не Родине / Б. Зозля // Комсомольская правда. – 1991. – 27 сентября.
32. Ильин И. А. Наши задачи / И. А. Ильин. – М., 1994.
33. Информационный аналитический бюллетень ФМС РФ. – 1997. – № 1.
34. Ионцев В. А. Международная миграция населения: Россия и современный мир / В. А. Ионцев // Социс. – 1998. – № 6.
35. Ионцев В. А. Мировые миграции / В. А. Ионцев. – М., 1992.
36. Ионцев В. А. Проблемы «утечки мозгов» в России / В. А. Ионцев // Вестник МГУ. – 1996. – № 5.
37. Итоговый документ Всесоюзного круглого стола «Проблемы советского еврейства» // Век. – 1989. – № 2.
38. Карпович Я. Стыдно молчать / Я. Карпович // Огонек. – 1989. – № 29.
39. Кассис В. Свет волшебного фонаря / В. Кассис // Московская правда. – 1991.
40. Кедров К. Возвращение Анатолия Гладилина / К. Кедров // Известия. – 1991. – 26 октября.
41. Кистяковский Б. В защиту права / Б. Кистяковский // Вестник Московского университета. – 1990. – № 3.
42. Кожина М. Мое дело – «строить мосты» / М. Кожина // Эхо планеты. – 1990. – № 39.
43. Кожин В. Сионизм Михаила Агурского и международный сионизм / В. Кожин // Наш современник. – 1990. – № 6.
44. Константиновский И. Киббуц / И. Константиновский // Огонек. – 1990. – № 17.
45. Конституционные идеи Андрея Сахарова // Октябрь. – 1990. – № 5.
46. Красин В. Суд / В. Красин // Огонек. – 1990. – № 23.
47. Круглянская И. Воскресные загадки для Владимира Войновича / И. Круглянская // Известия. – 1991. – 23 декабря.
48. Лакшин В. Утраты достоинства / В. Лакшин // Литературная газета. – 1991. – 1 мая.
49. Мартышкин О. В. Несколько тезисов о перспективах правового государства в России / О. В. Мартышкин // Государство и право. – 1996. – № 15.
50. Мастеров В. Метафизический поэт / В. Мастеров // Московские новости. – 1993. – 7 июля.

51. Мильштейн И. Выйти на площадь / И. Мильштейн // Огонек. – 1990. – № 5.
52. Мильштейн И. Человек имеет право / И. Мильштейн // Огонек. – 1990. – № 28.
53. Морозова Г. Ф. Эмиграция – реальная угроза будущему страны / Г. Ф. Морозова // ОНС. – 1996. – № 3.
54. Население и кризисы. – М., 1995. – Вып. 1.
55. Население и кризисы. – М., 1996. – Вып. 2.
56. Население России. 1995 г. – М., 1996.
57. Национализм и ксенофобия в российском обществе. – М. : Панорама, 1998.
58. Немзер А. Из тяжести недоброй / А. Немзер // Литературная газета. – 1991. – 17 апреля.
59. Никитинский Л. Последний диссидент / Л. Никитинский // Огонек. – 1991. – № 34.
60. Новгородцев П. И. Об общественном идеале / П. И. Новгородцев. – М., 1991.
61. Об эмиграции россиян в страны дальнего зарубежья. Госкомстат РФ. – М., 1992.
62. Оболенский А. В. Драма российской политической истории: система против личности / А. В. Оболенский. – М., 1994.
63. Орлова Р. Генерал / Р. Орлова, Л. Копелев // Огонек. – 1990. – № 50.
64. Полунина В. Поэтический автопортрет Бродского / В. Полунина // Звезда. – 1992. – № 5/6.
65. Права человека и политическое реформирование. – М., 1997.
66. Пушкарёва Л. И. Возникновение и формирование российской диаспоры за рубежом / Л. И. Пушкарёва // Отечественная история. – 1996. – № 1.
67. Рахаева Ю. Кагэбэниада Андрея Синявского / Ю. Рахаева // Новое время. – 1992. – № 44.
68. Романенкова В. Мозги у нас не только «утекают», но и усыхают / В. Романенкова // Сегодня. – 1993. – 10 апреля.
69. Ростропович М. Возвращение домой / М. Ростропович // За рубежом. – 1990. – № 6.
70. Руденко А. Эмиграция из СССР / А. Руденко // Голос Родины. – 1996. – № 4.
71. Сарнов Б. Жизнь и необыкновенные приключения писателя В. Войновича / Б. Сарнов // Книжное обозрение. – 1989. – № 4.
72. Сахаров А. Демократия и воля в нашем Отечестве / А. Сахаров // Свободная мысль. – 1991. – № 17.
73. Сахаров А. Размышления о прогрессе, мирном сосуществовании и интеллектуальной свободе / А. Сахаров // Новое время. – 1990. – № 3.
74. Светлов Ф. Вольному воля / Ф. Светлов // Литературная газета. – 1990. – 23 мая.
75. Сеутнов А. Самиздат – новый источник библиографирования / А. Сеутнов // Знание – сила. – 1990. – № 1.
76. Солженицын А. Колеблется твой треножник / А. Солженицын // Новый мир. – 1991. – № 5.
77. Солоухин В. Слово о Солженицыне / В. Солоухин // Наш современник. – 1990. – № 1.
78. Социально-экономическое положение в России. – М., 1997.
79. Статистическое обозрение, октябрь 1994. Госкомстат РФ. – М., 1994.
80. Стокер П. Работа иностранцев: обзор международной миграции рабочей силы / П. Стокер. – М., 1995.
81. Тихонов В. Сегодня «утечка мозгов», завтра – безумная страна? / В. Тихонов // Куранты. – 1995, 5 мая.
82. Ушаков И. Надо ли бояться утечки умов? / И. Ушаков // Миграция. – 1996. – № 1.
83. Ушаков И. Г. Внешняя миграция населения как количественный и качественный фактор демографической динамики / И. Г. Ушаков. – М., 1996.

84. Федоров Г. Заступник / Г. Федоров // Огонек. – 1989. – № 21.
85. Фомин В. Шедевр второй категории / В. Фомин // Литературная газета. – 1992. – 25 марта.
86. Численность и миграция населения РФ в 1993 г. Госкомстат РФ. – М., 1994.
87. Численность и миграция населения РФ в 1995 г. Госкомстат РФ. – М., 1996.
88. Шафаревич И. Р. Русофобия / И. Р. Шафаревич // Наш современник. – 1989. – № 6, 11.
89. Энштейн А. Почему они ненавидят евреев / А. Энштейн // Звезда. – 1991. – № 4.
90. Яковлев А. М. Конституционный строй: социальный и правовой аспект / А. М. Яковлев // Вопросы философии. – 1995. – № 10.
91. Янов А. Русская идея и 2000 год / А. Янов // Нева. – 1990. – № 9, 10, 11, 12.

Олег Константинович Антропов

ИСТОРИЯ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ЭМИГРАЦИИ

Учебное пособие

Редактирование, компьютерная правка
Е.С. Быстровой, Л.Х. Нургалеевой

Заказ № 2475. Тираж 200 экз. (первый завод – 100 экз.)
Уч.-изд. л. 35,2. Усл. печ. л. 49,3.

Издательский дом «Астраханский университет»
414056, г. Астрахань, ул. Татищева, 20а
Тел. (8512) 48-53-47 (отдел маркетинга), 48-53-45 (магазин),
48-53-44, тел./факс (8512) 48-53-46
E-mail: asupress@yandex.ru

Антропов Олег Константинович (14.02.1951 г.)
доцент кафедры истории России исторического
факультета Астраханского государственного
университета, кандидат исторических наук, доцент.
Окончил исторический факультет Астраханского
государственного педагогического института в 1977 г.
и аспирантуру Ленинградского государственного
университета в 1980 г. Автор более 80 научных работ, в
том числе монографии «Российская эмиграция в
поисках политического объединения (1921–1939 гг.)»,
учебного пособия «История Отечественной
эмиграции». Область научных интересов:
политическая история русского зарубежья
1920–1930-х гг.

Издательский дом предлагает следующие книги:

НАУЧНАЯ И УЧЕБНАЯ ЛИТЕРАТУРА

Издательский дом «Астраханский университет»

414056, г. Астрахань, ул. Татищева, 20

Тел. (8512) 48-53-47 (отдел маркетинга), 48-53-45 (магазин),

48-53-44, тел./факс (8512) 48-53-46

E-mail: asupress@yandex.ru